

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых
научных журналов
и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные
научные результаты
диссертации на соискание
ученой степени

2

2020

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный
университет
им. М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
119992, Москва, Ленинские
горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
социологический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.: (495) 939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
<http://soziologi.ru>

*Гарнитура MysIC.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,0.
Тираж 300 экз. Заказ №484.*

Подписано в печать 30.04.2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

В.И. Добреньков

Заместитель главного редактора:

А.И. Кравченко

Заведующая редакцией:

А.А. Ведерникова

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ю.П. Аверин, А.И. Антонов,
С.А. Барков, В.П. Васильев,
Ю.Г. Волков, В.И. Гараджа,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
А.Г. Дугин, Г.В. Дыльнов, Л.Я. Дят-
ченко, С.Г. Ивченков, Н.Р. Исправ-
никова, П.Ф. Кравчук, В.А. Кудряв-
цев, В.Н. Кузнецов, А.И. Куропят-
ник, А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
И.К. Масалков, Ф.И. Минюшев,
А.П. Михайлов, Л.Н. Панкова,
В.Н. Петров, Н.Я. Полякова,
М.В. Романенко, В.В. Серебрянни-
ков, Г.Г. Силласте, Н.Г. Скворцов,
Н.Л. Смакотина, И.Т. Тощенко,
Н.С. Федоркин, М.С. Халиков,
В.А. Шаповалов.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи - до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи необходимо указать полное название статьи, ФИО автора (авторов).

Необходимо указать источники всех приводимых в статье цитат, статистических данных, иной информации. Библиографический список оформляется в соответствии с государственным стандартом (ГОСТ 7.4-95. Издания. Выходные сведения), Все аббревиатуры должны быть пояснены.

Аннотация и ключевые слова к статье на русском и английском языках (до 5 аннотированных предложений и до 10 ключевых слов на каждом языке). Название статьи и ФИО автора также на английском языке.

Авторская справка (если авторов несколько, то авторская справка составляется для каждого из них), в которой указывается: ФИО - полностью; полное название основного места работы; ученая степень и ученое звание; адреса электронной почты.

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Григорьев К.Н. Классификация видов бедности	4
Добренчиков В.И. Глобальный конфликт между Западом и Востоком как следствие либеральной глобализации.....	11
Кравченко А.И. Статика и динамика социального действия: варианты и альтернативы	23
Медведев П.С. Панели как стратегия формирования выборки в социологических и маркетинговых исследованиях.....	57
Погосян В. Г. Концепт «модернизация» как глобальная идеология: огрех социальной теории ..	63
Сингаевская М.И. Технологии управления общественным мнением	71
Цыганенко Н.Д., Фомичев И.Ю. Значимость профсоюзов в формировании устойчивого положения гражданского общества в социальном пространстве	81

К 75-летию ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Васецкий Н.А. Апология Великой Победы. 1941-1945: День Победы. Сталин и Путин	87
---	----

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Баикина Ю.О. Жилищная проблематика в дискурсе современного социологического знания.....	100
Дроздова Ю.А., Метелицкая Ю.А. Территориальная идентичность как фактор развития сельских общностей.....	106
Журавлева И.А., Иванов Р.В., Тетерин В.В. Жизненные ориентиры и стратегии провинциальной молодежи	117
Козырев Г.И. Патриотизм и антипатриотизм как причины конфликта идентичностей в современном российском обществе	128
Макаренко Е.И., Карелина Е.А. Ресурсный подход к современной технической интеллигенции	143
Мецлер А.В. Социальная депривация как основной социальный дискурс вторичной социализации лиц с ментальными нарушениями в условиях стационарного учреждения.....	153
Орлова О.Ю. Политическая социализация молодежи в условиях российских политических трансформаций (на примере петербургского студенчества)	160
Савицкая Ю.П. Особенности системы ценностных ориентации современной сельской молодежи... ..	166
Стоянов А.С., Фалькова В.Н. Факторы негативного отношения к службе в армии (на примере призывников г.о. Химки).....	173
Шкурко Ю.С. Унифицирующий потенциал эволюционного анализа в социологических исследованиях социального неравенства	181

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Белевич А.А. Особенности ротации кадров государственной гражданской службы	190
Васильева Л.В. Предпринимательство в общественном мнении россиян.....	198
Васенина И.В., Сушко В.А. Влияние промышленной инфраструктуры на экологию региона и качество жизни местного населения	205
Галынис К.И. Тенденции и перспективы развития межмуниципального сотрудничества в Забайкальском крае и его социальная значимость	215
Гладиллина И.П., Сергеева С.А., Холкина Н.А., Золотухина Ю.В., Мельникова А.В. Удаленные методы работы: качество решения профессиональных задач специалистов в сфере закупок	222

Гомця О.А. Криминальная субкультура несовершеннолетних: сущность, признаки	227
Гулая Т.М., Романова С.А. Иерархия компетентностей современного педагога	234
Заварзина Ю.В. Социальное моделирование экономических процессов в целях развития социальной привлекательности территории	241
Загородний В.Д. Роль символического капитала в формировании социокультурных ценностей современной молодежи России (на примере Иркутской области)	253
Истомина К.В. Социологическая диагностика внутрисистемных процессов в высших военных учебных заведениях	265
Ли Чжунюань. Перспективы обмена опытом России и Китая в области государственного управления процессом старения населения	271
Ло Шуай. Формирующие особенности рынка труда и занятости факторы в эпоху цифровизации (на примере китайского рынка труда)	275
Малых С.В. Репутация университета как основа развития.....	281
Мартыненко Е.В., Мурзагалиева Т. Культурный и политический аспект телевизионной пропаганды в СМИ России и Казахстана	288
Мартыненко С.Е. Имиджевая функция спорта на примере формирования имиджа	293
Полюшкевич О.А. Повседневность публичного пространства Иркутска: социальная активность горожан	299
Пружинин А. Н. Особенности стратегического развития человеческого капитала.....	306
Орлова О.М., Орлов А.В. Ценности и базовые социальные установки как факторы профессиональной активности студентов, обучающихся психологии	314
Федоренко О.Ю. Место сетевой культуры в общекультурном пространстве современности	322
Цун Линь. Национальная идентичность этнических меньшинств Китая: опыт Тибета и Синцзяна	328
Чжан Цзе. Проблемы и перспективы урбанизации в современном информационном мире	334
Проблемы машинной этики в современном мире. Быч Е.И., Мелихов К.С.	338

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ. ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Ионов И.С. Философия избрания: доктрина предопределения и «американская исключительность»	342
Коломейцев И.В. Экосистемные модели глобального мира в докладах Римского клуба	351
Музыка О.А. Интерпретационные возможности системного подхода в осмыслении инклюзии в современном обществе	362
Ни Ваяан Радита Нови Пуспитасари. Теория солидарности: история развития концепции	367
Попов В.В. Психологическое время в контексте интерпретации «включающего» общества: феноменологический аспект	376
Сизинцев П.В. Умозрительная психология как наука о самопознании личных черт человека в трудах проф. СПбДА В.Н. Карлова	381

ЮБИЛЕЙНАЯ РУБРИКА

Поздравление А.И. Кравченко.....	387
----------------------------------	-----

Классификация видов бедности

Григорьев Константин Николаевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры, «Производственный менеджмент» Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», 006955@pnu.edu.ru

В статье рассматривается многомерность структуры бедности через ее классификацию. Наиболее часто встречающиеся виды бедности сгруппированы по существенным классифицирующим признакам, используемым для характеристики и проведения исследований данного социального феномена. Так же в статье показано, что не существует какой-либо универсальной системы классификации бедности, каждая из рассмотренных классификаций позволяет рассмотреть проблему бедности исключительно в ракурсе критериев выбранной классификации.

Ключевые слова: бедность, виды бедности, критерии бедности, уровень благосостояния, причины бедности, факторы бедности.

Бедность является важным социальным феноменом общества, оказывающим существенное влияние на экономическую и социальную стабильность общества. Череда нескончаемых финансово-экономических кризисов с каждым годом все сильнее и сильнее усугубляет проблему бедности, неся социальную нестабильность как отдельным странам, так и мировому сообществу в целом. Учитывая чрезвычайную сложность проблемы, растет число исследований посвященных данному явлению. Однако единого подхода как понимания причин, критериев измерения и путей борьбы с бедностью не существует. Одни подходы дополняют друг друга, другие - противоречат.

В связи с этим представляет интерес описание многомерности структуры бедности через ее классификацию. Систематизация видов бедности необходима для выбора в объекте именно того признака, который окажется ключевым для понимания ее природы, тем самым подтверждая утверждение, что «задача науки заключается в том, чтобы сначала собрать факты, а затем классифицировать их...» [2].

В настоящей статье автором используется понятие бедность данное Л Рейнуотером и означающее «отсутствие у индивидуума финансовых возможности для полноценного участия в деятельности общества» [14].

Вид бедности по наличию/отсутствию зависимости от восприятия человека можно разделить на субъективную и объективную бедность.

Субъективная, т.е. индивидуум исходя из собственного восприятия жизни, основанного на внутреннем опыте, чувствах, убеждениях и пр., оценивая материальное положение и уровень своей жизни относит лицо к категории бедных.

Объективная, т.е. по фактическому экономическому положению индивиду-

ума, определяемому на основании установленных критериев лицо относится к категории бедных

Согласно теоретико-методологической концепции к измерению бедность делится на абсолютную и относительную.

Абсолютная бедность, представляет собой такое состояние индивидуума, при котором он не может удовлетворять основные биологические (физиологические) потребности: питание, одежда, жилищные условия, предметы первой необходимости.

В данной концепции особенно выделяется два подхода к измерению абсолютной бедности, по уровню доходов и расходов.

Согласно первому подходу, лицами, живущими за чертой бедности, считаются индивидуумы, имеющие доходы ниже официально установленного прожиточного минимума в данном регионе.

В соответствии со вторым подходом в качестве индикатора бедности можно использовать показатели потребительских расходов и их структуры. Исходя из этого подхода бедным может считаться гражданин или домохозяйство, в структуре расходов которого превалирует доля расходов на товары первой необходимости в целом и, в первую очередь, на продовольствие.

Эти показатели используются в России для официального определения фактического уровня жизни лиц и домохозяйств.

Относительная бедность, характеризует уровень благосостояния человека относительно преобладающего уровня материального обеспечения, сложившегося на определенной территории, или стандарта жизни принятого в обществе.

В данных подходах можно выделить две концепции измерения и определения бедности по количественной и качественной оценке.

Количественная оценка определяет численные значений показателей для отнесения человека к категории бедных, посредством таких показателей как

калорийность потребляемой пищи, доход (измеряемый в денежном выражении), занимаемая жилая площадь (в квадратных метрах) и пр.

К количественному показателю так же относится оценка по единому интегральному показателю ряда статистических данных характеризующих бедность, такие как индексы нищеты населения ИНН-1 и ИНН-2.

Качественная оценка основывается на суждении субъекта о ценности потребляемого ресурса, т.е. к бедным относятся те, у кого «не хватает ресурсов для приобретения продуктов питания, участия в социальной деятельности и обеспечении себя жизненными условиями, которые широко признаны в обществе, к которому они принадлежат» [14].

По продолжительности нахождения индивида в положении бедности во времени, подразделяется на хроническую и временную бедности [10].

Хроническая бедность - это продолжительное по времени нахождение индивидуума в состоянии позволяющем отнести его к категории бедных и носящее затяжной или необратимый характер, при которой происходит социально культурная деформация личности с появлением черт присущих субкультуре бедных. По продолжительности во времени отдельные исследователи относят к данному виду бедности периоды от 4 лет и более. Как правило, данный вид бедности локализован в отдельных, весьма значительных, группах общества.

К временной бедности относят такое непродолжительное во времени состояние индивидуума при котором происходит снижение его экономического благосостояния позволяющее отнести его к категории бедных, при условии, что этот процесс носит обратимый характер. По длительности пребывания в бедности к данному виду бедности относят период до 1 года.

Данный вид бедности может наступать вследствие демографических событий (например потеря кормильца, рождение ребенка и пр.), этапами жиз-

ненного цикла (например выход на пенсию по старости), либо неблагоприятных жизненных обстоятельств (потери работы или бизнеса, вынужденная миграция в другую страну и пр.).

В зависимости от наличия или отсутствия в модели взаимодействия индивидуума с окружающим миром копирования поведения присущего лицам относимых к категории бедных и дублирования её в сменяемых поколениях подразделяются на воспроизводимую и не воспроизводимую бедности.

Воспроизводимая бедность, воспроизводится систематически, т.е. когда несколько поколений людей не в состоянии преодолеть факторы и причины, однажды породившие бедность.

Невоспроизводимая бедность, когда потомки людей отнесенных к категории бедных в последующем поколении, в силу социально-экономических или иных условий, преодолевают факторы и причины бедности.

В воспроизводстве бедности существенное влияние оказывает бедная семья играющая для детей роль референтной группы, выступая в качестве основного образца для формирования иждивенческой установки, восприятию бедности как нормы и низкой мотивации для выхода из состояния бедности [6].

По моменту попадания индивидуума в категорию бедных - наследуемая и приобретенная бедность.

Наследуемая бедность, когда дети с момента рождения относятся к категории бедных. Такие дети при одинаковых способностях имеют гораздо меньше шансов самореализоваться, чем их сверстники, родившиеся в семьях с нормальным достатком [3].

К приобретенной бедности относятся индивидуумы, которые в силу жизненных обстоятельств попадают в категорию бедных. Дети лиц отнесенных к данной категории бедных находятся в таком положении в силу объективных причин.

Классификация бедности по степени концентрации лиц относящихся к категории бедных в отдельных социальных

и/или демографических группах, географический выделенных территориях (географическое районирование), подразделяется на сосредоточенную и рассредоточенную бедности.

Сосредоточенная бедность характеризуется высокой степенью преобладания в отдельных социальных и/или демографических группах, географических выделенных территориях (географическое районирование) лиц относящихся к категории бедных по отношению к другим категориям (среднего класса и богатых).

В свою очередь к рассредоточенной бедности относится низкая степень сосредоточения лиц относящихся к категории бедных в отдельных социальных и/или демографических группах, географический выделенных территориях (географическое районирование) лиц относящихся к категории бедных по отношению к другим категориям (среднего класса и богатых).

К низкой и высокой степени сосредоточения можно отнести отклонения от медианного значения по соответствующим группам исследования.

Определение степени концентрации бедных слоев населения позволяет выявить масштабы и глубину территориальной дифференциации бедности, а так же проследить траекторию изменений этой дифференциации в конкретном временном периоде [4].

В зависимости от количества физических лиц, в субъекте хозяйствования, вовлеченных в совместный процесс взаимоотношений по осуществлению экономической и социальной деятельности, бедность подразделяется на бедность домохозяйств и индивидуальную бедности.

Исходя из понимания домохозяйства, как группы лиц ведущих совместное хозяйство и имеющих совместные доходы и расходы, к бедности домохозяйств относится такое социально-экономическое положение данной группы, которое позволяет отнести их к категории бедных.

В таком случае индивидуальную бедность характеризует такое соци-

ально-экономическое положение индивидуума, осуществляющего индивидуальную экономическую деятельность и индивидуальное потребление ресурсов, которое позволяет отнести его к категории бедных.

Среди бедного населения в современной России преобладают домохозяйства [8]. Современные домохозяйства в нашей стране, оказываются в объективно более сложных условиях, чем индивидуумы в силу того, что большая часть домохозяйств имеет в своем составе иждивенцев.

По месту проживания индивидуума, бедность можно разделить на городскую и сельскую бедности.

Соответственно к данным категориям лица проживающего в городских и сельских населённых пунктах [1].

Другим критерием классификации является гендерный признак, по данному признаку бедность подразделяется на мужскую и женскую бедность.

Мужская бедность – это отнесение индивидуума, попадающего в категорию бедных по биологическим или/и социальным признакам, к мужскому полу.

Женская бедность – это отнесение индивидуума, попадающего в категорию бедных по биологическим или/и социальным признакам, к женскому полу.

В силу большей экономической и социальной уязвимости при анализе гендерной структуры бедности наблюдается существенный перекос в пользу женского пола [12]. Как следует из статистики, женщины чаще страдают от необоснованных увольнений, от условной занятости, женщины составляют большую долю работников «непрестижных» и низкооплачиваемых профессий.

Не менее важной классификацией бедности автор считает классификацию по причинам возникновения таковой, которые подразделяются на социальную, экономическую, политическую и культурную [7, 9].

Экономическая бедность, это когда субъект под воздействием экономических изменений переходит в категорию

бедных. К таким причинам можно отнести падение доходов населения, низкий уровень заработной платы, безработица и пр.

Социальная бедность, это когда субъект под воздействием социальных изменений переходит в категорию бедных. Такими причинами может быть рождение ребенка, получение инвалидности, выход на пенсию и пр.

Политическая бедность, это когда индивидуум в силу политических событий переходит в категорию бедных. Например, к политическим причинам возникновения бедности относятся - военные конфликты, этнические и религиозные преследования, распад страны и пр.

Культурная бедность, это когда индивидуум в силу принятия культурных особенностей переходит в категорию бедных.

Примером культурной причины бедности может служить религиозная бедность. Так принятие лицом иноческого обета в православии накладывает ряд ограничений (монах должен жить в нищете, в общежитии, в безбрачии, ограничивается в праве наследования и пр.), соблюдение которых автоматический относит индивидуума к категории бедных.

По наличию или отсутствию у исследуемого индивидуума оплачиваемой деятельности, бедность можно разделить на трудовую, предпринимательскую и нетрудовую.

Трудовая бедность – это отнесение работающего лица к категории бедных, при получении заработной платы за выполненную работу размер которой не позволяет удовлетворить его минимальные потребности или потребности его семьи.

Само социальное явление трудовая бедность обусловлено низким уровнем оплаты труда на предприятиях, а так же частичной занятостью работников. В данную категорию так же попадают лица, не состоящие в официальных трудовых отношениях с работодателями и получающие зарплату ниже законодательно

установленного прожиточного минимума (минимальный размер оплаты труда с 01.01.2020 г. установлен в размере 12 130 руб.) [11], вне зависимости от полной (не полной) занятости.

Предпринимательская бедность – это отнесение работающего лица к категории бедных, при получении дохода от предпринимательской деятельности в размере не позволяющем удовлетворить его минимальные потребности или потребности его семьи.

Примером данного вида бедности может служить бедность сельского неработающего населения, получающего доход от реализации продукции охоты, рыбалки, сбора дикоросов, сдачи в аренду имущества и пр. Как правила такой источник доходов низкодоходный и имеет сезонный характер [5].

Нетрудовую бедность – это отнесение неработающего лица к категории бедных, при получении дохода или отсутствии такового в размере не позволяющем удовлетворить его минимальные потребности или потребности его семьи.

Как следует из вышеприведенных классификаций бедность неоднородна. Анализ наиболее известных классификаций видов бедности, сгруппированных по общим существенным признакам, показал, что каждый вид классификация имеет как свои преимущества, так и недостатки. К примеру, слишком обширные классификации, такие как по причинам возникновения и теоретико-методологической концепции к измерению бедности позволяют всесторонне рассмотреть бедность. Слишком узкие классификации, такие как по гендерному и по числу физических лиц, вовлеченных в совместные социальные и экономические процессы, могут сузить сферу исследования бедности до изучения вопросов полового неравенства и совместных процессов производства и потребления соответственно.

Вместе с тем все рассмотренные в настоящей статье классификации по критериям отнесения можно условно

разделить на три большие группы: измерительную, описательную и причинную. Первая группа классификаций основана на отнесении субъекта к категории бедных на основании измерения количества и качества доступных тому благ, к ней относится субъективная и объективная бедности. Во вторую группу попадают классификации видов бедности, характеризующих данное явление, такие как: трудовая, предпринимательская и нетрудовая бедности; мужская и женская; городская и сельская; бедность домохозяйств и индивидуальная бедность; сосредоточенная и рассредоточенная бедности; наследуемая и приобретенная; воспроизводимая и не воспроизводимая; хроническая и временная бедности. К третьей группе относится классификация по обстоятельствам, обуславливающим попадание индивидуума в категорию бедных и к ним отнесены социальная, экономическая, политическая и культурная бедности.

Исследование приведенных классификаций показывает, что не существует какой-то общей универсальной классификации, объединяющей все существенные признаки одновременно. Каждая из рассмотренных классификаций позволяет рассмотреть бедность под «своим углом зрения», что в свою очередь может дать новый толчок к решению этой насущной социальной проблемы.

Литература

1. Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография [Текст] / под общ. ред. д-р. соц. наук А.М. Сергиенко. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. – 330 с.
2. Коэн, М. Введение в логику и научный метод [Текст] / М. Коэн, Э. Нагель. – Челябинск: Изд-во Социум, 2017. – 519 с.
3. Батуренко, С.А. Исследования андеркласса в современном российском обществе: основные методологические

подходы [Текст] / С.А. Батуренко // Вестник московского университета. серия 18. Социология и политология. – 2011. – № 1. – С. 44–52.

4. Богомолова, Т.Ю. Бедность в современной России: масштабы и территориальная дифференциация [Текст] / Т.Ю. Богомолова, В.С. Тапилина // ЭКО. – 2004. – №11. – С. 41-56.

5. Бочарова, Е.В. Проблемы и направления развития самозанятости [Текст] / Е.В. Бочарова, С.Т. Дакирова // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – 2014. – Т. 14, №1. – С. 37-42.

6. Воронова, К.А. Бедная российская семья как особая социальная группа [Текст] / К.А. Воронова // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2018. – №3. – С. 212-224.

7. Карадже, Т.В. Формирование субкультуры бедности в России: миф или реальность [Текст] / Т.В. Карадже // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2018. – Т. 20, №1. – С. 89-95.

8. Лежнина, Ю.П. Социально-демографические особенности бедности в Российской Федерации: бедность в современной России [Текст] / Ю.П. Лежнина // Социологические исследования. – 2014. – № 1. – С. 20–28.

9. Проказина, Н.В. Бедность в региональном измерении: причины и факторы возникновения [Текст] / Н.В. Проказина, Т.М. Рожнова // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – Т. 4, №4. – С. 28-37.

10. Слободенюк, Е.Д. Особенности и структура социальной группы бедных в современной России [Текст] / Е.Д. Слободенюк // TERRA ECONOMICUS. – 2014. – Т. 12, №4. – С. 114-129.

11. О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»: Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 463-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: https://base.garant.ru/73355387/#block_10.

12. Исупова, О.Г. Гендер и старость: теоретические подходы [Электронный ресурс] / Исупова О.Г. // Демоскоп

Weekly. – 2010. 6 - 19 сентября. - № 433 – 434. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0433/analit05.php>.

13. Rainwater, L. The poor in Comparative Perspective / L. Rainwater // Report from Multidisciplinary research Conference on Poverty and distribution. Oslo, 1992. Nov. 16–17.

14. Townsend P. Poverty in the United Kingdom. A Survey of household resources and standards of living / P. Townsend. – New York : Oxford University Press, 1979. – 429 p.

Classification of poverty

Grigorev K.N.

Pacific State University

The article considers the multidimensionality of the poverty structure through its classification. The most common types of poverty are grouped according to the essential classification criteria used to characterize and conduct research on this social phenomenon. It is also shown in the article that there is no universal system for classifying poverty, each of the classifications considered allows us to consider the problem of poverty exclusively from the perspective of the criteria for the selected classification.

Keywords: poverty, types of poverty, poverty criteria, well-being, causes of poverty, poverty factors.

References

1. Poverty of rural Russia in conditions of modernization of the economy: processes and mechanisms of formation and overcoming: a collective monograph [Text] / under the general. ed. dr. social sciences A.M. Sergienko. - Barnaul: AZBUKA, 2014. -- 330 s.
2. Cohen, M. Introduction to Logic and the Scientific Method [Text] / M. Cohen, E. Nagel. - Chelyabinsk: Publishing House Socium, 2017. -- 519 p.
3. Baturenko, S. A. Underclass studies in modern Russian society: basic methodological approaches [Text] / S.A. Baturenko // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. - 2011. - No. 1. - P. 44–52.
4. Bogomolova, T.Yu. Poverty in modern Russia: the extent and territorial differentiation [Text] / T.Yu. Bogomolova, V.S. Tapilina // IVF. - 2004. - No. 11. - S. 41-56.

5. Bocharova, E.V. Problems and directions of development of self-employment [Text] / E.V. Bocharova, S.T. Dakirova // Proceedings of the Saratov University. New ser. Ser. Sociology. Political science. - 2014. - T. 14, No. 1. - S. 37-42.
6. Voronova, K.A. Poor Russian family as a special social group [Text] / K.A. Voronova // Bulletin of PNIPU. Socio-economic sciences. - 2018. - No. 3. - S. 212-224.
7. Karaje, T.V. Formation of a subculture of poverty in Russia: myth or reality [Text] / T.V. Karaj // Bulletin of the RUDN University. Series: Political Science. - 2018. - T. 20, No. 1. - S. 89-95.
8. Lezhnina, Yu.P. Socio-demographic characteristics of poverty in the Russian Federation: poverty in modern Russia [Text] / Yu.P. Lezhnina // Sociological studies. - 2014. - No. 1. - P. 20-28.
9. Prokazina, N.V. Poverty in the regional dimension: causes and factors of occurrence [Text] / N.V. Prokazina, T.M. Rozhnova // Scientific Result. Sociology and management. - 2018. - T. 4, No. 4. - S. 28-37.
10. Slobodenyuk, E.D. Features and structure of the social group of the poor in modern Russia [Text] / E.D. Slobodenyuk // TERRA ECONOMICUS. - 2014. - T. 12, No. 4. - S. 114-129.
11. On amendments to Article 1 of the Federal Law "On the Minimum Wage": Federal Law of December 27, 2019 No. 463-FZ [Electronic Resource]. - URL: https://base.garant.ru/73355387/#block_10.
12. Isupova, O.G. Gender and old age: theoretical approaches [Electronic resource] / Isupova OG // Demoscope Weekly. - 2010. September 6 - 19. - No. 433 - 434. - Access mode: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0433/analit05.php>.
13. Rainwater, L. The poor in Comparative Perspective / L. Rainwater // Report from Multidisciplinary research Conference on Poverty and distribution. Oslo, 1992. Nov. 16-17.
14. Townsend P. Poverty in the United Kingdom. A Survey of household resources and standards of living / P. Townsend. - New York: Oxford University Press, 1979. - 429 p.

Глобальный конфликт между Западом и Востоком как следствие либеральной глобализации

Добренков Владимир Иванович

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории социологии, социологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Vladimiro040239@mail.ru

Статья посвящена анализу современных противоречий глобального общества в экономической, культурной и политической сферах. За новомодными определениями и категориями западных социологов, таких как информационное и постиндустриальное общество, общество транзита, постмодернизм и постсовременность чаще всего скрываются зловещие политические реалии – глобальное противостояние Запада и Востока, которое началось не сегодня и закончится не завтра. Запад стремится к всемирной гегемонии, навязыванию всем странам мира своих ценностей, стандартов жизни и приоритетов, а Восток вынужден обороняться, сохраняя свою культурную идентичность, экономическую самостоятельность и политическую независимость. Мировое и отнюдь не мирное противостояние двух глобальных сил определяет течение социальной мысли, направление научных исследований, эффективность практических разработок.

Ключевые слова: либеральная глобализация, противостояние Запада и востока, постиндустриальное и информационное общество.

В современной социологии уже нельзя рассматривать любое социальное явление вне контекста глобализаций. Сущность глобализации, на наш взгляд, в самом кратком определении заключается в том, что это объективный, естественный процесс интеграции человечества. Проблемам современного общества посвящена огромная как отечественная, так и зарубежная литература, касающаяся социологических вопросов глобализации, постиндустриального общества, постмодернити и модернизации, в том числе работы Д.Белла, И.Валлерстайна, Э.Гидденса, Дж.Лотара, М.Арчера, П.Драка, М.Фазерстоуна, Дж.Майера, Р.Робертсона, Т.Фридмана, У.Грейдера, Д.Харвея, С.Хантингтона, Б.Гранотье, Ф.Фукуямы, Ж.Атали, М.Фридмана, Н.Смелзера, Э.Тирикьяна и др. Теория глобализации, вошедшая в научный оборот в 1990-е годы, является историческим приемником теории конвергенции, созданной в 1940-50-е годы, возникшей чуть позже теории модернизации (1950-60-е годы), а также теории постиндустриального общества, разработанной в 1970-е годы.

В теоретико-методологическом плане подобная преемственность означает содержательное вхождение концептуальных моделей более ранней социологической теории в более позднюю, но только частичное вхождение. Каждая последующая теория приращает новыми принципами и положениями, которых не было на предшествующих этапах, в то же время у каждой следующей теории расширяется класс эмпирических референтов, которые подлежат объяснению. Так, теория модернизации описывала стратегический путь

развития западноевропейского и американского капитализма, лишь отчасти распространяя рекомендательные модели на западное общество. Теория постиндустриального общества охватывала исторический путь развития человечества, но опять же не всего, а только западного полушария. Авторы теории конвергенции (Дж.Гэлбрейт, У.Росту, А.Сахаров, П.Сорокин, Ж.Фурастье и др.) утверждали, что историческая эволюция современного индустриального, а впоследствии и постиндустриального общества создает условия для сближения и взаимной инфильтрации двух противоположных систем - западного капитализма и восточного коммунизма. Наконец, теория глобализации включает в себя как исторические модели, так и текущие, которые описывают последствия глобализации для всех уголков Земли, включая примитивные племена, сохранившиеся в ойкуменных регионах.

Неясен вопрос о соотношении теории глобализации с еще одной социологической теорией - концепцией постмодернити. Во-первых, не решен вопрос о ее статусе. Возможно, она представляет не единичную теорию или замкнутую парадигму, а некое аморфное направление либо течение на интеллектуальном фронте. Во-вторых, не прояснено время ее появления - считать ли теорию постмодернити одновременным с теорией глобализации феноменом либо предшествующей ей.

Благодаря указанным теориям существенно обогатился язык современной социологии, в научный аппарат которой вошли такие, в частности, понятия, как мультикультурализм, геополитика, мировая система, информацион-

ные технологии, ядро и периферия, интеллектуальный капитал, когнитариат, глобальная деревня, макдонализация, вестернизация, маргинализация, транзитивность, глобалуция (globalution), космократия, инфраполитика, контрагемония, антиглобалисты, детерриториализация, глобальное соседство.

В основе постмодернизма лежит плюралистичная картины мира. Качественная методология, как и постмодернизм, строится на сходном допущении - релятивизме, основанном на признании неограниченной множественности правд¹. Множественность распространяется и на применяемые методики, требуя гибкости и вариативности², и на способы анализа, предполагающих субъективную интерпретацию и несоизмеримую валидность³. Релятивизм как идея ориентирует социолога на работу с малыми жанрами типа локальных нарративов (историй-рассказов), не претендующих на репрезентативность и всеобщность утверждений. Соответственно основная перспектива качественной методологии - бесконечное порождение локальных теорий.

Постмодернистская идея о текстуальной природе опыта оформилась в понятие дискурса. Познание всегда направлено на текст и существует как текст. В результате научное знание ставится на одну доску с профанным, а наука перестает быть носителем абсолютного или правильного знания, превращаясь в один из возможных дискурсов или даже в текстуальную фантазию⁴. «Интегральные парадигмы социологического постмодерна раскрывают взаимосвязь открытых социальных структур и деятельных социальных агентов (акторов), предлагают новые

¹ Чудова И. Постмодернистская социология и качественная методология: идеологические пересечения // Социальная реальность. №6. 2008. с.102-110; Савинская О. Б. Субъективность в качественном исследовании: новые подходы // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 122-131.

² Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманитаристическую социологию. М.: Добро-свет, 1998.

³ Савинская О. Б. Субъективность в качественном исследовании: новые подходы // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 131.

⁴ Фурс Н.Э. Эпистемологические импликации постмодерного состояния - новые стратегические формулы образования // Образование в современной культуре. 2001. № 1; Чудова И. Постмодернистская социология и качественная методология: идеологические пересечения // Социальная реальность. №6. 2008. с.104.

(постнеклассические) методологические подходы, ориентированные на изучение самовоспроизводимых и саморегулируемых систем, на преодоление традиционной оппозиции объективного и субъективного, и знаменуют наступление качественно нового этапа в развитии социологической науки»⁵.

Социологическое теоретизирование в постмодернизме состоит в умножении интерпретаций, а познание для постмодерна превращается в увлекательное изобретательство⁶. В постмодернизме укоренилось стремление преодолевать всяческие рамки, снимать всяческие пределы на пути к пониманию особенного. Социальная реальность оказывается не более чем фикцией – трикстером, обеспечивающим травести, перевод одного в другое в через изменение облика в бесконечном процессе «переодевания»⁷. «Комментарий покоится на постулате, что речь — это акт "перевода", что она имеет опасную привилегию показывать изображения, скрывая их, и что она может бесконечно подменяться ею же самой в открытой серии дискурсивных повторов»⁸.

Современное глобальное общество называют постиндустриальным и информационным. Его сущность определяется рядом взаимосвязанных процессов: 1) информация и знания становятся важным ресурсом и подлинной движущей силой социально-экономического, научного и технологического развития; 2) информация превращается в предмет массового потребления населением; 3) наряду с рынками природных ресурсов, труда и капитала формируется рынок информации и знания как факторов производства; 4) стремительно растет удельный вес отраслей, обеспечивающих создание, обработку, передачу и использование информа-

ции; 5) наличие развитой информационной инфраструктуры становится условием, определяющим национальную и региональную конкурентоспособность; 6) развитие и активное внедрение во все сферы деятельности общества новых информационно-коммуникационных технологий существенно меняют модели образования, труда, общественной жизни и отдыха.

В течение последних 25 лет информационно емкие отрасли сферы услуг (часто выделяемые в так называемые «четвертичный» и «пятеричный» сектора и включающие в себя здравоохранение, образование, исследовательские разработки, финансы, страхование и т.д.) обнаружили самые высокие темпы роста занятости. Сфера услуг является одним из наиболее динамично развивающихся секторов экономики ведущих индустриальных стран, обеспечивающим львиную долю занятости и производства ВВП. На долю наукоемких отраслей обрабатывающей промышленности и сферы услуг ныне приходится в среднем более половины ВВП ведущих индустриальных стран. Интенсивно растет и занятость ученых в области компьютерных наук: в 1995 г. на их долю приходилось 29,8% ученых, занятых в экономике США. Дальнейшее развитие индустрии информации, по оценкам Бюро статистики труда Министерства труда США, будет сопровождаться увеличением их численности на 90%, что выдвигает эту профессию в число наиболее распространенных занятий в экономике США.

В политической организации глобального общества всем заправляют наднациональные единицы различного масштаба: политические и военные блоки (НАТО), имперские сферы влияния (бывший социалистический лагерь),

⁵ Мартынюк И.О., Соболева Н.И. Символическая социальная реальность: методологические подходы и практический опыт изучения // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 3. с. 130.

⁶ Чудова И. Постмодернистская социология и качественная методология: идеологические пересечения // Социальная реальность. №6. 2008. с. 104.

⁷ Абушенко В.Л., Кацук Н.Л. Социология в контексте постмодерна // <http://www.internettrash.com/users/seminar/texts/soziologie.htm>

⁸ Фуко М. Рождение клиники. М. 1998, с.18.

коалиции правящих групп (“Большая семерка”), континентальные объединения (Европейское сообщество), всемирные международные организации (ООН). Очевидны уже контуры всемирного правительства в лице Европейского парламента и ИНТЕРПОЛа. Усиливается роль региональных и мировых экономических соглашений. Наблюдается глобальное разделение труда, растет роль многонациональных и транснациональных корпораций, которые нередко обладают доходом, превышающим доход среднего национального государства. Такие компании как Тойота, Макдональд, Пепси-Кола или Джeneral Моторс утратили национальные корни и действуют по всему миру. Финансовые рынки реагируют на события с молниеносностью.

В постиндустриальном (постмодерном) обществе собственность уже не является главным критерием, а классы – основным элементом социальной стратификации. Социальная структура становится более фрагментированной и сложной, классовая структура заменяется статусной иерархией, которая формируется уже не на основе профессии, а на основе образования, уровня культуры и ценностных ориентаций. Именно культурная идентичность становится основой системы социальной иерархии и группообразования.

Постмодернизм и глобализация, по мнению Ф.Бетто, ввергают общество в два безысходных тупика. «Первый — тупик подражания. Что хорошо для США, хорошо и для Бразилии. Наша культура сводится к простому развлечению тех, кто окружает себя бараклом, выставленным в витринах shopping centers. Второй тупик — это преувеличение этнического фактора, религиозный фанатизм, крикливый шовинизм, нетерпимость, упрямо игнорирующая плюрализм и демократию не только как

равенство прав и возможностей, но и как право быть другим»⁹.

В контексте постмодернизма сам индивид лишается целостности - это фрагментированный, разорванный человек, который перестал восприниматься как тождественный самому себе, своему сознанию; он характеризуется кардинальным и неизбежным несопадением социальных, персональных и биологических функций и ролевых стереотипов. Его ориентация приобретает контекстуальный, а не универсальный характер¹⁰.

Социальными характеристиками постиндустриального общества являются степень информированности индивидов, доступность информации для различных социальных групп, эффективность работы служб массовой информации и их возможности обратной связи, уровень информационного образования населения и охват его информационными технологиями и т.д. В эпоху информационного общества общественное сознание обогащается новыми категориями, среди которых принято выделять: культурный капитал, интеллектуальный капитал, социальный капитал.

На формирование современных представлений о политической картине мира существенное влияние оказала та геополитическая ситуация в мире, которая явилась результатом реставрации капитализма в большинстве стран социалистического лагеря, произошедшая в последнее десятилетие XX века. Она привела нашу планету к утрате на ней политической биполярности, связанной с относительным балансом, имевшим место между социалистическими и капиталистическими странами. В сравнительно короткий срок ее место все больше и больше стала занимать тенденция к однополярности. Эта тенденция и получила название глобализации¹¹.

⁹ Бетто Ф. Неoliberalизм: новая фаза капитализма // «Скепсис», 2008, № 5. (http://sceptis.ru/library/id_2298.html).

¹⁰ Толкачев С.А. Постмодерн как мировоззрение перманентного кризиса // <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/996>

¹¹ Даниленко В.П. Глобалистская картина мира (www.islu.ru).

При более глубоком анализе глобализация предстает как **чрезвычайно противоречивый и сложный процесс**. С одной стороны, глобализация - это процесс закономерный и необходимый интеграции человечества, сопровождающийся ростом качества жизни и уровня благосостояния человечества, ускорением экономического и политического развития стран, активизацией обмена технологическими, научными и культурными достижениями между различными странами и народами. С другой стороны, глобализация **в условиях экономического господства США и их союзников закономерно приняла прозападную, либеральную форму и означает установление господства западных транснациональных корпораций и западных правительств над всем миром**.

Развитые державы Запада во главе с США, опираясь на свою экономическую и политическую мощь монополизировали процесс глобализации, загнали его в «прокрустово ложе» вестернизации и американизации, используют его для извлечения максимальных выгод для себя, как средство порабощения всех незападных народов транснациональными корпорациями и западными правительствами и установления своего господства. США в новом миропорядке отводится роль главного мироустроителя и гегемона. В этом суть так называемой *либеральной* глобализации в ее современной проамериканской, прозападной форме.

Либерально-капиталистическая глобализация стремится унифицировать мир, построить его по одному - американскому (западному) - стандарту. Человечеству навязывается единообразная культура, в которой доминируют западные ценности и вкусы. Глобальный Запад во главе США стремится к переустройству всего мира на либерально-демократических принципах, то есть так, как это выгодно в первую очередь западным странам. Их не беспокоит, нужны ли эти либеральные ценности

другим народам. Все это вызывает законное и вполне понятное возмущение и недовольство огромных масс людей в разных странах мира.

С помощью своих транснациональных корпораций, средств массовой информации (точнее, средств массовой глобальной дезинформации и промывания мозгов в интересах Запада), международных правительственных и неправительственных организаций, наконец, либерально-правозащитной «пятой колонны» США и некоторые их союзники из числа западных держав по сути развили *третью мировую войну* против всего человечества. Ее цель - полностью подчинить весь мир диктату Запада во главе с США.

Америка весь мир объявила зоной своих национальных интересов. Любая страна, которая не подчиняется диктату США, препятствует их интересам, объявляется врагом и изгоем, и каждой из таких стран объявляется война. Это мировая война. Ведется по трем направлениям в «холодной» и «горячей» формах: *первое* - мощная информационно-психологическая пропагандистская обработка общественного сознания населения тех стран, которые выбираются в качестве объекта экспансии; *второе* - создание специальной агентуры влияния, «пятой колонны» в этих странах, оказание этой агентуре всевозможной помощи, главным образом, финансовой, для внедрения, проталкивания и поддержки «своих» людей в экономические, политические и государственные структуры власти, захват этими агентами влияния всех средств массовой информации для манипулирования сознанием людей прямо изнутри этих стран, финансовая поддержка любых общественных организаций, политических объединений и тех партий, деятельность которых способствует расшатыванию государственных устоев, созданию беспорядков и политической нестабильности в стране; *третье* - открытая вооруженная агрессия против стран с целью замены власти и создания в них

марионеточных проамериканских правительств.

В качестве протеста, ответной реакции на диктат тотальной либеральной глобализации возник так называемый антиглобализм, который сам в свою очередь приобрел глобальный характер и в любой его форме носит четко выраженную антиамериканскую направленность.

Протест против негативных последствий либеральной глобализации принимает нередко уродливые формы: терроризм, экстремизм и фундаментализм. В условиях неоспоримого экономического и военно-политического господства Запада слабые и отчаявшиеся в развивающихся странах нашли свой ответ: терроризм. Мы рассматриваем его как варварский ответ на варварскую либеральную глобализацию в ее современных проявлениях. Первопричиной современного терроризма является агрессивная политика Запада. Поэтому пока США и западные страны будут проводить такую политику, терроризм будет существовать всегда.

Поэтому логика развития глобализационных процессов в современном мире ставит на повестку дня вопрос о необходимости объединения и консолидации усилий стран, противостоящих экспансии Запада во главе с США и создания военно-политических союзов и блоков. Это неизбежно рано или поздно, но произойдет.

Глобализация по-американски несет с собой множество таких угроз человечеству, которые поистине смертельны для него. Мировая общественность еще не до конца осознала глубину и масштабность этих угроз, которые ведут человечество к гибели.

Отметим, на наш взгляд, наиболее важные из них. *Во-первых*, либеральная глобализация ведет не просто к подрыву суверенитета независимых национальных государств, а к их полному уничтожению. *Во-вторых*, либеральная

глобализация, создавая унифицированную культуру, а точнее глобальный суррогат культуры, пытается уничтожить также и национальные культуры. *В-третьих*, либеральная глобализация обрекает человечество на полную бездуховность. Она создает человека-зомби, лишённого исторической памяти, оторванного от национальных корней, традиций, не помнящего своих предков, равнодушного к своей Родине, способного только на потребление, то есть ориентированного исключительно на удовлетворение своих физиологических потребностей. Либеральная глобализация стремится превратить человека в животное. *В-четвертых*, либеральная глобализация, лишая страны мира их национально-государственной и культурной идентичности, превращает всю планету в некое однородное, однополюсное пространство, на котором господствуют только одно государство. *В-пятых*, либеральная глобализация имея своей целью всемирный порядок, всемирное правительство, всемирную полицию, всемирные вооруженные силы логично ведет человечество к невиданному до сего времени и страшному по своим последствиям установлению на всей планете глобального тоталитаризма, когда США как центр глобальной манипуляции будут управлять всеми народами.

Для неолиберального порядка кардинальное сокращение населения является жизненной необходимостью и смыслом существования¹. Неслучайно аналитики прогнозируют наступление «общества 20:80», где будет задействована только пятая часть всего человечества, а остальные станут балластом².

Либеральная глобализация означает беспримерный рост имущественного неравенства и неравенства потребления в масштабе всего мира. В развитых странах, вопреки прогнозам Д. Белла, движение идет в направлении к

¹ См.: Джордж С. Доклад Лугано. О сохранении капитализма в XXI веке. – Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005.

² Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализация: атака на процветание и демократию. – М.: Альпина, 2001. С.16 – 22.

все большему неравенству, когда даже относительное преуспевание в жизни ставится, как в прежние времена, в зависимость от предписанного социального статуса, обеспечивающего или закрывающего доступ к нужному образованию. В итоге, как пишет американский социолог М. Паренти, в тех же США «большинство людей умирают в том же социальном классе, в котором и родились»¹.

Можно прийти к неожиданному выводу: Запад, несмотря на все общепризнанные технологические изменения, сейчас находится куда дальше от воплощения постиндустриальных принципов, чем примерно сорок лет назад, в «индустриальную эпоху». Впрочем, если посмотреть на ситуацию за пределами развитого мира, то станет ясно, что эта эпоха никуда и не уходила. Данное обстоятельство наиболее серьезно подрывает концепции постиндустриального общества. Белл писал, что «постиндустриальный цикл», начавшийся в национальных границах, должен повториться «на более широкой арене, в мировом масштабе»². И раз ничего похожего не происходит, то, скорее всего, мы имеем дело с каким-то другим циклом.

«Деиндустриализация» Запада не уменьшила промышленное производство, а лишь способствовала его перемещению в другие страны. Промышленность, если ее рассматривать в мировом масштабе, а не в рамках отдельных стран, так и осталась господствующей отраслью.

В так называемую «информационную эру» резко увеличилось применение самых примитивных методов труда. Корпорации там, где только возможно,

стремятся перевести производство из цехов в мастерские, либо даже использовать надомных работников. Одновременно передислокация крупного производства в отдаленные регионы поспособствовала воскрешению в них картин бесчеловечной эксплуатации эпохи промышленного переворота³. Подобные факты наводят на мысль, что информационные технологии созданы вовсе не во имя высокой цели «изменить все общество по своему образу и подобию», каковую им приписали известные «леваки» М. Хардт и А. Негри⁴.

Как видим, реальность разбивает надежды теоретиков постиндустриального общества. Капитализм сам по себе не эволюционирует в постиндустриализм, как полагал Белл, а служит препятствием для постиндустриальной трансформации. Выделение «постиндустриальных наций» в особую категорию тогда лишено какого-либо смысла. Постиндустриальное общество на ограниченном пространстве, отстаиваемое Иноземцевым, есть всего лишь идеологический обман, сродни сталинскому «социализму в одной отдельно взятой стране».

В таком случае для объяснения ситуации в современном мире надо обращаться к другим теориям, благо что в них недостатка нет. Еще в 1960-70-е гг., по мере угасания надежд на модернизацию «третьего мира», Р. Пребиш, Т. Дус-Сантус, Ф.Э. Кардозу, А.Г. Франк и другие теоретики зависимого развития (преимущественно из Латинской Америки) пришли к выводу о выстраивании капитализмом не только вертикальной, но и горизонтальной иерархии, ранжирующей все страны на «ведущие» и

благодаря механизмам субподряда: на каждом уровне подряда, субподряда и надомной работы производители торгуются, сбивая друг другу цены, и на каждом уровне подрядчик и субподрядчик выуживают свою небольшую прибыль. В конце этой цепочки передачи подрядов и сбивания цен стоит рабочий...» (с.275).

⁴ Хардт М., Негри А. Множество. Война и демократия в эпоху империи. – М.: Культурная революция, 2006. – С.148.

¹ Паренти М. Демократия для избранных. Настоящая книга о политических играх США. – М.: Поколение, 2006. – С.23.

² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. С.658.

³ См.: Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брендов. – М.: Добрая книга, 2003. – С.255 – 349. Здесь же: «Как понять, что богатые и по идее законопослушные транснациональные корпорации опускаются до свойственного прошлому веку уровню эксплуатации... Только

«ведомые» или на «центр» и «периферию». Обширная «периферия» здесь, в первую очередь, нацелена на обслуживание передовых экономик и сама развивается в очерченных «центром» пределах и потому обречена, по большей части, на хроническую «недоразвитость» (“underdevelopment”)¹. Так, относительное преуспевание (на фоне других периферийных регионов) Восточной Азии стало возможным благодаря тому, что ее территория понадобилась корпорациям для размещения индустриального производства, перемещенного из западных стран². А вот Африка заинтересовала корпорации куда меньше. По этой причине африканские страны, как отмечает С. Амин, «рассматриваются как несущественный в мировой системе регион», хотя выполняют предписания международных организаций по включению в международную экономическую систему едва ли не добросовестнее других³. В Латинской Америке недоразвитость существует уже 400 лет, но никакого подъема нет и не предвидится. Недоразвитость - следствие эксплуатации недоразвитых стран развитыми странами.

Шведский экономист Г. Мюрдаль, со своей стороны, увидел в таких межгосударственных связях сходство с внутринациональными классовыми отношениями и даже фигурально назвал «первый» и «третий» мир «высшим» и «низшим» классами наций⁴. Данная мысль в разных вариациях звучала впоследствии в работах самых разных авторов. В частности, американский социолог И. Валлерстайн, основоположник мир-си-

стемного анализа, указывая на отношения между «центром» и «периферией», признал правоту Маркса «в одном из самых скандальных своих прогнозов» об абсолютном, а не только относительном обнищании при капитализме⁵.

Глобализация, доведя эти тенденции до логического завершения, по сути дела означает формирование глобального классового общества, где внутринациональные классовые отношения сочетаются с наднациональными – между регионами⁶. Непричастность «недоразвитых» стран к плодам «информационной революции» тогда становится следствием не ущербной стратегии развития как таковой, а классово ущемленного положения в мировом масштабе, определяющего соответствующий стратегический курс. Очевидно, что правила «Вашингтонского консенсуса», отдающие «третий мир» на растерзание «первому», являются не свободным выбором отсталых стран, но результатом давления со стороны ведущих держав – и в том числе военных акций возмездия. Одновременно двойственная классовая структура позволяет объяснить известное смягчение, но – как показывает практика последних десятилетий – вовсе не исчезновение классовых антагонизмов в странах «золотого миллиарда». Примирение «опасных классов» «первого мира» с собственной буржуазией было достигнуто их превращением в коллективного эксплуататора на наднациональном уровне. Капитализм в своем развитии не устраняет антагонизмы, но делает их более сложными. Полагать, что они сами собой вдруг будут сходиться на нет,

¹ См.: Кардозо Ф.Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. – М.: ИЛА РАН, 2002; Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? – М.: ИЛА РАН, 1992; Cardoso F.H. Dependency and development in Latin America // Introduction to the sociology of “developing societies”. – N.Y. – L.: Monthly review press, 1982; Dos Santos T. The structure of dependence // American economic review. 1970. Vol. 60. № 2; Frank A.G. Capitalism and underdevelopment in Latin America. – N.Y. – L.: Monthly review press, 1967.

² Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. – М.: Логос, 2003. – С.62 – 65.

³ Амин С. Африка: жизнь на грани // http://scepssis.ru/library/id_486.html

⁴ Мюрдаль Г. Мировая экономика. Проблемы и перспективы. – М.: Изд-во ин. лит-ры, 1958. – С.479.

⁵ Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500 – 2010 // Свободная мысль. 1996. №5. С.42.

⁶ См.: Семенов Ю.И. Философия истории. – М.: Современные тетради, 2003. – С.510 – 513, 613 – 617; Он же. Современный мир и основные тенденции его развития // http://scepssis.ru/library/id_594.html

как надеялись и продолжают надеяться теоретики постиндустриального общества, значит не понимать законов капиталистической системы.

Незападные страны сталкиваются преимущественно с негативными последствиями глобализации: эксплуатацией со стороны западных транснациональных корпораций и международных финансовых организаций, отставанием по уровню социально-экономического от развитых стран, усилением сырьевой и аграрной ориентации их экономик, «утечкой умов», необратимым разрушением природной среды, истощением невозобновляемых ресурсов, разрушением традиционных отраслей экономики, а, значит, и традиционного образа жизни, безработицей, маргинализацией и деморализацией значительных масс населения, потерей национальной самобытности под катком либерально-глобалистского обезличивания, насильственным навязыванием другим странам либерально-капиталистических ценностей - воинственного индивидуализма вместо коллективизма, агрессивного корыстолюбия и алчности вместо идеологии общего блага.

Глобализация по сути дела означает формирование глобального классового общества, где внутринациональные классовые отношения сочетаются с наднациональными – между регионами¹. Непричастность «недоразвитых» стран к плодам «информационной революции» тогда становится следствием не ущербной стратегии развития как таковой, а классово ущемленного положения в мировом масштабе, определяющего соответствующий стратегический курс². И. Валлерштайн указывая на от-

ношения между «центром» и «периферией», признал правоту Маркса «в одном из самых скандальных своих прогнозов» об абсолютном, а не только относительном обнищании при капитализме³. Он пишет: «Я хочу защитить одно марксистское утверждение, которое даже ортодоксальные марксисты склонны хоронить с позором, — тезис об абсолютном (а не относительном) обнищании пролетариата»⁴. Да, промышленные рабочие с XIX века стали жить лучше, но «подавляющая часть мировой рабочей силы, которая живет в сельской местности или перемещается между нею и городскими трущобами, живет хуже, чем их предки пятьсот лет назад... Большая часть мирового населения работает интенсивнее — больше часов в день, в год, за жизнь. И поскольку они делают это за меньшее вознаграждение, норма эксплуатации увеличилась весьма резко»⁵. Модные разговоры о движении по постиндустриальному пути в условиях рыночной экономики являются обыкновенной эклектикой.

Корпоративная глобализация заставила исследователей обращаться к работам марксистских классиков и вспоминать тезис Сартра о том, что подлинным концом марксизма будет только конец капитализма⁶. И здесь стоит еще раз упомянуть, что Белл создавал свою концепцию в противовес, если пользоваться его выражением, «утопии Маркса». В действительности, без ее реализации учение Белла останется еще большей утопией. «Экономика знаний» и профессионализм как главная мера человека возможны лишь в обществе, преодолевшем разделение на ум-

¹ См.: Семенов Ю.И. Философия истории. — М.: Современные тетради, 2003. — С.510 — 513, 613 — 617; Он же. Современный мир и основные тенденции его развития // http://scepsis.ru/library/id_594.html

² Ермолаев С.А. Постиндустриализм или капитализм? // Неклассическое общество: векторы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Владимир, 2008. — С.121 — 124.

³ Валлерштайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500 — 2010 // Свободная мысль. 1996. №5. С.42.

⁴ Валлерштайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. с.133.

⁵ Валлерштайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. с.134.

⁶ Приведено по: Кагарлицкий Б.Ю. Политология революции. — М.: Алгоритм, 2007. С.100.

ственный и физический труд и создавшем для всех людей равные возможности для самореализации, то есть коммунистическом обществе. В этом случае, правда, «профессионалами» станут все без исключения, что само по себе делает ненужным выделение их в особую социальную группу.

В эпоху постмодерна возникают новые нравственные понятия, а прежние изменяют свое содержательное наполнение, структуру и статус. Нормативно-ценностная структура нравственности эпохи постмодерна включает такие ценности, как: коммунитаризм, индивидуализм-конформизм, свобода выбора, креативность, локальный «открытый» патриотизм, толерантность, универсализм¹.

З. Бауман утверждает, что западная культура не вознаграждает длительные усилия ради какой-либо отдаленной во времени цели, результат необходим здесь и сейчас. Постмодерная культура, подчеркивает социолог, «способна разделить жизнь на ряд эпизодов, проживаемых с намерением предотвратить любые их долгосрочные последствия и уклониться от жестких обязательств, которые вынудили нас эти последствия принять. Вечность... не имеет значения»². З. Бауман отмечает упадок культуры труда и профессионального отношения к работе в условиях гибкой занятости и мобильности рабочей силы³. Профессиональный работник, преданный своему делу, предъявляющий права на свою работу, становится обузой для глобальной экономики, а значит, безнравственным для постмодерна субъектом⁴.

*Либеральная глобализация привела к возникновению **Великого противостояния** между Западом во главе с США и Востоком. Противостоянию не только экономическому и культурному, но и политическому. Прежде*

всего политическому. Главным противоречием нынешней эпохи, определяющим всю политическую архитектуру и развитие современного мира, является глобальный конфликт между Западом и Востоком.

Этот конфликт в принципе неустрашим и непреодолим теми способами, которые предлагает либеральная глобализация. Его нельзя решить путем поглощения Западом Востока, посредством использования против недовольных последствиями либеральной глобализации силовых методов. Именно стратегия либеральной глобализации является причиной напряженности в современном мире, ибо она, обостряя конфликт между Западом и Востоком, ведет человечество к глобальной войне.

Основная угроза существованию мира исходит от США. Амбициозные, гегемонистские устремления США на установление мирового господства с использованием силы и вооруженной агрессии для достижения своих целей ведут человечество к катастрофе. *Все это позволяет нам сделать заключение о том, что* глобальным центром мирового зла являются именно США, где разрабатываются стратегия и тактика реализации либеральной глобализации мира.

Сегодня происходит трансформация старого общественного устройства, превращение его в объединение, которое называют мегаобществом. Фактически речь идет о создании глобального сообщества, в рамках которого существующие национально-государственные образования выступают в качестве более или менее самостоятельных структурных единиц. Исследование мегаобщества требует соответствующих аналитических инструментов: понятий, категорий, языка. Возможно, общественному знанию предстоит пережить такую же революцию, как в свое время точным и

¹ Беляева Е.В. Нравственные ценности эпохи постмодерна // *Философия и социальные науки*, 2010, № 1, с.60-64.

² Бауман З. *Индивидуализированное общество*. М., 2002. с. 315

³ Бауман, З. *Глобализация. Последствия для человека и общества*. М., 2004, с. 157–158.

⁴ Беляева Е.В. Нравственные ценности эпохи постмодерна // *Философия и социальные науки*, 2010, № 1, с.61.

естественным наукам в связи с созданием неевклидовой геометрии или теории относительности.

Global conflict between West and East as a result of liberal globalization

Dobrenkov V.I.

Moscow State University M.V. Lomonosov

The article is devoted to the analysis of contemporary contradictions of global society in the economic, cultural and political spheres. Behind the new-fangled definitions and categories of Western sociologists, such as the information and post-industrial society, transit society, postmodernism and postmodernity, most often are ominous political realities - a global confrontation between the West and the East, which did not start today and will not end tomorrow. The West seeks global hegemony, imposing on all countries of the world its values, standards of living and priorities, and the East is forced to defend itself, while maintaining its cultural identity, economic independence and political independence. The global and by no means peaceful confrontation between the two global forces determines the course of social thought, the direction of scientific research, and the effectiveness of practical developments.

Key words: liberal globalization, confrontation between West and East, post-industrial and information society.

References

1. Chudova I. Postmodern sociology and qualitative methodology: ideological intersections // *Social Reality*. No. 6. 2008. p. 102-110;
2. Savinskaya O. B. Subjectivity in a qualitative study: new approaches // *Sociological studies*. 2007. No. 10. P. 122–131.
3. Semenova V.V. Qualitative methods: introduction to humanistic sociology. M.: Good-light, 1998.
4. Savinskaya O. B. Subjectivity in a qualitative study: new approaches // *Sociological studies*. 2007. No. 10. P. 131.
5. Furs N.E. Epistemological implications of the post-modern state - new strategic formulas of education // *Education in modern culture*. 2001. No. 1;
6. Chudova I. Postmodern sociology and qualitative methodology: ideological intersections // *Social Reality*. No. 6. 2008.S. 104.
7. Martynyuk I.O., Soboleva N.I. Symbolic social reality: methodological approaches and practical experience of studying //

Sociology: theory, methods, marketing. 2004. No. 3. sec 130.

8. Chudova I. Postmodern sociology and qualitative methodology: ideological intersections // *Social Reality*. No. 6. 2008.S. 104.
9. Abushenko V.L., Katsuk N.L. Sociology in the context of postmodern // <http://www.internettrash.com/users/seminar/texts/soziologie.htm>
10. Foucault M. Birth of the clinic. M. 1998, p. 18.
11. Betto F. Neoliberalism: a new phase of capitalism // *Skepsis*, 2008, No. 5. (http://scepsis.ru/library/id_2298.html).
12. Tolkachev S.A. Postmodern as the worldview of the permanent crisis // <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/996>
13. Danilenko V.P. Globalistic picture of the world (www.islu.ru).
14. See: George S. Report of Lugano. On the preservation of capitalism in the 21st century. - Yekaterinburg: Ultra. Culture, 2005.
15. Martin G.-P., Schumann H. Trap of globalization: an attack on prosperity and democracy. - M.: Alpina, 2001.P.16 - 22.
16. Parenti M. Democracy for the Elect. Handbook on US Political Games. - M.: Generation, 2006. - P.23.
17. Bell D. The Coming Post-Industrial Society. Experience of social forecasting. - M.: Academia, 1999. P.658.
18. Klein N. NO LOGO. People versus brands. - M.: Good book, 2003. - P.255 - 349.
19. Hardt M., Negri A. Many. War and democracy in the era of the empire. - M.: Cultural Revolution, 2006. - P.148.
20. See: Cardozo F.E., Faletto E. Dependence and development of Latin America. The experience of sociological interpretation. - M.: ILA RAS, 2002;
21. Prebish R. Peripheral capitalism: is there an alternative to it? - M.: ILA RAS, 1992;
22. Cardoso F.H. Dependency and development in Latin America // Introduction to the sociology of "developing societies." - N.Y. - L.: Monthly review press, 1982;
23. Dos Santos T. The structure of dependence // *American economic review*. 1970. Vol. 60. No. 2;
24. Frank A.G. Capitalism and underdevelopment in Latin America. - N.Y. - L.: Monthly review press, 1967.
25. Wallerstein I. The End of the Familiar World: Sociology of the 21st Century. - M.: Logos, 2003. - P.62 - 65.
26. Amin S. Africa: life on the brink // http://scepsis.ru/library/id_486.html

27. Myrdal G. World Economy. Problems and prospects. - M.: Publishing house in. Liters, 1958. - P.479.
28. Wallerstein I. Russia and the capitalist world-economy, 1500 - 2010 // Free Thought. 1996. No5. S.42.
29. Semenov Yu.I. The philosophy of history. - M.: Modern notebooks, 2003. - S.510 - 513, 613 - 617;
30. Semenov Yu.I. The philosophy of history. - M.: Modern notebooks, 2003. - S.510 - 513, 613 - 617;
31. Ermolaev S.A. Post-industrialism or capitalism? // Non-classical society: development vectors: materials of the All-Russian scientific-practical conference. Vladimir, 2008. - P.121 - 124.
32. Wallerstein I. Russia and the capitalist world-economy, 1500 - 2010 // Free Thought. 1996. No5. S.42.
33. Wallerstein I. Historical Capitalism. Capitalist civilization. - M.: Partnership of scientific publications of KMK, 2008. p.133.
34. Given by: Kagarlitsky B.Yu. Political science of the revolution. - M.: Algorithm, 2007.P.100.
35. Belyaeva E.V. Moral values of the postmodern era // Philosophy and Social Sciences, 2010, No. 1, pp. 60-64.
36. Bauman Z. Individualized society. M., 2002. 315
37. Bauman, Z. Globalization. Implications for man and society. M., 2004, p. 157-158.
38. Belyaeva E.V. Moral values of the postmodern era // Philosophy and Social Sciences, 2010, No. 1, p.61.

Статика и динамика социального действия: варианты и альтернативы

Кравченко Альберт Иванович

доктор социологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник кафедры истории
и теории социологии МГУ.
kravchenkoai@mail.ru

Классическую теорию социального действия М. Вебера, повлиявшую на становление всей мировой социологии, создал в конце XIX — начале XX в. немецкий социолог Макс Вебер. Именно концепция социального действия послужила основой того, что позже стали именовать понимающей социологией. Понять социальное действие — значит, понять его смысл, мотивы и намерения действующего субъекта. Трудность заключается в том, что подлинное знание мотивов действия принадлежит исключительно действующему субъекту. А социология, стремящаяся понять заложенные в действиях смыслы, использует «понимающий» метод. Для раскрытия смысла действия, как полагает Вебер, должны одновременно использоваться как логические, так и психологические средства познания. С логической точки зрения познание социальных действий должно опираться на особые структуры, обозначаемые Вебером понятием «идеальный тип». С психологической точки зрения — объяснению действия должна предшествовать операция «понимания». По Веберу такие понятия, как, например, «капитализм», «феодализм», «западный город», «протестантизм», «католицизм», «церковь», «секта», «религия», «класс», «эксплуатация» и т. д. представляют собой всего лишь «аналитические конструкции», «идеальные типы». Иногда понимание в веберовском смысле отождествляют с непосредственным субъективным переживанием событий. На самом деле понимание — это не переживание, а рационализация событий и действий, т. е. их реконструкция в сознании исследователя. Сегодня социологам необходимо выйти за рамки устоявшейся схемы социального действия М. Вебера и, обогатив ее новым содержанием, предложить пути и способы ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: социальное действие, М. Вебер, действие, деятельность, мотивы, интерес, экспектации, участие, процесс.

Ценностно-рациональное действие

Ценностно-рациональное действие основано на сознательной вере в то, что наш поступок имеет эстетическую, этическую, религиозную или какую-либо иную ценность. Оно не должно быть ориентировано на успех или выгоду. Ценностно-рациональное действие бескорыстно. В самом деле, когда мы ставим цель, допустим, получение прибыли, то ожидаем достичь успеха. Но ценностно-рационально поступает только тот, кто, не считаясь с предвиденными последствиями, действует в соответствии со своими убеждениями и выполняет то, что требует от него долг, достоинство, красота, честь либо религиозные принципы.

Ценностно-рациональное действие — социальное действие, происходящее в тех случаях, когда человек искренне верит, что совершаемый поступок имеет какую-то моральную или религиозную ценность. Героические поступки на войне являются ценностно-рациональным действием потому, что человек отдает свою жизнь на благо Родины, сам при этом не получает никакой выгоды. Его поступки бескорыстны, он выполняет требования долга. Примером ценностно-рациональных действий выступают духовные практики и этические учения, являющиеся составной частью всех мировых религий. Обуздание низменных страстей ради высоких ценностей, преданность идеалам, своим родителям (сыновья почтительность), своему сюзерены (рыцари и самураи), своей родине (патриотизм), своему Богу (монашество, подвижничество). *Конфуцианство* и *кодекс бусидо* — прекрасные примеры ценностно-рационального поведения, наиболее ярко воплощенные в образе жизни и поведении самураев.

Любое самоубийство можно считать примером ценностно-рационального поведения, поскольку человек уходит из

жизни, когда рушатся ценностные основы его бытия – утрата любимого человека, веры в людей, потеря смысла жизни, одиночество, невозможность соблюсти этические принципы чести. Но точно также и христианство накладывает на своих приверженцев запрет на самоубийство, исходя опять из ценностных соображений: Бог дал жизнь человеку и только он вправе распоряжаться ею; покушение на права Бога означает святотатство. *Харакири* - пример культурно обусловленного ценностно-рационального поступка, связанного с самоубийством. *Дуэль* – ритуализированное убийство или отмщение человеку, нанесшему личное оскорбление, ценностно-рациональное действие с максимально высоким уровнем риска самому быть убитым.

Защита слабых – стариков, женщин, детей, инвалидов, животных - тоже относится к ценностно-рациональному действию. Отец, защищающий честь и достоинство своей семьи, также совершает ценностно-рациональное действие. Этого требуют его обязанности как главы семейства и кодекс чести, такого поступка ожидают от него окружающие. Для ученых высшей ценностью выступает научная истина. К примеру, Николай Коперник, великий астроном, ради нее взмолился на костер инквизиции. Уход в монастырь совершается в соответствии со своими взглядами, мировоззрением и высшими религиозными ценностями. Иногда люди уверяют, что видели соответствующий сон или слышали голос, указавший им дорогу к Богу. Монастырское послушание рассматривается при этом как подвиг и призвание. К такого типа социальным действиям кроме того относятся: подвиг Матросова; донос Павлика Морозова на своего отца; самосожжение староверов; обряд обрезания у евреев; антисемитизм; уступить место в общественном транспорте пожилым людям; прохожий спасает ребенка из горящего дома; принесение себя в жертву; посещение церкви невоцерквленными людьми; вы-

ход на субботник; помощь при задержании преступника; поддержка другого человека в трудную минуту.

Под ценностно-рациональным поведением понимается такое поведение, которое совершается индивидом под руководством каких-то общественно значимых и признанных им ценностей, идей, идеалов, верований. Например: что сейчас побуждает коммунистов проводить демонстрации? Вера в идеалы коммунизма. Что побуждало в 1991 г. сторонников демократии выходить на защиту Белого дома? Вера в идеалы демократии. При этом они прекрасно понимали, что могут пострадать, даже быть убитыми. При этом они не думали о выгоде, которая наступит как результат их действий. Иначе говоря, выход на демонстрации или баррикады ради каких-то ценностей или идеалов. Этим ценностно-рациональное поведение отличается от целе-рационального. Более того, совершая ценностно-рациональное действие, выходя на защиту Белого дома, люди противоречили своему же целе-рациональному поведению, цель которого - спасение своей жизни, избежание травмы или смерти.

Несовпадение, а то и противоречие нескольких типов социального действия, встречающихся у одного индивида, - распространения ситуация. Подчиненный вспылил и нагрубил начальнику. Это эмоциональное действие. Оно явно противоречит целе-рациональному действию, ориентированному на высокую зарплату и продвижение по службе. Вспыливший подчиненный уже не получит ни того, ни другого.

Вступление в коммунистическую партию в годы советской власти надо рассматривать как целе-рациональное действие, так как благодаря ему человек продвигался по служебной лестнице и получал иные социальные блага. Но вступление в компартию в 1990-е годы, когда она не пользовалась общественным расположением, является уже ценностно-рациональным поведением, поскольку никаких социальных выгод оно не несет.

Почему же человек совершает то, что противоречит его выгоде, интересу, прагматической цели? Видимо, причиной служит побудительная сила поступка. Если в данный момент эмоции чрезмерно велики, то человек обязательно выскажет начальнику все, что он думает о нем, не обращая внимания на последствия. Если коммунистические или демократические идеалы для человека самое главное в жизни, если чувство чести и человеческое достоинство составляют смысл жизни, то он не задумываясь о возможном риске встанет на их защиту. Если он этого не сделает, то возможно трусости он не простит себе никогда. Непрощенный поступок лишает нравственного комфорта всю жизнь человека, возможно и самого смысла жизни. А это бывает поважнее не только денег, но иногда и самой жизни.

По аналогии с иерархической теорией А. Маслоу можно интерпретировать теорию социального действия М. Вебера так: в данный момент поведением индивида руководит та побудительная сила или тот мотив, который оказывается самым актуальным либо в данный момент времени (действие совершаемое в порыве чувств), либо самым важным на его шкале ценностей.

Когда солдат заслоняет грудью от пуль своего командира - это не целе-рациональное поведение, т.к. такое действие не приносит ему никакой выгоды, но он верит в некоторые идеалы, которые побуждают его пойти на это. Это ценностно-рациональное действие. Оно совершалось потому, что у человека кроме выгоды присутствуют еще какие-то побудители действия. Не его инстинкты выживания, а совершенно осознанные общественно значимые ценности, идеалы.

Возможно, что человек - единственное существо, которое может поставить во главу угла выдуманные цели и идеалы, а не природные инстинкты и побуждения. Впрочем, смотря что понимать под природными побудителями. Алчность и страсть к наживе - социально приобретенное качество. Ни одно

животное не станет тратить на эти ложные фетиши и крупницы своего времени. Но для чего человеку деньги? Они - средство добиться материального благополучия и социального комфорта. Стремление жить сытнее, богаче, со всеми удобствами, доставляя себе радость и избегая неудобств - это ничто иное, как гедонизм, стремление к удовольствию. А разве это не врожденная черта?

Когда рыцарь жертвует жизнью ради дамы, он совершает не целе-рациональное действие. Им руководит некий кодекс чести или этикет достойного человека. Это - ценностно-рациональное поведение.

Можно привести бесчисленное количество примеров ценностно-рационального действия, даже в деловой сфере, которая считается Меккой целе-рациональных поступков и голого прагматизма. Например, бизнесмен совершает сделку, веря партнеру на слово, не требуя никаких расписок. При этом партнеры руководствуются некоторым набором ценностей, выраженным в неписаном кодексе чести, этических правилах. Вы занимаете деньги в долг своим друзьям безо всяких расписок, хотя это - та же самая сделка, относимая к области целе-рационального действия. Но вы переводите его в плоскость ценностно-рационального поведения.

Ценностно-рациональное действие - это предательство, измена, нравственные поступки, безнравственные поступки, долг чести. Написать диссертацию другу, исходя из нравственного долга дружбы, значит совершить ценностно-рациональное действие. То же самое касается стремления не потерять свое лицо, поддержать репутацию или доброе имя. Один из способов сохранения лица - соблюдение известных межличностных ритуалов. Э. Гоффман различает два вида таких ритуалов: *ритуалы уклонения* (т.е. формы почтения и уважения, которые вынуждают говорящего держать дистанцию) и *ритуалы предъявления* (т.е. действия, посред-

ством которых индивид даёт специфические характеристики партнёрам, содержащие информацию о его отношении к ним). Ещё одним способом сохранения лица (презентации личности) является материальная поддержка социальных учреждений и институтов, нуждающихся в помощи. Речь идет о благотворительности и филантропии.

В общем и целом можно провести следующее разграничение в типах действия: поведение в рамках этики относится к ценностно-рациональному действию, поведение в рамках этикета – к традиционному. Вот почему заступиться за женщину в толпе хулиганов – ценностно-рациональный поступок, а подать женщине руку при выходе из автобуса, значит совершить всего лишь традиционное действие, требующее соблюдения принятых в обществе норм и правил. Среди примеров ценностно-рационального действия: осквернение святынь, иконоборчество, панк-молебен в храме, крестный ход, крестовые походы.

Традиционное действие

Под ним мы будем понимать такой поведенческий акт, который совершается индивидом автоматически, как бы, не осознанно, в силу сложившихся традиций или привычек. Например, вы закрываете за собой дверь, когда входите, вы приветствуете кого-то, вы чистите зубы утром и вечером, вы совершаете еще какие-то ритуальные действия, даже не думая и не задумываясь над их смыслом, происхождением и пользой для вас; входя в квартиру, мы вытираем ноги о коврик - по привычке; перед едой мы моем руки; на день рождения дарим друг другу подарки; привычка каждое утро причесываться и приводить себя в порядок, обычай наряжать елку на Новый год и приглашать гостей, приветствие-рукопожатие, просмотр утренних газет; поминки; выпускать птиц из клеток на Благовещение; отмечание церковных праздников; каждое утро женщина перед выходом на работу накладывает макияж; последний звонок в

школе; мусульмане всего мира устремляются в период хаджа к древнейшей святыне верующих; выполняют ежедневную пятикратную молитву, обращаясь в сторону храма.

Традиционные действия - это действия, совершаемые автоматически, в силу привычки. Ежедневно мы чистим зубы, одеваемся, совершаем множество других привычных действий, над смыслом которых даже не задумываемся. Лишь в том случае, если возникло затруднение и мы не можем определить, например, какого цвета рубашку надеть на сей раз, автоматизм разрушается, и мы задумываемся. Традиционное действие осуществляется на основе глубоко усвоенных социальных образцов поведения, норм, перешедших в привычное действие.

Крашение яиц на Пасху - христианский обычай, который перерос в традицию, и многие люди, даже не верующие, все равно продолжают красить яйца на Пасху. Многие пекут блины на Масленицу. Этот обычай остался в нашем обществе еще с язычества, но многие люди продолжают следовать традиции, хотя и не всегда испытывают голод. По традиции при задувании свечей на день рождения люди загадывают желание.

Соблюдение рыцарского устава – пример этикетного, а стало быть, традиционного, поведения. Оно формировало у людей особую психологию и нормы поведения.

Провожать родственников или гостей - это традиционное социальное действие. Оно имеет глубокие исторические корни: во времена скифов, когда существовали множество враждебных племен, наши предки провожали гостей (купцов) до безопасного места. С тех пор в нас как у потомков, это стало традицией.

Мы совершаем подобные действия потому, таковы коллективные привычки. И вы как член общества являетесь его "рабом", т.е. неким социальным автоматом, который совершает действия, требуемые от него обществом. Необязательно выгодные ему и часто эти действия, которые не требуют осмысления,

осознания. Это тоже очень широкий класс поведенческих актов. К традиционному действию относятся в том числе: обрядовое, ритуальное, церемониальное, молебен, молитва, контроль социального действия и др.

Традиционное действие также – вариант ценностно-рационального действия. Только выбор конечного пункта вашего движения происходит быстрее и по более короткому пути. Увидев друга, вы автоматически протягиваете руку. Ваши действия автоматические, не требуют мобилизации духовных сил, сомнений и борьбы вариантов, т.е. наименее затратны и потому наиболее желательны вашему организму. Они не затратны потому, что вошли в привычку при многократном повторении. Детей заставляют совершать их родители, наставляющие: надо поздороваться с тетей, если она приходит к тебе в гости. Поначалу дети забывают, не хотят, психологически не расположены. Но родители дотошны и повторяют нравоучение тысячи раз. Дети исполняют скорее для того, чтобы родители к ним не приставили. Но похоже это входит в привычку.

Совершать традиционные действия нам далеко не всегда хочется. В этом смысле все традиционные действия – принудительные, как у Дюркгейма все социальные действия носят принудительный характер, действующий помимо нашей воли и желаний.

В отличие от традиционных действий целе- и ценностно-ориентированные действия не принудительные, а мотивированные изнутри, ибо основаны на свободе выбора.

Аффективные действия также имеют в основании ценности, ибо никакое человеческое действие без ценностей не совершается. Просто в аффективном действии ценностное основание скрытое, до него надо докапываться. Если вы сорвались на ребенка, то лишь потому, что причиной вырвавшейся агрессии стало возмутительное нарушение им каких-то культурных табу, например, не ври, не оскорбляй взрослых. Вы сорвались от своего бессилия

командовать им, из-за его возмутительного непослушания, хотя вы не единожды внушали ребенку: надо слушаться старших, тогда и тебя будут слушаться твои дети. Это сплошь ценностный культурный контекст.

Вы выбрали гнев или шлепок, а не тихую наставительную беседу с ребенком, нарушившим правило, по ряду причин. Но важно то, как вы совершили свой выбор. Почему из ряда альтернатив – поговорить, выслушать, успокоиться, возмутиться, шлепнуть – вы выбрали именно этот вариант. Вы выдержали одну фразу из текста, а другой человек выбрал бы спокойную беседу с ребенком, т.е. вырвал другую фразу. Причины ваших действий разные. Игрет роль разный темперамент: вы взрывной и импульсивный, а он спокойный и флегматичный. Игрет роль разное воспитание и разная семья происхождения: вас родители не учили, как вести себя со своим сыном, учила улица, а его родители воспитывали в строго демократических традициях и всегда на равных обсуждали с ребенком все проблемы. В результате ваша физиология и прошлый жизненный опыт определили выбор действия в настоящий момент.

Вернемся к началу. Значение и значимые другие – очень похожие термины. Но лишь внешне. Значение кроется внутри человека, значимые другие находятся вовне. Даже если они в данный момент не присутствуют, а что называется сидят у вас в голове. Природа происхождения этой категории – значимые другие – внешне телесная. Это вполне конкретные люди из плоти и крови, которые могут быть вашими родственниками, соседями или друзьями. Вы не ковыряете в носу в присутственном месте, хотя очень хотите. Причина: вы ориентируетесь на физическое присутствие значимых других. Оставшись наедине в своей комнате, вы допускаете запрещенное действие совершенно не стесняясь никого, ибо физического присутствия других нет, хотя мысленно они всегда у вас в голове.

А вот ориентация на значение или смысл такого не допускает. У нее нет исключений – зримое или незримое присутствие. Значение или ценность всегда у вас и при вас, ибо никакое ваше действие не происходит без значения и ценности этого действия для вас самого. Вы всегда присутствуете в себе, и совершаете только те действия, которые по каким-либо причинам вас выгодны, т.е. имеют ценность, значение для вас. Нет смысла вставать рано на работу, вы будете лежать в постели. Вам не хочется идти на работу, но работа – смысл вашего существования, ибо дает средства к существованию. Вроде бы работа – самое принудительное дело на свете, у которого отсутствует всякая внутренняя мотивация, основанная на желании. Но попробуйте лишить человека работы, как вся жизнь пойдет прахом и ценность работы моментально возрастет до небес.

Выученная беспомощность – негативное последствие привычки и обучения. Забурив, заучив, забыв свою память шаблонами и стандартами, человек становится заложником традиционности. Он не готов к инновациям, к эффективной адаптации быстро меняющейся реальности в силу когнитивной инертности. Парадоксально, но человек не может не быть жертвой своих привычек делать это одним, а не другим способом, даже вопреки здравому смыслу. Причина – пройденный путь социализации. Она на то и рассчитана, для того и существует, чтобы все новое и необычное либо отбросить как угрожающее, либо сделать старым и автоматически исполняемым. Автоматизм действий серьезно экономит наши силы – как физические, так и умственные. На 80% принимаемые нашим разумом решения за мгновение до того были приняты нашим **бессознательным** – музеем личных привычек и обычаев.

Социализация животных – это опривычивание (хабитуализация) того,

привыкание и приспособление к тому, усвоение того (норм поведения), освоение тех ролей (проводник слепых, спасатель, сторож, напарник по детским играм), что не дано им от природы, к чему их природа не приспособила и не подготовила. В сущности, такое определение подходит и к человеку, по крайней мере, на ранней эволюционной фазе. У человека **хабитуализация** (габитуализация) означает превращение новаций в нечто привычное и обыденное, очевидное, само собой разумеющееся. Согласно П. Бурдьё, формирование системы устойчивых диспозиций, помогающих организовать человеческое поведение помимо рациональных расчетов и ценностных ориентаций, называется габитуализацией, а результат – габитусом. Понятие «габитуализация» является производным от понятия «габитус» (от лат. *Habitus* — свойство, состояние, положение) и означает многократные повторения чего-либо, что со временем становятся привычкой. Габитус (он же – хабитус) – это набор ментальных стереотипов и физических привычек совершать что-либо требуемым образом. В этом наборе воплощен исторический коллективный опыт, социально-классовое мировоззрение, этнический образ жизни, национальные традиции, религиозные верования. Габитус проявляет себя в практических действиях, поведении, мнении и многом другом, что отличает одного индивида от другого. Все это – результат процесса хабитуализации.

В таком случае **институционализация** – это продолжение процесс хабитуализации на уровне учреждений, норм и коллективных потребностей. По Т. Лукману и П. Бергеру, в основе институционализации лежит объективация - наделение традиций и продуктов человеческой деятельности характер объективности¹. А такое возможно лишь после стереотипизации (опривычивания, шаблонизации, стандартизации). Процесс привыкания - это форма адаптивного поведения (или нейропластичности), которое

¹ Berger Peter L., Luckmann Thomas. The Social Construction of Reality: A Treatise its the Sociology of Knowledge. New York: Anchor Books, 1966, pp. 59-61.

классифицируется как неассоциативное обучение. Привычка появляется, когда человек уже большей не нуждается в сознательной мотивации в виде целей или ценностей для совершения социального действия.

В социологии речь идет все о стереотипизации поведения – в одном случае на индивидуальном уровне, в другом – на коллективном. *Типизация* – процесс обобщения, классификации и придания смысла окружающей реальности. Типизация - минимизация мышления - и габитуализация - минимизация деятельности – составляют две стороны одного явления. Целе-рациональное действие, по сравнению с традиционным, несмотря на свою рассудочность, часто является более затратным и неэффективным. О ценностно-рациональном поведении и говорить нечего. Вместе с тем, как повседневные эмоции, так и различные эмоциональные расстройства зачастую могут возникать по привычке: плачем ребенок добивается исполнения своих желаний, а женщины – психологической разрядки.

Без двух процессов - габитуализации и институционализации - невозможно себе помыслить формирование нормативной системы общества. Социальный порядок общества, профессионально-квалификационная структура общества, социальный контроль – материализация наших навыков, стереотипов, привычек, традиций. Обучение в школе, а затем в университете – это приобретение системы традиционных действий. *Хабилитация*, или *габилитация* (*habilitation*) в некоторых европейских и азиатских странах обозначает процедуру аттестации - получения высшей академической квалификации, следующей после учёной степени доктора. Даже инновации и развитие как преодоление косности и рутины невозможны без традиционных действий как некой отправной точки процессоположения.

Таким образом, традиционное действие, вопреки мнению М. Вебера, не следует исключать из легитимного поля социологии. Оно играет даже более фундаментальную роль в обществе, чем три других веберовских типа социального действия. На мой взгляд, именно в этом новом повороте веберовской концепции необходимо рассматривать дальнейшие перспективы социологии.

Аффективное действие

Аффективное действие не имеет цели, оно совершается в порыве чувств, когда эмоции побеждают разум. Аффективное поведение предполагает такой поведенческий акт, который происходит у индивидов под влиянием сиюминутного настроения, взрыва эмоций либо иных побудителей, не имеющих в строгом смысле социального происхождения. Примером может служить панический страх не поступления в вуз. Как показывает социологические исследования, более 30% выпускников российских школ находятся в состоянии ярко выраженного стресса, одной из причин которого является чувство социальной незащищенности. Более половины выпускников высших и средних специальных учебных заведений в последние годы оказываются невостребованными предприятиями и организациями, вынуждены работать не по специальности. Данные исследований показывают: 30% осуществляют свой профессиональный выбор под влиянием случайных факторов, примеров друзей; 17% по совету родителей; 10% под воздействием рекламы; 40% имеют краткое представление об особенностях профессии; 1,5% учитывают свое состояние здоровья и способности; 50% специалистов работают не по специальности; 60% выпускников средних учебных заведений не находят место работы после выпуска².

Конфликты межличностные часто происходят в силу аффективного действия. Мы также можем подвести очень

² Колонтаевская Е.А. Профориентация (<http://socpedagogika.narod.ru>).

широкий класс примеров, которые подпадают под аффективное действие: писатель сжигает в печке рукопись своего романа; застав жену с любовником, муж в порыве гнева убивает обоих; плеснуть воду в лицо оппонента по теледебатам; неконтролируемый смех при щекотке; невольные слезы на просмотре сентиментального фильма; биться головой об стенку от безысходности и бить посуду от злости; уличные беспорядки, устраиваемы футбольными фанатами проигравшей команды; убийство на бытовой почве во время аффекта, жаркий бой, отчаянная драка. В эмоционально повышенных тонах мы разговариваем дома, на работе, в транспорте, на улице. Аффективных действий, возможно больше, чем традиционных, целе-рациональных и ценностно-рациональных. Всю историю человечество воюет, давая выход своим раздражениям, агрессии, драчливости.

В типологию аффективное действие входят такие виды, как революционный невроз, линчующая толпа, паника, средневековые гонения на ведьм, преследования врагов народа в 1930-е годы, массовые психозы, различные фобии и страхи, массовая истерия, стрессы, немотивированное убийство, драки, алкоголизм, зависимое поведение и др. Свежий пример – паника в связи с коронавирусом 2020 г., охватившая более 200 стран мира, на карантине находится четверть населения планеты. Заболевших – около 1 млн. человек. Погибших – на март месяц более 42 тыс. человек – меньше, чем от туберкулеза или чумы, но эмоциональный стресс погнал миллионы людей в магазины делать гигантские запасы товаров и продуктов – от соли и крупы до туалетной бумаги. Специалисты говорят: страшен не сам вирус, средства от которого врачи уже нашли, а паника, вызываемая им. Против эмоционального стресса масс правительства борются четко организованной системой целе-рациональных действий – от жесткого карантина до строительства новых больниц, производства новой аппаратуры и лекарств.

Аффективное действие - сексуальное действие, влюбленность, агрессивность, героизм, раздражение. Тонущий человек, обезумев от страха, может утопить спасателя, не осознавая что он делает. Сочинение стихов чаще всего происходит под влиянием наплыва эмоций, чувств, которые отражаются на бумаге в стихотворной форме.

Объектом социолога не являются действия аффективные, совершенные в минуты крайнего раздражения, душевного подъема или страха. В них нет четкой цели, осознаваемого намерения и мотива, нет свободного выбора средств достижения поставленной цели. Их нельзя назвать рациональными. Как-то в метро девушку нечаянно толкнула и испачкала женщина. Находясь в плохом настроении, первая развернулась и так ударила по лицу «провинившуюся», что та даже упала. Девушка, находясь в состоянии аффекта, не поняла, что сделала и потом, придя в себя, долго мучилась раскаянием. Женщину, идущую по улице, окатил грязной водой мальчишка (ради шутки). Она была в гневе, который не смогла выплеснуть, и с ней случился инфаркт.

Несомненно, эмоциональные, или аффективные, действия встречаются в жизни очень часто, может быть чаще, чем мы думаем. Вместе с тем, для целей научного анализа и построения социологической типологии удобно трактовать все иррациональные действия как отклоняющиеся от концептуально «чистого типа» элементы. Например, пишет Вебер, паника на бирже может быть вполне правдоподобно интерпретирована, если мы попытаемся прежде всего установить, каким был бы курс акций, не влияя на ситуацию иррациональные аффекты. Мысленно освободившись от эмоциональных факторов, социолог строит гипотетический курс акций. И только после этого он вводит в научный анализ иррациональные факторы, которые теперь интерпретирует как нечто, отклоняющее действие от

правильного курса³. Именно так историк или социолог поступает при изучении политических и военных кампаний. И здесь главное — выяснить цели участников и все обстоятельства дела. Конструирование рациональной линии действия выступает для социолога идеальным типом, который обладает всеми достоинствами ясного понимания событий и не страдает двусмысленностью.

Усталость, привычки, память, эйфория, индивидуальные реакции, стрессы, симпатии и антипатии лишены какого-либо значения. Они импульсивны. Социолог, согласно Веберу, использует их просто как данные, т.е. нечто, влияющее на социальное действие, но не входящее в него. Конечно, социолог обязан учитывать влияние и таких факторов, как расовая принадлежность, эффект старения организма, биологически обусловленная структура организма, потребность в питании. Но воспользоваться ими можно лишь в том случае, если мы статистически доказали их влияние на соответствующее поведение людей.

Аффективные действия принимают малые (индивидуальные) и большие (массовые) формы. К массовым актам относятся бунты, погромы, революции, бесчинства, беспорядки. Ураганы, наводнения, взрывы — все эти бедствия вызывают панику и бегство тысяч людей, пытающихся спасти свою жизнь; в результате подобных ситуаций нарушается работа транспорта и средств коммуникации. Исследование поведения людей во время стихийных бедствий показало, что немедленная реакция многих направлена на то, чтобы быть вместе с членами своей семьи, а в некоторых случаях — с друзьями. Люди отказываются выполнять свои обязанности на работе, ставя на первый план безопасность семьи и друзей. Такая реакция становится причиной ролевых конфликтов: следует ли работнику оставаться на своем посту или разыскивать семью?

Что он должен делать — охранять собственность владельца предприятия или мчаться домой? Большинство людей стремятся быть рядом со своими семьями. При изучении поведения в ситуациях ураганов и взрывов Льюис Киллиан (1952) сделал вывод, что в экстремальных условиях большинство людей покидали рабочие места и шли домой. Те, кто обычно был на опасных работах, проявляли большую готовность оставаться на месте в экстремальной ситуации. Так, во время мощного взрыва в Техас Сити специально подготовленные отряды по очистке территории оставались на работе до благополучного конца, пока не миновала опасность новых взрывов.

В городе, где разразился ураган, офицер полиции «разрывался» между противоборствующими требованиями службы и ролью друга, и соседа. «Объезжая город после урагана, я понял, что в первую очередь мне следовало связаться с внешним миром и вызвать помощь. Я отправился в соседний город, чтобы обратиться за помощью к его жителям. По дороге меня окликали по имени люди, с которыми я был близко знаком, они просили помочь им найти родственников. Я испытал самые тяжелые минуты в своей жизни, проезжая мимо людей, которые обращались ко мне как к другу, но не мог остановиться, чтобы им помочь». Этот офицер сыграл основную роль в формировании спасательных команд из соседнего города.

Хотя, с одной стороны, в ситуации общем бедствия преданность семье может вызвать большое смятение, с другой она может способствовать улучшению деятельности спасательной службы. Когда в Техас Сити произошел взрыв, многие люди, разыскивавшие своих близких в районе бедствия, оказывали помощь спасателям. Следовательно, при планировании действий в аварийных ситуациях следует учитывать преданность людей первичной

³ Weber M. *Economy and Society*. Vol. 1. P. 6.

группе. Создание систем связей для рабочих и их семей, занятия по изучению правил поведения в аварийных ситуациях и четко установленные приоритеты способствовали бы понижению ущерба, наносимом бедствием.

Более позднее исследование поведения людей во время стихийных бедствий показало значение первичных групп, так сказать, от противного – когда такие группы отсутствовали. Изучая ситуацию, вызванную наводнением в Буффало Крин (Западная Вирджиния) в феврале 1974 г., Эриксон (1976) отметил, что личные связи между членами общности были ослаблены в результате экономических трудностей и миграции населения, наблюдавшихся в течение десятков лет, до бедствия. Он показал, что отсутствие связей, характерных для первичной группы, заметно влияло на членов общности; после стихийного бедствия они долго испытывали чувство глубокого отчаяния и безысходности.

Вебер приводит пример знаменитого наводнения в 1277 г. в Ирландии, которое приобрело историческое значение благодаря тому, что вызвало широкую миграцию населения. Кроме того, наводнение повлекло огромные человеческие жертвы, нарушение привычного образа жизни и многое другое, что должно привлечь внимание социологов. Однако предметом их изучения должно быть не само наводнение, а поведение людей, чьи социальные действия так или иначе ориентированы на это событие.

К той же категории фактов, лишенных значения, относятся у Вебера такие психические и психофизиологические явления, как усталость, привычки, память, эйфория, вызванная аскетическим умерщвлением плоти, индивидуальные реакции на время и точность и т. д. Эти и многие другие факты социология использует просто как данные, т. е. нечто, влияющее на социальное действие. Но если первые не имеют «зна-

чения», то второе им надделено. Несомненно, социолог обязан учитывать влияние на поведение таких факторов, как расовая принадлежность, эффект старения организма, биологически унаследованная структура человека, потребность в питании. Однако их возможно использовать, убеждает нас Вебер, если мы статистически доказали их влияние на соответствующее поведение, т. е. действия людей, интерпретированные уже в социологических терминах⁴.

Понимание того, какое значение вкладывает индивид в собственные действия, основано на нашей способности сопереживать, сочувствовать. Каждый человек может поставить себя на место другого и понять логику его поведения потому, что такая или сходная логика присуща ему самому. Правда, говорит Вебер, чтобы понять Цезаря, не нужно быть самим Цезарем. «Повторение жизненного опыта» кого-либо — это важная предпосылка для достоверного и адекватного понимания чужих действий, но она не является абсолютно необходимой. Иначе говоря, наличие подобного условия — **сопереживание другому** — еще не гарантирует социолога от ошибки. Например, экстрасенсы, т. е. люди, способные к мистическому сопереживанию или «чтению» чужих мыслей, демонстрируют поразительные опыты угадывания другого. Но в результате их опытов практически невозможно исследовать смысл и значение действий этого другого.

Пользуясь типологией Вебера, можно выбрать из всего многообразия социальных действий не только четыре главных типа, а именно целе-рациональное, ценностно-рациональное, традиционное, аффективное, но и раздробить рациональное действие на ряд подвидов: рациональное, нерациональное и иррациональное:

• *рациональное действие* — это любой поступок человека, в котором есть

⁴ Weber M. Economy and Society. Vol. 1. P.8.

четко осознаваемая цель и мотив, правильно выбраны средства достижения цели и просчитаны все возможные последствия. Иначе говоря, это выгодное и правильное действие.

- *нерациональное действие* — это любой поступок человека, в котором есть четко осознаваемая цель и мотив, но неправильно выбраны средства достижения цели и не просчитаны все возможные последствия. Иными словами, это выгодное, но неправильное, ошибочное действие.

- *иррациональное действие* — это любой поступок человека, в котором нет четко осознаваемой цели и мотива, независимо от того, как выбраны средства осуществления своих эмоций: гнева, раздражения, чувства самозащиты и т.п. Иначе говоря, это аффективное действие.

Иррациональные действия по существу представляют собой аффективное поведение. Здесь правят бал эмоции, а разум, составляющий опору рационального действия, изгнан из королевства. Нерациональное действие занимает как бы промежуточное положение. В нем присутствует разум, но он постоянно совершает ошибки. Почему? Может быть, в этот момент он послушался голоса своих чувств? Возможно, во всяком случае, вторжение эмоций на территорию рассудка здесь очевидный факт. Аффективное действие иррационально; его отличает стремление к немедленному удовлетворению страсти, жажды мести, влечения.

Дабы избежать влияния нерациональных и иррациональных факторов, субъекту социального действия надо обладать полной информацией о своем внутреннем мире, где скрываются эмоции и чувства, внешней среде, где человека поджидают непредсказуемое поведение других игроков — индивидов, учреждений и институтов — на поле рациональных выборов, наконец, необходимо знать, да еще и научиться мастер-

ски владеть средствами защиты от неблагоприятных факторов, т.е. их нейтрализации, блокирования либо управления ими. Достичь подобных высот ни отдельному человеку, ни всему человечеству еще не удавалось. Они споткнулись уже на первых шагах по выбранному пути, ибо, как доказали Эймс Тверски и Дэниел Канеман, люди а) объективно не могут (ограниченность памяти), даже если бы хотели, знать всю информацию; б) люди не хотят, даже если бы физически могли, знать всю информацию, поскольку она им невыгодна; в) люди и не могут, и не хотят знать всю информацию, поскольку предпочитают ее игнорировать и судить о других людях в соответствии с собственными стереотипами.

Человек заперт в собственном субъективном мире, откуда он не может, не способен да и не хочет выбираться. Хотя аффективное поведение, возможно, не входит в строгое определение предмета социологии, но этот феномен — закрытия человека в субъективном мире и нежелании его покидать — лежит в границах компетенции социолога и должен им изучаться.

Рациональное действие — всего лишь познавательный прием, аналитическая сетка, набрасываемая ученым на реальность с целью выловить из нее только те явления, которые подходят под размеры ее ячеек. Было бы неразумным, замечает Вебер, считать подобное методологическое изобретение (конструкцию) сознательным предубеждением или субъективным пристрастием социологов⁵. Иными словами, социолог, приступая к исследованию, должен освободиться от предвзятой установки, будто в реально существующих поступках людей доминируют рациональные элементы. Что преобладает в них на самом деле, мы не знаем. Конечно, нельзя быть уверенным, что социолог не станет применять рационалистическую интерпретацию там, где она

⁵ Weber M. *Economy and Society*. Vol. 1. P. 6—7.

неуместна. Подобная опасность существует, и ее нельзя исключить. Но быть «соавтором» человеческих поступков, домысливать то, что люди, возможно, и не вкладывали в свои действия, для настоящего ученого непростительно. К несчастью, говорит Вебер, опыт свидетельствует, что подобная опасность существует.

Любое рациональное действие ориентировано на ожидаемое поведение других людей. Так, оно может мотивироваться желанием отомстить кому-то за прошлые обиды, защититься от настоящих или даже будущих опасностей. «Другие» — это, возможно, отдельные индивиды, и они знакомы действующему лицу, либо это неопределенное множество людей, которые неизвестны ему конкретно. Например, деньги — средство обмена — используются индивидом при оплате, но лишь потому, что он ориентирует свои действия на то, что незнакомое ему большинство людей, как он ожидает, будет поступать точно так же.

В связи с этим Вебер подчеркивает, что базис для понимания значения действий других людей является рациональным, а не мистическим или метафизическим. Только в этом случае достигается необходимая верифицируемость и надежность результатов исследования. Понятие «рациональный базис» понимания можно употреблять в очень узком смысле, сводя его к логическому или математическому, т. е. интеллектуальному элементу. В узком смысле слова, т. е. в своей наивысшей форме, рациональное проявляется в любом математическом выражении, например $2 \times 2 = 4$, или в доказательстве теоремы Пифагора. Мы понимаем их, ибо недвусмысленно представляем себе, что подразумевает индивид, когда употребляет такого рода выражения. Точно так же очевидны смысл и значение речи того человека, который пользуется походящей на вашу собственную логику аргументацией. Но вы окажетесь в затруднительном положении, если оппонент употребит те же самые слова,

что и вы, но придаст им иное значение либо воспользуется непохожей логикой рассуждения. Как бы вы не убеждали его, он окажется при своем мнении.

Достаточно несложно понять, что делает человек, когда пытается достичь определенной цели, выбирая соответствующие средства, ориентируясь в своем поведении исключительно на факты и конкретную ситуацию. Разбираться в таких действиях приучил нас собственный житейский опыт. Правильность нашей интерпретации целесообразно-рационального действия может быть проверена. Правда, не всякая структура и не все этапы этого действия проверяются, а лишь один, но зато главный — выбор индивидом средств достижения цели. Допустим, вы голодны. Из нескольких вариантов — потерпеть, занять у соседа, своровать и т. д. — выбрали самый приемлемый: зайти в лавку и купить необходимый продукт. Посещение магазина — это и есть выбор средства достижения цели. По характеру выбранного средства мы можем судить о цели действия.

В более сложных случаях мы можем мысленно представить конечные цели или ценности, на которые, как нам кажется, ориентируется в своем поведении индивид. И все же мы не способны до конца понять его действия, поскольку ценностный мир этого человека существенно отличается от нашего. Никакое сопереживание не поможет. Единственный выход, полагает Вебер, принять чужие ценности как факт. Так, например, нам трудно понять человека, который совершает те или иные поступки из религиозного рвения или идеологического фанатизма. Логика его действий строится иначе, чем логика нашего понимания этих действий.

«Действие в смысле субъективно понимаемой ориентации поведения существует только как поведение одного или более индивидов. Для других научных целей может быть полезно или даже необходимо рассматривать индивида, например, как совокупность клеток, как комплекс биохимических «реакций или

изучить его психическую жизнь”, - писал М. Вебер⁶. Несомненно, подобные исследования приведут к ценному знанию причинно-следственных связей. Однако субъективно понимаемое поведение — это нечто иное. Подобное утверждение, считает Вебер, справедливо и для психологии: чем точнее измеряющиеся психические элементы по правилам естествознания, тем меньше они доступны субъективному пониманию. Но для социологии и истории важно именно последнее. Даже психопатологи изучают поведение, лишённое субъективного значения.

Смешанные формы социального действия

В реальной жизни встречаются все перечисленные виды социальных действий. Чаще всего в одном поступке сочетаются два, три или все четыре типа социальных действия, открытых М. Вебером. Вот почему в категорию «смешанные формы» попадают такие действия, которые в строгом смысле нельзя отнести к какой-либо одной форме социального действия. Рассмотрим конкретные примеры.

Исповедание надо причислять к разряду и традиционного, религиозно-культурного действия, и ценностно-рационального, совершаемого во имя очищения своей совести от грехов. Отругать ребенка - такое действие можно отнести как к целенаправленному (родители не хотят, чтобы ребенок сделал это еще раз) и к аффективному (они пришли домой в плохом настроении). Ревнивые жены, желая удержать мужа и сохранить семью, используют такие средства, как скандалы, ссоры и слежка. Эмоциональное раздражение здесь соседствует с вполне инструментальными целями. Покупку книги можно считать одновременно примером целе- и ценностно-рационального действия.

Человек пробивает талончик за проезд, чтобы не быть пойманным контролёром и не желая платить штраф. В таком поступке сконцентрировалось сразу три типа действия: целе-рациональное (оплатить проезд), ценностно-рациональное (не потерять имидж) и традиционное (так принято в современном обществе). Пощечина в ответ на оскорбление – аффективное и ценностно-рациональное действие. Человек, одевая рубашку, задумывается о том, какого цвета рубашку ему одеть. Действие является традиционным, но выбор цвета рубашки преследует определенную цель. К тому прибавляются ценностные соображения: выглядеть прилично, не потерять своего лица в обществе, соответствовать ожиданиям референтной группы.

В ношении дорогой шубы смешаны: целе-рациональное (холодно), традиционное (принято) и ценностно-рациональное (демонстрация высокого статуса) действия. Человек, покупая что-нибудь и платя за это деньги, пересчитывает сдачу. Процесс получения сдачи очень традиционен, но её пересчитывание подсказывает нам, что человек, не доверяет дающему сдачу, и хочет убедиться в наличии положенных ему денег, т.е. преследует определённую цель. Мужчина, одевая ботинки, завязывает шнурки необычным узлом. У этого человека, видимо, скользкие шнурки на ботинках, и он превращает традиционное завязывание шнурков в целе-рациональное действие. Возложение цветов к памятнику или на могилу – дань традиции, выражение своих чувств и тех ценностей, которые разделяет данный человек.

У Шекспира в «Юлии Цезаре» Брут произносит весьма знаменательную фразу, осуждая несдержанность Кассия: «Раба показывает, как вспылчить». В древнеримском обществе некоторые виды аффективного поведения (агрессия, злоба, раздражение, гнев,

⁶ Weber M. *Economy and Society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University California Press, 1978. Vol. 1. p. 13.

вспыльчивость) допускалась в отношениях между вышестоящими и нижестоящими в социальной иерархии, но запрещалась этикетом в отношениях равных по социальному статусу. Хозяин- трибун может вспылить на своего раба или уличного бродягу, но в отношениях с другим трибуном он обязан контролировать себя. Иначе говоря, вести себя целе-рационально. Тем более не допускалось аффективное действие по отношению к вышестоящему.

Вот характерная сцена из драмы «Юлий Цезарь» У. Шекспира:

«Брут:

- Успокойся Кассий

Спокойно скажешь всё, тебя я знаю.
Но здесь, перед глазами наших войск,
Не будем ссориться, -им нужно видеть
Лишь знаки нашей дружбы. Отведи их,
Потом в любой палатке все упрёки
Мне выскажешь открыто, Кассий»⁷.

Двойной стандарт поведения: не говорить при подчинённых то, что следует произносить только с равными себе - идёт от самых древних времён. Сохранился он и сегодня, начальник, если он уважает себя (свой статус), не станет распекать подчинённого при всех, но делает это один на один в кабинете.

Аффективное поведение, т.е. действия, идущие от личности, но не от социального положения, допускались лишь между равными, где статусные различия действительно не играли большой роли, но не между разными по статусу людьми. И то, если равные были в дружеских, т.е. личных отношениях.

А как обстоят дела в современном обществе, где сняты сословные барьеры и сословная мораль? Статус, особенно высокий, накладывает на его носителя определённые обязательства - совокупность ограничений, которые касаются прежде всего поведения. Почему именно поведения? Разве высокий статус не выражает себя в особых знаках отличия, привилегиях, форме одежды или размерах недвижимого

имущества? Конечно, дорогая, изысканная одежда служит показателем более высокого ранга. Но хорошую одежду можно купить. Именно ценностно-рациональное поведение - самый верный признак статуса.

Одежда, знаки, привилегии, имущество - все это можно передать от одного человека к другому, но изысканные манеры поведения нельзя снять или одеть. Они воспитываются всю жизнь и характеризуют внутреннее благородство человека. Даже скромно одетый, но изысканный в манерах человек, обладает более высоким статусом, чем богатый и грубый. В США и Европе высший класс одевается даже скромнее, нежели средний. Чем выше статус, тем жёстче ограничения накладываются на поведение человека. Не случайно говорят: положение обязывает.

Экстремальные виды социального действия - действия, несущие угрозу жизни или благополучию индивида, группы. К ним относятся акции протеста, бунт, забастовки, голодовка, самосожжение, гражданское неповиновение и др. Забастовки в атомной, энергетической отрасли страны запрещены законом. Атомщикам нельзя бастовать, но деньги не платили несколько месяцев в 1996 г. Людям не на что жить. Как быть? Работники АЭС, зная закон, объявили голодовку. Это квалифицируется как акция протеста, а не как забастовка. Они законом не запрещены. Но голодовка в конце концов способна привести к тем же результатам, что и забастовка - к остановке энергоблоков, ослабленный персонал не сможет трудиться. Летом 1996 г. голодали на ряде АЭС и шахт страны.

Акции - демонстративное действие одиночки или группы, призванное произвести публичный эффект, например, политические акции. Голодовка - отказ от пищи в знак протеста - является ценностно-рациональным действием, поскольку совершается во имя высоких целей, выходящих за рамки разумного

⁷ Шекспир У. Полн. собр. соч. в восьми томах. Т. 5 М., 1959. С 292

эгоизма и соображений личной выгоды. Но в нем можно разглядеть и другие побуждения. Целью голодовки может быть стимулирование правительства к своевременной выплате зарплаты, а это подпадает под разряд шантажа.

Донорство – сдача крови или жизненно важных органов (почки, печень, сердце) – относится к смешанному типу социального действия, так как наряду с ценностью спасения чужой жизни в ряде случаев присутствует и рациональная цель – получить вознаграждение.

Аплодисменты в театре – случай аффективного и традиционного действия. Так принято благодарить артистов за хорошую игру и вместе с тем выражать эмоциональную радость от полученного удовольствия.

Подаяние милостыни нищему управляется двумя разными мотивами – состраданием к ближнему (ценности) и выполнением общепринятой функции (традиции). То же самое можно сказать о пожертвовании на восстановление Храма. Человек действует из высших религиозных соображений и одновременно так, как принято вести себя в христианском обществе, т.е. по традиции.

Обычай кровной мести у горцев нельзя ограничивать исключительно традиционным действием, поскольку он преследует достижение нравственных ценностей отмщения за поруганную честь, ставит под угрозу собственную жизнь и требует преодоления страха за нее.

Спасение утопающего предполагает несколько мотивов:

- целе-рациональное: если человек всю жизнь мечтал стать героем и получить медаль за спасение утопающих;

- ценностно-рациональное: когда человек видит, как (например) ребенок падает в воду, барахтается с криками о помощи, и все это вызывает к лучшим чувствам этого человека, и он спасает ребенка;

- традиционное: если этот человек – работник речной спасательной службы;

- аффективное: человек влекомо только одним эмоциональным порывом – спасти жизнь другого человека.

Забота как вид социального действия. Это социологическая категория, так как она раскрывает характер социальных отношений людей. Можно привести многочисленные примеры заботы, в частности, заботы родителей о больных детях, уход детей за престарелыми родителями. На первом месте в этом типе социального действия стоит ценностный компонент, на втором – аффективный (сострадание), на третьем – целе-рациональный (инструментальные операции по организации ухода), на четвертое место следует поставить традиционную составляющую, поскольку милосердие включено в культурную матрицу большинства народов планеты и входит неизменной частью традиций и обычаев. При своем историческом возникновении уход за беспомощными членами социума являлся исключительно ценностно- и целе-рациональным действием. Хотя на заботу о беспомощных собратях первобытной общине приходилось выделять дополнительные ресурсы и услуги, что в условиях их дефицита, а иногда и прямого отсутствия, сделать было крайне непросто, институт социальной помощи, один из первых в человеческой истории, сыграл принципиальную роль в гарантии того, что любому человеку, независимо от его статуса и ранга, обязательно придут на помощь. В развитии социальной практики забыта были заинтересованы все классы и слои населения. Забота об инвалидах, пенсионерах и детях-сиротах – пример институционализированного социального действия. Министерство, комитет, специальные службы и фонды, которые занимаются социальной реабилитацией – это институции социального действия.

Заключение брака может относиться к одному или нескольким типам одновременно. Брак может быть: 1) целе-рациональным действием (повышение уровня жизни, продвижение по службе, выезд за границу, столичная прописка, появление наследника), 2) ценностно-рациональным (продолжение рода, любовь к детям, брак как ступень возвышения к Богу, «после этого обязан жениться»), 3) традиционным (в данном

обществе все должны жениться, «брак – дело привычное»), 4) аффективным (любовь, сексуальное влечение). Трудно сочетаются 1 и 3, плохо сочетаются 1 и 2, 1 и 3. Со всеми вариантами сочетается 4.

Типа социального действия и модели поведения

Модель поведения – более сложное понятие, чем социальное действие. Можно провести аналогию с кинематографом. Одно и то же сюжетное действие, например, закрывается дверь перед носом входящего, двое человек расстаются, один другого угощает, кто-то бьет другого, как некоторые универсальные схемы могут встречаться в разных фильмах. В каждом фильме такая схема занимает несколько кадров и непродолжительное время. Содержательно это один тематический кадр. Но в каждом фильме кадр расставания обыгрывается по-своему, вставлен в новую сюжетную канву, исполняется разными актерами и несет различную смысловую нагрузку. Фильм в целом – это модель поведения в нашем случае, а отдельный кадр – тип социального действия. Можно представить социолога, который проводит весьма своеобразный монтаж: он из разных фильмов вырезает один и тот же тематический кадр, скажем сцену расставания. Сложив их вместе, социолог пытается выявить в полученном материале сходные и отличительные черты, тем самым пытаясь проанализировать анатомию данного типа социального действия.

Таким образом, модель поведения, равно как и художественный фильм, это сложное социокультурное явление. В каждом из них есть своя глубина, философия, множество смысловых пластов, свой стиль и сюжетная линия. Тип действия гораздо проще, он техничен и фрагментарен. Это лишь часть большой киноленты. Но такие фрагменты необходимо извлечь, систематизировать и изучить по канонам своего научного, в данном случае социологического, жанра.

Состязательная модель поведения предполагает, что в поединке встречаются две равные силы и честно выясняют свои отношения. Под нее подходят: а) дуэль, б) рыцарский поединок, в) спортивное соревнование.

Противоположная модель предполагает, что одна сторона намеренно выбирает в противники гораздо более слабую сторону и с минимальным риском для своей жизни пытается получить преимущество. При этом слабый соперник может быть полностью уничтожен. Под модель доминирования подходят: 1) бандитское нападение, 2) война сильного государства против слабого, 3) пираты и викинги, 4) использование в парламентской борьбе административных ресурсов.

У каждой модели своя философия, образ жизни участников и стиль их поведения. Настоящий рыцарь никогда не обидит женщину, ребенка или старика. Но бандит это сделает с удовольствием. Честная и нечестная борьба – это разные социальные и нравственные типы людей, разные миры, разное отношение к людям.

Согласно М. Веберу, только тот акт, который имеет значение (смысл) и ориентирован на значимых других, может называться социальным действием. Лежат ли оба признака в одной плоскости? Каждое наше действие осмыслено в том плане, что его значение давно записано в книге человеческой культуры. В данный момент и в данном месте, совершая действие, мы вырываем лишь одну фразу из огромного контекста человеческой культуры и интерпретируем ее так, как нам выгодно.

Мы оправдываем свои поступки, а не обосновываем их. Оправдание – это все равно как переинтерпретировать фразу из культурного контекста в свою пользу, т.е. применить ее к конкретным обстоятельствам, к конкретному человеку, месту и времени. Мы ведь не случайно заявляем другим, осуждающим нас: ты ничего не понял, если бы ты был на моем месте, то поступил бы также.

Обоснование своего поступка – это оправдание его с помощью чужих фраз

из контекста. Это не приспособление вырванной фразы к себе и своим обстоятельствам, а приспособление ее к чужим, т.е. всеобщим обстоятельствам. Логическое доказательство теории – это вставление моих идей во всеобщий контекст науки и проверка моей идеи на соответствие им, ничего в них, т.е. чужих идеях и научных теориях не меняя. Оправдание же допускает такое изменение, т.е. приспособление всеобщих норм культуры под мою ситуацию.

Оправдывая свой поступок, т.е. придавая ему значение, мы вырываем из огромного культурного текста, подготовленного человечеством за многие тысячелетия, только один смысл «честный поступок», хотя их может быть очень много. Воспитание и образование заключается как раз в том, чтобы заставить юношу прочитать всю книгу или ее большую часть, т.е. объективно оценивать свои поступки, рассматривать их в более широком контексте, а не только в том, в каком велит тебе данная ситуация в данную секунду.

Вырывание фразы из текста книги у человека, совершающего социальное действие, происходит в разных формах и видах. Например, спонтанно – бессознательно и аффективно. Это значит, что набор значений, из которых ты в данный момент выдернул фразу, оправдывающую (придающую смысл), твой поступок, довольно узок. Иначе аффектам и бессознательному было бы трудно сориентироваться, перебрать все значения и быстро выбрать подходящее.

Вторая форма – сознательное размышление перед совершением поступка, перебор альтернатив, сомнения и многодуманье. Они означают, что выбор подходящего решения происходит из более широкого культурного текста. Причем разнородного контекста, так что сравнивать приходится между собой много альтернатив, многие непохожи друг на друга. Это целе-рациональное действие.

Предыдущие действия, совершаемые автоматически, можно причислить

к традиционным и аффективным. Традиционно я здороваюсь при встрече или посылаю на праздник друзьям и родственникам поздравительные открытки. Значение такого действия давно задано культурным текстом. Из него выбрано одно значение и к нему меня приучили родители, многократно повторяя действие.

Традиционное действие не значит не рациональное. Просто выбор значения как бы не происходит каждый раз заново. Оно давно утвердилось в моем значении и не вызывает сомнения. Я осознаю выгоду поздравительных открыток, если, конечно, я взрослый человек: поддержание социальных контактов, доставление другому человеку и себе самому радости и т.д. Смысл поздравлений давно осознан мною, поэтому перед каждым праздником я автоматически сажусь за письменный стол. Действие культурное, осмысленное, значимое и вместе с тем традиционное. Привычка и традиция совершают за меня выбор значения для конкретного действия.

Аффективное действие такое же автоматическое. Оно происходит быстро, как в ускоренной съемке. Ты даже не успеваешь понять, почему ты так поступил, например, разозлился на жену, которую любишь. Но твоё бессознательное давно уже все рассчитало и быстро произвело выбор среди нескольких альтернатив. Ты разозлился лишь потому, что она нарушила какое-то культурное табу, скажем, выставила тебя в невыгодном свете перед твоими друзьями.

Друзья – это значимые другие, т.е. второй критерий социального действия по М.Веберу. Значимые другие стоят рядом, а не находятся в твоём разуме. Они не придают значения твоим действиям. Но они контролируют, чтобы ты выбрал правильную альтернативу, принял правильное решение. Это как подсказка, что именно выбрать, какое решение придать, каким должно быть значение твоего действия.

Так мы и действуем, совершая выбор, запертые с двух сторон: 1) изнутри – культурным контекстом, придающим

значение и смысл нашим действиям, 2) снаружи значимыми другими, на которых мы ориентируемся, которые подсказывают выбор, определяют нормы поведения, ограничивают выбор.

Итак, у всех четырех типов социального действия Вебера есть значение. Но приписывание этого значения конкретному действию в конкретный момент происходит по-разному. Если значение в своей сущности есть ценность, то все четыре типа социального действия, а не только одно из них, ценностно-ориентированное, являются ориентированными на ценность.

В самом деле, целе-рациональное действие является таковым лишь по внешнему виду, а в сущности это тоже ценностно-ориентированное. Если вы выбираете самый короткий путь к остановке, то этот выбор продиктован не логическими аргументами, а тем, что вы очень цените свое время и свои силы, а потому решили пройти к остановке напрямик. Логический просчет маршрута – лишь средство исполнения замысла, а сам замысел – ценностный. Если вы выбрали деньги или карьеру, то деньги и карьера для вас представляют большую ценность, иначе бы вы их не выбирали. Таким образом, любое целе-рациональное действие по своей природе и сущности есть ценностно-рациональное. Но по форме это суть логически рациональное, где вы перебираете различные средства достижения поставленной цели и выбираете наилучший вариант. Перебор и подбор средств происходит позже – после того, как вы определились с тем, что деньги или карьера для вас представляют ценность.

Деятельность, действие, процесс

Общий алгоритм человеческой деятельности лежит в основании любой формы ее проявления – экономической, управленческой, политической художественной, театральной, строительной, земледельческой. Каков этот алгоритм?

Все начинается с **потребности** – нужды в чем-либо. Они бывают у отдельного человека, коллектива, у

фирмы, предприятия, у страны. Мы говорим о потребности школьника отдохнуть от уроков, о потребности трудового коллектива добиться повышения заработной платы, о потребности предприятия в новых кадрах, потребности фирмы расширить свою рыночную долю, о потребности страны отстоять свой суверенитет.

Потребность, скрытая глубоко в нашем бессознательном, проявляет себя в другой, более развитой и уже сознательной форме – **интересе**. Чтобы появился интерес к чему-либо, надо знать о существовании и свойствах этого чего-либо. Вот почему интерес выводит потребность из сферы бессознательного на более высокий уровень психики – осознания. Осознание — это процесс, который базируется на информации о цели и средствах действия.

Со своими потребностями и интересами вы всю жизнь можете пролежать на диване, так ничего не сделав для их осуществления. Чтобы подняться с дивана, нужна готовность и решительность. Готовность иначе называется **установкой** – предрасположенностью. Совершить практическое действие ради удовлетворения своей потребности, превратившейся в интерес.

Итак, мы имеем три психологических элемента для начала практической деятельности. Но это только начало. Назовем их психологическим стартапом (рис. 1).

Рис. 1. Психологический стартап.

Закончился внутренний этап драмы социального действия. Начинается внешний план, переведенный или идеально представленный в мышлении как внутренний. Человек начинает долго размышлять над тремя обстоятельствами:

1. Какова поставленная мною или передо мной цель действий или деятельности.

2. Какие препятствия могут возникнуть на пути достижения поставленной цели.

3. Какой наиболее оптимальный (наименее затратный) способ обойти препятствие и достичь цели я должен выбрать.

В области управления подчиненным **цель** – или его инструментальный эквивалент **задание** (задача) – ставит руководитель. Вне организационного контекста, когда человек находится что называется на «вольных хлебах», он сам себе может ставить задачи и выдвигать цели. Но всегда она находится не внутри человека, а во внешнем мире, например, добиться продвижения по должностной лестнице. В нашей психике существует только ее идеальный образ, некий макет или модель служебного продвижения, свернутая в одну энергетическую точку и служащая так называемым драйвом – побудителем к действию. Но реальное продвижение зависит от мнения руководителя, существующей вакансии, способностей и достижений претендента. **Цель** - осознанный образ предвосхищаемого действия. **Цель** — это образ желаемого результата, итога предпринимаемых усилий. Получаем новую схему (рис. 2).

Рис. 2. Психологический старт с внешней целью.

Как следствие, человек производит осмотр ситуации, т.е. делает **диагностику** проблемной ситуации, после завершения которой составляет список препятствий, трудностей и барьеров. Если их много, он классифицирует на важные и неважные, преодолимые и непреодолимые.

Составив список, он соизмеряет препятствия со своими умениями, способностями и опытом их преодоления. Одни он не сможет преодолеть из-за нехватки знаний, другие – времени, физических сил или опыта. Выбрав тот вариант преодоления, который ему а) по силам и б) доставляет наименьший дискомфорт, человек останавливается на самом приемлемом в данных обстоятельствах или подходящим для его возможностей оптимальном варианте по формуле: достижение поставленной цели с наименьшими затратами и наибольшим эффектом.

Относительно оценки эффекта человек должен дополнительно провести еще одну мыслительную операцию – оценить все последствия своих практических шагов. И в первую очередь негативных последствий. Это **прогнозная** стадия. Вновь составляется список всех потенциальных последствий и он сопоставляется с начертанными ранее вариантами действия. Сопоставив все действия по преодолению препятствий и список последствий, человек снова просчитывает все варианты. После кропотливой умственной работы он, наконец, останавливается на одном, кажущемся ему наиболее правильным. Он может вовсе не совпасть с выбранным ранее самым оптимальным вариантом, поскольку тот касался препятствий, а этот – последствий.

После выбора окончательного варианта наступает черед **планирования** своих действий по реализации задуманного.

Если цель простая, например, поднять с пола ручку, то достаточно одного действия. Действием называется кратковременный или ограниченный во времени операциональный акт. Если цель сложнее, то для ее достижения потребуется несколько действий.

Каждое действие – это лишь фрагмент целого текста или, выражаясь иначе, небольшая сценка в общей драме.

Деятельность по достижению цели – продвигаться по служебной лестнице –

не просто разбивается на стандартные и однообразные фрагменты. Происходит своего рода разделение труда между ними, каждый занимает свое место в общей картине, знает за кем и после кого он следует, какую функцию выполняет. Все это – распределение ролей между участниками деятельности входит в сценарий планирования. Все должно быть четко распределено, записано, обдуманно и подготовлено. Каждому очередному действию готовится дубль, т.е. вариант на случай провала. Каждый сделанный шаг, т.е. фрагмент запланированной деятельности, тщательно анализирует на предмет допущенных ошибок, оценивается его эффективность, корректируется следующий. Это как после театральной постановки артисты остаются с режиссером и идет «разбор полета». Так проступают и летчики. У тех и других принятие решений и ответственность за неправильные действия очень высоки. У руководителей, особенно высокого ранга, каждый акт принятия решения – это *стресс*.

Действия человека всегда *осмысленны*. *Отдельные действия занимают краткое время*: забить гвоздь, погладить рубашку, сходить в магазин. Когда они соединяются в цепочку и повторяются из дня в день, мы говорим о деятельности. Однократное посещение магазина – действие, но повторяющееся хождение по магазинам, ставшее чертой образа жизни женщины, ее социальной ролью, это уже деятельность. Отдельные действия – штопка и глажка белья, приготовление пищи, уборка помещений и т.д. – объединяются в домашнюю деятельность (или работу). И так повсеместно. Занятие, работа, деятельность – это рядоположенные понятия. Человеческое общество развивается благодаря деятельности людей.

Итак, *действие* – исходная единица деятельности. Отдельное *движение* – элемент действия. Движения столь элементарны, что присущи и животным, и людям. Действия и деятельность – только людям. Забить гвоздь – это дей-

ствие, оно распадается на более мелкие движения (взмах молотка, удар по гвоздю и т.д.). К движениям не применимы цель и потребности, а к действию применимы.

Действие — процесс взаимодействия с каким-либо предметом, в котором достигается определенная, заранее определенная, цель. В структуре действия могут быть выделены следующие составные части: 1) принятие решения; 2) реализующая его последовательность операций; 3) контроль и коррекция.

Термины «действие» и «операция» в литературе понимают то как синонимы, то как два различных понятия отражающих целое и его элементы. Во втором случае говорят, что характер операции зависит от условий выполнения действия, от имеющихся у человека умений и навыков, от имеющихся у него в распоряжении инструментов и средств осуществления действия. Разные люди, к примеру, запоминают информацию и пишут по-разному. Это значит, что действие по написанию текста или запоминанию материала они осуществляют при помощи различных операций. Предпочитаемые человеком **операции** характеризуют его индивидуальный стиль деятельности.

При этом в принятии решения происходит увязывание образа ситуации, образа действия, интегральной и дифференциальной программ. Реализация и контроль осуществляются циклически. По прагматическому основанию человеческие действия могут быть разделены на управляющие, исполнительные, утилитарно-приспособительные, перцептивные, мнемические, умственные, коммуникативные действия. В каждом из них происходит использование как усвоенных, так и индивидуально выработанных средств и орудий.

Итак, под деятельностью человека понимается все многообразие его действий, направленных к определенным жизненным целям. Деятельность состоит из действий и операций. Действия – это система движений, направленных

на предмет и преследующих определенную цель. Действия, направленные на людей, называются поступком (проступком). Операции - способ выполнения действия, они не осознаются. Деятельность может быть предметной и познавательной. Основными видами деятельности являются: игра, учение и труд. Действие (операция) - это элемент деятельности, определяемый простейшей целью, не разложимой на более простые элементы. Оказывается, что для выполнения такой, казалось бы, простой операции, как дотронуться до кончика носа, нашему организму необходимо каждую сотую долю секунды обрабатывать информацию, поступающую по каналам обратной связи.

Принятие управленческих решений, например, о переходе предприятия на гибкие формы труда или о слиянии – это сложная интеллектуальная деятельность, которая разбивается на множество действий и операций: постановка цели, изучение проблемы, выбор и обоснование критериев эффективности, определение возможных последствий принимаемого решения, рассмотрение вариантов решения, выбор решения, его окончательная формулировка, доведение решения до исполнителей, контроль за выполнением решений. Действия, деятельность, движений включены в единый поток, который в менеджменте называется процессным управлением (рис. 3).

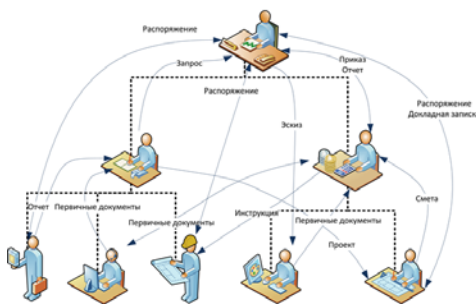

Рис. 3. Процессное управление

Процессом называют последовательность действий в исполнении работ, с помощью которых добиваются результата, ценного для потребителя. Очередность действий, которые выполняются по определенным условиям для определения верного направления будущего движения. Если последовательность выстроена логично и правильно, то не приходится осуществлять ненужные операции, таким образом, уменьшаются временные и денежные затраты, и увеличивается качество результата.

Процесс (лат. *processus* — «течение», «ход», «продвижение»): ход, развитие какого-нибудь явления; последовательная закономерная смена состояний в развитии чего-нибудь; совокупность необратимых, взаимосвязанных, длительных изменений; последовательная смена состояний, стадий изменения (развития) системы или иного объекта; совокупность последовательных действий для достижения какого-либо результата (напр., производственный процесс); процесс управления – система последовательно и параллельно взаимосвязанных функций. Процесс (теория организации) — устойчивая и целенаправленная совокупность взаимосвязанных действий, которые по определенной технологии преобразуют входы в выходы для получения заранее определенных продуктов, результатов или услуг, представляющих ценность для потребителя.

Экономические процессы и объекты (предприятие, сырье, рынок и т. д.) по отношению к экономическому действию выступают в роли целей, средств, препятствий или продуктов (результатов). В более специальной формулировке «экономическое действие» включает операции в сфере современного делового предпринимательства, нацеленного на получение прибыли. Но даже и в этом узком значении термина главное в нем, конечно же, не техническая процедура, а установка на достижение экономической цели и действия, предпринимаемые для ее обеспечения. Иначе

говоря, сознательная ориентация индивида.

М. Веберу принадлежит множество фундаментальных открытий, которые обогатили мировую социологию. Однако его имя в кругу специалистов по социальному знанию – психологов, экономистов, юристов, антропологов, политологов – прежде всего связывают с концепцией социального действия. Она отличалась двумя выгодными чертами – прекрасно подходила под каноны точных наук, прежде всего статистики, и великолепно гармонировала с принципами гуманитарного знания.

С первых же строк своего главного произведения «Экономика и общество» Вебер заявляет о тесной связи этих моментов, благодаря которой социология формулирует свой предмет: «Социология (в том претенциозном значении, в каком это слово здесь употребляется) – это наука, имеющая дело с интерпретативным пониманием социального действия, а через него – с причинно-следственным объяснением процесса и следствий этого действия. Мы будем говорить о “действии” в тех ситуациях, где индивид приписывает какое-либо значение своему поведению, будет ли оно скрытым или открытым, ясным или расплывчатым. “Социальным” такое действие является потому, что его субъективное значение принимает в расчет других и таким образом ориентирован его процесс»⁸. Социология, по его глубокому убеждению, “есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие”⁹.

Вебер определяет действие (независимо от того, проявляется ли оно вовне, например, в форме агрессии, или сокрыто внутри субъективного мира личности, по-

добно терпению) в качестве такого поведения, с которым его субъект связывает субъективно полагаемый смысл. «“Социальным” действие становится только в том случае, если по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»¹⁰.

В социологическое понятие экономического действия, согласно Веберу, необходимо добавить то, что он обозначает словом *Verfügungsgewalt*. По мнению Т. Парсонса, прокомментировавшего данный фрагмент, речь идет о легальном источнике, который санкционирует распределение прав и полномочий в структуре управления, о контроле над производством, который появляется благодаря системе отношений собственности. В чисто экономические реалии контроль, управление и собственности никак не вписываются. Их Вебер относит к социологическим понятиям¹¹. Контроль за распределением прав и ответственности служит основным источником легитимных отношений в экономике. Любая организация экономических действий, если это действительно организация, обязательно включает в себя механизм распределения прав и ответственности если не *de jure*, то *de facto*. Разумеется, принципы, из которых исходят при распределении прав и ответственности, в разных типах экономики, в разных организациях и в разные исторические эпохи должны различаться. Например, в автономных и автокефальных экономических законах власть в организации защищена законодательством страны. “Централизованное правление, как в случае социализма, так и дополнительность частей, как в случае анархизма, должны опираться на известный тип контроля” над средствами производства¹².

⁸ Weber M. *Economy and Society*. Vol. 1. Berkeley. 1978. p. 4

⁹ Вебер М. Основные социологические понятия / Пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. с. 602.

¹⁰ Вебер М. Основные социологические понятия / Пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. с. 602-603

¹¹ Weber M. *Economy and Society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University California Press, 1978. Vol. 1. p.206.

¹² Weber M. *Economy and Society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University California Press, 1978. Vol. 1. p.67-68.

Коллективно-ориентированные социальные действия

Для целей субъективной интерпретации действий возможны три отношения социолога к коллективным понятиям. Имеют место ситуации, когда нужны лишь очень простые коллективные понятия, которые заменяют обыденные представления более «интеллектуальными» терминами. Скажем, и в лексике юристов, и в повседневной речи употребляется одно и то же слово «государство». Оно — из ряда коллективных понятий. Но для социологии не обязательно пользоваться им для объяснения социальных действий. В социологии, говорит Вебер, вообще не существует таких вещей, как коллективная личность, которая как-то «действует». Когда социологу приходится обращаться к таким коллективностям, как государство, нация, корпорация, семья или армия, то он должен отдавать себе отчет, что они обозначают только определенный вид развития реальных или возможных социальных действий индивидов. Можно назвать этот вид качеством, свойством, типом, формой или стадией развития социальных действий. Таким образом, юридические термины, обозначающие коллективности, в социологическом смысле неточны.

Для практических целей или в юридической науке подчас необходимо рассматривать *социальные коллективы* (social collectivities), — государство, ассоциации, деловые корпорации, учреждения — так, как если бы они были отдельными индивидами. Они могут быть истолкованы, например, как субъекты права или обязанностей или исполнители легально значимых действий. Но в социологии, которая в центр внимания ставит субъективную интерпретацию действий, такие коллективы должны рассматриваться исключительно как результирующие (resultant) или как

способы организации конкретных действий отдельных людей, поскольку только они могут интерпретироваться как агенты или носители субъективно понимаемых действий. Тем не менее, социолог не должен полностью игнорировать, считает Вебер, понятия о коллективах, пришедшие в социологию из других наук.

Второе значение, в котором употребляются коллективные понятия, — нормативный порядок. Человеческое поведение и взаимодействие людей ориентировано на определенные коллективные нормы и ценности или коллективные идеи, в которые верят как в предписанный порядок и согласуют с ними свои действия. Нормативные предписания, традиции, коллективные образцы поведения, совместные ритуалы, обычаи и обряды имеют огромную, иногда решающую силу и влияние на действие отдельных личностей. Вера в легальный закон, упорядочивающий взаимодействие людей, выступает важнейшим фактом существования современного общества наряду с субъективным значением индивидуального действия личности¹³. Если использовать чисто социологические термины, то коллективные понятия в этом их значении придется исключить, заменив их другими. Правда, в данном случае коллективные термины обозначают уже не юридические понятия, а реальный процесс действия.

Третья ситуация порождена деятельностью так называемой «органической» школы в социологии. Так, в работе Шаффли, на которого ссылается Вебер, дан образец описания социального взаимодействия на основе категории «целое». По отношению к такому целому каждая его часть выполняет ту или иную функцию. Для целей социологического анализа функциональные рамки вполне уместны, но лишь как практическая иллюстрация либо временная (служебная) ориентация. И то не как полезная, а скорее как необходимая, неизбежная процедура. Стоит

¹³ Weber M. *Economy and Society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University California Press, 1978. Vol. 1. p. 14.

только переоценить познавательное значение функционального подхода, как для социологии возникает опасность материализации незаконных понятий, превращения абстрактного "общего" в конкретное явление. Кроме того, функциональный метод не есть специфически социологический, каковым выступает метод понимания.

Функциональный подход выводит социальную организацию непосредственно из функционального разделения труда, что делать нельзя. Всякое сведение социологического подхода к функциональному основано, по мнению Вебера, на нашем невежестве, т. е. неполном знании о предмете. Его употребление должно рассматриваться в качестве временной меры. С точки зрения социологического подхода, базирующегося на усмотрении внутреннего смысла, между людьми и животными существует огромная дистанция. Но с точки зрения функционального подхода ее вроде бы и нет. Например, определенную степень функциональной дифференциации можно найти и в человеческих, и в животных сообществах, в частности пчелином улье или муравейнике.

Сам по себе функциональный подход служит лишь подспорьем для социолога. Он уместен при решении строго определенного класса задач. Так, анализ уровня специализации функций поможет выявить фазу эволюции того или иного социального целого, сравнить ее низшие и высшие формы. Он является наилучшим для изучения тех способов, с помощью которых подвиды живых существ, в том числе и люди, обеспечивают свое выживание, добывают пищу, защищаются, воспроизводят себя, перестраивают свою структуру. Именно в качестве носителей различных функций социолог описывает людей как "королей", "солдат", "рабочих" и т. д. Но если ограничиваться лишь рамками функционального подхода, то трудно скатиться в пропасть домыслов и

абстрактных спекуляций. Функциональный анализ не дает социологу главного понимания логики и смысла поступков людей.

Стоит ему задаться вопросом о том, почему группы, выполняющие одни и те же функции, скажем рабочие или солдаты, в типичных ситуациях ведут себя таким образом, что результатом их действий оказывается сохранение групповых ценностей, борьба за выживание, а не что-либо еще, как необходимость выхода за рамки функционального подхода станет очевидной.

Формулируя научную интерпретацию человеческих действий, социолог поступает так же, как и специалист в любой другой отрасли науки. Он сверяет свою гипотетическую модель о предполагаемом событии с реально наблюдаемой совокупностью действий. К сожалению, предупреждает Вебер, такой способ верификации дает не абсолютную, а относительную точность, да и случается он крайне редко — обычно лишь в психологических экспериментах. Подобный способ проверки истинности гипотез возможен также при изучении массовых явлений с помощью статистических методов. Но не все они дают надежную информацию, степень приближения к истинности в них чрезвычайно варьируется (рис. 4).

Во всех остальных случаях на долю исследователя остается только одна возможность: подобрать как можно больше исторических примеров или современных явлений и классифицировать их, сравнивая между собой таким образом, чтобы в одну и ту же группу попали действия, которые между собой во многом сходны, но различаются одним решающим моментом — своим отношением к конкретному мотиву или фактору, роль которого для этой группы действий ранее уже изучена. Это Вебер называет "фундаментальной задачей сравнительной психологии"¹⁴.

¹⁴ Weber M. *Economy and Society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University California Press, 1978. Vol. 1. p. 10.

Целе-рациональное действие

Ценностно-рациональное действие

Традиционное действие

Аффективное действие

Рис. 4. Четырехчленка социального действия М.Вебера

К сожалению, такого рода построения, и в этом Вебер отдает себе отчет, случаются редко — только в крайне неопределенных процедурах, называемых “мысленным экспериментом”. Их суть в исключении каких-то элементов из общей цепи мотивации и построение такой логики действия, которая была бы более правдоподобной, учитывая цели причинного объяснения. Такова в общих чертах веберовская теория логических условий доказательства причинно-следственных связей.

В качестве примера неудачного “мысленного эксперимента” Вебер рассматривает, в частности, попытку Э. Майера реконструировать влияние марфонской битвы на судьбы западной цивилизации и развитие Греции, Майер дает интерпретацию значения тех событий, которые должны были произойти по

предсказаниям греческих оракулов в связи с нашествием персов. Однако сами предсказания можно непосредственно верифицировать, полагает Вебер, только изучив реальное поведение персов в тех случаях, когда они оказывались победителями (в Иерусалиме, Египте и Малой Азии). Но подобная верификация не может удовлетворить строгий вкус ученого. Майер не сделал главного — не выдвинул правдоподобной гипотезы, предлагающей рациональное объяснение событий, и не объяснил способа ее верификации. Часто историческая интерпретация только кажется правдоподобной. В каждом конкретном случае необходимо указывать исходную гипотезу и метод ее проверки.

Мотив у Вебера — это комплекс субъективных значений, которые представляются действующему лицу или

наблюдателю адекватной основой поведения. Если мы интерпретируем ту или иную цепочку действий, сообразуясь лишь с нашим здравым смыслом, нашими стереотипами мышления, то подобную интерпретацию надо считать “субъективно приемлемой” (достаточной) либо “корректной”. Но если интерпретация основывается на индуктивных обобщениях, т. е. носит интерсубъективный характер, то ее можно считать “казуально адекватной”. Она показывает вероятность того, что данное событие реально произойдет при тех же самых условиях и тем же порядком. Здесь применимы статистические методы, измеряющие степень корреляции событий, или устойчивости связи повторяющихся явлений.

Оба способа интерпретации событий имеют свои пределы. Так, суждение о смысле социальных действий на основе общепринятых или обыденных норм влечет за собой включение в научный анализ типичных ошибок, свойственных здравому смыслу. Они отражают пристрастие или субъективные предпочтения одних норм другим. “Субъективная адекватность” действительна лишь в рамках “закрытого” поведения. “Открытое” поведение, когда смысл поступков проявляется во внешних результатах, видимых глазу реакциях, поддается скорее статистическому анализу, количественным методам.

Вовсе не каждое действие, даже “открытое” поведение, говорит Вебер, является “социальным” в том смысле, в котором это слово употребляется здесь. “Открытое” действие не является социальным, если оно ориентировано исключительно на “поведение” неодушевленных объектов. Субъективные установки конституируют социальное действие в той мере, в какой оно ориентировано на поведение других. Например, религиозное поведение нельзя считать социальным, если его предмет — только созерцание или уединенная молитва. Экономическая деятельность

оценивается социологом как социальное действие лишь в том случае, пишет Вебер, если при таком действии берется в расчет поведение кого-то еще, например, тех, кто согласится признать право данного индивида некоторым образом контролировать движение товаров или других экономических ценностей. Если говорить более конкретно, то данный индивид совершает социальное действие, если он строит свой потребительский бюджет в зависимости от того, какими в ближайшем будущем могут стать потребности других людей, как они могут измениться. Точно так же и производство ориентируется на будущие потребности людей.

Далеко не всякие контакты людей носят у Вебера социальный характер. Они таковы, если сознательно ориентированы на других. Так, столкновение двух велосипедистов является естественным событием, но их попытка избежать аварии, возможных вслед за этим взаимных оскорблений и закончить дело мирным путем должны истолковываться как “социальное действие”. Если люди раскрывают зонты, почувствовав приближающийся ливень, их действие, хотя и наступившее у всех одновременно, вовсе не ориентировано на поведение “других”. Скорее это однотипная реакция на осадки. Хорошо известно, полагает Вебер, что действия людей сильно зависят от самого того факта, что они находятся в уличной толпе, которая пространственно ограничена прилегающими домами. Такого рода поведение стало специальным предметом “психологии толпы” Г. Лебона. По мнению Вебера, Лебон доказал, что поведение человека в толпе описывается особыми механизмами, в числе которых реакция на действия окружающих, подражание им.

Человек не может поступать иначе как часть “толпы” или “массы”, находясь в подобных ситуациях. Он просто ограничен в выборе средств. У него появляются такие психологические реакции или поведенческие акты — раздраже-

ние, энтузиазм, страсти и т. д., — которые он, как правило, не испытывает в одиночестве. Но при этом человек не должен осознавать себя частью толпы, иначе он может и не подчиниться “воле масс”. Индивид подчиняется логике массового поведения в толпе бессознательно, поэтому его действия не являются в строгом смысле индивидуальными. Разумеется, провести четкую разграничительную линию здесь крайне сложно. Так, например, поведение индивида под влиянием демагогии может носить одновременно массовый и сознательный характер, причем в разной степени. Здесь возможна любая интерпретация, все зависит от квалификации социолога.

Рассмотренные случаи скорее надо отнести к “имитации”, которая, согласно Тарду, не является социальным действием. В этом, как и во многом другом, Вебер полностью согласен с ним. Это реактивное поведение, лишенное сознательной ориентации на источник имитации. Наблюдая за действием других, индивид реагирует на объективные факты как на естественные явления. Его действия причинно обусловлены поведением других, но не ориентированы на его смысл и значение. Совершенно очевидно, что на эмпирическом уровне “влияние” и “сознательная ориентация” трудно различимы, однако на концептуальном уровне между ними необходимо проводить разграничительную линию. Социология имеет дело прежде всего с социальными действиями, но не исключительно с ними. Они — ее центральный предмет, хотя все разнообразие действий индивидов должно учитываться социологом как важные факторы.

Социальная организация органично вырастает из социального действия. В учение о социальном действии у Вебера включается не только знаменитая четырехчленка (целе- и ценностнораци-

ональное, традиционное и аффективное), но также другие категории, в частности, социальные отношения. В самом деле, действие, если оно социальное, подразумевает не только ориентацию на других и мотивацию, но и вытекающую из этой ориентации отношение. Социальное отношение — вот активный мостик от одного индивида к группе. Там, где есть отношение, там всегда наличествует связь, а там, где есть связь, там обязательно должны быть взаимодействие и кооперация, которые, в свою очередь, возникают лишь там, где имеют совместные интересы и ориентация на других. Такова логика веберовского подхода, а точнее — перехода от социального действия к социальной организации, в фундаменте которой лежит организованная группа. “Термин “социальные отношения” будет употребляться для обозначения поведения некоторого множества людей так же, как и для обозначения действий каждого из них, если оно ориентировано на других. Социальные отношения таким образом существует лишь в поле вероятности...” — пишет М. Вебер¹⁵.

Взаимоотношения между людьми у Вебера могут заключать в себе целый спектр неожиданных форм: конфликт, враждебность, сексуальную притягательность, лояльность, дружба или экономический обмен. В социальном действии должен содержаться хотя бы минимум взаимной ориентации. Этот критерий присутствует в служебном исполнении, иноземном вторжении, насилии, соглашении, а также в экономической, эротической и некоторых других формах “конкуренции”¹⁶.

Итак, социальные действия, повторяясь и осуществляясь на регулярной основе, кристаллизуются в социальную связь, т.е. некое устойчивое отношение одного индивида к другому. Р. Арон в данном случае говорит о том, что социальное поведение воплощается в социальную связь (*soziale Beziehung*), но как

¹⁵ Weber M. *Economy and Society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University California Press, 1978. Vol. 1. p. 26-27.

¹⁶ Weber M. *Economy and Society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University California Press, 1978. Vol. 1. p. 27.

именно, не указывает. На роль связующего мостика он предлагает “поступок”: “Социальная связь бывает тогда, когда каждый из нескольких субъектов совершает поступок, смысл которого соотносится с позицией другого таким образом, что поступки взаимно ориентированы друг на друга. Профессор и его студенты находятся в социальной связи. Их позиция ориентирована на профессора, а его позиция ориентирована на студентов”¹⁷. Однако термин “поступок” здесь вряд ли уместен, так как несет на себе известный морально-нравственный акцент. Совершить поступок в русском языке означает сделать нечто выдающееся. Английский термин “action” подходит больше, ибо он обозначает некое нейтральное в ценностном отношении движение. Единственная нагрузка у поступка - ориентация на других. Но она у Вебера не имеет никакого ценностного наполнения.

Типы устойчивых отношений между людьми М. Вебер систематическим образом никак не классифицирует, несмотря на принципиальное значение этого момента для социологии в целом. Правда, он разводит два термина, обозначающих различные оттенки или степень такой устойчивости. “Если ориентация на социальное действие происходит регулярным образом, это следует называть “обыкновением” (Brauch), постольку поскольку основой его существования в группе выступает только реальная практика. Обыкновение будем именовать “обычаем” (Sitte), если практика длится очень долгое время. С другой стороны, единообразие ориентации может быть “детерминировано заинтересованностью”, поскольку и если поведение актора является инструментально ориентированным... Обыкновение кроме того включает в себя “маны” (“fashion”). Обыкновение, по-

скольку оно отличается и противоположно обычаю, следует называть манерой в том случае, когда основой поведения выступает новизна”¹⁸.

Обычаи, привычки, нравы - традиционная тема социологии. Нет ни одного учебника, где бы ни излагались эти понятия. Веберовская трактовка имеет весьма важное для истории социологии значение, поскольку во всех без исключения учебниках дается не его, а самнеровская трактовка. Американский вариант преобладает в мировой социологии. А чем же отличается (и отличается ли вообще) веберовский вариант? Р. Арон, комментируя данное место из Вебера, пишет так: “Если ориентированные друг на друга социальные поступки индивидов совершаются регулярно, то нужно, чтобы регулярность этих социальных связей была чем-то обусловлена. Когда говорят, что эти социальные связи регулярны, то речь идет об “обычаях” (Brauch); когда же единообразие этих повторяющихся связей объясняется длительной привычкой, ставшей второй натурой, то это уже “нравы” (Sitten). Вебер использует выражение “eingeleitet”: обычай вошел в жизнь. Традиция стала спонтанным образом действия”¹⁹.

Т. Парсон передает значение “Brauch” английским “usage”, а “Sitte” (или “Sitten” у Арона) термином “castom”. Правильнее первый переводить на русский как “обыкновение”, или “привычка”, а второй - “обычай”. Почему и в чем разница между ними?

Наш образ жизни создается нашими привычками. Спать лежа, кушать первое ложкой, а второе — вилкой, закрывать за собой дверь, осторожно ставить бьющиеся предметы — все это и многое другое пропитывает нашу повседневную жизнь. Это коллективные, или групповые привычки, усвоенные нами в процессе социализации. Их огромное мно-

¹⁷ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. с. 547

¹⁸ Weber M. *Economy and Society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University California Press, 1978. Vol. 1. p. 29.

¹⁹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. с. 547-548

жество, они соблюдаются нами автоматически, без осознания. Кроме них, существует масса индивидуальных привычек: рано вставать, заниматься гимнастикой, одеваться потеплее, пить кофе по утрам, не курить натошак и т.д. Привычки возникают на основе навыков и закрепляются в результате многократного повторения. Привычки — это установившаяся схема (стереотип) поведения в определенных ситуациях. Большинство привычек не встречают со стороны окружающих ни одобрения, ни осуждения.

Обычаи же присущи широким массам людей. Это традиционно установившийся порядок поведения. Он также основан на привычке, но относится не к индивидуальным, а к коллективным действиям. Обычаи гостеприимства, празднования Рождества и Нового года, уважения к старшим и многие другие берегутся народом как коллективное достояние, ценности. К их соблюдению людей часто принуждают. Обычаи — одобренные обществом массовые образцы действий, которые рекомендуются выполнять. К нарушителям применяются неформальные санкции — неодобрение, изоляция, порицание.

Нравы — особо оберегаемые, высоко чтимые обществом массовые образцы действий. Нравы отражают моральные ценности общества, их нарушение наказывается более сурово, нежели нарушение традиций. От этого слова происходит "нравственность" — этические нормы, духовные принципы, которые определяют важнейшие стороны жизни общества. Латинское слово *moralis* означает "нравственный". Нравы — обычаи, имеющие моральное значение. Под эту категорию попадают те формы поведения людей, которые бытуют в данном обществе и могут быть подвергнуты нравственной оценке. В Древнем Риме это понятие означало "самые уважаемые и освященные обычаи". Во многих обществах считается безнравственным оскорблять старших, бить женщину, обижать слабого, издеваться над инвалидами.

Таким образом, стремление Р. Арона свести "нравы" к "длительной привычке, ставшей второй натурой", не совсем правомерно. Во всяком случае она расходится со сложившимся в социологии употреблением. Термин "обыкновение" можно вполне заменить термином "привычка". И тогда у Вебера получится вполне естественная иерархия, в которой на нижней ступеньке будут находиться самые слабые (с точки зрения наказания за нарушение) разновидности социальных связей, а именно привычки, а над ними будут возвышаться не нравы, а обычаи - коллективные социально одобряемые образцы действий. О нравах же Вебер (по крайней мере в данной главе) вообще ничего не говорит. Почему? Может быть, он не придает им никакого значения? Напротив, он придает им исключительное значение. Только называет их не нравами, а ценностями. А они, как известно, служат одним из столпов веберовского учения и рассматриваются им во множестве произведений.

Точно так же неправильно, на наш взгляд, именовать традицию "спонтанным образом действия", как это делает Р. Арон. Традиция — все то, что унаследовано от предшественников. Если привычки и обычаи переходят от одного поколения к другому, они превращаются в традиции. Первоначально это слово обозначало "предание". В качестве традиции выступают также ценности, нормы, образцы поведения, идеи, общественные установления, вкусы, взгляды.

У Вебера обыкновение противоположно обычаю и включает в себя манеры, если в социальном действии присутствует элемент новизны. Манеры — внешние формы поведения человека, получающие положительную или отрицательную оценку окружающих. Они основаны на привычках. Манеры отличаются воспитанных от невоспитанных, аристократов и светских людей от простолюдинов. Если привычки приобретаются стихийно, то хорошие манеры надо воспитывать. Присутствие эле-

мента новизны указывает на то, что Вебер включал в понятие "манеры" признаки, характеризующие другие явления, а именно моду, вкус и увлечения. Вкус — склонность или пристрастие к чему-либо, чаще всего это чувство или понимание изящного. Вкус в одежде формирует индивидуальный стиль, манеру одеваться. Вкус индивидуален, поэтому он показывает то, насколько человек отклонился от общепринятых норм, усредненных стандартов. Увлечение — кратковременное эмоциональное пристрастие. У каждого поколения свои увлечения: узкими брюками, джазовой музыкой, широкими галстуками и т.п. Смена увлечений, овладевших большими группами, называется модой. Моду также понимают как быстро преходящую популярность чего-либо или кого-либо. Эти "чего-либо" обычно обозначают какие-то незначительные нормы — в одежде, питании, поведении и т.п. Если вкус может сохраняться у человека на протяжении всей жизни, то увлечения постоянно меняются. В отличие от увлечения, мода выражает социальные символы. Модные веяния присутствуют скорее городской среде, где статус и престиж человека зависит не столько от трудолюбия или характера, сколько от стиля жизни, уровня благосостояния, манеры одеваться.

Говорить о привычках, обычаях, нравах приходится в связи с тем, что от них у Вебера тянется прямая ниточка к социальным организациям. Дело в том, что последние представляют собой самый крепкий из всех возможных видов социальный цемент общества. Или по крайней мере один из самых крепких. Конечно, общество укрепляют и привычки, и обычаи, и традиции, и нравы. Однако только в социальной организации они направляют во благо или ради выгоды. Иными словами, превращаются в инструмент рационального экономического действия. Ведь люди и объединяются в организации, если речь идет об экономических организациях, ради получения прибыли, изготовления товаров или оказания услуг.

Социальные организации - как наивысшая ступенька эволюции социальных отношений и связей - произрастают из элементов, составляющих содержание этих отношений, а именно привычек, обычаев, традиций. Такой подход, хотя современные социологи почему-то забывают, очень хорошо коррелирует с последними концепциями организационного поведения. Вспомним хотя бы теорию Дж. Хоманса. Для того чтобы объяснить механизм возникновения неформальных групп внутри формальных организаций, Дж. Хоманс построил теоретическую модель, включающую три основных элемента: задания, взаимодействие и установки. От руководителя люди получают производственное задание, выполняя его постоянно и ежедневно, они организуют процесс взаимодействия (систему конкретных поведенческих актов), и, как следствие, между ними возникают определенные чувства, привычки, ожидания, симпатии и антипатии. Причем, чем чаще и интенсивнее взаимодействие, тем сильнее взаимные чувства, и наоборот. Возникает своего рода эффект наполнения, или спиральный процесс, и если он не прерывается, то члены малого коллектива со временем становятся все более и более похожими друг на друга. У них возникает то, чем все они дорожат, в частности, нормы совместного поведения. Такие нормы можно назвать нравственными принципами, традицией или обычаями. В любом случае они представляют собой неписанные законы, которые всегда возникают только на достаточно зрелом этапе развития человеческой общности. Они аккумулируют прошлый опыт, высоко ценятся людьми и выполняются нередко с большим прилежанием, чем формальные нормы, например, свод должностных обязанностей, различного рода инструкции и приказы. Чем больше сплочена общность, тем больше выполняются нормы и сильнее к ней тянутся индивиды. По отношению к тем, кто нарушает нормы, применяются, опять же, неформальные санкции (рис. 5).

Рис. 5. Социальное действие как предмет социологии.

М. Вебер стремился опустить социологию с высот анализа макроструктур (община — общество, механическая — органическая солидарность, классовая борьба и т. д.) до его «атомарного» уровня, т. е. до отдельно взятого человека. И из характеристики его поведения (действия), в котором наиболее ярко проявляются рациональные или иррациональные элементы, вывести основные характеристики социальной природы общества в целом, определив такие понятия, как «государство», «религия», «искусство» и т.д. На этом пути Вебер старался преодолеть крайности как научного позитивизма (отождествляющего науки о природе и обществе, отстаивающего общенаучный характер объяснения), так и крайности социальной герменевтики (настаивающей на том, что в общественных науках используется только понимание). Вебер, не отрицая объяснения в общественных науках, полагает, что первым его шагом должно быть именно «интерпретирующее понимание», т. е. постижение субъективного смысла действий. Поэтому понимание и причинно-следственное объяснение, с его точки зрения, не исключают, а дополняют друг друга в социологии. А чтобы построить такое «интерпретирующее понимание», исследователю необходимо среди множества различных действий, предпринимаемых людьми, выделить те из них, которые

только и могут быть отнесены к социальным. М. Вебер предпринимает попытку определить специфику предмета социологического познания, уже - исследования. М. Вебер полагал, что с помощью такого универсального понятия, как «социальное действие» выражается специфика и сущность человеческого бытия в его общественном и индивидуальном проявлении.

Обычно М. Вебера относят к представителям качественной методологии. Однако его эмпирические исследования и методологические заметки, сделанные им в области социологии труда, показывают его совсем с другой стороны — как прекрасного знатока количественной методологии. Имеет смысл думать о нем именно с этой стороны, а именно как социолога, в равной мере сочетающем в себе умения в области качественной и количественной методологии. В связи с этим необходимо иначе репрезентировать социальное действие как предмет социологии (см. рис. 6).

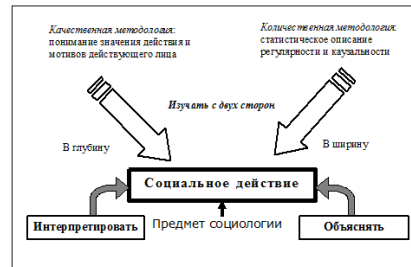

Рис. 6. Социальное действие в проекции двух методологий.

Оба метода — назовем их «качественным», направленным на постижение скрытых мотивов, и «количественным», призванным измерять степень корреляции повторяющихся действий, — должны дополнять друг друга в любом социологическом исследовании. Такое синтетическое исследование Вебер называет «корректной казуальной интерпретацией»¹; оно соединяет в себе

¹ Weber M. Economy and society. Vol. 1. Berkeley, 1978. P.12.

себе преимущества “коррективного”, т.е. субъективного постижения значения (или мотивов) социального действия, и “казуального”, т.е. статистически-вероятностного измерения связи составных частей того же социального действия. Статистическая мера связи, вероятность событий сама по себе является “голым”, т.е. бездоказательным фактом. Она приобретает доказательную силу, если под нее подведен фундамент “субъективной адекватности”. Иначе говоря, если ученый выявил количественную связь явлений, протекающих в рамках одного социального действия, то в добавление к ней он должен доказать, что такая связь не случайна, а обусловлена внутренним смыслом событий, логикой поведения действующего лица. Иными словами, на социальное действие необходим взгляд “изнутри” и дополнительно взгляд “снаружи”¹.

Оба метода интерпретации социальных действий являются *дополнительными*. Только в совокупности они дают полную картину реальности. Подобную методологию можно встретить, например, в квантовой механике, в которой интерпретации элементарной частицы как волны и корпускулы, несмотря на их противоположность, являются взаимодополнительными. Применение их порознь дает искаженную картину действительности. В своих комментариях к веберовской работе Парсонс отмечает именно такую особенность методологии немецкого социолога: результаты наблюдения на уровне субъективного значения (мотивов) должны дополняться результатами объективного, т.е. статистического, измерения. Правда, последнее возможно, как правило, в случае “открытого” поведения, которое фиксируется наблюдателем через

ссылку на “состояние сознания”, а не внешне демонстрируемые акты, реакции, результаты². Вебер определил социологию как «науку, которая пытается интерпретировать понимание социального действия, чтобы таким образом прийти к причинному объяснению его хода и следствий».

Таким образом, общество, его возникновение и функционирование предстает как результат и система социальных действий индивидов, а также тех социальных отношений, которые устанавливаются между ними в структуре групп, общностей и институтов. Причем эти отношения в основном (если они носят рациональный характер) связываются с наличием социального порядка.

Концепция социального действия Макса Вебера получила за рубежом всеобщее признание³. Исходные положения, сформулированные немецким ученым, были развиты в трудах Дж. Мида, Ф. Знанецкого, Э. Шилза и многих других. Благодаря обобщению веберовской концепции Т. Парсонсом (1902-1979) теория социального действия стала фундаментом современной поведенческой науки. Парсонс пошел дальше Вебера в анализе элементарного социального действия, включив в него действующее лицо, ситуацию и условия.

Разрабатывая концепцию социального действия М. Вебера дальше, надо учитывать то, о чем не говорили или мало учитывали классики мировой социологии, и что выяснилось в последнее время. Речь идет о том, что рационального субъекта и присущее ему рациональное действие, как фундаментальную предпосылку социального действия в целом, следует рассматривать не только в онтологическом, но и гносеологическом измерении. Социолог

¹ Кравченко А.И. Основные принципы веберовской методологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011, №4, с.165.

² Weber M. Economy and society. Vol. 1. Berkeley, 1978. P.59.

³ В частности, см.: Ekstrom M. Causal Explanation of Social Action: The Contribution of Max Weber and of Critical Realism to a Generative View of Causal Explanation in So-

cial Science // Acta Sociologica: Journal of the Scandinavian Sociological Association 35 (1992): 107-122; Salomon, A. 1934. Max Weber's Methodology // Social Research 1, 147-168; Herva, S. 1988. The Genesis of Max Weber's Verstehende Soziologie // Acta Sociologica 31, 143-156; Homans G.C. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt Brace, 2007; Harré, R. Social Being. Oxford: Basil Blackwell, 1979.

изучает респондентов как рациональных, вполне здравомыслящих людей (иначе их и опрашивать было бы невозможно). И это правильно. Но кто он сам? А сам он как субъект познания представляет собой точно такого же рационального человека с присущими ему рациональными действиями. Получается, что подобное познается подобным. А не проецирует ли на респондента ученый собственные модели и установки поведения? Предположив, что респондент точно такой же здравомыслящий человек, легче будет понять его мотивацию и ориентацию на других людей. Ведь мы все так ведем себя. Если в объект познания мы вкладываем то, что носим сами, то можно ли говорить об объективности социологического исследования?

Классическая наука рассматривает объективность как соответствие фактам. В современной науке проблема объективности проблематизирована. Постмодернизм и постнеклассическая наука продуцируют иную идеологию познающего субъекта. Требование объективности познания пересматривается в сторону его сближения с принципом субъективности. Тот самый «*homo rationalis*», который является продуктом капитализма и рыночной экономики, присутствует в социологии в двух ипостасях – как объект и как субъект познания. Мы, социологи, такие же «*homo rationalis*». Ведет ли это к неизбежным искажениям принципов научного познания и следует ли в связи с этим существенно корректировать веберовскую четырехчленку социального действия, это вопрос, который требует самого обстоятельного рассмотрения в будущем.

Statics and dynamics of social action: options and alternatives

Kravchenko A.I.

Moscow State University

The classical theory of social action by M. Weber, which influenced the formation of the whole world sociology, was created in the late XIX - early XX centuries. German sociologist Max Weber. It was the concept of social action that served as the basis for what later came to be called understanding

sociology. To understand social action means to understand its meaning, motives and intentions of the acting subject. The difficulty lies in the fact that genuine knowledge of the motives of action belongs exclusively to the acting entity. And sociology, which seeks to understand the meanings of actions, uses the "understanding" method. To reveal the meaning of action, as Weber believes, both logical and psychological means of cognition must be used simultaneously. From a logical point of view, the knowledge of social actions should be based on special structures designated by Weber by the concept of "ideal type". From a psychological point of view, the explanation of the action must be preceded by the operation of "understanding". According to Weber, such concepts as, for example, "capitalism", "feudalism", "western city", "Protestantism", "Catholicism", "church", "sect", "religion", "class", "exploitation" and etc. are just "analytical constructions", "ideal types". Sometimes understanding in the Weberian sense is equated with a direct subjective experience of events. In fact, understanding is not an experience, but a rationalization of events and actions, i.e. their reconstruction in the mind of the researcher. Today, sociologists need to go beyond the established pattern of social action of M. Weber and, enriching it with new content, to offer ways and means of its further development.

Key words: social action, M. Weber, action, activity, motives, interest, projection, participation, process.

References

1. Berger Peter L., Luckmann Thomas. The Social Construction of Reality: A Treatise its the Sociology of Knowledge. New York: Anchor Books, 1966, pp. 59-61.
2. Kolontaevskaya E.A. Career guidance (<http://socpedagogika.narod.ru>).
3. Weber M. Economy and Society. Vol. 1. P. 6.
4. Weber M. Economy and Society: An outline of interpretive sociology. Berkeley: University of California Press, 1978. Vol. 1. p. 13.
5. Shakespeare W. Complete. Sobr. Op. in eight volumes. T. 5 M., 1959. C 292
6. Weber M. Basic sociological concepts / Per. with him. M.I. Levina // Weber M. Selected Works. M.: Progress, 1990. s. 602.
7. Weber M. Economy and Society: An outline of interpretive sociology. Berkeley: University of California Press, 1978. Vol. 1. p. 206.

8. Aron R. Stages of development of sociological thought. M., 1993. 547
9. Kravchenko A.I. The basic principles of the Weberian methodology // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2011, No. 4, p. 165.
10. Ekstrom M. Causal Explanation of Social Action: The Contribution of Max Weber and of Critical Realism to a Generative View of Causal Explanation in Social Science // Acta Sociologica: Journal of the Scandinavian Sociological Association 35 (1992): 107-122;
11. Salomon, A. 1934. Max Weber's Methodology // Social Research 1, 147-168;
12. Herva, S. 1988. The Genesis of Max Weber's Verstehende Soziologie // Acta Sociologica 31, 143-156;
13. Homans G.C. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt Brace, 2007;
14. Harré, R. Social Being. Oxford: Basil Blackwell, 1979.

Панели как стратегия формирования выборки в социологических и маркетинговых исследованиях

Медведев Павел Сергеевич

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации, Тюменский индустриальный университет, medvedevps@tyuiu.ru

В статье рассматриваются различные подходы к формированию выборок в социологических и маркетинговых исследованиях. Несмотря на то, что эти подходы объединены общим названием – «панели», они имеют ряд принципиальных отличий. В первом случае речь идёт о лонгитюдных исследованиях, предполагающих последовательную фиксацию мнений респондентов через определённые промежутки времени и позволяющих изучать социальные процессы и явления в динамике. Во втором подразумевается совокупность интернет-пользователей – потенциальных респондентов, систематически участвующих в социологических и маркетинговых исследованиях. В статье показаны некоторые особенности работы с указанными типами панелей.

Ключевые слова: социологические и маркетинговые исследования, панельное исследование, лонгитюдное исследование, онлайн панели, рекрутинг, выборка.

Понятие «панель» («panel») заимствовано из языков романо-германской группы и восходит к латинскому «rannus» - «кусочек материи, лоскут». Первичное значение - «обшивка, облицовка». В наши дни под панелью понимается некая плоская поверхность (двухмерное пространство), которая служит основой для разного рода конструкций. Например, приборная панель, или панель управления, подразумевает группу приборов и органов управления, совмещённой в одной конструкции. В компьютерной сфере панель инструментов означает элемент графического интерфейса пользователя, предназначенный для размещения на нём нескольких других элементов (кнопок, элементов меню, текстовых полей и т.д.).

Применительно к социологической и маркетинговой сферам понятие панель означает некий принцип, на основании которого осуществляется отбор респондентов.

Панель как лонгитюд. До интенсивного развития интернета под панельным исследованием понимался способ сбора информации, при котором в течение длительного периода времени с определённой периодичностью исследуется одна и та же группа людей. Долгое время в качестве синонима панельных исследований употреблялся термин лонгитюдные исследования (англ. Longitudinal study от longitude - долговременный).

Сегодня лонгитюдные исследования – состоявшаяся и самодостаточная технология, применяемая в различных отраслях социогуманитарного знания и включающая в себя собственный набор техник и аналитических инструментов.

Считается, что становление лонгитуды как научного метода осуществлялось в рамках детской и возрастной психологии под руководством американского психолога Арнолда Луисиуса Гезелла. Используя лонгитудные исследования учёный выстроил систему нормативных показателей для детей от трех месяцев до шести лет по таким критериям, как моторика, речь, адаптивное поведение, личностно-социальное поведение. Последователи А. Луисиуса продолжили развитие метода, а лонгитуды продолжительностью в 30 лет обусловили возникновение нового направления – возрастной психологии, изучающей особенности психологического развития человека на протяжении всей его жизни [6]. Постепенно лонгитуды получили распространение в рамках других научных дисциплин.

В социологии под лонгитудными исследованиями (англ. Longitudinal study от *longitude* – долговременный) подразумевается изучение одной и той же социальной группы в течение времени, за которое члены данной группы успевают существенно поменять какие-либо свои значимые признаки [7]. Социологические лонгитуды отличаются широким охватом, масштабностью, а основная цель таких исследований заключается в изучении процесса трансформации жизненных траекторий участников исследования в зависимости от различных факторов. В рамках такого исследования могут быть использованы самые разнообразные методы: массовые опросы, нарративные интервью, фокус-группы, наблюдения и др.

В нашей стране одним из самым известных лонгитудных проектов стало исследование «Пути поколения», реализованное в 1983-1999 годах под руководством эстонского социолога Микка Титмы [5]. Это был уникальный проект в советской социологии, направленный на исследование жизненных траекторий молодых людей в период их взросления в годы «перестройки» и распада Советского Союза. Проект охватывал учащихся из 14 регионов страны: Эстонии,

Литвы, Украины, Молдавии, Таджикистана, а также из ряда регионов РСФСР: Москвы, Татарстана, Красноярского края, Свердловской области и др [3].

Сопоставляя лонгитудный подход с мониторинговыми исследованиями можно выделить несколько ключевых преимуществ первого. Используемая в рамках мониторинга каждый раз новая выборка даёт исследователю возможность фиксировать лишь ретроспективные мнения респондентов о событиях, имевших место в прошлом, но не позволяет изучать изменения в ценностно-мотивационной области человека. Лонгитудные же исследования позволяют точно описывать перемены, происходящие в жизни респондентов. Это касается трансформации системы ценностей, взглядов, мотивов поведения и т. п.

В то же время, являясь одним из наиболее сложных типов исследований в социологии, лонгитудные исследования обладают рядом недостатков, к которым можно отнести:

1. Значительные затраты, обусловленные необходимостью проведения нескольких волн опросов.

2. Технические сложности в реализации исследовательских процедур, обусловленные необходимостью сбора данных не только в основные волны проекта, но и в промежутках между этапами. В частности, необходимо уточнение сведений о респондентах, которые могли измениться в результате произошедших жизненных событий; поиск отдельных респондентов, сменивших место жительства и т.п.

3. Потеря части выборки, связанная с различными факторами: отъезд, смерть, отказ от дальнейшего участия и т. д. Фактически, респонденты участвовавшие на первых этапах исследования становятся недоступны на более поздних этапах. В результате база для сравнительного анализа сокращается, что становится основной причиной снижения валидности исследования.

4. Вероятность редукции социального эффекта в результате взаимовлияния разновекторных по своей природе событий в жизни респондента.

5. Возникновение эффекта Хоторна. Понимание своей причастности к длительному социальному эксперименту может приводить к переменам в поведении респондентов. Подсознательно стремясь к социально одобряемому поведению люди неумышленно изменяют естественные условия протекания исследования. Подобный эффект был обнаружен Элтоном Мэйо в ходе проведения широко известных «Хоторнских экспериментов».

Другим ярким примером, демонстрирующим специфику панельных исследований, является проект по изучению радио Пола Лазарсфельда в 40-х годах прошлого века. Будучи твёрдо уверенным, что массовые коммуникации представляют собой подходящую сферу для развития методологии социальных исследований, Лазарсфельд в качестве эксперимента использовал повторные интервью. Для того, чтобы изучить, какой эффект оказывает радио на американское общество, было важно зафиксировать изменения в установках и поведении людей. Это, в свою очередь, предполагало разработку подходящих исследовательских методов, одним из которых и стал панельный опрос.

Осенью 1937 г. исследователь испытал панельную технику на практике. После проведения выборов губернатора штата Нью-Джерси был реализован опрос по случайной выборке в нескольких городах штата. На основе результатов этого опроса впоследствии был разработан опросник для интервьюирования. Результаты своих методологических экспериментов с панельными исследованиями Лазарсфельд представил научной общественности в ряде статей 1930-1940-х годов. В этих публикациях он не только анализировал теоретические и практические проблемы использования нового метода, но и привёл конкретные примеры из соб-

ственной практики, указывая, что «панель является наиболее полезным инструментом при изучении эффектов пропаганды»[1]. В 1950 г. Лазарсфельд предпринял попытку расширить возможности использования панельного метода. Исследователь пришёл к выводу, что использование той же выборки респондентов позволяет наблюдать воздействие СМИ и межличностной коммуникации на процесс принятия человеком ежедневных решений. Лазарсфельд выделил механизмы влияния лидеров общественного мнения на аудиторию, тем самым сделав первый шаг к объединению социометрических методов в крупномасштабный опрос общественного мнения [2].

Панель как виртуальная площадка. В наши дни понятие «панельные исследования» в большей степени ассоциируются не с лонгитюдными проектами, а с онлайн-панелями, которые представляют собой сообщества людей, давших согласие на регулярное участие в маркетинговых онлайн-исследованиях. С глубоким проникновением интернета в жизнь общества все больше исследователей обращаются к формату онлайн-опросов, который в ряду критериев совершеннее традиционных и является более удобным и интересным для респондента. Несмотря на то, что первую онлайн-панель в холдинге «РОМИР» сформировали ещё в 1997 году [8], в нашей стране этот способ проведения опросов получил широкое распространение относительно недавно.

Можно выделить несколько видов онлайн-панелей. Первые – потребительские панели. Они могут быть как общие, так и специализированные, например, панели автомобилистов, детей, мам с детьми до 3-х лет, беременных женщин, геймеров, потребителей экологических продуктов и так далее. Вторые – бизнес-панели (B2B). Данные панели обычно разделяют по отраслям и степени влияния их участников на принятие решений о закупках товаров или

услуг для своей организации. Часто такие панели ещё называют экспертными. Отдельного внимания заслуживают онлайн-панели, созданные для измерения теле- и интернет-аудитории. Рассмотрим каждый из них более подробно.

Компании, занимающиеся проведением исследований через интернет, пользуются двумя главными преимуществами перед стандартными методами проведения исследований. Первым и самым главным преимуществом интернет-исследований является существенная экономия времени. Так, сбор количественных данных может быть реализован за 1-2 дня. Аналогичное исследование офлайн заняло бы несколько недель. Кроме того, обработка результатов в онлайн-среде значительно упрощается. Второй плюс – экономия финансов. Это существенный фактор, снижающий стоимость проведения исследования для заказчика. Наконец, ценность интернет-исследований состоит ещё и в том, что можно опросить труднодоступную и сложную группу потребителей, например, инвалидов. На улицах людей этой категории встретишь нечасто, зато у многих из них есть дома интернет, так как именно с его помощью они часто зарабатывают деньги. Другая категория – мамы, сидящие дома с маленькими детьми, не имеющие возможности лишиться раз выйти на улицу или уделить много времени телефонному опросу [9].

Чаще всего компании, проводящие маркетинговые исследования в Интернете, пользуются сторонними онлайн-панелями. Однако некоторые фирмы берутся за долгий и дорогостоящий процесс – организацию собственной онлайн-панели.

Работа онлайн-панели. Исследовательский процесс в онлайн-панели включает в себя ряд последовательных этапов:

а) Проверка выполнимости проекта включает в себя оценку достижимости целевой аудитории. Понятие «достижимости» обозначает долю целевой от

всей генеральной совокупности. Достижимость определяется исходя из представленных панелистами своих социально-демографических и иных, значимых для исследования характеристик. Иногда для анализа достижимости проводят экспресс-опрос.

б) Программирование инструментария. Анкета тщательно проверяется и показывается заказчику перед программированием. Разрабатываются рекомендации по улучшению дизайна анкеты, чтобы он подходил для сбора данных в онлайн-среде. Перевод анкеты тщательно проверяется, а заказчик информируется обо всех изменениях в формулировках. Логика анкеты и используемые в ней медиаматериалы тестируются командой контроля качества перед запуском исследования. Анкета запускается в работу после тестирования и письменного одобрения заказчиком исследования.

в) Приглашение. Процесс приглашения на исследование может повлиять на то, кто согласится принять участие в конкретных проектах и, соответственно, на качество выборки. Степень детализации информации о проекте также может влиять на уровень отклика. Рассылка приглашений осуществляется в соответствии с принятыми стандартами, в основном, посредством электронных писем (в случае использования мобильной панели – через SMS-сообщения).

В приглашении содержится следующая информация:

- упоминание о возможности принять участие в проекте;
- URL-ссылка для начала опроса;
- номер проекта. Часто операторы онлайн-панелей не предоставляют информацию о названии проекта, чтоб не «подсказывать», как ответить на отборочные вопросы;
- примерное время, которое требуется для заполнения опроса;
- детали о вознаграждении за прохождение опроса;

- при необходимости – описание особенностей конкретного исследования (заполнение дневника или анкеты в рамках лонгитюдного исследования);

- ссылки на Политику конфиденциальности и Пользовательское соглашение.

г) Формирование выборки. Выборки делаются специально под задачи, согласно предоставленным критериям и квотам. Нередко в онлайн-панелях используются маршрутизаторы опросов – система, распределяющая респондентов, готовых участвовать в опросах по тем исследованиям, в которых они наиболее вероятно соответствуют критериям отбора. Респонденты могут перенаправляться на маршрутизатор по разным причинам. Например, после того, как они не прошли условия отбора другого исследования, в которое они были приглашены, или же в результате приглашения от самого маршрутизатора.

д) Сбор данных. Опрос обычно начинается с запуска 10% выборки. Полученные данные тщательно проверяются. При запуске основного поля учитываются наблюдаемый уровень достижимости и ожидаемый отклик целевой аудитории. Квоты контролируются автоматически, но могут быть скорректированы вручную в соответствии с требованиями заказчика. С помощью специального пароля заказчик получает доступ к клиентскому portalу, чтобы в режиме реального времени отслеживать ход исследования и анализировать данные.

е) Обработка данных. Данные тщательно проверяются перед отправкой заказчику в соответствии с принятыми процедурами контроля качества данных. Обычно в выборку закладывается дополнительное количество респондентов, чтобы была возможность безболезненно удалить некачественно заполненные анкеты. Данные могут быть экспортированы в различные форматы.

В заключение отметим, что существует два основных смысловых поля понятия исследовательской панели. Первое характеризуется указанием на приоритетность временного фактора,

второе связано с обособленным виртуальным пространством, в котором находятся потенциальные респонденты, готовые в любой момент принять участие в исследовании. Это два разных подхода, которые следует четко различать.

Литература

1. Воробьев А.Н. Становление американских электоральных исследований: Пол Лазарсфельд и «Выбор народа» [Текст] / А.Н. Воробьев // Социологический журнал. – 2018. №3. – С. 163-179.

2. Завгородняя М.Ю. Пол Лазарсфельд: новый взгляд на изучение электоральной коммуникации [Текст] / М.Ю. Завгородняя // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. – №4. – С. 105-111.

3. Лонгитюды: познавательный потенциал, проблемы методологии, стратегии преодоления методических ограничений. Анонс секции ФОМа в рамках конференции памяти А.О. Крыштановского [Электронный ресурс]. - URL: <http://fom-gk.ru/events.html/12>

4. Онлайн-панели [Электронный ресурс] // Сайт компании OMI. - URL: http://www.omirussia.ru/ru/online_panels/

5. Пути поколения – проект Микка Титмы [Электронный ресурс]. - URL: <http://fom.ru/posts/10863>

6. Смутьская Е.Д. Лонгитюдные исследования в лингвистике: опыт и перспективы [Текст] / Е.Д. Смутьская // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2016. – №182. – С. 53-58.

7. Терещенко О. В. Лонгитюдное исследование [Текст] // Социология : энциклопедия / сост. А. А. Грицанов [и др.]. – Минск : Книжный Дом, 2003. – С. 517

8. Фролов Д. Л., Рыбникова А. В. Кто есть кто на рынке онлайн-исследований? [Электронный ресурс]. // Онлайн исследования в России 2.0 / Под редакцией Шашкина А. В., Девятко И. Ф., Давыдова С. Г. — М.: РИЦ «Северо-Восток», 2010.

9. Фарахутдинов Ш.Ф. Современные методы социологических и маркетинговых исследований: учебное пособие. Тюмень, 2018. Том Часть 1. – 190 с.

Panels as a sampling strategy in sociological and marketing research

Medvedev P.S.

Tyumen Industrial University

The article discusses various approaches to the sample formation in sociological and marketing research. Despite the fact that these approaches are united by a common name - "panels", they have a number of fundamental differences. In the first case, we are talking about longitudinal studies that involve consistent recording of respondents' opinions at certain intervals and allow us to study social processes and phenomena in dynamics. The second one implies a set of the Internet users - potential respondents who systematically participate in sociological and marketing research. The article shows some features of working with these types of panels.

Keywords: sociological and marketing research, panel research, longitudinal research, online panels, recruiting, sampling.

References

1. Vorobyov A.N. Formation of American Electoral Research: Paul Lazarsfeld and "The Choice of the People" [Text] / A.N. Vorobiev // Sociological Journal. - 2018. No. 3. - S. 163-179.
2. Zavgorodnaya M.Yu. Paul Lazarsfeld: a new look at the study of electoral communication [Text] / M.Yu. Zavgorodnaya // Locus: people, society, cultures, meanings. 2017. - No. 4. - S. 105-111.
3. Longitude: cognitive potential, problems of methods, strategies for overcoming methodological limitations. Announcement of the FOM section at the conference in memory of A.O. Kryshatanovsky [Electronic resource]. - URL: <http://fom-gk.ru/events.html/12>
4. Online panels [Electronic resource] // OMI company website. - URL: http://www.omirussia.ru/en/online_panels/
5. Ways of generation - Mikka Titma project [Electronic resource]. URL: <http://fom.ru/posts/10863>
6. Smulskaya E.D. Longitudinal studies in linguistics: experience and prospects [Text] / ED Smulskaya // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2016. - No. 182. - S. 53-58.
7. Tereshchenko OV Longitudinal research [Text] // Sociology: Encyclopedia / comp. A. A. Gritsanov [et al.]. - Minsk: Book House, 2003. - S. 517
8. Frolov D. L., Rybnikova A. V. Who is who in the market for online research? [Electronic resource]. // Online research in Russia 2.0 / Edited by Shashkina A.V., Devyatko I.F., Davydova S.G. - M.: RIC "North-East", 2010.
9. Farahutdinov Sh.F. Modern methods of sociological and marketing research: a training manual. Tyumen, 2018. Volume Part 1. - 190 p.

Концепт «модернизация» как глобальная идеологема: огрех социальной теории

Погосян Вардгес Григорьевич

доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры социологии Российского государственного социального университета, vardgues@mail.ru

Проблема глобальных социальных трансформаций рассмотрена через призму теоретических оснований имплементируемых программ преобразований и институционального переустройства. Подтверждена несостоятельность классической теории модернизации как инструмента познания социальной реальности по причине имманентных теории проблем эвристического плана. Определен факт переформатирования теоретического конструкта в активно используемую идеологию в рамках информационных войн. Выявлена идеологическая ангажированность теоретических постулатов, лежащих в основе модернистской парадигмы. Предложена альтернативная существующему в мейнстриме науки трактовка концепта в рамках цивилизационной парадигмы.
Ключевые слова: общество, модернизация, трансформация, цивилизация, парадигма, социальные институты, социокультурная специфика.

В дирижируемой экономике хорошо живут только дирижеры.

Жарко Петан, словенский писатель, афорист.

Бывает нечто, о чем говорят: "смотри, вот это новое".

но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Книга Екклесиаста. Притча 27, 20. 1:10

Внедрение ряда военных, технико-технологических и организационных инноваций обусловило социально-экономический и политический подъем стран западного мира в новое время и в купе с превращением США по итогам мировых войн в гегемона кардинально преобразили в новейшее время взаимодействия цивилизаций и характер общемировых процессов, когда группа западных стран стала претендовать на статус превосходящей по важным параметрам все другие общества особой цивилизации. Социальные последствия фундаментальных технологических открытий XIX–XX вв. в странах западной цивилизации привели к появлению в науке термина «modernity», а концепт «модернизация» определил динамику оформившейся однолинейной и единственно возможной модели общественного развития, которая противопоставляет традиционные общества индустриальным, а потом – уже постиндустриальным, и является методологическим мейнстримом современной социальной теории.

Теоретическое оформление концепта произошло в середине XX-ого столетия, в период обрушения мировой колониальной системы, когда в поиске возможных способов сохранения собственного воздействия на бывшие колонии и удержания их в орбите своего влияния с насаждением в странах Азии, Африки и Латинской Америки иллюзорной перспективы перестроения незападных обществ по западному образцу оформилась западнорестрикская классическая теория модернизации.

Теория утверждала безальтернативность для остальных мировых сообществ собственно «западной» модели общественного развития и ранжировала страны по «мирам» и «эшелонам»; в качестве «локомотива» выступали страны Западной Европы. Однако этот постулат противоречит фактам всемирной истории: до периода 1500-х годов Европа находилась на периферии мировой системы, значительно уступая в развитии (военном, экономическом, социальном) странам Востока [7; 11; 17]. Регионы Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии являлись источником большинства инноваций, которые «догоняюще» заимствовали европейские страны до наступления Нового времени, что вполне укладывается в логику диффузийного распространения инноваций и циклов чередования технологических центров развития с переменным и поочерёдным доминированием групп различных стран. Ангажированность и псевдо-научность западно-центристской трактовки проблематики и подобной же ориентации мейнстрима обществоведения с многочисленными почившими и еще действующими теориями расовыми, единой рациональности действия, социальном поведении, единственно возможном типе хозяйствования, институциональном устройстве и т.д. – очевидна. Абсурд идеологических шор одно-векторной интерпретации социальных изменений нагляден, как если в скором лидирующее положение Китая в рамках всемирной системы хозяйствования будет также подкрепляться подобными квазинаучными теориями о превосходстве и особых, заложенных генетически, творческих способностях и инновационных талантах жёлтой расы, недостижимо высоких для остальных планетарных религий и духовных практик морально-этических норм буддизма и конфуцианства, всемирно-историческая значимость последствий для всего остального человечества восстаний Жёлтых и Красных повязок в средневековом Китае и обязательности периоди-

зации истории всех стран на всех континентах на основе сменяемости китайских императорских династий.

Неоспорим факт значительного вклада европейского Просвещения и Модерна в мировую культуру и в развитие науки, но попытки метафизического обоснования неизбежности гегемонии и вечности пребывания в подобном состоянии очередной страны-геополитического лидера, а также универсальности моральной доминанты временно лидирующего культурно-исторического типа псевдонаучны и опровергаются опытом всемирной истории с наблюдаемым чередованием геополитических центров силы. Однако обратимся к анализу основных положений усиленно распространяемой по всему миру существующей в западной науке социальной теории.

Техноморфная в своих основных принципах сущность модерна, его культуры, стала квинтэссенцией картины мира Модерна [14]. В представлении модернистского мировоззрения мир предстает как калькулируемый и однолинейный, что распространялось и на социальное. Институциональная перестройка политических и экономических институтов должна была иметь следствием то, что «общечеловеческие ценности» будут восприняты каждой цивилизацией. Значимость социокультурного своеобразия различных обществ игнорировалась либо отрицалась, а проблема «возможность-невозможность» привнесения чуждых институтов, в действительности являющихся продуктом исторического развития, на локальную почву даже не рассматривалась. Подобная практика в русле холизма категорически игнорировала частность и уникальность феномена Модерна, который представляет собой частный случай общественно-исторического развития в истории человечества и с точки зрения, как минимум образа жизни, по настоянию Э. Гидденса, является исключительно западным феноменом [12].

Выдвигаемая модернистами теория, пренебрегая, в том числе, и темпоральным измерением, содержала грубейшую методологическую ошибку, настаивая на одноразовом, одноактном, коренном и абсолютном преобразовании общества. Принципиальной характеристикой теории модернизации являлась неизбежность вхождения стран мира в создаваемую систему при помощи и активном сотрудничестве со странами Западной Европы и США [23]. Как показала последующая практика, помощь такая осуществляется как с помощью долгового закабаления «фондами развития», так и путём непосредственного применения военной силы. Статическое положение вещей предполагалось преодолеть путём сильнейшего экзогенного стимула в виде привлечения западных инвестиций, иностранных капиталовложений, пришествие которых в отсталую экономику позволит резко повысить производительность труда [16], то есть, речь по существу идёт о проникновении на локальный рынок западного капитала и фактическом повышении норм эксплуатации труда. Осуществлять модернизацию в трансформирующихся обществах должна была национальная элита, усвоившая западную систему ценностей. В результате модернизация развивающихся (бывших колониальных) стран имела не эндогенный характер, а экзогенный, несамостоятельный и руководимый извне (с сохранением диктата метрополий).

Понятие модернизации, таким образом, было равнозначно понятиям европеизации, вестернизации. В последовавших интерпретациях, как, например, предложил С. Хантингтон [13], высказывались идеи о нетождественности модернизации и вестернизации. Однако детальный анализ всех последующих за классической теорией модифицированных интерпретаций модернизации в рамках современных неомодернистских теорий позволяет выявить их сохраняющуюся западнорцентристскую ангажированность. За исключением небольшой группы авторов, труды которых пред-

ставляют альтернативу доминирующей историографии (А.Г. Франк, У. Макнил, и др.), переосмысливают теоретические основы процесса социальных изменений (Э. Тирикьян), констатируют парциальный характер преобразований (Д. Рюшмейер) и признают возможность многообразия-множества «модернов» (Ш. Эйзенштадт) в научной литературе мейнстрима продолжает поддерживать линейно-стадиальное понимание исторического развития представленное еще У. Ростоу, когда модернизация предстает как тождественный индустриализации процесс с сопутствующими изменениями экономического, политического и социального характера [22]. Но, если в научном обороте есть понятие «индустриализация», представляется нелогичным его дублирование термином «модернизация» в западнорцентристской трактовке. Индустриализация, действительно, является модернизационным процессом для до этого не индустриализированной страны, но всего лишь одной из многочисленных модернизаций, которые имели место в жизни конкретного общества задолго до наступления эпохи Модерна. Модернизации, как ускоренные преобразования общества на основе технико-технологических новшеств, наблюдаются на всем протяжении всемирной истории [8], когда любое фундаментальное открытие или инновационная комбинация достижений военного, экономического, организационного, технологического плана реципировались конкретными обществами с трансформацией новшеств под нужды собственного культурно-исторического типа. В ряду примеров успешных модернизаций – реформы Карла Мартелла, предопределившие облик средневековой Европы, сталинская модернизация, явившая миру иной вариант Модерна, преобразования, проводимые Людовиком XI, Индраварманом I, Иваном IV и др., демонстрирующие разнообразие форм социального творчества и позволяющие наблюдать вариативность социальных феноменов [19].

Отдельно взятое конкретное достижение западной цивилизации без критического осмысления его значения и места во всемирной истории в соединении с убежденностью в собственной избранности приводит к размышлениям метафизического характера. Например, по мнению У. Бека, «модернизация ведёт не только к образованию централизованной государственной власти, к концентрации капитала и все более утончённому переплетению разделений труда и рыночных отношений, к мобильности, массовому потреблению» [1, с. 189]. Однако прецеденты централизации государственной власти, процессы концентрации капитала, а также разделения труда не есть заслуга европейского Модерна, но наблюдаются на всём протяжении истории человечества начиная с Древнего мира; социальная мобильность была возможна и в сословных обществах, а абсолютная мобильность и постоянные ротации в реально властвующих группах, в особенности полное замещение их контента ненасильственным путем, как, исследуя поле политики, отмечал П. Бурдьё [2], по-прежнему невозможны и в «открытых обществах» современного мира. Исключением из приведённого тезиса, не подлежащем оспариванию, является фактическое создание в странах метрополии современного общества массового потребления, с присущим ему консьюмеристско-гедонистическим мышлением и деградиционно-паразитическим спектром потребностей, живущего за счет ограбления колоний, но причисление этого факта к величайшим достижениям человечества представляется весьма сомнительным.

Модернизация, проводимая в русле приобщения к системе западного капитализма, отвергает достаточность удовлетворения насущных нужд, ориентируя на экстенсивность производственной деятельности с отложенным спросом, тогда, как «...человек «по своей природе» не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он

хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни. Всюду, где современный капитализм старается повысить «производительность» работы путём увеличения его интенсивности, он наталкивается на этот лейтмотив докапиталистического отношения к работе, за которой прячется чрезвычайно упорное сопротивление, на это сопротивление капитализм продолжает наталкиваться по сей день, и тем сильнее, чем более отсталыми есть рабочие, с которыми ему приходится иметь дело» [3, с. 81]. Спустя сто лет правоту М. Вебера в отношении культурной эволюции эталонного человека западного Модерна («Бездушные профессионалы, бессердечные сластолюбцы – и эти ничтожества думают, что они достигли ни для кого раньше не доступной степени человеческого развития» [3, с. 157]) подтверждает П. Бьюкенен, настаивающий на абсолютном величии США, богоизбранности и исключительности её народонаселения [9]. В итоге качествами индивида, достигшего вершины развития в подобной парадигме являются «абсолютная самоуверенность, полное отсутствие сомнений, обожествление успеха, чёрствость, презрение к аутсайдерам. Довольно страшные черты, особенно для тех, кто ощущает себя орудием Бога на земле» [4, с. 156].

Как выявилось в ходе практического осуществления еще с середины прошлого века, западнцентристская парадигма модернизации научно несостоятельна, что, несомненно, вызвано её имманентными противоречиями. Фундаментальная мировоззренческая парадигма современной западной культуры, насаждаемая с помощью манипулятивных технологий, основана на принципе онтологического монизма мировой истории, который служит обоснованием универсалистских претензий, отвергающих принципиальную гетерогенность культурно-цивилизационных систем. Однако в рамках последних на основе алгоритмов выживания в кон-

кретных геополитических и климатогеографических условиях, выработанных исторически, закрепленных в массовом сознании и оформившихся в устойчивые системы ценностных ориентаций и смысловых установок, происходит становление как уникальных перцептуальных миров, так и стереотипизация социального поведения, которое может отличаться от социального поведения соседей ближних, а тем более – дальних [20].

Идеологическое оформление, созданное в интересах властных групп западной цивилизации, создание псевдонаучного теоретического конструкта с не аргументированными, а постулируемыми положениями, деформирует концепт модернизации. Несущие на себе печать подобной ангажированности концепты модернизации, глобализации и постиндустриализма служат теоретико-идеологическим обоснованием глобального преобразования мироустройства под нужды функционирования западного капитала, реализующего собственные колониальные притязания в отношении источников сырья, рынков труда и сбыта. Именно онтологизация частной модели развития приводит к стадийному телеологическому сценарию развития планетарных обществ, извращая predetermined логикой исторического развития человеческого сообщества и коллективистской природой человека, объективный характер единения человечества, и находит выражение в субъективистской глобализации, с утверждением не взаимозависимости равноправных субъектов, а абсолютной зависимости периферии от метрополии, с соответствующим неравноценным обменом ресурсов и технологий. Подобная политика неокOLONIALИЗМА, выражающая интересы транснациональных корпораций, осуществляется путем экспансии различного характера и уровня в отношении большинства стран планеты со стороны страны-гегемона и стран-сателлитов. При поддержке местных компрадорных, капитал перестает контролироваться национальным государством,

государство в этих странах теряет суверенный характер, становится периферийным исполнителем воли регулирующего таким образом глобальную экономику блока стран Запада, а народонаселение – этнографическим материалом, выборочно пополняющим собой чужие культурно-исторические типы. Такие периферийные страны при сохранении действующего положения обречены на крупномасштабную эмиграцию населения, деградацию экономики и образования, а в условиях все более низких санитарно-гигиенических норм, недостаточного и низкокачественного питания, ухудшающегося состояния медицины и прогрессирующей депопуляции – на вымирание. Атакующему воздействию, таким образом, подвергается безопасность общества, его способность сохранять и воспроизводить себя. Протестный потенциал против цивилизационной экспансии оформляется вариативно: от пикетов антиглобалистов до крайних форм экстремизма, радикальных националистических идеологий, религиозного фундаментализма и т.д. Попытка замены локальных социальных регуляторов и ломка институциональной структуры приводят общество в состояние глубокой аномии, усиливаются дезинтеграционные процессы, нарушаются механизмы обратной отрицательной связи, возникает риск гражданской войны. Неминуемый социальный взрыв, охлократическая реакция как следствие элитарного эгоизма компрадорской власти сдерживается путем проводимой через СМИ политики эвфемизма, созданием ложной картины мира, латентной идеологической индоктринацией массового общественного сознания, имитацией социально востребованных преобразований.

Критика модернизационной теории ведется со времен «депендьеристов» 50-х годов XX века, достаточно обширна и детализирована [6]. Теоретическое решение проблемы инокультурных заимствований было найдено еще раньше – на невозможности передачи начал одной цивилизации другой настаивал еще

в 1869 г. Н.Я. Данилевский [10]. Игнорируемую модернистами зависимость социальных институтов от исторически пройденного конкретным обществом пути и инкрементный характер институциональных изменений доказывали в своих работах К. Поланьи [21] и Д. Норт [18], что оформилось в последствии в теоретическую традицию Path Dependence. Идеологическая направленность упомянутой западнцентристской трактовки концепта модернизации не только многократно критиковалась учеными из стран «третьего» мира, но и констатировалась в работах современных ученых из стран «метрополии» [15; 24].

Расхожесть употребления с выхолащиванием сути понятия в публицистической и околонулевой литературе превратило термин «социокультурный» в незначимую банальность, в прилагательное ко всему. Однако понятие много более полно, чем предполагали создатели модернистской идеологии – социокультурная специфика есть фундаментальный признак уникальности конкретного общества, задающий его коэволюционное развитие, тот самый исторически сложившийся алгоритм поддержания целостности сложной социальной системы с набором препятствующих дезинтеграции параметров порядка и соответствующим институциональным устройством. Вопрос о том, почему при всей имманентности плюрализма научному сообществу, но и неприемлемости в нем апологетики и догматизма, проблема модернизации продолжает дискутироваться в рамках и дискурсе несостоятельной западнцентристской теории (идеальнотипической имплементации которой на планете не обнаруживается) и, именно в направлении, задаваемом упомянутой идеологией, с привнесением чуждого местной специфике институционального устройства, были проведены и продолжают осуществляться, с насаждением недееспособных в локальной среде институциональных конструктов и с сопутствующим прогрессирующим

накоплением конфликтного потенциала, преобразования российского общества – остается открытым.

Дискредитация по итогам попытки глобальной имплементации модернистской теории и идеологическая искаженность термина «модернизация» не могут исключить его из научного оборота, поскольку само понятие однозначно принадлежит науке. Феномен модернизации наблюдаем на всем протяжении всемирной истории, фиксируем в различных темпоральных отрезках и на всех пространствах Ойкумены, являясь неотъемлемой составной частью исторического процесса. Однако его концептуальное оформление в такой трактовке происходит в рамках совершенно иной парадигмы [5], в которой модернизация предстает регулярно происходящим процессом, наблюдается на всем протяжении существования сохранившихся к современности обществ, а европейский Модерн и индустриальное развитие рассматриваются как частный случай в многочисленной череде пионерских модернизаций, имевших место в истории человечества.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio – Logos, 1993.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
4. Кулинченко В.А., Кулинченко А.В. О духовно-культурных основаниях модернизации России // Полис. Политические исследования. 2003. № 2. С. 150-156.
5. Погосян В. Г. Социальная модернизация: стратегия выживания. Монография. – М.: ИНИОН РАН, 2008.
6. Погосян В.Г. Критика западнцентристской модели социально-экономической модернизации // Экономический журнал. 2008. № 3 (13). С. 171 -185.
7. Погосян В.Г. Межцивилизационные заимствования: традиции и инновации в историософском дискурсе / в

книге: Цивилизация: от локального к глобальному Граду. Коллективная монография. Сер. «Человек. Культура. Цивилизация». Донецк: ДНТУ, 2008. С. 99-121.

8. Погосян В.Г. Модернизация в дискурсе исторической социологии // Вестник Московского университета. Серия: 18. Социология и политология, 2009. № 4. С. 81-96.

9. Buchanan P.J. The Death of the West. How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperial Our Country and Civilization. N.Y.: St. Martin's Press, 2003.

10. Danilevskii, N. Russia and Europe: The Slavic World's Political and Cultural Relations with the Germanic-Roman West. Bloomington: Slavica Publishers, Indiana University, 2013.

11. Frank A.G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley: University of California Press, 1998.

12. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 2004.

13. Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 2006.

14. Koslowski P. Methodology of the Social Sciences, Ethics, and Economics in the Newer Historical School. From Max Weber and Rickert to Sombart and Rothacker, Berlin-Heidelberg: Springer Verlag, 1997.

15. Latham M.E. Modernization as Ideology: American Social Science and 'Nation Building' in the Kennedy Era. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2000.

16. Leibenstein H. General X-Efficiency Theory and Economic Development. New York. Oxford University Press, 1978.

17. McNeill W. The Age of Gunpowder Empires 1450-1800. Washington, DC: American Historical Association, 1989.

18. North, D. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

19. Pogosyan V. Change and Variability of Phenomena in Complex Social Systems // Wisdom, 2019. Vol. 13(2), Pp. 95-103. DOI: <https://doi.org/10.24234/wisdom.v13i2.276>

20. Pogosyan V. Philosophies of Social Behavior Research: Meta-Analytic Review // Wisdom, 2018. Vol. 11(2), Pp. 85-92. DOI: <https://doi.org/10.24234/wisdom.v11i2.212>

21. Polanyi K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time, Boston, MA: Beacon Press, 2001.

22. Rostow W. Politics and the Stages of Growth. London: Cambridge University Press, 1971.

23. Shmitter Ph. The Consolidation of Democracy and Representation of Social Groups // American Behavioral Scientist, 1992. Vol. 35. Pp. 422-449.

24. Stiglitz J. The Ideological Crisis of Western Capitalism. Project Syndicate, July 6, 2011. Available at: <http://www.project-syndicate.org/commentary/stiglitz140/English>

Concept of modernization as an global ideologeme: the flaw of social theory Pogosyan V.G.

Russian State Social University

The problem of global societal transformations is examined through the prism of the theoretical foundations of the implemented transformation programs and institutional reorganization. The inconsistency of the classical theory of modernization as an instrument of cognition of social reality is confirmed because of the immanent heuristic problems of theory. The fact of reformatting the theoretical construct into an actively used ideology in the framework of information wars is determined. The ideological bias of the theoretical postulates underlying the modernist paradigm is revealed. An alternative interpretation of the concept existing in the mainstream of science is proposed within the framework of the civilizational paradigm.

Keywords: society, modernization, transformation, civilization, paradigm, social institutions, sociocultural specificity.

References

1. Beck W. Risk Society. On the way to another Art Nouveau. M: Progress Tradition, 2000.

2. Bourdieu P. *Sociology of politics*. M.: Socio - Logos, 1993.
3. Weber M. *Protestant ethics and the spirit of capitalism // Selected works*. M.: Progress, 1990.
4. Kulinchenko V.A., Kulinchenko A.V. On the spiritual and cultural foundations of modernization of Russia // *Policy. Political research*. 2003. No. 2. S. 150-156.
5. Poghosyan V. G. *Social modernization: survival strategy*. Monograph. - M.: INION RAS, 2008.
6. Poghosyan V.G. Criticism of the West-Centric Model of Socio-Economic Modernization // *Economic Journal*. 2008. No. 3 (13). S. 171-185.
7. Poghosyan V.G. Intercivilizational borrowings: traditions and innovations in the historiosophical discourse / in the book: *Civilization: from local to global City*. Collective monograph. Ser. "Person. The culture. Civilization". Donetsk: DNTU, 2008. S. 99-121.
8. Poghosyan V.G. Modernization in the discourse of historical sociology // *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*, 2009. No. 4. P. 81-96.
9. Buchanan P.J. *The Death of the West. How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperial Our Country and Civilization*. N.Y.: St. Martin's Press, 2003.
10. Danilevskii, N. *Russia and Europe: The Slavic World's Political and Cultural Relations with the Germanic-Roman West*. Bloomington: Slavica Publishers, Indiana University, 2013.
11. Frank A.G. *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley: University of California Press, 1998.
12. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2004.
13. Huntington S.P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press, 2006.
14. Koslowski P. *Methodology of the Social Sciences, Ethics, and Economics in the Newer Historical School. From Max Weber and Rickert to Sombart and Rothacker*, Berlin-Heidelberg: Springer Verlag, 1997.
15. Latham M.E. *Modernization as Ideology: American Social Science and 'Nation Building' in the Kennedy Era*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2000.
16. Leibenstein H. *General X-Efficiency Theory and Economic Development*. New York Oxford University Press, 1978.
17. McNeill W. *The Age of Gunpowder Empires 1450-1800*. Washington, DC: American Historical Association, 1989.
18. North, D. *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
19. Poghosyan V. Change and Variability of Phenomena in Complex Social Systems // *Wisdom*. 2019. Vol. 13 (2), Pp. 95-103. DOI: <https://doi.org/10.24234/wisdom.v13i2.276>
20. Poghosyan V. Philosophies of Social Behavior Research: Meta-Analytic Review // *Wisdom*, 2018. Vol. 11 (2), Pp. 85-92. DOI: <https://doi.org/10.24234/wisdom.v11i2.212>
21. Polanyi K., *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, Boston, MA: Beacon Press, 2001.
22. Rostow W. *Politics and the Stages of Growth*. London: Cambridge University Press, 1971.
23. Shmitter Ph. The Consolidation of Democracy and Representation of Social Groups // *American Behavioral Scientist*, 1992. Vol. 35. Pp. 422-449.
24. Stiglitz J. *The Ideological Crisis of Western Capitalism*. Project Syndicate, July 6, 2011. Available at: <http://www.project-syndicate.org/commentary/stiglitz140/English>

Технологии управления общественным мнением

Сингаевская Марина Владимировна
аспирант кафедры политологии и социологии политических процессов, МГУ им. М.В. Ломоносова.

В статье рассматриваются и определяются основные технологии управления общественным мнением. В политике технологии появляются как неотъемлемая составляющая управленческих отношений, как особый вид деятельности, ориентированный на выявление и использование на практике оптимальных путей и способов достижения политических целей. Политические технологии используются в управленческих процессах, где для достижения политических целей необходимо добиться определённых моделей поведения от объекта воздействия, в данном случае от общественного мнения. При этом субъект управления ограничен в праве использования принудительных ресурсов. В этом и заключается специфика политического менеджмента, как особого не силового вида управления в политике.

Указанные свойства управленческих процессов определяют специфику используемых в них технологий. В первую очередь, политические технологии оказывают воздействие на мотивацию тех людей, от которых зависит достижение поставленных политических целей, иными словами от народа как субъекта общественного мнения. С помощью политических технологий меняется политическое поведение, но способ этого воздействия не носит принудительного характера. Именно мотивационная сфера личности становится основным объектом приложения усилий политических технологов. Поскольку мотивационная сфера является крайне сложным подвижным феноменом, то и способы воздействия на неё постоянно обновляются и совершенствуются.

Ключевые слова: технологии, политические технологии, манипуляционные технологии, манипулирование общественным сознанием, Окно Овертона, фрейминг, лоббирование посредством мобилизации общественного мнения, технологии обеспечения поддержки политическим решениям, пропаганда.

Термин «технология» имеет в своей основе два греческих слова: *techné* – искусство, мастерство, умение и *logos* – понятие, знание. Первоначально этот термин использовался преимущественно для обозначения направленного воздействия человека на материальные объекты с целью изменения их свойств и придания им необходимых качеств. Однако в дальнейшем смысловое значение этого термина было расширено, и в настоящее время мы называем технологией также знание о том, как надо решать ту или иную задачу в любой сфере социальной жизни, и соответствующие этому знанию навыки и умения.

В политике технологии появляются как неотъемлемая составляющая управленческих отношений, как особый вид деятельности, ориентированный на выявление и использование на практике оптимальных путей и способов достижения политических целей за счёт воздействия на сознание субъекта управления. Г. Пушкарёва определяет *политические технологии*, как «способ упорядочения управленческой деятельности в политике путём использования особых приёмов, процедур, методик, позволяющих оптимизировать достижение поставленных целей»¹.

Политические технологии используются в управленческих процессах, где для достижения политических целей необходимо добиться определённых моделей поведения от объекта воздействия, в данном случае от общественного мнения. При этом субъект управления ограничен в праве использования принудительных ресурсов. В этом и заключается специфика политического менеджмента, как особого не силового вида управления в политике.

¹ Пушкарёва Г.В. Политический менеджмент. Учебник и практикум. М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 34.

Указанные свойства управленческих процессов определяют специфику используемых в них технологий. В первую очередь, политические технологии оказывают воздействие на мотивацию тех людей, от которых зависит достижение поставленных политических целей, иными словами от народа как субъекта общественного мнения. С помощью политических технологий меняется политическое поведение, но способ этого воздействия не носит принудительного характера. Именно мотивационная сфера личности становится основным объектом приложения усилий политических технологов. Поскольку мотивационная сфера является крайне сложным подвижным феноменом, то и способы воздействия на неё постоянно обновляются и совершенствуются.

Следует отметить, что «общественное мнение» функционирует в разных видах политических кампаний. Так, политические технологии управления общественным мнением в управлении политическими кампаниями дифференцируются вместе с усложнением и разнообразием управленческих отношений в политике. Все нижеперечисленные технологии направлены на то, чтобы воздействовать на общественное мнение и его мотивацию.

Рассмотрим основные виды политических технологий управления общественным мнением:

Во-первых, это *манипуляционные технологии*. «Manipulus» является латинским прародителем термина «манипуляция» и имеет два значения: а) пригоршня, горсть (*manus* – рука + *pie* – наполнять), б) маленькая группа, кучка, горсточка (*manus* + *pi* – слабая форма корня). Во втором значении это слово, в частности, обозначало небольшой отряд воинов в римской армии. В Оксфордском словаре английского языка «manipulation» в самом общем значении

определено как обращение с объектами со специальным намерением, особенной целью, как ручное управление, как движения, производимые руками, ручные действия. Специально отмечается наличие ловкости, сноровки при выполнении действий-манипуляций¹.

В переносном значении Оксфордский словарь определяет манипуляцию как «акт влияния на людей или управления ими или вещами с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление или обработка»². В данном определении произошло смещение ведущего акцента на технологический взгляд при подходе к феномену «манипуляция». Помимо этого речь идёт о деятельности целых институтов и государственных образований. Он используется применительно к средствам массовой информации и политическим мероприятиям, направленным на программирование мнений или устремлений масс, психического состояния населения и т.п. Конечная цель таких усилий – контроль над населением, его управляемость и послушность.

Учёный С. Г. Кара-Мурза полагает, что «манипуляция сознанием как средство власти возникает только в гражданском обществе, с установлением политического порядка, основанного на представительной демократии»³. Мыслители Е. Л. Доценко и А. М. Цуладзе отмечают, что манипулирование как форма воздействия, особый метод информирования предполагает отношение коммуникатора к реципиенту как к средству для достижения своих целей, стремление к получению одностороннего выигрыша, характеризуется скрытыми способами воздействия и использования слабостей оппонента⁴. Вся работа манипуляторов заключается в том, чтобы продать «товар».

1 Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: Че-Ро, Изд-во МГУ, 1997. С. 44.

2 Цит. по: Там же. С.45.

3 Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 33.

4 См. напр.: Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: Че-Ро, Изд-во

По мнению С. Кара-Мурза, “первое (и, вероятно, главное) условие успешной манипуляции заключается в том, что в подавляющем большинстве случаев подавляющее большинство граждан не желает тратить ни душевных и умственных сил, ни времени на то, чтобы просто усомниться в сообщениях”¹.

Средства массовой информации обладают значительными возможностями манипуляции. Подобные манипуляции являются одним из самых сложных и изощрённых уровней социального и социально-психологического управления: они стремятся изменить когнитивный и оценочный уровень массового сознания, и навязать ему специфическое, выгодное, например, элитам видение окружающего мира. В данном случае целью является внедрение в массовое сознание необходимых элементов и толкований происходящего, иными словами – манипулирование массовым сознанием или отдельными его аспектами и уровнями. В виду этого массовое сознание становится структурным объектом информационно-манипулятивного и социально-психологического управления.

В середине 1990-х годов Дж. П. Овертон описал *модель манипулирования общественным сознанием*, которая впоследствии была названа *Окном Овертона*. Основная идея модели Дж. П. Овертона состоит в том, что любую, возможно, первоначально казавшуюся абсолютно неприемлемой идею, в ходе ряда последовательно проведённых манипулятивных операций, можно легализовать как вполне правомерную, принятую массовым сознанием и впоследствии закреплённую в законах.

Согласно модели Овертона, для любой целенаправленно актуализируемой идеи или проблемы в обществе уже существует «своё» окно возможностей,

которое может быть ограниченным или нет в плане обсуждения или принятия данной идеи. Но окно можно двигать, меняя тем самым веер возможностей по внедрению в массовое сознание определённой идеи или проблемы. Главное в данном процессе – делать это необходимо постепенно и последовательно, чтобы массовое сознание смогло привыкнуть к ранее чуждой ему идее.

Сдвиг мнений в окне проходит через следующие стадии восприятия:

1) немыслимых; 2) радикальных; 3) приемлемых; 4) мудрых; 5) популярных; 6) официальной политики².

Описанная Дж. П. Овертоном технология манипулирования общественным сознанием и мнением позволяет даже самую абсурдную идею постепенно превратить в свою противоположность. В основе такого манипулирования массовым сознанием лежит постепенный отказ от наработанных веками моральных принципов. Целью манипулирования является превращение человека в атомизированного, лишённого статусных различий потребителя. В виду этого особое значение приобретают морально-правовые аспекты и меры защиты от манипуляций общественным мнением в политике, которым будет посвящён следующий параграф данной работы.

Одной из самых известных и широко применяемых технологий в управлении общественным мнением является “фрейминг”. Понятие фрейм подразумевает под собой рамку. Впервые данное понятие ввёл И. Гофман, который изучал его с позиции анализа текста, в результате он предлагал искать некие фреймы для анализа образов, которые заложены в тексте. Впоследствии Р. Энтман заявил о том, что “фрейминг” может быть не только способом анализа

МГУ, 1997. С. 58-59; Цуладзе А.М. Политические манипуляции, или покорение толпы. М.: Университет, 1999. С. 13, 40 и др.

¹ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Там же. С. 23.

² Технология уничтожения. Окна Овертона. URL: <http://zuhel.livejournal.com/465630.html>; <http://www.pravdatv.ru/2014/01/16/34675> (дата обращения: 05.02.2020 г.).

текста, но и способом управления процессом восприятия¹. В основе технологии управления общественным мнением “фрейминг” лежит механизм восприятия, который обозначен понятием “категоризация” в социальной психологии. Так, встречая новый предмет, объект или явление, мы не имеем возможности, а иногда и не желаем познавать его во всех различных свойствах и противоречиях. В результате, мы вписываем его в какую-либо категорию, которая уже существует в нашем сознании в виде стереотипа.

Так, фрейминг обозначает “выбор определённых аспектов реальности...популяризуя таким образом определённую трактовку проблемы, интерпретацию её причин, моральную оценку и возможности её решения”².

Среди политических технологий управления общественным мнением можно выделить *лоббирование посредством мобилизации общественного мнения* (“Grassroots» лоббизм”).

Отечественный исследователь в области лоббизма - П. А. Толстых определяет “Grass roots lobbying” (от англ. *grassroots* “корни травы” простой народ, широкие массы) как технологию лоббирования, которая подразумевает использование инициатив значительной массы людей (групп поддержки) по отношению к политическим стейкхолдерам (чиновникам или депутатам) с требованием поддержать определённое предложение, выгодное лоббисту³.

Лоббирование посредством мобилизации общественного мнения подразумевает не только формирование определённого общественного мнения, но и демонстрацию данного общественного мнения ответственным за принятие политико-административных решений лицам. Сущность кампаний Grass roots за-

ключается в организации массовых потоков писем, телеграмм, телефонных звонков и пр. от простых граждан и лидеров общественного мнения в органы государственной власти с целью повлиять на процессы выработки политического курса. Кампании Grass roots представляют собой одну из наиболее эффективных форм реализации принципа “контроля общества над властью и над деятельностью крупных предприятий”⁴. Иными словами, Grass roots выполняет контрольную функцию общественного мнения.

Стоит отметить, что технология Grass roots наиболее эффективна в демократических политических системах, атрибутом которых является гражданская культура. Впервые данный термин использовался в США: штате Индиана А. И. Беверидж в 1912 г. И с 1980-х данная технология мобилизации общественного мнения активно используется в США. Публичным политикам необходимо не противодействовать массовым группам поддержки, иначе они могут быть не избраны на следующий срок. Яркий показательный пример в данном случае – Д. Трамп, избранный на выборах 8 ноября 2016 г. президент США.

Так, в качестве примера довольно масштабной кампании Grass roots можно привести кампанию, которая была проведена в конце 1980-х г. в США Национальной ассоциацией кредитных союзов против Американской ассоциации банкиров. Ассоциация банкиров лоббировала ассоциацию кредитных союзов, добиваясь отмены их освобождения от уплаты налогов и упразднения федерального агентства – независимого регулятора кредитных союзов – ставя вопрос о честной конкуренции и приравнивании операций со страховыми выплатами к требованиям для банков. Национальная же ассоциация

¹ См.: *Enthman R. M. Projections of power: Framing news, public opinion, and U.S. foreign policy.* Chicago: University of Chicago Press, 2004. P. 14.

² Ibid. P. 12.

³ Профессиональный словарь лоббистской деятельности (составитель к.п.н. П. А. Толстых) URL:

http://www.lobbying.ru/dictionary_word.php?id=18 (дата обращения: 05.02.2020 г.).

⁴ Возможно ли использование grassroots технологий в США? URL: http://lobbying.ru/content/sections/articleid_696_linkid_31.html (дата обращения: 05.02.2020 г.).

кредитных союзов организовала кампанию Grass roots в виде в организации массовых потоков петиций. В результате, в течение 6 месяцев было собрано более 5 млн. подписей, и каждый член конгресса получил приблизительно 10 тыс. петиций от избирателей своего округа, что и оказало решающее воздействие на законодателей¹.

Помимо этого, существуют *технологии формирования узнаваемого позитивного образа политической организации*.

Создание долговременного имиджа, который рассчитан на придание политическому товару высокой и устойчивой репутации на рынке характеризуется понятием «бренд». Бренд – это наименование торговой марки, которая призвана привлекать внимание общества к предлагаемому товару, фирме. Одновременно он всегда отображает уникальные свойства объекта и служит для создания долгосрочных предпочтений у населения. Бренд характеризуется хорошо узнаваемым названием, наличием символа и, как правило, соответствующей внешней упаковкой, оформлением продуманной рекламной аргументации. Чтобы сформировать политический бренд, необходимо иметь достаточно длительный продолжительный опыт функционирования на политической рынке, практику продаж своего товара. В виду этого брендом не могут располагать партии-одндневки и малоизвестные политики.

Позитивное воздействие бренда на политическом рынке зависит от целого ряда не только политических, но и чисто технологических условий. Например, нельзя предлагать слишком много товаров под одним брендом, иначе он рассредотачивается и теряет свою специфику. Ведь главное в бренде – четкие качественные ассоциации. И если

бренд партии «растягивается», это служит показателем того, что организация занимается всем сразу и в то же время ничем конкретным. А в результате ухудшается её имидж. Миллиардер М. Прохоров полагает, что «кроме мирового бренда «Владимир Путин», больше предъявить миру практически нечего»². Бизнесмен считает, что создать новые бренды Россия в данный момент не в состоянии. Так, В. В. Путин является партийный брендом партии «Единая Россия».

Технологии обеспечения поддержки политическим решениям.

П. Лазарсфельд, развивая идею немецкого социолога Э. Ноэль-Нойман, столкнулся во время президентских выборов в Америке в 1940 г. с явлением – стремлением людей присоединиться к мнению большинства – и назвал его термином – «эффект прицепного вагона». Суть этого явления в том, что каждый хочет оказаться на стороне победителя, чтобы не оказаться в изоляции, в результате происходит внезапный скачок от одной позиции к другой, основанный на новой информации о том, кто впереди³. Стоит отметить, что данная технология управления общественным мнением используется во время выборов.

Медиа-технологии и Интернет-технологии.

Согласно данным ВЦИОМ, главным источником новостей о событиях в стране в 2016 г. для большинства россиян является телевидение, однако стоит отметить, что его популярность немного снижается. В 2015 г. – 62%, в 2016г. – 57 %. Интернет, в свою очередь, который включает в себя информационные сайты, социальные сети и блоги в 2016г. использовался для поиска новостных материалов 27% опрошенных, в 2015 г – 22 %. Однако, можно

¹ См. об этом подробн.: Профессиональный словарь лоббистской деятельности (составитель к.п.н. П. А. Толстых). URL: http://www.lobbying.ru/dictionary_word.php?id=18 (дата обращения: 05.02.2020 г.)

² Прохоров: кроме бренда «Владимир Путин» России предъявить миру нечего.

URL: <http://www.gorod.lv/novosti/256327-prohorov-krome-brenda-vladimir-putin-rossii-predyavit-miru-nechego> (дата обращения: 05.02.2020 г.)

³ См.: Докторов Е.З. Лекции изучения общественного мнения: США и Россия: учеб. пособие. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 28.

предположить, что данная цифра будет расти, ибо Интернет активно используется поиска новостей для молодежи среди 18-24 лет – 62 %, 25-34 лет – 47%. Ради, газеты и журналы опрошенные респонденты называли существенно реже – 3%, 3% и 1% участников всероссийского опроса общественного мнения соответственно¹.

Использовать Интернет как канал политической коммуникации впервые начали в США в 1990-е гг. в предвыборных кампаниях. Так, кандидаты в своих кампаниях начали выкладывать информацию о своих программах. В настоящее время в России в виду того, что число пользователей сети превысило половину населения страны, данные технологии также активно используются при проведении политических кампаний.

Так, к медиатехнологии и Интернет-технологии относится *создание веб-сайта*, как постоянно обновляемого ресурса, позволяющего аккумулировать информацию о конкретном политическом деятеле и т.д. В качестве примера можно привести А. Навального, который является тем политиком, о котором узнали в тот момент, когда он активизировался в Интернете. В начале 2017 года А. А. Навальный уже претендовал свой собственный сайт – 2018.navalny.com. Помимо этого А. А. Навальным был создан сайт “РосПил”², который смог завоевать быструю популярность и позволил его автору сформировать имидж «борца с коррупцией», своеобразного героя из народа, бросившего вызов правящей элите.

С развитием социальных сетей возникла такая новая технология *управления общественным мнением в Интернете*, как “*астротурфинг*”. Данный термин произошёл от названия попу-

лярного бренда “*AstroTurf*” – синтетического коврового покрытия, которое выглядит как трава и используется на стадионах. Суть данной технологии управления общественным мнением заключается в анонимном продвижении информации в Интернете и в привлечении простых пользователей Интернета (в основном молодёжи) и добровольцев к генерированию идей и решений. Специалист регистрируется на разнообразных форумах, в социальных сетях под различными псевдонимами. Если необходимо сформировать позитивный образ конкретного политика, то его комментарии носят благоприятный характер. Анонимность Интернета позволяет вмешиваться профессионалам в ход дискуссии, развернувшийся на форумах и в социальных сетях, которые преследуют цели направленного внедрения в массовое сознание определённых суждений. В качестве примера можно привести раскрутку политика А. А. Навального³.

“*Краудсорсинг*” как политическая технология управления общественным мнением. Суть технологии краудсорсинг (от англ. *crowd* – толпа и *sourcing* – использование ресурсов) состоит в активном привлечении обычных пользователей Интернета и добровольцев к выработке идей и решений. Например, в преддверии выборов политическая партия для мобилизации общественного мнения может запустить проект, который предполагает сбор мнений, предложений и пожеланий

Особое место приобретает *пропаганда* как система политических технологий.

Анализу пропаганды была посвящена отдельная работа Э. Бернейса “Пропаганда” в 1928 г., в которой он в доступной форме подробно изложил

1 См. об этом подробн.: ВЦИОМ Пресс-выпуск № 3098. ТВ, Интернет, газеты, радио: доверяй, но проверяй? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115679> (дата обращения: 05.02.2020 г.).

2 См. об этом подробн.: Фонд борьбы с коррупцией. URL: <http://rospil.info/> (дата обращения: 05.02.2020 г.).

3 См.: Явлинский и Навальный пока будут конкурировать в Интернете. // Н.Г. 2017. 01. 2017. URL: http://www.ng.ru/politics/2017-01-27/1_6914_yabloko.html (дата обращения: 05.02.2020 г.).

технологии формирования и управления общественным мнением. По мнению Бернейса, “сознательное и умелое манипулирование упорядоченными привычками и вкусами масс является важной составляющей демократического общества. Приводит в движение этот невидимый общественный механизм невидимое правительство, которое является истинной правящей силой в нашей стране”¹. Под “невидимым правительством” Э. Бернейс понимал интеллигентное меньшинство, среди которого есть те, кто навязывает нам свой товар, а есть и те, кто вершит судьбами миллионов².

Одним из наиболее эффективных способов целенаправленного формирования общественного мнения, по мнению Эдварда Бернейса, является пропаганда (от лат. *propagande* – распространять). Это систематическое целенаправленное распространение фактов, аргументов, слухов и других сведений, в том числе заведомо ложных, с целью идейного воздействия на массовое сознание и общественное мнение. Эффективность пропаганды оценивается мерой изменений сознания и поведения людей.

Согласно Э. Бернейсу, пропаганда – “это последовательная, достаточно продолжительная деятельность, направленная на создание или информационное оформление различных событий с целью влияния на отношение масс к предприятию, идее или группе”³. Суть пропаганды заключается в целенаправленном создании нужных событий и образов или нужной картины мира для того, чтобы повлиять на массовое сознание. Цель пропаганды – заставить людей мыслить и действовать определённым образом, подчиняясь воле небольшой группы людей, например правящему классу – политической элите –

или руководителям фирмы, рекламирующей свою продукцию. Таким образом, формируется необходимое общественное мнение, одобряющее политику правительства или предлагаемый товар.

В пропаганде широко используются различные наработки в области психологии толпы и группы. Суть вопроса состоит в том, что человек в толпе (группе) в значительной мере теряет свою индивидуальность и критическое мышление, подчиняясь групповым импульсам и эмоциями. Э. Бернейс считает, что даже тогда, когда человек находится наедине с собой, его сознание сохраняет шаблоны, впечатанные влиянием группы, а также стереотипы. Поэтому, когда приходится принимать решение, индивид либо следует примеру лидера, которому доверяет, либо пользуется усвоенными в конкретной группе наработками (образами, шаблонами и др.)⁴.

Кроме того, внедряемые средствами массовой коммуникации образы, как правило, разрабатываются специалистами с учетом уже усвоенных той или иной социальной общностью стереотипов. Поэтому эти образы ложатся на подготовленную почву и, по мере необходимости, видоизменяются, дстраиваются и усиливаются⁵. Иными словами, средства массовой коммуникации могут использовать в процессе манипулирования общественным мнением.

Одним из важнейших принципов пропаганды, предложенным Э. Бернейсом, является синхронизированное (комплексное) воздействие на массы: “Следует задействовать любой предмет, на который можно поместить надпись или картинку, любой аппарат, издающий разборчивые звуки... Новости распространяются через печатное слово – книги, журналы, письма, плакаты, проспекты, баннеры и газеты; через изображения – фотографии и кино;

1 Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing, 2010. С. 1.

2 См.: Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing, 2010. С. 26-27.

3 См.: Там же. С. 14

4 См.: Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing, 2010. С. 45-47.

5 См.: Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. М.: Академический проект, 2007. С. 202.

посредством слуха – лекции, речи, оркестровая музыка, радио, рекламные песни”¹. При этом процесс воздействия на массовое сознание не должен прекращаться никогда. Важно также выбирать нужное время для вброса “актуальной” информации.

Технологии организации массовых мероприятий в политических кампаниях.

Известно, что люди, собравшиеся в одном месте физического пространства, способны при конкретных условиях превращаться в единый организм или толпу. Данная толпа живёт по законам, которые отличаются от тех, которые направляют интересы и мотивацию человека в обычное время. Г. Лебон говорил о “душе толпы”, которая не сводится к сумме индивидуальных сознаний, состоящая из элементарных импульсов². У человека в толпе отключается критическое мышление и, в виду этого легко можно воздействовать на его мотивацию. К группе технологий организации массовых мероприятий в политических кампаниях можно отнести *технологии организации митингов, массовых шествий и флешмоб*. Массовые мероприятия в политических кампаниях позволяют осуществлять убеждающую коммуникацию, которая воздействует на мотивацию субъекта управления. Помимо этого, массовые мероприятия позволяют мобилизовать субъект управления и формировать политическую идентичность.

Формирование образа врага является одной из мобилизационных технологий.

“Враг” как понятие и как восприятие субъектом “другого” имеет глубинные корни, которые уходят в родоплеменные общественные отношения. Это связано с необходимостью самоидентификации социальной группы и её различения по принципу “свой – чужой” и с необходимостью определения того, что

представляет опасность для самого существования группы. Важнейшим признаком идентификации врага является исходящая от него смертельная угроза человеку, группе и социуму.

Так, образ врага – это качественная или оценочная характеристика врага, которая сформирована в общественном сознании. Стоит отметить, что враг и его образ могут существенно отличаться друг от друга, ибо восприятие отражает в том числе и оценочные интерпретации и эмоциональные компоненты перцепции. Помимо этого, на формирование образа врага оказывают влияние стереотипы и установки, которые присущи массовому сознанию. Восприятие образа врага опосредовано определёнными источниками информации, в первую очередь СМИ, которые могут целенаправленно формировать определённый образ врага.

Как уже было сказано, процесс формирования образа врага обусловлен ранее сформированными в массовом сознании стереотипами. Историческая память любого сложившегося общества способствует людям сохранять и передавать из поколения в поколение ранее сформированные образы врагов, а также механизма их идентификации. Негативные стереотипы способствуют ускорению формирования образа врага и определению его основных оценочных характеристик. Усвоенные ранее стереотипы могут легко воспроизвестись в общественном сознании и буквально «переключаться» с одного объекта на другой. По данным ВЦИОМ, в мае 2001 г. лишь 7 % россиян считали Грузию враждебным государством, однако летом 2012 г. после грузино-осетинского конфликта 2008 г., по данным Левада-центра, уже 41% российских респондентов считали Грузию своим врагом³.

Приведённый перечень технологий управления общественным мнением безусловно является неполным, ибо в

¹ Бернейс Э. Пропаганда. Там же. С. 105-106.

² Лебон Г. Психология толпы // Психология толп. М.: Институт психологии РАН, 1998. С. 135-136.

³ «Левада-центр»: главный враг России – Грузия. URL: <http://slon.ru/fast/Russia/levada-tsentr-glavnyy-vrag-rossii-gрузија-798953.xhtml> (дата обращения 05.05.2016 г.)

политической практике постоянно возникают новые виды деятельности, которые ориентированы на повышение эффективности политического влияния, однако все они направлены на управление политическими кампаниями.

Литература

1. Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing, 2010. – 176 с.
2. Возможно ли использование грассрутс технологий в США? Url: http://lobbying.ru/content/sections/articleid_696_linkid_31.html (дата обращения: 25.02.2017 г.).
3. ВЦИОМ Пресс-выпуск № 3098. ТВ, Интернет, газеты, радио: доверяй, но проверяй? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115679> (дата обращения: 25.02.2017 г.).
4. Докторов Б.З. Лекции изучения общественного мнения: США и Россия: учеб. пособие. Екатеринбург: УрФУ, 2013. – 212 с.
5. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. - М.: Че-Ро, Изд-во МГУ, 1997. – 344 с.
6. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. – 688 с.
7. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: АСТ, 2000. – 320 с.
8. «Левада-центр»: главный враг России – Грузия. URL: <http://slon.ru/fast/Russia/levada-tsentr-glavnyy-vrag-rossii-gruziya-798953.xhtml> (дата обращения 05.05.2016 г.)
9. Профессиональный словарь лоббистской деятельности (составитель к.п.н. П. А. Толстых). URL: http://www.lobbying.ru/dictionary_word.php?id=18 (дата обращения: 25.02.2017 г.).
10. Прохоров: кроме бренда «Владимир Путин» России предъявить миру нечего. URL: <http://www.gorod.lv/novosti/256327-prohorov-krome-brenda-vladimir-putin-rossii-predyavit-miru-nechego> (дата обращения: 25.02.2017 г.).
11. Пушкарева Г.В. Политический менеджмент. Учебник и практикум. М.: Издательство Юрайт, 2015. – 365 с.
12. Технология уничтожения. Окна Овертона. URL: <http://zuhel.livejournal.com/465630.html>; <http://www.pravda-tv.ru/2014/01/16/34675> (дата обращения: 25.02.2017 г.).
13. Фонд борьбы с коррупцией. URL: <http://rospil.info/> (дата обращения: 25.02.2017 г.).
14. Явлинский и Навальный пока будут конкурировать в Интернете. // Н.Г. 2017. 01. 2017. URL: http://www.ng.ru/politics/2017-01-27/1_6914_yabloko.html (дата обращения: 25.02.2020 г.).

Public opinion management technologies Singaevskaya M.V.

Moscow State University M.V. Lomonosov

The article discusses and defines the basic technologies of public opinion management. In politics, technologies appear as an integral component of managerial relations, as a special type of activity, focused on identifying and using in practice the optimal ways and means of achieving political goals. Political technologies are used in managerial processes, where in order to achieve political goals it is necessary to achieve certain patterns of behavior from the object of influence, in this case from public opinion. Moreover, the subject of control is limited in the right to use coercive resources. This is the specificity of political management as a special non-force type of management in politics.

The indicated properties of managerial processes determine the specifics of the technologies are used in them. First of all, political technologies influence the motivation of those people on whom the achievement of political goals depends, in other words, on the people as a subject of public opinion. With the help of political technology, political behavior is changing, but the way this impact is not forced. It is the motivational sphere of the personality that becomes the main object of application of the efforts of political technologists. Because the motivational sphere is an extremely complex moving phenomenon, the ways of influencing it are constantly updated and improved.

It should be noted that "public opinion" operates in different types of political campaigns. Thus, political technologies for managing public opinion in the management of political campaigns differentiate along with the complexity and variety of managerial

relations in politics. The development of democracy and the media of communication leads to the emergence of manipulative technologies for managing public opinion in the management of political campaigns.

Keywords: technologies, political technologies, manipulation technology, manipulating public consciousness, Overton's window, framing, «Grassroots» lobbying, technology for supporting political decisions, propaganda.

References

1. Bernays E. Propaganda. M.: Hippo Publishing, 2010. -- 176 p.
2. Is it possible to use grassroots technology in the US? URL: http://lobbying.ru/content/sections/articleid_696_linkid_31.html (accessed: February 25, 2017).
3. VTsIOM Press release No. 3098. TV, Internet, newspapers, radio: trust, but verify? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115679> (accessed: February 25, 2017).
4. Doctors B.Z. Lectures on the study of public opinion: USA and Russia: textbook. allowance. Ekaterinburg: UrFU, 2013. -- 212 p.
5. Dotsenko E.L. Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection. - M.: Che-Ro, Publishing House of Moscow State University, 1997. -- 344 p.
6. Kara-Murza S.G. Manipulation of consciousness. M.: Algorithm, 2000. -- 688 p.
7. Lebon G. Psychology of peoples and masses. M.: AST, 2000. -- 320 p.
8. "Levada Center": the main enemy of Russia - Georgia. URL: <http://slon.ru/fast/Russia/levada-tsentr-glavnyy-vrag-rossii-gruziya-798953>. xhtml (accessed 05.05.2016)
9. Professional dictionary of lobbying activities (compiled by Ph.D. P. Tolstykh). URL: http://www.lobbying.ru/dictionary_word.php?id=18 (accessed: 02.25.2017)
10. Prokhorov: besides the Vladimir Putin brand, Russia has nothing to present to the world. URL: <http://www.gorod.lv/novosti/256327-prohorov-krome-brenda-vladimir-putin-rossii-predyavit-miru-nechego> (accessed: 02.25.2017).
11. Pushkareva G.V. Political management. Textbook and workshop. M.: Yurayt Publishing House, 2015. -- 365 p.
12. The technology of destruction. Windows Overton. URL: <http://zuhel.livejournal.com/465630.html>; <http://www.pravda-tv.ru/2014/01/16/34675> (accessed: February 25, 2017).
13. The anti-corruption fund. URL: <http://rospil.info/> (date of access: February 25, 2017).
14. Yavlinsky and Navalny will compete on the Internet. // N.G. 2017. 01. 2017. URL: http://www.ng.com/politics/2017-01-27/1_6914_yabloko.html (accessed: 02.25.2020).

Значимость профсоюзов в формировании устойчивого положения гражданского общества в социальном пространстве

Цыганенко Никита Дмитриевич

аспирант, кафедра маркетинга и муниципального управления, Институт сервиса и отраслевого управления, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», tsyganenkond@gmail.com

Фомичев Игорь Юрьевич

доктор социологических наук, профессор, кафедра маркетинга и муниципального управления, Институт сервиса и отраслевого управления, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», ifomic@mail.ru

В статье рассматривается функциональный набор целей и задач социально-трудовой сферы, которые профсоюзные организации ставят перед собой. Авторами рассмотрены некоторые вопросы функционирования профессиональных союзов, в частности, в контексте взаимодействия «Профсоюз-Общество». Приведены общие результаты теоретического исследования прогрессивной деятельности союзов на базе предприятий, а также для рабочего класса в общем смысле. Определена значимость профсоюза в процессах формирования социального пространства, общечеловеческих и социокультурных ценностей.

Ключевые слова: профсоюз, устойчивое развитие, социальное пространство, гражданское общество, занятое население, правозащитная деятельность.

Постановка вопросов.

Достижение устойчивого положения гражданского общества в социальном пространстве в рамках статьи условно можно рассмотреть в двух направлениях:

- 1) обеспечение стабильного социального положения членов профсоюза в трудовой сфере;
- 2) влияние профсоюзных организаций на развитие трудового класса в широком смысле.

Трудовая сфера является неотъемлемой и образующей частью социальной стабильности в стране. Зачастую она играет определяющее значение в социальном положении человека. Трудовые отношения работника и работодателя могут порождать спорные ситуации, как со стороны наёмных работников, так и со стороны организации.

Нарушение прав работника и невыполнение условий трудового договора со стороны работодателя может носить следующий характер:

- невыполнение условий оплаты труда;
- отсутствие условий охраны труда;
- неправомерное увольнение (сокращение) работника;
- отсутствие коллективного договора;
- отказ от обеспечения работником необходимым для выполнения работ средствами труда;
- несоблюдение иных прав работника, положенных ему условиями Трудового кодекса и внутренних распорядительных документов.

Несомненно, подобные явления негативно отражаются на социальной обстановке в стране.

Из вышеперечисленного следует, что неправомерные действия лиц,

участвующих в трудовых отношениях, необходимо пресекать, и профсоюз может служить инструментом для регулирующей трудовые отношения деятельности.

Граждане России являются главными выгодоприобретателями страны и должны получать поддержку от органов государственной власти. К сожалению, до сих пор существует явление существования людей за чертой бедности. Своей деятельностью профессиональные союзы способствуют достижению следующих задач:

- постоянная увеличение МРОТ;
- индексация заработной платы;
- осуществление законотворческой деятельности;
- регулирование пенсионного возраста;
- и др.

Профессиональные союзы ведут активную деятельность не только для своих членов, но и для всего трудового общества.

Деятельность профессиональных союзов

Социально-трудовые отношения в стране регулируются различными органами власти, так или иначе координирующими трудовую деятельность рабочего класса. К таким инстанциям относятся трёхсторонняя комиссия территориального, областного и российского уровней, Государственная инспекция по труду. В последнюю, ровно как в прокуратуру и в суд, могут обратиться граждане, чьи права ущемлены.

На рабочем месте в ситуациях, касающиеся трудовых отношений, часть функций вышеупомянутых ведомств могут заменить деятельность профсоюзных организаций.

Профсоюзы берут на себя часть обязанностей по контролю и регулированию социальных вопросов в системе социально-трудовых отношений. Благодаря активной правозащитной деятельности, профсоюзные организации – это близкие к людям (в отличие от работодателей) общественные организации,

чья цель – постоянно добиваться улучшения условий труда.

Профессиональные союзы являются общественными объединениями граждан, связанных одной производственной либо непроизводственной сферой деятельности [1]. Союзы призваны консолидировать усилия занятого общества, в пределах их организации. Вместе с тем профсоюзы проявляют активные действия в направлении достижения высокого уровня материального обеспечения всего общества. Они проявляют неравнодушие к существующей экономической ситуации в стране и выступают за улучшение материального благосостояния всех граждан государства. Данный факт делает из союзов социально ориентированные общества, чья польза распространяется далеко за пределы организации.

Основные цели профсоюзных организаций в России

Приоритетными целями, реализуемыми профессиональными союзами для достижения устойчивого положения граждан в социальном пространстве, которые отчасти пересекаются с целями стратегического развития экономики Государства [2], являются следующие:

- становление и развитие социального государства;
- пропаганда социального партнёрства;
- правовая работа и законотворческая деятельность, укрепление авторитета профсоюза в высших органах власти;
- поддержание вопросов сферы занятости и достижение низкого уровня безработицы, а также отсутствие непропорциональных сокращений;
- отслеживание и стимулирование высокой социальной эффективности предприятий;
- высокий уровень оплаты труда рабочего класса;
- повышение минимального размера оплаты труда до уровня минимального потребительского бюджета;

- своевременная и полная оплата труда;

- прогресс и укрепление позиций в вопросах охраны труда, организации оздоровления, материальной помощи и отдыха трудящихся, а также популяризация здорового образа жизни.

Работа профсоюзов на предприятии.

Профсоюз – заинтересованное лицо объединения наёмных рабочих, которое не должно оставаться в стороне при неправомерной деятельности недобросовестных работодателей.

Нестабильное состояние экономической структуры страны может являться причиной низких показателей удовлетворения условиями жизни, негативного настроения граждан и критически-отрицательного отношения к стране. В данном ключе профсоюзы выступают как «помощники» органов власти, перенимая на себя функции регулятора трудовых отношений. Например, профсоюзы оказывают содействие своим членам посредством юридической поддержки со стороны штатных юристов профсоюзной организации на безвозмездной основе. Прежде всего это позволяет решать возникшие спорные ситуации юридически верно и без участия самого работника, т.е. от лица профсоюза. В некотором смысле это обезопасит работника от лоббирования работодателя в контексте: «Ты промолчишь, но сохранишь рабочее место». Можно выделить следующие положительные для работника стороны в вопросах решения спорных ситуаций с работодателем через первичные профсоюзные организации (далее ППО):

- юридическая подготовка сотрудников профсоюзной организации;

- правовая основа для функционирования и проведения проверок, комиссий;

- отсутствие прямого контакта работодателя с работником при решении споров;

- ППО поддерживаются областными комитетами, а также самой Федерацией

независимых профсоюзов России (далее ФНПР) – таким образом осуществляется содействие на национальном уровне.

Материальная стабильность наёмного работника (непосредственно на производстве) прежде всего определяет в себе следующие пункты:

- полная оплата труда согласно договору найма;

- уверенность в сохранении рабочего места;

- отсутствие или компенсирование вредных факторов производства и обеспечение функционирования системы охраны труда.

По всем пунктам в профессиональных союзах ведётся работа не только субнациональном уровне (регионально, на производстве), но и на самых высоких уровнях власти. Так, во время съездов ФНПР выступает президент России.

Работа профсоюзов для общества в целом.

В отдельно взятых субъектах РФ «сильные» областные профсоюзные комитеты добиваются улучшений условий труда для всего населения - не только в рамках членства профессиональных союзов. К одному из таких успехов можно отнести наделение профессиональных союзов правом инициировать законопроекты [3,4].

Возможностью инициировать законопроекты пользуется не один десяток субъектов РФ, среди которых профсоюзы Ульяновской, Архангельской, Магаданской, Брянской, Волгоградской, Костромской, Красноярской, Курской, Саратовской, Краснодарской, Иркутской, Томской областей. Однако владение правом выдвигать законы совершенно не предоставляет право принимать их. Законы в субъектах РФ, в соответствии с Федеральным законом, всё также принимаются большинством голосов из числа депутатов. Тем не менее важны современные решения и успехи, к которым идёт профсоюзное движение. Право на законодательную инициативу

выступает как основа для будущей законодательной работы и как инструмент для успешной реализации мероприятий по защите прав и интересов работников.

Следующим из актуальных вопросов трудоустройства является факт увеличения минимальной заработной платы. Вопрос поднимается как на уровне Правительства РФ, так и на заседаниях областных трехсторонних комиссий по регулированию социально-трудовых отношений.

Также ФНПР выдвигала заявление в адрес Президента РФ, Правительства РФ, Государственной Думы РФ против увеличения пенсионного возраста. Массовыми действиями профессиональных союзов были достигнуты некоторые изменения в законе об увеличении пенсионного возраста. В результате действий профсоюзов пенсионный возраст для женщин повысили на меньшее количество лет.

Профорганизации ведут непрерывный диспут с органами государственной власти, регулирующими социально-трудовые отношения. Следующие требования обсуждаются наиболее остро:

- требование разработать законодательные правила о государственных гарантийных фондах заработной платы на случай, когда организация не выплачивает заработную плату по причине отсутствия необходимых средств;
- требование придать пособию по безработице статуса социального пособия, подлежащего ежегодной индексации;
- требование установления полной индексации страховых пенсий работающим пенсионерам;
- требования к работодателям своевременно и в полном объеме индексировать оплату труда работников;
- требование увеличить в областном бюджете расходы на финансирование летней оздоровительной кампании детей с целью уменьшения финансовой нагрузки на родителей.

Вследствие вышеописанной активности профсоюзов можно заключить, что влияние, оказываемое ФНПР на

улучшение условий труда, имеет широкий спектр направлений и ориентировано на долгосрочную перспективу.

Проблемы профсоюзного движения (в контексте взаимодействия «Профсоюз-Общество»).

Профессиональные союзы переживают трудные времена. Выделим основные проблемы взаимодействия в формате «Профсоюз-Общество».

1) Низкая профактивность. Слабое функционирование и низкая активность профсоюзного движения может привести к стагнации роста уровня социального довольствия населения. Решением может быть профсоюзная экспансия в самом широком смысле: воздействие на все слои гражданского общества через общечеловеческие и социокультурные ценности с целью обращения внимания на профсоюзную деятельность. Авторы предлагают к рассмотрению определение: «Профсоюзная экспансия» - распространение профсоюзного влияния на гражданское общество с целью его сплочения для решения социальных задач на национальном уровне.

2) Отсутствие солидарности общества. Нынешняя обстановка на производствах в различных сферах крайне нестабильна. Переменный уровень заработных плат, страхи перед увольнением предвещают механизмы «бегства» от социальной ответственности, уклонение от социальной инициативы и страх возмездия при нарушении порядка работодателя. Как следствие, подавление профсоюзной активности и иных форм общественных действий.

Солидарность трудящихся (применимо к деятельности членов профсоюзных организаций) – есть качество людей, занятых в производственных и непроизводственных сферах деятельности, проявляющееся в равнодушии к возникающим проблемам в трудовой сфере организации и отзывчивости в вопросах, касающихся законного решения трудовых споров.

3) Огромная территориальная разобщённость. Профсоюзы из удалённых областей не взаимодействуют друг с другом.

4) Отсутствие общего профсоюзного постоянного канала связи.

5) Как следствие из вышеизложенного - невысокий авторитет профсоюза [5], низкая узнаваемость.

Профсоюзы сегодня могут надеяться на собственную инициативу, проявлять активную общественную позицию и заявлять о себе, пропагандируя общечеловеческие и социокультурные ценности.

Заключение.

Сохранение профсоюза как инструмента поддержки рабочего населения влечёт за собой появление более стабильной ситуации в сфере труда с положительной тенденцией роста материального состояния граждан. Деятельность профсоюзов находит плодотворное отражение в современной социологической мысли в России и имеет долгосрочные перспективы.

В связи с этим очевидна необходимость законодательного усиления позиций профсоюзов, а также поиска новых стратегий и форм развития отечественных профсоюзов в качестве полноправного субъекта гражданского участия [6].

Таким образом, профсоюзы, улучшая социальные аспекты условий жизни и уровень благосостояния граждан, имеют важное значение в вопросах достижения социальной и экономической стабильности гражданского общества и государства в целом на национальном уровне.

Литература

1. Скрипникова Марина Игоревна, Смирнов Юрий Игоревич, Александрова Елена Васильевна Профсоюз и работодатель // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. 2018. №1 (97).

2. Колоева Фарида Абдулхамидовна Основные тенденции и проблемы обеспечения устойчивого развития промыш-

ленности региона // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2015. №2 (160).

3. Макарова Вера Алексеевна, Гончаров Максим Александрович Место и роль профсоюзов в жизни современного российского общества // Научный журнал КубГАУ - Scientific Journal of KubSAU. 2016. №121.

4. Асанова Е. Н. Социальные проблемы профсоюзов и их решение. [Электронный ресурс]: Пермский государственный университет, доклад. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/psu/files/4802/asanova.doc> (дата обращения 28.03.2020).

5. Орешников Игорь Михайлович, Сунарчина Мунира Мунировна О социально-экономическом назначении профсоюзов и усилении их функции социальной защиты работников // Социально-политические науки. 2014. №1.

6. Уханова Ю. В. Профсоюзные организации как субъект гражданского участия (опыт Вологодской области) // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 54-64.

7. Мурзанов И.А. Вопросы практической реализации профсоюзами права на представительство и судебную защиту // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2017. №4 (12).

8. Дзудев З. Г. Защитная функция профсоюзов, проблемы правового регулирования: автореф. дис. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lawtheses.com/zaschitnaya-funktsiya-profsoyuzov-problemy-pravovogo-regulirovaniya#ixzz3qY4S9N42> (дата обращения: 20.03.2020).

Significance of trade unions in the formation of the sustainable situation of civil society in social space

Tsyganenko N.D., Fomichev I.Yu.

Tyumen industrial University

The article discusses the functional set of goals and objectives of the social and labor sphere that trade union organizations set for themselves. The authors examined some issues of the functioning of trade unions, in

particular, in the context of the interaction "Trade Union-Society". The general results of a theoretical study of the progressive activities of unions based on enterprises, as well as for the working class in a general sense, are presented. The significance of the trade union in the processes of the formation of social space, universal and socio-cultural values is determined.

Key words: trade union, sustainable development, social space, civil society, employed population, human rights activities.

References

1. Skripnikova Marina Igorevna, Smirnov Yuri Igorevich, Aleksandrova Elena Vasilievna Trade union and employer // Bulletin of REA im. G.V. Plekhanov. 2018. No1 (97).
2. Koloeva Farida Abdulkhamidovna. Main trends and problems of ensuring sustainable development of the industry of the region // Bulletin of the Adygea State University. Series 5: Economics. 2015. No2 (160).
3. Makarova Vera Alekseevna, Goncharov Maxim Aleksandrovich Place and role of trade unions in the life of modern Russian society // Scientific Journal of KubSAU. 2016. No.121.
4. Asanova E. N. Social problems of trade unions and their solution. [Electronic resource]: Perm State University, report. - Access mode: <http://www.psu.ru/psu/files/4802/asanova.doc> (accessed March 28, 2020).
5. Oreshnikov Igor Mikhailovich, Sunarchina Munira Munirovna On the socio-economic purpose of trade unions and strengthening their functions of social protection of workers // Socio-political sciences. 2014. No1.
6. Ukhanova Yu. V. Trade union organizations as a subject of civic participation (experience of the Vologda Oblast) // Sociological studies. 2020. No. 1. S. 54-64.
7. Murzanov I.A. Issues of the practical implementation by trade unions of the right to representation and judicial protection // Bulletin of Mari State University. Series "Historical sciences. Jurisprudence ". 2017. No4 (12).
8. Dzutsev Z. G. The protective function of trade unions, problems of legal regulation: author. dis. [Electronic resource] - Access mode: <http://lawtheses.com/zaschitnaya-funktsiya-profsoyuzov-problemy-pravovogo-regulirovaniya#ixzz3qY4S9N42> (accessed: 03.20.2020).

Апология Великой Победы. 1941-1945: День Победы. Сталин и Путин

Васецкий Николай Александрович

доктор исторических наук, профессор кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. NAVASECKIY@yandex.ru

Сегодня мало кто помнит, что День Победы как всенародный праздник с выходным днём 9 мая в Российской (Советской) цивилизации был учреждён благодаря инициативе Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Произошло это в 1965 году. До этой даты День Победы, хотя и считался праздничной датой, но широко и всенародно как великий праздник не отмечался. Формально праздник Дня Победы был установлен Указом Президиума Верховного Совета СССР сразу же после взятия Берлина 8 мая 1945 г. и должен был отмечаться 9 мая каждого года. Праздничная дата была принята без обсуждения двумя палатами Верховного Совета – Советом Союза и Советом национальностей – на ежегодной сессии высшего законодательного органа страны. До сих пор непонятна эта демонстративная будничность и бюрократическая бесцеремонность установления такого важного праздника в жизни Советской цивилизации. Словом, пока рановато говорить о торжестве русского наследия в Великой Победе. Предстоит ещё серьёзный путь очищения от завалов прошлого забвения достижений Российской (Восточно-христианской православной) цивилизации и устройства жизни по стандартам современного Домостроя как солидарной и соборной общности, о которой писали русские крупнейшие мыслители.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, День Победы, И.В. Сталин, В.В. Путин

1. Праздничный день

Сегодня мало кто помнит, что День Победы как всенародный праздник с выходным днём 9 мая в Российской (Советской) цивилизации был учреждён благодаря инициативе Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева (1916-1982). Произошло это в 1965 году. До этой даты День Победы, хотя и считался праздничной датой, но широко и всенародно как великий праздник не отмечался.

Формально праздник Дня Победы был установлен Указом Президиума Верховного Совета СССР сразу же после взятия Берлина 8 мая 1945 г. и должен был отмечаться 9 мая каждого года. Праздничная дата была принята без обсуждения двумя палатами Верховного Совета – Советом Союза и Советом национальностей – на ежегодной сессии высшего законодательного органа страны. До сих пор непонятна эта демонстративная будничность и бюрократическая бесцеремонность установления такого важного праздника в жизни Советской цивилизации.

Также как непонятно почему День Победы с первого же года не был объявлен нерабочим днём. Ведь вряд ли по своей значимости он был менее важен, чем скажем 7 ноября (25 октября по старому стилю) как дня Октябрьской революции 1917 года. Более чем странная позиция Сталина, лично внёсшего неоценимый вклад в Великую Победу.

26 июня 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было введено высшее звание в Вооружённых Силах СССР – Генералиссимус Советского Союза. Также без обсуждения на сессии Верховного Совета. Поводом послужила письменная инициатива рабочих и служащих московского завода «Рессора» (кто-нибудь слышал об этом заводе?), поступившая ещё 6 февраля

1943 г. В аккурат в начале разгрома немцев под Сталинградом.

27 июня 1945 г. звание Генералиссимуса Советского Союза было присвоено товарищу Сталину. И опять-таки при весьма странных процедурных обстоятельствах. Не Указом Президиума Верховного Совета, что логично вытекало из значимости и самого звания как государственного титула и Верховного Совета как высшего органа власти в Советском государстве.

Звание было присвоено по партийной линии согласно предложению Политбюро ЦК ВКП(б) и на основании письменного представления командующих фронтами в Великой Отечественной войне. Побудительный мотив присвоения – в ознаменование исключительных заслуг Сталина в Великой Отечественной войне. Политбюро, а не Верховный Совет также наградило Сталина высшим государственным знаком отличия - орденом Победы и присвоило высшее государственное, а не партийное, звание Героя Советского Союза.

Подчеркнём отдельно, что в правление Сталина партия не выдвигалась на роль самой высшей руководящей силы в обществе. Сталин, хотя и являлся Генеральным секретарём ЦК ВКП(б), эта должность не была уставной и с 1934 по 1953 гг. при выборах секретарей ЦК даже не упоминалась. Главной должностью, которую занимал Сталин, была должность Председателя Совнаркома или правительства Советского государства.

Сталин вообще считал, что партия должна заниматься главным образом идейно-воспитательной работой, образовывать и воспитывать советское население, пропагандировать марксистско-ленинскую идеологию. А управлять страной призваны государственные органы, Верховный Совет и местные советы, правительство, министерства и ведомства. Естественно при участии партии, членами которой были представители высшей государственной иерархии, других общественных организаций - профсоюзов, комсомола.

Вот такие были времена. Вот такие нравы в высшем руководстве страны. В воспоминаниях маршала К.К. Рокоссовского (1896-1968) говорится, что Сталин несколько раз отказывался от присвоения ему звания Генералиссимуса. И согласился только после того как Рокоссовский заметил ему: «Товарищ Сталин, Вы маршал и я маршал. Вы меня наказывать не сможете» (1).

После Сталина звание Генералиссимуса не присваивалось больше никому. Были разговоры о том, чтобы сделать генералиссимусами Н.С. Хрущёва, а затем в конце жизни и Л.И. Брежнева. Но всё это так и осталось не более чем додуманными разговорами.

В истории же России звание Генералиссимуса было введено Петром 1 и присвоено нескольким его соратникам (Меньшикову и др.). Но из значимых по военным и общепризнанным заслугам Генералиссимусом остался лишь один А.В. Суворов (1730-1800). Он силой русского оружия разгромил лидера Восточно-исламской цивилизации армию Османской империи и положил в копилку Российской цивилизации всю территорию Малороссии.

2. Почему 9-го, а не 8 мая?

Почему празднуем 9 мая, а не 8-го, как в странах западных демократий, ставших участниками второго фронта, открытого только в 1944 г.? Потому что капитуляцию Германии, по поручению Верховного главнокомандующего Вооружёнными силами СССР И.В. Сталина, принял маршал Г.К. Жуков (1896-1974) в Берлине в ночь с 8 на 9 мая. В СССР акт о безоговорочной капитуляции поверженного противника был объявлен только утром, которое начиналось в стране с 6-часовых новостей.

То, что День Победы особо не афишировался во времена правления Хрущёва понятно. Он не любил вспоминать о своей, мягко говоря, маловыдающейся роли в Великой Отечественной войне. Позорном бегстве с поля боя при отступлении под Харьковом в 1942 г. Из-за тёмной истории с его старшим сыном

от первого брака Леонидом, лётчиком сбитым немцами и попавшим к ним в плен, где он повёл себя не самым достойным образом. Хрущёв лично просил Сталина выволить сына из плена. Получил отказ.

В этих военных обстоятельствах политической биографии Хрущёва многие исследователи усматривают одну из главных личных причин из-за которых Хрущёв отважился на доклад о разоблачении культа личности Сталина на XX съезде КПСС в 1956 г. Банальная месть? Споры на сей счёт ведутся между специалистами по истории КПСС и СССР до сих пор.

При Хрущёве дошло до того, что ветераны даже воздерживались носить открыто ордена и медали за боевые заслуги в Великой Отечественной войне. Мои покойные отец и мать, прошедшие войну с первых до последних дней (они поженились в 1945 г. в поверженном Берлине!), имели немало наград. Но не могли их носить достойно. Их высмеивали якобы за честолюбие и самолюбование.

Помню, как в детские годы я играл этими отцовско-материнскими наградами. Хорошо, что не потерял или не отдал какому-нибудь проходимцу. Ведь могли исчезнуть навсегда. И тогда, моя внучка не смогла бы нести эти награды с гордостью русской девочки за героизм её прадедушки и прабабушки на фронтах Великой Отечественной войны в маршах Бессмертного полка уже в наши дни...

Это из эпохи Хрущёва берёт начало современная мода на воровство государственных наград у ветеранов войны. Безнаказанная торговля ими на базарах. Пренебрежение святостью добытых в ратных подвигах отличий. Горько и тяжело сознавать такого рода унижение завоевавших своими жизнями и здоровьем Великую Победу и её наследие...

Так что сегодня мы должны низко поклониться Л.И. Брежневу за то, что он не просто восстановил День Победы, но придал ему подлинно государственный

статус и морально-общественную значимость. Сделал он это не спроста.

3. Л.И. Брежнев (1906-1982)

Брежнев, в отличие от Хрущёва, воевал реально. Его подвиг на Малой земле, это не литературные поллюции стареющего ветерана. В 1943 г. на этом пятачке под Новороссийском Брежнев был несколько раз ранен, в том числе тяжело. Но вместе с рядовым составом отстоял рубеж и своей кровью внёс вклад в победу над фашистами на Северном Кавказе.

Брежнев был участником легендарного парада Победы на Красной площади в июне 1945 г. Звание генерала получил не за паркетную суету, а за действительные боевые заслуги. Может отсюда и проявилась в последующем его старческая слабость к самой процедуре награждения. Простим его за эту слабину.

А от себя добавим, что Брежнева, как государственного и политического деятеля ждёт свой ренессанс. Десятилетка с 1965 по 1975 гг. в его политической карьере отмечена высшими достижениями в истории не только СССР, но и во всей Восточно-христианской православной цивилизации.

Того авторитета на международной арене, того уровня материальной жизни, пусть скромного, без излишеств, но абсолютно безбедного для самого что ни на есть захудалого человечка всей нашей великой страны - СССР, той безопасности и уверенности в завтрашнем дне, которыми до сих пор гордятся все, кто жил во времена Брежнева, той образованности и духовного развития, каких достигли народы бывшего СССР, а не только его элиты, вряд ли они достигнут ещё когда-нибудь, по крайней мере в ближайшем будущем...

Именно при Брежневе был принят и установлен незыблемый регламент празднования Дня Победы. Утром – военные парады во многих городах страны и прежде всего в Москве на Красной площади. Поздравительная речь главы государства. Возложение

венков у могилы Неизвестного солдата возле Кремлёвской стены.

Кстати именно при Брежнев и был зажжён вечный огонь у могилы в память о победителях в войне. Праздничные салюты и шествия миллионов людей. К которым никто никого не обязывал и не принуждал. А вечером - традиционное застолье с тихим и скромным поминовением имён павших и пожеланием жизни здравствующим ветеранам.

Хорошая традиция – Бессмертный полк - добавилась уже во времена президентства В.В. Путина – шествие по городам и весям сперва России, а теперь и всего мира, десятков миллионов людей с портретами участников Великой Отечественной войны. У Путина отец воевал, был тяжело ранен. Мать оказалась в блокаде Ленинграда. Моя мать тоже пробыла там 602 дня и ночи. И, по её скупым рассказам, чуть с ума не сошла.

Показательна реакция Путина в ходе его Большой пресс-конференции 19 декабря 2019 г.: «Я вот на что хотел бы обратить внимание, что хотел бы вспомнить. Ведь это в документах прописано, в их документах, нацистской Германии: часть славянского населения использовать на работах, большую часть – за Урал, на северные территории. На что это? На вымирание».

И далее, чувствуется сказал от всего сердца, с болью и надеждой на лучшее будущее нашей цивилизации: «Речь шла не просто о сохранении государственности, речь шла о сохранении этноса восточно-славянского. Вот о чём шла речь. Когда ясышу, что, может быть, было бы хорошо Ленинград сдать и так далее, мне хочется сказать: «Вы придурки?! Нет? Вас бы никого не было, кто так сегодня рассуждает!» (2).

Так что, хотя Путин и родился в 1952 г., его смело можно назвать сыном Бессмертного полка Великой Отечественной.

Инициаторами Бессмертного полка выступили томские журналисты Сергей Лапенков, Сергей Колотовкин и Игорь Дмитриев. В Томске был создан Устав Полка. Определены его основополагающие принципы. Путин лично ежегодно

участвует в маршах Бессмертного полка.

В настоящее время Бессмертный полк превратился в международное общественное гражданско-патриотическое движение по сохранению личной памяти о поколении Великой Отечественной войны. Благослови его Бог и не дай ему превратиться в бюрократическое мероприятие государственных чиновников и популистских политиков.

3. Красная площадь. Парад Победы-2019

9 мая 2019 г. на Красной площади в Москве состоялся ежегодный Парад в ознаменование 74-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. Скоро состоится Парад-2020, в честь 75-летия Великой Победы. Но нам думается, что вряд будет нарушена Традиция и парад пройдёт не так, как проходил с 1965 года.

Полагаем, что и в 2020 году традиционно Парад откроет рота барабанщиков Московского военного музыкального училища. Маршевым шагом, а это 120 шагов в минуту, ни меньше ни больше, прочеканят по брусчатке Красной площади в составе пешеходных расчетов офицеры, сержанты и солдаты соединений и воинских частей, слушатели и курсанты военно-учебных заведений, воспитанники суворовских военных и Нахимовских училищ, кадетских корпусов, юнармейцы, представители других силовых ведомств.

В механизированной части Парада Победы-2019 были представлены легендарный танк Т-34, защищённые автомобили «Тайфун», боевые машины пехоты БМВ-3, бронетранспортёры БТР-82А, БТР-МДМ, боевые машины поддержки танков «Терминатор», пусковые установки ракетных комплексов «Яр», зенитные ракетные системы С-400, зенитные ракетно-пушечные комплексы «Панцырь-С1» и другая техника. Готовые к Параду 120 самолетов не пролетели над Красной площадью из-за плохой видимости.

Перед ветеранами, высшим руководством страны и тысячами простых зрителей приехавших со всех концов необъятной Российской и мировых цивилизаций отмаршировали 35 пеших парадных расчётов, проехали 130 единиц современного вооружения и военной техники, отыграл 1000-трубный военный оркестр. Всего участников Парада было свыше 13 тыс.

Сплав молодости и опыта, силы и разума. Единство мужчин и женщин-военнослужащих. Эстетика и неподдельная красота военной выправки и доблести. Торжество натуральной природы человека и военной техники. Как на картинах гениального русского художника А.А.Дейнеки (1899-1969), воспевавшего в своём творчестве воинскую и спортивную доблесть Советской цивилизации. Словом, всё как всегда.

Но в 2019 г. не обошлось и без некоторой изюминки. На этот раз не в области материальной культуры, а в сферы идейно-политических и можно даже сказать историко-философских новаций. Они прозвучали в традиционной речи президента страны на Красной площади В.В. Путина.

4. Неразрывность истории России-СССР

Поздравив присутствовавших на Красной площади с Днём Победы, днём нашей гордости и скорби, безграничной благодарности защитникам Отечества, разгромивших нацизм, президент впервые на официальном уровне подчеркнул преемственность между Советской и Российской (Восточно-христианской православной) цивилизациями, выделил их общие цивилизационные ценности и смыслы в борьбе с внешними врагами.

Вот как это выглядело в стенограмме выступления Путина: «В истории нашей страны немало героических свершений, но на особом месте победа над фашизмом, возмездие нацистам за все их бесчинства, за то, что они возомнили себя высшей расой и развязали страшную войну».

И затем - выделил доминанту в своей речи: «Этой обнаглевшей силе покорились многие государства, и безнаказанность застила нацистам глаза. Они думали, что смогут так же, в считанные недели, подмять под себя и Советский Союз – тысячелетнюю историческую Россию. Не вышло!» (2).

Путин в данной речи не воспользовался терминами цивилизационного анализа Великой Победы, которые он неоднократно вводил в свои другие общероссийские и общемировые выступления. Но в речи на Параде Победы-2019 Путин дал ясно понять всем без исключения, что Советский Союз – это продолжатель и естественный субъект неотделимый от тысячелетней исторической России.

Путин, как говорится, свёл берега в течении единой реки - социологии истории России. Напомнил всем сомневающимся, а заодно и фальсификаторам истории России, что она берёт истоки в тысячелетней давности Древнерусской цивилизации, являющейся общим началом для всех этапов развития исторической России, включая и этап Советской цивилизации.

Этим выводом в своей торжественной речи, посвящённой Великой Победе, Путин, как нам представляется, на общегосударственном уровне положил конец бессмысленным спорам о периодизации истории России.

В истории нашего 1150-летнего Отечества недопустимо ни противопоставлять, ни тем более вычёркивать из неё какие бы то ни было периоды и этапы развития. Путин конкретизировал и утвердил историко-философское и идейно-историческое единство исторической ткани России и соответственно – исторического пространства и глубины Российской (Восточно-христианской православной) цивилизации.

5. Цивилизационный суверенитет Российской Федерации

Речь Путина на Красной площади в день Парада Победы-2019 является по нашему мнению развитием социологи-

ческих и международно-правовых положений его Послания Федеральному Собранию Российской Федерации от 20 февраля 2019 года.

«Россия не может быть государством, если она не будет суверенной. Некоторые страны могут. Россия – нет» (3).

Эта прозвучавшая в Послании-2019 социально-политическая аксиома характеризует место и роль Российской Федерации в цивилизационной системе координат современного мира.

Содержание и смысл суверенитета для России означает следующее. Российская Федерация либо будет суверенным, значит независимым в международных отношениях и мировой политике государством, либо её как государства не будет вообще.

Мировой порядок складывается так, что Россия не может быть государством, если не отстоит свой суверенитет. Многие страны остаются государствами, переставая быть суверенными. Например, Украина после государственного переворота 2014 года. Свой суверенитет она променяла на антирусскую болтовню и долларовые подачки Международного валютного фонда. И таким образом превратилась в государство внешнего управления «вашингтонским обкомом», как любит выражаться Председатель Компартии Российской Федерации Г.А.Зюганов.

В Послании-2019 Путин чётко и однозначно разъяснил всем что значит для России развиваться как суверенному государству. Это означает:

1) сохранять Россию как страну-цивилизацию, основанную на: а) собственной идентичности; б) многовековых традициях; в) культуре всех народов, населяющих Российскую Федерацию;

2) давать достойные ответы на цивилизационные вызовы стремительно меняющегося современного мира;

3) развивать арсенал средств для ответов на возникающие вызовы:

а) объединять усилия всех социально-политических сил российского общества;

б) действовать солидарно всему населению страны;

в) консолидировать общество на достижение совместных целей;

г) заинтересовать всех граждан в делах страны;

д) приумножать уверенность в наших силах, возможностях и ресурсах.

По сути, в Послании-2019 была сформулирована концепция единства современного российского общества на основе исторического опыта и традиций развития всей Российской (Восточно-христианской православной) цивилизации.

Современные тенденции свидетельствуют, что цивилизационный суверенитет России, её место и роль в системе мировых цивилизационных координат определяются как минимум тремя ключевыми факторами.

Первый фактор – это благосостояние и благополучие конкретных людей, возможности раскрытия способностей человеческой личности.

Второй фактор – восприимчивость и способность общества и государства реагировать на стремительные технологические и производственные перемены.

Третий фактор – свобода для предпринимательской деятельности и инициативы.

6. Цифры и показатели

Условия прорывного развития невозможно перевести в конкретные цифры и показатели. Они постоянно меняются исходя из внешней и внутренней конъюнктуры. Но именно цифры и показатели оказываются базовыми в достижении общего успеха.

По данным МВФ размеры ВВП по ППС (паритету покупательной способности) в миллиардах долларов США составляют: 1) КНР – 23208; 2) США – 19485; 3) Индия – 9474; 4) Япония – 5443; 5) Германия – 4199; 6) Россия – 4016; 7) Индонезия – 3250; 8) Бразилия – 3246; 9) Великобритания – 2925 (4). Маловато по меркам России? (4).

По секторам реального производства (промышленность+сельское хозяйство): 1) КНР – 11070; 2) Индия – 4329; 3) США – 3858; 4) Россия – 1489; 5) Япония – 1333; 6) Германия – 1289 (5).

На душу населения объём ВВП по ППС в России вырос с 2000 тыс. долларов США до 30 тыс. в 2019 г. 30 тыс. долларов. Сопоставим с уровнем показателей стран Южной и Восточной Европы. Хотя проблема бедности для 15 миллионов жителей страны остаётся весьма чувствительной.

За три последних десятилетия динамика мировой экономики растёт исключительно в странах незападных цивилизаций. Доля западных стран в глобальном ВВП по ППС снизилась с 58 до 40 процентов. Доля государств группы G-7, из которой Россия вышла по своей инициативе в 2014 г. по причине воссоединения с Крымом и бессмысленности её пребывания в их числе, упала с 46 до 30 процентов.

Просто поразительно! Такую ситуацию с положением России в мировой экономике даже представить себе было невозможно ещё каких-нибудь лет 10-15 назад, Тем более в лихие 1990-е годы. И не только в России. А и в целом в генеративно-политических центрах незападных цивилизаций – Китае, Индии, Бразилии, Индонезии. Если так и дальше пойдёт, то что же станет с глобализмом и гегемонизмом в мире Западно-христианской цивилизации? С созданным ею после развала СССР однополярным мировым устройством?

Ответы на эти и многие другие цивилизационные вызовы современного мира содержатся в материалах Петербургского экономического мирового форума, состоявшегося в июне 2019 г. При этом отметим, анализируя эти материалы, что Путин уже высказал недовольство тем, как развиваются события в российской экономике после этого форума. И прежде всего – торможение роста благосостояния основной массы населения страны.

7. ПМЭФ-2019

К удивлению всего мира Петербургский международный экономический

форум в считанные годы своего проведения, а начал он свою деятельность с 1997 г., а с 2005 г. в его работе стали принимать участие Путин и руководители многих других государств мира, практически вытеснил по своей значимости с мировой арены известный швейцарский Давос.

Ежегодно в Санкт-Петербург съезжаются до 10 тысяч политических деятелей и представителей крупнейших транснациональных компаний из более чем 120 стран мира. Запад и Восток. Север и Юг. Наплевали на американские и западноевропейские санкции против России и других незападных цивилизаций. Объём достигаемых на форуме сделок превышает десятки миллиардов рублей.

Какие ещё нужны доказательства подтверждения с одной стороны цивилизационного суверенитета России, а с другой – неуклонного роста её авторитета в мировом экономическом и социально-политическом сообществе?

Тезисы выступления президента Путина:

1) за период с 2011 по 2017 гг. рост глобальной экономики составил около 3 процентов. Показатели неплохие. Но могли быть и лучше.

2) несмотря на этот рост мировая экономика находится в системном кризисе;

3) его главная причина в том, что установившаяся после окончания холодной войны доминирующая модель развития, основанная на западной либеральной традиции под названием евроатлантической, перестала соответствовать новой архитектуре мировой экономики;

4) координация правил и институтов мирового хозяйства и финансов, получившая название политики «количественного смягчения» кризисных проблем, не решила их по существу, а лишь отодвинула в будущее;

5) мировая торговля перестала быть драйвером или по-русски – двигателем мировой экономики, а новый драйвер в виде суперсовременных технологий

пока ещё только формируется и не заработал в полную силу.

Главный вывод: западно-либеральная модель глобализации, предложенная в конце XX века, всё меньше соответствует формирующейся новой экономической реальности и по сути оказывается основным источником кризиса международных экономических отношений (6).

Этот вывод поверг в шок либералов всех мастей и народов. Их пропагандисты тут же поспешили квалифицировать выступление Путина как «второй Мюнхен». Первый произошёл в 2007 г., когда Путин на конференции по безопасности предсказал окончание эры однополярного мира и необходимости перехода к учёту интересов всех участников международных отношений и мировой политики, а не только США и их ближайших сателлитов.

Выходом из сложившейся негативной ситуации в мировой экономике известен и не требует особых усилий для своей реализации. Необходимость считается со стремительным ростом новых экономик с развивающимися рынками, со своими интересами, своими цивилизационными платформами развития, собственными взглядами на глобализацию и региональные интеграционные процессы.

Однако такая необходимость встречается ведущими странами Западно-христианской цивилизации в штыки. Они не собираются отказываться от заданных ими же самими шаблонов, поставивших их экономики в исключительное положение, дав им фору и громадную ренту, которые и предопределили их лидерство в XXI веке.

Под разговоры о равенстве, свободе торговли, честной и открытой конкуренции Запад перешёл к торговым войнам и санкциям, откровенному экономическому рейдерству или по-русски – захвату чужих активов и предприятий, выкручиванию рук, запугиванию, устрашению и устранению конкурентов способами далёкими от рыночных.

В результате проблемы глобального неравенства только усугубляются как

между странами и регионами, так и внутри самих стран и регионов. По сути со стороны Запада речь идёт о формировании двух несвязанных между собой миров. Один мир получает доступ к самым передовым системам образования, здравоохранения, к современным технологиям. Другой мир не имеет никаких перспектив и шансов даже вырваться из нищеты, а не то, чтобы хоть как-то развиваться.

8. Мировой экономический порядок

В качестве реальной платформы современного мирового экономического порядка может быть предложена своего рода хартия развития мировой экономики на принципиально иных основах, включающих такие меры, как:

- 1) достижение новых договорённостей, не только прописанных на бумаге, но и соблюдаемых на практике;
- 2) уважение цивилизационного суверенитета как безусловного права каждой страны на собственный путь развития;
- 3) ответственность за своё и за всеобщее устойчивое развитие;
- 4) гармонизация национальных интересов взамен навязываемого общего канона;
- 5) совместное взаимодействие;
- 6) добропорядочная конкуренция и сотрудничество между цивилизациями и их странами при условии соблюдения собственных моделей развития;
- 7) открытый диалог и демократичное принятие коллективных решений в мировой политике и международных отношениях.

В общем как это не покажется удивительным, но подобный набор принципов деятельности не является неким открытием для мировой экономики. Это естественно-исторические параметры её развития за последние десятилетия. В разной степени они были характерны даже в период существования так называемой биполярной системы мирового устройства, то есть до развала СССР.

То, что происходит сегодня – результат бесшабашности западных элит, уверовавших в свою непогрешимость и пользующихся полнейшей безответственностью из-за утраты над ними всякого контроля со стороны мирового сообщества. Очевидно, что такая бесбашенность в деятельности западных элит долго продолжаться не сможет. Рано или поздно им придётся посчитаться с произошедшими переменами. Вопрос – какими способами, опять с использованием мировой, третьей по счёту во всемирной истории, войны?

9. За русский народ

Цивилизационный социально-политический и экономический анализ Путиным наследия Великой Победы – это не просто дань благодарности победителям их потомков. Это – позиция политика, руководителя одной из великих держав современного мира. Если угодно – идейно-политическая и культурологическая платформа, представляющая вклад в разработку той самой национальной идеи, о которой ведутся ожесточённые споры после развала СССР в 1991 г.

Впервые высший руководитель страны не стесняется своей русской этничности. Заявляет о принадлежности к русскому, а не какому-нибудь другому, народу из проживающих в Российской Федерации. Что, разумеется, не даёт ни малейших намёков на недооценку этих народов. Просто Путин, считая себя русским, говорит в первую очередь от лица русского народа. Он – за русский народ, а не против любого другого народа. Представители любого другого народа могут поступать также в отношении своих народов как поступает Путин в отношении русского народа.

Путин ввёл в политический и научный оборот категории русского мира. И активнейшим образом продвигает и развивает позиции этой всемирной социально-этнической и культурологической общности в мировом социуме.

Путин открыто демонстрирует свою православную цивилизационную идентичность. Считает себя православным

русским верующим и не скрывает этого. Что тоже происходит впервые в политической истории нашей страны после Октябрьской революции 1917 года.

Оценка разворота Путина в сторону русского мира, его стремления олицетворять Российскую (Восточно-христианскую православную) цивилизацию, подталкивает многих русских и россиян к сравнению Путина со Сталиным. Что тут можно сказать?

10. О пользе сравнений в социологии истории России

Разумеется, в социологии истории России методам исторических сравнений и исторических аналогий принадлежит одно из самых почётных мест. И мы этими методами всегда будем пользоваться, чего и всем другим исследователям от души желаем. Тем более что сравнивать можно кого-угодно с кем-угодно. От любых сопоставлений всегда выигрывает знание.

Но, как нам представляется, сравнение Путина со Сталиным не выдерживает серьёзной критики. Совершенно разный масштаб личностей.

Несопоставимы времена, в которые страной руководил Сталин с современностью. Абсолютно разные цели и задачи у страны сегодня и тогда. Есть, правда, один внешний побудительный мотив для возможного сопоставления этих политиков.

И Путину в наши дни, и Сталину в военное время свойственно стремление приумножить пассионарность русского народа, утверждать русский суперэтнос в качестве ведущей этнодоминанты в многонациональном мире цивилизаций. Рисуем ошибиться, но скорее всего именно за такое стремление либералы всех мастей и народов ненавидят Сталина, а теперь и Путина, объявляют их исчадием ада и проклинаят самыми не-потребными эпитетами.

Если не забыли, то такой же разворот в сторону русской проблематики был совершён Сталиным и во времена Советской цивилизации. Хотя Сталин, считавший себя марксистом-ленинцем,

естественно, не пользовался цивилизационной терминологией. Он был приверженцем формационного метода анализа истории и действительности, предложенного К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Русская тема в деятельности Сталина возникает на практике со второй половины Великой Отечественной войны. В аккурат после начала разгрома армии Паулюса под Сталинградом в январе-феврале 1943 г. Согласны, что переломный момент в Великой Отечественной войне. После него руководители не только в СССР, но и в других странах начали задумываться о послевоенном развитии мирового сообщества.

Какими целями руководствовался Сталин, обратившись к русскому фактору в истории и современности нашей страны, сказать невозможно. Никаких явных признаков таких перспектив в позиции Сталина не просматривалось. Но набор политических решений был налицо.

Напомним ключевые даты сталинского поворота к русской теме в Советской цивилизации. Это: 6 января 1943 г. – восстановление погон для личного состава Красной Армии и 15 февраля – для личного состава Военно-морского флота; 15 мая – роспуск Коммунистического Интернационала как космополитической организации; 4 сентября – восстановление института патриаршества в Русской Православной церкви, приостановленного Петром 1.

Идейно-политическим и философски-историческим венцом начатого разворота стал тост Сталина «За русский народ» 24 июня 1945 г. на приёме в Кремле командующих войсками Красной Армии после первого Парада Победы на Красной площади в Москве. Преемственная связь с этим приёмом прослеживается буквально в лицах.

Дело в том, что тамадой на банкете был соратник Сталина и его личный товарищ, нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов (1890-1986). Сегодня в Государственной думе председателем комитета по науке и образованию является внук Молотова, названный в честь

деда Вячеславом, – Никонов В.А. Вот как тесна талантами история России!

На банкете прозвучал 31 тост, из них 5 зазданных в честь Верховного Главнокомандующего. Сталин взял слово последним. Безусловно он чувствовал себя триумфатором. Ведь прошло всего две недели после разгрома немецкого фашизма. И мог бы повести себя соответственно банкету, оптимистично и самоуверенно. Никто бы его за это даже и не подумал осудить. Авторитет Сталина находился на самом высшем пике в его политической карьере. Но Сталин избрал другой вариант – философско-исторический с позиций как он любил говорить диалектического материализма.

Тезисы выступления Сталина даём с некоторой стилистической корректировкой для удобства его современного восприятия и понимания по стенограмме, а не по газетному отчёту в «Правде»:

1) как представитель Советского правительства, - начал Сталин и сразу же отметим, выступил не как Генеральный секретарь ЦК ВПК(б), а как председатель Совнаркома, то есть правительства, - хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа (Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «Ура!»);

2) за здоровье русского народа, потому что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза;

3) за здоровье русского народа, потому что он заслужил в этой войне и раньше всей своей историей, звание руководящей силы Советского Союза среди всех народов страны;

4) за здоровье русского народа, потому что он не просто руководящий народ, но и потому что обладает здоровым смыслом, общеполитическим здоровым смыслом и терпением;

5) советское правительство немало ошибалось, особенно в начале войны в 1941-1942 гг., во время отступления какой-нибудь другой народ мог выразить осуждение и отправить руководство страны в отставку, поставить другое

правительство, которое смогло бы заключить мир с Германией и обеспечить народу покой. Это могло случиться, имейте в виду;

6) но русский народ не пошёл на компромисс с врагом, выразил доверие правительству, которое в первые два года не овладело событиями, не совладало с создавшимся положением. Однако русский народ верил, терпел, выжидал и надеялся, что правительство с событиями всё-таки справится;

7) вот за это доверие правительству, которое русский народ ему оказал, спасибо ему великое! За здоровье русского народа! (Бурные, долго несмолкающие аплодисменты). (6). (См. Наука и жизнь, № 5, май 2019 г., - электронная версия).

В воспроизведённых тезисах содержатся практически всё выступление, за исключением небольших повторов и лёгкой редакции для современного восприятия текста. К тексту можно добавить лишь два маленьких комментария.

Первый. Сталин впервые в СССР объединил два народа - советский с русским. Даже поставил в центр советского народа русский народ, назвав его руководящим народом Советского Союза. Или как принято в социологии мировых цивилизаций, выделил русский народ в качестве ядра советского народа и как этнодоминанты Советской (Восточно-христианской православной) цивилизации.

Второй комментарий. Сталин вычленил главные черты русского народного характера: здравый смысл, терпение, выдержку, доверие руководству страной, бескомпромиссность в борьбе с внешним врагом.

Эти черты русского народа всегда помогали ему в трудные годы жизни. Без них русские вряд ли стали бы одним из величайших в мире суперэтносов. Не смогли бы сплотить вокруг себя десятки других народов в могучую цивилизационную общность.

Кто знает, как пошло бы развитие Советской цивилизации в дальнейшем, с учётом безоговорочного признания её русской этнодоминанты, если бы не

вмешались антирусские силы всегда присутствовавшие в ВКП(б) и советском руководстве.

11. «Русская песня» Сталина

«Русская песня» Сталина оборвалась на полуслове с января 1948 г., когда было инициировано Ленинградское дело. За которым последовали «дело врачей» после смерти А.А.Жданова (август 1948 г.), борьба с космополитизмом после создания в 1949 г. государства Израиль.

Торжества по случаю 70-летия со дня рождения Сталина (декабрь 1949 г.) уже снова проходили под сурдинку о пролетарском интернационализме и дружбе всех советских народов. Статья Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950) была выдержана в марксистско-ленинской тональности. Попытки Сталина отыгаться на XIX съезде партии (октябрь 1952 г.) мало что дали.

Хотя накануне съезда в газете «Правда» была опубликована статья Сталина «Экономические проблемы социализма». Впоследствии она стала основой последней теоретической работы Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (декабрь 1952 г.).

В этих работах Сталин фактически повторил ключевые положения политэкономии социализма и стратегии социалистической индустриализации и коллективизации СССР середины 1930-х годов. Не отказываясь от курса на построение коммунизма, Сталин призвал к эволюционному методу экономических реформ. Объявлял закон стоимости главным для этапа социалистического строительства. Признавая возможность прямого продуктообмена, предупреждал о преждевременности отмены товарно-денежных отношений и финансовых институтов.

Центральным политическим элементом «разбольшевизации» страны могло стать, но не стало, изъятие из названия партии термина «большевики». ВКП(б) была переименована в

КПСС. Правда, переименование обосновывалось не продолжением утверждения национальных традиций социализации партии и общества в целом, начатого в период индустриализации и коллективизации страны, а как раз наоборот – их интернационализацией.

Естественно, что после репрессий против «русской партии» Вознесенского-Попкова-Кузнецова ни о каком русском народе как об этнодоминанте Советской цивилизации уже никто даже не заикался. Снова в ход пошли подзабытые клише времён Октябрьской революции о мировом пролетариате, всемирной классовой борьбе, загнивании мирового капитализма, торжестве марксизма-ленинизма как вечно живого учения трудящихся всего мира и др.

Честно говоря, очень и очень жаль, что из-за политических дряг и непрерывной внутрипартийной борьбы за власть был упущен всемирно-исторический шанс, представившийся для Советской цивилизации в результате Великой Победы, окончательно утвердиться на рельсах естественно-исторического развития Восточно-христианской православной цивилизации.

12. В наши дни

Вот и в наши дни поворот к русской теме может стать кратковременной вспышкой одного из русских руководителей страны, но не долгожданной стратегией развития России как страны-цивилизации во всей полноте проявившей себя ещё во времена царствования Александра III (1845-1894). Либеральный, а значит в основе своей антирусский реванш, постоянно маячит на горизонте и выскакивает как чёрт из табакерки в самых разнообразных формах.

То в виде унижения Русской православной церкви. Протесты либеральной общественности в лице ряда этнических групп против передачи РПЦ Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге. Демонстрации той же части либерально-этнической общественности с неприятием строительства православного храма на месте ипатьевского дома,

где была расстреляна семья Николая II. То в инициировании всяческих нарушений прав человека, вроде «дела журналиста Голунова». Это последние примеры. А вообще этих примеров хоть отбавляй.

Но самая непреступная цитадель отечественных русофобов либералов – экономическая модель развития страны по лекалам МВФ и Всемирного банка. Путин никак не решается на её демонтаж. За четверть века торжества в России экономического либерализма отечественную экономику капитально засосала та самая мировая евроатлантическая модель, которую так убедительно и с таким русским смаком раскритиковал Путин в выступлении на пленарном заседании ПМЭФ-2019.

Выбраться из-под её действия не так-то просто. Многие на этом до Путина «ломали зубы». Тому же Сталину уход из-под воздействия мировой экономической системы капитализма дался крайне тяжело и с огромными жертвами. А может и стал причиной его смерти в марте 1953 г. Обстоятельства кончины вождя до сих пор не прояснены до конца и вызывают массу вопросов.

Словом, пока рановато говорить о торжестве русского наследия в Великой Победе. Предстоит ещё серьёзный путь очищения от завалов прошлого забвения достижений Российской (Восточно-христианской православной) цивилизации и устройства жизни по стандартам современного Домостроя как солидарной и соборной общности, о которой писали русские крупнейшие мыслители.

Такие, как например Д.И. Менделеев (1834-1907) в замечательной книге-пророчестве «К познанию России», Н.Я. Данилевский (1822-1885) – в «России и Европе», К.Н. Леонтьев (1931-1891) – в «Византизме и славянстве», И.А. Ильин (1883-1954) – «Наших задачах» и др. (7).

Кстати все эти и многие другие труды президенту Путину хорошо известны. Они им не просто прочитаны, но внимательнейшим образом проработаны. Иначе он бы постоянно не ссылался на эти и другие работы в своих

ключевых политических выступлениях и речах. И этот аспект в политическом багаже президента также напоминает всем эрудицию Сталина, прочитывавшего в день по 500 страниц социально-политических текстов.

Литература

1. Гуслерев Е.Н. Сталин в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. М. ОЛМА-ПРЕСС Звёздный мир, 2003, с 518. Генералиссимус Советского Союза, - Wikipedia.org.ru, 05.01.2020.
2. Владимир Путин: «Идеология возможна только одна – патриотизм», - «Завтра», 19.12.2019.
3. Парад Победы на Красной площади. Выступление В.В.Путина на Параде Победы 9 мая 2019 года, - Kremlin.ru|events, 10.05.2019.
3. Россия была и будет суверенным, независимым государством, - Завтра, 20.02.2019.
4. Завтра, 23.02.2019.
6. Владимир Путин выступил на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума, - Kremlin.ru|events, 07.06.2019.
7. Менделеев Д.И. К познанию России. М. Айрис-пресс, 2002.
8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа, М, Алгоритм, 2016.
9. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство, М. Изд-во Дар, 2005.
10. Ильин И.А. Наши задачи // Собрание сочинений в десяти томах. М. «Русская книга», 1993, Т. 2, книга 1.

Apology of the Great Victory. 1941-1945: Victory Day. Stalin and Putin Vasetskiy N.A.

Moscow State University M.V. Lomonosov
Today, few people remember that Victory Day as a nationwide holiday with a day off on May 9 in Russian (Soviet) civilization was established thanks to the initiative of the Secretary General of the Central Committee of the CPSU L.I. Brezhnev. It happened in 1965. Until this date, Victory Day, although it was considered a holiday date, was not widely and popularly celebrated as a great

holiday. Formally, the Victory Day holiday was established by Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR immediately after the capture of Berlin on May 8, 1945 and was to be celebrated on May 9 of each year. The festive date was adopted without discussion by the two chambers of the Supreme Council - the Council of the Union and the Council of Nationalities - at the annual session of the country's highest legislative body. This demonstrative routine and bureaucratic arrogance of the establishment of such an important holiday in the life of Soviet civilization is still incomprehensible. In a word, it's too early to talk about the triumph of the Russian heritage in the Great Victory. There is still a serious way to clear from the rubble of the past oblivion of the achievements of the Russian (East Christian Orthodox) civilization and to arrange life according to the standards of modern Domostroi as a solidarity and conciliar community, about which Russian leading thinkers wrote.

Keywords: World War II, Victory Day, I.V. Stalin, V.V. Putin

References

1. Guslerov E.N. Stalin in life. A systematic set of memoirs of contemporaries, documents of the era, versions of historians. M. OLMA-PRESS Star world, 2003, p. 518. Generalissimo of the Soviet Union, - Wikipedia.org.ru, 01/05/2020.
2. Vladimir Putin: "Only one ideology is possible - patriotism", - "Tomorrow", 12/19/2019.
3. Victory Parade on Red Square. Speech by Vladimir Putin at the Victory Parade on May 9, 2019, Kremlin.ru | events. 05/10/2019.
3. Russia was and will be a sovereign, independent state, - Tomorrow, 02/20/2019.
4. Tomorrow, 02/23/2019.
6. Vladimir Putin spoke at the plenary meeting of the St. Petersburg International Economic Forum, - Kremlin.ru | events, 07/07/2019.
7. Mendeleev D.I. To the knowledge of Russia. M. Iris Press, 2002.
8. Danilevsky N.Ya. Russia and Europe, M, Algorithm, 2016.
9. Leontyev K.N. Byzantism and Slavism, M. Publishing House Dar, 2005.
10. Ilyin I.A. Our tasks // Collected works in ten volumes. M. "Russian Book", 1993, T. 2, book 1.

Жилищная проблематика в дискурсе современного социологического знания

Баикина Юлия Олеговна

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, baikinajo@tyuiu.ru

В статье показаны роль и место жилищной проблематики в отечественной социологии. Обозначены причины актуализации проведения социологических исследований в указанной сфере современной России. Раскрыто влияние жилищных условий на социально-экономическое развитие территорий, демографический потенциал населения и социальный статус семьи или индивида. Проведён обзор основных направлений исследований в сфере жилищной проблематики. Эмпирический раздел работы базируется на вторичном анализе данных ВЦИОМ и представляет собой анализ удовлетворённости россиян своими жилищными условиями. По результатам анализа делается вывод, что аспект жизни населения, связанный с жильём, является маркером многих социальных процессов. В заключении статьи показаны перспективные направления исследований в сфере жилищной проблематики.

Ключевые слова: место жительства, жильё, жилищные условия, социальный статус, социальная мобильность, удовлетворённость, социологическое исследование.

Жилищная проблематика стоит на актуальной повестке дня в глобальном масштабе, что находит отражение в программе ООН по населённым пунктам. В частности, программа по содействию устойчивому развитию населённых пунктов «ООН-Хабитат», существующая с 1978 года наряду с другими, включает всемирную кампанию по обеспечению гарантий владения жильём [13, р.4]. Обеспечение «надлежащего жилья для всех» является одной из ключевых целей указанной программы, а её реализация достигается посредством оказания помощи и содействия правительствам различных стран.

Столь пристальное внимание к данному вопросу не случайно. Наличие своего жилища обеспечивает базовые физиологические потребности человека, а также потребность в безопасности. Доступность жилья для населения и уровень обеспеченности им прямо связаны с уровнем и качеством жизни больших социальных групп, возможностью решения других проблем. Создание условий, при которых граждане в состоянии обеспечить себя жильём, представляет собой важное направление социальной политики любого государства. В различных региональных программах стратегического развития отмечается прямое влияние жилищных условий на социально-экономическое развитие территорий, демографический потенциал населения, а жилищный статус семьи представляет собой один из основных индикаторов ее благополучия [11]. Наряду с удовлетворением фундаментальных потребностей, жильё отражает стиль жизни и социальный статус семьи или индивида. Для исследователей это может служить маркером для объяснения характера протекания множества социальных процессов и возникновения тех или иных социальных явлений.

Являясь постоянным местом обитания человека, жилище, через различные свои характеристики формирует нормы поведения и привычки своих жильцов. Современные исследователи отмечают идентичные модели поведения и аналогичное восприятие различных жизненных ситуаций у индивидов, имеющих схожий жилищный опыт. Такой социальный маркер, по мнению Е.В. Полухиной, позволяет людям идентифицировать друг друга, а жилищная мобильность отражает социальные изменения, происходящие в обществе. Автор полагает, что анализ причин, механизмов и характера совершаемых переездов открывает возможности для исследования социальной структуры и социального пространства [9].

В отечественном научном дискурсе жилищная проблематика актуализировалась относительно недавно по причине объективных исторических причин. В России, как и в большинстве других постсоциалистических стран, формирование рыночных отношений в сфере жилья началось в 90-е годы прошлого века, поскольку в СССР законодательно отсутствовала полноценная частная собственность. Массовая приватизация жилищного фонда, которая была официально объявлена 4 июля 1991 года соответствующим Законом, заняла довольно длительное время и полностью не завершилась до настоящего времени. Согласно официальным статистическим данным, в 2000 году в частной собственности находилось лишь 47 % жилья, подлежащего приватизации жилья. В 2010 году эта цифра увеличилась до 75%, а в 2015 – до 79% [10]. В 2017 отечественный законодатель продлил бесплатную приватизацию жилья на неопределенный срок.

В России процессе приватизации в частную собственность переводилось жильё, не сильно различавшееся по размерам и качественным характеристикам. Это связано с тем, что большая часть жилищного фонда страны формировалась на основе типовой застройки. В 1949 году было введено так

называемое стандартное планирование – подход, который полностью отклонял идею отдельных проектов, и закреплял ведение строительства по стандартизованным типам жилья и сериям планов [3]. Постепенно, по мере формирования полноценного рынка, происходила ценная поляризация жилья в зависимости от таких факторов, как: миграционная привлекательность регионов и городов, месторасположение в городе, и т.д. [2].

Становление рынка жилой недвижимости актуализировало ряд проблем, ставших объектом исследований социологов. Довольно подробно изучены аспекты, связанные с трудностями в приобретении жилья. Так, анализ жилищных условий россиян в сочетании с другими показателями материального положения позволил Т. М. Малевой и Л.Н. Овчаровой сделать вывод о жилье как наиболее труднодоступном ресурсе для той прослойки населения, которую в современной России можно назвать средним классом [7].

Отдельно следует отметить проблематику жилищной мобильности, которая довольно подробно изучалась П.П. Кротовым, М. Буровым и Т.С. Лыткиной на примере г. Сыктывкара [6]. Исследователи показали, что индивиды, занимающие высокое положение в жилищной стратификации, также успешны в экономической и социальной сферах жизнедеятельности. Таким образом они выявили взаимосвязи между жилищным экономическим и социальным классом и доказали, что на формирование классовой принадлежности решающее влияние оказывает именно тип жилья.

Ещё одно важное направление – исследования жилищной стратификации, под которой понимается иерархия, базирующаяся на различных характеристиках жилья [9]. На сегодняшний день существует несколько типологий жилья по различным основаниям. Так в работе О.Э. Бессоновой и С.Г. Крапчан положение семьи в социальной структуре определяется в зависимости от таких критериев

риев, как размер жилплощади на каждого члена семьи и соотношение количества комнат к числу проживающих [1]. Е.С. Шомина в концепции «социальной жилищной лестницы» выделяет восемь уровней: от владельца многоквартирного дома до бездомного [12]. В работах Н.Р. Корнева в качестве критериев типологизации выступают тип заселения, количество зарегистрированных проживающих и право собственности на жильё. Исследователь выделяет шесть классов домовладельцев Санкт-Петербурга, наивысший из которых включает владельцев доходных квартир, а шестой – не приватизированные комнаты [5]. Таким образом, исследователями выделяется ряд критериев, позволяющих определить место индивида в социальной структуре и отслеживать его перемещения по социальной лестнице в зависимости от изменения статуса. К их числу относятся роль имеющегося жилья в структуре доходов, его пространственная локализация, качественные характеристики жилья, включающие его тип, год постройки, использованные строительные материалы, просторность, благоустройство придомовой территории и наличие социальной инфраструктуры в шаговой доступности [9].

Отдельно следует отметить, что жилищная проблематика традиционно включается в мониторинговые опросы населения, проводимые крупнейшими российскими центрами изучения общественного мнения: ФОМ, ВЦИОМ, Левада-Центром. В частности, на сайте ВЦИОМ не только представлены результаты опросов населения по ряду жилищных проблем в виде линейных распределений и таблиц сопряжённости, но также имеется возможность самостоятельной работы с базами данных. Массив исследования доступен для скачивания в виде базы данных в формате SPSS и содержит вопросы тематического блока, которому посвящена соответствующая страница сайта, а также социально-демографические

переменные. Это позволяет любому желающему самостоятельно осуществлять полноценный вторичный анализ данных для реализации исследовательских целей.

В рамках настоящей статьи рассмотрим результаты опроса ВЦИОМ, включающего ответы респондентов на блок вопросов, посвящённых удовлетворённостью россиян своими жилищными условиями. Указанные вопросы задавались в рамках всероссийского опроса «ВЦИОМ-Спутник», реализованного в августе 2018 года посредством телефонного интервью по случайной стратифицированной выборке объемом 1600 человек. Отдельные результаты исследования в табличной форме, а также база данных в виде файла SPSS размещены на официальном сайте ВЦИОМ [8].

Доля россиян, которые удовлетворены своими жилищными условиями, выросла с 48% в 2005 г. до 72% в 2018. Распределение удовлетворённости в зависимости от возраста показывает, что максимальные значения наблюдаются в самых младших (18-24 года) и старших возрастных группах респондентов (60 лет и старше) – 84% и 83% соответственно. Самый низкий уровень удовлетворённости демонстрируют россияне в возрасте 25-34 лет (61%). В более старших группах данный показатель постепенно возрастает: респондентов, удовлетворённых жилищными условиями в возрасте 35-44 лет уже 65%, а в возрасте 45-59 лет – 72%. Такие результаты можно объяснить экономическими сложностями, которые испытывает молодёжь старшей возрастной когорты в связи с появлением детей и необходимостью расширения жилплощади. С возрастом большинство проблем постепенно решается, а ближе к пенсии проблема с жильём практически перестаёт быть актуальной.

К числу основных причин неудовлетворённости жилищными условиями респонденты относят слишком высокие расходы на оплату жилья и жилищно-

коммунальных услуг (40%), а также тесноту, нехватку жилой площади (39%). Примечательно, что по сравнению с 2007 годом, когда россиянам предлагалось ответить на аналогичные вопросы, доля недовольных расходами существенно возросла (в 2007 году она составляла 18%), а тех, кто жаловался на стесненные условия практически не изменилась (41% - в 2007 году). В то же время существенно снизилось количество россиян, указавших в качестве причины неудовлетворенности ветхость, аварийное состояние жилья, а также недостаточный уровень комфортности жилья (соответственно 25% и 21% в 2007 году, против 14% и 12% в 2018 году). Также почти в два раза снизилось количество неудовлетворенных по причине необходимости разъезда с детьми, с родителями или в связи с разводом (с 15% в 2007 году до 7% в 2018). Очевидно, что такие результаты свидетельствуют об обновлении и расширении жилищного фонда в стране за последние 10 лет.

В разрезе размера населенного пункта – места проживания респондентов ситуация выглядит следующим образом. Наибольшую неудовлетворенность качеством услуг ЖКХ выражают жители сельских территорий и городов-миллионников (24 и 33% соответственно). Для сравнения, в Москве и Санкт-Петербурге, а также в малых городах с населением до 100 тыс. этот показатель составляет 9%, а в городах с населением 500-950 тыс. – всего 6%. Также заметные различия можно наблюдать в неудовлетворенности по причине ветхости и аварийности жилья: самый высокий показатель наблюдается в сельской местности – 24%. В столичных городах он составляет 6%, а во всех остальных типах населенных пунктов колеблется от 8% до 14%. Общая тенденция здесь характеризуется ростом неудовлетворенности по мере снижения численности населения в населенном пункте. Зато необходимость разъезда с детьми, с родителями или в связи с разводом как причину неудовлетворенности респонденты в Москве и

Санкт-Петербурге отмечали намного чаще чем в остальных городах и на селе. В первом случае значение составило 22%, во втором наблюдаются колебания составили от 0 до 7%.

Улучшение жилищных условий посредством приобретения жилья входит в планы 23% россиян, ещё 31% указали на отсутствие необходимости в этом, а 44% не имеют возможности. В 2007 году ответы респондентов на этот вопрос распределились схожим образом (16%, 35% и 43% соответственно). Таким образом, можно сказать, что структура российского общества с точки зрения социально-экономического благосостояния принципиально не изменилась. Распределение данного вопроса по возрасту демонстрирует, что чем старше становятся респонденты, тем реже у них возникает потребность в улучшении жилищных условий. Так, если в возрастной группе 18-24 лет, желающих приобрести жильё почти половина (44%), то, планомерно снижаясь, в группе 60 лет и старше таких респондентов всего 5%.

Среди желающих улучшить свои жилищные условия, большинство рассчитывают на ипотеку (44%). Их доля по сравнению с 2007 годом увеличилась в два раза. А вот количество россиян, кто собирается приобрести жильё за счёт собственных средств практически не изменилось: если в 2007 году их было 31%, то в 2018 – 34%. В то же время доля тех, кто рассчитывает на продажу имеющейся недвижимости для покупки нового жилья увеличилась с 17% до 24%, а число рассчитывающих на материальную помощь близких людей или организации, наоборот, уменьшилось с 17 до 9%. Место проживания также оказывает влияние на стратегию приобретения жилья. Если в городах различного типа существенные различия в этом плане выделить сложно, то жители села заметно отличаются на их фоне. Например, сельские жители гораздо реже рассчитывают на ипотеку, но возлагают надежды на помощь близких и потребительские кредиты. Такая закономерность свидетельствует о большой разнице в ценах

на жильё и доступности ипотечных кредитов в территориальном разрезе.

Приведённые результаты демонстрируют, что даже такой аспект жилищной проблематики, как удовлетворённость россиян своими жилищными условиями, является маркером многих социальных процессов. В динамике же изучение данного вопроса способно привести к более масштабным выводам, например указать на вектор изменений, происходящих в социуме.

Подводя итог работы, отметим, что потенциал исследований жилищной проблематики на сегодняшний день ещё далеко не исчерпан. В её рамках постепенно актуализируются новые проблемы, требующие изучения. Так, сегодня в нашей стране в самостоятельную жизнь вступает поколение, не получившее жилья в результате приватизации, в отличие от своих родителей. Эти молодые люди вырабатывают собственные стратегии решения жилищной проблемы, одной из которых является городской нomaдизм – сознательный отказ от постоянного места жительства. Популярность аренды жилья, ставшей в развитых странах устойчивым трендом, усиливается высоким уровнем мобильности современной молодёжи и увеличением средней продолжительности жизни. Ещё одной значимой тенденцией в рассматриваемой сфере является обострение многих нерешённых проблем жилищного сектора, связанных с недофинансированием капитального ремонта жилья в стране, треть из которого была построена до 1970 г. Необходимость их решения на фоне снижения ответственности государства за содержание жилого фонда приводит к необходимости создания ТСЖ, кондоминиумов, и других форм жилищной кооперации населения.

Эти и ряд других проблем, по нашему мнению в ближайшее время станут предметом пристального изучения. Сфера жилья является одним из ярких примеров, где пересекаются интересы большого количества акторов:

населения, государства, бизнеса, общественных организаций. А сама жилищная проблематика изучается не только научным сообществом, но и маркетинговыми исследователями.

Литература

1. Бессонова О. Э. Участие населения в приватизации жилья [Текст] / О. Э. Бессонова, С. Г. Крапчан // Социологические исследования. – 1994. – № 8-9. – С. 27-40.
2. Бурдяк А.Я. Обеспеченность жильем в постсоветской России: неравенство и проблема поколений [Текст] / А. Я. Бурдяк // Журнал исследований социальной политики. – 2015. – Т. 13. – № 2. – С. 273-288.
3. Век стандартов: история типовой застройки России [Электронный ресурс] // Сайт PRFLAT Недвижимость - URL: <https://pr-flat.ru/blog/vek-standartov-istoriya-tipovoy-zastroyki-rossii/>
4. Журавлева И.А. "Умные города": ожидания и страхи горожан [Текст] / И.А. Журавлева // Социология. 2019. – № 1. – С. 124-129.
5. Корнев Н. Р. (2005) Жилищная стратификация в центре Санкт-Петербурга [Текст] / Н. Р. Конев // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 77-85.
6. Кротов П.П. Жилищная стратификация города: рыночная эволюция советской модели [Текст] / П. П. Кротов, М. Буравой, Т. С. Лыткина. – Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН., 2003 – 99 с.
7. Малева Т. М. Российские средние классы накануне и на пике экономического роста [Текст] / Т. М. Малева, Овчарова Л.Н. – М.: Экон-Информ, 2008.
8. Под крышей дома... своего! [Электронный ресурс] // Сетевое издание WCIOM: Пресс выпуск №3742 от 22 Августа 2018. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9265>
9. Полухина Е.В. Жилищная мобильность: направления социологического анализа [Текст] / Е.В. Полухина //

Журнал исследований социальной политики. – 2017. – Т. 15. – № 4. – С. 589-602.

10. Приватизация жилья в России. Досье. [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства ТАСС. – URL: <https://tass.ru/info/3426534>

11. Шиняева О.В. Удовлетворенность жильем как идентификатор качества жизни в регионе [Текст] / О. В. Шиняева, Е. Р. Ахметшина, Т. В. Ключева // Logos et Praxis. – 2017. – Т. 16. – № 4. – С. 64-76.

12. Шомина Е.С. Квартирьюсъемщики – наше «жилищное меньшинство»: российский и зарубежный опыт развития арендного жилья [Текст] / Е. С. Шомина. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 364 с.

13. World Cities Report 2016: Urbanization and Development – Emerging Futures. London, Sterling, VA, United Nations Human Settlements Programme, 2016. – 262 p.

Housing issues in the discourse of modern sociological knowledge

Baikina Yu.O.

Tyumen Industrial University

The article shows the role and place of housing issues in domestic sociology. The reasons for the actualization of sociological research in this area of modern Russia are identified. The influence of housing conditions on the socio-economic development of the territories, the demographic potential of the population and the social status of the family or individual is disclosed. A review of the main areas of research in the field of housing. The empirical section of the work is based on a secondary analysis of VTSIOM data and is an analysis of the satisfaction of Russians with their living conditions. According to the results of the analysis, it is concluded that the aspect of the population's life related to housing is a marker of many social processes. In conclusion, the article shows promising areas of research in the field of housing.

Keywords: place of residence, habitation, living conditions, social status, social mobility, satisfaction, sociological research.

References

1. Bessonova O. E. Participation of the population in the privatization of housing [Text] / O. E. Bessonova, S. G. Krapchan //

Sociological studies. - 1994. - No. 8-9. - S. 27-40.

2. Burdyak A.Ya. Housing in post-Soviet Russia: inequality and the problem of generations [Text] / A. Ya. Burdyak // Journal of Social Policy Studies. - 2015. - Т. 13. - No. 2. - S. 273-288.

3. Century of standards: the history of typical development of Russia [Electronic resource] // PRFLAT Real Estate Website - URL: <https://pr-flat.ru/blog/vek-standartov-istoriya-tipovoy-zastroyki-rossii/>

4. Zhuravleva I.A. "Smart cities": expectations and fears of citizens [Text] / I.A. Zhuravleva // Sociology. 2019.- No. 1. - S. 124-129.

5. Kornev N. R. (2005) Housing stratification in the center of St. Petersburg [Text] / N. R. Konev // Sociological studies. - 2005. - No. 6. - S. 77-85.

6. Krotov P.P. Housing stratification of the city: market evolution of the Soviet model [Text] / P. P. Krotov, M. Buravoi, T. S. Lytkina. - Syktyvkar: Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences., 2003 - 99 p.

7. Maleva T. M. The Russian middle classes on the eve and at the peak of economic growth [Text] / T. M. Maleva, Ovcharova L.N. - M.: Econ-Inform, 2008.

8. Under the roof of the house ... of your own! [Electronic resource] // WCIOM Network Edition: Press issue No. 3742 dated August 22, 2018. - URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9265>

9. Polukhina E.V. Housing mobility: areas of sociological analysis [Text] / E.V. Polukhina // Journal of Social Policy Studies. - 2017. - Т. 15. - No. 4. - S. 589-602.

10. Privatization of housing in Russia. Dossier. [Electronic resource] // Website of the TASS news agency. - URL: <https://tass.ru/info/3426534>

11. Shinyayeva O.V. Satisfaction with housing as an identifier of the quality of life in the region [Text] / O. V. Shinyayeva, E. R. Akhmetshina, T. V. Klyueva // Logos et Praxis. - 2017. - Т. 16. - No. 4. - S. 64-76.

12. Shomina E.S. Tenants are our "housing minority": Russian and foreign experience in the development of rental housing [Text] / E. S. Shomina. - M.: Publishing. house of state. University - Higher School of Economics, 2010. - 364 p.

13. World Cities Report 2016: Urbanization and Development - Emerging Futures. London, Sterling, VA, United Nations Human Settlements Program, 2016. -- 262 p.

Территориальная идентичность как фактор развития сельских общностей

Дроздова Юлия Алексеевна

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), juliadrozdova@mail.ru

Метелицкая Юлия Александровна

Бакалавр, ведущий специалист, Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований, metelitskaya@yandex.ru

Основываясь на парадигме структуризации Э. Гидденса, мы определяем территориальную идентичность как социальный ресурс и фактор развития территориальных сельских общностей, которая формирует устойчивые социальные интеракции между индивидами. Также важная роль в нашем исследовании отводится социальному самочувствию сельских жителей, миграционным установкам и факторам, которые их определяют. Мы разделяем их на выталкивающие и притягивающие. К притягивающим факторам, способствующим сохранению и развитию территориальной общности сельских жителей Волгоградской области, относится благоприятная экологическая ситуация, хороший, теплый климат, сохранение традиционных родственных и соседских социальных связей, знание истории «малой родины». К выталкивающим факторам, дезорганизующим территориальную общность сельских жителей, относятся экономические (отсутствие квалифицированной работы, низкий уровень заработных плат), низкое качество жизни (состояние медицинских, образовательных услуг, инфраструктуры), а также апатичное отношение жителей к своему сельскому поселению, связанному с отсутствием жизненных перспектив на данной территории. Эта ситуация затрудняет формирование территориальной (региональной и локальной) идентичности. В связи с этим конструирование территориальной идентичности становится областью социального управления и определяет настоящее и будущее развитие российских сельских территорий.

Ключевые слова: территориальная общность; сельские жители; территориальная (региональная, локальная) идентичность; социальные ресурсы.

Введение

Особый интерес научного социологического сообщества направлен на исследование трансформации и генезиса социальной общности. Понимание факторов развития и изменений, связанных с этими процессами, явных и латентных проблем позволяет проследить причинно-следственные связи тех трансформаций, которым подвергается социальная общность. Объектом нашего исследования являются социально-территориальные общности, представляющие собой форму территориальной организации, структурными единицами которой выступают группы населения с социальными ресурсами и потенциалом к развитию местности: человеческий капитал; пространство и время как социальные ресурсы; природные и инфраструктурные ресурсы, производственные силы и т.д. [1].

Развитие городских агломераций, предпочтение населением городского образа жизни, социальное неравенство в городах и сельских поселениях, выражающееся в доступе и возможностях использования различных ресурсов – экономических, финансовых, образовательных, культурных и т.д., – изменяют жизненные стратегии населения, прежде всего, молодежи, связывающей свое настоящее и будущее с крупными городами, что дестабилизирует положение российского села. Внешнее воздействие государства на данные процессы заключается во внедрении социальных программ, например, «Земский доктор», «Земский учитель» [2, 3], позволяющих повысить популярность сельских поселений, чем обуславливается попытка сохранения социального баланса между городом и селом. Но проблемы современного российского села, процессы трансформации сельских общностей, их будущего формируют глобаль-

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ».

ный научный дискурс, включающий множество ракурсов в оценке потенциала сельских территорий.

Несмотря на внешнее воздействие на общность со стороны государства, одним из важных условий развития и существования общности (как и общества) мы считаем возможность самовоспроизводящихся структур, о которых говорил Э. Гидденс [4, с. 186]. В связи с этим основополагающим фактором развития села являются социальные ресурсы территориальной общности, среди которых мы в данной статье выделяем самого индивида как носителя человеческого капитала, его социальное самочувствие и региональную идентичность.

Предложенная концепция базируется также на ресурсном и общностном подходах. Ресурсный подход, представленный в работах Дж. Коулмана, Т. Заславской, Н. И. Лапина, Н. Е. Тихонова, В. Радаева и др. [5, 6, 7, 8, 9], позволяет получить представление об условиях существования, использовании сельскими жителями социальных ресурсов. В рамках общностного подхода, представителями которого являются М. Вебер, Ф. Теннис, Э. Дюркгейм, Б. Андерсон, Г. Теджфел, В. А. Ядов, Г. Е. Зборовский [10, 11, 12, 13, 14, 15, 16] мы рассматриваем сельских жителей как одну из основных региональных общностей, имеющих локальные интересы и модели поведения, взаимодействия и социальные идентичности.

Социальная идентичность представляет собой совокупность социальных паттернов, которые необходимы для гармоничного развития как отдельной личности, так и сообщества в целом. Среди них можно выделить нормы и модели поведения и интеракций в обществе и их трансформацию, принятие или непринятие социальной действительности. На процессы социальной идентификации влияет социальное самочувствие, принятие факта причастности к определенной социальной группе или сообществу, стремление к изменению или сохранению своего социального положения.

Территориальная идентичность как социальный ресурс сельской общности

Территориальную идентичность мы рассматриваем как состояние соотношения личности с определенной территорией, где он проживает, территориальной общностью и определенными социальными группами, вызывающее желание и потребность участия во взаимодействиях, связывать свое настоящее и будущее с развитием определенной территории. Таким образом, территориальная (региональная, локальная) идентичность является разновидностью групповой принадлежности, когда индивид сам осознает такую принадлежность к определенному региону, городу, селу и руководствуется ею в своем поведении как типичной необходимой практикой [17, с. 154].

В связи с выделенными составляющими региональной идентичности как социального ресурса территориальных общностей в 2019 году нами было проведено социологическое исследование методом анкетирования, направленное на анализ территориальной общности жителей сельских поселений в рамках реализации гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ».

В исследовании приняли участие 379 сельских жителей, проживающих в сельских поселениях Волгоградской области. Выборка квотная, пропорциональная, репрезентативная по полу, возрасту, типу места проживания респондентов, базирующаяся на данных Росстата на 2016 год.

Одним из базовых компонентов территориальной идентичности являются представления, ассоциации индивида, связанные с понятием «Родина». В этом компоненте обязательно присутствуют представления о «малой родине» и те, которые мы можем отнести к феномену «местного патриотизма» [18, с. 74.]. На вопрос исследования: «Отметьте, пожалуйста, что значит для Вас понятие Родина?»

ответы респондентов распределились следующим образом (Таблица 1).

Таблица 1
Распределение ответов сельских жителей на вопрос: «Отметьте, пожалуйста, что значит для Вас понятие «Родина»? (Не более трех вариантов ответа, %?)

Варианты ответов	%
Место, где я родился и где мой отчий дом	63,6
Моя страна	37,6
Мое сельское поселение	17,6
Регион, в котором я живу	13,0
То место, где мне хорошо и комфортно жить	11,2
Место, где мой дом и мои родные	37,3
Место на географической карте страны	0,9
Затрудняюсь ответить	0,6

Как видим, 63,6% респондентов определяют понятие «Родина» как место, где человек родился и где находится его отчий дом, что подтверждают и другие российские и зарубежные исследования. Только вторым стал ответ о том, что Родина — это страна (37,6%). Высокий суммарный процент респондентов, ассоциирующих понятие Родина с определенным местом своего проживания («мое сельское поселение», «регион, в котором я живу», свидетельствует о территориальной идентичности как фундаментальной составляющей в структуре идентификационной матрицы человека и социальном ресурсе территориальной общности сельских жителей.

Миграционные установки жителей сельских поселений

На сохранение и развитие этого компонента или убывание его значимости влияют миграционные установки сельских жителей. Возрастание популярности городского образа жизни, восприятие города как источника возможностей для самореализации и материального благополучия порождает устойчивые предпочтения сельских жителей, направленные на смену места жительства и изменение локальной социальной идентичности. Возможное превалирование привлекательности города над

селом как местами жизнедеятельности запускает необратимые процессы, которые в некоторой степени и при определенных условиях могут конструировать или дезорганизовать территориальные общности.

Более половины респондентов (65,4%) отметили, что они живут в своем селе уже 25 лет; 18,1% опрошенных проживают в своих сельских поселениях от 16 до 25 лет; 11,1% участников опроса – от 5 до 15 лет. Только 5,4% респондентов составляет прибывшее население из других поселений, других стран (Рисунок 1).

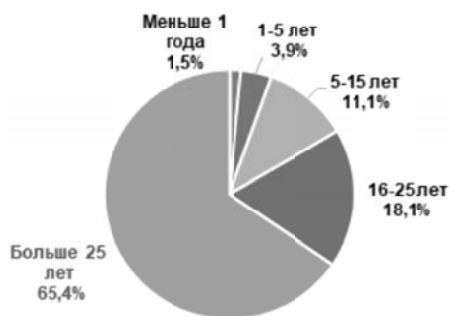

Рис. 1. *Распределение ответов на вопрос: «Давно ли Вы живете в этом сельском поселении?», %*

Эти данные отчасти подтверждают валидность полученных результатов грантового исследования, позволяющих рассмотреть механизмы воспроизводства ее социальных ресурсов на основе изучения мнения людей, в структуре идентичности которых территориальная идентичность является значимой и устойчивой.

Половина опрошенных жителей сельской местности не рассматривает возможность переезда из текущего места проживания (51,8% респондентов). О своих предпочтениях сменить место жительства сказали 35,2% участников опроса. Следует отметить, что нами было выявлено влияние на миграционные установки продолжительности проживания на своей малой родине (Таблица 2).

Таблица 2
Таблица сопряженности ответов сельских жителей на вопросы: «Давно ли Вы живете в этом сельском поселении?» и «Хотели бы Вы переехать на постоянное место жительства в другой город (сельское поселение)?» (распределение по столбцу)

Давно ли Вы живете в этом сельском поселении?	Хотели бы Вы переехать на постоянное место жительства в другой город (сельское поселение)?		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
1. Меньше года	0,0%	100,0%	0,0%
2. От 1 года до 5 лет	53,8%	38,5%	7,7%
3. 5-15 лет	51,4%	32,4%	16,2%
4. 16-25 лет	48,3%	40,0%	11,7%
5. Более 25 лет	28,5%	58,1%	13,4%

Как видим, те, кто проживают самое длительное время на определенной территории (более 25 лет), не хотят переезжать в другое место, так считают 58,1% респондентов. Позволим себе предположить, что со временем место проживания приобретает большую личностную, социальную и культурную значимость, что образует ту основу, на которой строится, поддерживается и трансформируется идентичность. На наш взгляд, решающим фактором привязанности к месту является интеграция в местную жизнь: общение с родственниками, друзьями, коллегами. Длительное проживание укрепляет эмоциональную привязанность и ощущение дома, усиливает социальные связи. Место проживания становится неотъемлемой частью биографии человека. И действительно, среди респондентов более длительное время проживающих на определенной территории увеличивается количество тех, кто не хочет переезжать из своего села. Но данная зависимость не всегда является прямой корреляционной. Среди респондентов, проживающих в сельском поселении от 5 до 15 лет 51,4% заявили о своем желании уехать из села в город или другое

сельское поселение, а только 40% опрошенных не хотели бы уехать; 11,7% участников опроса затруднились ответить на данный вопрос. Следовательно, и другие факторы, не только длительность проживания, также влияют на данную обратную корреляционную зависимость и определяют временный кризис территориальной идентичности.

Считаем, что и устоявшиеся модели поведения, которые формируются в условиях жизнедеятельности в сельских территориях, а также модели интеракции между односельчанами являются фактором, влияющим на принятие решения об изменении места проживания. Так, только 28,6% опрошенных сельских жителей оценили взаимоотношения в своем сельском поселении как «преобладают отношения взаимопомощи и поддержки», а 59,9% респондентов считают, что в их сельском поселении «чаще всего каждый занимается своим делом, не мешает другим». Мы данное состояние социальной апатии определяем, используя метафору поэта Е. Евтушенко, как «разобщенность близких душ». Данное состояние не способствует консолидации территориальной общности и затрудняет процесс формирования территориальной локальной идентичности, определяет перспективы формирования иной идентичности сельских жителей.

Притягивающие и выталкивающие факторы для территориальной общности

Фактором, влияющим на формирование и развитие территориальной сельской идентичности, является привлекательность сельского поселения. Полученные данные грантового исследования позволяют составить социальный портрет сельского поселения, в котором живут респонденты, с точки зрения привлекательных и отталкивающих характеристик, которые они отметили для описания текущего места жизни.

Среди привлекательных характеристик территории сельские жители чаще всего называли «теплый хороший кли-

мат». Данная характеристика территории как притягивающий фактор для миграции и устойчивой территориальной идентичности характерна для Волгоградской области, что отмечают респонденты в различных мониторинговых исследованиях региона. Но значение благоприятного климата для выбора места

жительства возрастает именно в сельской местности, где люди проживают в непосредственной близости с природой, в более благоприятных экологических условиях, чем горожане (3,0% респондентов указали данный вариант в свободном варианте ответа) (Рисунок 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «В чем, по Вашему мнению, заключаются привлекательные вашего сельского поселения?», %

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «В чем, по Вашему мнению, заключаются непривлекательные вашего сельского поселения?», %

Сельчане также указали непривлекательные черты своих сельских поселений. Лидирующим стало мнение респондентов об отсутствии мест для отдыха на природе (36,0%). То есть, не-

смотря на наличие такого важного ресурса сельской местности как близость к природе, жители не имеют возможности и условия для того, чтобы качественно организовать свой досуг. Речь идет об отсутствии оборудованных и

благоустроенных мест для отдыха на природе, слабом развитии экотуризма в регионах (Рисунок 3).

С ростом популярности частных баз отдыха стала формироваться практика резервации прибрежной линии рек. В результате бесплатный проход к удобным для отдыха и привлекательным природным местам оказывается закрыт для общего пользования, что нуждается в управлении и регулировании.

Особый социальный риск для формирования территориальной идентичности как социального ресурса территориальной общности содержится в показателе снижения степени удовлетворенности жизнью в селе, отсутствие перспектив для жизни в сельских поселениях [18]. О том, что сельская территория не имеет будущего, сказал практически каждый четвертый участник опроса (23,5%). Жизнь в сельских поселениях во многом связана с сельским хозяйством — растениеводством и животноводством и теми тяжелыми, некомфортными условиями, в которых осуществляется данная трудовая деятельность. Эти перспективы определяют различные показатели, но информанты грантового исследования в своих интервью отмечали:

У нас есть крестьянско-фермерские хозяйства, которые нуждаются в рабочих, в квалифицированных, и они не могут у нас в районе их найти, у нас кадровый голод, уезжают специалисты в лучшие условия. Людей понять можно. В городе жизнь комфортная, работа другая, зарплата больше. Вот молодежь и уезжает, одни бабушки остаются (эксперт № 15, глава сельского поселения Волгоградской области).

Современные тенденции указывают, что карьера, самореализация и успех человека в большей степени связан с умственной деятельностью, работой в офисе, бизнесе, как более легкой формой занятости по сравнению с тяжелым физическим трудом в аграрном секторе экономики.

Факторы, влияющие на территориальную идентичность

Одним из признаков, который также указывает на высокий уровень территориальной идентичности селян, может являться знание истории своего поселения. О высоком уровне осведомленности об историческом прошлом своей малой родины сказали 29,8% опрошенных жителей сельских поселений, а 53% респондентов отметили, что имеют некоторые представления. В целом о знании истории сказали 82,8% опрошенных сельских жителей, что говорит о высокой степени социально-культурной идентичности сельчан. Данный социальный потенциал развития территории свидетельствует об устойчивой территориальной идентичности местных жителей, обеспечивающей стабильное существование и развитие социальной общности, и о возможности использовать данные знания при создании имиджа поселения и организации туристических направлений деятельности, что позволит сформировать новый вектор развития сельских территорий.

Среди факторов, которые препятствуют формированию территориальной идентичности, оказывают дестабилизирующее влияние на территориальную общность, формируют выталкивающие миграционные установки у жителей сел, необходимо отметить отсутствие хорошей и высокооплачиваемой работы — так считают 57,5% респондентов; наличие безработицы отметил каждый четвертый респондент. Вторая группа факторов относится к проблеме неразвитой инфраструктуры в сельских поселениях (25,9% опрошенных). Отдельно следует сказать и о низкой удовлетворенности уровнем медицинских услуг (34,5% респондентов). Проблема с формированием условий для проведения досуга сельчан, отсутствием мест для отдыха волнует 23,0% участников опроса. Наконец, 22,4% респондентов признают, что местные органы власти не уделяют должного внимания развитию территории и формированию комфортных условий проживания в сельских поселениях (Рисунок 4).

Перечисленные группы факторов, в первую очередь, являются важными для жизнедеятельности молодежи и представителей среднего возраста. У этих категорий населения формируется запрос на самореализацию, поиск хорошего места работы с достойной оплатой труда, возможности организации актив-

ного и интересного отдыха. Поэтому отсутствие условий для удовлетворения этих потребностей начинает формировать в сознании сельчан устойчивые миграционные установки и стремление продолжить жизнедеятельность в городах и других регионах.

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Если бы Вы решили уехать из своего сельского поселения, то почему?», %

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Если бы Вы решили остаться в своем сельском поселении, то почему?», %

Удерживающими факторами для сельских жителей, позволяющими сохранять территориальную сельскую общность, является наличие привычных и устоявшихся социальных интеракций с родственниками и односельчанами, что подтверждает гипотезу о развитой социальной идентичности у жителей сельских территорий. Более

половины (55,5%) опрошенных отметили, что не хотели бы уезжать в другие населенные пункты, потому что на данный момент они имеют возможность проживать рядом со своими родственниками и близкими. О том, что текущее место жизни является малой родиной, сказали 48,1% опрошенных жителей. Наконец, 17,0% указали, что в селе проживают хорошие, знакомые им люди.

Таким образом, удерживающими факторами являются устойчивые социальные связи между сельчанами и осознание ценности своей малой родины.

Еще одним фактором территориальной идентичности является социальное самочувствие жителей сельской местности, а также оценка экономической ситуации в их регионе или сельском поселении. Большинство жителей отмечают, что в последнее время у них отличное или нормальное настроение, что является условием для поддержания и развития социальных связей, а также для психологического здоровья респондентов. Только 10,5% опрошенных сельских жителей признались, что испытывают постоянное раздражение и напряжение (Рисунок 6).

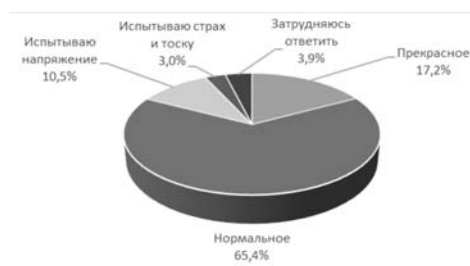

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете свое настроение в последнее время?», %

Устойчивость социальных моделей поведения, медленно изменяющиеся условия жизни, низкий темп жизнедеятельности, с одной стороны, порождают чувство стабильности у сельчан не только в отношении близкого окружения, но и в отношении внешней среды. Так, 47,6% респондентов отметили, что за последнее время положение в их семье не изменилось. О стабильности социально-экономической ситуации в сельском поселении сказали 34,3% опрошенных (Рисунок 7). С другой стороны, эксперты гранта говорили о «застывшем времени» в сельских поселениях, об отсутствии изменений, соответ-

ствующих современному уровню развития технологий, сферы услуг, отставании сельских территорий от городов:

Ну, вот Краснодар, Сочи, Новороссийск – сейчас вот видно, как меняется вообще облик и среда, вот... въезжаешь в Ростовскую область, уже по-другому выглядит в селах центральная улица, более ухоженная, чистая; когда въезжаешь в Краснодарский край, там вообще какая-то идеализированная сельская жизнь, и заборчики все аккуратные, улицы все вымытые, и дети бегают, и на велосипедах, то есть там жизнь. У нас, к сожалению, большинство сел, я их все обошел почти, вот въехали там в михайловские хутора, и едем, и едем. И найти бы одного человека, чтобы у кого что-нибудь спросить, бывало так, что проехали все село и никого не нашли. А там жизнь, вот люди, видимо, имеют возможность жить, нормально зарабатывать, и никуда особенно оттуда не уезжают, как, почему у нас так плохо? (Эксперт № 12, архитектор, Волгоградская область).

Депрессивное развитие территории не способствует формированию территориальной общности и территориальной идентичности как основного её ресурса. Но мы не можем говорить о прямой зависимости социальных ресурсов от экономической ситуации в регионе. Эти взаимозависимости опосредованы и взаимозависимы. Развитие сельских поселений зависит и от изменения отношения к своей территории, психологического самочувствия жителей села, осознания и готовности к самосозданию, активности населения «здесь и сейчас» по улучшению собственной жизни и сельчан.

Нормальное психологическое самочувствие, высокая оценка социальных взаимодействий формируют позитивное видение динамики ситуации как в селе, так и в семье. Позитивные изменения в жизни своей семьи отметили 29,8% сельчан (Рисунок 8).

Оценка социально-экономической ситуации в сельском поселении

Рис.7. Оценка динамики социально-экономической ситуации в сельском поселении, %

Оценка изменения ситуации в семье

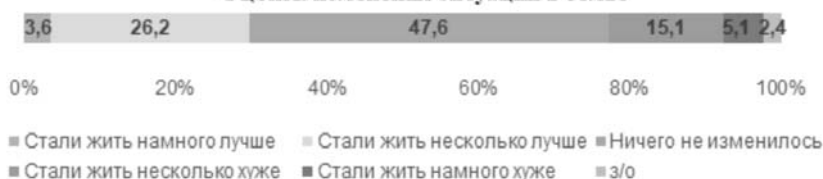

Рис. 8. Оценка динамики изменений социально-экономической ситуации, %

Заключение

Исследование условий функционирования и жизнедеятельности социально-территориальных сельских общностей показало, что основным фактором развития сельских территорий является индивид и сеть его социальных интеракций с односельчанами. В результате данных процессов можно говорить о процессе становления и укрепления территориальной идентичности сельских жителей. В свою очередь территориальная идентичность личности формирует условия для развития и стабильного существования территориальной общности. По результатам эмпирического исследования было выявлено, что потенциал развития сельских территорий заключается в высокой степени территориальной идентичности сельских жителей, интенсивных взаимодействиях индивидов друг с другом. На это указывает удовлетворенность от коммуникации с односельчанами, наличие родственных связей в поселении. Также в процессе формирования стратегии развития сельских жителей предлагаем учитывать экологический потенциал местности, ее природные условия, которые являются одним из значимых и привлекательных условий для жизнедея-

тельности в сельских поселениях. Наконец, развитие сельской территории возможно путем формирования нового имиджа поселений, создания дополнительных условий для новых видов деятельности, развитие туристического направления, в том числе экотуризма, что может придать импульс для развития сельских территорий и территориальной общности сельских жителей.

Литература

1. Заславская Т.И. Теоретические вопросы исследования социально-территориальной структуры советского общества // Методологические проблемы комплексных исследований. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1983. С. 215 – 217.
2. Программа «Земский доктор» 2019-2020: важные изменения, новые условия участия и вакансии для врачей и фельдшеров в регионах РФ // [электронный ресурс]. Дата обращения 27.02.2020. URL <<http://www.kremlinrus.ru/article/181/106181>>.
3. Земский Учитель» // Официальный сайт программы: условия, вакансии, регионы участники, педагоги - основные сведения Минпросвещения РФ [электронный ресурс]. Дата обращения

27.02.2020. URL:
<<http://www.kremlinrus.ru/article/181/100340>>.

4. Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984. – 120 p.

5. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 121 – 139.

6. Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. — 400 с.

7. Лапин Н. И. Спонтанность модернизации в регионах России и конституционные принципы ее регулирования // *Власть*. 2017. Т. 25. № 3. С. 25 – 33.

8. Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // *Экономическая социология*, 2006. Т. 7. № 3. С. 11 – 26.

9. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капитала и их конвертация // *Общественные науки и современность*, 2002. Т. 3. № 4. С. 20 – 31.

10. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т.; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. Т. II. Общности. – 429 с.

11. Тённис Ф. *Общность и общество*. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2002. – 451 с.

12. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. М.: Наука, 1991. – 575 с.

13. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 416 с.

14. Tajfel H. Human groups and social categories. *Studies in social psychology*. Cambridge, 1987. – 430 p.

15. Ядов В. А. *Социальная идентификация в кризисном обществе* // *Социологический журнал*, 1994. № 1. С. 35 – 52.

16. Зборовский Г. Е. Социальные общности и их временные характери-

стики // *Известия УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры*, 2014. № 1 (123). С. 148 – 158.

17. Замятина Н. Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры // *Общественные науки и современность*. 2012. № 5. С. 153 – 163

18. Дроздова Ю. А. Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей // *Вестник Института социологии*. 2019. Т. 10. № 1. С. 82 – 103.

Territorial Identity As a Factor of Developing Communities in the Countryside

Drozдова Ju.A., Meteliyskaya Ju.A.

RANEPА, Institute for Socioeconomic and Political Research noncommercial foundation

The present article was written based on materials of a complex sociological study undertaken within an RFBI grant No 19-411-340002 “Territorial communities in conditions of social transformation: a sociological and managerial analysis” which included both qualitative and quantitative methods. The former was a survey of countryside residents in the Volgograd region (N = 379, July-August, 2019), the latter were in-depth interviews with experts who were members of local government bodies, the academic community, activist citizens residing in the country, architects, representatives of territorial communities (N = 20). Based on Giddens’ structuration theory we define territorial identity as the social resource and factor of development of territorial communities in the countryside, which forms stable social interactions between individuals. In our study a prominent role is given to social well-being of countryside residents, their attitude to migration and factors that determine them. We classify them into expelling and attracting factors. attracting factors contribute to preservation and development of territorial communities in the Volgograd region countryside; they include the favorable environment, a comfortable warm climate, maintaining traditional relations with one’s relatives and neighbors, knowing the history of one’s birthplace. Expelling factors disorganize the territorial community of countryside residents; these include factors related to poor economy like no qualified jobs, low pay, low standard of living involving healthcare and infrastructure, as well as the apathetic attitude to one’s own settlement which has to do with no

perspectives for the future in the particular settlement. Such a situation puts a strain on formation of territorial identity, both regional and local. In this connection building a territorial identity becomes the province of social management and determines the present and future development of countryside territories in Russia.

Key words: territorial community, countryside residents, territorial (regional, local) identity, social resources.

References

1. Zaslavskaya T.I. Theoretical questions of the study of the socio-territorial structure of Soviet society // Methodological problems of integrated research. Novosibirsk: Science. Sib. Department, 1983. S. 215 - 217.
2. The program "Zemsky Doctor" 2019-2020: important changes, new conditions for participation and vacancies for doctors and paramedics in the regions of the Russian Federation // [electronic resource]. Date of circulation 02.27.2020. URL <<http://www.kremlinrus.ru/article/181/106181>>
3. Zemsky Teacher // Official website of the program: conditions, vacancies, regions participants, teachers - the main information of the Ministry of Education of the Russian Federation [electronic resource]. Date of circulation 02.27.2020. URL: <<http://www.kremlinrus.ru/article/181/100340>>
4. Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984. - 120 p.
5. Coleman J. Social and human capital // Social sciences and modernity. 2001. No. 3. P. 121 - 139.
6. Zaslavskaya T. I. Modern Russian society: the social mechanism of transformation. M.: Delo, 2004. — 400 p.
7. Lapin N. I. Spontaneity of modernization in the regions of Russia and the constitutional principles of its regulation // Power. 2017. Vol. 25. No. 3. P. 25 - 33.
8. Tikhonova N. E. The resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies // Economic Sociology, 2006. V. 7. No. 3. P. 11 - 26.
9. Radaev V.V. The concept of capital, the form of capital and their conversion // Social Sciences and the Present, 2002. V. 3. No. 4. P. 20 - 31.
10. Weber M. Economy and Society: Essays in Understanding Sociology: in 4 volumes; sost., total. ed. and foreword. L. G. Ionina - M.: Publishing House. House of the Higher School of Economics, 2017. T. II. Community. - 429 p.
11. Tonnis F. Community and society. SPb.: Vladimir Dal Publishing House, 2002. - 451 p.
12. Durkheim E. On the division of social labor. The method of sociology / Per. with fr. M.: Nauka, 1991. -- 575 p.
13. Anderson B. Imaginary Communities. M.: Canon-Press-Ts, Kuchkovo field, 2001. -- 416 p.
14. Tajfel H. Human groups and social categories. Studies in social psychology. Cambridge, 1987. -- 430 p.
15. Yadov V. A. Social identification in a crisis society // Sociological journal, 1994. No. 1. P. 35 - 52.
16. Zborovsky G. E. Social communities and their temporal characteristics // Bulletin of UrFU. Ser. 1. Problems of education, science and culture, 2014. No. 1 (123). S. 148 - 158.
17. Zamyatina N. Yu. Territorial identities and social structures // Social sciences and the present. 2012. No 5. S. 153 - 163
18. Drozdova Yu. A. Resource approach in the study of territorial communities // Bulletin of the Institute of Sociology. 2019. V. 10. No. 1. P. 82 - 103.

Жизненные ориентиры и стратегии провинциальной молодежи

Журавлева Ирина Александровна
кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, zhuravleva_ia@list.ru

Иванов Роман Викторович
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, dorwardrw@list.ru

Тетерин Василий Васильевич
преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Института социальных наук, Иркутского государственного университета, vasilij.teterin.87@mail.ru

В статье приводятся результаты фокус-группового исследования жизненных приоритетов провинциальной молодежи. Анализируются духовные, социальные и материальные ориентиры молодого поколения и рассматриваются перспективы развития и изменения в будущем.

Ключевые слова: молодежь, жизненные ориентиры, региональное сообщество, провинциальная молодежь

Молодостью принято называть период в жизни человека от 14 до 30 лет – между детством и взрослым состоянием. С 2018 года молодость продлили до 40 лет.

Соответственно представителей демографической группы, возраст которых укладывается в эти временные рамки, называют молодежью. Однако не возраст является решающим критерием для определения молодежи: временные границы молодежного возраста подвижны и обусловлены социальными и культурными условиями взросления. Для правильного понимания особенностей молодежи как социальной группы следует акцентировать внимание не на демографическом критерии, а на социально-психологическом.

Молодежь – это поколение людей, проходящих стадию взросления, т.е. становления личности, усвоения знаний, социальных ценностей и норм, необходимых для того, чтобы состояться как полноценный и полноправный член общества.

У молодости есть ряд особенностей, отличающих ее от других возрастов. По своему характеру молодость – это переходное, «подвешенное» состояние между детством и взрослостью. В каких-то вопросах молодежь является вполне зрелой, серьезной и ответственной, а в других – наивной, ограниченной и инфантильной. Эта двойственность определяет ряд противоречий и проблем, свойственных этому возрасту.

Взросление – это прежде всего усвоение знаний и навыков и первые попытки применить их на практике.

Если рассматривать молодежь с точки зрения ведущих видов деятельности, то этот период совпадает с завершением образования (учебной деятельности) и вступлением в трудовую жизнь (трудовая деятельность).

С точки зрения психологии молодость – это период обретения своего Я,

утверждения человека как индивидуальной, неповторимой личности; процесс поиска своего особого пути достижения успеха и счастья. Как в любом поиске, молодой человек не застрахован от трудностей и ошибок: у него еще нет достаточного опыта, чтобы принимать правильные решения в многочисленных сложных ситуациях. Однако именно осознание этих ошибок формирует его собственный жизненный опыт. Различные социальные, духовные и материальные ценности определяют жизненные пути молодых людей, в работах И. А. Журавлевой [1,2,3], Р. В. Иванова [4,5], О. А. Полюшкевич [6,7] и В. А. Скуденкова [8,9] об этом говорится более подробно.

Цель исследования: выявление особенностей представлений и смысло-жизненных ориентаций провинциальной молодежи.

Для проведения фокус-группового исследования провинциального населения России была сформирована стратифицированная квотная выборка. В качестве страт выступали: 1) городской округ (муниципальный район) Иркутской области; 2) населенные пункты, входящие в границы городского округа (муниципального района); 3) респонденты, постоянно или преимущественно проживающие в отобранных населенных пунктах.

Выборка: 26 молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, 50% девушек (13 человек) и 50% юношей (13 человек).

Анализ результатов фокус-группового исследования выявил интересные закономерности. 15% опрошенных состоят в браке, никто не имеет детей и все проживают с родственниками и только 3 человека в общежитии.

В отношении информационной среды, наша гипотеза нашла полное подтверждение – сеть Интернет и СМИ формируют представления современной молодежи.

На рисунке 1 представлены источники материалов, вызывающие доверие, среди каждой рассматриваемой молодежной группе. Социальные сети

занимают первое место и чем младше респонденты, тем чаще они указывают именно этот источник информации. Живой журнал и аналитические и новостные ленты рассматривают как источник информации молодые люди более старшего возраста – обучающиеся в вузе или уже работающие.

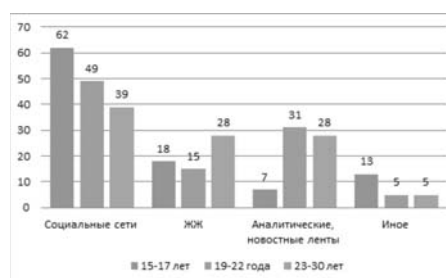

Рис. 1. Источники информации вызывающие наибольшее доверие (в %)

Тематика передач в СМИ, которую предпочитают молодые люди достаточно разнообразна: от досугово-развлекательных в сфере культуры и юмора, до информационно-аналитических в сфере политики и экономики. В возрасте 15-17 лет доминируют музыкальные, юмористические и культурные передачи и программы, в более старшем возрасте начинают доминировать экономические и политические передачи, которые вызывают интерес у молодых людей. Социальные и спортивные новости относительно стабильны в разных группах молодых людей. См. рис. 2.

Молодые люди в возрасте от 18 до 23 лет (студенты вузов) указывали на Городскую Иркутскую газету, Irk.ru, Бабр – т.е. информационно-аналитические порталы Иркутской области. Но в тоже время, говорили о том, что местные новости не интересны, т.к. «что тут может произойти? Пробка? Вызывает интерес – всероссийский уровень».

Интересен тот факт, что отдельно молодежное средство массовой информации никто не смог назвать. Кроме социальных сетей.

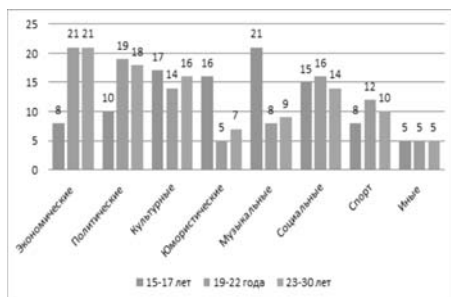

Рис. 2. Тематика предпочитаемых материалов в СМИ (в %)

Периодичность пользования Интернетом – максимально частая, по несколько часов в день у более чем 75% респондентов, остальные 25% просматривают несколько раз в день почту, социальные сети и иные социальные аккаунты.

Молодые люди чаще всего используют Интернет для досуга (игры, общение) (56%), для подготовки к занятиям или работе (44%).

Достаточно разнообразны ответы молодых людей были и на предпочитаемый жанр литературы (фантастика и фэнтези – 12%, исторические и приключенческие – 15%, научно-популярные – 18%, классика – 20%, детективы и триллеры – 13%, юмористические – 12%, публицистика – 10%).

Среди недавно прочтенных литературных произведений называли как классические работы («Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «Темные аллеи» И.А. Бунина, «Собачье сердце», «Мастер и Маргарита» М. Булгаков, «Вино из одуванчиков» Р. Бредбери, «Госпожа де Бовари» Г. Флобер, «Анна Каренина» Л. Толстой, «Три товарища» Э. М. Ремарк), до современных бестселлеров («Код Да Винчи» Дэна Брауна, «После» Анна Торд; «Любовница французского генерала», «Лафт крафт»), также среди молодежи более старшего возраста встречаются политико-публицистические романы, такие как «Дом правительства» Ю. Слезкин, «Вся кремлевская рать» М.В. Зыгарь и др.

Некоторые студенты (18-23 года) указывали, что последнее, что они прочитали – это были законы, конституция, а среди младшей группы молодежи (14-17 лет) – были те, кто не смог вспомнить название недавно прочитанных книг.

Чем старше молодые люди, тем больше они читают. Информационное пространство сети Интернет сильно изменило восприятие информации, потребность в чтении. Полагаем, что в будущем эти тенденции только усилятся.

Молодые люди достаточно регулярно посещают культурно-досуговые заведения. Театр, кинотеатр, квест-комнаты, музеи, библиотеки, ночные клубы, выставки картин. При этом, чем старше молодые люди, тем больше разнообразия в культурно-досуговых местах, чем младше, тем более однообразны кино или ночные клубы. С регулярностью несколько раз в месяц, несколько раз в год театр и выставки. Более доступным выступают кинотеатры, на посещение которых влияет компания и желание развлечься с друзьями.

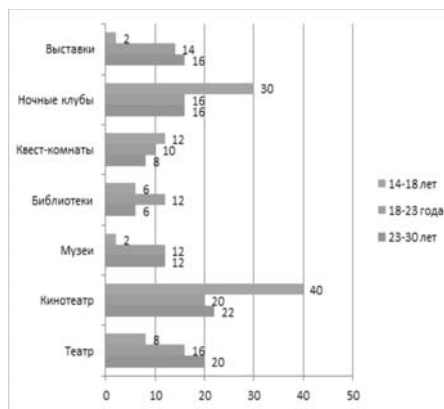

Рис. 3. Предпочтительные культурно-досуговые заведения разными группами молодежи (в %)

Молодые люди имеют достаточно разнообразные вкусы в выборе художественных фильмов. Четкого деления на возрастные группы в данном вопросе не проследилось, поэтому на рисунке 6 представлено общее соотношение. Наиболее популярны комедии (40%),

научная фантастика (16%), детективы (14%), триллеры (12%), мюзиклы (8%), ужасы (6%), экшн (4%).

Молодые люди предпочитают смотреть *«хорошие фильмы – по оценкам некоторых критиков, и на основе их мнения делаю свой выбор»*. При этом жанр фильма не имеет значения.

Последними фильмами, которые смотрели молодые люди за последнюю неделю были следующие фильмы: «Малефисента», «Джокер», «ОНО2», «Судная ночь. Начало», «Хатико» и «Интердевочка». Большая часть фильмов являются новыми, широко рекламируемыми.

Оценка лиц другой национальности была не однозначной. Положительная оценка, к которой мы отнесли такие характеристики как: *«Положительно», «без различия, ко всем хорошо», «по интересам отношусь к людям, а не по национальностям», «В каждой национальности есть хорошие и плохие, образованные и нет люди. Все индивидуально, но вообще – хорошо», «Национальность не имеет значения, если человек входит в зону комфорта – то не имеет значения, какой он нации», «По интересам отношусь к людям, а не по национальности»* – 38%.

Нейтральная характеристика, к которой мы отнесли такие ответы как *«Взаимно. Американцы, казахи плохо относятся к русским», «Хорошо, если они и по отношению к тебе располагают. Если ко мне они враждебны, то и я подалеже от них буду держаться». «С точки зрения культурного подхода, если приезжие нашу культуру не принимают, то скрытая вражда есть. Все зависит от личной культуры человека, а не от национальности», «Все зависит от уровня светского образования»* – 45%.

Негативно, к этой группе мы отнесли такие ответы как: *«Смотря какая национальность», «Я люблю только русских», «не люблю приезжих»* – 17%.

Отвечая на вопрос о том, в чем выражается дискриминация по националь-

ному признаку, молодые люди придерживались трех групп ответов: *культурно-антропологические*, к которым мы отнесли: «цвет кожи», «религиозные взгляды», «традиции, например, восточные народы имеют свои традиции и некоторые их принимают», «стереотипы негативного восприятия», «будут на тебя коситься на улице», «это стереотипы – но они не безосновательны» – 21%; *экономические*, к которым мы отнесли: «Не платят достойную зарплату», «проблемы с трудоустройством», «можно смотреть по секторам экономики, славяне – в одних секторах, из стран СНГ – в других» – 44%; *социальные*: «недоступность социальных привилегий», «негласные социальные правила» – 35%.

Ни один молодой человек не сказал, что он опасается стать жертвой межнационального конфликта. Все себя чувствуют относительно безопасно.

Вероятность возникновения в нашей области конфликтов на почве межнациональной розни считают возможным только в среде самих мигрантов – 99% и только 1% считает, что «все возможно». Иными словами, уровень конфликтности на основе национальных отношений в Иркутской области, по мнению молодежи достаточно низкий.

Дискриминация к представителям другой национальности недопустима в принципе для 95% молодых людей, оставшиеся говорят, что слышали «оскорбления на бытовом уровне», об ограничениях при приеме на работу». При этом, молодые люди старших возрастных групп (от 18 до 30 лет) полагают, что юмор является одним из самых лучших способов снятия национального напряжения. *«Юмор на построен на снятии напряжения на национальной почве, чем больше мы смеемся, тем меньше риски». «Людей оскорбляют на почве незнания. Юмор – некий аспект просветительства»*. Младшая молодежная группа никак не прокомментировала данный вид снятия напряжения в национальных отношениях.

Интересны были ответы на вопрос о том, на каком уровне готовы взаимодействовать с представителями других национальностей молодые люди. Положительно или нейтрально («*итак живут*») относятся к тому, чтобы люди других национальностей жили в вашем городе – 99%, также относятся, если «Вашими соседями по дому были люди других национальностей» – 99%, также относятся если придется «Учиться с людьми других национальностей» – 99%, также если «иметь друзей среди людей других национальностей» – 99%.

Но если задать вопрос о том, «чтобы член Вашей семьи вступил в брак с представителем другой национальности» – положительно отнесутся лишь 56%, остальные отрицательно и если «вы сами вступите в брак с лицом другой национальности» – положительно отнеслось лишь – 12% молодых людей.

Иными словами, чем ближе контакт с представителем другой национальности тем больше негативного или напряженного отношения.

Наибольший интерес вызывает кухня, традиции и культура других народов, молодые люди готовы посещать национальные кафе и рестораны, ходить в гости и кушать национальную еду, не впускать в круг своей семьи на правах родственника большая часть не может.

Также присутствует небольшой процент тех (2%), кто принципиально не готов контактировать с представителями других национальностей, при этом негативно их не воспринимая. «*Мне достаточно сложившегося круга знакомых, я не ищу знакомства*».

Молодежь всех групп в большей мере негативно оценивает ислам (45%), хотя имеются и положительные оценки данной религии (10%). Больше положительных оценок занимает христианство (38%) и буддизм (27%), частично шаманизм (15%), хотя у него больше отрицательных оценок (20%), так же как и у сект (таких как «кришнаиты», «Свидетели Иеговы», «Баптисты» и другие) – 18%.

Отвечая на вопрос о религиозных течениях, наиболее симпатичных, молодые люди указывали на следующее: «*Ислам привлекает архитектурой*», «*Буддизм мировоззрением интересен*», «*Христианство традициями привлекает*», «*Шаманские обряды вызывают интерес*». Говоря о негативных оценках религий, молодые люди говорили следующее: «*Ислам имеет негативное восприятие – но это не более чем стереотипы*», «*Хари Кришна раздражает*», «*Секты – несут полный негатив*». Также были и нейтральные ответы, которые не позволяли судить о положительных или отрицательных взглядах молодых людей в отношении религии: «*Религия может ущемить мои права – в еде мяса, поэтому я атеист*», «*Есть люди верующие до фанатизма, есть нейтральные. Я последний*» или же «*Я атеист*».

Вопросы блока политического поведения и гражданской позиции молодежи также выявили неоднозначную картину.

Среди самой младшей молодежной группы меньше всего тех, кто интересуется политикой, среди более старших групп интересующихся ей значительно больше.

Надо понимать, что уровень заинтересованности политикой у тех, кто «интересуется» ей – разный. Для одних она интересна, так как «*планирует сам принимать участие в выборах*», таких 12%, «*являюсь членом политической партии и соответственно в курсе всех политических событий*» или же «*мы видим себя в виде чиновников, политиков, членов партии. Поэтому, да – отслеживаем*» – 16%, «*слежу за политическими событиями, так как обучаюсь на специальности «государственное и муниципальное управление» или работаю по данной специальности*» – 26%, а для 46% интересующихся – это выражается в участии в выборах разного уровня.

Интересно является то, что из тех, кто ходит на выборы (65% из участников исследования), на федеральные выборы ходят 100%, на региональные и

муниципальные только половина из них (48%). Это говорит о том, что социально активные молодые люди, интересующиеся политикой и готовые проявлять свою гражданскую позицию не верят в силу региональной или муниципальной власти.

Среди молодежных общественных движений все группы молодежи называли примерно одни и те же организации: «Молодая гвардия», «РСМ», «комсомол», «волонтеры-медики», «Волонтеры Победы», «Лидеры России». И в качестве комментария один из респондентов указал, что «молодежные организации работают под эгидой партий, поэтому в чистом виде мы не видим их работу».

Старшие группы молодежи считают, что их участие в выборах может влиять на ситуацию в стране и расстановку политических сил («Да, влияет», «И каждый если бы выразил свою позицию, то повлияло»), младшие придерживаются противоположной точки зрения («Нет, не влияет», «Мы никому не нужны»).

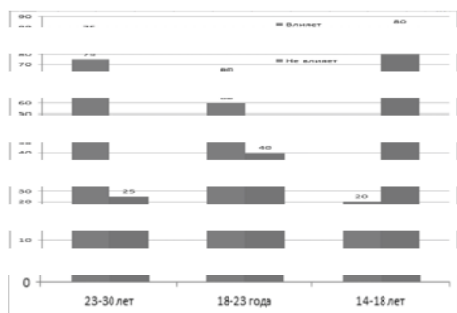

Рис. 4. Влияет ли участие в выборах на ситуацию в стране, на расстановку политических сил (в %)

Политические партии вызывают негативные оценки у молодежи. Из ответов скорее провокационные или оппозиционные ответы звучали: «Ультралиберального толка», «КПРФ». Только среди младшей группы респондентов была указана «Единая Россия». Большинство ответов было в контексте «никаким».

На вопрос о том, «Считаете ли Вы, что мы живем в свободной стране?» чаще всего звучал ответ «Нет» – 90% с последующим объяснением: «Свободных стран нет. Государство это организация где есть устав – конституция, законы. И мы можем действовать внутри этих рамок». «В нашем государстве есть позиция где мы действуем не по принципу равенства». «Дискуссия о свободе в нашей стране бесконечна. В бытовом плане – мы свободны, а политические заявления и свободы ограничены, деятельность НКО ограничена, право на свободу слова или собраний нарушается». «Мы не в полной мере свободны. В Америке есть свобода слова т.к. за них не посадят, но порицать будут. А у нас привлекут». «У нас даже за шутку в социальных сетях срок дадут тебе – и свобода совсем не чувствуется». «Нет. Все больше законов что противоречат свободе слова, с принципами правления». «Срок пенсионный сделали больше – права нарушают».

И ответ «Да» был озвучен только в 10%. С отсутствием комментариев или же очень скудных комментариев: «У нас много прав по сравнению с другими странами».

Блок вопросов о патриотическом воспитании также усилил обозначенные выше тенденции.

Для большей части молодежи «патриотизм означает любовь к Отечеству, «малой родине», ее истории, народу, культуре, языку и др.». «Патриотизм – это уважение к истории своей страны». «Готовность встать на оборону страны». «Вера в свою страну». «Патриотизм – верность своей территории», «Патриотизм – это участие в жизни своей территории».

Некоторые говорили о том, что негативно относятся к патриотизму. Цитата групповой беседы: «Сегодня партии сформировали негативное воздействие на оценку патриотизма. Патриотизм в последнее время используется некорректно. Мы патриоты –

если ты не с нами, значит не патриот, не любишь Россию. Все плохие, одни мы хорошие. Ты с нами, либо под нами».

Государственные символы России (флаг, герб и гимн) известны всем молодым людям. Но авторство гимна в лице С.В. Михалкова смогли назвать только старшие группы молодых людей (от 18 до 30 лет), младшая группа совсем не знает автора российского гимна. Более того, старшие указывали и на другие гимны РФ, такие как «*Боже царя храня хвали*» и «*Интернационал – перепева с французского*».

Патриотическими песнями молодые люди считают все военные (*Катюша, День Победы, Вставай страна огромная* и другие) и казачьи песни. Старшая молодежная группа указывала еще песни народов России и песни о территории: *Течет река Волга, Россия от волеи до Енисеня... Про Байкал*, песни народов России, которые воспевают земли предков, *Ехор* и т.д.

Также отдельно указывались песни О. Газманова и М. Ростаргуева и группы Любэ.

В нашем регионе существуют такие патриотические организации как «Молодая гвардия», «Волонтеры победы», «Народный фронт» и их указывает около половины респондентов (53%), вторая часть (47%) никого не могут назвать, говоря: «*Без понятия*», «*Не интересовался*».

Из патриотических мероприятий, проходящих в нашем регионе называют «Салют», «Майское шествие», «Парад победы», «Бессмертный полк», «День народного единства», «День флага России», «День России», «День памяти и скорби 21 июня» и другие и в этих же мероприятиях молодые люди и участвовали (77%).

Патриотом себя считают 75% молодых людей, говоря следующее: «*Я патриот*». «*В патриотизм я свой смысл вкладываю. Поэтому – да, я патриот*». 25% не считает себя патриотом и указывает на: «*Нет. Я хочу уехать*». «*Раньше были порядки, сейчас люди*

более свободны и я хочу уехать». «*Любовь к Родине есть, любви к власти нет*».

Из тех, кого считают патриотом, называют следующих: «*Лия Ахиджакова – за ее позицию*», «*Андрей Макаревич – за его оппозиционность*», «*Наш губернатор достаточно патриотичен*». «*В.В. Путин*». Или же говорят, что «*сейчас такие не живут или не засвечиваются*». «*Пожилые люди. Среди молодежи таких нет*». «*Те, кто помнит праздники и пытается их как-то поддерживать*».

В блоке вопросов о профессиональном самоопределении молодые люди всех групп достаточно едины.

Выбирая специальность обучения шли либо «случайно» 55%, либо «специально» 45%. К первым можно отнести такие ответы: «*Друг подсказал. Хотел стать картографом на географический, но потом рассказали более интересно – поступил на регионоведение. Та же самая география только с социально-экономическим аспектом, интереснее чем карты чертить*». «*Название понравилось*». «*Так вышло. Актуальность специальности*». «*По дизайну помещений*». «*По преподавателям – посоветовали*». Ко вторым, можно отнести такие ответы: «*Баллов хватило*». «*Мне понравилось работать – легкое, потом сложнее задания и работа с гражданами интересная*». «*Классика взяла свое – поэтому я в ИГУ*». «*Бюджет*».

На выбор повлияли или помогали: родители (24%), друзья (35%), в школе подсказали (15%), сам (26%).

По мнению молодых людей, при выборе специальности обучения стоит руководствоваться тем, что хочет делать в будущем – 100% («*Задумываться о будущем*», «*Думать, чем хотелось бы заниматься в будущем*», «*Деньги не выступают показателем*»).

Молодые люди старше 18 лет готовы рассмотреть разные стратегии продолжения обучения, от «*второго высшего*», до «*магистратуры*» и «*аспирантуры*». Тогда как младшая группа

молодежи не придерживается того, что образование должно быть формальным, они говорят о более мобильных кратких курсах, а не о долгосрочных программах уже устаревших учебных программ. После техникума пойдут учиться только 10% – «Сейчас более полезно проходить курсы, нежели поучать высшее образование».

Около 60% молодых людей довольны той специальностью, что у них есть и 40% хотели бы что-то изменить, поменять на «то, что связано с продвижением, с технологиями в Интернет», «В полицию хочу пойти», «Я с едой хочу работать, в кулинарии», «в дизайн пойти».

Отвечая на вопрос о том, что является символом «успеха в жизни», ответы получились разными. Для одних это экономические (финансовые) показатели (41%): «Зарабатывающий нормальные деньги». «В материальном плане реализованный». «Стабильное качество». «Финансовая стабильность и независимость». «Самообеспеченность». «Независимость». Для других социальные (32%): «Цели поставил и достиг их – его можно назвать успешным». «Время – самый ценный ресурс и то, как он его использует, зависит от того, успешен он или нет». «Семья». Для третьих физические и эмоциональные (27%): «Получаешь удовольствие от того, что делаешь». «Здоровый. Физически здоровый». «Сила воли».

Из того, что способствует достижению успеха в жизни, молодые люди назвали такие качества как: «стремление», «сила воли», «труд», «целеустремленность», «готовность идти на жертвы», «профессионализм» и так далее.

Большая часть молодых людей хотела бы остаться в России (76%) и только 24% хотели бы уехать из страны (в Македонию, Германию, Америку).

Но из тех, кто хотел бы остаться в России, в Иркутске или Иркутской области хотело бы остаться только 25%,

остальные хотели бы уехать в Красноярск, Новосибирск, Москву, Ставрополь, Санкт-Петербург и другие города страны.

Мотивом переезда выступают – «другие возможности» и «больше зарплата».

Говоря о вредных привычках, то молодые люди указали на то, что они у них есть (90%) и только у 10% их нет. К вредным привычкам они отнесли курение, алкоголь, шоколад и лень.

Возможность победить вредные привычки есть у всех. Так считают 99% респондентов. («Возможность есть у любого человека, а вот выбора нет». «Если человек слаб, то он пойдет на поводу у других». «Если он сильный то никогда не пойдет на поводу у других»).

Попробовать наркотики подталкивает «компания» и «проблемы в семье», «желание самоутвердиться». «Провокация «на слабо» срывает уверенность у тех, кто не чувствует уверенности в себе». Иными словами, в ответах молодых людей звучит подчеркивание слабости того, кто пробует наркотики.

68% не предлагали наркотики, 32% предлагали, но они отказались.

Легче всего приобрести наркотики у «знакомых», «цыган», «на точках», «в Интернете – СК, скорость ... есть объявления, а правоохранительные органы никак не реагируют», «в клубах» и так далее.

Решению проблем различных зависимостей может увеличение «занятости и досуга молодежи», «смена круга общения, смена друзей», «на социально-правовом уровне, не ужесточать законы, а исполнять их», «там где легализована марихуана – они отрегулировали – знают сколько можно употребить», «С детства должны родители воспитывать».

Все опрошенные молодые люди положительно относятся к тестированию обучающихся на предмет употребления наркотических средств и психотропных

веществ, проводимому в рамках реализации федерального закона от 07.06.2013 № 120-ФЗ.

Также, молодые люди считают, что преступность нельзя искоренить, она всегда была и будет. Можно только регулировать формы проявления ее. *«Проблема нашего общества – рецидив. Вот с этим работать надо».*

Молодые люди, если бы стали жертвой насилия то обратились бы в правоохранительные органы – 42%, к друзьям, знакомым – 28%, к родителям, родственникам – 16%, в криминальные структуры – 7%, в средства массовой информации – 5%, ни к кому не обратись – 2%.

Основными причинами совершения молодёжью преступлений (кража, грабёж, мошенничество, изнасилование, причинение тяжкого вреда здоровью и др.) является *неблагоприятная обстановка в семье, проблемы с деньгами или с работой, личные проблемы, либо молодой человек находится под воздействием каких-либо веществ.*

Наиболее допустимыми, по мнению молодых людей, являются такие преступления как *«убийство»*, *«преступления в отношении детей»*, *«терракты, если пострадает большое количество людей»*, *«изнасилование»*, *«суицид»*, *«продажа наркотиков».*

Сдерживать человека от совершения преступления должна *«совесть»* или *«свои ценности».* О законе, общественном порицании или чем-то другом респонденты даже не говорили.

К проблемам молодой семьи, по мнению молодежи, относится *то, что «нет возможности получить свое жилье, ипотеку с более низкими процентными ставками».* «Ипотека кого-то объединяет, а кого-то нет».

Мотивами заключения брака выступают разные вещи: *«Шаблон есть. Ты отучился, получил образование – выходи замуж».* *«Скучно с родителями».* *«Интерес».* *«Ипотека».* *«Возраст. Время пришло».* *«Дети. Желание иметь ребенка или беременность».* *«Нормальные условия для вступления*

в брак – любовь». *«Любовь».* *«Случайная беременность».*

Если бы перед Вами сейчас стоял вопрос *«Создавать семью или нет?»*, решились бы Вы на это? 80% девушек и 45% юношей ответило – «да» и 20% девушек и 55% юношей – «нет».

Препятствием вступления в брак выступает неуверенность в партнере и неуверенность в его финансовой состоятельности.

Наиболее оптимальным возрастом для вступления в брак является 25-30 лет. Наиболее оптимальное время для рождения первого ребенка 20-30 лет. Молодые люди объясняют это следующим образом: *«Пожить и потом выйти замуж».* *«Брак не нужная вещь. Если вы доверяете друг другу – зачем защищаться штампом в паспорте?».* *«Брак – это раньше была, как необходимость биологического выживания, то сейчас он уже потерял это значение. Сегодня – это дань традиции».*

На вопрос о том, *«Сколько детей Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия для их рождения и воспитания?»* молодые люди ответили следующим образом: одного – 30%, двух – 45%, трех – 15%, несколько – 10%. *«Материнский капитал – оскорбительная штука».* *«Когда финансы есть, детей модно заводить. Дорого все».* На увеличение количества детей в семьях ничего не может повлиять, кроме стабильной занятости и заработной платы.

Заключительным вопросом фокус-группы был вопрос о том, что необходимо сделать, чтобы современная молодежь была счастлива. Ответы были хоть и разными, но объединяло их одно – желание создать максимально комфортные условия для социально-экономической социализации молодежи: *«Создавать рабочие места и платить достойную зарплату».* *«Дифференциация в оплате труда – официантка получает столько сколько молодой врач».* *«Молодой семье – больше денег».* *«Открывать перспективы в работе. Молодых людей не берут из-за*

отсутствия опыта. *А как приобрести опыт, если нет работы». «Работу дать». «Нуждается в мощной основе для реализации потенциала». «Давать каждому все, что ему необходимо (хочешь работать – иди, хочешь учиться – иди)»* и так далее. И только один молодой человек сказал следующее: *«Нам ничего не надо. У нас хорошее поколение. Мы родились не в совке у нас большие амбиции, и у нас все будет хорошо».*

Выводы

Проведенное фокус-групповое исследование позволяет сделать ряд заключений, в отношении молодежи Иркутской области и констатировать, что гипотезы, выдвинутые в начале исследования, нашли свое подтверждение.

На оценки и мнения молодежи Иркутской области влияет информационная среда, формируемая СМИ и сетью интернет.

На оценку национальных отношений влияет уровень дистанцированности от них (проживание, соседство, обучение будет вызывать больше положительных эмоций, недели чем дружба – нейтральное и создание семьи – негативное).

На политическое поведение и гражданскую позицию молодежи влияет активность той среды, в которую погружен молодой человек, но основным критерием выступает – личная ответственность и личный выбор.

На патриотические представления молодых людей влияют их жизненные представления, оценка своих социальных перспектив роста.

На профессиональное самоопределение молодежи в большей мере влияет близкий круг (семья) и частично друзья, для меньшей части молодых людей будут актуальны альтернативные источники информации о возможной профессиональной самореализации.

На деструктивные привычки молодых людей в большей степени будет влиять их круг общения (компания).

На оценку социальных девиаций молодых людей будет влиять их круг общения и условия жизни в семье.

На отношение молодежи к семье будет влиять социальное окружение и материальный и социальный статус их родительской, а в последующем и своей собственной семьи.

Литература

1. Журавлева И.А. Ресурсно-образовательный потенциал современной молодежи // Социология. 2020. № 1.
 2. Журавлева И.А. Модернисты и традиционалисты: образовательные траектории российской молодежи // Alma mater (Вестник высшей школы). 2019. № 6. С. 31-34.
 3. Журавлева И.А. Образование в ресурсном пространстве молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Редколлегия: В.В. Петров, А.Н. Артемова, О.А. Персидская, А.А. Санжениакова. 2019. С. 136-139.
 4. Иванов Р.В. Качество патриотизма в современной России // Социология. 2019. № 4. С. 21-26.
 5. Иванов Р.В. Экстремистские настроения молодежи: мифы и реальности провинциального региона // Социология. 2019. № 1. С. 130-135.
 6. Полюшкевич О.А. Семейная история как социальная практика // Социология. 2019. № 3. С. 88-92.
 7. Полюшкевич О.А. Территориальная идентичность и проблемы топонимики в Иркутске // Социология. 2019. № 2. С. 250-256.
 8. Скуденков В.А. Изменение представлений об успехе и благосостоянии в сознании россиян (с 2014 по 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 118-122.
 9. Скуденков В.А. Экономические притязания в структуре патриотизма студенческой молодежи // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 2. С. 82-84.
- Life Guides and Strategies for Provincial Youth**
Zhuravleva I.A., Ivanov R.V., Teterin V.V.

Irkutsk State University

The article presents the results of a focus group study of the life priorities of provincial youth. The spiritual, social and material orientations of the young generation are analyzed and prospects for development and changes in the future are considered.

Key words: youth, life guidelines, regional community, provincial youth

References

1. Zhuravleva I.A. Resource and educational potential of modern youth // *Sociology*. 2020. No. 1.
2. Zhuravleva I.A. Modernists and traditionalists: educational trajectories of Russian youth // *Alma mater (Bulletin of higher education)*. 2019.No 6.P. 31-34.
3. Zhuravleva I.A. Education in the youth resource space // *Actual problems of humanitarian and social research. Materials of the XVII All-Russian scientific conference of young scientists in the field of humanities and social sciences*. Editorial Board: V.V. Petrov, A.N. Artemova, O.A. Persian, A.A. Sanzhenakova. 2019.S. 136-139.
4. Ivanov R.V. The quality of patriotism in modern Russia // *Sociology*. 2019.No 4.P. 21-26.
5. Ivanov R.V. Extremist sentiments of youth: myths and realities of a provincial region // *Sociology*. 2019.No 1. S. 130-135.
6. Polyushkevich O.A. Family history as a social practice // *Sociology*. 2019.No 3. S. 88-92.
7. Polyushkevich O.A. Territorial identity and problems of toponymy in Irkutsk // *Sociology*. 2019.No 2.P. 250-256.
8. Skudenkov V.A. Change of ideas about success and prosperity in the minds of Russians (from 2014 to 2017) // *Sociology*. 2018. No. 2. P. 118-122.
9. Skudenkov V.A. Economic claims in the structure of student youth patriotism // *Alma mater (Bulletin of higher education)*. 2018. No. 2. P. 82-84.

Патриотизм и антипатриотизм как причины конфликта идентичностей в современном российском обществе

Козырев Геннадий Иванович

доктор социологических наук, профессор кафедры политической социологии Российского государственного гуманитарного университета, профессор кафедры социологии Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева, genkozgr@mail.ru

В статье рассматриваются различные представления о патриотизме, его видах и уровнях, а также причины роста патриотических настроений в современном российском обществе. Выявляются линии конфликтных противоречий по различным аспектам актуализации патриотизма в России, которые, по сути, являются индикаторами конфликта идентичностей в российском социуме. Определяются социальные группы – антипатриоты и их негативное влияние на развитие страны. Анализируется качество российского патриотизма или его функционально-деятельностная составляющая. Делается вывод о том, что почти по каждому, актуализируемому властями структурному элементу патриотизма существуют конфликтные противоречия между властью и обществом.

Ключевые слова: патриотизм, антипатриотизм, структура и виды патриотизма, факторы актуализации патриотизма, конфликт идентичностей, качество патриотизма.

Актуальность проблемы. В сложные, критические для общества-государства времена от соотношения в нём патриотов и антипатриотов (предателей) зависит его судьба. Так было в России и в Смутное время в начале XVII века (1604-1612 гг.), и в феврале-октябре 1917 г., и в смутных 1990-х гг. Не менее остро стоит эта проблема и в настоящее время.

Капиталистический строй в эпоху глобализма, антипатриотичен по своей сущности. Ибо капитал, особенно крупный, в поисках наибольшей прибыли, стремится разрушить все национальные границы, поэтому для него национально ориентированные государственники патриоты – враги. Но для большей части мелкой и средней буржуазии необходима защита государства, как от внешней конкуренции, так и от внутренней нестабильности. Поэтому буржуазию любой капиталистической страны можно условно разделить на два основных вида: национально ориентированную – патриотическую и компрадорскую – антипатриотическую. И от того, представители какой буржуазии захватили власть в стране, зависит внешняя и внутренняя политика государства.

Наглядным примером правления компрадорской буржуазии в России является Временное правительство 1917 г., свергнутое большевиками. В 1990-е годы компрадорская буржуазия взяла своего рода реванш и с тех пор она управляет страной. Подобная ситуация сложилась и в большинстве европейских государств. А в США уже несколько лет мы наблюдаем небывалый в истории страны конфликт между национально ориентированной буржуазией во главе с президентом Трампом и компрадорской буржуазией, интересы которой представляет демократическая партия

США. Выход Великобритании из ЕС – тоже одна из форм конфликта патриотов и антипатриотов.

В настоящее время и в России идет явная и скрытая борьба между патриотами и антипатриотами. А Президент РФ Путин в своих публичных выступлениях на вопрос о национальной идее, которая формально у нас никак не обозначена, ответил, что нашей национальной идеей является *патриотизм*. Таким образом, вопрос о патриотизме поставлен на уровень государственной политики. В частности, на “патриотическое воспитание” и “формирование гражданской идентичности” в федеральном бюджете на 2020 год заложены 26 миллиардов рублей.

Считаю, что патриотизм не может быть национальной идеей, ввиду того, что он характеризует качественное состояние любого общества. А национальная идея должна определять стратегические цели развития страны. Но в целом я за патриотизм, который является важнейшим качеством социума, необходимым для его сохранения и развития.

Цель моего исследования – выявление конфликтных противоречий, условно разделяющих российский социум на патриотов и антипатриотов.

Понятие и сущность патриотизма.

Патриотизм – это социально-психологическое и эмоционально-нравственное чувство принадлежности к родине (стране, своему народу) в которой человек родился, проходил социализацию или считает своей по зову крови. Это гордость за ее успехи и переживания за неудачи; это действия и поступки, способствующие процветанию отечества и готовность жертвовать своими интересами и даже жизнью ради его благополучия в настоящем и будущем.

Виды (типы) патриотизма. В зависимости от уровня развития политической культуры можно выделить следующие виды патриотизма: *патриархальный* – свойственный крестьянской общине; *подданнический* – характерный

для населения централизованного монархического государства и авторитарного режима; *гражданский* – присущий свободным гражданам демократического общества. Правящий класс в современной России навязывает обществу *имперский, государственно-религиозный* тип патриотизма, используемый им как средство легитимации своей власти.

Патриотизма может иметь и классовую составляющую. Например, одним из призывов в Великую Отечественную войну был “За нашу социалистическую Родину!”. С учетом нынешнего капиталистического состояния России, аналогичный призыв должен звучать “За нашу капиталистическую Родину!”. Такой призыв, по моему мнению, большинством россиян будет восприниматься как черный юмор или издёвка, а не как призыв к защите Отечества.

Структура патриотизма. С точки зрения анализа и оценки реальных социальных институтов, которые в той или иной степени ассоциируются в общественном сознании с патриотизмом, можно выделить следующие его составляющие:

1. *Отечество (Родина)* с которым ассоциируются определенная страна-территория и соотечественники с их культурой, языком и менталитетом.

2. *Идеологическая* составляющая патриотизма определяется господствующей в обществе-государстве идеологией. В царской России это было православие, в СССР – марксизм-ленинизм, в настоящее время – это попытки правящего класса навязать россиянам неолиберальные ценности Запада и актуализировать религию.

3. *Государственная* составляющая патриотизма – это, прежде всего, «государство» как институт власти и его легитимность. Нередко государственность ассоциируется с лидером страны – царём, вождем, президентом.

4. *Функционально-деятельностная* составляющая патриотизма проявляется в конкретной деятельности и поступках людей, целью которых является

защита и процветание своего Отечества.

Каждая эпоха выдвигает свои призывы, в концентрированном виде выражающие структуру патриотизма и факторы его актуализации. В царской России это призыв “За Веру, Царя и Отечество!”, совмещавший в себе идеологию, государственность и Отечество. В период гражданской войны и международной интервенции В.И. Ленин выдвинул лозунг “Социалистическое отечество в опасности!”, подчеркивая классовый характер патриотизма. В СССР во время Великой отечественной войны основным лозунгом-призывом к атаке был “За Родину, за Сталина!”. Сталин в этом призыве олицетворялся и с идеологией и с государственностью. Да и сейчас для многих россиян сталинизм является своего рода идеологией или символом справедливого социалистического отечества. Возможно, поэтому в пику сталинизма нынешние идеологические стратеги правящего класса пытаются внедрить в сознание Россиян такое понятие как “путинизм”, которое никак не приживается в общественном сознании россиян. Поэтому призыв “За Родину, за Путина!” пока не актуален.

Причины роста патриотических настроений в России. В последние годы наметился явный рост патриотических настроений. Это обусловлено следующими факторами:

1. Общим разочарованием россиян в либеральных ценностях западного образа жизни и актуализацией своих традиционных, в том числе и социалистических ценностей.

2. Укреплением российской государственности и усилением позиций России в глобальном мире, в том числе и за счет возвращения в состав России Крыма.

3. Активностью официальной патриотической пропаганды, в том числе и актуализацией образа внешнего врага.

Всё это способствовало тому, что по опросам Фонда “Общественное мнение”, с апреля 2014 г. по июнь 2019-го уровень патриотизма вырос с 64 до 73%¹. Но эти цифры-проценты весьма условны, так как реальный патриотизм проявляется в деятельности и поступках людей.

Идеи патриотизма актуализируются на государственном уровне частью правящего класса и особенно президентом В.В. Путиным. Но актуализируемый властями патриотизм не всегда и не в полной мере совпадает с представлениями о патриотизме большинства россиян. Эти различия и являются одной из причин конфликта идентичностей в современном российском обществе.

Линии конфликта идентичностей по проблемам актуализации патриотизма:

1. Отечество и соотечественники.
2. Российская (русская) культура.
3. Религия как фактор патриотизма.
4. Государство как общенародный институт власти.
5. Историческое прошлое как фактор патриотизма.
6. Советское прошлое как предмет конфликта идентичностей.
7. Настоящее и будущее России как факторы патриотизма и антипатриотизма.
8. Образ внешнего врага как фактор актуализации патриотизма.

Рассмотрим каждую из перечисленных линий, разделяющих конфликтующие стороны, подробнее.

1. Отечество и соотечественники. Каждое, патриотически настроенное Правительство стремится консолидировать и защитить своих соотечественников. Например, такие страны как Германия, Польша, Венгрия, Румыния, Израиль и др., создают благоприятные условия для возвращения своих соотечественников на историческую Родину. Но только не Россия.

¹ Число патриотов в России выросло – ФОМ. URL: http://rapsinews.ru/incident_news/20190614/300495418.html (дата обращения: 23.01.2020).

Пришедший к власти в начале 1990-х годов правящий класс проводит явную антипатриотическую русофобскую политику. Так, после распада СССР на территориях постсоветского пространства осталось более 25 млн. русских, которые столкнулись с русофобией, что послужило причиной их возвращения на свою историческую родину. Но из более 6,5 млн. русских, пытавшихся вернуться в Россию с 1991 по 2000 гг., около 2-х млн. вынуждены были уехать назад или в другие страны из-за русофобской миграционной политики Правительства РФ. С точки зрения здравого смысла или элементарного гуманизма понять такую изуверскую политику невозможно. А сточки зрения целенаправленного замещения коренного населения страны на инокультурных, и по объективным причинам менее патриотически настроенных в отношении России мигрантов, можно.

И только в октябре 2018 г., под давлением общественности, Президент РФ подписал Указ о концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 года, облегчающий получение российского гражданства бывшим соотечественникам.

2.Российская (русская) культура. Известный русский писатель Юрий Поляков в своей книге “Желание быть русским” поднял давно назревшую тему о защите русского мира в современной России. В частности, он актуализирует следующие вопросы: почему русский народ, являясь государствообразующим, не является эфиромобразующим в своем Отечестве? Почему презрение к стране, к российской государственности, и явная русофобия стали своего рода маркерами премиальной литературы? Почему творчество писателей и других деятелей культуры “русского направления” искусственно замалчивается или вытесняется на периферию об-

щественного сознания? Почему на детских и взрослых телепередачах “Голос” и других подобных, подавляющее количество песен звучат на английском языке?

Сейчас на телеканалах часто показывают фильм-сказку “Последний богатырь”. При этом рекламируют его как “русскую” и чуть ли не “народную”, но две песни (а их всего две), звучащие по ходу фильма, озвучены на английском языке. Получается какой-то абсурд – сказка русская, а песни английские. Но кому-то это надо, чтобы у ребенка возник диссонанс в выборе языка общения, а по сути – в менталитете. Невозможно представить, чтобы Арина Родионовна рассказывала бы маленькому Александру Пушкину русские народные сказки, в которых герои сказок пели бы на модном тогда в России французском языке².

На наших экранах показывают голливудские фильмы, в которых русские, советские и коммунисты предстают перед зрителем настоящим ишчадием ада. А с телеэкранов льется жесткий криминал и низкопробная пошлятина, очевидно, с целью дискредитации традиционных ценностей и деградации россиян. И кто-то на государственном уровне все это позволяет делать и даже финансирует, несмотря на возмущения патриотически настроенной общественности.

3.Религия как фактор патриотизма. В Конституции РФ статья 13, пункт 2 говорится: “Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной”. Такая формулировка снимает с правящего класса обязанности объяснять российскому народу стратегические цели и приоритеты развития России, или, другими словами, говорить о том, какое Отечество мы строим. Но патриотизму необходимо идеологическое обоснование образа будущего. Поэтому

² Козырев Г.И. Субъектность русской интеллигенции в защите русского мира / Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей XX Международ. теоретико-методолог. конференции,

РГГУ, 9 апр. 2019 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — М.: РГГУ, 2019. С. 257-265.

чтобы заполнить идеологический вакуум в структуре патриотизма, правящий класс стремится актуализировать религиозные чувства россиян. За последние 10 лет в стране открылись примерно 30 тысяч православных храмов.

Официальная Церковь во главе с Патриархом всячески поддерживает правящий режим, а первые лица государства – публично демонстрируют свою набожность. И это неспроста. Любая религия, согласно социологическим исследованиям, делает людей более терпимыми к власти. Так, если среди неверующих не довольных властью 77% респондентов, среди верующих без конфессии – 73%, среди верующих православных – 71%, среди верующих мусульман – 67%³. В каждой из перечисленных групп количество недовольных властью составляет абсолютное большинство, но разница в 10% между неверующими и верующими мусульманами, оправдывает усилия власти по актуализации религиозных чувств.

Но, несмотря на усилие правящего класса и духовенства по актуализации религиозных чувств, лишь для 6% россиян религия играет «Очень важную» роль в жизни, для 28% – «Довольно важную», для 40% – «Не слишком важную» и для 22% – «Не играет никакой роли»⁴. Следовательно, религия не может в полной мере стать идеологической составляющей патриотизма. Напротив, её навязчивая актуализация у многих россиян вызывает раздражение и протест.

4. Государство как общенародный институт власти. Косвенно оценить готовность россиян отстаивать устои государства можно по легитимности основных его институтов. Так, по данным «Ле-

вада-Центра» в декабрь 2019 года деятельность президента В.В. Путина одобряли 68% россиян, а 31% – не одобряли. Деятельность премьер-министра Д.А. Медведева одобряли 38%, не одобряли – 61%. Деятельность Правительства РФ в целом одобряли 44% опрошенных, не одобряли – 54%. Работу Государственной Думы РФ одобряли 40% россиян, не одобряли – 58%⁵. В целом же 72% россиян считают, что интересы власти и общества не совпадают⁶.

Приведенные данные «Левада-Центра», коррелируются с результатами исследования Центра независимой общественной экспертизы «АКСИО» за июнь-июль 2019 года. По данным этого исследования 72% россиян не удовлетворены отношением власти к народу; а удовлетворены лишь 10% и 18% затруднились ответить⁷.

Следовательно, и в таком факторе патриотизма как «Государство», а вернее – правящий режим, существует глубокий раскол между обществом и властью, который частично компенсируется высоким рейтингом одобрения деятельности президента В.В. Путина. Но в критической ситуации типа февраля-октября 1917 года, штыки «народного гнева» могут быть направлены не на внешнего врага, а на ненавистное правительство.

5. Историческое прошлое как предмет конфликта идентичностей. По данным «Левада-Центра» (декабрь 2018 г.), 53% россиян гордятся своим прошлым, своей историей, тогда как в 1994 году такую гордость высказывали лишь 37% опрошенных. На вопрос «Является ли Россия сегодня великой дер-

³ Появились первые итоги социологического опроса АКСИО-8. URL: <http://ursa-tm.ru/forum/index.php?topic/320760-poyavilis-pervye-itogi-sotsiologicheskogo-oprosa-aksio-8/> (дата обращения: 12.01.2020).

⁴ Общественное мнение. Ежегодник – 2016. М: Левада-Центр, 2017. С. 166.

⁵ Одобрение органов власти. URL: <https://www.levada.ru/indikatoriy/odobrenie-organov-vlasti/> (дата обращения: 11.01.2020).

⁶ Левада-Центр. Почти три четверти россиян говорят о несовпадении интересов власти и общества. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/28/ochti-tri-chetverti-rossiyan-govoryat-o-nesovpadenii-interesov-vlasti-i-obshhestva/> (дата обращения: 11.01.2020).

⁷ Появились первые итоги социологического опроса АКСИО-8. URL: <http://ursa-tm.ru/forum/index.php?topic/320760-poyavilis-pervye-itogi-sotsiologicheskogo-oprosa-aksio-8/> (дата обращения: 12.01.2020).

жавой?”, 75% россиян ответили “определённо да” или “скорее да”, тогда как в 1994 году такого мнения придерживались лишь 31% опрошенных. То есть, рост более чем в 2,5 раза.

В рейтинге событий и достижений первое место занимает ответ “Победа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» – 87%. На втором месте “Ведущая роль страны в освоении космоса” – 50%, а на третьем “Возвращение Крыма в состав Российской Федерации” – 45%¹.

Более неоднозначно оценивается россиянами Октябрьская Социалистическая революция 1917 года. 48% респондентов оценили её в апреле 2017 г. (в 100-летнюю годовщину) положительно, а 31% – негативно². Приведённые данные свидетельствуют о классовых противоречиях в оценке прошлого и о том, что в этой оценке социалистическая ориентация россиян является доминирующей.

6. Советское прошлое как предмет конфликта идентичностей. В актуализации героического прошлого правящий класс основную ставку делает на Великую Отечественную войну как интегрирующий всех россиян фактор. При этом он (правящий класс) пытается умалить, а то и очернить многие исторические достижения советского народа в период социалистического строительства и увековечить память разрушителей и очернителей СССР. Что вызывает у многих россиян негативную реакцию.

Так строительство в Екатеринбурге помпезного и дорогостоящего “Ельцин-центра”, по данным аналитической службы Рамблера (октябрь 2019), раскололо российское общество на 91%

противников такого “памятника” ненавистному большинству россиян президенту, предавшему интересы страны и 5% сторонников “центра”³. А на попытку пытку властей открыть подобный центр в Москве, москвичи ответили массовыми митингами протеста с лозунгами: “Героиизации предателей родины – НЕТ!”⁴.

Весьма неоднозначной личностью в плане очернительства советского прошлого является писатель А.И. Солженицын. В своих произведениях он восхищается перешедшим на сторону вермахта в годы Великой Отечественной войны генералом Власовым, с почтением относился к украинским бандеровцам. Поэтому установление памятника Солженицыну в Москве и в других городах России, стало очередной причиной конфликта идентичностей. А ростовчане в 2017 году, путем протестных акций и сбора подписей под петицией с говорящим названием “Ростов против памятника предателю!”, добились отмены установки памятника Солженицыну в своем городе⁵.

Очернители советского прошлого в лице правящего класса и либеральной оппозиции в последние годы терпят неудачу. Так по данным опроса “Левада-Центра” за декабрь 2018 г., 66% россиян сожалеет о распаде СССР⁶. А рейтинг одобрения деятельности Ста-

¹ “Русский опрос от Левады”: Чем мы гордимся и чего стыдимся. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Ftsargrad.tv%2Farticles%2Fruskij-opros-ot-levady-chem-my-gordimsja-i-chego-stydimsja_179177

² Почти половина россиян положительно оценила революцию 1917 года. URL: <https://www.interfax.ru/russia/557046> (дата обращения: 08.01.2020).

³ Россияне высказались о “Ельцин Центре”. URL: <https://news.rambler.ru/community/42958714-rossiyane-vyskazalis-o-eltsin-tsentre/> (22.01.2020).

⁴ Протесты против строительства Ельцин-Центра в Москве. URL: <https://www.yaplakal.com/forum2/topic1908796.html> (22.01.2020).

⁵ Ростовчане добились отмены установки памятника Солженицыну. URL: <https://ledy-lisichka.livejournal.com/3002199.html> (22.01.2020).

⁶ Жаль, что развалился: россияне затосковали по СССР. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/12/19/12100009.shtml> (дата обращения: 10.01.2020).

лина, как руководителя страны, в апреле 2019 года достиг 70%¹. 77% молодежи хотят, чтобы памятники Сталину стояли в российских городах².

7. Настоящее и будущее России как факторы патриотизма. Интересные изменения произошли в последние годы с таким показателем для гордости как “Моральные качества русского человека: простота, терпение, стойкость”. Так, если в 1999 году этот пункт выбрали 45% россиян, то в конце 2018 – 32%. Очевидно, быть простым и терпеливым многим “русским” расхотелось. Также значительно снизилось количество россиян, которые для гордости выбрали такой показатель как “Стабилизация положения страны при Владимире Путине, рост экономики”. С 2008 года по 2018 этот показатель снизился с 32% до 18%. Минус 14%.

Большинство россиян испытывают стыда за нереализованные возможности. 61% респондентов выбрали вариант ответа “Великий народ, богатая страна, а живём в вечной бедности и неустроенности”; 45% россиян стыдятся разрушения СССР; 37% выбрали вариант ответа “Грубость нравов, хамство, неуважение людей друг к другу”³.

На улучшение жизни в будущем, по данным опроса ФОМ (июнь 2019), надеются лишь 16% респондентов. 43% россиян ответили, что не ждут улучшений, но и хуже жизнь не станет. А 26% считают, что жизнь в стране станет хуже⁴. На вопрос “Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?”, 54% респондентов ответили “Нет» и 41% – “Да”⁵.

¹ Уровень одобрения Сталина россиянами побил исторический рекорд. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/04/2019/5cb0bb979a794780a4592d0c> (дата обращения: 10.01.2020).

² У россиян проснулась тяга к Сталину. URL: <https://www.kp.ru/daily/26707/3732227/> (дата обращения: 22.01.2020).

³ “Русский опрос от Левады”: Чем мы гордимся и чего стыдимся. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Ftsargrad.tv%2Farticles%2Fruskij-opros-ot-levady-chem-my-gordimsja-i-chemo-stydimsja_179177

⁴ Боязнь будущего: что россияне ожидают от завтрашнего дня. URL: <http://actualcomment.ru/bojazn-budushchego-cto-rossiyane-ozhidayut-ot-zavtrashnego-dnya-1906081132.html> (дата обращения: 11.01.2020).

Следовательно, большинство россиян не довольны настоящим и не уверены в светлом будущем своего Отечества.

8. Образ внешнего врага как фактор актуализации патриотизма.

Актуализация образа внешнего врага является одним из способов повышения легитимности власти и роста патриотических настроений в обществе. Так, в марте 2015 г., в период обострения международных отношений, рейтинг доверия Президенту РФ повысился с 72% до 80%, а Правительству РФ – с 48% до 62%⁶. В октябре 2014 г., по опросам ВЦИОМ, рост патриотических настроений россиян достиг своего максимума за последние годы – 80%. При этом 65% респондентов поддержали бы решение своих близких пойти на войну в случае необходимости, 56% выразили готовность в такой ситуации оказать ту или иную финансовую помощь⁷.

Следовательно, политическому режиму выгодна актуализация образа внешнего врага. Такого мнения придерживаются 29% россиян. Но 58% считают, что России действительно угрожают многочисленные внешние и внутренние враги⁸.

Но держать общество в постоянном напряжении путем актуализации образа внешнего врага, весьма сложно. Очевидно, по этой причине количество россиян считающих, что у России есть враги, снизилось с сентября 2014 г. по ноябрь 2016 г. с 84 до 66%, а тех, кто отрицает наличие врагов, увеличилось с 8

⁵ Мониторинг перемен: основные тенденции // Вестник общественного мнения. № 1-2 (128) январь-июнь 2019. С. 7.

⁶ Козырев Г.И. Образ внешнего врага как фактор легитимации политического режима в современной России // Социологические исследования. М. 2018. № 1. С. 55.

⁷ ВЦИОМ: уровень патриотизма россиян в июне 2016. URL: <https://mresearcher.com/2016/06/mtsion-uroven-patriotizma-rossiyan-v-iyune-2016.html> (дата обращения: 14.06.2017).

⁸ Число граждан, считающих, что у России есть враги, заметно снизилось. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/01/16/673078-est-vragi-snizilos> (дата обращения: 04.02.2020).

до 21%¹. Сократилось и количество россиян, считающих себя патриотами. Так, по опросам Фонда “Общественное мнение”, если в апреле 2014 года патриотами считали себя 75% респондентов, то в июне 2019 – 73%. Хотя в целом с декабря 2012 года уровень патриотизма россиян вырос на 9%².

Антипатриоты. Данную категорию людей необходимо разделить на две социальные группы. В первую входят так называемые “люди мира”, которые убеждены, что “игра в патриотизм” ограничивает коммуникативные возможности людей в современном мире. Они не являются противниками патриотов и своей страны, поэтому не являются предметом нашего исследования. Во вторую социальную группу антипатриотов входят явные и скрытые враги Отечества. Это, прежде всего:

1.Компрадорская буржуазия, которая ведет предпринимательскую и коммерческую деятельность вопреки национальным интересам “своей” страны и вывозит полученный капитал за рубеж.

2.Чиновники и депутаты всех уровней власти, находящиеся на службе у компрадорской буржуазии, имеющие незаконные доходы и стремящиеся вывести их для сохранности за рубеж.

3.Либералы-западники, считающие Западный мир идеалом общественного устройства, а Россию, отсталой, варварской страной, недостойной их любви и заботы.

4.Пятая колонна – скрытые враги Отечества, работающие в интересах враждебных по отношению к России стран.

Рассмотрим каждую из перечисленных социальных групп подробнее.

1.Компрадорская буржуазия. Выше уже говорилось, что с начала 1990-х гг. власть в России захватила в

целом компрадорская антипатриотическая буржуазия. Избранный на пост Президента РФ В.В. Путин (2000 г.) неоднократно предпринимал попытки (похожие на имитацию) «национализации» российской буржуазии, например, предложениями возвращения в Россию вывезенного за рубеж капитала. Но доминирующая сила в политической системе РФ находится на стороне компрадорской буржуазии. Поэтому в стране создаются благоприятные условия для развития сырьевой экономики, обогащения олигархов-монополистов и вывоза капитала за рубеж. А для ведения национально ориентированного бизнеса надлежащие условия, в основном, отсутствуют.

Так, по результатам опроса экспертов, проведенного специалистами лаборатории прикладной политологии и социологии челябинского филиала РАН-ХиГС, 58,8% респондентов считают, что государственная власть в России защищает интересы крупного финансового, торгового и промышленного капитала. 52,9% экспертов считают, что власть защищает свои собственные интересы; 41,2%, – интересы правящей элиты; 23,5% – интересы бюрократии; 17,6% – интересы армии и силовых структур. При этом такие варианты, как малый и средний бизнес, пенсионеры, рабочий класс и крестьянство, а также бедные – не выбрал ни один из экспертов³.

2.Чиновники и депутаты – антипатриоты. Наибольшую опасность для государственного суверенитета и экономического благополучия России представляют чиновники и депутаты, которые подолгу службы должны защищать государственные интересы, а на деле являются антипатриотами. По сути, мы имеем дело с таким социально-политическим и морально-нравственным фе-

¹ Россияне назвали главных врагов страны. URL: <https://www.levada.ru/2018/01/10/rossiyane-nazvali-glavnyh-vragov-strany/> (дата обращения: 23.01.2020).

² Число патриотов в России выросло – ФОМ. URL: http://rapsinews.ru/incident_news/20190614/300495418.html (дата обращения: 23.01.2020).

³Челябинские социологи выяснили, кого защищает государственная власть. URL: <http://chelyabinsk.bezformata.ru/listnews/zashishaet-gosudarstvennaya-vlast/47293899/> (дата обращения: 10.01.2017).

номеном как “патриоты-предатели”, которые в публичном пространстве призывают других к патриотизму, а в реальности не связывают своё будущее с Россией. В ней они видят лишь временный источник личного обогащения. Многие из них имеют двойное гражданство или вид на жительство, в том числе и в странах, враждебно настроенных по отношению к России. В этих “враждебных” странах учатся их дети, и проживают их семьи. Так в мае 2019 года в соцсетях были опубликованы списки из 43 человека – губернаторов, депутатов и членов правительства, имеющих второе гражданство или вид на жительство в других странах¹.

Двуличие и лицемерие чиновников и депутатов – антипатриотов к началу 2020-го г. стало одним из основных раздражителей в российском обществе. Очевидно, под давлением общественного мнения, Президент РФ в своем послании Федеральному Собранию (15.01.2020 г.), предложил внести в Конституцию РФ в качестве одной из поправок, положение о недопустимости наличия двойного гражданства или вида на жительство в другой стране лицам, занимающим важные государственные должности. Данную поправку можно было бы принять за эпизод в борьбе между государственниками и компрадорами во властных структурах, если бы Президент РФ в своем послании предложил радикальные изменения в экономической политике государства. А так эта поправка выглядит как отвлекающий маневр или подачка недовольному компрадорской политикой государства плембсу.

3. Либералы-западники. Это люди, открыто охаивающие и обвиняющие во всех грехах Россию, как советскую, так и современную. Они ненавидят СССР, желают неудачи современной России, восхищаются Западом, считают, возвращение Крыма в состав России незаконным.

Общее их количество невелико. На выборах в Госдуму их партии набирают примерно 2-3% голосов, так как подавляющее большинство россиян отвергают их взгляды и ценности. Но находясь во властных структурах, в СМИ, в системе образования и в институтах культуры, они оказывают значительное влияние на общую политику государства, особенно на воспитание молодежи.

4. Пятая колонна. Если либералы-западники по своей сути являются открытыми, идейными антипатриотами, то пятая колонна – это скрытые враги Отечества, осознанно работающие на его противников. В общественном сознании представители пятой колонны ассоциируются с «иностранными агентами». Они могут находиться и в составе правительства, и в Парламенте РФ, и в других органах и организациях РФ.

В публичном дискурсе, нередко, либералов-западников отождествляют с пятой колонной из-за схожести методов их борьбы с российской государственностью и национально-патриотическими силами России. А также за всестороннюю поддержку этих двух антипатриотических организаций со стороны их западных покровителей. Да и в реальной жизни скрытый предатель Родины может позиционировать себя как идейный представитель либералов-западников. Но с теоретической точки зрения их идентификация не корректна.

С точки зрения защиты Отечества, с идейным инакомыслием необходимо бороться в открытых дискуссиях и в образовательной среде. А со скрытыми врагами Отечества – путём их выявления, разоблачения и привлечения к ответственности. Но проблема в том, кого правоохранные органы РФ идентифицируют в качестве “пятой колонны” – реальных врагов Отечества или критиков правящего режима. Так, по данным “Левада-Центра” (ноябрь 2015),

¹В Сеть попали новые списки чиновников, которые имеют второе гражданство. URL:

<https://fishki.net/2971970-v-cety-popali-novye-spiski-chinovnikov-kotorye-imejut-vtoroe-grazhdanstvo.html> (дата обращения: 23.01.2020).

41% россиян считают, что борьба властей с пятой колонной полностью оправдана, а 25% – подобная борьба это попытка режима защитить себя от критики со стороны общества, и что в стране нет никакой “пятой колонны”¹.

5. Вынужденные антипатриоты. К данной социальной группе относятся те россияне, которые в силу независимых от них обстоятельств, вынуждены на время или навсегда покинуть Россию. Так, по данным Росстата, с 2012 по 2017 год включительно, Россию покинули 1 миллион 700 тысяч человек. Это рекордный показатель за последние пять лет. По сравнению с 2012 годом число эмигрантов из России выросло более чем в три раза. При этом активизация оттока наблюдалась зимой 2014 года, в разгар военного конфликта на Украине и в марте 2018-го, после очередной победы В.В. Путина на выборах Президента РФ и назначения им “старого” Правительства РФ во главе с Д.А. Медведевым.

Но исследователи издания “Проект” (2018 г.) считают, что данные Росстата существенно занижены. Они сравнили эти данные с количеством эмигрировавших россиян, которое зафиксировали ведомства принимающих стран и пришли к выводу, что реальное число россиян, покинувших страну, на 2017 год, составляет 10,6 млн. человек. Наибольшее количество выезжающих – люди в возрасте 30-34 лет. Следующей по эмиграционной активности является возрастная группа 25-29 лет.

В качестве основных причин эмиграции 42% респондентов назвали “Лучшие условия жизни, обустроенность быта за рубежом”, 41%, – “Нестабильная экономическая ситуация в России”,

28% – “Желание обеспечить детям достойное и надежное будущее”, 14% – “Отсутствие в России защиты от произвола властей, чиновников”².

В ноябре 2019 года, по данным “Левада-Центра”, в целом 21% россиян высказали желание уехать из России. При этом среди молодежи в возрасте от 18 до 24 лет желающих покинуть Родину 53%. Понятно, что эмиграционные настроения по большей части не реализуются, но они являются одним из показателей неблагополучия в стране³.

В конфликтологии одним из методов конфликтного поведения является “уход от конфликта”. Он, как правило, используется более слабой, неуверенной в своих силах стороной или при явном доминировании противника. Но конфликтная ситуация налицо. И если реальные и потенциальные противники существующего в России режима покидают страну, то режиму это выгодно. Их замещают более лояльными (пока) мигрантами из других стран.

Качество российского патриотизма или его функционально-деятельностная составляющая. Наряду с ростом в последние годы патриотических чувств, наблюдается изменение качества патриотизма в российском обществе. Во-первых, он стал более лично ориентированным, эгоистичным. И призыв советских времен “Раньше думай о Родине, а потом о себе!», с нынешним патриотизмом плохо сочетается. Так в октябре 2019 г. готовность брать ответственность за свою семью, высказали 90% россиян, а за свою страну – лишь 29%⁴.

Во-вторых, патриотизм стал более “мягким” с точки зрения требований к соблюдению определенных принципов. Так, 63% респондентов полагают, что

¹ Левада-центр: отношение россиян к “пятой колонне”. URL: <https://mresearcher.com/2015/12/levada-centr-otnoshenie-rossiyan-k-pyatoy-kolonne.html> (дата обращения: 23.01.2020).

² Росстат отчитался о рекордном числе уехавших из РФ в 2017 году. URL: https://pikabu.ru/story/rosstat_otchitalsya_o_rekordnom_chisle_uekhavshikh_iz_rf_v_2017_godu_6433802 (дата обращения: 27.01.2020).

³ “Левада-центр”: 53% молодых россиян хотят уехать из страны. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/11/26/817166-53-rossiyan-let-hoteli-bi-uehat-iz-strani> (дата обращения: 27.01.2020).

⁴ Отвечай и властвуй: россияне могут влиять на семью, но не на работу. URL: <https://iz.ru/934478/natalia-bashlykova/otvechai-i-vlastvui-rossiiane-mogut-vliiat-na-semiu-no-ne-na-rabotu> (дата обращения: 07.02.2020).

можно быть патриотом, но работать в иностранной фирме, 62% считают, что переезд в другую страну может сочетаться с патриотизмом, 52% – уверены, что брак с иностранцем не повод считать человека антипатриотом¹.

В-третьих, функционально-деятельностная составляющая патриотизма россиян в большей степени проявляется не в защите своих личных и национальных интересов, а в декларативных заявлениях, патриотических шествиях, различного рода исторических реконструкциях и в бегстве от проблем за рубеж.

Определенная активизация гражданской активности россиян произошла в 2019 г. Так, если обычно готовность к участию в экономических протестах в защиту своих интересов высказывают 17-20% респондентов, то в мае 2019 г. такую готовность высказывали 26-28%. О готовности выйти на акции протеста с политическими требованиями заявили 22% россиян. Наиболее резонансными протестными акциями в 2019 г. стали протесты против строительства в Екатеринбурге в сквере храма и устройства мусорного полигона в Архангельской области².

Но, несмотря на относительный рост протестной активности в 2019 г., абсолютное большинство россиян (более 70%) “скорее всего” не готовы принять участие в акциях протеста в защиту своих экономических и политических интересов. И это несмотря на то, что большинство из них не довольны политикой государства, в том числе и в трактовке правящим классом идей и форм патриотизма.

Такая функционально-деятельностная составляющая патриотизма свидетельствует о доминировании в россий-

ском обществе патриархального и подданнического типа патриотизм. Так, на заданный в декабре 2019 г. вопрос “Левада-Центра”, “Кому бы вы отдали свой голос на выборах в Госдуму, если бы они состоялись в ближайшее воскресенье?”, 24% опрошенных заявили, что не стали бы голосовать, 29% отдали бы свои голоса партии власти – “Единой России”, 9% – КПРФ, 8% – ЛДПР³. Парадокс подданнического сознания состоит в том, что люди недовольные властью, голосуют за эту же власть.

Заключение. Прделанный анализ различных аспектов патриотизма и антипатриотизма в современной России позволяет сделать следующие выводы:

1. В последние годы в России наблюдается обострение конфликтных противоречий между патриотически настроенным большинством, составляющим не менее 70%, и антипатриотическим меньшинством (примерно 3-5%).

2. Антипатриоты, несмотря на свою малочисленность, во многом определяют экономическую политику страны, контролируют государственные СМИ, систему образования и институты культуры.

3. Правящий класс, в основном представляющий интересы крупного монополистического капитала, также разделен на два конфликтующих лагеря: патриотов-государственников и компрадоров. Предложенные Президентом РФ поправки в Конституцию о запрете двойного гражданства – один из эпизодов этого обострившегося конфликта.

4. Актуализируемый президентом В.В. Путиным и государственными структурами патриотизм, в основном представляет собой *имперский, государственно-религиозный* тип патриотизма, используемый правящим режи-

¹ Статистика по патриотизму в России. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.oboznik.ru%2F%3Fp%3D50329> (дата обращения: 07.02.2020).

² У россиян растет готовность участвовать в массовых протестных акциях. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/06/03/803258-rossiyan-gotovnost-protestnih> (дата обращения: 04.02.2020).

³ Опрос показал, за кого россияне проголосовали бы на выборах в Госдуму. URL: <https://ria.ru/20191225/1562818155.html> (дата обращения: 05.02.2020).

мом как средство сохранения и легитимации своей власти. Свидетельством такого утверждения является то, что почти по каждому, актуализируемому властями структурному элементу патриотизма, существуют конфликтные противоречия между властью и обществом, показанные выше.

5. Несмотря на то, что количество патриотически настроенных россиян на конец 2019 г. составляет не менее 70%, и большинство из них являются сторонниками социалистической ориентации, лишь только чуть больше четверти респондентов высказали готовность отстаивать свои экономические и политические интересы. Следовательно, лишь эту четверть россиян, с большой долей условностей, можно отнести к носителям активистского типа патриотизма. А остальных – к патриархальному и подданническому типам.

6. В целом, актуализация Президентом РФ и национально-патриотическими силами различных типов патриотизма, способствовала значительному росту патриотических настроений в обществе и ослаблению позиций антипатриотических сил. Но основной конфликт между этими силами – впереди.

Литература

1. Боязнь будущего: что россияне ожидают от завтрашнего дня. URL: <http://actualcomment.ru/boyazn-budushchego-cto-rossiyane-ozhidayut-ot-zavtrashnego-dnya--1906081132.html> (дата обращения: 11.01.2020).
2. В Сеть попали новые списки чиновников, которые имеют второе гражданство. URL: <https://fishki.net/2971970-v-cety-popali-novye-spiski-chinovnikov-kotorye-imejut-vtoroe-grazhdanstvo.html> (дата обращения: 23.01.2020).
3. ВЦИОМ: уровень патриотизма россиян в июне 2016. URL: <https://mresearcher.com/2016/06/vtsiom-uroven-patriotizma-rossiyan-v-iyune-2016.html> (дата обращения: 14.06.2017).
4. Жаль, что развалился: россияне затосковали по СССР. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/12/19/2100009.shtml> (дата обращения: 10.01.2020).
5. Козырев Г.И. Образ внешнего врага как фактор легитимации политического режима в современной России // Социологические исследования. М. 2018. № 1. С. 55.
6. Козырев Г.И. Субъектность русской интеллигенции в защите русского мира / Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей XX Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 9 апр. 2019 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — М.: РГГУ, 2019. С. 257-265.
7. Левада-центр: отношение россиян к “пятой колонне”. URL: <https://mresearcher.com/2015/12/levada-centr-otnoshenie-rossiyan-k-pyatoj-kolonne.html> (дата обращения: 23.01.2020).
8. “Левада-центр”: 53% молодых россиян хотят уехать из страны. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/11/26/817166-53-rossiyan-let-hoteli-bi-uehat-iz-strani> (дата обращения: 27.01.2020).
9. Мониторинг перемен: основные тенденции // Вестник общественного мнения. № 1-2 (128) январь-июнь 2019. С. 7.
10. Общественное мнение. Ежегодник – 2016. М: Левада-Центр, 2017. С. 166.
11. Одобрение органов власти. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (дата обращения: 11.01.2020).
12. Опрос показал, за кого россияне проголосовали бы на выборах в Госдуму. URL: <https://ria.ru/20191225/1562818155.html> (дата обращения: 05.02.2020).
13. Отвечай и властуй: россияне могут влиять на семью, но не на работу. URL: <https://iz.ru/934478/natalia-bashlykova/otvechai-i-vlastvui-rossiiane-mogut-vliiat-na-semiu-no-ne-na-rabotu> (дата обращения: 07.02.2020).

14. Почти половина россиян положительно оценила революцию 1917 года. URL: <https://www.interfax.ru/russia/557046> (дата обращения: 08.01.2020).
15. Почти три четверти россиян говорят о несовпадении интересов власти и общества. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/28/ochti-tri-chetverti-rossiyan-govoryat-o-nesovpadenii-interesov-vlasti-i-obshhestva/> (дата обращения: 11.01.2020).
16. Появились первые итоги социологического опроса АКЦИО-8. URL: <http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/320760-rojavilis-pervye-itogi-sotsiologicheskogo-oprosa-aksiio-8/>
17. (дата обращения: 12.01.2020).
18. Протесты против строительства Ельцин-Центра в Москве. URL: <https://www.yaplakal.com/forum2/topic1908796.html> (22.01.2020).
19. Россияне высказались о “Ельцин Центре”. URL: <https://news.rambler.ru/community/42958714-rossiyane-vyskazalis-o-eltsin-tsentre/> (дата обращения: 22.01.2020).
20. Россияне назвали главных врагов страны. URL: <https://www.levada.ru/2018/01/10/rossiyanе-nazvali-glavnyh-vragov-strany/> (дата обращения: 23.01.2020).
21. Росстат отчитался о рекордном числе уехавших из РФ в 2017 году. URL: https://pikabu.ru/story/rosstat_otchitalsya_o_rekordnom_chisle_uekhavshikh_iz_rf_v_2017_godu_6433802 (дата обращения: 27.01.2020).
22. Ростовчане добились отмены установки памятника Солженицыну. URL: <https://ledylisichka.livejournal.com/3002199.html> (22.01.2020).
23. “Русский опрос от Левады”: Чем мы гордимся и чего стыдимся. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Ftsargrad.tv%2Farticles%2Frusskij-opros-ot-levady-chem-my-gordimsja-i-chego-stydimjsja_179177 (дата обращения: 07.02.2020).
24. Статистика по патриотизму в России. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.oboznik.ru%2F%3Fp%3D50329> (дата обращения: 07.02.2020).
25. Уровень одобрения Сталина россиянами побил исторический рекорд. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/04/2019/5cb0bb979a794780a4592d0c> (дата обращения: 10.01.2020).
26. У россиян проснулась тяга к Сталину. URL: <https://www.kp.ru/daily/26707/3732227/> (дата обращения: 22.01.2020).
27. У россиян растет готовность участвовать в массовых протестных акциях. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/06/03/803258-rossiyan-gotovnost-protestnih> (дата обращения: 04.02.2020).
28. Челябинские социологи выяснили, кого защищает государственная власть. URL: <http://chelyabinsk.bezformata.ru/listnews/zashishaet-gosudarstvennaya-vlast/47293899/> (дата обращения: 10.01.2017).
29. Число граждан, считающих, что у России есть враги, заметно снизилось. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/01/16/673078-est-vragi-snizilos> (дата обращения: 04.02.2020).
30. Число патриотов в России выросло – ФОМ. URL: http://rapsinews.ru/incident_news/20190614/300495418.html (дата обращения: 23.01.2020).

Patriotism and anti-patriotism as the causes of the conflict of identities in modern Russian society

Kozyrev G.I.

Russian University of Chemical Technology DI. Mendeleeev

The article discusses various ideas about patriotism, its types and levels, as well as the reasons for the growth of patriotic sentiments in modern Russian society. Lines of conflict contradictions are revealed on various aspects of the actualization of patriotism in Russia, which, in fact, are indicators of the conflict of identities in

Russian society. Social groups are defined - anti-patriots and their negative impact on the development of the country. The quality of Russian patriotism or its functional-activity component is analyzed. It is concluded that for almost every structural element of patriotism updated by the authorities, there are conflicting contradictions between the government and society

Key words: patriotism, anti-patriotism, structure and types of patriotism, factors of actualization of patriotism, conflict of identities, quality of patriotism.

References

1. Fear of the future: what Russians expect from tomorrow. URL: <http://actualcomment.ru/boyazn-budushchego-chto-rossiyane-ozhidayut-ot-zavtrashnego-dnya--1906081132.html> (accessed: 01/11/2020).
2. The Network has got new lists of officials who have a second citizenship. URL: <https://fishki.net/2971970-v-cety-popalinye-spiski-chinovnikov-kotorye-imejut-vtoroe-grazhdanstvo.html> (accessed: 01/23/2020).
3. VTsIOM: the level of patriotism of Russians in June 2016. URL: <https://mresearcher.com/2016/06/vtsiom-uroven-patriotizma-rossiyan-v-iyune-2016.html> (accessed: 06/14/2017).
4. It is a pity that it fell apart: the Russians yearned for the USSR. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/12/19/12100009.shtml> (accessed: 01/10/2020).
5. Kozyrev G.I. The image of an external enemy as a factor in the legitimation of the political regime in modern Russia // Sociological studies. M. 2018. No. 1. S. 55.
6. Kozyrev G.I. The subjectivity of the Russian intelligentsia in the defense of the Russian world / The fate of the Russian intelligentsia: past, present, future: Sat. Articles XX International. theoretical and methodologist. conferences, Russian State Humanitarian University, April 9 2019 / under total. ed. J.T. Toshchenko; Russian State Humanitarian University, Sociologist. Fak., Center sociologist. research. - M.: RGGU, 2019.S. 257-265.
7. Levada Center: the attitude of Russians to the "fifth column". URL: <https://mresearcher.com/2015/12/levada-centr-otnoshenie-rossiyan-k-pyatoy-kolonne.html> (accessed: 01/23/2020).
8. "Levada Center": 53% of young Russians want to leave the country. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/11/26/817166-53-rossiyan-let-hoteli-bi-uehat-iz-strani> (accessed: 01.27.2020).
9. Monitoring of changes: main trends // Bulletin of public opinion. No. 1-2 (128) January-June 2019.S. 7.
10. Public opinion. Yearbook - 2016.M: Levada Center, 2017.S. 166.
11. Approval of authorities. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (accessed: 01/11/2020).
12. The survey showed who the Russians would vote for in the State Duma elections. URL: <https://ria.ru/20191225/1562818155.html> (accessed date: 02/05/2020).
13. Answer and rule: Russians can influence the family, but not the work. URL: <https://iz.ru/934478/natalia-bashlykova/otvechai-i-vlastvui-rossiiane-mogut-vliiat-na-semiu-no-ne-na-rabotu> (accessed: 07.02.2020).
14. Almost half of Russians praised the 1917 revolution. URL: <https://www.interfax.ru/russia/557046> (accessed: 01/08/2020).
15. Almost three-quarters of Russians say that the interests of the authorities and society do not coincide. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/28/ochti-trichetverti-rossiyan-govoryat-onesovpadenii-interesov-vlasti-i-obshhestva/> (accessed: 01/11/2020).
16. The first results of the sociological poll AKSIO-8 appeared. URL: <http://ursa-tm.ru/forum/index.php?topic/320760-poyavilis-pervye-itogi-sotsiologicheskogo-oprosa-aksio-8/>
17. (Date of treatment: 01/12/2020).
18. Protests against the construction of the Yeltsin Center in Moscow. URL: <https://www.yaplakal.com/forum2/topic1908796.html> (01.22.2020).
19. Russians spoke about the "Yeltsin Center". URL: <https://news.rambler.ru/community/42958714-rossiyaney-vyskazalis-o-eltsin-tsentre/> (accessed: 01/22/2020).
20. The Russians named the main enemies of the country. URL: <https://www.levada.ru/2018/01/10/rossiyan-e-nazvali-glavnyh-vragov-strany/> (accessed: 01/23/2020).
21. Rosstat reported a record number of people who left Russia in 2017. URL: https://pikabu.ru/story/rosstat_otchitalsya_o_rekordnom_chisle_uekhavshikh_iz_rf_v_2017_godu_6433802 (accessed: 01.27.2020).
22. Rostovites canceled the installation of the monument to Solzhenitsyn. URL:

- <https://ledy-lisichka.livejournal.com/3002199.html> (01/22/2020).
23. "Russian poll from Levada": What we are proud of and what we are ashamed of. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Ftsargrad.tv%2Farticles%2Frusskij-opros-ot-levady-chem-my-gordimsja-i-chego-stydimsja_179177 (accessed: 07.02.2020).
24. Statistics on patriotism in Russia. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.oboznik.ru%2F%3Fp%3D50329> (accessed: 02/07/2020).
25. The level of Stalin's approval by the Russians broke a historical record. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/04/2019/5cb0bb979a794780a4592d0c> (accessed: 01/10/2020).
26. The Russians woke up craving for Stalin. URL: <https://www.kp.ru/daily/26707/3732227/> (accessed: 01/22/2020).
27. Russians are becoming more willing to participate in mass protests. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/06/03/803258-rossiyan-gotovnost-protestnih> (accessed: 02.02.2020).
28. Chelyabinsk sociologists have found out who is protected by state power. URL: <http://chelyabinsk.bezformata.ru/listnews/zashishaet-gosudarstvennaya-vlast/47293899/> (accessed: 01/10/2017).
29. The number of citizens who believe that Russia has enemies has declined markedly. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/01/16/673078-est-vragi-snizilos> (accessed date: 02/04/2020).
30. The number of patriots in Russia has grown - POF. URL: http://rapsinews.ru/incident_news/20190614/300495418.html (accessed: 01/23/2020).

Ресурсный подход к современной технической интеллигенции

Макаренко Екатерина Игоревна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социологии и управления Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ), makarenko_madi@mail.ru

Карелина Екатерина Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного технологического университета "СТАНКИН", opferpriesterin@mail.ru

В статье рассматриваются социальные ресурсы современной технической интеллигенции. На основе базовых характеристик технической интеллигенции (высокий уровень образования, сфера занятости в промышленном производстве и особые культурные и морально-нравственные качества) выделяются интеллектуальные, профессиональные и ценностные ресурсы. Определяются приоритетность и пути их возможной эффективной реализации в современных социально-экономических условиях. Исследование опирается на данные экспертного опроса «Инновационная деятельность технической интеллигенции», проведенного авторами в 2019 г. (51 ед.) Экспертами выступили руководители (начальники отделов) промышленных предприятий и организаций, технических вузов, а также представители общественных промышленных и образовательных ассоциаций.

Ключевые слова: социальные ресурсы, техническая интеллигенция, интеллектуальная безопасность, профессионализм, ценностные ориентации, техническое образование, повышение квалификации

Современная социально-экономическая ситуация, обусловленная пандемией коронавируса и международными нефтяными конфликтами создает огромное поле для дискуссий по поводу дальнейшего движения нашей страны вперед. Необходимо отметить, что Правительство РФ, несмотря на масштабные сложности, связанные с коронавирусом 9 апреля 2020 г. обсудило сводную стратегию развития обрабатывающей промышленности РФ до 2024 года и на период до 2035 года, где предусматривается существенно нарастить экспорт промышленной продукции, несмотря на санкции и временные трудности из-за коронавируса. Однако в настоящее время не ясно насколько существующий кризис будет затяжным и как на фоне сложных экономических реалий будет развиваться промышленная сфера? Какова ее ресурсная социальная база и как ее эффективно задействовать в этой ситуации? Сможет ли современная техническая интеллигенция реализовать свой ресурсный потенциал для развития высокотехнологичного производства и промышленности? Ответ на эти сложные вопросы лежат в плоскости изучения ее ресурсной базы и потенциала, поэтому важным представляется оценить ресурсные возможности технической интеллигенции, чем они обуславливаются и как формируются.

Отечественная техническая интеллигенция как отдельная социальная группа начала формироваться в конце XIX в. и за этот долгий путь прошла основные периоды в своем развитии: (1861 – 1917 гг.) – дореволюционный, (1917- 1991 гг.) – советский и (1991 – по наст. время) – постсоветский. Критерием выделения периодов стало изме-

нение института собственности, экономических, политических и духовных основ жизни общества. Обращаясь к позднему советскому периоду, считаем важным пояснить, что к технической интеллигенции относились, как правило, инженерно-технические работники (ИТР), которые занимали довольно значительное место в общественном производстве как в численном соотношении, так и в плане социального престижа. В 1986 г. среднегодовая численность ИТР в промышленности составляла 5 584 тыс.чел. [1, с.136]. Высокая степень социального престижа представителей советской технической интеллигенции, особенно характерная для поколения ИТР 50-60-х гг. XX в., была обусловлена ее весьма значительной ролью в народном хозяйстве и военно-промышленном комплексе (ВПК) страны в годы расцвета научно-технической революции (НТР).

К современной технической интеллигенции авторы относят *специалистов с высшим техническим образованием, занятых в производстве, а также в сфере разработки интеллектуального продукта для развития науки и техники* [2]. Современная официальная статистика не дает точной цифры численности такого рода специалистов. Но можно указать, что среднегодовая численность работников в промышленном производстве в 2018 г. составила 13 552 тыс.чел. [3]. Специалисты с высшим образованием из них насчитывается порядка 27% (расчеты авторов на основе данных Росстата). Дополнительно отмечаем, что согласно Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности 2 (ОКВЭД-2), принятому в 2015 году, в такой новый вид деятельности как профессиональная, научная и техническая, также включается занятость инженеров-проектировщиков, инженеров-конструкторов и т.п., но сгруппировать их в общей численности занятых и определить процентное соотношение в этой сфере представляется сложным. Однако укажем, что высшее образование в

этой сфере деятельности имеют 73,3% работающих (занятых всего с высшим образованием - 34,2%). Как видим, представители технической интеллигенции довольно значительно представлены в структуре занятых в экономике РФ.

За долгий путь своего социального становления отечественная техническая интеллигенция накопила значительный «багаж» социальных ресурсов. Понятие «ресурсы» довольно широкое и использовалось в советское время в основном экономистами. Акцент делался, как правило, на трудовых ресурсах. В условиях рыночных отношений экономисты связывают ресурсы с производственным процессом и разделяют их на человеческие, природные, предпринимательские. В традициях политиков рассматривать ресурсы как резервы для выделения, перераспределения в масштабах государственных образований. В социологическом плане ресурсы определяются как - (от фр. Ressource – вспомогательное средство) – денежные средства, ценности, запасы, возможности, источники средств дохода [4, с. 303]. Н.Е. Тихонова, А.В. Каравай отдельно выделяют ресурсный подход в социологии, который базируется на западной терминологии ресурсов – «капитала». Ученые выделяют 5 видов ресурсов (капиталов): экономический, властный, социальный, квалификационный и культурный, поскольку, «... именно они играют наиболее значимую роль в жизни населения нашей страны. В частности, под социальным ресурсом населения социологи подразумевают включенность в различные отношения (дружеские, родственные, земляческие и т.д.), обеспечивающие доступ к ресурсам других участников сетей или более эффективное их использование с их помощью собственных [5].

Здесь необходимо важное методологическое пояснение, на которое указывает Г.Г. Силласте: «в западной терминологии социальные ресурсы выстраиваются в систему социального капитала» [6]. Именно в этом заключается

принципиальное различие между рассмотрением социальных ресурсов в отечественном научном поле и в западном, которое оперирует понятием «социальный капитал». Широкоую научную известность представляет теория социального капитала, которая разрабатывалась французским социологом П.Бурдьё. В его работе «Социология политики» указывается на двойственную природу социального пространства, одной из структур которого является «распределение материальных ресурсов и средств присвоения престижных в социальном плане благ и ценностей» («видов капитала» по Бурдьё). Ко второй структуре исследователь относит «символическую матрицу практической деятельности, поведения, мышления, эмоциональных оценок и суждений социальных агентов» [7]. Современный канадский ученый И.Женгра, изучая различные аспекты социологии науки также обращается к этому понятию социального капитала, понимая под ним «полезные отношения в научном поле или других социальных полях» [8, с.67].

Анализируя дискурс ученых по вопросам социальных ресурсов выделим методологию А.В. Дятлова, который определяет два основных методологических направления в этом научном поле: деятельностное и структурное. По его мнению, деятельностная теория основывается на преформированности, предсуществовании социальных ресурсов в стремлениях и ориентациях акторов трансформационного процесса, объективирующих возможности социального самоопределения в новых социальных отношениях. Исходя из деятельностного подхода, социальные ресурсы понимаются им как совокупность потенциальных активностей у населения связанных со становлением социально-инновационного поведения. Структурный подход связывает социальные ресурсы с современным обществом, возможностями для самореализации, творчества, для технологических инноваций, и, соответственно, воспро-

изводство основывается на автономности институциональных сфер [9]. На основе комплементарности двух направлений исследования социальных ресурсов А.В. Дятлов предлагает следующее определение социальных ресурсов: совокупность объективных условий и субъективных предпосылок в функционировании и развитии общества. Иными словами, социальные ресурсы отдельных групп могут быть развиты на основе сложившейся социальной структуры в рамках реальной деятельности или повседневных практик этих групп в различных сферах.

Проблему воспроизводства социальных ресурсов через институциональную среду исследовал Э.Гидденс, разрабатывая теорию структуризации. Структура, регулярно воспроизводящая «наборы» правил и ресурсов, существует вне времени и пространства, проявляется в памяти индивидов в виде «отпечатков» социальной практики и отличается «отсутствием субъекта». Социальные системы, обладающие структуральными свойствами, напротив, существуют в виде воспроизводимых в пространстве и времени ситуативных действий субъектов деятельности. Анализ структуризации социальных систем предполагает изучение способов производства и воспроизводства этих систем – основывающихся на осмысленных действиях акторов, занимающих по отношению к друг другу определенные позиции и использующих правила и ресурсы в разнообразных контекстах деятельности – в процессе взаимодействия. Воспроизводя структуральные свойства, субъекты деятельности воспроизводят также и условия, которые делают возможным подобные действия и социальные практики. Принципиальным для нас в теоретических разработках Э.Гидденса является указание на прямое взаимодействие элементов теории структуризации: накопленных ресурсов / правил (авторитативных – возникших как следствие координации человеческой деятельности и распределяемых

– производных управленческого контроля за материальными продуктами или другими элементами материального мира в рамках социальной структуры, субъектов деятельности, воспроизводстве их через «рутинные» (повседневные) практики – «точки превращения» в структурных взаимоотношениях, а также способов, посредством которых институциональные практики сочетают системную социальную интеграцию. Субъекты деятельности воспроизводят условия, которые делают возможным социальные практики. «Правила и ресурсы, которыми индивиды руководствуются при взаимодействии, должны рассматриваться как средства производства социальной жизни в качестве продолжающейся деятельности...» [10, с.70]. Руководствуясь теорией структуризации Э.Гидденса, полагаем, что в нашем случае субъектом (актором) может выступить техническая интеллигенция. Социальные ресурсы технической интеллигенции могут быть классифицированы по основным ее социальным характеристикам, которые определяют этот социальный слой с конца XIX в.: высокий уровень образования, сфера занятости и особые культурные и морально-нравственные качества. Исходя из этого, определим ее базовые социальные ресурсы: интеллектуальные, профессиональные и ценностные.

Поскольку современная техническая интеллигенция является социальной силой, занятой в высокотехнологичном производстве, интеллектуальные ресурсы стоит выделить прежде всего. В «Социологическом словаре» под понятием «интеллект» (лат. *Intellectus* – ум, рассудок, разум) понимаются мыслительные способности человека. Наивысшим проявлением этих способностей в настоящее время принято считать производство научного знания. В XX в. наука из занятия одиночек превратилась в одну из основных сфер общественной жизни. Превращение науки в производительную силу общества находит воплощение во всех отраслях производства, особенно наукоемких, во

всех сферах жизнедеятельности общества. Происходит массовая интеллектуализация общества..., поэтому общество не может не включать в себя также образовательный потенциал, находящий конкретное выражение в образованности всего общества. В этом плане размышляя об интеллектуальных ресурсах технической интеллигенции мы понимаем, что они закладываются системой образования, прежде всего, высшего, и формируются под воздействием достижений науки – как фундаментальной, так и прикладной. Безусловно, мы наблюдаем кризисные явления в сферах, которые отвечают за формирование интеллектуальных ресурсов. В этой связи ряд ученых (А.В. Верещагина, С.И. Самыгин, С.И. Имгрунт) ставит вопрос об интеллектуальной безопасности, видя реальную угрозу снижения интеллектуального потенциала нации. Здесь мы наблюдаем тревожную ситуацию. К важнейшим факторам, способствующим деградации российского интеллектуального потенциала относят такие, как кризисный характер функционирования российской науки, снижение уровня и качества высшего образования в результате непродуманной политики реформирования системы образования, высокие темпы интеллектуальной миграции в сочетании с ростом социального неравенства в стране. Социологи констатируют, что интеллектуальная безопасность России находится под угрозой, формирующейся в результате снижения инновационного, креативного и в целом образовательного потенциала общества [11].

Профессиональные ресурсы связаны, прежде всего, с реализацией себя в той сфере деятельности, где заняты работники. Это предполагает развитие креативных способностей, особое отношение к труду, идентификацию себя по профессиональному признаку, владение навыками фундаментальных технических наук, освоение цифровых технологий, желание повышать свою квали-

фикацию и мастерство. Кстати, известный американский философ Д. Дьюи считал, что «профессия – единственный путь для индивидуальных способностей проявиться в социальных отношениях» [12]. Ценностные ресурсы технической интеллигенции – это социальная ответственность, высокий уровень культуры, широкий мировоззренческий кругозор, патриотизм, желание обогатить себя духовно. Эти качества можно назвать как имманентно присущие отечественной интеллигенции в целом, но которые в настоящее время «теряют» свою распространённость и важность в российском обществе. Представитель научной школы по интеллигенции Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) Е.А. Гришина уделяя особую значимость ценностным ориентациям в контексте влияния на них ряда социокультурных факторов считает, что «культура современного общества в широком понимании этого слова представляет собой сложный и противоречивый конгломерат, где существует традиция и инновация, отечественные и западные культурные образцы, перемешиваются «массовые» и «элитарные» пласты культуры. Культура всегда опирается на социальные ценности, которые пронизывают и выстраивают все сферы жизни общества – сферу производства и труда, политику, этнонациональное устройство – все это конструируется на основании ценностных приоритетов, которые доминируют в социуме» [13]. Руководствуясь данным методологическим посылом, мы считаем, что деятельность технической интеллигенции на производстве базируется на определенных ценностных предпочтениях и ориентациях.

В январе-апреле 2019 г. авторами было проведено социологическое исследование методом экспертного опроса «Инновационная деятельность технической интеллигенции». Был опрошен 51 эксперт (из них: мужчин – 36 чел., женщин – 15 чел). Эксперты в опросе «Инновационная деятельность

технической интеллигенции» - представители промышленности, высшего технического образования, ОПК, общественных организаций, занимающие, как правило должности руководителей предприятий и организаций (или их заместителей), а также являющиеся начальниками отделов.

Одним из эмпирических показателей в рамках указанного исследования стала оценка экспертами ресурсного потенциала технической интеллигенции. Обратимся к табл. 1, составленной на основании мнения респондентов.

Таблица 1
Иерархия важности ресурсов технической интеллигенции при осуществлении инновационных преобразований

Позиция в вопросе	Место в иерархии ответов
Профессионализм	1
Высокий интеллектуальный уровень	2
Осознание необходимости проведения преобразований для развития промышленности	3
Высокий уровень образования	4
Морально-нравственные качества	5
Патриотизм, желание сделать много полезного для страны	6
Глубокие гуманитарные знания, общая широкая эрудиция	7
Преимственность в профессии, инженерные династии	8

Авторы статьи, синтезируя ряд показателей социальных ресурсов, отнесли такие позиции в структуре вопроса как «профессионализм», «осознание необходимости проведения преобразований для развития промышленности», «преимственность в профессии, инженерные династии» к профессиональным ресурсам; «высокий интеллектуальный уровень» и «высокий уровень образования» - к интеллектуальным, а, - «морально-нравственные качества», «патриотизм, желание сделать много полез-

ного для страны», «глубокие гуманитарные знания, общую широкую эрудицию» - к ценностным. Первые места по значимости в инновационных преобразованиях эксперты отдали профессиональным и интеллектуальным ресурсам, а ценностные ресурсы в совокупности позиций вопроса были поставлены на третье место. Такой показатель профессиональной ресурсности как преемственность в профессии и инженерные династии, оценен экспертами не так высоко, как общий профессионализм и понимание необходимости преобразований в промышленности. Это можно объяснить тем, что за время рыночных реформ в связи с девальвацией инженерного труда значительно снизилась преемственность в этой сфере занятости, во многом прервались инженерные династии, нарушена связь поколений. Однако именно они могут быть ресурсом для роста профессионализма и корпоративной культуры технической интеллигенции. В частности, социологи, целенаправленно изучающие этот вопрос, считают, что «эффективность инженерного сообщества, построенного на преемственности поколений, тесно коррелирует с инновационной активностью общества и эффективностью развития производства» [14].

Опрос 2019 г. позволил нам выяснить представления экспертов о профессионализме. В ходе опроса им был предложен вопрос «Какие навыки необходимы инженерно-техническим работникам для соответствия современным требованиям производства?». Ответы распределились следующим образом: в наибольшей степени респонденты посчитали, что «стремление постоянно повышать свою квалификацию» соответствует современным требованиям производства. Второе и третье места в процентном соотношении ответов поделили между собой позиции «владение информационными технологиями» и «обладание фундаментальными техническими знаниями», четвертое и пятое места заняли позиции «владение ино-

странными языками» и «умение организовать свой труд». Затем следуют по убывающей: «способность быстро адаптироваться к новым экономическим условиям», «умение адаптироваться на рынке труда», «готовность к смене профессии», «владение нормами корпоративной культуры». Замыкают по степени необходимости такие варианты ответов как «понимание закономерностей развития общества» и «знание финансовых основ предприятия». Полагаем, что повышение профессионализма через систематическое обновление своих знаний, поставленное на первое место совершенно оправданно в современном высокотехнологичном производстве: без него нельзя добиться творческого подхода к делу и знаний инновационных подходов.

Для понимания динамики в оценках технической интеллигенции необходимости навыков, связанных с ее профессиональными ресурсами, сравним мнение современного экспертного сообщества и рядовых представителей технической интеллигенции (массовый опрос методом анкетирования «Модернизация экономики и техническая интеллигенция», 2011 г., 910 ед., научный коллектив «ГАПСИ» (рук. проф. Силласте Г.Г). Респондентами массового опроса выступили работники предприятий и организаций различных форм собственности (государственной, частной, совместной), занятые в промышленном секторе, в оборонно-промышленном комплексе (ОПК), в научном обеспечении промышленности. По социально-территориальному признаку были представлены предприятия, расположенные: в г. Москве, в Московской обл., Нижегородской обл. (г.Павлово), в г.Тольятти. Респондентам в 2011 г. был также предложен указанный вопрос. Будем иметь в виду, что прошедшие годы ознаменовались рядом событий российского и мирового масштаба: финансовым кризисом 2014 г., ростом напряженности в мире, присоединением Крыма к РФ, введением санкций ряда Западных

стран к России, политикой импортозамещения. Что изменилось за последние 8 лет в представлениях технической интеллигенции? Во-первых, «повышение квалификации» как необходимое требование для соответствия современному производству чуть повысило свой ранг с 2-го на 1-й. Конечно, это не большое изменение, но оно подчеркивает рост значимости систематического повышения квалификации с точки зрения реализации профессиональных ресурсов технической интеллигенции. Во-вторых, значительно продвинулось вперед понимание важности владения цифровыми технологиями. Данная динамика совершенно оправданна, поскольку речь в настоящее время идет не только об освоении подобного рода технологий, а все более - о цифровой экономике в целом, изменении социальных коммуникаций. Еще одно важное изменение в динамике представлений технической интеллигенции за прошедшие годы: позиция «готовность к смене профессии» значительно поднялась в иерархии необходимых навыков и компетенций для соответствия современному производству. Указанные сравнения свидетельствуют о смещении понимания профессионализма в сторону все большей обучаемости как в рамках профессии, так и в плане освоении новых видов и форм работы.

Еще одним важным показателем профессионализма выступает идентификация себя с социальной группой в сфере занятости. Л.А. Фадеева полагает, что «профессиональная идентичность представляет собой важный компонент идентификационной матрицы, отражая укорененность человека в данном обществе, способствуя как его позитивной личностной самоидентификации, так и утверждению коллективной идентичности» [15]. Можно утверждать, что самоидентификация работников с определенным видом деятельности повышает общий профессионализм, способствует его карьере и реализации ресурсных возможностей. Обратимся к табл. 2, где на основе экспертного

опроса показана иерархия представлений респондентов о понимании термина «техническая интеллигенция». С чем опрошенные в большей степени идентифицируют себя?

Таблица 2
Иерархия представлений о понимании термина «техническая интеллигенция»

Ранг	Позиция в вопросе
1	Высококвалифицированный специалист, владеющий современными технологиями и компетенциями
2	Высокообразованный профессионал, готовый освоить новые виды работы
3	Специалист с высшим техническим образованием
4	Эрудированный, начитанный интеллектуал, знающий, в основном, технические основы производства
5	Узкоподготовленный специалист, хорошо знающий своё дело
6	Экономически хорошо подготовленный менеджер на производстве

Как видим из табл.2, современную техническую интеллигенцию эксперты, в первую очередь, соотносят с высоким уровнем образования и готовностью освоить новые виды работы, в меньшей степени – с узкой направленностью образования и экономическими менеджерскими знаниями. Это подтверждает общее стремление ее представителей в реализации себя в профессии через специальное техническое образование, широкую фундаментальную подготовку, повышение квалификации, профессиональную мобильность. Их профессиональная самоидентификация связана именно с этими показателями. В конечном итоге обучение в техническом вузе, повышение квалификации работников, образование в целом, ведет к повышению не только профессионального, но и интеллектуального ресурсов технической интеллигенции.

Кроме того, совершенно объективно вектор развития профессиональных ресурсов, в т.ч. технической интеллигенции смещается в сторону освоения цифровых технологий. Это является ответом на цифровизацию российской

экономики и глобальные процессы, связанные с четвертой промышленной революцией. В связи с набирающей темпы информатизации все большее число исследователей обращается к вопросу об ее ценностном наполнении. Особенно это касается молодого поколения. Современный английский ученый П. Мейсон называет его даже «сетевым поколением» и оправданно считает, что молодёжь, имеющая доступ к бесчисленным информационным ресурсам, вырабатывает совершенно новые ценности, правила и нормы поведения [16]. Такой подход дает нам возможность прогнозировать изменения в ценностно-нормативном наполнении деятельности технической интеллигенции в целом.

В этом плане многие ученые заявляют о крутом изменении в ценностных ориентациях современной технической интеллигенции. Полагаем, что это объективная ситуация, связанная с переходом к рыночным отношениям, изменением норм, правил трудовой активности, индивидуальными карьерными траекториями. «Не в чести» у современной интеллигенции, особенно молодого поколения, широкие гуманитарные знания, общий кругозор, социальная ответственность, патриотический настрой. Здесь мы можем наблюдать отход от имманентно присущих качеств отечественной технической интеллигенции, которые характеризовали этот социальный слой на разных этапах ее социального развития. Прагматизм, индивидуализм, меркантилизм выходят сегодня на первый план в деятельности технической интеллигенции. На это обращают внимание И.П. Рязанцев и В.В.Гридина, анализируя традиции и ценности отечественного технического образования: «в настоящее время карьера рассматривается как необходимое условие воспитания успешной личности. При этом нередко вопросы этики, морально-нравственных норм и ценностей без которых, на наш взгляд, невозможно целостное и гармоничное развитие личности, отодвигаются на второй план» [17].

Можно заключить, что в целом возможности реализации ценностного ресурса в плане морально-нравственных оснований трудовой деятельности снижаются. Это является следствием противоречивой ситуации в духовной сфере российского общества.

Краткий анализ ресурсов современной технической интеллигенции позволяет нам сделать вывод о прерогативе реализации профессионального ресурса. Условием для этого является, прежде всего, развитие современного производства и отечественной промышленности на высокотехнологической основе. Для большей интеллектуализации ее представителей необходимо усиление качественной подготовки в вузе и должное научное обеспечение, причем на системной основе. Развитие науки и образования позволяет поднять профессиональные ресурсы на более высокий интеллектуальный уровень. В настоящее время усиливается противоречие между желанием работников реализовать себя в профессии, применить свои навыки, способности, компетенции, - с одной стороны, и неблагоприятной ситуацией в промышленной сфере, свертыванием производства, кризисом в техническом образовании и научной деятельностью, сложностями с внедрением инновационных современных форм высокотехнологичного производства, - с другой. Пандемия, мировой нефтяной кризис заставят по новому взглянуть на современную ситуацию, но и в этих сложных условиях необходимо сберечь накопленные значительные ресурсы и предоставить возможности для их более полной реализации.

Литература

1. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987.
2. Макаренко Е.И. Социально-исторические особенности воспроизводства технической интеллигенции // Власть. 2018. № 7. С. 197-204.
3. Росстат www.gks.ru/storage/mediabank/Ejegovodnik

_2019.pdf. [Электронный ресурс] (дата вхождения: 27.04.2020)

4. Социологический энциклопедический словарь // Редактор-координатор Г.В.Осипов. М.: Изд-во НОРМА, 2000.

5. Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социологические исследования. 2016. № 10. С.43-53.

6. Силласте Г.Г. Социальная структура реального сектора экономики как часть социального капитала и меры его возможной оптимизации // Гуманитарий юга России. № 1. 2017. С. 60-72.

7. Бурдые П. Социология политики: пер. с фр. / Сост., общ.ред. и предисл. Н.А.Шматко / М.: Socio-Logos, 1993. С.14

8. Жэнгра И. Социология науки /пер.. с фр.С.А.Гашкова; под ред. О.И.Кирчик; Нац. Исслед.ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд-дом Высшей школы экономики, 2017.

9. Дятлов А.В. Социальные ресурсы развития российского общества: Автореф. дис. д.соц.наук. - Ростов-на-Дону: 2005. 50 с.

10. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2018. - 528 с.

11. Верещагина А.В., Самыгин С.И., Имгрунт С.И. Интеллектуальная безопасность России в условиях кризиса научно-образовательной сферы и роста социального неравенства // Гуманитарий юга России. 2016. № 2. С.52-65.

12. Дьюи Д. Демократия и образование / Пер. с англ.- М.: Педагогика-пресс, 2000. С.280.

13. Гришина Е.А. Интеллигенция и культура: ценностные приоритеты и духовный мир // Как живешь интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография // Отв. ред.Ж.Т.Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. С.194.

14. Инженерные династии России: монография /научн. ред. В.А.Мансуров. М.: РОС, 2017. 331 с.1 CD ROM

15. Фадеева Л.А. Профессиональная идентичность // Идентичность: личность, общество, политика. Энцикл.изд-е. М.: Изд-во «Весь мир». 2017. С.574-577.

16. Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: АД Маргинем Пресс. 2016. 416 с.

17. Рязанцев И.П., Гридина В.В. Традиции и ценности современного технического вуза // Социология. № 1, 2020. С.186-195.

Resource approach to modern technical intelligentsia

Makarenko E.I., Karelina E.A.

Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Moscow State Technological University "STANKIN"

The article discusses the social resources of the modern technical intelligentsia. Based on the basic characteristics of the technical intelligentsia (a high level of education, the sphere of employment in industrial production, and special cultural and moral qualities), intellectual, professional, and valuable resources are allocated. Priority and ways of their possible effective implementation in modern socio-economic conditions are determined. The study is based on the data of the expert survey "Innovative Activities of Technical Intelligentsia", conducted by the authors in 2019 (51 units). The experts were the heads (departments) of industrial enterprises and organizations, technical universities, as well as representatives of public industrial and educational associations.

Keywords: social resources, technical intelligentsia, intellectual security, professionalism, value orientations, technical education, advanced training

References

1. The national economy of the USSR for 70 years: Anniversary Stat. Yearbook. М.: Finance and statistics, 1987.
2. Makarenko E.I. Socio-historical features of the reproduction of the technical intelligentsia // Power. 2018.No 7. С. 197-204.
3. Rosstat www.gks.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2019.pdf. [Electronic resource] (date of entry: 04/27/2020)
4. Sociological Encyclopedic Dictionary // Coordinator Editor G.V. Osipov. М.: NORMA Publishing House, 2000.
5. Tikhonova N.E., Karavay A.V. The resources of Russians in a crisis: dynamics and role in

- adapting to new conditions // Sociological studies. 2016. No 10. S. 43-53.
6. Sillaste G.G. The social structure of the real sector of the economy as part of social capital and measures for its possible optimization // Humanitarian of the South of Russia. No. 1. 2017.S. 60-72.
 7. Bourdieu P. Sociology of politics: Per. with fr. / Comp., Ed. and foreword. N.A. Shmatko / M.: Socio-Logos, 1993. C.14
 8. Genre I. Sociology of Science / Translated from French by S. A. Gashkov; under the editorship of O.I. Kirchik; Nat Researcher. Higher School of Economics. M.: Publishing house of the Higher School of Economics, 2017.
 9. Dyatlov A.V. Social resources for the development of Russian society: Abstract. dis. Doctor of Social Sciences. - Rostov-on-Don: 2005. 50 p.
 10. Giddens E. Organization of society: Essay on the theory of structure. M.: Academic project, 2018.-- 528 p.
 11. Vereshchagina A.V., Samygin S.I., Imgrunt S.I. Intellectual Security of Russia in the Crisis of the Scientific and Educational Sphere and the Growth of Social Inequality // Humanitarian of the South of Russia. 2016. No. 2. P.52-65.
 12. Dewey D. Democracy and education / Per. from English.- M.: Pedagogy-press, 2000. P.280.
 13. Grishina E.A. The intelligentsia and culture: value priorities and the spiritual world // How do you live the intelligentsia? Sociological essays: collective monograph // Otv. Ed.Zh.T. Toshchenko. M.: Center for Social Forecasting and Marketing, 2018. P.194.
 14. Engineering dynasties of Russia: monograph / scientific. ed. V.A. Mansurov. M.: ROS, 2017.331 s. 1 CD ROM
 15. Fadeeva L.A. Professional identity // Identity: personality, society, politics. ESC. M.: Publishing house "The whole world." 2017. S.574-577.
 16. Mason P. Post-capitalism: a guide to our future. M.: AD Margin Press. 2016.416 s.
 17. Ryazantsev I.P., Gridina V.V. Traditions and values of a modern technical university // Sociology. No. 1, 2020. S.186-195.

Социальная депривация как основной социальный дискурс вторичной социализации лиц с ментальными нарушениями в условиях стационарного учреждения

Мецлер Андрей Владимирович
аспирант Российского государственного гуманитарного университета,
avmetsler@mail.ru

Одним из важнейших факторов, сопутствующих пребыванию лиц с ментальными нарушениями в стационаре, является феномен социальной депривации. Социальная депривация – это ментальное явление, вызванное вынужденной или сознательной исключенностью индивида из социальных связей, привычных условий проживания, характеризующееся резким снижением волевых и личностных качеств, отсутствием желания восстановить утраченные, частично или полностью, навыки, знания и умения. Человек, попав в чужое для него социальное пространство, не просто ощущает психологический дискомфорт, он становится объектом воздействия в прогрессивном масштабе собственной внутренней совокупности психических и соматических патологических изменений, вызванных стрессовой ситуацией. Развитие социальной депривации может привести человека до точки невозврата, когда он уже не сможет восстановить социальный статус и выйти из состояния перманентного изоляционизма. Социальная депривация может возникать у лиц, пребывающих в детских домах, психоневрологических стационарах, относящихся к системе социальной защиты, учреждениях здравоохранения, институтах пеницитарной службы и в других организациях, предполагающих длительное исключение и изоляцию человека от внешнего мира. Основываясь на собственных эмпирических наблюдениях, автор полагает одной из важнейших побудительных причин, способствующих развитию социальной депривации, перманентно возникающей у лиц с ментальными нарушениями в условиях стационарного учреждения – это отсутствие социальной вовлеченности, предоставление человека самому себе, оставление его после помещения в стационарное учреждение наедине со своими мыслями, иллюзиями, страхами и психическим депрессивным настроением.

Ключевые слова: социальная депривация, лица с ментальными нарушениями психики, стационар, социальная изоляция, социальный дискурс, вторичная социализация.

Динамика политических, экономических, культурных и нравственных трансформационных преобразований в социуме во многом обуславливает глубокие изменения социальной ориентации личности. Изменив сложившуюся идеалистическую парадигму «человек в обществе» на аксиоматическое представление «человек и общество», новая модель социального вовлечения индивида в институты гражданского общества оставила человека одного, предоставив ему иллюзорную свободу, наедине со своими возможностями и способностями перед непростой задачей стать полноправным членом социума. Теперь каждый только после того, как докажет свою состоятельность, может стать активным фактором внешней среды.

Но социум, как и предполагалось, не является однородной массой, а совокупностью отличающихся друг от друга индивидов, для которых степень вовлеченности и привязанности к историческому наследию социума также является различной. Кому-то удастся без проблем стать «общественным звеном» со всеми правами и привилегиями полноправного члена общества, а кто-то, в силу различных жизненных обстоятельств, обладая врожденными или приобретенными ментальными нарушениями, оказывается в условиях стационарного учреждения психоневрологического профиля.

Одним из важнейших факторов, сопутствующих пребыванию в стационаре, является феномен социальной депривации.

Социальная депривация¹ – это ментальное явление, вызванное вынужденной или сознательной исключенностью индивида из социальных связей, привычных условий проживания, характеризующееся резким снижением волевых и личностных качеств, отсутствием желаний восстановить утраченные, частично или полностью, навыки, знания и умения. Человек, попав в чужое для него социальное пространство, не просто ощущает психологический дискомфорт, он становится объектом воздействия в прогрессивном масштабе собственной внутренней совокупности психических и соматических паталогических изменений, вызванных стрессовой ситуацией. Развитие социальной депривации может привести человека до точки невозврата, когда он уже не сможет восстановить социальный статус и выйти из состояния перманентного изоляционизма.

Социальная депривация может возникать у лиц, пребывающих в детских домах, психоневрологических стационарах, относящихся к системе социальной защиты, учреждениях здравоохранения, институтах пеницитарной службы и в других организациях, предполагающих длительное исключение и изоляцию человека от внешнего мира.

Основываясь на собственных эмпирических наблюдениях, автор полагает одной из важнейших побудительных причин, способствующих развитию социальной депривации, перманентно возникающей у лиц с ментальными нарушениями в условиях стационарного учреждения – это отсутствие социальной вовлеченности, предоставление человека самому себе, оставление его после помещения в стационарное учреждение наедине со своими мыслями, иллюзиями, страхами и психическим депрессивным настроением.

Один из ведущих практиков в сфере социальной защиты населения, д.с.н. В.А. Петросян в своем кандидатском диссертационном исследовании «Социальная реабилитация инвалидов в стационарных учреждениях социального обслуживания» приводит следующие факторы, обуславливающие появление социальной депривации: монотонный образ жизни, ограниченность связей с внешним миром, бедность впечатлений, скудность, недостаток жизненного пространства, скудость выбора занятий, зависимость от персонала, отсутствие интимного уюта, возможности уединиться, регламентированность деятельности учреждения².

Основными признаками социальной депривации у лиц с ментальными нарушениями на начальном этапе являются вялость, апатичность, уход от контактов с окружающими, заторможенная реакция на внешние условия, бессмысленные движения навязчивого характера, нарушение мышления, общее ослабление организма и ухудшение соматического состояния.

Человек, не страдающий хроническими психическими расстройствами, попав в новые условия проживания, оказавшись отрезанным от прежних устоявшихся социальных связей, в большинстве случаев испытывает шок, выход из которого во многом зависит от его собственных ментальных способностей. Подобное состояние довольно подробно описано французским писателем и философом Альбертом Камю в повести «Посторонний», состояние, когда, оказавшись абсолютно один, здоровый организм начинает процесс саморегуляции, поиск новых форм реализации психологических устремлений, корреляции сознания, обращая его глу-

¹ Депривация — психическое состояние, вызванное лишением возможности удовлетворения самых необходимых жизненных потребностей (таких как сон, пища, жилище, общение ребенка с отцом или матерью, и т. п.), либо лишением благ, к которым человек был привычен долгое время.

² Петросян В.А. Социальная реабилитация инвалидов в стационарных учреждениях социального обслуживания (социологический аспект): Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук, М., 2004. С. 54-67.

боку в прошлое, как единственный выход во избежание социальной депривации.

Но применительно к случаю длительного пребывания в стационарном учреждении, предназначенном для лиц с ментальными нарушениями, ситуация оказывается диаметрально противоположной. Уход от депривационного состояния лишь обращением в события прошлого для человека, страдающего психическим расстройством, нередко способствует обострению чувства изоляционизма; не способный позитивно оценивать события из прошлой жизни, он еще глубже оказывается под тяжестью собственных идей и психических заблуждений, что может привести к наиболее тяжелой форме социальной депривации, способной проявиться в агрессии, психосоматических ухудшениях состояния или суицидальных намерениях.

Феномен социальной депривации чаще всего, если говорить применительно к стационарам психоневрологического профиля, характерен для лиц, чье обострение психического состояния произошло вследствие каких-либо негативных событий, случившихся в жизни, наиболее типичными представителями данной категории являются лица, страдающие полиморфным психическим расстройством, связанным с распадом процессов мышления и эмоциональных реакций, т.н. «шизофреники».

Другой группой, подверженной синдрому социальной депривации, традиционно считают лиц с умеренной умственной отсталостью, зачастую к ним относятся выпускники детских домов интернатов, детских коррекционных учреждений, у которых психическое расстройство является скорее следствием социальной запущенности, чем признаком психического заболевания.

Но при отсутствии должного социального реабилитационного обеспечения синдром «социальной депривации»

получает повсеместное распространение, вовлекая в сферу влияния родственников лиц с ментальными нарушениями и сотрудников стационарных учреждений.

Неумение вовремя выявить на начальном этапе признаки социальной депривации приводит к самым серьезным последствиям. Углубление депривационного состояния оказывает более деструктивное влияние на личность лиц с ментальными нарушениями, чем собственное психическое заболевание.

Следствием невыхода из этого состояния становятся два основных синдрома, широко распространенных в стационарных учреждениях психоневрологического профиля: «синдром госпитализма» и «синдром иждивенчества».

«Синдром госпитализма». Данное явление давно является объектом пристального изучения как отечественных специалистов в сфере социальной работы, так и зарубежных ученых, работающих в области изучения природы человеческой психики.

Традиционно принято рассматривать «синдром госпитализма» как совокупность психических и соматических нарушений, обусловленных длительным пребыванием человека в стационаре в отрыве от близких людей и от дома; в широком смысле под этим понятием понимаются неблагоприятные, в первую очередь психологические факторы условий стационарной среды и результаты их воздействия на психическое и физическое состояние человека.

Понятие «госпитализм» ввел австро-американский психоаналитик Р. Спитц³ в 1945 году применительно к детскому госпитализму. Однако дальнейшее исследование показало, что «синдром госпитализма» также характерен и для лиц с ментальными нарушениями. В своих работах Е.И. Холостова, В.А. Петросян, определяя совокупность объективных негативных черт стационарного социального обслуживания,

³ Овчаренко В. И. Госпитализм // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: В 6 т. / под ред. Н. Д. Твороговой, ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред.

А. В. Петровского. — М.: ПЕР СЭ, 2007. Спитц Р. Госпитализм / Перевод с французского — М., 2004 - <http://razvitiie-rebenka.pro/biblioteka/gospitalizm/>;

указывали, что стационар не может в полной мере заменить естественное социальное поле, с выверенными и привычными этапами социализации индивида, но с учетом опыта в социальной деятельности, он вполне может отвечать основным требованиям, предъявляемым к искусственной внешней среде в которой оказывается человек.

Признаками «синдрома госпитализма» как следствия глубокого развития социальной депривации принято считать изменение отношения к стационару со стороны индивида. Он перестает рассматривать стационарное учреждение как временное место пребывания, окончательно теряя социальные связи с «внешним миром», вживаясь в роль «хронического больного», определяя свое пребывание как наиболее благоприятный «стиль жизни». Конечно, изменение отношения к окружающим условиям в сторону благоприятного восприятия как единственно возможного варианта существования на первый взгляд является скорее положительным сдвигом, чем негативным фактором. Но при более глубоком погружении в изучение данного феномена, на поверхность выходит целый комплекс отрицательных черт такого псевдоположительного аттитюдного отношения в социальном пространстве стационарного учреждения.

Изучая лиц с ментальными нарушениями в условиях стационарного нарушения, оказавшихся подверженными «синдрому госпитализма», автор обратил внимание на неизбежные сопутствующие черты данного психоэмоционального состояния. «Госпитализм» не только примиряет человека со своим положением, но и оказывает сильнейшее деструктивное воздействие на его отношение, в первую очередь, к самому себе. «Хронический больной» перестает интересоваться окружающими событиями, ему становится безразличным, как он выглядит, во что он одет, как его кормят, каково санитарно-гигиеническое состояние его личных вещей. И следствием такого небрежного отноше-

ния к самому себе становится преждевременное старение, развитие хронических заболеваний, ухудшение соматического состояния.

Определяя группу риска, наиболее уязвимую для влияния «синдрома госпитализма», автор на примере конкретного стационарного учреждения выявил, что в основном данный синдром характерен для лиц с ментальными нарушениями, относящимися к категории шизофреников, чье психическое состояние подверглось изменению вследствие перенесенного резкого аффективного расстройства. В основной своей массе, это люди среднего возраста, от 30 до 55 лет, обладающие значительным социальным реабилитационным потенциалом, приобретенными знаниями, умениями и опытом, способные при надлежащей организации их формы жизнедеятельности обеспечивать свои основные потребности, осуществлять полное самообслуживание и вести самодостаточный образ жизни, при некоторой социальной корреляции их психического состояния.

Интересной особенностью является время поступления данной категории лиц в стационарное учреждение, пиковыми годами является время наиболее сильных социально-экономических потрясений в нашей стране – начало девяностых, конец девяностых годов XX века, конец первого десятилетия XXI века. На эти периоды приходится основные скачки увеличения численности лиц с ментальными нарушениями, относящимися по типу психического расстройства к категории шизофреников в стационарном учреждении.

Таким образом, широкое распространение «синдрома госпитализма» среди лиц, вполне способных удовлетворять свои основные потребности, приводит к их резкой соматической деградации, усиливая без дополнительной нужды нагрузку на стационарное учреждение.

К сожалению, явление «госпитализма» наиболее широко встречается в

последнее время в стационарных учреждениях, его негативную роль практически невозможно распознать на начальном этапе развития «синдрома», но последствия такой социальной невнимательности оказываются вполне предсказуемыми – разрушение личности, утрата социальной роли, преждевременная деменция.

«Синдром иждивенчества». Феномен, изучение которого, представляет собой фактор исключительной важности для дальнейшего развития системы социальной защиты населения. Появившись не так давно, в первом десятилетии XXI века, как следствие резкого роста уровня социальной защиты и качества социального обслуживания, «синдром иждивенчества» стал настоящим бичом современного общества.

Автор ни в коем случае не рассматривает в данной статье понятие иждивенчества, определяемое с правовой и социальной точки зрения, когда человек в силу совокупности непреодолимых обстоятельств оказывается не способен обеспечить свое существование.

В данном случае, речь идет об иждивенчестве как отрицательной нравственно-этической черте характера, которой соответствует определенная манера поведения, выражающаяся как злоупотребление вниманием, помощью и слабостью других людей и организаций, сознательное стремление жить за счет их, не прилагая к решению собственных проблем никаких усилий. Иждивенчество – это целая жизненная идеология, позиция признания обязанности кого-либо брать на содержание, помогать тому, кто сам не желает себя обеспечивать. В первую очередь, это образ жизни, для которого характерно потребительство, без созидания.

Наиболее часто «синдром иждивенчества» проявляется среди лиц с ментальными нарушениями, поступившими в психоневрологический стационар из детских домов интернатов. В своей основной массе, это молодые люди в возрасте 18-30 лет, отнесенные к категории лиц с умеренной умственной отсталостью.

Но, как показывает практика работы с данной категорией граждан, умеренная умственная отсталость является лишь следствием недостаточной педагогической работы с ними, созданием таких факторов внешней среды, которые оказываются не способны обеспечить социальное включение подростков во внешний социум.

К сожалению, формирование ребенка как личности в детском стационарном учреждении по объективным причинам несет в себе значительным отрицательный потенциал. Формальное предоставление готового набора социальных услуг, без включения (естественно, в разумных пределах) подростка в созидательный процесс, не прививая ему навыки самообслуживания, лишая его возможности социализации как активного объекта внешней среды, в итоге приводит к значительным негативным последствиям. Достигнув совершеннолетия, молодой человек не ощущает себя частью общества, он оказывается не способен обеспечить свои потребности, сознательно ограничивая свою социальную роль до уровня потребителя.

В дополнение к этому, невысокий уровень педагогической работы с выпускниками детских домов интернатов, отсутствие в большинстве случаев возможности получать инклюзивное образование в стандартных учебных заведениях, изолированность от общения со сверстниками из более благополучных семей на этапе становления их личностных психо-эмоциональных, нравственно-этических, ментальных и иных способностей и черт, формирует в них устойчивое представление о своей неполноценности, отношении неприятия и отторжения жизни за пределами стационара.

Не обладая никакими значительными соматическими нарушениями, достигнув совершеннолетия, молодые люди с диагнозом «умеренная умственная отсталость» спокойно переходят в стационарное учреждение психоневрологического профиля, окончательно ли-

шая себя возможности стать полноправным членом общества. При этом, вовлечение представителей данной группы клиентов психоневрологического стационара в посильную трудовую деятельность, проведение корректирующей социальной реабилитационной работы, попытки выправления их психического состояния и изменения чувства изоляционизма встречают устойчивый отпор с их стороны. В абсолютном большинстве случаев, «синдром иждивенчества», привитый на раннем этапе социализации лиц ментальными нарушениями, оказывается более устойчивым и неподдающимся корректировке в условиях стационарного учреждения на более позднем этапе.

Суммируя вышесказанное, автор статьи полагает возможным предложить свой вариант предупреждения возникновения социальной депривации.

В первую очередь, необходимо помнить, что феномен социальной депривации возникает лишь тогда, когда перестают работать естественные регуляторы социализации – нарушаются социальные связи, отсутствуют условия внешней среды, не развивается социальное вовлечение, не используются реабилитационные механизмы. Социальная депривация – это не естественное развитие индивида, а результат социального невнимания. Следовательно, выходом из нее является постоянное включение лиц с ментальными нарушениями, проживающих в стационарных учреждениях психоневрологического профиля во все социальные реабилитационные процессы, создание инклюзивной модели вторичной социализации в соответствии с реабилитационными уровнями и социальными ролями лиц с ментальными нарушениями.

Литература

1. Дом-интернат для престарелых и инвалидов // Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России - М., 2002.
2. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики: Пер. с англ. М., 1997.

3. Мецлер А.В. Когнитивный подход к вторичной социализации лиц с ментальными нарушениями // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 7, №5, часть 2 – М., 2015.

4. Наберушкина Э.К. Инвалиды в большом городе: проблемы социального гражданства. М.: «Вариант», 2012.

5. Петросян В.А. Социальная реабилитация инвалидов в стационарных учреждениях социального обслуживания (социологический аспект): Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук, М., 2004. С. 54-67.

6. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России / Саратов: Научная книга, 2006.

7. Смирнова Е.Р. Стратификационный анализ инвалидности // Преодолевая барьеры инвалидности. М., 1997.

8. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью (переведённые главы из Goffman E. Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity. — N.J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963.) // Социологический форум. 2001.

9. Тощенко Ж.Т. Социология: Общий курс. М.: Прометей, 1998.

10. Энциклопедия социальных практик поддержки инвалидов в Российской Федерации / Под ред. проф. Е. И. Холостовой, проф. Г. И. Климантовой. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. — 824 с. ISBN 978-5-394-02553-2.

Social deprivation as the main social discourse of the secondary socialization of persons with mental disorders in a stationary institution

Metzler A.V.

Russian state humanities university

One of the most important factors accompanying the stay of people with mental disorders in the hospital is the phenomenon of social deprivation. Social deprivation is a mental phenomenon caused by the forced or conscious exclusion of an individual from social connections, habitual living conditions, characterized by a sharp decrease in volitional and personal qualities,

lack of desire to restore lost, partially or completely, skills, knowledge and abilities. A person, having found himself in a social space alien to him, does not just feel psychological discomfort, he becomes an object of influence on a progressive scale of his own internal combination of mental and somatic pathological changes caused by a stressful situation. The development of social deprivation can lead a person to the point of no return, when he can no longer restore his social status and get out of the state of permanent isolationism. Social deprivation can occur in people living in orphanages, neuropsychiatric hospitals related to the social protection system, healthcare institutions, penitentiary service institutes and other organizations that suggest a long-term exclusion and isolation of a person from the outside world. Based on his own empirical observations, the author believes that one of the most important motivating factors that contribute to the development of social deprivation, which permanently occurs in people with mental disorders in a hospital, is the lack of social involvement, leaving the person to himself, leaving him alone after placement in a hospital with your thoughts, illusions, fears and mental depressive mood

Key words: social deprivation, persons with mental disorders, hospitalization, social isolation, social discourse, secondary socialization.

References

1. Boarding home for the elderly and disabled // Social policy and social work in a changing Russia - M., 2002.
2. Maslow A. The far reaches of the human psyche: Per. from English M., 1997.
3. Metzler A.V. The cognitive approach to the secondary socialization of persons with mental disorders // Historical and socio-educational thought. Volume 7, No. 5, part 2 - M., 2015.
4. Naberushkina E.K. Disabled people in a big city: problems of social citizenship. M.: "Option", 2012.
5. Petrosyan V.A. Social rehabilitation of persons with disabilities in stationary institutions of social services (sociological aspect): The dissertation for the degree of candidate of sociological sciences, M., 2004. P. 54-67.
6. Romanov P., Yarskaya-Smirnova E. Disability policy: social citizenship of people with disabilities in modern Russia / Saratov: Scientific Book, 2006.
7. Smirnova E.R. Disability Stratification Analysis // Overcoming Disability Barriers. M., 1997.
8. Stigma: Notes on managing tainted identities (translated chapters from Goffman E. Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity. - N.J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963.) // Sociological Forum. 2001.
9. Toshchenko Zh.T. Sociology: General course. M.: Prometheus, 1998.
10. Encyclopedia of social practices for the support of persons with disabilities in the Russian Federation / Ed. prof. E. I. Kholostova, prof. G.I. Klimantova. - M.: Publishing and trading corporation "Dashkov and Co.", 2015. - 824 p. ISBN 978-5-394-02553-2.

Политическая социализация молодежи в условиях российских политических трансформаций (на примере петербургского студенчества)

Орлова Олеся Юрьевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, olesyaorl@yandex.ru

В статье анализируется степень участия молодежи в государственных политических процессах. Целевой группой исследования является молодежь от 18 до 30 лет, два поколения: поколение миллениалов и поколение Z. Особое внимание уделено влиянию современных российских политических процессов на социализацию поколения Z, как поколения только вступающего во взрослую жизнь. На основе данных социальных интернет-опросов изучены желания молодых людей в сфере политического участия.

Ключевые слова: социализация, молодежь, политика, политическая социализация, поколение Z

Молодежь является самой важной группой для политической социализации. На сегодняшний момент в России проживает чуть более 20 млн. человек в возрасте от 15 до 29 лет, что составляет порядка 16 % от общего числа населения страны. Это та небольшая, но обогащенная огромным потенциалом группа, потеря которой с точки зрения политики может обернуться катастрофой. Последние годы Правительство Российской Федерации обращает особое внимание на молодежные программы, выстраивание привлекательной молодежной политики, поддержку молодых семей, выделение финансовых средств для молодежи и иные меры.

Процессы, протекающие сегодня в российском обществе, его крайняя политизация определяют важность включения в модель политической социализации именно молодого поколения, как носителя огромного инновационного потенциала. Несомненно, молодежь является более «продвинутой» в этом отношении, поскольку она ориентируется на политические реалии быстрее, чем старшие поколения, осваивает их, не обременяя себя идеологическими принципами.

Участие молодежи в процессе социального управления в обществе может осуществляться через проявление политической активности данной социальной группой. Степень политической активности молодежи во многом определяет характер протекания общего политического процесса в стране, сказывается на стабильности общества в целом. Молодежь всегда была и остается наиболее активной и динамичной социально-демографической группой, реа-

лизующей себя во всех сферах жизнедеятельности общества: политической, социальной, культурной, экономической. Данная социально-возрастная группа в большей степени, чем другие, нацелена на повышение своего социального статуса и освоение новых социальных ролей, так как находится в стадии жизненного самоопределения [1, С. 1].

На сегодняшний день молодежь представляет собой людей, рожденных с 1991 года. А значит, с точки зрения теории поколений, политика выстраивается с учетом особенности двух типов: поколения миллениалов и поколения Z. Анализ поколений имеет в свою очередь ряд особенностей, обусловленный несколькими подходами к определению межпоколенческих границ. Проф. Радаев В.В. полагает, что граница проходит при переходе одного поколения во взрослую жизнь (примерно 17-25 лет). Именно этот период становится особенным для каждого поколения и может отражать специфику времени, взглядов, ценностей и идей.

Если целью стоит изучение поколений как социальные группы, то демографический подход должен быть дополнен историко-культурным и связывать переход одного поколения и рождение другого с определенными историческими событиями в государстве и мире. Полагаем, что некоторые специфические черты определенного поколения, могут немного отличаться в виду различных политических режимов стран, распространенностью использования современных средств информации и информированностью жителей.

В.В. Радаев выделяет шесть поколений, однако остановимся на двух последних: поколении миллениалов (взросление с 1999-2016 г.) и поколения Z (взросление с 2016г.- н.в.) [7]. Историко-культурный фон данных поколений довольно различен. Если первое, начиная с младенческого периода до школы жило в период реформ и трансформаций российской политической си-

стемы, то второе – в периоде стабильности. Поколение Z отлично хотя бы тем, что большую часть жизни прожило, зная единственного политического лидера и не видя иных альтернатив. Поколение миллениалов в детстве и юношестве переживало серьезные экономические потрясения, которые непосредственно отражались на благосостоянии населения. Поколение Z – молодые люди, выросшие в достатке и обилии, в эпоху защиты прав человека и свободы слова, в эпоху полной цифровизации и распространения интернета. Учитывая этот исторический контекст, молодые люди проходили качественно разную политическую социализацию, результаты которой сейчас прослеживаются через их самоопределение в решении политических вопросов.

Канадский психолог Д. Марша писал о том, что перед тем, как самоопределиться в политической жизни государства, индивид пройдет три этапа. От принятия чужого мнения и принятия его за единственно правильное до критического отношения к существующей системе власти и возможному абсентизму.

В рамках данного исследования была осуществлена попытка анализа готовности участия молодежи (а именно двух поколений) в городских культурных проектах как части культурной городской политики Санкт-Петербурга. Актуальность проблем политической социализации студенческой молодежи обусловлена процессами трансформации в политической системе, в экономике и в социуме, которые происходят в современном российском обществе уже более 20 лет.

Сохранение культурного наследия является основополагающей задачей каждого гражданина своей страны и основной государственной политики. Это та сфера, участие в которой должны принимать не только органы государственной власти, но и общественные организации, политические партии, объединения, но и граждане, горожане [5]. Рассматривая сохранение наследия в Санкт-Петербурге как

культурной столице, особое внимание хотелось бы обратить на молодежь и петербургское студенчество. Степень вовлеченности молодежи в процессы сохранения и осуществления государственной политики предопределяет будущее города и страны.

В целях выявления методики работы с молодежью в рамках государственной политики по сохранению культурного наследия был проведен интернет-опрос. Интернет-опрос содержал в большинстве закрытые вопросы, которые отражали степень активности в городских и региональных мероприятиях и готовность быть «в», а не вне деятельности по сохранению городской среды. Таким образом, мы пытались понять степень готовности участия молодежи в политической жизни города.

Итоги опроса показали нам достаточно непредсказуемыми и дающими почву для дальнейшего анализа и изучения.

Интернет-опрос был проведен в большинстве своем среди петербуржцев, однако были представители и таких городов как Киров, Ухта, Коряжма и другие. Опрос содержал 12 вопросов, большинство из которых были закрытыми с несколькими вариантами ответа. Два основополагающих вопроса, которые показали наиболее интересными для анализа, были посвящены формам политического участия молодежи и реальной активности.

Большинство ответов молодежи было за очное участие на культурных мероприятиях: форумы, встречи, воркшопы, семинары и прочее. Однако более 50% респондентов не посещают очные мероприятия вообще (табл. 1). Получается, что наша аудитория осознает важность и ценность очного участия в построении и обсуждении культурной политики, однако по каким-то причинам этого не делает. Можно ли выдвинуть гипотезу о том, что современная молодежь в настоящее время является социальной пассивной?

Предполагаем, что дело не в пассивности молодого поколения, а в новой

форме через которую они проявляют свою активность. Например, Интернет-ресурсы такие как социальные сети, паблики и другое. В.И. Корнеев и Д.М. Юсупова в своей статье «Роль социальных сетей в социализации молодежи» пишут, что социально значимые, развивающие формы досуга, такие как чтение книг, посещение выставок, музеев, занятия спортом занимают незначительное место, молодежь ведет пассивный образ жизни, интересуясь, прежде всего, развлечениями [4].

Таблица 1

Распределение вариантов на вопрос: «Участвуете ли Вы в каких-либо городских, российских, международных программах, связанных с культурным наследием?»

Да, регулярно	6,9%
Нет	56,9 %
Иногда	36,2 %

В рамках исследования была сделана попытка понять, через какую методику общение будет происходить наиболее эффективно. Для этого в опросе отражен вопрос о том, что хочет сама молодежь и эффективно ли это (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение вариантов на вопрос: «Какая форма изучения наследия Вам кажется наиболее эффективной и позволила больше погрузиться в специфику?»

Традиционная (книги, фильмы, экскурсии)	24,1%
Современная (компьютерные игры, технологии, дополненная реальность и прочее)	13,8 %
Очное участие в форумах, дискуссиях, предполагающих творческий диалог с единомышленниками	62,1 %

Результаты опроса оказались крайне неожиданными, ведь в настоящее время большое внимание уделяется онлайн-ресурсам и ведению части политической социализации через Интернет. О.Е. Плешков рассуждает о том, что Интернет представляет собой некую социальную среду, где индивид может

стать личностью (социализация через Интернет). Н.Н. Чалдышкина отмечает, что виртуальная культура начинает заменять реальные межличностные отношения, а Интернет предоставляет неограниченные коммуникативные возможности, отсутствующие в реальном общении. Здесь следует отметить, что наша действительность диктует нам активное пользование Интернет ресурсами. Так, например, в университетах часть занятий может проводиться дистанционно с помощью официальной платформы, органы государственной власти обязаны иметь официальный сайт и пользоваться электронной приемной. Таким образом, само время информатизации сподвигает нас осуществлять часть политической социализации дистанционно.

Однако согласно данным опроса большинство респондентов выступило за общение с носителем информации, за диалог и за очное участие. Из этого следует, что выстраивание государственной политики следует с учетом создание очных проектов для молодежи, а Интернет-ресурс использовать лишь как вспомогательную платформу.

2020 стал годом перемен для всего мирового сообщества. В российских реалиях интересна политическая социализация взрослеющего поколения Z в условиях проведения конституционной реформы на фоне мировой пандемии. Учитывая вышеупомянутые ответы на вопросы про предпочтение очного участия в культурных мероприятиях интересно столкновение этого желания с реальностью. На протяжении нескольких месяцев мировые сообщества обеспокоены распространением вируса в то время как на российских просторах происходят политические изменения, затрагивающие и ту самую политическую стабильность, в которой всю жизнь жило Поколение Z. Это их первая серьезная переменная, не считая экономических кризисов. Учитывая возраст 18-20 лет - это те молодые люди, которые возможно впервые пойдут голосовать и смогут выразить свое мнение по поводу

единоличности лидера и его полномочий, прав детей и молодежи.

На сегодняшний момент мной проводится социальный опрос-исследование по поводу политической активности молодежи и их желания участия в общественных политических процессах. Опрос содержит небольшое количество вопросов, что позволяет молодым людям быстро и четко дать ответы на поставленные вопросы. На данный момент можно говорить только о качественном анализе опроса, поскольку его прошло немного респондентов. Однако при рассмотрении результатов уже прослеживается преобладающее большинство при некоторых вопросах.

Так, на вопросы, касающиеся регулярности просмотра телепередач политического содержания и степени интереса к мировой обстановке, респонденты поделили свои голоса примерно 50% на 50%. При этом на вопрос о членстве в политических партиях 93,9 % ответили, что не состоят (см. Табл. 3).

Таблица 3

	Да	Нет
Смотрите ли Вы телепередачи политического содержания?	54,5%	45,5%
Интересно ли вам наблюдать за политической обстановкой мира (или своей страны)?	57,6%	42,4%
Состоите ли Вы в какой-либо политической партии?	6,1 %	93,9%

Политические партии сегодня признаются всеми гражданами в рамках конституционно закрепленного плюрализма. На территории Российской Федерации на 2020 год зарегистрировано более десятка политических партий и движений. Следует отметить, что отдельным и важным направлением деятельности любой политической партии является общение с молодежью, профориентация молодежи, проведение общих образовательных, просветитель-

ских и культурно-досуговых мероприятий. Политические партии как агент социализации молодежи могут являться очень сильным инструментом. В настоящее время, как показывают данные социального опроса, несмотря на всестороннюю деятельность политических движений, немногие молодые люди готовы становиться частью этих движений. Полагаем данный феномен занимательным, поскольку при большом желании и интересе решать политические вопросы личность должна стремиться быть ближе к власти. Приближение к власти дает возможность стать частью политического процесса и решать общественно-важные задачи. Полагаем, что это также связано с цифровизацией и особенностями поколения Z.

Поколение Z выросло в тот период российской истории, когда почти все время их взросления лидер государства не менялся, когда выборы вызывает больше скептицизма у молодежи и когда в интернете можно прочесть больше информации, чем расскажут наставники. Возможно, одной из характерных черт данного поколения является недоверие к происходящим политическим процессам и возникающая вследствие этого политическая апатия.

Сегодня социальные сети оказывают огромное влияние на социализацию молодежи [8]. Через них происходит глобальный обмен информацией и формирование протестных движений. В течение последних нескольких лет мы можем наблюдать резко увеличившееся количество протестов, акций и пикетов, 80% которых состоят из молодежи. Агитация молодежи через социальные сети с помощью мотивирующих видеороликов, роликов-расследований о действующих руководителях крупных корпораций и политических лидерах приводят к дестабилизации российской политической системы в глазах молодых избирателей.

Таким образом, хотелось бы отметить необходимость дальнейшего проведения исследования по поводу политического участия молодежи, особенно

в виду грядущих российских реформ. Полагаю, что поколение Z характеризуется некоторой степенью аполитичности с точки зрения участия в политических партиях, но активно с точки зрения выхода на митинги. Данные социальных опросов доказывают, что поколение Z – это особые, новые социальные группы, которые требуют инновационных подходов в общении, предоставления им политического участия и установления диалога с помощью социальных медиа. Молодежь отстаивает свои права и свободы, оно привыкло к свободе действий, передвижений. В связи с этим актуальным представляется дальнейшее исследование данного вопроса в период пост карантинного восстановления всех сфер жизни России.

Литература

1. Sawyer S. The age of adolescence/ The Lancet «Child and adolescent health». 2018
2. Дерюгин П.П. Эталоны и образцы подражания поколения Y: региональная социодинамика/ П.П. Дерюгин, Е.В. Кремнёв, С.В. Курапов, Ши И, А.Е. Ракова. С. 127-138
3. Игнатова Т.В. Политическая активность как основная форма политического участия российской молодежи/ Политические институты, процессы и технологии – С. 1-12
4. Корнеев В.И., Юсупова Д.М. Роль социальных сетей в социализации молодежи // Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию Конституции РФ. М., 2013. С. 260- 264.
5. Орлова О.Ю. Социокультурная политика Петербурга и идентичность молодежи/ Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием XI Санкт-Петербургские социологические чтения «Междисциплинарный подход в исследовании современных этнических проблем». С. 205-206

6. Плешков Е.О. Влияние всемирной компьютерной сети на процесс социализации современной молодежи // Проблемы социализации личности в контексте непрерывного профессионального образования: материалы Междунар. научн-практ. конф. Тамбов, 2014. С. 105-109

7. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ / В.В. Радаев. «Социологические исследования», № 3, 2018. С. 15-33

8. Чалдышкина Н.Н. Педагогические потенциалы виртуальных социальных сетей в работе с детьми и молодежью // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2014. № 3. С. 119-124.

Political socialization of youth in the context of Russian political transformations (on the example of St. Petersburg students)

Orlova O.Yu.

St. Petersburg State University

The article analyzes the degree of youth participation in state political processes. The target group of the study is young people from 18 to 30 years old, two generations: generation Millennials and generation Z. Special attention is paid to the influence of modern Russian political processes on the socialization of generation Z, as a generation just entering adulthood. Based on the data of social Internet surveys, we studied the desires of young people in the field of political participation.

Keywords: socialization, youth, politics, political socialization, generation Z

References

1. Sawyer S. The age of adolescence / The Lancet "Child and adolescent health". 2018
2. Deryugin P.P. Standards and role models of generation Y: regional sociodynamics / P.P. Deryugin, E.V. Kremnev, S.V. Kurapov, Shi I, A.E. Cancer. S. 127-138
3. Ignatova T.V. Political activity as the main form of political participation of Russian youth / Political institutions, processes and technologies - P. 1-12
4. Korneev V.I., Yusupova D.M. The role of social networks in the socialization of youth // Socio-economic, socio-political and socio-cultural development of regions: materials of the Intern. scientific-practical Conf. 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation. M., 2013.S. 260-264.
5. Orlova O.Yu. Sociocultural Policy of St. Petersburg and Youth Identity / Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation XI St. Petersburg Sociological Readings "Interdisciplinary Approach in the Study of Contemporary Ethnic Issues". S. 205-206
6. Pleshkov E.O. The influence of the global computer network on the process of socialization of modern youth // Problems of personality socialization in the context of continuing professional education: proceedings of the Intern. scientific and practical. conf. Tambov, 2014.S. 105-109
7. Radaev V.V. Millennials against the background of previous generations: an empirical analysis / V.V. Radaev. "Sociological Studies", No. 3, 2018. P. 15-33
8. Chaldyshkina NN The pedagogical potentials of virtual social networks in working with children and youth // Bulletin of the Southern Federal University. Pedagogical sciences. 2014. No. 3. S. 119-124.

Особенности системы ценностных ориентации современной сельской молодёжи

Савицкая Юлия Петровна

старший преподаватель кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, savitskajap@tyuiu.ru

В статье, на основе эмпирических данных инициативного социологического исследования, показаны особенности системы ценностных ориентации современной сельской молодёжи. В частности, рассмотрена роль ценностной проблематики в характеристике различных социальных групп. Выделены ключевые подходы в исследовании системы ценностей в социологии. Описаны эвристические возможности и ограничения методики изучения ценностных ориентаций М. Рокича. Приведены результаты исследования, характеризующие структуру ценностей современной сельской молодёжи. Полученные выводы сопоставлены с исследованиями городской молодёжи проведёнными российскими социологами. Выделены социально-психологические особенности исследуемой когорты.

Ключевые слова: система ценностных ориентаций, молодёжь, Рокич, сельская местность, социологическое исследование.

Понимание специфики существования и функционирования различных социальных групп, а также коллизий современной действительности затруднительно без определения содержания понятия "ценности". Именно сложившаяся в социуме система ценностных ориентаций является показателем потенциала и перспектив развития конкретного общества и составляющих его социальных групп. Примечательно, что ценностная проблематика актуализируется в информационном пространстве в трансформационные периоды существования обществ, обуславливая необходимость поиска путей формирования таких ценностных установок, которые бы способствовали выходу из кризисных состояний и снижению уровня конфликтности социальной среды [4].

Ценность человека – базовая философская категория, вокруг которой сформировался отдельный самостоятельный раздел – аксиология. Ценностные ориентации определяют содержательную сторону направленности личности и составляет основу её отношений к окружающему миру, к другим людям и себе. Система ценностных ориентаций традиционно представляет собой важный объект исследования в большинстве социально-гуманитарных дисциплин. В социологии теоретическая и эмпирическая интерпретация рассматриваемого понятия получила в работах таких учёных, как В.А. Ядов В.Г. Лисовский, А.Г. Здравомыслов, и многих других [3]. В частности, В. А. Ядов подчеркивал, что ценностные ориентации образуют высший уровень иерархии predisposedностей человека к определенному восприятию условий своей жизнедеятельности и к поведению в долгосрочной перспективе. По мнению

В. А. Ядова именно ценностные ориентации выступают критериями принятия жизненно важных решений в ситуациях морального выбора [16].

Исследования ценностных ориентаций молодёжи занимают особое место в отечественной науке. Учитывая, что вектор их направленности во многом определяет модели поведения будущих поколений, понимание ценностной структуры молодёжи позволяет прогнозировать многие аспекты развития страны в среднесрочной и долгосрочной перспективах.

В настоящее время используются разнообразные методики исследования ценностных ориентаций. К их числу относят личностный тест самооценки, разработанный американским психологом Гордоном Олпортом; опросник А. Эдвардса, также известный как «Личностный определитель» А. Эдвардса; методики М. Рокича, Ш.Шварца, Г. Триандиса, Х. Кантрилла. Среди отечественных исследователей соответствующие методики были предложены Н.И. Лапиным, С.Г. Климовой, И.М. Клямкиным, Г.Г. Силласте, В.А. Ядовым [8].

В отечественной исследовательской практике чаще других используют методику, разработанную Милтоном Рокичем. Она представляет собой прямое ранжирование респондентов двух наборов ценностей: терминальных (ценности-цели) и инструментальных (ценности-средства). Изначально эта методика использовалась социальными психологами и предназначалась для диагностики небольших социальных групп (трудовые коллективы, учебные группы и т.д.), однако в последствии она получила распространение и среди социологов.

Во многих отечественных исследованиях методика используется в адаптированном виде. Корректировка была вызвана двумя обстоятельствами. Во-первых, необходимость учёта культурной специфики обусловила изменение ряда формулировок. Например, в исследованиях В.А. Ядова корректировке подверглись формулировки некоторых

их терминальных ценностей [12]. Во-вторых, необходимость адаптации методики связана с трудоёмкостью процедуры ранжирования ценностей. Если в исследованиях психологов это не является проблемой, т.к. респонденты настроены на длительное общение с интервьюером, то в социологических исследованиях использование прямого ранжирования может привести к большому количеству пропущенных ответов, хаотичному и неосмысленному ранжированию или вообще, отказу от ответов. Таким образом, в социологических исследованиях вместо ранжирования респондентам предлагается выбрать из списка несколько, наиболее значимых для них вариантов.

Молодёжь как крупная социально-демографическая группа обладает высоким уровнем мобильности, творческой, политической и интеллектуальной активности. В то же время молодые люди сталкиваются с рядом социально-экономических препятствий, связанных с обретением самостоятельности. Этот жизненный период сопровождается необходимостью получения профессионального образования, созданием семьи, решением материальных и жилищных проблем [5,6].

Молодёжь, по сравнению с другими социальными группами обладает наибольшим потенциалом социальных перемен в обществе. И речь не только о решении проблем социально-экономического характера. Позитивные установки современной молодёжи – это творческая энергия, креативность, дух развития социума в будущем. Несмотря на то, что молодёжная проблематика довольно хорошо исследована в отечественной социологической научной литературе, недостаточно изученными остаются проблемы отдельных категорий молодёжи, в частности – сельской [7,8]. Данное обстоятельство обусловило выбор в качестве объекта нашего инициативного исследования сельскую молодёжь.

Исследование осуществлялось в 2018 году в Тюменской области (без Ханты-Мансийского автономного округа

– Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа). Тип выборки – квотная. Параметрами квот выступили такие ключевые социально-демографические характеристики сельской молодёжи, как пол, возраст, а также тип сельского поселения. Здесь следует сделать небольшое пояснение. При формировании выборки мы ориентировались на Тюменских исследователей, которые в результате изучения социально-экономических особенностей развития сельских территории создали центр-периферийную модель. Согласно этой модели, социально-экономическое состояние различных поселений в существенной степени различается и зависит от их расположения относительно ключевых «узлов»: городов, транспортных магистралей, крупных предприятий и т.п. [9]. Мы посчитали важным, чтобы исследованием был охвачен максимально возможный спектр различных типов сельских поселений. Таким образом, в ходе реализации проекта в выборку попали жители 6-ти районов, 14 сельских поселений, различных типов.

Как правило, целью социальных исследователей является описание характеристик определённых социальных групп, а для определения объёма выборки исследователи пользуются заранее подсчитанными значениями, приводимыми в научной литературе. Так в «классическом» учебнике по методологии социологического исследования В.А. Ядова, автор, ссылаясь на В.И. Паниотто, приводит расчёты репрезентативной выборки с допущением 5% ошибки [10]. При этом он указывает, что для совокупности более 100 000 выборка составляет 400 единиц [11]. Такие же данные приводятся в учебнике В.И. Добренькова и А.И. Кравченко [2]. А на сайте socioline.ru авторы указывают, что выборка в 384 человека для генеральной совокупности более 500 000 означает доверительную вероятность 95% и доверительный интервал $\pm 5\%$ [6]. Общий объём выборочной совокупности нашего исследования составил – 533 ре-

спондента, что, по приведённым выше основаниям представляется достаточным для получения валидных результатов.

Одной из задач исследования являлось изучение особенностей системы ценностных ориентаций сельской молодёжи. Для её решения мы использовали описанную выше методику Рокича. В анкете массового опроса были представлены списки из 18 терминальных и 18 инструментальных ценностей, в каждом из которых респондентам предлагалось выбрать 5 вариантов. Формулировки самих вопросов выглядели следующим образом: «Какие ценности для Вас сейчас наиболее близки?» и «Какие личностные качества Вы больше всего цените в людях?».

Интерпретация результатов исследований, проводимых при помощи методики Рокича подразумевает их анализ в разрезе различных групп ценностей. Доминирующая направленность ценностных ориентаций человека фиксируется как занимаемая им жизненная позиция, которая определяется по критериям уровня вовлеченности в сферу труда, в семейно-бытовую и досуговую активность. Качественный анализ результатов исследования даёт возможность оценить жизненные идеалы, иерархию жизненных целей, ценностей-средств и представлений о нормах поведения, которые человек рассматривает в качестве эталона.

Анализируя иерархию ценностей, следует обратить внимание на их группировку исходя из ответов респондентов в содержательные блоки на тех или иных основаниях. Как отмечает Д.А. Леонтьев, индивидуальная иерархия ценностных ориентаций, как правило, представляет собой последовательность достаточно хорошо разграничиваемых «блоков». Он приводит возможные группировки ценностей, объединённые в блоки по различным основаниям и представляющие собой своего рода полярные ценностные системы [5].

Для анализа результатов нашего исследования была использована следующая группировка. Для группы терминальных ценностей:

- «Конкретные» и «абстрактные»
- Ценности профессиональной самореализации и личной жизни

Для группы инструментальных ценностей:

- Этические ценности, ценности общения, ценности дела
- Индивидуалистические, конформистские и альтруистические ценности
- Ценности самоутверждения, ценности принятия других [1]

В приведённых ниже таблицах представлено распределение ответов респондентов на рассматриваемые вопросы анкеты, (табл. 1, 2). Для наглядности и удобства интерпретации мы добавили в таблицы колонки с пояснениями, к каким группам относится та или иная ценность.

Таблица 1
Терминальные ценности респондентов (Группа 1 – «Конкретные» и «Абстрактные» ценности, Группа 2 – ценности профессиональной самореализации и личной жизни)

Ценность	%	Группа 1	Группа 2
1. Активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни);	14,0%	Конкретная	Профессион.
2. Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом);	15,0%	Абстрактная	–
3. Здоровье (физическое и психическое);	63,2%	Конкретная	Личная
4. Интересная работа;	26,9%	Конкретная	Профессион.
5. Красота природы и искусства;	10,4%	Абстрактная	–
6. Любовь;	26,4%	Абстрактная	Личная

7. Материально обеспеченная жизнь;	43,5%	Конкретная	Личная
8. Наличие хороших и верных друзей;	30,6%	Конкретная	Личная
9. Общественное признание (уважение окружающих);	11,9%	Конкретная	Профессион.
10. Познание (расширение своего образования, интеллектуальное развитие);	11,4%	Абстрактная	–
11. Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей);	14,0%	Конкретная	Профессион.
12. Развитие (постоянное физическое и духовное совершенствование);	20,7%	Абстрактная	Профессион.
13. Развлечения (приятное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей);	6,2%	Конкретная	Личная
14. Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках);	8,8%	Абстрактная	Личная
15. Счастливая семейная жизнь;	50,3%	Конкретная	Личная
16. Счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом);	7,3%	Абстрактная	–
17. Творчество (возможность творческой деятельности);	7,8%	Абстрактная	–
18. Уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий).	18,7%	Абстрактная	Личная

Анализ терминальных ценностей показывает, что чаще всего респонденты выбирали конкретные ценности. В частности 5 наиболее часто выбираемых позиций выглядит следующим образом: здоровье, счастливая семейная жизнь, материально обеспеченная жизнь, наличие хороших и верных друзей, интересная работа. В таблице эти вари-

анты выделены красным цветом. Вторая «пятерка» (на самом деле мы выделили здесь 6 позиций, поскольку две из них были выбраны одинаковым количеством респондентов) представлена в равной мере конкретными и абстрактными ценностями. Все остальные варианты, которые выбирались респондентами реже всего, представлены, по большей части абстрактными ценностями. Относительно отнесения ценностей ко второй группе, отметим, что наиболее часто упоминаемые ценности относятся к личным. Единственная ценность среди них «интересная работа», относится к профессиональным. Таким образом, можно констатировать доминирование конкретных личных терминальных ценностей сельской молодёжи.

Инструментальные ценности, как уже было сказано выше, разделяют на три группы (табл.2). Ответы респондентов показывают, что в группе 1 доминируют ценности дела и общения, а в группах 2 и 3, ценности не определённые к какому-либо классу, т.е. в равной степени присущие тому или иному виду внутри класса.

Следует отметить, что из числа инструментальных ценностей чаще всего участники опроса отмечали «воспитанность» (53,4%), «ответственность» (51,3%), «исполнительность» (32,6%), «жизнерадостность» (42%), «образованность» (26,4%), «честность, правдивость» (37,3%).

Таблица 2
Инструментальные ценности респондентов
(Группа 1 – этические ценности, ценности общения, ценности дела. Группа 2 – Индивидуалистические, конформистские и альтруистические ценности. Группа 3 – Ценности самоутверждения, ценности принятия других)

		Группа 1	Группа 2	Группа 3
1. Аккуратность	18,1 %	Дело	–	–
2. Воспитанность (хорошие манеры);	53,4 %	Общение	Конформ.	–

3. Высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания);	6,2%	Этич.	–	Самоутв.
4. Жизнерадостность (чувство юмора);	42,0 %	Общение	–	–
5. Исполнительность (дисциплинированность);	32,6 %	Дело	–	–
6. Независимость (способность действовать самостоятельно, решительно);	16,6 %	Этич.	Индивид.	Самоутв.
7. Непримируемость к недостаткам в себе и других;	7,8%	Общение	Индивид.	Самоутв.
8. Образованность (широта знаний, высокая общая культура);	26,4 %	Дело	–	Самоутв.
9. Ответственность (чувство долга, умение держать своё слово);	51,3 %	Этич.	–	–
10. Рационализм (умение логично мыслить, принимать обдуманные решения);	14,0 %	Дело	Индивид.	–
11. Самоконтроль (сдержанность, самодисциплина);	20,7 %	Этич.	Конформ.	Другие
12. Смелость в отстаиваниях своего мнения, взглядов;	18,7 %	Дело	Индивид.	Самоутв.
13. Твёрдая воля (умение настоять на своём, не отступать перед трудностями);	15,0 %	Дело	Индивид.	Самоутв.
14. Терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки);	14,0 %	Общение	Альтр.	Другие
15. Широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки);	13,5 %	Этич.	Конформ.	Другие
16. Честность (правдивость, искренность);	37,3 %	Общение	–	Другие
17. Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе);	11,9 %	Дело	–	Самоутв.
18. Чуткость (заботливость);	11,9 %	Общение	Альтр.	Другие

Подводя итог анализа ценностей респондентов, отметим, что у современной сельской молодежи они вполне конкретны и ориентированы скорее на личностные, семейные стороны жизни, чем на профессиональные достижения. Способы достижения жизненных целей при этом связаны с умеренными и позитивными человеческими качествами. Крайние позиции, связанные с целенаправленным и амбициозным подходом к жизни, необходимостью приложения значительных усилий для достижения успеха отмечало относительно небольшое количество респондентов.

Литература

1. Большая энциклопедия психологических тестов / [авт.-сост. А. Карелин]. - Москва : ЭКСМО, 2005. - 414 с. (с. 28)
2. Добренков В. И. Методы социологического исследования : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 020300 «Социология» [Текст] / В. И. Добренков, А. И. Кравченко. - Москва : ИНФРА-М, 2011. - 767 с.
3. Евдокимова Т. Г. Теоретико-методологические основания изучения ценностных ориентаций [Текст] / Т. Г. Евдокимова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». - 2018. - №1 (11). - С. 65-75.
4. Елишев С. О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий ценность, ценностные ориентации [Текст] / С.О. Елишев // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. - 2010. - №3. - С. 74-90.
5. Попов Е.П., Попова М.В. Социальная идентичность молодежи современных сел [Текст] /Е.П., Попов, М.В. Попова // Вестник Иркутского университета. 2019. № 22. С. 85-87.
6. Попова М.В. Коммуникативное пространство сельской молодежи [Текст] /М.В. Попова // Социология. 2019. № 2. С. 257-260.
7. Попова М.В. Социальное самочувствие и социальная идентичность сельской молодежи [Текст] /М.В. Попова // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Сборник научных трудов. ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. В.А. Решетникова, О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2019. С. 328-334.
8. Попова М.В. Социальные связи сельской молодежи [Текст] /М.В. Попова // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 274-280.
9. Потапова И. И. Система ценностных ориентаций и направленность личности [Текст] / И. И. Потапова // Научные исследования в образовании. -2010. - №6. - С. 33-38.
10. Расчет размера выборки [Электронный ресурс] // Сайт socioline.ru-учебники, монографии по социологии - URL: <http://socioline.ru/rv.php>
11. Фарахутдинов Ш.Ф. Удовлетворенность жизнью сельской молодежи в Западно-Сибирском регионе России / Ш.Ф. Фарахутдинов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2017. - № 5 (141). - С. 233-250.
12. Фомичева Т.В. Методики изучения ценностей в социологии: управленческий аспект [Текст] / Т.В. Фомичева // Материалы Афанасьевских чтений. - 2015. - Т. 1. - № 13. - С. 312-318.
13. Шелудков А. В. Сельские муниципалитеты Тюменской области: пространство, статистика, власть. [Текст] / А. В. Шелудков, С. В. Рассказов, Ш. Ф. Фарахутдинов- М. : Страна ОЗ, 2016. - 184 с.
14. Экспертные оценки в социологических исследованиях [Текст] / [С. Б. Крымский, Б. Б. Жилин, В. И. Паниотто и др.; Отв. ред. С. Б. Крымский]; АН УССР, Ин-т философии. - Киев : Наук. думка, 1990. - 318 с.
15. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования : Описание, объяснение, понимание социал. реальности : Учеб. для студентов вузов [Текст] / В. А. Ядов; В сотрудничестве с

В. В. Семенов; Ин-т социологии РАН. - М.: Добросвет, 1999. – С. 118

16. Ядов В.А. Самореализация и прогнозирование социального поведения личности. [Текст] / В. А. Ядов – Ленинград: Наука, Ленингр. отд-е, 1979. – С. 47 – 52.

Features of the system of value orientations of modern rural youth

Savitskaya Yu.P.

Tyumen Industrial University

the article, based on the empirical data of an initiative sociological study, shows the features of the system of value orientations of modern rural youth. In particular, the role of value issues in the characterization of various social groups is considered. Key approaches to the study of the value system in sociology are highlighted. Heuristic possibilities and limitations of the methodology for studying the value orientations of M. Rokich are described. The research results characterizing the value structure of modern rural youth are presented. The findings are compared with studies of urban youth conducted by Russian sociologists. The socio-psychological features of the studied cohort are highlighted.

Keywords: system of value orientations, youth, Rokich, rural area, sociological research.

References

1. Great Encyclopedia of psychological tests / [ed. A. Karelin]. - Moscow: EKSMO, 2005. - 414 p. (p. 28)
2. Dobrenkov V. I. Methods of sociological research: a textbook for students of higher educational institutions studying in specialty 020300 "Sociology" [Text] / V. I. Dobrenkov, A. I. Kravchenko. - Moscow: INFRA-M, 2011. -- 767 p.
3. Evdokimova T. G. Theoretical and methodological foundations of the study of value orientations [Text] / T. G. Evdokimova // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series "Philosophy. Sociology. Art History". - 2018. - No. 1 (11). - S. 65-75.
4. Elishev S. O. Theoretical and methodological approaches to the study of concepts of value, value orientations [Text] / S.O. Elishev // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. - 2010. - No. 3. - S. 74-90.
5. Popov EP, Popova MV Social identity of youth in modern villages [Text] / EP, Popov, MV

Popova // Bulletin of the Irkutsk University. 2019.No 22.P. 85-87.

6. Popova M.V. Communicative space of rural youth [Text] / M.V. Popova // Sociology. 2019.No 2.P. 257-260.
7. Popova M.V. Social well-being and social identity of rural youth [Text] / M.V. Popova // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Collection of scientific papers. FSBEI HE "IGU"; under the general. ed. V.A. Reshetnikova, O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2019.S. 328-334.
8. Popova M.V. Social relations of rural youth [Text] / M.V. Popova // The problem of the relationship between natural and social in society and man. 2019.No 10.P. 274-280.
9. Potapova I. I. The system of value orientations and personality orientation [Text] / I. I. Potapova // Scientific researches in education. 2010. - No. 6. - S. 33-38.
10. Calculation of the sample size [Electronic resource] // Socioline.ru site- textbooks, monographs on sociology - URL: <http://socioline.ru/rv.php>
11. Farahutdinov Sh.F. Satisfaction with the life of rural youth in the West Siberian region of Russia / Sh.F. Farakhutdinov // Monitoring of public opinion: economic and social changes. - 2017. - No. 5 (141). - S. 233-250.
12. Fomicheva T.V. Methods of studying values in sociology: managerial aspect [Text] / T.V. Fomicheva // Materials Afanasyev readings. - 2015. - T. 1. - No. 13. - S. 312-318.
13. Sheludkov A. V. Rural municipalities of the Tyumen region: space, statistics, power. [Text] / A.V. Sheludkov, S.V. Rasskazov, Sh. F. Farakhutdinov– M.: OZ Country, 2016. - 184 p.
14. Expert assessments in sociological research [Text] / [S. B. Krymsky, B. B. Zhilin, V. I. Paniotto and others; Repl. ed. S. B. Krymsky]; USSR Academy of Sciences, Institute of Philosophy. - Kiev: Science. Dumka, 1990. -- 318 p.
15. Yadov V. A. Strategy of sociological research: Description, explanation, understanding of social. reality: Textbook. for university students [Text] / V. A. Yadov; In collaboration with V.V. Semenova; Institute of Sociology RAS. - M.: Dobrosvet, 1999. -- S. 118
16. Poisons V.A. Self-realization and prediction of social behavior of an individual. [Text] / V. A. Yadov - Leningrad: Science, Leningrad. Dep., 1979.- S. 47 - 52.

Факторы негативного отношения к службе в армии (на примере призывников г.о. Химки)

Стоянов Александр Сергеевич

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Академии гражданской защиты МЧС России, доцент кафедры социологии Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, stoianoff@mail.ru

Филькова Валерия Николаевна

студент, Академия гражданской защиты МЧС России valeriya_fikova@mail.ru

В статье описывается проблема негативного отношения юношей призывного возраста к службе в армии. Авторы выявили, что такие факторы, как отсутствие допризывной подготовки, мнение родителей, друзей и знакомых влияют на формирование негативного отношения к службе в армии Российской Федерации. Исследование проведено методом социологического анализа анкетных данных. Статья подготовлена в рамках планового изучения учебной дисциплины «Методы и методология социологических исследований», а также научной школы «Государственная политика и управление», функционирующей на постоянной основе в Академии гражданской защиты МЧС России.

Ключевые слова: служба в армии, негативное отношение, юноши призывного возраста, общественное мнение, влияние, допризывная подготовка, имидж.

Проблема. Согласно данным судебной статистики, опубликованной Агентством правовой информации, по статье 328 УК РФ «Уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы» за 2016 год было осуждено 596 юношей призывного возраста, за 2017 – 658 и за 2018 – 631 человек [5]. Соответственно актуальным становится выявление факторов негативного отношения юношей к армейской службе. Исходя из этого, есть возможность сформировать ряд предложений для деятельности военкоматов, государственных и военных структур по формированию позитивного отношения призывников к службе в армии.

Существует двойственное отношение к службе в армии у юношей призывного возраста. В их сознании есть два диаметрально противоположных варианта, один из которых - это рост доверия к такой силовой структуре, как армия, другой – стремление многочисленной части призывников уклониться от армейской службы. Такое отношение формируется рядом факторов, которые предстоит выяснить.

Целью написания данной статьи является выявление факторов формирования негативного отношения к службе в армии у призывников.

Задачи работы:

- произвести анализ факторов, влияющих на негативное отношение к армии юношей призывного возраста;
- выработать предложения по улучшению привлекательности армии России в глазах призывников.

Метод исследования: анализ данных социологического опроса (анкетирование).

Анализ проблемы. Вопрос, касающийся службы в армии, уже давно вызывает интерес у социологов. Поэтому

этой теме посвящались многие исследования и статьи. Например, Верещагина А. В., Сажина Л. В. и Самыгин С. И. изучали отношение студенческой молодежи к армии с позиции факторов национальной безопасности [2]. Чупров В. И. исследовал отношение призывников к службе в армии по контракту [3]. Шевцов В.В. проанализировал отношение школьников и студентов к военной службе [4].

Также большое количество других исследователей рассматривали проблемы, касающиеся армии. Например, современные социологи также уделяют внимание вопросам армии. Невзоров Е. Ю. анализирует исторические аспекты формирования резерва пополнения русской армии за счет солдатских детей в XIX веке [6]. Бектаев Н. Ш. рассматривал ряд обстоятельств, по которым юноша может быть освобожден от службы в армии как на временной, так и на постоянной основах [7]. Ионова Я. П., Чистякова Е. Г. Изучили проблемы и особенности физической подготовки допризывников в общеобразовательных организациях [8]. Яворский Я. В. свою статью посвятил выявлению основных социальных проблем современной российской армии [9]. А также Никонорова Н. М., Петухова Е. А., Хохлова Т. М. определили отношения студентов к военной службе по призыву [10].

Авторы же статьи попытались выявить факторы негативного отношения к службе в армии юношей призывного возраста.

Социологическое исследование проводилось в мае 2019 года среди лиц мужского пола призывного возраста г.о. Химки (18-27 лет) с целью выявить факторы формирования их негативного отношения к армии. При опросе авторы использовали метод анкетирования. Респонденты заполняли онлайн-анкету на специальном веб-сайте — «Google

Формы». При опросе соблюдался принцип анонимности. Количество опрошенных составило 200 человек. Что соответствует выборке при генеральной совокупности 750 призывников⁴ (18-27 лет) с 5% доверительным интервалом и доверительной вероятностью 90%.

При опросе преимущественно преобладала возрастная категория 18-19 лет, что составило 43,5% от общего числа опрошенных, вторая категория - молодые люди от 20 до 21 года (23%). Большая часть опрошенных учится (45,5%) или совмещает учёбу и работу (27%), остальные 26,5% работают. Результаты анкетирования приведены ниже (рис. 1,2).

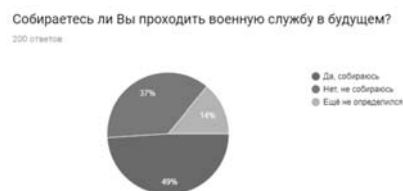

Рис. 1 – количество призывников, собирающихся служить в армии.

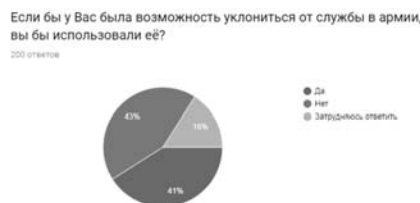

Рис. 2 – количество призывников, которые при возможности уклонились бы от армии.

На первый вопрос «Собираетесь ли Вы проходить военную службу в будущем?» были получены следующие ответы: большая часть респондентов (49%) собираются служить в армии в ближайшем будущем, остальная часть опрошенных не собирается (37%) или ещё не определилась с выбором (14%)

⁴В этом сезоне призвано 145 молодых людей. Основная категория призывников – это ребята, только окончившие школу или училище. Также есть те, кто пришёл в военкомат уже с высшим образованием – таких молодых специалистов 45 человек

Свыше 140 призывников из Химок отправились на срочную службу после призыва [Электронный ресурс] URL: <https://www.khimki.org/news/svyshe-140-prizyvnikov-iz-himok-otpravilis-na-srochnuyu-službu-posle-prizyva> (дата обращения: 17.03.2019).

(См. Рис. 1). Результаты ответов на следующий вопрос «Если бы у Вас была возможность уклониться от службы в армии, вы бы использовали её?» говорят о том, что меньше половины молодых людей (43%) не стали бы уклоняться от службы в армии. И напротив, другая половина юношей (41%) воспользовались бы шансом уклониться от армии, если бы у них такая возможность была. Оставшиеся 16% испытали сложность в ответе на данный вопрос (См. Рис. 2).

Исходя из выше представленных вопросов, можно выявить следующее общее мнение опрошенных респондентов: служба в армии является для них принудительной и навязанной государством, от которой они не могут уклониться, но имея такую возможность, призывники обязательно воспользовались бы ею.

Далее авторы попросили респондентов написать свой ответ, либо выбрать не более трех предоставленных вариантов, формирующих положительное или отрицательно мнение о службе в армии среди призывников.

А какие, на Ваш взгляд, главные отрицательные стороны (выбрать не более трёх вариантов)?

200 ответов

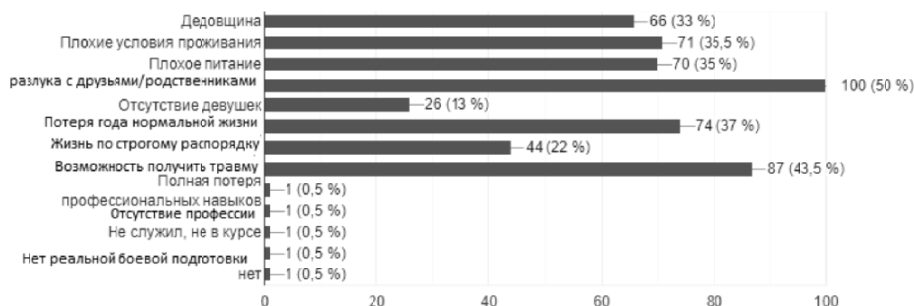

Рис. 3 – отрицательные стороны службы в армии.

Отметьте, насколько важными являются для вас следующие аспекты жизни молодых людей (оцените по пятибалльной шкале, где 1 - не имеет никакого значения, 2 - почти не важно, 3 - важно, но можно обойтись, 4 - очень важно, 5 - невозможно обойтись без этого)

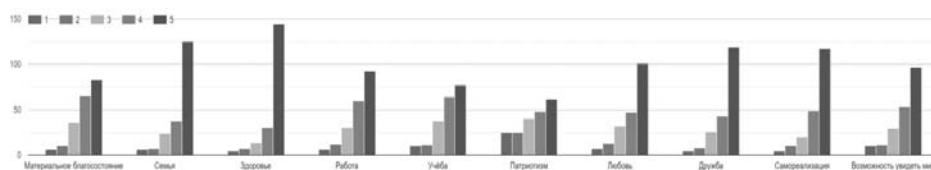

Рис. 4 – важные аспекты жизни призывников.

Отрицательное мнение о службе в армии у призывников складывается из следующих факторов: половина опрошенных (50%) главным минусом считают разлуку с близкими, родственниками и друзьями, другая часть (35,5%)

переживает за плохие условия проживания, плохое питание (35%), строгий распорядок (22%), наличие дедовщины (33%) и возможность получить травму (43,5%) (См. Рис. 3). Данные показали,

что среди призывников г.о. Химки существуют опасения о социальной незащищённости призывников, неуставных взаимоотношений начальника и подчинённого, а также опрошенные считают, что в армии может быть нанесён вред здоровью.

Также респондентов попросили «**Отметьте, насколько важными являются некоторые аспекты жизни молодых людей (оцените по пятибалльной шкале, где 1 – не имеет никакого значения до 5 – невозможно обойтись без этого)**», в результате чего выяснилось, что первостепенными аспектами (оценка 5) в жизни призывников г.о. Химки оказалось здоровье (72,5%), семья (62,5%), дружба (59,5%), самореализация (58,5%), любовь (50,5%), возможность увидеть мир (48,5%), материальное благосостояние (41,5%), учеба (38,5%) и на последнем, к сожалению, месте патриотизм (31%) (См. Рис. 4). Можно сделать вывод о том, что жизненные аспекты, связанные с воинским долгом по защите Родины, практически не учитываются.

Также был задан вопрос «**Как вы оцениваете состояние Вооружённых сил РФ для призывников?**» Авторы выяснили, что условия проживания в казарме (32%), качество питания (27,5%), распорядок армейской жизни (30,5%), отношения между военнослужащими (27%), система призыва на службу (24,5%), наличие отсрочек (27,5%) респонденты оценивают на «удовлетворительно», а профессионализм офицерского состава на «хорошо» (29%). Ответы на этот вопрос ещё раз показали, что призывники видят больше отрицательных сторон в службе в армии, заранее настраивая себя на негативный лад. Становится очевидным, что служба в армии для многих призывников является стрессовым событием. Нежелание служить связано с рядом субъективных и объективных факторов.

Далее авторы решили выяснить, какие положительные стороны видят респонденты в службе в армии.

Назовите положительные стороны службы в армии (выбрать не более трёх вариантов):

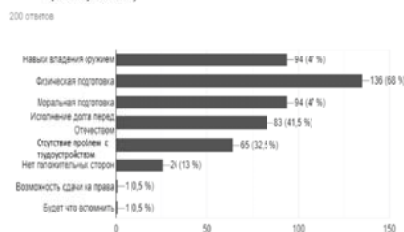

Рис. 5 – положительные стороны службы в армии

Определите, чем армия является для Вас в большей степени:

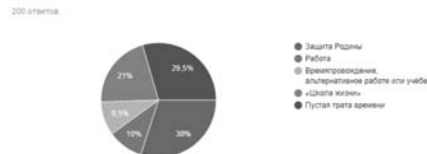

Рис. 6 – чем армия является для призывников в большей степени.

Считаете ли Вы, что армия для мужчины - это «школа жизни»?

Рис. 7 – мнение призывников о том, что армия – это «школа жизни».

Так, выяснилось, что положительное мнение складывается и поддерживается благодаря следующим аспектам: армия развивает физическую силу (68%), юноши получают новые навыки, например, владения оружием (47%), помимо этого служба в армии морально подготавливает, например, дает шанс призывнику укрепить силу воли (47%), а также 41,5% опрошенных молодых людей считают необходимым исполнить долг перед Отечеством. Меньшее количество опрошенных считают, что «армия является способом дальнейшего трудоустройства» (32,5 %) (См. Рис. 5). Проанализировав ответы респондентов

тов, мы можем сделать следующий вывод: призывники относят к положительным качествам армии различные нематериальные блага, тогда как материальные блага в виде денежных средств не являются для них привлекательными.

Также авторами был задан вопрос **«Определите, чем армия является для Вас в большей степени?»**. Мнения призывников распределились следующим образом: «Защита Родины» (30%) преобладал над ответом «Пустая трата времени» (29,5%) всего лишь на 0,5%, но следующим по популярности стал ответ «школа жизни» (21%) (См. Рис. 6). Для подтверждения данных был задан дополнительный проверяющий вопрос **«Считаете ли Вы, что армия для мужчины – это «школа жизни?»**, ответ большинства на который был да – 49,5% (См. Рис. 7). Из полученных данных выходит, что для мужчин армия остается местом, которое позволяет развить в себе новые качества и укрепить имеющиеся.

Анализируя отрицательные и положительные мнения респондентов об армии, можно утверждать, что мысли призывников противоречивы: с одной стороны, молодые люди имеют ряд предубеждений перед армией, с другой — находят в службе положительные стороны.

Далее авторы решили выяснить под влиянием каких факторов складываются представления призывников о службе в армии.

Как правило, большая часть установок, формирующихся в сознании людей, идет именно из семьи. На вопрос **«Как относятся к военной службе ваши родители?»** были получены следующие ответы: 9,5 % – «Родители сделают всё, чтобы я не служил», 30 % – «Родители хотят, чтобы я пошел служить», и 60,5 % – «Родители предоставляют мне свободу выбора». Становится ясно, юноши призывного возраста считают, что большинство родителей призывников желают, чтобы их дети определялись с выбором сами.

Что касается другого близкого окружения (друзья, знакомые), то на вопрос

«Обсуждаете ли Вы проблему службы в армии со своими друзьями?» получили ответы: 51% обсуждают проблему службы в армии с друзьями, но не слишком часто, 22,5% – часто и 26,5 % не обсуждают вообще. Это говорит о том, что интерес к армии складывается под впечатлением рассказов друзей и знакомых.

При этом на вопрос **«Хорошо ли Вы знакомы с законодательством о военной службе?»** только 36,5 % достаточно хорошо знакомы с законодательством о военной службе, 48 % знакомы, но не очень хорошо, и 15,5 % не знакомы вообще. Это говорит о том, что большая часть респондентов (84,5%) интересуются законами об армии, стараясь узнать о ней из официальных источников.

Также был задан вопрос **«Как Вы считаете, кто в большей степени ответственен за формирование имиджа армии в глазах молодежи?»**. Результаты показали, что значимую роль в формировании установок у призывников играет правительство (35,5%), поскольку именно правительство является источником обеспечения контроля над процессами, происходящими в армии. В то время как влияние военкоматов (12,5%) и СМИ (10%) невелико.

На вопрос **«Основной источник знаний об армии?»** были предложены следующие ответы и распределены в процентном соотношении: «От друзей, которые еще не служили» – 3,5 %, «Из новостей, газет и интернета» – 6,5 %, «Родители, учителя» – 7 %, «От друзей, которые уже отслужили» – 33,5 %. Таким образом, становится ясно, что мнение призывников об армии формируется под влиянием ряда факторов. Но большей авторитет имеет мнение друзей (37% опрошенных), так как оно оказывает наибольшее влияние на становление представлений юношей об армии. К тому же, у значительной части опрошенных (33,5%) есть друзья, которые когда-либо служили в армии и именно от них молодые люди узнают о подробностях армейской службы (См. Рис. 8).

Проанализировав вопрос выше, мы видим, что большое количество знаний об армии призывники получают от близких (друзей, знакомых и родителей), из чего мы можем сделать вывод, что именно под их влиянием у призывников могут формироваться негативные и позитивные установки о службе в армии.

Для работы с негативными установками молодых людей, был сформирован список инициатив. Первая инициатива – это сокращение срока службы в армии. Опрошенные не согласились с такой необходимостью. 42% считают, что сокращение срока службы не сделало бы ее популярнее среди призывников, 37,5% уверены в обратном, остальные 20,5% не знают ответа. Таким образом, вполне закономерно, отвечая на вопрос **«Какой срок службы Вы считаете наиболее оптимальным?»** респонденты посчитали, что один год является наиболее оптимальным временем нахождения на службе (42%), вторым по популярности ответом стал срок службы полгода (30,5%).

Вторым предложением стало изменение призывного возраст молодых людей. Но и эта инициатива не нашла поддержки. Респонденты посчитали, что оптимальный возраст для призыва в армию - с 18 до 27 лет (77%), то есть тот возраст, который сейчас и есть, согласно Федеральному закону «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 года [1]. Другая часть опрошенных считают, что нужно призывать с 15-18 лет (8,5%). Менее всего опрошенных считают, что с 28-30 лет (6%). Хотя также распространено мнение, что призывать не должны вообще, служба в армии должна быть по желанию человека (4,5%).

Третьей инициативой стало введение допризывной подготовки. Авторы задали вопрос респондентам **«Нужна ли, на Ваш взгляд, допризывная подготовка?»**, в результате чего выяснилось, что 31,5% уверены в своих воз-

можностях и не нуждаются в подготовке, другие 53,5%, уверены, что для службы в армии допризывная подготовка обязательна. Её наличие поможет облегчить последующее нахождение службы. Остальные 15% сомневаются в своих возможностях (См. Рис. 9). Так, в формировании отношения к военной службе значима допризывная подготовка.

Основной источник знаний об армии?

200 ответов

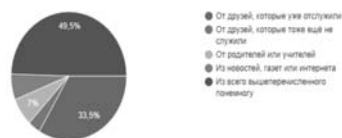

Рис. 8 – основной источник знаний об армии среди призывников.

Нужна ли, на Ваш взгляд, допризывная подготовка?

200 ответов

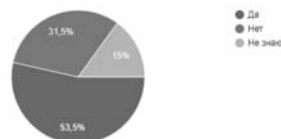

Рис. 9 – количество призывников, считающих допризывную подготовку необходимой.

Выводы и рекомендации

На основании данного исследования можно сделать три вывода.

1. Большую роль в формировании негативного образа армии играет мнение близких людей: семьи, друзей, знакомых. В связи с этим среди призывников можно продвигать такие источники информации об армии, как социальные сети. А именно: тематические группы, известных среди юношей блогеров, электронные СМИ, к которым у респондентов есть доверие, где будут размещаться полезные статьи по продвижению положительных сторон службы в армии, в частности, прививать чувство патриотизма, моральной, физической и психологической подготовки. А также можно публиковать ответы на заранее

собранные вопросы об армии и организовывать выступления специалистов, которые будут рассказывать об условиях прохождения службы.

2. Юноши призывного возраста посчитали значимой допризывную подготовку, поскольку для 49,5% призывников армия является школой жизни, также они отметили, что армия - это место, где можно развить физическую, моральную подготовку, получить новые навыки и качества. В связи с этим можно было бы привлекать молодых людей к деятельности военно-патриотических клубов, проводить больше мероприятий патриотической направленности, а также организовывать практическую деятельность. Например, могут оказаться эффективными в деле подготовки юношей к военной службе современные военно-спортивные игры: такие как пейнтбол и страйкбол, которые имитируют некоторые военные действия.

3. Так как сами опрошенные считают, что правительство, как представитель государства, играет важную роль в формировании мнения призывников, можно было бы привлекать чиновников к выступлениям, проведению различных кампаний, встреч, мероприятий, которые помогли бы формировать положительный образ службы в армии.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы: из трёх предложенных инициатив (о сокращении срока службы, снижении призывного возраста и введении допризывной подготовки), опрошенных действительно заинтересовало только последнее предложение.

Практическая значимость статьи состоит в том, что выявленные данные социологического исследования о факторах формирования негативного отношения юношей призывного возраста к службе в армии могут быть использованы в разработке различного рода предложений, мероприятий и компаний для государственных и военных структур, общественных организаций управления, которые в будущем помогут в формировании положительного образа

о службе в армии, а также готовности молодежи к службе.

Литература

1. Федеральный закон от 28.03.1998 N 53-ФЗ (последняя редакция) «О воинской обязанности и военной службе» // Российская газета. № 64(63). 1998, 2 апреля.
2. Верещагина А. В., Сажина Л. В., Самыгин С. И. Отношение студенческой молодежи к армии как фактор национальной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – №. 3. – С. 244-249.
3. Чупров В. И. Отношение призывников к службе в армии по контракту: социальный аспект // Социологические исследования. – 1994. – №. 3. – С. 45-53.
4. Шевцов В. В. Отношение школьников и студентов к военной службе // Социологические исследования. – 2006. – №. 6. – С. 111-113.
5. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс] // www.stat.api-пресс.рф. URL. <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 6.03.2020).
6. Невзоров Е. Ю. Солдатские дети как успешный проект формирования резерва комплектования русской армии в первой половине XIX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 24. – №. 180. – С. 133-141.
7. Бектаев Н. Ш. Освобождение от воинской службы (армии) // Сборник: Лучший преподаватель 2019. – 2019. – С. 51-55.
8. Ионова Я. П., Чистякова Е. Г. Роль физической культуры в подготовке допризывников к службе в армии // Мотивационные аспекты физической активности. – 2020. – С. 30-35.
9. Яворский Я. В. Социальные проблемы современной армии: чего мы добились за 30 лет? // Лучшая студенческая статья 2020. – 2020. – С. 314-318.

10. Никонорова Н. М., Петухова Е. А., Хохлова Т. М. Сравнительная характеристика мнения обучающихся мужского и женского пола ФГБОУ ВО «СГМУ» МЗ РФ о службе молодых людей в армии // Вестник науки и образования. – 2020. – №. 3-1 (8). – С. 74-77.

Factors of a negative attitude to military service (on the example of conscripts of the Khimki urban district)

Stoyanov A.S., Filkova V.N.

Academy of Civil Protection EMERCOM of Russia

This article describes the problem of the negative attitude of young men of military age to military service. After analyzing the answers received during the survey factors were identified. They affect the formation of a negative attitude to service in the army of the Russian Federation. The article was prepared as part of a planned study of the discipline "Methods and Methodology of Sociological Research", as well as the scientific school "State Policy and Management", which operates on an ongoing basis at the Academy of Civil Defense EMERCOM of Russia.

Keywords: military service, negative attitude, young men of military age, public opinion, influence, pre-conscription training, image.

References

1. Federal law dated 03/28/1998 N 53-ФЗ (latest revision) "On military duty and military service" // Russian newspaper. No. 64 (63). 1998 April 2.
2. Vereshchagina A. V., Sazhina L. V., Samygin S. I. The attitude of students to the army as a factor of national security // State and Municipal Administration. Scholarly notes of SKAGS. - 2015. - No. 3. -- S. 244-249.
3. Chuprov V. I. The ratio of conscripts to military service under the contract: the social aspect // Sociological studies. - 1994. - No. 3. - S. 45-53.
4. Shevtsov V.V. Attitude of schoolchildren and students to military service // Sociological studies. - 2006. - No. 6. - S. 111-113.
5. Judicial statistics of the Russian Federation [Electronic resource] // www. stat.api-press.rf. URL http: //stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17 (accessed 6.03.2020).
6. Nevzorov E. Yu. Soldier children as a successful project of forming the reserve for the acquisition of the Russian army in the first half of the 19th century // Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. - 2019. - T. 24. - No. 180. - S. 133-141.
7. Bektaev N. Sh. Exemption from military service (army) // Collection: The best teacher 2019. - 2019. - P. 51-55.
8. Ionova Ya. P., Chistyakova EG. The role of physical culture in preparing pre-conscripts for military service // Motivational aspects of physical activity. - 2020. - S. 30-35.
9. Yavorsky Y. V. Social problems of the modern army: what have we achieved in 30 years? // The best student article 2020. - 2020. - S. 314-318.
10. Nikonorova N. M., Petukhova E. A., Khokhlova T. M. Comparative characteristics of the opinions of male and female students of FSBEI HE "SSMU" of the Ministry of Health of the Russian Federation on the service of young people in the army // Bulletin of Science and Education. - 2020. - No. 3-1 (8). - S. 74-77.

Унифицирующий потенциал эволюционного анализа в социологических исследованиях социального неравенства

Шкурко Юлия Святославна

кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, Ульяновский государственный университет,
yulishkurko@gmail.com

Эволюционный анализ существует в социологии со временем ее возникновения. За почти двухсотлетний период он пережил взлеты и падения, и сегодня получил новый шанс на возрождение. Это стало возможным благодаря переменам, которые происходят в последние десятилетия в области биологических и социогуманитарных дисциплин в связи с изучением социобиологических факторов человеческого поведения. В социологии изменения выразились в развитии нейросоциологии, эволюционной социологии, социальных исследований геномики. При этом, часть социологов исходит из предположения о воспроизводстве современным человеком поведенческих, эмоциональных, когнитивных адаптаций, которые приобрели наши предки в условиях африканской саванны, но которые необязательно являются столь же полезными в современных условиях (гипотеза несоответствия). Проверка данной гипотезы позволяет объединить разрозненные социологические представления о социальном неравенстве и потенциально выйти на общие закономерности любых ассоциированных с ним процессов. В свою очередь, новый метод социологического исследования – межвидовое сравнение – открывает возможности заглянуть в мир животных и посмотреть на эмоциональность, мегасоциальность человека как часть естественной эволюции. Наконец, заложенная в сердце эволюционного анализа переориентация на поиск конечных причин социального неравенства и социальной стратификации, позволяет социологам открыть новые области исследований и углубить существующие представления.

Ключевые слова: социальное неравенство, иерархия доминирования, эволюционный анализ, эволюционная социология, нейросоциология, биосоциология, гипотеза несоответствия, межвидовое сравнение, конечные причины социального неравенства.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Ульяновской области в рамках научного проекта № 18-411-730014 p_a

Введение

В последние годы в социологии все более явно наблюдаются натуралистические тенденции, связанные с попытками осмыслить перемены, произошедшие в естественных науках. Представители данных дисциплин выявили значительную долю биологических факторов в социальном поведении, социальном восприятии и познании. Эти тенденции выразились в развитии эволюционной социологии, нейросоциологии, социальных исследований геномики, зачастую помещаемых под общую шапку «биосоциология».

Полученные здесь данные – касающиеся традиционных социологических проблем – о роли нерациональных решений в поведении человека [10], эмоций в сохранении социальных связей [18], эволюционной природе сексуального и гендерного поведения, биологических предрасположенности мужчин [4], генетическом факторе в межпоколенной передачи образовательного уровня [9] и др. не позволяют отмахнуться от них как от несущественных. Более того, даже если вынести за скобки конкретные результаты биосоциологических исследований, они уже поставили вопрос о необходимости обсуждения фундаментальных проблем дисциплины, таких как статус эволюционного анализа в социологии, предметные границы дисциплины, допустимость расширения социологических исследований до царства животных, адекватность и полнота современного социологического образования и др.

В настоящей работе мною исследуется вопрос об унифицирующем потенциале базовых принципов и идей эволюционной теории применительно к со-

циологическому рассмотрению социального неравенства и социальной стратификации, а также методологические возможности для такого объединения. Выбор проблемы социального неравенства не случаен. Эта проблема, с одной стороны, является одной из осевых и традиционных в социологии. С другой – именно иерархические отношения рассматриваются в качестве универсальных в царстве животных (включая человека), для объяснения причин появления которых в биологии успешно использован эволюционный анализ, позволивший объединить множество разрозненных эмпирических фактов.

Поскольку человек является продуктом эволюционных процессов, то нет оснований предполагать, что базовый и, по-видимому, неотчуждаемый атрибут всякого человеческого общества – иерархия социального доминирования/неравные социальные отношения – никак не связаны с этим процессом. Это наводит на мысль, что эволюционный анализ может помочь нам, социологам, найти ответ на вопрос о том, почему сообщества людей организованы по иерархическому принципу, почему существуют разные формы социального неравенства и разные типы иерархий социального доминирования, а возможно сыграет такую же унифицирующую роль для социологических данных о социальном неравенстве как это произошло в биологии.

Исходя из этой предпосылки, во-первых, мною описаны базовые идеи, формирующие облик современного эволюционного анализа, как он сложился по итогам развития этого подхода в социологии. Во-вторых, показана логика применения гипотезы несоответствия для изучения проблемы социального неравенства в социологии. В-третьих, рассмотрено межвидовое сравнение как новый метод социологии, позволяющий выйти на вопрос о причинах иерархических отношений и их повсеместности в царстве животных. Ответ на вопрос «почему» потенциально позволяет выстроить существующие (в большинстве

своём) описательные концепции социального неравенства и социальной стратификации на новых методологических и концептуальных основаниях.

Развитие эволюционного анализа в социологии

Эволюционный анализ в социологии имеет давнюю историю, истоки которого восходят к работам классиков – О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и др. В них идея эволюции использовалась в качестве унифицирующей при проведении функционального анализа и моделировании этапов развития человеческого общества. При этом анализировались механизмы естественного отбора в социокультурной эволюции, которые, по мнению современных социологов, дополняют представления Ч. Дарвина [16]. Так, Г. Спенсер (наиболее явно использовал органическую аналогию) говорит об эволюции обществ от простых ко все более сложным образованиям как итоге решения адаптивных задач, инициированных ростом населения. Эволюционное развитие происходит посредством изменения в институциональных системах, связанных с производством, репродукцией, распределением и регулированием. Э. Дюркгейм, как и Спенсер, придавал росту населения ключевое значение в процессе социального развития (ассоциировано с социальной дифференциацией). Однако наряду с этим рассматривал такие факторы как рост материальной (плотность населения) и моральной (интенсивность социальных отношений) плотности, обострение конкуренции. Эволюционное мышление также присуще и работам К. Маркса, который в качестве движущей силы эволюции обосновал конфликты между социальными классами, инициируемые социальным неравенством. В последующем эволюционный подход развивался представителями Чикагской школы в форме экологического анализа, а затем – после периода забвения, связанного с евгеникой, ложными идеологическими и расистскими коннотациями – возобновлен

в 1960-х гг Т. Парсонсом, Н. Луманом, Г. Ленски, И. Валлерстайном и др.

Развивая эволюционный анализ сегодня, Дж. Тернер и Р. Макалик указывают на ограниченность современной синтетической модели эволюции в объяснении надогранической (социальной) эволюции, которая существенно отличается от органической в том, что эволюционирует и посредством *каких механизмов* это происходит. Для понимания социокультурной эволюции – эволюции обществ, интерсоциетальных систем и социальных единиц, из которых они состоят – американские социологи предлагают дополнить дарвиновский естественный отбор представлениями Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и Маркса [16: 246]. Они отмечают, что эта задача уже решается новой эволюционной социологией, которая охватывает многоуровневый отбор, то есть «*отбор уникальный для человеческих суперорганизмов*, могущий быть одновременно дарвиновским и работать на уровне фенотипа и лежащего в его основе генотипа, а также быть более социологическим, реализуясь на уровне социокультурных фенотипов (например, социальные структуры и их культуры), которые были созданы и сохранены и, следовательно, могут быть изменены способностями человека к агентивности» [16: 250].

Облик современного эволюционного анализа в самом общем виде может быть суммирован в виде трех базовых идей:

- человек как часть мира животных, представители которого разделяют многие общие черты (происхождение, базовые биологические предрасположенности и когнитивные способности);
- существование эволюционных причин и оснований наблюдаемых сегодня социальных явления и процессов;
- многоуровневый характер эволюции (генотип, биологический фенотип, социокультурный фенотип).

Проверка гипотезы несоответствия и механизмы социального неравенства

Гипотеза несоответствия («принцип саванны», «гипотеза эволюционного наследия») предполагает, что те психические и поведенческие адаптации, которые человек приобрел на ранних ступенях своей эволюции (в охотничьей-собирающей среде обитания африканской саванны), сегодня в современных условиях жизни, могут и не быть полезными. Этот адаптивный разрыв появляется примерно 10 тыс л. н. в период перехода человека к сельскохозяйственному образу жизни и вероятно все более увеличивается со временем [8].

Верификация данной гипотезы подразумевает: (1) идентификацию различий между средой обитания наших предков и современными условиями жизни применительно к изучаемому социальному явлению, (2) объяснение наблюдаемых явлений с точки зрения успешности или неуспешности адаптации к новой среде психических механизмов человека, благодаря которым они имеют место.

Опираясь на представление о воспроизводстве в современных условиях адаптаций вчерашнего дня, то есть тех, что сформировались у наших предков, можно сформулировать общие основания для социологических концепций о социальном неравенстве как определяемом разным доступом людей к материальным и др. ресурсам, процессом иерархической социальной категоризации:

(1) Существует набор психических, поведенческих и др. черт, которые благоприятствовали занятию высоко-статусной позиции в сообществах гоминидов, соответствующий им набор ожиданий, когнитивных и эмоциональных реакций (закрепленных на уровне генов, нейрофизиологии и архитектуры мозга), ассоциированных с местом в иерархической социальной структуре,

(2) В процессе решения различных адаптивных задач (управление конфликтами, разделение ресурсов, поддержание мира, обучение, координация совместной деятельности и др.), у

наших предков сформировались разные виды неравных отношений, выстроенных по разным основаниям – пол, возраст, принадлежность к своей или чужой группе и др.,

(3) Ассоциированные с решением этих задач психические и поведенческие особенности человека поддерживают неравные отношения сегодня. При этом они могут способствовать социальной несправедливости, дискриминации, деградации социальных институтов, то есть не быть столь же полезными как это было в прошлом.

Обоснованность (эмпирическими данными, полученными в области биологических и смежных дисциплин) рассмотрения различий в поведении в таком ключе была продемонстрирована в эволюционной психологии М. ван Вюгтом и его коллегами применительно к проблеме лидерства и следования за лидером. На примере организационных лидеров, ими было показано, что «в процессе человеческой эволюции происходил отбор когнитивных механизмов, которые позволяли нашим предкам принимать соответствующие, расширяющие их жизнеспособность решения о том, за кем следовать и когда» [1: 240], и эти механизмы «активируются всякий раз сегодня, когда мы сталкиваемся со специфической проблемой, требующей координации» [1: 190]. Очевидно, что лидеры, которые нам требовались ранее для решения проблем в африканской саванне, обладающие высоким ростом, физической силой и отменным здоровьем мужчины, могут не быть полезными в современных организационных условиях, где большее значение могут иметь гибкость мышления, умения сопереживать, навыки межличностного общения.

Расширяя этот подход на иерархические социальные отношения в целом и держа в уме социологические концепции социального неравенства и стратификации (М. Вебер, К. Маркс, П. Бурдьё, Г. Ленски, Э. Райт, Дж. Голдтроп и др.), можно увидеть, что существуют префе-

ренции людям с определенными качествами при передаче под их контроль материальных и нематериальных ресурсов и/или при обеспечении им доступа к этим ресурсам. Так, в капиталистическом обществе со времен К. Маркса (эта тенденция сохраняется и сегодня) собственниками средств производства в подавляющем большинстве случаев являются мужчины, уровень вознаграждения которых в среднем выше, чем у женщин, выполняющих аналогичную работу. Тогда как такие признаки как гендер, возраст и расовая принадлежность все еще влияют на престиж в системе рыночных отношений (М. Вебер), возможность быть членом определенной профессиональной группы, в зависимости от дохода ассоциированной с различными социальными слоями в обществе (Дж. Голдтроп).

В нейробиологических исследованиях показано, что мозг человека настроен на восприятие иерархических социальных отношений [19], за считанные доли секунд распознавая кто свой и чужой, социальные ранги и гендерную принадлежность [7; 12]. Это может говорить о том, что указанные особенности являлись жизненно важными для человека в прошлом, вопрос об их значимости сегодня является открытым. Так, принадлежность к социальной категории мужчин или женщин не кажется значимым фактором для занятия властных социальных позиций. Однако такая категоризация продолжает играть роль в нашем обществе, находя отражение в гендерных стереотипах и дискриминации, патриархальной институциональной структуре многих обществ.

Наряду с этим, изучаются биологические предрасположенности (поведенческие биограммы) к иерархическим социальным отношениям [2]. Среди которых центральное место занимают предрасположенности к социальному доминированию мужчин, которые поддерживаются как мужским, так и женским поведением. Так, Р. Хопкрофт показы-

вает, что мужчины по своей природе более мотивированы на занятие высоко-статусных позиций. Статус, ассоциированный с материальными ресурсами, повышает их репродуктивный успех, делая более привлекательными для женщин, которые эволюционно «запрограммированы» на поиск партнера, гарантирующего заботу о потомстве. В свою очередь, их высокий статус (в отличие от мужчин) не коррелирует с репродуктивным успехом [4; 5].

Межвидовое сравнение как метод исследующий унифицирующий потенциал эволюционного анализа

Одним из методов, позволяющим протестировать унифицирующий потенциал эволюционного анализа, является межвидовое сравнение. Оно может быть развернуто, по крайней мере, двумя способами. Первый предполагает сравнение представителей разных родов и видов одного семейства. Речь в этом случае идет о сравнении человека с другими приматами. Хорошим примером является изучение Дж. Тернером и А. Марьянски [17; 18] социальных связей, основанных на эмоциональных привязанностях, на основе кладистического анализа⁵. Как показали авторы исследования, эмоциональность явилась не только фактором, благоприятствующим эволюционному успеху наших предков, но и, по-видимому, позволяла аффективно маркировать, кто свой и чужой. Данная оппозиция лежит в основе многих современных форм социального неравенства, процессов исключения

меньшинств, представителей не своих социальных группы с высокостатусных позиций.

Эмоции сегодня рассматриваются в качестве одного из элементов коммуникативных систем, развитых в качестве адаптаций к иерархическим социальным отношениям [13; 14; 15]. В эволюционной социологии показано, что разный набор эмоций, закрепился в качестве преобладающих у представителей доминантных и субдоминантных социальных позиций. Так, вторичная эмоция «гордость» (объединяет гнев и радость) и «стыд» (комбинация страха и печали) появились в качестве адаптивных реакций к высокому и низкому статусу в социальной иерархии доминирования. Гордость позволяла (и позволяет) людям достигать (играя мотивирующую роль) и демонстрировать свою доминантную позицию, тогда как стыд, ассоциированный с субдоминантным положением, выражает уважение и помогает избежать наказания. В результате эмоции как способ демонстрации своего социального статуса и понимания ранга другого являются полезными для людей, независимо от места в социальной иерархии, облегчая социальные взаимодействия [13; 14].

Второй вариант межвидового сравнения предполагает сравнение представителей разных семейств животных, которые филогенетически значительно разнесены на эволюционном дереве. Этот вариант был реализован Р. Макаликом при изучении вопроса о том, почему феномен мегасоциальности⁶

⁵ Кладистический анализ – один из подходов к биологической классификации, когда организмы относятся к одной группе («кладе») на основе определения последнего общего предка. Гипотетическая родственная связь обычно устанавливается на основе определения общих черт (генетических, поведенческих, анатомических, физиологических), которые им были свойственны, но сегодня уже потеряны. Несмотря на это, они продолжают оставаться в одной «кладе». В эволюционной социологии использование данного метода позволяет выявить как общие с другими приматами предрасположенности к наблюдаемому в настоящее время поведению, так и уникальные для человека психические и поведенческие черты, сформированные как продукт приспособления к несколько иной, чем у других представителей кледы, среде обитания.

⁶ Термин «мегаобщество», «мегасоциальность» был использован Р. Макаликом как альтернатива «макрообществу» для описания больших по численности популяций, члены которых включены в сложное разделение труда, определяемое специализацией. Современное городское индустриальное общество, объединяющее сотни миллионов людей, является мегаобществом по сравнению с небольшим охотничьим отрядом, состоящим из 40-50 человек. При этом, дихотомия «микро» – «макро» применима к анализу разных уровней функционирования социальных явлений и процессов, как в первом, так и во втором обществах [16: 410-411]

наблюдается у представителей только двух таксонов – социальных насекомых (муравьи, пчелы и др.) и человека. При этом социальность изучается как увеличивающаяся приспособляемость стратегия, реализуемая разными представителями мира животных. Подобное сравнение помогает лучше понять мега социальность человека, ответить на вопрос, почему она сформировалась.

Как показывает Р. Макалик, появление феномена мегаобществ сопровождалось преодолением ряда ограничений. Во-первых, морфология вида может как подавлять, так и способствовать появлению таких обществ (организмические ограничения). По его оценкам, размер тела особи должен быть не слишком большим (приводится пример с китами, которые по этой причине оказались неспособными преодолеть данное ограничение) для того, чтобы решать задачу разделения труда, специализации и координации. Во-вторых, экологические ограничения, связанные с приспособлением к определенной экосистеме, которые разнятся по размеру, количеству ресурсов, разнообразию видов и пр. В-третьих, ограничения, определяемые выгодами в соотношении с затратами, получаемыми представителями вида за счет концентрации большего их числа на основе разделения труда. Наконец, социологические ограничения, ассоциированные с необходимостью развития уникальных форм социального взаимодействия, которые редки в природе и выходят за пределы возможностей большинства животных. Среди них – способность к кооперации с незнакомыми особями, взаимодействие на основе принадлежности к функциональным социальным категориям, интеграция каждого в сообщество в процессе разделения труда [16: 407–410].

Выделяются две важные пред-адаптации, которые помогли человеку преодолеть эти ограничения и сформировать мегаобщества – ориентация на сообщество и эмоциональность. Со временем они оформились в виде дуальной способности людей участвовать в

«сильных» или «слабых» социальных отношениях, в стабильных или временных группах [16: 418]. Важным является то, что появление мегаобществ всегда сопряжено с решением задач идентификации с различными социальными группами, иерархической социальной категоризацией и связанной с ней социальной дифференциацией. Это, в свою очередь, завязано на необходимости координировать совместные действия в социальных группах разных размеров и возникновении иерархических социальных отношений, выстраиваемых по разным основаниям (на ранних этапах развития большую роль играли пол и возраст).

Конечные vs непосредственные причины социального неравенства

Одним из недостатков социологических теорий социального неравенства и социальной стратификации является перекокс в сторону подробного описания критериев отнесения людей к разным статусным группам и социальным рангам, особенностей классового, гендерного, расового и др. форм социального неравенства, дискриминирующих социальных процессов, ассоциированных с ними, и невнимание к вопросу о причинах вышеперечисленного. На это обстоятельство обратил внимание Р. Коллинз, заметив, что социологи занимаются проблемой социального неравенства длительное время, однако потратили большую часть своих усилий на описание, а не на объяснение его причин, рассматривая социальную стратификацию в качестве независимой переменной и детерминирующего фактора политических взглядов, стиля жизни, культурных различий и др. [3: 223].

Об этом говорят и представители биосоциологии, как о преимуществе эволюционного анализа. Р. Хопкрофт отмечает, что в то время как традиционные социологические теории дают ответ на вопросы «что» и «как», помогают нам понять мириады социальных и материальных факторов, влияющих на со-

циальные факты, эволюционный анализ отвечает на вопрос «почему» – почему эти факторы имеют такие эффекты, которые они оказывают? [6]. С. Сандерс предложил дарвиновскую конфликтологическую теорию, синтезирующую лучшие элементы базовых социологических концепций (теория рационального выбора, теория конфликтов К. Маркса, М. Вебера, культурный материализм) и социобиологии. Говоря об использовании социобиологии в этой теоретической стратегии, он отмечает: «Инкорпорируя социобиологические принципы в социологическую теорию, мы способны довести понимание человеческого поведения до самого базового уровня, за пределы которого идти дальше уже нет необходимости (или даже невозможно)» [11: 144]

Действительно, эволюционный анализ переориентирует социологов от фокусировки на непосредственных причинах наблюдаемых социальных явлений и процессов на исследование эволюционной истории человека, как одного из представителей семейства гоминидов и царства животных, на рассмотрение происходящего сегодня в качестве связанного с тем, что происходило с нашими предками в прошлом.

Благодаря такой переориентации, открывается новое поле для исследований. Для чего существуют конкретные формы иерархических социальных отношений? Какова доля эволюционных и социокультурных факторов в формировании базовых когнитивных и аффективных систем, ассоциированных с неравными социальными отношениями? Почему дискриминация, этноцентризм, расовые, гендерные стереотипы все еще существуют? Почему повсеместен феномен социальной несправедливости? Почему и как развивалась психология нормальности неравных социальных отношений, по крайней мере, в связи с решением определенных задач? Почему часть людей скорее предпочитает доминирующие социальные позиции, а другая – более комфортно себя чувствует на субдоминантных?

Вместо заключения

Говоря о биологических основаниях социального неравенства, необходимо понимать, что речь идет не об изначальных (врожденных) различиях между богатыми и бедными, представителями различных статусных позиций и т.п., а скорее о существовании биологически детерминированных ментальных конструкций, которые поддерживают неравенство между людьми. Однако, эти конструкции могли бы быть и другими, то есть биологическую поддержку имеют определённые наборы символических систем, а не объективно фиксируемые социально-экономические различия между людьми.

Важно также понимать, вскрывая эволюционные причины социального поведения, мы тем самым не узакониванием социальное неравенство, а напротив, показываем условность любых форм иерархических социальных отношений. Как доказывают авторы рассмотренных исследований, они способствуют преодолению предрассудков – представлений, которые помогали нашим предкам выжить в прошлом, а сегодня могут быть причиной неэффективного функционирования социальных институтов. Поэтому понимание конечных оснований, лежащих в основе этих процессов, потенциально позволяет вывести социологические исследования социального неравенства и социальной стратификации на новый уровень, обогатив их содержательно, концептуально и методологически.

Литература

1. Ван Вюгт М., Ахуджа А. Избранные. Эволюционная психология лидерства. М.: Карьера Пресс, 2012 [van Vugt M., Ahuja A. (2016) Selected Works. The Psychology Science of Leadership. Moscow: Kar'era Press. (in Russ.)]
2. Шкурко Ю.С. Развитие эволюционной социологии: поведенческие биограммы и биологическая предрасположенность к социальному неравенству//СОЦИС. 2018. № 9. С.23-29 [Shkurko Y.S. Development of

Evolutionary Sociology: Behavioral Biogrammars and Biological Tendency to Social Inequality. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2018(9): 23-29 (in Russ.)]

3. Collins R. Lenski's Power Theory of Economic Inequality: A Central Neglected Question in Stratification Research//*Sociological Theory*. 2004. Vol.22(2). P.219–228

4. Hopcroft R. *Evolution and Gender: Why it Matters for Contemporary Life*. London: Routledge, 2016

5. Hopcroft R. Sex Differences in the Relationship between Status and Number of Offspring in the Contemporary U.S.//*Evolution and Human Behavior*. 2015. Vol.36. P.146–151

6. Hopcroft R.L. Why Sociology Should Incorporate Biology? In.: *Oxford Handbook of Evolution, Biology, and Society*. Edited by Rosemary L. Hopcroft. Oxford University Press, 2018

7. Kurzban R., Tooby J., & Cosmides L. Can Race be Erased? Coalitional Computation and Social Categorization//*PNAS*. 2001. Vol. 98 (26). P.15387-15392

8. Li N.P., van Vugt M., & Colarelli S.M. The Evolutionary Mismatch Hypothesis: Implications for Psychological Science//*Current Directions in Psychological Science*. 2017. Vol. 27(1). P.38–44

9. Liu H. Social and Genetic Pathways in Multigenerational Transmission of Educational Attainment//*American Sociological Review*. 2018. Vol. 83(2). P.1–27

10. Massey D.S. A Brief History of Human Society: The Origin and Role of Emotions in Social Life//*American Sociological Review*. 2002. Vol. 67. P.1–29

11. Sanderson S. *The Evolution of Human Sociality: A Darwinian Conflict Perspective*. Rowman & Littlefield Publishers, 2001

12. Sapolsky R. *This is Your Brain on Nationalism: The Biology of Us and Them*//*Foreign Affairs*. 2019. Vol. 98(2). P.42–47

13. Steckler C. M., & Tracy J. L. The Emotional Underpinnings of Social Status.

In. J. T. Cheng et al. (eds.), *The Psychology of Social Status*, Springer Science+Business Media New York, 2014

14. TenHouten W. From Primary Emotions to the Spectrum of Affect: An Evolutionary Neurosociology of the Emotions. In: A. Ibáñez, L. Sedeño, & A. García (Eds.), *Neuroscience and social science: The missing link*. New York: Springer, 2017

15. Tracy J.L., Shariff A.F., & Cheng J.T. A Naturalist's View of Pride// *Emotion Review*. 2010. Vol. 2(2). P.163–177

16. Turner J. H., & Machalek R. *The New Evolutionary Sociology. Recent and Revitalized Theoretical and Methodological Approaches*. New York: Routledge, 2018

17. Turner J.H. and Maryanski A. The Evolution of the Neurological Basis of Human Sociality. In.: Franks D.D. and Turner J.H. (eds.) *Handbook of Neurosociology*. Springer Science+Business Media B.V., 2013

18. Turner J.H. The Evolution of Human Emotions. In: Stets J.E., Turner J.H. (eds.) *Handbook of the Sociology of Emotions: Volume II. Handbooks of Sociology and Social Research*. Springer Science+Business Media Dordrecht, 2014

19. Zitek E. M., & Tiedens L. Z. The Fluency of Social Hierarchy: The Ease with which Hierarchical Relationships are Seen, Remembered, Learned, and Liked//*Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 102(1). P.98–115

Unifying potential of evolutionary analysis in sociological studies of social inequality
Shkurko Y.S.

Ulyanovsk State University

Evolutionary analysis exists in sociology from the time of its origin. Over nearly 200-year period, this approach has had ups and downs. Now evolutionary analysis has a new chance for a revival. It was made possible through the changes that have taken place in recent decades in biological and social disciplines initiated by the studying of sociobiological factors in human behavior. In sociology these changes were reflected in the development of neurosociology, evolutionary sociology, and social studies of genomics. Some sociologists continue the tradition of sociobiology, based on

the assumption that modern humans reproduce behavioral, emotional, cognitive adaptations that our ancestors obtained in the conditions of the African savanna, and which are not obligatory so useful in the present new environment (mismatch hypothesis). Testing this hypothesis allows us to combine disparate sociological ideas about social inequality and potentially reveal general regularities of any processes associated with it. In turn, new sociological method – cross-species analysis – provides a tool to look into the animal world and look at the emotionality, megasociality of humans as part of natural evolution. Finally, reorientation towards the search for the ultimate causes of social inequality and social stratification, embedded in the heart of evolutionary analysis, allows sociologists to discover unknown areas and enhance existing ideas.

Keywords: social inequality, hierarchy of dominance, evolutionary theory, evolutionary sociology, neurosociology, biosociology, mismatch hypothesis, cross-species analysis, ultimate causes of social inequality

References

1. Van Vyugt M., Ahuja A. Selected. The evolutionary psychology of leadership. M.: Career Press, 2012 [van Vugt M., Ahuja A. (2016) Selected Works. The Psychology Science of Leadership. Moscow: Kar'era Press. (in Russ.)]
2. Shkurko Yu.S. The development of evolutionary sociology: behavioral biograms and biological predisposition to social inequality // SOCIS. 2018. No. 9. C.23-29 [Shkurko Y.S. Development of Evolutionary Sociology: Behavioral Biogramms and Biological Tendency to Social Inequality. Sotsiologicheskie Issledovaniya. 2018 (9): 23-29 (in Russ.)]
3. Collins R. Lenski's Power Theory of Economic Inequality: A Central Neglected Question in Stratification Research // Sociological Theory. 2004. Vol.22 (2). P.219-228
4. Hopcroft R. Evolution and Gender: Why it Matters for Contemporary Life. London: Routledge, 2016
5. Hopcroft R. Sex Differences in the Relationship between Status and Number of Offspring in the Contemporary U.S. // Evolution and Human Behavior. 2015. Vol. 36. P.146-151
6. Hopcroft R.L. Why Sociology Should Incorporate Biology? In.: Oxford Handbook of Evolution, Biology, and Society. Edited by Rosemary L. Hopcroft. Oxford University Press, 2018
7. Kurzban R., Tooby J., & Cosmides L. Can Race be Erased? Coalitional Computation and Social Categorization // PNAS. 2001. Vol. 98 (26). P.15387-15392
8. Li N.P., van Vugt M., & Colarelli S.M. The Evolutionary Mismatch Hypothesis: Implications for Psychological Science // Current Directions in Psychological Science. 2017. Vol. 27 (1). P.38–44
9. Liu H. Social and Genetic Pathways in Multigenerational Transmission of Educational Attainment // American Sociological Review. 2018. Vol. 83 (2). P.1–27
10. Massey D.S. A Brief History of Human Society: The Origin and Role of Emotions in Social Life // American Sociological Review. 2002. Vol. 67. P.1–29
11. Sanderson S. The Evolution of Human Sociality: A Darwinian Conflict Perspective. Rowman & Littlefield Publishers, 2001
12. Sapolsky R. This is Your Brain on Nationalism: The Biology of Us and Them // Foreign Affairs. 2019. Vol. 98 (2). P.42–47
13. Steckler C. M., & Tracy J. L. The Emotional Underpinnings of Social Status. In: J. T. Cheng et al. (eds.), The Psychology of Social Status, Springer Science + Business Media New York, 2014
14. TenHouten W. From Primary Emotions to the Spectrum of Affect: An Evolutionary Neurosociology of the Emotions. In: A. Ibáñez, L. Sedeño, & A. García (Eds.), Neuroscience and social science: The missing link. New York: Springer, 2017
15. Tracy J.L., Shariff A.F., & Cheng J.T. A Naturalist's View of Pride // Emotion Review. 2010. Vol. 2 (2). P.163-177
16. Turner J. H., & Machalek R. The New Evolutionary Sociology. Recent and Revitalized Theoretical and Methodological Approaches. New York: Routledge, 2018
17. Turner J.H. and Maryanski A. The Evolution of the Neurological Basis of Human Sociality. In.: Franks D.D. and Turner J.H. (eds.) Handbook of Neurosociology. Springer Science + Business Media B.V., 2013
18. Turner J.H. The Evolution of Human Emotions. In: Stets J.E., Turner J.H. (eds.) Handbook of the Sociology of Emotions: Volume II. Handbooks of Sociology and Social Research. Springer Science + Business Media Dordrecht, 2014
19. Zitek E. M., & Tiedens L. Z. The Fluency of Social Hierarchy: The Ease with which Hierarchical Relationships are Seen, Remembered, Learned, and Liked // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 102 (1). P.98–115

Особенности ротации кадров государственной гражданской службы

Белевич Александр Александрович, аспирант, кафедра управления персоналом Институт государственной службы и управления, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», abel-1903@yandex.ru

Статья посвящена проблеме ротации кадров как инструмента кадровой политики в организациях государственной гражданской службы. Актуальность темы исследования заключается в том, что, как в отечественной, так и в зарубежной историографии, не предлагается обобщающего подхода к определению особенностей ротации кадров в организациях государственной гражданской службы. Цель статьи заключается в рассмотрении основных подходов к определению сущности ротации как инструмента кадровой политики и ее особенностей в российской практике государственной гражданской службы. Согласно поставленной цели, в статье реализованы следующие задачи: выявлены основные подходы к пониманию ротации как элемента кадровой политики в зарубежной и отечественной историографии; рассмотрены преимущества ротации как кадровой технологии применительно к организациям государственной гражданской службы; выявлены и обобщены особенности ротации кадров государственной гражданской службы. Методология исследования основана на системном подходе и включает группу общенаучных методов (анализ, синтез, дедукция, индукция), а также метод контент-анализа научно-исследовательской литературы. Автор статьи приходит к выводу о том, что формализация подхода к ротации кадров в организациях государственной гражданской службы со стороны руководства этих структур, а также применение горизонтальной ротации внутрифункционального типа в качестве наказания или поощрения сотрудников, приводит к тому, что потенциал ротации как кадровой технологии практически не используется в российской практике. Тем не менее, проведенный автором статьи контент-анализ научной литературы позволяет заключить, что отечественными исследователями достаточно давно представлены разработки наиболее оптимальных параметров ротации кадров в организациях государственной гражданской службы, которые могут быть успешно применены для формирования высокопрофессионального кадрового резерва.

Ключевые слова: кадровый резерв, кадровая политика, ротация кадров, государственная гражданская служба, мотивация, профессиональный рост.

Актуальность темы исследования заключается в том, что ротация кадров оценивается государственными органами в основном с точки зрения совершенствования антикоррупционной стратегии развития института государственной гражданской службы. Статус государственного служащего в бюрократическом аппарате также, как правило, отличается от того, который распространен в других сферах государственного сектора (например, здравоохранение, образование и государственные предприятия). Исторически сложилось так, что занятость на государственной службе была не формальным соглашением между двумя равными сторонами, а скорее моделью ротации кадров.

Ротация кадров – это метод, используемый работодателями для смены назначенных рабочих мест своих сотрудников на протяжении всей их работы. Работодатели практикуют эту технику по ряду причин. Технология ротации кадров как элемент эффективной кадровой политики была разработана для обеспечения гибкости сотрудников и сохранения заинтересованности сотрудников в работе в организации. Существуют также исследования, которое показывают, как ротация рабочих мест помогает снять стресс у сотрудников, предотвратить эффект «профессионального выгорания», особенно в тех областях, где выполняемая работа связана с монотонностью и высокой степенью ответственности.

Историография исследуемой темы очень широка. В современной исследовательской литературе, как отечественной, так и зарубежной, посвященной управлению трудовыми ресурсами, ротация кадров рассматривается как эффективный инструмент для успешной реализации кадровой стратегии. Речь

идет о размещении сотрудников на определенных должностях, где они могут достичь максимальных результатов. В современном высококонкурентном мире ротация кадров считается эффективной стратегией для немедленной замены высокопоставленного сотрудника внутри организации.

Некоторые частные проблемы ротации кадров государственных служащих рассматриваются в работах таких авторов, как Е.В. Безвиконная, в статье которой ротация кадров рассматривается как перспективная кадровая технология на государственной гражданской службе Российской Федерации [1]; А.А. Белевич, статья которого посвящена социологическим аспектам проведения ротации государственных гражданских служащих в Европе [2]; Н.Н. Горшков, в статье которого представлена административно-правовая модель ротации руководящих кадров органов внутренних дел [3]. В качестве элемента социальной мобильности государственных гражданских служащих, ротация рассматривается в статье В.А. Кондрашкина [4]. В работе Е.С. Кутузовой и Ю.Н. Трифонова рассматривается проблема соотношения целей ротации кадров на государственной службе и средств на ее проведение [5]. Организационно-методические основы проведения ротации государственных гражданских служащих рассмотрены в работе Е.А. Литвинцевой [6]. Однако более детально институт ротации в системе государственной гражданской службы рассматривается в статье А.Ф. Ноздрачева [7]. Вопросам правового обеспечения ротации кадров посвящена работа Н.В. Скабо [8].

При достаточно разнообразной проблематике применительно к ротации государственных служащих, практически все исследователи отмечают приоритетную значимость государственных служащих для управления государством. Так, по мнению А.А. Белевича, «государственная бюрократия имеет непосредственное отношение к функци-

онированию государства, а государственные служащие являются основным инструментом для реализации политики и имеют решающее значение для управления» [2, с. 20].

Ротация кадров может быть определена как выполнение сотрудником нового назначения на временной основе в течение согласованного периода времени. Термин ротация рабочих мест также может означать запланированный обмен сотрудников в офисах, особенно в государственных учреждениях. Ротация кадров, по мнению некоторых исследователей, является альтернативой специализации работы. Совет по развитию людских ресурсов описывает ротацию рабочих мест как стратегию развития карьеры, при которой человек временно перемещается в вертикальном или горизонтальном направлении на новую трудовую позицию.

Ротация кадров также рассматривается некоторыми исследователями с позиций личностного и профессионального развития сотрудников, а также применения инновационных технологий в кадровой политике. По мнению Ю.В. Туранина, «наряду с традиционными кадровыми технологиями, такими, как: профессиональный отбор, кадровый резерв, испытательный срок, стажировка, конкурс на замещение должностей, квалификационный экзамен, аттестация, необходимо использовать и те кадровые технологии, которые принято называть инновационными» [9, с.214]. В понимании как инновация, ротация рабочих мест – это модель обучения, при которой уже нанятые сотрудники оставляют свои рабочие места для продолжения обучения, а новые сотрудники входят в штат для занятия их прежних рабочих мест. В отношении государственных служащих некоторые исследователи придерживаются мнения, что при ротации рабочих мест чиновники перемещаются между работами аналогичного характера.

Все приведенные выше мнения по поводу сути ротации как кадровой тех-

нологии, сводятся к общей точке зрения, согласно которой при ротации рабочих мест сотрудники перемещаются между разными работами, и в большинстве случаев в организации между рабочими местами или профессиональными задачами.

В зарубежной историографии выделяются следующие формы ротации кадров в структурах гражданской службы:

1) перемещение внутри функции – ротация внутри функции означает ротацию между рабочими местами с одинаковыми или схожими уровнями ответственности и внутри одной и той же операционной или функциональной области.

2) межфункциональное перемещение – межфункциональная ротация, означает «перемещение между рабочими местами в разных частях организации в течение определенного периода времени» [11]. Однако вместо чередования рабочих мест, которые входят в одну группу и тесно связаны друг с другом, индивидуальный или новый сотрудник будет чередовать несколько рабочих мест в разных отделах. Этот метод предоставляет отдельному или новому сотруднику возможности для развития, и такие методы могут также использоваться организацией для сбора данных об их навыках, интересах и потенциале для указания их окончательного размещения.

В научной литературе, посвященной кадровой политике, существует три теоретических подхода, обосновывающих ротацию рабочих мест для сотрудников гражданской службы:

- а) обучение сотрудников;
- б) обучение работодателя;
- в) мотивация сотрудников.

Первый подход, связанный с обучением сотрудников, заключается в том, что сотрудники, которые перемещаются в рамках процесса ротации кадров, накапливают больше человеческого капитала, потому что они подвергаются более широкому спектру опыта. Чем больше перемещается сотрудник, тем

больше он учится. Например, межфункциональная ротация рабочих мест помогает подготовить младших сотрудников стать топ-менеджерами. По мере того, как сотрудники переходят на более широкие по набору компетенций рабочие места, им необходимо глубже понимать новые аспекты профессиональной деятельности, и ротация рабочих мест помогает им в этом.

На более низких иерархических уровнях внутрифункциональная ротация может быть очень полезна по причинам эффективности распределения работников: организации выигрывают от возможности перераспределения сотрудников по различным задачам, поскольку это позволяет им удовлетворить требования к профессиональной квалификации. Однако, такое перераспределение слишком дорого, если сотрудники еще не приобрели опыт работы на разных местах (в различных отделах), поэтому такая внутрифункциональная ротация в российской практике почти не применяется.

Второй подход, связанный с обучением работодателя, заключается в том, что само руководство узнает больше о своих сотрудниках, если оно может наблюдать за их работой на разных должностях. Чтобы найти работу, которая лучше всего подходит сотруднику, работодателю необходимо переместить сотрудника и наблюдать за его работой на каждой должности.

Основная идея данного подхода заключается в том, что ротация рабочих мест предоставляет работодателю информацию о способностях работника. В частности, это позволяет руководству организации определить, какая часть работы сотрудника обусловлена общими способностями, а какая – частью специфических для работы факторов, не связанных с работником (например, работа может быть особенно сложной, и по этой причине производительность сотрудника может быть крайне низкой). Такая информация может быть использована руководителем для принятия более взвешенных для управленческих

решений. В некоторых зарубежных эмпирических исследованиях доказано, что относительные выгоды от ротации рабочих мест больше, когда руководство слабо осведомлено о способностях своих сотрудников и когда организация занимается деятельностью неширокого гражданского спектра.

Третий подход, связанный с мотивацией сотрудников, основан на идее о том, что ротация рабочих мест «мотивирует сотрудников, которые особенно подвержены профессиональному выгоранию». Мотивация сотрудника состоит в том, что ротация помогает сделать работу более интересной.

Все перечисленные выше подходы к использованию ротации в качестве кадровой технологии могут быть чрезвычайно полезны для российской практики ротации в организациях гражданской службы именно в силу того, что они позволяют решить целый ряд существующих проблем – от эффекта «профессионального выгорания» до снижения уровня текучести кадров.

При этом, необходимо отметить, что в качестве приоритетного направления в политике формирования кадров организаций гражданской службы механизм ротации закреплен достаточно давно, в 2004 году, а именно в Федеральном законе «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» № 79-ФЗ (п. 3 часть 2 статья 60) [10]. Основой для ротации кадров гражданской службы, по мнению Е.В. Безвизонной, стала кадровая политика по ротации работников внутренних дел, рассматриваемая в качестве механизма противодействия коррупции [1, с.40]. С этой точкой зрения тяжело согласиться, гораздо более достоверной видится гипотеза А.Ф. Ноздрачева – «исток российского законодательства о ротации государственных гражданских служащих, несомненно, следует искать в международно-правовых актах о противодействии коррупции. В них значительное внимание уделяется вопросам контроля и ответственности должностных лиц, недопущения конфликта интересов,

обеспечения прозрачности и открытости государственного управления и др.» [7, с.7].

При этом потенциал ротации как самостоятельной кадровой технологии, способствующей реализации принципа профессионализма и компетентности, явно недооценен в государственных структурах нашей страны. Ротация кадров как технология управления трудовыми ресурсами имеет целый ряд определенных преимуществ.

Во-первых, правильно спланированный и проведенный процесс ротации рабочих мест играет важную роль в укреплении позиций организации и помогает ей справляться с вызовами, порождаемыми внешней средой. С точки зрения российской практики ротации в государственной службе, необходимо рассмотреть преимущества процесса ротации рабочих мест, чтобы понять ее важность и потенциал.

В качестве кадровой технологии, а не только антикоррупционной меры, ротирование гражданских служащих позволяет работодателю исследовать скрытые таланты: например, ротация заданий предназначена для того, чтобы подвергать сотрудников более широкому спектру операций, чтобы помочь раскрыть их профессиональный потенциал. В ходе этого процесса сотрудники выполняют различные задания, что позволяет получить представление о фактическом стиле работы организации и понять проблемы, возникающие на каждом этапе. Посредством этого процесса руководители определяют, в чем хорош конкретный сотрудник, и, в соответствии с этим, ему назначается определенная задача.

Ротация как кадровая технология помогает сотрудникам изучать собственные интересы. Иногда сотрудники сами не знают, какие именно задачи они хотели бы выполнять, пока они не займутся какой-то конкретной работой. Если их работа чередуется или в работе возникают не монотонные, но различные операции, сотрудники могут опре-

делиться, в чем они хороши и чем им нравятся заниматься. Служащие, таким образом, получают шанс изучить собственные интересы и скрытый потенциал.

Ротация кадров в качестве технологии управления человеческими ресурсами в сфере государственной службы также позволяет идентифицировать классическую триаду «знания, навыки и отношения». Ротация кадров в рамках гражданской службы помогает руководству и сотрудникам определить данную триаду для наилучшего кадрового размещения сотрудника. Ротация кадров может быть использована также при определении того, кому необходимо улучшить свои навыки или повысить уровень знаний, чтобы улучшить свои профессиональные показатели. Это помогает анализировать потребности сотрудников в обучении и развитии.

В качестве кадровой технологии ротация кадров мотивирует сотрудников решать новые задачи. Когда сотрудники сталкиваются с различными задачами или им назначаются новые задачи, они стараются проявить себя с максимальной эффективностью. Это побуждает их работать лучше на каждом этапе и доказывать, что они не хуже других. Такой подход порождает здоровую конкуренцию в организации, где каждый хочет работать лучше, чем другие.

Увеличивает удовлетворенность и снижает уровень истощения («эффект профессионального выгорания»): воздействие на сотрудников различных задач и функций повышает уровень их удовлетворенности, то есть фактически ротация кадров может быть использована в качестве нематериального стимулирования труда. По мнению некоторых исследователей, грамотно проведенная ротационная политика является одним из элементов формирования корпоративной культуры и внутренней корпоративной солидарности. В этом контексте ротация также может рассматриваться как политика для снижения уровня текучести кадров в организации [11].

С точки зрения специфики гражданской службы, ротация кадров позволяет согласовать компетенции с требованиями. Согласование компетенций с требованиями означает направление ресурсов туда, где они действительно требуются. На основе технологии ротации руководитель размещает сотрудников на таких должностях, где их навыки, компетенции и уровень профессионализма используются в максимально возможной степени.

Несмотря на все перечисленные очевидные преимущества ротации как кадровой технологии, она практически не используется в системе государственной гражданской службы. Между тем, отечественными исследователями предложены и обоснованы различные точки зрения относительно перспектив использования ротации органами государственной власти Российской Федерации в условиях ограниченных финансовых и материальных ресурсов.

В частности, по мнению Е.В. Безвионной, «проблемность вопроса заключается в распространении практики формализации технологии ротации, её локализации на уровне категорий должностей «руководитель», не использования кадрового резерва как источника эффективности процедуры ротации. Коллизийность практики использования ротации заключается в противоречиях между антикоррупционной направленностью механизма и наличием потенциала данной кадровой технологии, не реализуемого органами власти. Решение данных проблем, по мнению автора, становится возможным путём совершенствования государственной кадровой политики и внесения изменений в действующее законодательство о государственной гражданской службе» [1, с.43].

Проведенный анализ исследовательской литературы позволяет выделить следующие особенности ротации гражданских служащих в Российской Федерации:

1. Наличие двух типов ротации для работников государственной службы:

внутренняя и внешняя. Этот факт, по мнению исследователей, «указывает на потенциальную готовность довольно закрытого по содержанию и организационной форме перехода системы государственной службы на технологию многоуровневой ротации персонала» [1, с.41];

2. Отсутствие эффективного внутреннего и внешнего горизонтального или вертикального перемещения сотрудников органов государственной власти Российской Федерации. Такое положение дел, как правило, объявляется отсутствием необходимых материальных и финансовых ресурсов [3, с.75];

3. Наиболее распространено перемещение руководителей среднего звена («Ротация федеральных гражданских служащих проводится в территориальных органах федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих контрольные и надзорные функции. Ротации подлежат федеральные гражданские служащие, замещающие должности руководителей указанных органов» [10]), при котором ротация как элемент социальной мобильности государственных гражданских служащих направлена на решение проблем развития в целом организации, системы, может способствовать эффективному использованию как личных, так и профессиональных качеств служащих;

4. Распространенным типом горизонтальной ротации в органах государственной службы является такой тип ротации сотрудников, при котором происходит перемещение должностных лиц из кадрового резерва на должности одного уровня в целях обмена опытом;

5. Приоритет административных инструментов ротации над мотивационными, когда ротация применяется в качестве меры поощрения или наказания для отдельных сотрудников. Это приводит к тому, что технология ротации крайне редко используется для профессионального роста служащих, занимающих руководящие должности [1];

6. Формально-организационное регулирование ротации. В итоге потенциал ротации как кадровой технологии

остаётся невостребованным в органах гражданской службы [1].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

Основной особенностью ротации кадров государственной гражданской службы в Российской Федерации является слабое восприятие этого механизма со стороны руководства организаций как эффективного инструмента кадровой политики, поскольку приоритет отдается антикоррупционным мерам. Тем не менее, преимущества ротации кадров как стратегии управления человеческими ресурсами в государственных организациях очевидны и позволяют решать довольно широкий спектр проблем, связанных с управлением персоналом. Более того, российское законодательство позволяет использовать как горизонтальное, так и вертикальное перемещение сотрудников с целью их профессионального роста и повышения уровня квалификации.

Однако, ссылаясь на отсутствие средств и материального обеспечения, руководители структурных подразделений государственной гражданской службы предпочитают крайне ограничено применять ротацию кадров. Такая ситуация в органах государственной гражданской службы не позволяет в полной мере эффективно использовать ротацию как инструмент кадровой политики.

Литература

1. Безвиконная Е.В. Ротация кадров как перспективная кадровая технология на государственной гражданской службе Российской Федерации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. № 7. – С. 40-43.

2. Белевич А.А. Социологические аспекты проведения ротации государственных гражданских служащих в Европе (на примере Германии и Франции) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 4. – С. 20-24.

3. Горшков Н.Н. Административно-правовая модель ротации руководящих кадров органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 6. – С. 71-75.

4. Кондрашкин В.А. Ротация как элемент социальной мобильности государственных гражданских служащих // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 9. – С. 58-63.

5. Кутузова Е.С., Трифонов Ю.Н. О соотношении целей ротации кадров на государственной службе и средств на ее проведение // Развитие территорий. 2019. № 1 (15). – С. 39-44.

6. Литвинцева Е.А. Организационно-методические основы проведения ротации государственных гражданских служащих // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. №3 (29). – С. 61-65.

7. Ноздрачев А.Ф. Институт ротации в системе государственной гражданской службы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. – С. 5-22.

8. Скабо Н.В. Законодательство субъектов Российской Федерации о ротации кадров государственной гражданской службы // Государственная и муниципальная служба в регионе: современное состояние, проблемы, пути совершенствования: сборник трудов участников региональной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.В. Лаптева, А.Д. Моисеева. Воронеж, 2014. – С. 179-181.

9. Туранин В.Ю. Управление персоналом в региональных органах государственной власти: направления совершенствования кадровой работы (на примере Белгородской области) // Вопросы управления. 2015. № 1. – С. 212-217.

10. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2004. - № 31. - Ст. 3215.

11. Job rotation Its role in promoting learning in organizations. URL:

<https://www.citehr.com/8230-job-rotation-thread-8230-a.html>

Personnel rotation features in the state civil services

Belevich A.A.,

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article is devoted to the problem of personnel rotation as an instrument of personnel policy in organizations of the state civil service. The relevance of the research topic lies in the fact that, both in domestic and foreign historiography, a generalized approach to determining the characteristics of personnel rotation in public civil service organizations is not proposed. The purpose of the article is to consider the main approaches to determining the nature of rotation as an instrument of personnel policy and its features in the Russian practice of public service. According to the goal, the following tasks are implemented in the article: the main approaches to understanding rotation as an element of personnel policy in foreign and domestic historiography are identified; The advantages of rotation as a personnel technology in relation to organizations of the state civil service are considered; identified and summarized the features of the rotation of personnel of the state civil service. The research methodology is based on a systematic approach and includes a group of general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction), as well as a method of content analysis of research literature. The author of the article concludes that the formalization of the approach to the rotation of personnel in public civil service organizations by the leadership of these structures, as well as the use of horizontal intra-functional rotation as a punishment or encouragement of employees, leads to the fact that the potential of rotation as a personnel technology is practically not used in Russian practice. Nevertheless, the content analysis of the scientific literature conducted by the author of the article allows us to conclude that domestic researchers have long ago presented the development of the most optimal parameters for staff rotation in public civil service organizations that can be successfully applied to form a highly professional personnel reserve.

Key words: personnel reserve, personnel policy, personnel rotation, state civil service, motivation, professional growth.

References

1. Bezikonnaya E.V. Personnel rotation as a promising personnel technology in the state civil service of the Russian Federation // Azimuth of scientific research: economics and management. 2018. No. 7. - S. 40-43.
2. Belevich A.A. Sociological aspects of the rotation of public civil servants in Europe (for example, Germany and France) // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. No. 4. - S. 20-24.
3. Gorshkov N.N. Administrative and legal model of rotation of leading personnel of internal affairs bodies // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 6. - S. 71-75.
4. Kondrashkin V.A. Rotation as an element of social mobility of state civil servants // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019.No 9. - S. 58-63.
5. Kutuzova ES, Trifonov Yu.N. On the ratio of the goals of staff rotation in the public service and the means to carry it out // Territorial development. 2019.No 1 (15). - S. 39-44.
6. Litvintseva EA Organizational and methodological foundations of the rotation of state civil servants // Central Russian Journal of Social Sciences. 2013. No3 (29). - S. 61-65.
7. Nozdrachev A.F. The Institute of Rotation in the System of State Civil Service // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2019.No 5. - S. 5-22.
8. Scabo N.V. Legislation of the constituent entities of the Russian Federation on the rotation of personnel of the state civil service // State and municipal service in the region: current status, problems, ways of improvement: collection of works of participants in a regional scientific and practical conference / Ed. ed. S.V. Lapteva, A.D. Moiseeva. Voronezh, 2014. -- S. 179-181.
9. Turanin V.Yu. Personnel management in regional government bodies: areas for improving personnel work (on the example of the Belgorod region) // Management Issues. 2015. No. 1. - S. 212-217.
10. Federal Law of July 27, 2004 No. 79-FZ (as amended on December 28, 2017) "On the State Civil Service of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2004. - No. 31. - Art. 3215.
11. Job rotation Its role in promoting learning in organizations. URL: <https://www.citehr.com/8230-job-rotation-thread-8230-a.html>

Предпринимательство в общественном мнении россиян

Васильева Лариса Владимировна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета, vlv4696@bk.ru

В статье показаны роль и место предпринимательства в социально-экономическом развитии современной России. Актуализирована необходимость социологического анализа отношения россиян к предпринимательству и бизнесу. Осуществлён вторичный анализ данных исследований, реализованных крупнейшими исследовательскими центрами страны. Показано, что существует устойчивый тренд на улучшение отношения населения к бизнесу. Выявлено, что отношение к бизнесу среди россиян не однозначно и дифференцируется в зависимости от его масштаба. Констатируется, что в нашем обществе по-прежнему не сформировано доверие к бизнесу как профессии и социально-политическому институту. По результатам анализа эмпирических данных сделан вывод, что вектор изменений отношения общества и власти к предпринимательству характеризуется позитивной направленностью, что благоприятствует его развитию в нашей стране.

Ключевые слова: рыночная экономика, предпринимательство, малый бизнес, социологические исследования, общественное мнение.

Актуальность. Предпринимательство – один из важнейших «столпов» составляющих экономику развитых стран. Эта форма деятельности получила широкое распространение вследствие эволюционно сформировавшихся культурно-идеологических особенностей западноевропейского общества, подробно описанных М. Вебером [3]. Сегодня предпринимательство составляет преобладающую часть среди существующих форм организаций, а малый и средний бизнес задействован в самых высокотехнологичных отраслях экономики.

Социальная значимость предпринимательства проявляется как на локальном, так и глобальном уровнях. С одной стороны, данный институт способствует самореализации отдельных индивидов посредством проявления их общественно полезных качеств: дисциплины, сотрудничества, реализации творческого потенциала и др. Это, в итоге создаёт условия для формирования «среднего класса» – основы общественной стабильности. С другой – современные формы предпринимательства оказывают влияние на развитие глобальных рынков [9]. Так, деятельность «стартапов» связанная с постоянным поиском воспроизводимых и масштабируемых бизнес-моделей, привела, к становлению шеринговой экономики, существенно изменившей облик экономических взаимоотношений во многих сферах. Можно констатировать, что в существующих условиях, малый и средний бизнес представляет собой один из ключевых факторов, определяющих вектор развития и социально-экономическое благополучие общества [11].

О понимании государством высокой социальной значимости предпринимательства свидетельствует тот факт, что при обсуждении поправок в Конституцию, внесение которых было предложено главой государства в Послании

Федеральному собранию 15 января 2020 года, бизнес-сообщество предложило пункт, отражающую роль предпринимательства в современной России. Президент одобрил такую инициативу и отметил, что «закрепление в Конституции роли предпринимательства и обязанности государства содействовать его развитию уместно и востребовано» [6].

В России, переход к рыночной экономике состоялся относительно недавно, что объясняет значительное отставание по ключевым показателям развития малого и среднего бизнеса от западных стран. Его доля в Европе достигает около 60% ВВП. Например, в Великобритании этот показатель составляет 51%, в Германии – 53%, в Нидерландах – 63% [9]. В России же вклад предпринимателей в ВВП страны, согласно данным Росстата составляет 21,9% [1].

Сегодня отечественное предпринимательство переживает этап интенсивного развития [10]. Формируются хозяйственные связи, активизируется производственная деятельность. Методом проб и ошибок осуществляется поиск и формирование ниш для малого и среднего бизнеса. С точки зрения социального исследователя отдельный интерес представляет процесс трансформации общественного мнения, сопровождающий эволюцию отечественного предпринимательства. Выполняя функцию социального одобрения, общественное мнение способно в значительной степени способствовать развитию предпринимательства либо затормаживать этот процесс [12]. Ярким примером последнего, по мнению автора, является устойчивая ассоциация в общественном сознании граждан позднего СССР зарождающегося предпринимательства со спекуляцией.

Разработанность проблемы. Проблема предпринимательства, актуализировавшаяся в связи с переходом к рыночному типу хозяйствования нашла отражение в работах многих учёных.

В отечественной социологии можно выделить ряд направлений исследования предпринимательства. Условия и

факторы развития предпринимательства в России нашли отражение в работах В.Е. Гимпельсона, Э.И. Фетисова, А.Ю. Чепуренко и др. Встроенность предпринимателей в систему социально-экономических и общественных отношений находилась в фокусе внимания Н.И. Лапина, И.А. Юрасова. Как социально-профессиональная группа предприниматели рассматривались Т.И. Заславской, В.Г. Немировским, О.В. Крыштановской. Место предпринимателей в социальной структуре российского общества показано З.Т. Голенковой, М.С. Васяниным. Региональную специфику предпринимательства можно обнаружить в трудах С.В. Гавриловской, Т.М. Дадаевой, С.В. Полутина и др. Обширный опыт исследования предпринимательства обобщён в учебной литературе такими авторами, как Ф.Э. Шереги, В.В. Фурсовой, С.М. Халиным и др. Работы, представляющие собирательный образ современного отечественного предпринимателя с позиции личностных, социально-демографических и социально-экономических характеристик представлены такими авторами, как В.А. Никонов, О.И. Витковская, Н. В. Костенко, Е.П. Никифорова.

Методы исследования. Проблемы, связанные с развитием малого и среднего бизнеса, не теряют своей актуальности на протяжении последней четверти века. В этой связи, вопросы, направленные на выявление отношения граждан к предпринимательству традиционно включаются в мониторинговые проекты крупнейших социологических центров страны. Учитывая, что практически все они предоставляют открытый доступ к результатам своих опросов, у исследователей имеются широкие возможности для вторичного анализа данных по рассматриваемому вопросу.

С целью изучения отношения россиян к предпринимательству автор воспользовался открытыми данными, содержащимися на сайте Фонда общественного мнения (ФОМ), Всероссийского центра изучения общественного

мнения (ВЦИОМ), Левада-центра. Объектом анализа выступили данные (в виде таблиц, динамических рядов, а также базы данных в формате SPSS доступные для скачивания) на сайтах упомянутых организаций и в ЕАЭСД [4].

Результаты исследования. Отношение россиян к предпринимательству и бизнесу можно измерить при помощи таких показателей, как: прямая оценка отношения респондентов по заданной шкале доверие к профессии предприниматель, оценка роли бизнеса в обществе

В исследованиях ВЦИОМ прямая оценка осуществляется при помощи вопроса «Как Вы в целом относитесь к людям, которые занимаются частным предпринимательством (мелким и средним бизнесом)?» по четырёхбалльной шкале с дополнительным вариантом «затрудняюсь ответить». Учитывая, что данный вопрос задаётся с 2009 года, анализ ответов позволяет не только определить текущее отношение, но и выявить динамику отношения за последнее десятилетие.

Распределение ответов показывает стабильный рост положительного отношения россиян к малому и среднему бизнесу [8].

*Таблица 1
Динамика отношения россиян к малому и среднему бизнесу*

	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2017 г.	2019 г.
Хорошо	41	45	41	56	48
Скорее хорошо	38	36	42	34	41
Скорее плохо	9	7	7	4	4
Плохо	4	5	2	4	2
Затрудняюсь ответить	8	7	8	2	5

Из приведённых ответов видно, что положительное отношение (совокупность ответов «хорошо» и «скорее хорошо») в 2019 году составил 89%, что

на 10% выше, чем в 2009 году. Доля ответов отрицательного характера (совокупность ответов «скорее плохо» и «плохо»), в свою очередь, снизилась с 13% до 6%.

Высокий уровень позитивного восприятия малого и среднего бизнеса в полной мере коррелирует с оценкой его роли в нашей стране. Отвечая на вопрос «Как вы считаете, деятельность российских предпринимателей и бизнесменов идет сейчас обществу на пользу или во вред?», три четверти респондентов (74%) указывают на пользу предпринимательства (совокупность ответов «Определенно на пользу» и «Скорее на пользу»). Аналогичные результаты наблюдаются и в исследованиях Левада-центра [6]. Согласно данным с сайта компании, в конце 2019 года по вопросу отношения к предпринимателям в России исследование зафиксировало максимальный показатель за 16 лет измерений. 80% опрошенных считает, что деятельность малого и среднего бизнеса идет на пользу стране. Учитывая, что формулировки Левада-центра отличаются от тех, что используются ВЦИОМом, наблюдаются и некоторые различия в данных, однако высокий уровень хорошего отношения населения к предпринимателям виден и здесь.

Анализ распределения данного вопроса в разрезе социально-демографических характеристик показывает, что чаще всего позитивное отношение к малому и среднему бизнесу встречается среди молодых, материально обеспеченных россиян, которые могут позволить покупку товаров длительного пользования. Хуже всего относятся малообеспеченные граждане, которым едва хватает денег на еду. Скорее всего это связано с тем, что те, кто не может представить себя на месте предпринимателей и испытывает зависть и неприязнь к социально активным и успешным людям.

Основная польза от предпринимательства, по мнению россиян, проявляется в создании рабочих мест и обеспече-

нии занятости (28%), пополнении государственного бюджета за счёт отчисления налогов (13), обеспечении доступности товаров и услуг для людей (12%), а также обеспечении разнообразия и возможности выбора товаров и услуг (10%).

Комментируя высокий уровень хорошего отношения к предпринимательству, эксперты отмечают, отход населения от стереотипов 90-х годов и рост надежд на предпринимательство, как создающий фактор. В частности, уполномоченный при президенте России по правам предпринимателей Борис Титов прокомментировал положительное отношение населения к малому предпринимательству следующим образом. «Пора менять курс, хватит уже правоохранителям все свои бизнес-налеты объяснять идеологически: мол, мы же чистильщики, а народ требует расправы с вороватым бизнесом. Общественный тренд изменился. Народ за бизнес, за людей, создающих добавленную стоимость, из которой платятся зарплаты и налоги, которые содержат вас, дорогие блюстители порядка. Относитесь к нам с должным уважением и защищайте наши права, а не народ от нас» [2].

Высокий уровень хорошего отношения россиян характерен только для малого и среднего бизнеса. По отношению к крупному бизнесу ситуация значительно отличается. В исследовании ВЦИОМ 2017 года респондентам задавался вопрос «Как Вы относитесь к владельцам крупного бизнеса?». Положительное отношение (совокупность ответов «хорошо» и «скорее хорошо») выразили 67%, а отрицательное (совокупность ответов «скорее плохо» и «плохо») – 28%.

Похожие результаты наблюдаются и в исследованиях Левада-центра. На сегодняшний день позитивное отношение к крупному бизнесу наблюдается у 58% респондентов, которые считают, что его деятельность идёт на пользу стране. Несмотря на то, что отношение к крупному бизнесу обычно хуже, чем к малому и среднему, но и к нему с 2013 года преобладает позитивное отношение.

Сопряжённость вопроса ВЦИОМ с социально-демографическими характеристиками респондентов позволил выявить показательную тенденцию: позитивное отношение к представителям крупного бизнеса снижается с повышением возраста респондентов (рис. 1.)

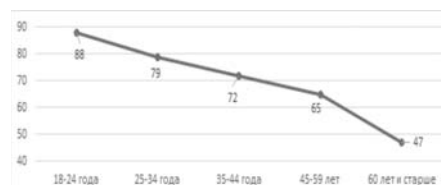

Рис. 1. Отношение россиян к владельцам крупного бизнеса

Эти данные можно объяснить постепенным перемещением в старшие возрастные группы поколения, ставшего свидетелем приватизации крупных предприятий. Ваучерная приватизация по мнению большинства населения была несправедливой, поскольку давала преимущества руководителям этих предприятий, позволяла им добиваться нужные решения на собраниях акционеров и выкупать акции у работников предприятий по заниженным ценам. У современной же молодёжи не только отсутствуют негативные ассоциации, связанные с крупным бизнесом, зачастую наоборот – крупные бизнесмены и главы корпораций являются примером для подражания.

Несмотря на хорошее отношение к предпринимательству как социально-экономическому явлению, в нашем обществе по-прежнему не сформировано доверие к бизнесу как профессии и социально-политическому институту. В вопросе, который традиционно включается в мониторинговые проекты ВЦИОМа – «Насколько Вы доверяете представителям следующих профессий?», наряду с другими присутствует вариант «предприниматель, бизнесмен». Динамика ответов на этот вопрос в целом, положительная, но не за счёт роста тех, кто доверяет, предпринимателям, а по

причине снижения доли тех, кто не доверяет и их перехода в категорию затруднившихся с ответом (табл. 2.).

Таблица 2.
Оценка респондентами доверия представителям профессии «Предприниматель, бизнесмен»

	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2015 г.	2017 г.
Скорее/полностью доверяю	21	21	26	32	22
Скорее/совершенно не доверяю	45	50	43	36	27
Затрудняюсь ответить	34	29	31	32	51

В вопросах Левада-центра, направленных на выявление институционального доверия населения, также задаваемых в режиме мониторинга, можно отметить приблизительно те же значения. В вопросе «В какой мере, на ваш взгляд, заслуживают доверия президент и следующие государственные органы, общественные движения и организации?» в сентябре 2019 г. безусловное доверие малому и среднему бизнесу выражали 26%, а крупному бизнесу лишь 16%. На фоне доверия населения таким институтам, как армия (63%), президент (60%), спецслужбы (48%), церковь (40%), доверие бизнесу выглядит более чем скромно.

Выводы. По результатам проведённого вторичного анализа данных можно сделать ряд выводов. Во-первых, исследования, проводимые крупнейшими отечественными центрами изучения общественного мнения, представляют схожие результаты, что позволяет с высокой долей достоверности оценить ситуацию в сфере отношения населения к предпринимательству. Во-вторых, отношение к предпринимателям в России

положительное и оно улучшалось на протяжении последних лет. Сегодня подавляющее большинство опрошенных считает, что деятельность малого и среднего бизнеса полезной для общества. В-третьих, существуют различия в мнениях россиян относительно собственно предпринимательства (малого и среднего бизнеса) и крупного бизнеса. В первом случае положительное отношение выше. Это можно объяснить сменой поколений, а также возможностью экстраполировать на себя роль предпринимателя и самозанятого, в отличие от владельца крупного бизнеса. В-четвёртых, несмотря на позитивное отношение к предпринимательству как социально-экономическому явлению, в нашем обществе по-прежнему не сформировано доверие к бизнесу как профессии и социально-политическому институту. В целом вектор изменений отношения общества и власти к предпринимательству характеризуется позитивной направленностью, что благоприятствует его развитию в нашей стране.

Литература

1. 30 октября состоялось заседание Научно-методологического совета Росстата [Электронный ресурс] // сайт Федеральной службы государственной статистики – URL: https://www.gks.ru/council_meetings/document/68632
2. Большинство россиян заявили о невозможности честного бизнеса в России [Электронный ресурс] // Сайт медиахолдинга РБК (РосБизнесКонсалтинг) – URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/02/2019/5c6c1dd09a79477ebc9646f4>
3. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма [Текст] / Макс Вебер - 3-е изд., доп. и испр. - Москва ; Центр гуманитарных инициатив ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2016. - 649 с.
4. Единый архив экономических и социологических данных [Электронный ресурс] - URL: <http://sophist.hse.ru/>

5. Заварзина Ю.В., Батьянова Л.Н., Москвитина Н.В. Социально-ресурсное обеспечение конкурентоспособности территории в пространстве сетевого взаимодействия вузов [Текст] / Ю.В. Заварзина, Л.Н. Батьянова, Н.В. Москвитина // Социальная реальность виртуального пространства материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет; Под общей редакцией О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. 2019. С. 315-318.

6. Как заниматься бизнесом в России [Электронный ресурс] // Сайт АНО «Левада-Центр». - URL: <https://www.levada.ru/2020/03/18/kak-zanimatsya-biznesom-v-rossii/>

7. Полюшкевич О.А. Введение в социологию управления: учебное пособие. вузов [Текст] / О.А. Полюшкевич. – Иркутск, ИГУ, 2013. 164 с.

8. Путин согласился закрепить в Конституции роль предпринимательства [Электронный ресурс] // Официальная страница газеты «Известия». – URL: <https://iz.ru/980502/2020-02-26/putin-soglasilsia-zakreplit-v-konstitucii-rol-predprinimatelstva>

9. Сектор малого и среднего предпринимательства: Россия и мир [Электронный ресурс] // Институт экономики роста им. Столыпина П.А. – URL: <http://stolypin.institute/novosti/sector-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-rossiya-i-mir/>

10. Три четверти столичных предпринимателей считают, что открыть бизнес в Москве легко [Электронный ресурс] // Сайт ВЦИОМ, пресс-выпуск №4167 от 13 Февраля 2020. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10158>

11. Фарахутдинов Ш.Ф. Малый и средний бизнес отдалённого российского региона: особенности и условия существования [Текст] / Ш.Ф. Фарахутдинов // Экономика и предпринимательство. 2016. – № 3-2 (68). – С. 322-327.

12. Шереги, Ф. Э. Социология предпринимательства : учебное пособие для вузов [Текст] / Ф. Э. Шереги. – 2-е изд.,

перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 448 с.

Entrepreneurship in the public opinion of Russians

Vasilieva L.V.

Tyumen Industrial University

The article shows the role and place of entrepreneurship in the socio-economic development of modern Russia. The need for a sociological analysis of the attitude of Russians towards entrepreneurship and business is updated. A secondary analysis of research data carried out by the largest research centers of the country was carried out. It is shown that there is a steady trend towards improving the attitude of the population towards business. It has been revealed that the attitude towards business among Russians is ambiguous and differentiates depending on its scale. It has been stated that in our society, trust in business as a profession and a sociopolitical institution is still not formed. Based on the analysis of empirical data, it is concluded that the vector of changes in the attitude of society and government towards entrepreneurship is characterized by a positive orientation, which is favorable for its development in our country.

Keywords: market economy, entrepreneurship, small business, sociological research, public opinion.

References

1. On October 30, a meeting of the Scientific and Methodological Council of Rosstat [Electronic resource] // the website of the Federal State Statistics Service - URL: https://www.gks.ru/council_meetings/document/68632
2. Most Russians declared the impossibility of honest business in Russia [Electronic resource] // Website of the RBC media holding (RosBusinessConsulting) - URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/02/2019/5c6c1dd09a79477ebc9646f4>
3. Weber M. Selected: Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism [Text] / Max Weber - 3rd ed., Ext. and rev. - Moscow; Center for Humanitarian Initiatives; St. Petersburg: University Book, 2016. -- 649 p.
4. A single archive of economic and sociological data [Electronic resource] - URL: <http://sophist.hse.ru/>
5. Zavarzina Yu.V., Batyanova LN, Moskvitina N.V. Social and resource support for the competitiveness of the territory in the space of network interaction of universities [Text] / Yu.V. Zavarzina, L.N. Batyanova, N.V.

- Moskvitina // Social reality of virtual space materials of the I International scientific-practical conference. Irkutsk State University; Under the general editorship of O. A. Polyushkevich, G. V. Druzhinin. 2019.S. 315-318.
6. How to do business in Russia [Electronic resource] // Site of ANO "Levada Center". - URL: <https://www.levada.ru/2020/03/18/kak-zanimatsya-biznesom-v-rossii/>
 7. Polyushkevich O.A. Introduction to the sociology of management: a training manual. universities [Text] / O.A. Polyushkevich. - Irkutsk, ISU, 2013.164 s.
 8. Putin agreed to enshrine the role of entrepreneurship in the Constitution [Electronic resource] // Izvestia official page. - URL: <https://iz.ru/980502/2020-02-26/putin-soglasilsia-zakrepit-v-konstitucii-rol-predprinimatelstva>
 9. Sector of small and medium-sized enterprises: Russia and the world [Electronic resource] // Institute for Growth Economics named after Stolypina P.A. - URL: <http://stolypin.institute/novosti/sector-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-rossiya-i-mir/>
 10. Three-quarters of metropolitan entrepreneurs believe that opening a business in Moscow is easy [Electronic resource] // VTsIOM website, press release No. 4167 dated February 13, 2020. - URL: <https://wciom.ru/index.php?id= 236 & uid = 10158>
 11. Farahutdinov Sh.F. Small and medium business in a remote Russian region: features and conditions of existence [Text] / Sh.F. Farakhutdinov // Economics and Entrepreneurship. 2016. - No. 3-2 (68). - S. 322-327.
 12. Sheregi, F. E. Sociology of Entrepreneurship: a textbook for universities [Text] / F. E. Sheregi. - 2nd ed., Revised. and add. - Moscow: Publishing house Yurayt, 2020. - 448 p.

Влияние промышленной инфраструктуры на экологию региона и качество жизни местного населения

Васенина Ирина Владимировна

кандидат социологических наук, доцент кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, irvasenina@yandex.ru

Сушко Валентина Афанасьевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, valentina.sushko@gmail.com

В статье рассматриваются актуальные вопросы экологических проблем в регионах России, касающиеся качества жизни населения. Обсуждается характер и специфика воздействия экологических показателей на социально-экологическое самочувствие населения, здоровый образ и продолжительность жизни, а также ощущаемое ими благополучие и удовлетворенность жизнью. В качестве информационной базы исследования использован опрос жителей Челябинской области в 2019 г. Важная роль в исследовании отводится такому компоненту как экологическая ситуация и особенности окружающей среды. Среди важнейших экологических проблем регионов были выделены проблемы загрязнения воздуха, рек, почвы, мусорные свалки, вследствие этого ухудшение здоровья. Полученные результаты показали тесную взаимосвязь проблем экологического характера, связанных с промышленной инфраструктурой, и качества жизни населения. Ключевые слова: жизненные перспективы, социально-экологическое состояние региона, экологическое неравенство, промышленная инфраструктура.

Характеристика региона.

Челябинская область как один из важнейших регионов Российской Федерации, характеризуется многими важнейшими аспектами, которые выступили определяющими в анализе исследуемых проблем.

Территориальные образования, такие как, сельские поселения и города отличаются друг от друга многими социально-экономическими характеристиками и уровнем развития. Дифференцированный анализ развития поселений необходим для понимания современных процессов и предвидения тенденций их развития.

Доля городского населения области составляет 83,1% от всего населения области. Доля сельского населения области – 16,9% численности всего населения [8]. Граница между сельским и городским типами поселений не только регламентирована законодательными актами, но и обусловлена функциональным значением поселений. Сельские поселения характеризуются такими видами деятельности как сельскохозяйственное производство, лесное хозяйство, выполняют рекреационную и природоохранную функции.

Тема экологии – одна из самых актуальных в Челябинской области. По данным регионального министерства экологии, список основных загрязнителей воздуха на Южном Урале состоит из 11 заводов, 5 находятся в черте Челябинска. Это ЧМК, «Мечел-Кокс», ЧЭМК, цинковый завод и ЧТПЗ. Помимо них в области есть тысячи мелких предприятий, которые также вносят свою лепту в загрязнение окружающей среды.

Общественная организация «Зеленый патруль» составила экологический рейтинг по итогам весны 2019 года. В

Челябинской области, оказавшейся на 84-месте, отмечаются серьезные проблемы с состоянием атмосферного воздуха и почвы, средой обитания и ответственностью бизнеса. Озабоченность вызывают водные ресурсы и система обращения с ТБО. Ранее область находилась на последнем месте рейтинга.

Согласно отчета Минприроды за 2018 год, Челябинская область не вошла в список регионов с самым загрязненным воздухом. Но тем не менее Роспотребнадзор включил область в список регионов, где высокая доля проб атмосферного воздуха с превышением ПДК_{мр} по содержанию загрязняющих веществ. Результаты проверки ведомства приводятся в докладе «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2018 году» [3]. Росприроднадзор установил в 2018 году, что Магнитогорский комбинат нанес ущерб экологии региона на 3,2 млрд руб. Комбинат нарушил правила водопользования при сбросе сточных вод в Магнитогорское водохранилище на реке Урал. Уровень загрязнения атмосферного воздуха в городе Челябинске в настоящее время остается высоким и формируется

под влиянием выбросов предприятий черной и цветной металлургии, энергетики, машиностроения, стройиндустрии и автотранспорта. Также предприятия сбрасывают неочищенные, необезвреженные и необеззараженные сточные воды в реки и водоемы. Город Карабаш Челябинской области отмечен как зона экологического бедствия, по версии ЮНЕСКО город является самым грязным на планете. А теперь перейдем к рассмотрению некоторых факторов, оказывающих значительное влияние на качество жизни населения челябинской области.

Демографическая ситуация

За последние 15 лет только Челябинская область потеряла более 160 тысяч населения. Особенно резко негативные тенденции нарастали в 90-е годы: падение рождаемости, рост смертности, снижение продолжительности жизни, уменьшение числа браков. В итоге современный уровень рождаемости в два раза меньше необходимого для простого воспроизводства населения.

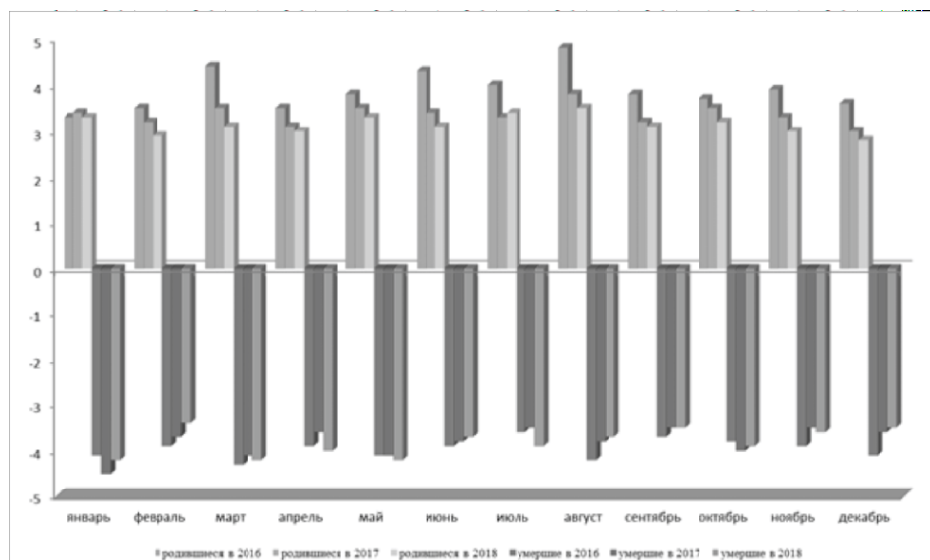

Рис. 1. Показатели естественного движения населения Челябинской области [7].

Специалисты отмечают, что с начала 2011 года естественная убыль населения наблюдалась почти по всей территории Челябинской области. Наиболее сложная демографическая ситуация по показателю естественной убыли сохраняется в Верхний Уфалее, Златоусте, Копейске, Кыштыме, Ашинском, Каслинском, Катав-Ивановском, Кусинском, Нязепетровском и Пластовском районах [7].

Общее движение населения относится к регрессивному типу, по степени развития старения население характеризуется как популяция демографической старости. Преобладание численности женщин над численностью мужчин в Челябинской области отмечается уже с 18-летнего возраста, и чем старше возраст, тем более преобладание численности женщин над численностью мужчин.

Медико-демографическая ситуация в Челябинской области. За период с 2012 по 2017 годы отмечается увеличение удельного веса детского населения (16,9-19,3%), по-прежнему отмечается рост доли группы старше трудоспособного (23,6-25,3%) и снижение трудоспособного возраста (59,9-55,4%) [7].

Факторы окружающей среды, также как и социальные факторы, вносят значительный вклад в показатели заболеваемости и смертности населения и влияют на демографическую ситуацию в регионе.

В Челябинской области к таким группам относится ряд социальных факторов, а также санитарно-гигиенических показателей, характеризующих безопасность среды обитания и состояние здоровья населения (см. табл. 1).

По укрупненным расчетам под воздействием загрязняющих веществ атмосферного воздуха (концентрация > 0,1 ПДК) находится более 1300000 человек. Это 40,4% населения Челябинской области. Под воздействием загрязняющих веществ в питьевой воде находится более 1 700 000 человек – 53,7% населения Челябинской области.

Таблица 1.

Приоритетные химические факторы среды обитания, формирующие негативные тенденции в состоянии здоровья населения Челябинской области [2].

Приоритетные группы факторов	Основные показатели здоровья, ассоциированные с химическими факторами
1.1 Загрязнение атмосферного воздуха химическими компонентами (диоксид азота, взвешенные вещества, бензапирен, формальдегид, оксид углерода, фенол, фторид водорода, свинец, марганец)	– болезни органов дыхания (в том числе: астма астматического статуса; бронхит хронический и неутонченный; эмфизема); – болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм, в том числе анемии (образование MetHb); – болезни нервной системы; – болезни глаза и его придаточного аппарата; – болезни эндокринной системы; – болезни мочеполовой системы; – болезни костно-мышечной системы; – болезни печени; – врожденные аномалии; – новообразования (в том числе злокачественные новообразования, смертность).
1.2 Загрязнение питьевой воды химическими компонентами (хлороформ, железо, марганец, нитраты, магний, алюминий, фтор, никель, кобальт, сульфаты, медь, цинк)	– болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ; – болезни крови, кроветворных органов, в том числе анемии; – болезни нервной системы; – болезни органов пищеварения; – болезни мочеполовой системы; – болезни костно-мышечной системы; – новообразования, в том числе: злокачественные новообразования; – болезни сердечно-сосудистой системы, в том числе болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением; – пониженная масса тела новорожденных.

Фактор загрязнения почвы тяжелыми металлами по количеству населения, проживающего на загрязненной территории не является приоритетным, тем не менее под воздействием этого фактора проживает ориентировочно

256 000 человек – 8,0% населения области.

Анализ данных социально-гигиенического мониторинга за санитарно-эпидемиологической обстановкой в Челябинской области показывает, что жители городов области с развитой промышленностью, испытывают комплексное воздействие негативных социально-экономических и химических факторов, формирующих негативные тенденции в состоянии здоровья.

Экологическая ситуация

Экологические проблемы Челябинской области можно отнести к проблемам двух видов. Одни типичны для индустриальной области, другие исключительно связаны с особенностями местного производства.

Огромное количество промышленных предприятий Челябинской области не могло не отразиться на её экологии. Экологическая обстановка в регионе остаётся одной из самых напряжённых в России [9]. Челябинская область лидирует по выбросам в атмосферный воздух твёрдых веществ — 1-е место в России — более трети всех выбросов твёрдых частиц; по оксиду углерода — 2-е место (около 6 % всех выбросов); по диоксиду серы — 5-е место (около 4 % всех выбросов) [5].

По объемам произведенной продукции черная металлургия Челябинской области не имеет себе равных в России. Она представлена металлургическими комбинатами Магнитогорска и Челябинска, заводами Златоуста, предприятиями по производству стальных труб и ферросплавов. В области также производят медь, никель и огнеупорные материалы из магнезита. Предприятия этой отрасли являются основными источниками загрязнения окружающей среды. Самыми «грязными», с экологической точки зрения, являются Челябинск, Магнитогорск и Карабаш. Основной вид загрязнения – тяжелые металлы. Кроме них в почве и воздухе повышенная концентрация бензопирена, ртути, свинца, хрома, марганца. Выбросы в атмосферу

отработанных газов производств и автотранспорта содержат оксиды азота и углерода, сажу, свинец и других токсичные вещества. На территории Челябинской области расположено больше всего в России «атомоградов». Здесь проводят изучение и испытания материалов для атомной промышленности, перерабатывают и утилизируют ядерное топливо, производят радиоактивные изотопы и приборы для отрасли

Загрязнение атмосферного воздуха характеризуется выбросами загрязняющих веществ от стационарных источников (Рис.2).

Рис.2. Динамика выбросов загрязняющих веществ в атмосферу 2010-2016 гг. [2].

По видам экономической деятельности, наносящим наибольший вред окружающей среде, выделяются обрабатывающие производства. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от этих организаций в 2016 году составили 2 211,9 тыс. тонн (56,9 % от выбросов по всем видам экономической деятельности); в организациях, осуществляющих производство и распределение электроэнергии, газа и воды, выбросы в атмосферу составили 1579,1 тыс. тонн (40,7 %), при добыче полезных ископаемых – 46,95 тыс. тонн (1,2 %); выбросы транспорта и связи – 27,458 тыс. тонн (0,7 %); выбросы от сельского и лесного хозяйства – 7,34 тыс. тонн (0,18 %). На долю хозяйствующих субъектов с другими видами экономической деятельности, действующих на территории Челябинской области, приходится 4,59 тыс. тонн загрязняющих веществ, выбрасываемых в атмосферу (0,12 %). [2, 2016].

Таблица 2
Количество наиболее распространенных загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников [3].

Загрязняющие вещества, тысяч тонн	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год
Всего, в том числе:	4582,057	4550,561	4460,774	4095,553	3763,244	3881,567
твердые вещества	3937,767	3891,418	3808,659	3484,881	3138,207	3090,282
газообразные и жидкие вещества, из них:	644,29	659,143	652,115	610,672	625,037	791,285
диоксид серы	220,781	226,259	224,166	210,629	235,662	410,828
оксиды азота	80,348	77,847	73,196	66,607	67,684	69,331
оксид углерода	315,965	328,587	323,093	302,268	287,949	278,109
углеводороды (без летучих органических соединений)	11,406	11,903	17,537	17,153	20,722	20,395
летучие органические соединения	11,443	9,373	9,514	9,166	8,233	8,634

*- с 2012 года, включая индивидуальных предпринимателей

Рис.3. Объемы выбросов загрязняющих веществ в атмосферу Челябинской области [2, 3].

Состояние и использование водных ресурсов.

Челябинская область расположена на водоразделе бассейнов трех рек – Тобол, Урал и Кама – вследствие чего речная сеть Челябинской области уникальна: реки текут здесь преимущественно своими верховьями, поэтому они очень небольших размеров и очень маловодны.

Всего на территории Челябинской области 3062 реки и 90,3 % из них – это очень малые реки протяженностью менее 10 километров. Протяженность свыше 200 километров (в пределах Челябинской области) имеют всего 7 рек: Миасс, Уй, Урал, Ай, Уфа, Увелька, Гумбейка.

За последние три года прослеживается динамика уменьшения объема сброса сточных вод в поверхностные водные объекты. В 2014 г. – 449,57 млн. м³, в 2015 г. объем водоотведения уменьшился и составил 407,13 млн. м³, а в 2016 г. объем сбрасываемых сточных вод составил 400,43 млн. м³, т.е. меньше чем в 2015 г. на 6,69 млн. м³.

Состояние **питьевого водоснабжения**⁷ продолжает оставаться одной из актуальных задач по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения Челябинской области.

Превышение гигиенических нормативов регистрируется на многих территориях области.

Анализ лабораторных исследований за 3 года (с 2014 по 2016 годы) показывает, что приоритетными загрязнителями питьевой воды системы централизованного хозяйственно-питьевого водоснабжения населения являются: марганец и его соединения, никель, магний, цинк (за счет поступления из источника водоснабжения), хлороформ, фтор (за счет загрязнения питьевой воды в процессе водоподготовки), железо (за счет

⁷ Данные по состоянию питьевого водоснабжения приведены из Государственного доклада «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия насе-

ления Челябинской области в 2016 году» (подготовлены Управлением Роспотребнадзора по Челябинской области, ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Челябинской области»)

загрязнения питьевой воды в процессе транспортирования).

Основными загрязняющими веществами являются: азот аммонийный, взвешенные вещества, нитриты, нитраты, фосфаты по фосфору, железо общее, нефтепродукты, медь, марганец, цинк, сухой остаток, сульфаты, хлориды, БПКполн., СПАВ.

Рис. 4. Объемы сброса загрязненных сточных вод с 2011 по 2016гг. [2, 3].

Для оценки качества воды в реках и водоёмах их разделяют по загрязнённости на несколько классов. Классы основаны на интервалах удельного комбинаторного индекса загрязнённости воды (далее именуется также – УКИЗВ) в зависимости от количества критических показателей загрязнённости. Значение УКИЗВ определяется по частоте и кратности превышения ПДК по нескольким показателям и может варьировать в водах различной степени загрязнённости от 1 до 16 (для чистой воды 0). Большее значению индекса соответствует худшее качество воды.

Гигиена почвы.

Наиболее серьезные экологические угрозы здоровью людей, качеству их жизни и системам жизнеобеспечения исходят не только от традиционных источников - промышленных предприятий Челябинска. Подобные угрозы создают другие источники массивированных загрязнений - природно-технологические объекты. В числе таких объектов, активно загрязняющих среду обитания и формирующих на территории Челябинской агломерации масштабные экологические риски, выделяется, например,

челябинская городская свалка. Министерством экологии Челябинской области за период с 2014 г. по 2018 г. рассмотрены десятки обращений граждан по вопросам влияния свалки ТБО Челябинска на качество окружающей среды. По данным выполненных в 2016-2017 годах инженерных изысканий территории, занятой Челябинской городской свалкой, поверхностные воды на объекте изысканий характеризуются как чрезвычайно грязные. В зоне влияния городской свалки на расстоянии до 1,01-1,2 км зафиксированы превышения предельно допустимых концентраций формальдегида до 3,8 раз, фенола до 1,3 раз, взвешенных веществ до 1,6 раз. По степени загрязнения грунтовых вод на исследуемой территории экологическая ситуация оценивается как чрезвычайная. Содержание метана почти по всей территории свалки превышают пожаро- и взрывоопасный уровень.

По оценкам, мусор на свалке преимущественно состоит из органических отходов (35%), бумаги (20%), стекла (10%), полимерных материалов (10%). Все это вместе образует биогаз, содержащий целый набор токсичных веществ: формальдегид, диоксид азота, аммиак, диоксид серы, сероводород, оксид углерода, метан и др. Объем выбросов некоторых из них сопоставим с объемами выбросов металлургического комбината [3].

Таким образом, анализ результатов открытых источников по экологической ситуации в Челябинской области позволил сделать выводы о достаточно неблагоприятной ситуации в регионе.

Методология

Для комплексного изучения экологических факторов развития территории Челябинской области в совокупности с «объективной» оценкой, основанной на данных статистических материалов и официальных докладов, проводилась «субъективная» оценка с помощью массового социологического опроса населения области в 2019 году. Общий объем квотной выборки составил 425 человек.

Опрос проводился в наиболее крупных городах Челябинской области общей численностью более 100000 человек: Челябинске, Магнитогорске и Златоусте. При проведении социологического исследования выборочная совокупность по полу распределилась следующим образом: мужчины составляют 57,5%, женщины – 42,5%. По возрасту выборочная совокупность распределилась следующим образом: 45% составили респонденты в возрасте до 35 лет и 55% - от 36 лет и старше. В выборку попали респонденты с различным уровнем дохода. По официальным источникам средняя зарплата в Челябинской области в 2018 году составила 33 тыс. руб. [6], хотя по оценкам жителей области средняя зарплата составляет 10-15 тыс. руб. в месяц. Большинство опрошенных (52%) имеют доход в среднем около 15 тыс. руб. в месяц на одного человека в семье. Примерно каждый пятый (21%) респондент живет на 25 тыс. рублей. Около 16% живут на доход менее 15 тыс. рублей, 11% респондентов отказались от ответа на этот вопрос.

Результаты и дискуссия.

Подавляющее большинство респондентов (79%) интересуются проблемами развития области, более половины принимают какое-либо участие в его жизни (табл. 3).

Таблица 3
Отношение респондентов к вопросам качества жизни и развития области (%)

Города Челябинской области	Да, я интересуюсь всем, что связано с моим местом жительства	Да, я интересуюсь, но участие в жизни города не принимаю	Нет, не интересуюсь
Челябинск	35	44,8	20,2
Магнитогорск	41,3	51,1	7,6
Златоуст	33,8	58,2	8

Как видно из таблицы 3, большая часть жителей интересуются проблемами города и стараются принимать ка-

кое-либо участие в его жизни, достаточно серьезно воспринимают существующие проблемы.

Оценивая степень развития в городе, 36% респондентов отметили варианты “плохо развитый” и “не развитый”, 49,5% - “средне развитый” и лишь 14,5% жителей считают свой город развитым. Среди опрошенных только 27,4% заметили улучшения в развитии города за последние 5 лет, в то время как 72,6% не заметили изменений в развитии места своего проживания.

На вопрос «Насколько сильно вы обеспокоены проблемами окружающей среды?» мнения распределились следующим образом: в среднем по всем трем городам 78,5% жителей практически постоянно и достаточно часто задумываются об этом и только 4,6 % жителей думают об этом редко или не думают об этом совсем.

Таблица 4.
Значимость для населения проблем окружающей среды (%)

Города Челябинской области	Всегда задумываюсь над этим	Задумываюсь очень редко	Никогда не думаю
Челябинск	76,2	13,8	10
Магнитогорск	82,5	9,7	7,8
Златоуст	73,7	14,5	11,8

Все жители, независимо от города проживания, осознают взаимосвязь между качеством окружающей среды и качеством своего здоровья.

Среди экологических проблем респонденты поставили на первое место проблему очень высокого уровня загрязнения воздуха, который обусловлен значительными выбросами твердых частиц, оксида углерода и диоксида серы (95,3%), на второе место – состояние питьевого водоснабжения, которое превышает гигиенические нормативы по марганцу, никелю, магнию, цинку, фтору, железу и многим другим показателям (89,4%), на третье -загрязнение почвы (71,2%) и технологические объекты области. Также жители города говорили о катастрофической социальной

обстановке в городе (73,9%). В частности, отмечались проблемы со здоровьем у подавляющего большинства жителей области. Челябинская область относится к территориям риска по первичной заболеваемости взрослого населения с уровнем превышения среднероссийских показателей по астме, органам дыхания, бронхиту. Данная статистика доступна для населения города, поэтому достаточно подробно ее указывали при ответах на вопрос о значимых социальных проблемах. И это очень тревожные цифры, так как от решения этих проблем напрямую зависит здоровье населения, которое и так постоянно ухудшается, условия жизнедеятельности и, в конечном счете, вообще качество жизни людей, которое остается на очень низком уровне.

Исследуя степень важности различных экологических проблем в целом по городам, мы получили следующие результаты. Первую группу по степени важности составляют следующие проблемы: загрязнение воздуха от производства и загрязнение питьевой воды (96,4% и 89,9%), загрязнение рек вследствие промышленных выбросов (77,5%), загрязнение почвы 71,2%, производственные свалки 63,7% и жители Челябинска указали на долгое время существующую Челябинскую городскую свалку (49,5%), которая работала еще с советских времен и только в конце 2018 года была закрыта, но процесс ее биологической рекультивации начнется только после саммитов ШОС и БРИКС в 2020 году.

Как видно из полученных данных, все перечисленные проблемы считаются очень важными для жителей региона. Ни на одну из проблем респонденты не отметили, как не существующую или не важную, поскольку все эти проблемы носят не локальный, а уже региональный характер и охватывают практически все стороны экологической ситуации.

Для оценки чувства ответственности за состояние окружающей среды задавался вопрос об отношении людей к

различным экологически-ответственным действиям. Так, около половины всех опрошенных респондентов (49%) ответили, что меры никакие не принимаются, никаких действий не принимается в городах. Подавляющее большинство респондентов (75,5%) согласилось с утверждением, что государственным органам необходимо проводить политику экологически-ответственных действий, призывать к этому население, решать проблемы общими усилиями. Интересен тот факт, что только 31,3% согласны с тем, что каждый человек может влиять на экологическую ситуацию. Примерно каждый пятый (18,5%) респондент когда-либо принимал участие в экологических мероприятиях, однако 50,5% готовы принимать активное участие в экологических мероприятиях, а каждый третий (831%) житель категорически высказал несогласие. Данное обстоятельство говорит о равнодушии большей части населения к окружающей среде, однако на данный момент жители мало вовлечены в жизнь города. Это может быть следствием слабой работы муниципалитетов по воспитанию гражданской активности среди населения.

Состояние окружающей среды несомненно влияет на здоровье населения, поэтому анализировалось отношение жителей относительно их физического самочувствия. На вопрос «Насколько вы удовлетворены своим здоровьем?» мнения респондентов распределились следующим образом: только 17% практически или полностью удовлетворены своим здоровьем; 69,3% совсем или полностью не удовлетворены своим здоровьем и среднюю степень удовлетворения высказали 13,7% жителей независимо от места проживания. Данные цифры могут свидетельствовать только о приближающейся социальной и экологической катастрофе в области.

Также важно было выявить степень информированности жителей об экологических проблемах. При анализе были получены следующие результаты. На

первом месте по степени информированности стоит интернет – (47,2%), на втором – телевидение (34,8%), на третьем – друзья, коллеги (10,5%), газеты и научные журналы просматривает небольшая часть опрошенных (7,5%)

В результате проведенного анализа видно, что сегодня актуальными и определяющими качество жизни населения являются вопросы экологического состояния постоянных мест проживания. Результаты социологического исследования направлены именно на то, чтобы обратить внимание и попытаться решить проблемы условий жизни людей, одной из ключевых которых являются экологические проблемы. И подтверждением серьезности и важности служат полученные эмпирические данные.

Анализируя полученные данные по трем крупнейшим городам Челябинской области, стоит сказать, что существенных различий между жителями этих городов выявлено не было. Это может говорить об одинаковой экологической опасности во всем регионе и одинаковой степени понимания жителями данной проблемы.

Мы видим, что все большее значение у населения приобретает решение именно экологических проблем. Они уже вышли на первый план, когда масштабы и характер воздействия человека на природу приобретают угрожающий характер и являются одними из основных препятствий решения вопроса качества жизни населения. Каждая из анализируемых проблем представляет собой самостоятельную, нередко масштабную экологическую проблему, тесно связанную с другими [1. С. 71].

Выводы.

Практически все жители Челябинска, Магнитогорска и Златоуста обеспокоены ужасающей экологической ситуацией. Среди наиболее важных экологических проблем выделялись загрязненный воздух от производства, загрязненная питьевая вода, загрязнение рек вследствие промышленности, свалки. Следует отметить высокий уровень личной ответственности и желания граждан в решении существующих проблем. Большинство из

них готовы к различным социально-экологическим ответственным действиям, таким как принимать активное участие в экологических акциях/природоохранных мероприятиях, больше заботиться об охране окружающей среды, поддерживать существующие заповедно-охранные территории, где ограничена деятельность человека.

Результаты данного исследования есть отражение общественного мнения жителей по самым волнующим их вопросам. Особенно полезно ознакомиться с полученными данными представителям органов муниципального управления, которые непосредственно обладают ресурсами для повышения качества жизни. Помимо муниципальных и региональных органов власти полученные результаты будут интересны и на федеральном уровне, поскольку отражают необходимость в проведении плановых систематических мероприятий по улучшению качества жизни граждан, а также могут стать предпосылкой для создания новых государственных программ, касающихся качества жизни россиян.

Безусловно, вопрос качества жизни сейчас особенно значим для российского общества, поскольку во всех сферах жизни наблюдается большое количество нерешенных проблем. И, несмотря на то, что наша страна поднялась на более высокий уровень развития по сравнению с 90-ми годами XX века, нужно еще очень многое изменить к лучшему, чтобы Россия могла оправдать звание социального государства.

Литература

1. Васенина И.В., Сушко В.А. Промышленная экология и качество жизни местного населения // Экология и промышленность России. 2018. № 11. С. 66-71.
2. Доклад об охране окружающей среды Челябинской области 2010г.; Доклад об охране окружающей среды Челябинской области. 2017.
3. Министерство экологии Челябинской области // [Электронный ресурс]. <http://mineco174.ru/htmlpages/Show/protect>

ingthepublic/2016/211Vkladotraslejekonomi kivza (дата обращения 04.10.2019).

4. Названы регионы России с самой благополучной экологической обстановкой по итогам 2017 года // [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/478891-regiony-ekologicheskaya-obstanovka> (дата обращения 04.10.2019).

5. Отрегулировать выбросы. РИА Новости // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax-russia.ru/Ural/view.asp?id=787408> (дата обращения 04.10.2019).

6. Средняя зарплата в Челябинской области – какая она? Новости Челябинской области / Общество // [Электронный ресурс]. URL: <https://u74.ru/news/obshhestvo/srednaja-zarplata-v-chelabinskoj-oblasti-kakaja-ona-24391.html> (дата обращения 04.10.2019).

7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области // [Электронный ресурс]. URL: <https://chelstat.gks.ru/population?print=1> (дата обращения 04.10.2019).

8. Челябинская область. Мировой атлас данных. Российская Федерация // [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.ru/atlas/Российская-Федерация/Челябинская-область/topics/Население/Численность-населения/Доля-сельского-населения> (дата обращения 04.10.2019).

9. Экология Челябинской области переживает не лучшие времена // Копейский рабочий. [Электронный ресурс]. URL: https://kr-gazeta.ru/obshchestvo/ekologiya_chelyabinskoy_oblasti_perezhivaet_ne_luchshie_vremena/ (дата обращения 04.10.2019).

Influence of industrial infrastructure on the ecology of the region and quality of life of local population

Vasenina I.V., Sushko V.A.

Moscow State University M.V. Lomonosov
The article discusses current issues of environmental inequality in the regions of Russia, relating to the quality of life of the population. The nature and specificity of the impact of environmental indicators in monotowns on the socio-ecological well-

being of the population, healthy lifestyle and longevity, as well as their well-being and satisfaction with life are discussed. As a research method, data from a sociological survey conducted by the authors in Chelyabinsk region in 2018 are presented. An important role in the study is assigned to such a component as the ecological situation in environmental problems. Among the most important environmental problems of the regions were identified health problems, air pollution, water bodies, poor quality food, an increase in landfills. The results showed a close relationship between environmental problems associated with industrial infrastructure and the quality of life of the population.

Key words: life perspectives, socio-ecological situation of the region, environmental inequality, industrial infrastructure.

References

1. Vasenina I.V., Sushko V.A. Industrial ecology and the quality of life of the local population // Ecology and Industry of Russia. 2018. No. 11. P. 66-71.
2. Report on environmental protection of the Chelyabinsk region 2010; Report on the environmental protection of the Chelyabinsk region. 2017.
3. The Ministry of Ecology of the Chelyabinsk region // [Electronic resource]. URL: <http://mineco174.ru/htmlpages/Show/protectingthepublic/2016/211Vkladotraslejekonomikivza> (accessed 04.10.2019).
4. Named the regions of Russia with the most prosperous environmental situation at the end of 2017 // [Electronic resource]. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/478891-regiony-ekologicheskaya-obstanovka> (accessed 04.10.2019).
5. Adjust emissions. RIA Novosti // [Electronic resource]. URL: <http://www.interfax-russia.ru/Ural/view.asp?id=787408> (accessed 04.10.2019).
6. The average salary in the Chelyabinsk region - what is it? News of the Chelyabinsk region / Society // [Electronic resource]. URL: <https://u74.ru/news/obshhestvo/srednaja-zarplata-v-chelabinskoj-oblasti-kakaja-ona-24391.html> (accessed 04.10.2019).
7. Territorial authority of the Federal State Statistics Service for the Chelyabinsk Region // [Electronic resource]. URL: <https://chelstat.gks.ru/population?print=1> (accessed 04.10.2019).
8. Chelyabinsk region. World data atlas. Russian Federation // [Electronic resource]. URL: <https://knoema.ru/atlas/Russian-Federation/Chelyabinsk-area/topics/Population/Population-population/Share-Rural-population> (access date 04.10.2019).
9. The ecology of the Chelyabinsk region is going through hard times // Kopeysky worker. [Electronic resource]. URL: https://kr-gazeta.ru/obshchestvo/ekologiya_chelyabinskoy_oblasti_perezhivaet_ne_luchshie_vremena/ (accessed 04.10.2019).

Тенденции и перспективы развития межмуниципального сотрудничества в Забайкальском крае и его социальная значимость

Гальнис Кирилл Игоревич

канд. социол. наук, Хулуибуирский университет (КНР), rapid-leopard@yandex.ru

В статье на примере Забайкальского края рассматриваются тенденции развития такого правового института как межмуниципальное сотрудничество и его социальная значимость. Автором делается вывод, о его незначительной представленности в виде участия муниципалитетов в ассоциациях и объединениях, деятельности ряда межмуниципальных организаций, а также заключенных соглашений о сотрудничестве. На основе пилотного экспертного опроса муниципальных служащих выделены проблемы развития и перспективные виды данного правового института в соотношении с рядом вопросов местного значения, а также субъектами сотрудничества. В заключении автором делается вывод о необходимости для более объективной оценки использования всех возможностей межмуниципального сотрудничества провести оценку бюджетных расходов и программ социально-экономического развития смежных муниципалитетов.

Ключевые слова: межмуниципальное сотрудничество, договоры, соглашения, хозяйственные общества, некоммерческие организации, Забайкальский край, социальная значимость

В условиях ограниченности финансовых ресурсов и необходимости реализовывать достаточно весомый перечень вопросов местного значения муниципалитетам предоставлена возможность использовать разные инструменты. Одним из них выступает межмуниципальное сотрудничество. При этом право на объединение местных властей в Российской Федерации начало складываться у истоков формирования новой государственности. Так в ч. 4 ст. 2 Закона РСФСР от 06.07.1991 г. N 1550-1 «О местном самоуправлении в РСФСР», а в более поздней редакции закона Российской Федерации отмечалось, что «города, поселки, сельсоветы, сельские населенные пункты в целях более эффективного осуществления своих прав и интересов могут объединяться в ассоциации». Подобная норма позже была закреплена в ст. 10 федерального закона (ФЗ) № 154 от 28.08.1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В ныне действующем ФЗ № 131 от 06.10.2003 г. институт межмуниципального сотрудничества получил более широкое описание, отраженное в главе 9 и ст. 8. Кроме этого правовую основу его функционирования составляет Европейская Хартия местного самоуправления, Гражданский кодекс, ФЗ № 7 от 12.01.1996 «О некоммерческих организациях», ФЗ № 208 от 26.12.1995 «Об акционерных обществах», ФЗ № 14 от 08.02.1998 «Об обществах с ограниченной ответственностью» и ряд иных нормативных актов Российской Федерации, законы субъектов РФ, муниципальные правовые акты.

В законодательстве не дается четкого определения межмуниципальному сотрудничеству, что привносит разные

авторские трактовки данному правовому институту. Однако можно отметить, что в большинстве из них указывается, что он выступает в качестве механизма или системы взаимодействия органов местного самоуправления, согласования интересов, координации действий, объединения усилий в виде организационных и правовых связей для решения общих задач, вопросов местного значения, развития и повышения конкурентоспособности территорий.

В научной среде данный правовой институт подвергался исследованию в разных аспектах. Так О. В. Миронова разработала модель институциональной среды и технику институционального анализа межмуниципального сотрудничества [8]. Л. Н. Джек рассматривала его в контексте регулирования локальных рынков труда [4]. А. В. Костюкова исследовала тенденции развития межмуниципального сотрудничества в Новгородской области, Р.М. Даутов на основе экспертного социологического опроса рассматривает итоги, проблемы и направления развития данного института в Республике Татарстан [3, 6]. О. А. Козлова, М. Н. Макарова рассматривали перспективы расширения возможностей использования межмуниципального сотрудничества в контексте проработки пространственных стратегических плановых документов муниципалитетов [5]. О. В. Вильченская анализировала общие направления и проблемы развития данного института [1]. Э. Маркварт, Р. В. Петухов рассматривая, прежде всего, модели агломераций, уделили внимание также и специфике реализаций форм межмуниципального взаимодействия (особенно межмуниципальным организациям) [7]. О. Г. Остапец рассматривала специфику правового регулирования межмуниципального сотрудничества в России [9]. Однако исследованию перспектив использования данного правового института в разрезе, возложенных на муниципалитеты вопросов местного значения, не уделялось достаточного внимания, что подчеркивает актуальность данной работы, выполненной на примере Забайкальского края.

Прежде чем перейти к решению данной задачи рассмотрим текущие тенденции развития межмуниципального сотрудничества в регионе, в разрезе определенных законодательством способов. Как отмечает Л.Д. Титов, они могут быть сгруппированы в три формы:

- Ассоциативную, предполагающую создание ассоциаций, объединений, союзов муниципальных образований;
- договорную, предполагающую заключение договоров, соглашений сотрудничества между муниципальными образованиями, рабочими групп и т.д.;
- организационно-хозяйственную, связанную с возможностью учреждения фондов, хозяйственных обществ, автономных некоммерческих организаций [10, с. 136].

Законодательно первая форма взаимодействия отражается в п.1-3 ст. 8, а также ст. 66, 67 ФЗ № 131. При этом создание совета муниципальных образований региона носит императивный характер, что как следствие приводит к необходимости формирования данных некоммерческих организаций во всех субъектах Российской Федерации. Так на данный момент в регионе действует Ассоциация «Совет муниципальных образований Забайкальского края», пришедшая на смену ассоциациям Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа. В отношении учреждения прочих объединений, в том числе на федеральном уровне, законодатель предусматривает право выбора. В части из них принимают активное участие муниципалитеты региона: Ассоциация сибирских и дальневосточных городов (учреждена в 1986 г. и включает 65 муниципальных образований среди которых городской округ «Город Чита»), союз российских городов (создан в 1991 г. и включает 86 городов среди которых городской округ «Поселок Агинское»). В целом деятельность данных объединений направлена на содействие социально-экономическому развитию участников, координацию их действий, повышение эффективности нормотворче-

ской деятельности. Стоит также отметить существование ранее Даурской ассоциации муниципальных образований Читинской области, созданной в 2003 г. и ликвидированной в 2007 г. Среди её учредителей были администрации Забайкальского, Калганского, Ононского районов, а также муниципального образования г. Борзя и Борзинский район.

Возможность использования второй формы взаимодействия муниципалитетов закрепляется п. 4 ст. 8 ФЗ № 131. Согласно данному пункту органы местного самоуправления могут заключать договоры, соглашения, направленные на развитие сотрудничества в разнообразных сферах (туризм, молодежная политика, образование, спорт и т.д.). Кроме этого, как отмечает О. В. Вильчинская, особым видом договорной формы сотрудничества являются соглашения о передаче осуществления части полномочий муниципального района поселениям (возможно и обратная ситуация), с последующим финансированием их выполнения за счет субвенций из бюджета «донора-полномочий» [1, с. 105]. Однако, де-юре они закрепляются ч.4 ст. 15 ФЗ № 131 и не относятся законодателем к инструментам рассматриваемого правового института. Анализируя официальные сайты муниципальных районов, городских округов края можно отметить высокое распространение соглашений о передаче полномочий. Внутри региональных межмуниципальных соглашений, регулируемых п. 4 ст. 8 ФЗ № 131, при этом найдено не было, однако стоит отметить, что муниципалитеты сотрудничают с муниципальными образованиями других регионов России, а также зарубежными территориями. Так городской округ «Город Чита» имеет соглашения о развитии сотрудничества с уездом Маньчжурия (КНР), районом Хайлар (КНР), районом Шицзиншань (КНР), городским округом Хулунбуир (КНР), городом Чойбалсан (Монголия), с Улан-Удэ (Россия). Городской округ «Поселок Агинское» Забайкальского края сотрудничает с Лабинским муниципальным районом

Краснодарского края, Агинский район региона – с Окинским муниципальным районом Республики Бурятия.

Третья форма межмуниципального взаимодействия отражается в п. 4 ст. 8, а также ст. 68, 69 ФЗ № 131 и незначительно представлена в регионе. В частности, как уже было отмечено выше, муниципалитеты могут создавать совместные хозяйственные общества причем в виде обществ с ограниченной ответственностью и непубличных акционерных обществ. Последний вид юридического лица несмотря на появление в Гражданском кодексе в 2014 г. (вместо закрытых акционерных обществ), а в ФЗ № 208 «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 г в 2015 г, был внесен в ст.68 ФЗ № 131 лишь в 2018 г, что приводило к юридическим коллизиям, по мнению ряда исследователей [10, с. 136]. Стоит также отметить, что непубличные акционерные общества не получили распространение в крае как инструмент межмуниципального взаимодействия, однако ранее до 2010 г. в регионе действовало ЗАО «Жилдомуправ» зарегистрированное в 2007 г. и включающие в состав учредителей администрации сельских поселений «Чарское», «Икабьинское», городского поселения «Новочарское» и Каларского муниципального района. Деятельность организации была связана с уборкой территории, арендой, продажей, покупкой и управлением эксплуатацией жилого, нежилого фонда. Факты создания обществ с ограниченной ответственностью также были единичными. В частности, до 2017 г. действовало ООО «Коммунальник МЦК» созданное в 2009 г. и включающее в состав учредителей администрации двух сельских поселений («Ковылинское» и «Маргуцекское») муниципального района «Город Краснокаменск и Краснокаменский район». Деятельность организации была связана с эксплуатацией жилого, нежилого фонда, а также рядом услуг в сфере жилищно-коммунального хозяйства. На данный момент среди действующих межмуни-

ципальных организаций в данной организационно-правовой форме можно отметить только ООО «Ипотечное жилищное кредитование» созданное в 2009 г. и включающее в состав учредителей администрации трех муниципальных районов (Агинского, Дульдургинского, Могойтуйского). Как следует из самого названия ключевая деятельность юридического лица направлена на кредитование, однако среди дополнительных видов значится строительство, торговля стройматериалами, посредничество, консультационная деятельность в сфере купли-продажи, аренды жилой недвижимости, оценка недвижимости, торговля на финансовых рынках, деятельность в области права, архитектуры.

Кроме этого муниципалитеты могут учреждать межмуниципальные печатные средства массовой информации, некоммерческие организации в форме фондов и автономных некоммерческих организаций (АНКО). Причем последняя организационно-правовая форма юридического лица в крае не имеет прецедентов создания и функционирования. Что касается печатных средств массовой информации, то ранее при взаимоотношении городского округа «Город Петровск-Забайкальский», а также муниципального района «Петровск-Забайкальский район» было создано и действовало несколько печатных изданий учредителями которых выступали администрации данных муниципалитетов: редакция газеты «Петровск-Забайкальские огни» (среди учредителей были также два физических лица) действовала с 1997 по 2005 г., муниципальное унитарное предприятие «редакция газеты Петровск-Забайкальские вести» зарегистрированное в 2003 и ликвидированное в 2011 г, муниципальное учреждение «Редакция газеты «Петровск-Забайкальский вестник» зарегистрированное в 2007 и ликвидированное в 2017 г. На данный момент подобных примеров межмуниципального сотрудничества в крае нет. Что касается фондов, то среди действующих организаций данного вида можно отметить лишь

фонд поддержки малого предпринимательства Борзинского района, созданный в 2009 году и включающий в состав учредителей администрации муниципального района «Борзинский район», городского поселения «Борзинское», городского поселения «Шерловогорское», а также фонд поддержки малого предпринимательства Забайкальского края.

Для исследования перспектив развития межмуниципального сотрудничества в рамках выездных обучающих семинаров, а также позже в рамках почтовой рассылки в 2018 году нами был проведен пилотный экспертный опрос 60 муниципальных служащих 4 муниципальных районов края (Балейский район – 13 чел., Петровск – Забайкальский район – 7 чел., Хилокский район – 19 чел., Газимуро – Заводский район – 21 чел.).

В частности, на первый вопрос о том, какие виды межмуниципального сотрудничества являются перспективными для региона, большинство высказалось за участие в ассоциации муниципальных образований (АМО) (указали 35 чел.), договорах о совместных действиях (32 чел.), создание совместных рабочих групп (23 чел.). Прочие варианты не получили высокой поддержки (согласения о намерениях – 8 чел., создание автономных некоммерческих организаций -5 чел., создание фондов – 7 чел., учреждение межмуниципальных хозяйственных обществ – 14 чел.), что может говорить о превалировании ассоциативной и договорной формы сотрудничества.

К подобному выводу можно прийти также при анализе результатов ответов на вопрос, какие виды межмуниципального сотрудничества перспективны для отдельных вопросов местного значения вашего муниципалитета (см. табл. 1).

При этом можно отметить мнение респондентов на относительную перспективность создания хозяйственных обществ для решения 5 вопросов местного значения. Однако, часть из них имеет другие уже работающие альтернативы или риски при таком варианте разрешения местных проблем. Так, например, ранее

нами было уже отмечено, что региональные муниципалитеты активно используют инструмент концессионных соглашений для привлечения инвестиций в объекты теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения. Это позволяет перевести финансовую нагрузку по содержанию, обслуживанию и модернизации данных объектов на концессионеров, в качестве которых выступают юридические лица, а в некоторых случаях и индивидуальные предприниматели из частного сектора экономики [2]. В рамках дорожной деятельности созданные совместные межмуниципальные организации могут столкнуться с риском недозагрузки заказами по ремонту, реконструкции автомобильных дорог в силу конкуренции с другими исполнителями, что обуславливается необходимостью выполнения норм ФЗ № 44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». В отношении перспектив создания хозяйственных обществ для участия в сборе, переработки твердых коммунальных отходов можно отметить, что в силу незначительности полномочий органов местного самоуправления в данной сфере, детализированных ст. 8 ФЗ № 89 от 24.06.1998 «Об отходах производства и потребления», учреждение подобных юридических лиц является нецелесообразным. Для транспортного обслуживания населения, деятельность межмуниципальных хозяйственных обществ может иметь перспективы и потенциал для развития. Это обусловлено тем, что органы местного самоуправления получают непосредственный рычаг воздействия в рамках соблюдения графиков и частоты движения транспорта учреждаемого юридического лица, возможность пополнять бюджет неналоговыми доходами, а также оказывать прямое влияние на ценовую политику. Могут быть перспективы функционирования хозяйственных обществ и в сфере содействия развитию сельхоз производства, создания условий для развития малого и среднего предпринимательства, однако более востребованными для данных задач, как показывает практика,

являются фонды. Что касается АНКО, то наибольшие перспективы их использования, по мнению экспертов, в сфере транспортного обслуживания, а также развития физической культуры и спорта. В отношении последнего вопроса местного значения возможным вариантом сотрудничества муниципалитетов может быть также учреждение фонда.

Таблица 1
Оценка респондентами перспективных видов межмуниципального сотрудничества для отдельных вопросов местного значения (количество ответов)

Отдельные вопросы местного значения	Виды межмуниципального сотрудничества							
	участие в АМО	соглашения о намерениях;	договоры о совместных действиях;	создание совместных рабочих групп;	создание АНКО	создание фондов;	учреждение межмуниципальных хозяйственных обществ.	
Организация электро – тепло – газо – водоснабжения, водоотведения	5	4	13	4	4	2	9	
Дорожная деятельность	8	7	15	2	4	4	9	
Транспортное обслуживание населения	5	6	12	4	8	1	7	
Обеспечение первичных мер пожарной безопасности	6	3	17	10	3	2	1	
Создание условий для организации досуга и обеспечения жителей услугами организаций культуры	5	9	13	8		4	1	
Развитие физической культуры и спорта	8	8	12	4	7	5	1	
Участие в сборе, переработке твердых коммунальных отходов	6	7	15	3	3	3	10	
Содействие в развитии сельхоз производства, создание условий для развития малого и среднего предпринимательства	10	5	8	5	3	4	10	
Иные вопросы местного значения	4		5	2		1	1	

При рассмотрении вопроса о том, с какими видами муниципальных образований перспективно осуществлять межмуниципальное сотрудничество, можно сделать вывод о стремлении районов к внутренней кооперации (см. табл. 2).

Таблица 2
Ответы респондентов о перспективах межмуниципального сотрудничества с разными видами муниципальных образований (количество ответов)

Субъекты сотрудничества	Виды межмуниципального сотрудничества					
	соглашения о намерениях;	договоры о совместных действиях;	создание совместных рабочих групп;	создание АНКО	создание фондов;	учреждение межмуниципальных хозяйственных обществ.
Поселения вашего муниципального района	9	16	17		2	2
Поселения вашего муниципального района с поселениями других муниципальных районов	9	16	10	1		6
Поселения вашего района и администрация вашего района	4	19	18	1	1	6
Администрация вашего района и администрация другого муниципального района, городского округа	12	15	12	1	3	6

Оценивая препятствия в сфере развития межмуниципального сотрудничества большинство респондентов указало на нехватку компетентных в сфере управления процессами межмуниципального сотрудничества кадров (39

чел.), а также отсутствие опыта организации, реализации межмуниципальных проектов, программ в социальной и экономической сфере (39 чел.). Меньшее количество опрошенных указали на противоречивые интересы (5 чел.) и противоречия в нормативно-правовой базе (13 чел.).

Подводя итог исследованию, можно сделать вывод, что на данный момент потенциал правового института межмуниципального сотрудничества недостаточно широко раскрыт и представлен в регионе незначительным количеством межмуниципальных организаций, заключенных соглашений, а также участием в ассоциациях муниципальных образований. На основе пилотного экспертного опроса выявлены сферы, в которых перспективным является создание межмуниципальных хозяйственных обществ, фондов и АНКО. При этом, по мнению респондентов, большей востребованностью обладают ассоциативная и договорная форма сотрудничества. Отчасти это может быть обусловлено слабой компетентностью и отсутствием опыта в сфере деятельности межмуниципальных организаций.

Для дальнейшего исследования данной проблемы, целесообразным является оценка бюджетных расходов на решение вопросов местного значения смежных муниципальных образований, а также анализ программ их социально-экономического развития с целью объективного выявления вариантов наиболее оптимального сотрудничества.

Литература

1. Вильчинская О. В. Межмуниципальное сотрудничество: теория и практика // Муниципальная академия – 2016 – № 1 – С. 101-106
2. Галынис К.И. Концессионные соглашения как инструмент муниципально – частного партнерства // Вестник Забайкальского государственного университета – 2017 – Т. 23, № 8 – С. 132-143
3. Даутов Р. М. Результаты исследования реализации межмуниципального

ного сотрудничества в Республике Татарстан // Научные труды центра перспективных экономических исследований – 2019 – № 16 – С. 85-90

4. Джек Л. Н. Совершенствование механизмов межмуниципального экономического взаимодействия, направленных на регулирование локальных рынков труда (на примере Тюменской области) // Агропродовольственная политика России – 2015 – № 7(43) – С. 68-73

5. Козлова О. А., Макарова М. Н. Межмуниципальное сотрудничество как институт стратегического развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз – 2018 – Т.11, № 3 – С. 132-144

6. Костюкова А. В. Межмуниципальное сотрудничество как фактор развития Новгородской области // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС – 2015 – Т. 2, № 4-2 (2) – С. 129-138

7. Маркварт Э., Петухов Р. В. Организационно-правовые модели управления агломераций // Менеджмент и бизнес – администрирование – 2016 – № 3 – С. 12-27

8. Миронова О.В. Об институциональных методах и подходах в Российской практике межмуниципального сотрудничества // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: экономика – 2015 – № 2 – С. 57-64

9. Остапец О. Г. Система правового регулирования межмуниципального сотрудничества // Вестник Поволжского института управления – 2017 – Т.17, № 1 – С. 56-61

10. Титов Л. Д. Правовая регламентация и особенности создания межмуниципальных обществ // Вопросы российского и международного права. 2016 – Т. 6, № 10А – С. 132-141

Trends and prospects for the development of inter-municipal cooperation in the Trans-Baikal Territory and its social significance

Galynis K.I.

Hulunbuir university

The development trends of such a legal institution as inter-municipal cooperation has been reviewed on the example of the Trans-Baikal territory in the article. The

author makes a conclusion about its insignificant representation in the form of participation of municipalities in associations, the activities of a number of inter-municipal organizations, as well as concluded cooperation agreements. The problems of development and promising types of this legal institution are identified in relation to a number of issues of local significance, as well as subjects of cooperation due to pilot expert survey of municipal employees. At the end, the author concludes that it is necessary to evaluate budget expenditures and programs of socio-economic development of neighboring municipalities for a more objective assessment of the use of all opportunities for inter-municipal cooperation.

Keywords: inter-municipal cooperation, contracts, agreements, economic societies, non-profit organizations, Trans-Baikal territory, social significance

References

1. Wilczynska O.V. Intermunicipal cooperation: theory and practice // Municipal academy — 2016 – № 1 – С. 101-106
2. Galynis K. I. Concession agreements as an instrument of municipal-private partnerships // Transbaikal State University Journal – 2017 – Is. 23. no 8 – P. 132-143
3. Dautov R. M. Results of research on the implementation of inter-municipal cooperation in the Republic of Tatarstan // Scientific papers of the center for advanced economic research – 2019 – no. 16 – P. 85-90
4. Jack L. N. Improving the mechanisms of inter-municipal economic interaction aimed at regulating local labor markets (on the example of the Tyumen region) // Agro-food policy in Russia – 2015 – no. 7 (43) – P. 68-73
5. Kozlova O. A., Makarova M. N. Inter-Municipal Cooperation as an Institution of Strategic Development of Territories // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast – 2018 – Vol. 11, no. 3. P. 132-144.
6. Kostyukova A. V. Inter-municipal cooperation as a factor in the development of the Novgorod region // Bulletin of the Novgorod branch of RANEPА – 2015 – Vol. 2, no. 4-2 (2) – P. 129-138
7. Markvart E., Petuhov R. V. Organizational and legal agglomeration management model // Management and business administration – 2016 – no. 3 – P. 12-27
8. Mironova O. V. On the institutional methods and approaches in the Russian practice of the inter-municipal cooperation // Bulletin of the Astrakhan state technical University. Series: Economics – 2015 – no. 2 – P. 57-64
9. Ostapets O. G. The System of Legal Regulation of Inter-Municipal Cooperation in Russia // Bulletin of the volga region Institute of Administration – 2017 – Vol. 17, № 1 – P.56-61
10. Titov L. D. Legal regulation and features of creation of inter-municipal companies // Matters of Russian and International Law – 2016 – Vol. 6, no. 10A. – P. 132-141

Удаленные методы работы: качество решения профессиональных задач специалистов в сфере закупок

Гладилина Ирина Петровна,

доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры управления государственными и муниципальными закупками ГАОУ ВО «Московский городской университет управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова», gladilinaIP@edu.mos.ru

Сергеева Светлана Александровна,

кандидат экономических наук, кафедра управления активами Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, ugmzmag@yandex.ru

Холкина Наталья Александровна,

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры управления государственными и муниципальными закупками ГАОУ ВО «Московский городской университет управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова», kholkinana@edu.mos.ru

Золотухина Юлия Вячеславовна,

аспирант кафедры управления государственными и муниципальными закупками, ГАОУ ВО «Московский городской университет управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова», ugmzmag@yandex.ru

Мельникова Анна Витальевна,

аспирант кафедры управления государственными и муниципальными закупками, ГАОУ ВО «Московский городской университет управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова», ugmzmag.@andex.ru

Удалённые формы работы набирают популярность, повышается гибкость в вопросе доступности работы и финансовой независимости, рабочие графики становятся всё более гибкими. Не анализируя работу «на удаленке» из-за эпидемиологической ситуации, мы остановимся на устоявшихся тенденциях. При этом мы четко осознаем, что ситуация на рынке труда изменится. Именно с этих позиций мы и завершали данное исследование. В статье обосновывается предположение о том, что качество решения профессиональных задач специалистов в сфере закупок, которые работают удаленно, требовало от каждого четкого понимания своего ритма работы. Управление временем, о проблемах с которым многие из них говорили и до того, как начали работать удаленно, основано на управлении самим собой. Определено, что личная эффективность каждого – это ключевой фактор качественного выполнения профессиональных задач. Анализ закупочных практик убедительно свидетельствует о том, что качество решения профессиональных задач специалистов в сфере закупок, которые работают удаленно, прямо влияет на качество и результативность закупок.

Ключевые слова: удаленный формат работы, профессиональная деятельность, цифровые технологии, гибкость, качество.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 19-010-00014

Одна из фундаментальных парадигм решения задач технологического развития страны - результативность профессиональной деятельности. Расширяющаяся гибкость в организации профессиональной деятельности и цифровые разработки оказывают всё возрастающее влияние на рынок труда.

Анализ зарубежных источников позволяет сделать вывод, что большинство государственных организаций не обладают в полной мере требуемыми ресурсами, необходимыми для получения максимальной выгоды от трансформации цифрового пространства [5;6;8;9]. Стратегии развития в цифровом пространстве должны, в первую очередь, ориентироваться на наличие определённых компетенций у сотрудников (новых и уже имеющих). Нельзя говорить о простом информировании сотрудников о новых разработках и технологиях. Требуется развивать новые навыки, которые включают в себя:

- изучение и анализ цифровых рабочих процессов;
- навыки профессионального обращения с техническими новинками;
- итерактивное и эффективное проектное управление;
- моделирование задач и моделей с применением цифровых технологий;
- навыки в области составления цифровых логистических цепочек.

Оптимальным решением является одновременное использование инновационных парадигм, внешней поддержки и чёткой инвестиционной политики [4;5]. Наём новых работников, обладающих требуемыми компетенциями, полностью изменится. К примеру, кадровикам из органов исполнительной власти для наёма талантливой работницы из негосударственного сектора, нужно предложить не просто льготы и денежную компенсацию, а

дать ему такое рабочее место, которое полностью его удовлетворит.

Сейчас всё большей популярностью пользуются онлайн порталы по поиску сотрудников, которые стали посредниками между фрилансерами и работодателями. Такая система открывает новые варианты взаимодействия с работниками интеллектуальной сферы. Благодаря он лайн рекрутингу многие международные компании стали разрабатывать новые методики подбора персонала в цифровом пространстве.

Особый интерес представляет сейчас такой формат работы как работа удаленно. Не анализируя работу «на удаленке» из – за эпидемиологической ситуации, мы остановимся на устоявшихся тенденциях. При этом мы четко осознаем, что ситуация на рынке труда изменится. Именно с этих позиций мы и завершали данное исследование.

Удалённые формы работы набирают популярность, повышается гибкость в вопросе доступности работы и финансовой независимости, рабочие графики становятся всё более гибкими. Карлинский В.Л. и Бузмакова Т.В. предлагают разделить сотрудников, осуществляющих профессиональную деятельность в удалённом режиме, на четыре основные группы:

- фрилансеры;
- аутстафферы;
- аутсорсеры;
- удалёнщики[2].

Фрилансерами являются независимые специалисты, которые нанимаются на решение определённой задачи и не отвечает за весь проект целиком. Для этой группы наиболее актуальной можно назвать парадигму «время – деньги», так как они получают деньги по результатам оконченной работы. Основным интересом фрилансера является качественное и оперативное выполнение поставленной задачи, чтобы приступить к новой. Особенностью фрилансеров можно назвать то, что они одновременно могут заниматься несколькими проектами.

Аутстафферы - это специалисты, у которых уже есть постоянная работа. В их случае работодатель является агентом, которые сдаёт своих сотрудников для работы в другие организации.

Аутсорсером является организация, которая занимается юридическим обеспечением и отчётной деятельностью для других компаний.

Удалёнщики занимаются классической офисной работой, находясь у себя дома. Такой сотрудник числится в штате компании и участвует в рабочей деятельности фирмы в он - лайн режиме. У него чётко очерченные обязанности и зона ответственности. Основным плюсом таких сотрудников для компании является экономия средств на постоянных офисных расходах.

В 2016 году организация Deloit провела масштабный опрос и на его основании составила отчёт, в котором выделила основные парадигмы по привлечению новых сотрудников, имеющих необходимые цифровые компетенции[6]:

- Инвестирование в систему повышения квалификации работников. Одним из самых важных и самых первых шагов по подготовке работников для работы в цифровом пространстве является определение уровня их цифровых навыков и повышение их профессиональных навыков(в том числе цифровым) любым удобным способом (начиная от обучения непосредственно на рабочем месте и заканчивая направлением в специализированные учебные заведения).

- Изучение нестандартных методов повышения уровня знаний работников. Государственные организации могут нанимать специалистов с высоким уровнем компетенций для решения узконаправленных задач.

- Разработка уникальных учебных программ и создание собственных учебных центров. Почти все государственные организации имеют большой штат с высококвалифицированными работниками, отработанными программами и др

- Создание ценных предложений для молодых специалистов. В этом направлении необходимо разрабатывать стратегии, направленные на профессиональную мотивацию молодых специалистов.

- Не оставлять рекрутинг исключительно отделу кадра. При подборе новых сотрудников необходимо привлекать специалистов для оценки уровня компетенций возможных сотрудников.

Результативность профессиональной деятельности заказчиков с привлечением специалистов, работающих удаленно, – вопрос, требующий как теоретического, так и практического изучения. Наше исследование затрагивает одну из важных проблем: как организовать свою работу «на удаленке», чтобы достичь высокого качества закупок. Опрос удаленщиков, которых привлекали к решению вопросов осуществления закупок (25 респондентов), позволил выявить основные проблемы организации рабочего процесса удаленщика. Все опрошенные – 100% - отметили, что на начальном этапе такой работы испытывали проблему в управлении временем.

Ст. Кови в работе «Семь навыков высокоэффективных людей» отмечает, что «лучшая идея в сфере управления временем может быть передана одной фразой: «Организуй свои действия на основе приоритетов»[3;с.33]. Ученый выделяет четыре уровня управления временем:

- записки, памятки и другие попытки систематизировать предстоящие дела;
- ведение ежедневника, что позволяет планировать свою деятельность;
- определение приоритетов, прояснение ценностей;
- управление самим собой.

Каждый уровень основывается на предыдущем. Четвертый уровень, по мнению Ст. Кови, позволяет утверждать, что термин «управление временем» неверен. Задача заключается не в управлении временем, а в управлении самим собой. Суть данного предположения автор представляет в Матрице управления временем (табл. 1).

Таблица 1
Матрица управления временем [3]

	Несрочные дела	Срочные дела
Важные	Профилактическая работа для поддержания РС. Создание связей. Поиск новых возможностей. Восстановление сил. Планирование.	Критические ситуации. Неотложные проблемы, Проекты с горящим сроком.
Неважные	Мелочи, на которые тратится время. Почта. Звонки. Праздное времяпровождение.	Посторонние звонки и разговоры. Сообщения и корреспонденция. Неважные встречи. Рутинные дела.

Не менее важной была отмечена проблема активного включения в работу. Многие не могли себя заставить включиться в выполнение профессиональных задач, теряли время, не являясь при этом убежденными сторонниками работы в ночное время. В беседе с респондентами выяснили, что главной задачей стала правильная организация начала дня. Хэл Элдрод в работе «Магия утра. Как первый час определяет ваш успех»[4] среди практических и вполне действенных рекомендаций подчеркивает важность ежедневной утренней пятиминутной визуализации:

«Шаг 1. Подготовьтесь. Удобно сядьте или прилягте там, где в ближайшие пять минут никто вам не помешает. Расслабьтесь, остановите бег мыслей в голове.

Шаг 2. Нарисуйте в воображении то, что действительно хотите получить. Визуализируйте свои главнейшие цели, сокровенные желания, невероятные мечты. Почувствуйте, ощутите их. Почувствуйте радость, которая обязательно придет с их свершением. Привлеките все органы чувств. Перемотайте мысли вперед, чтобы увидеть, как вы уже достигли результатов.

Шаг 3. Представьте, кем вы должны стать и что для этого нужно. Для того, чтобы видение могло реализоваться,

представляйте себя уже живущим жизнью человека, которым вам следует быть»[4].

Дэниел Пинк в работе «КОГДА. Научно обоснованные секреты идеального тайминга» отмечает, что суточный режим – совы, жаворонки и обычные люди – важнейший аспект личной эффективности и качественного выполнения профессиональных задач. Автор трудов по мотивации в условиях новых технологий утверждает, что «индивидуальная задача каждого человека – выявить свой хронотип, проявлять бдительность во время «серединных» провалов, осознать, на каком этапе(дня, работы, жизни)он находится и какой вид отдыха, стимуляции или мотивации ему требуется»[1;с.68].

Таким образом, качество решения профессиональных задач специалистов в сфере закупок, которые работают удаленно, потребовало от каждого четкого понимания своего ритма работы. Управление временем, о проблемам с которым многие из них говорили и до того, как начали работать удаленно, основано на управлении самим собой. Личная эффективность – это ключевой фактор качественного выполнения профессиональных задач. Анализ закупочных практик убедительно свидетельствует о том, что качество решения профессиональных задач специалистов в сфере закупок, которые работают удаленно, прямо влияет на качество и результативность закупок.

Литература

1. Дэниел Пинк. КОГДА. Научно обоснованные секреты идеального тайминга// Год личной эффективности. Ключевые идеи из 12 лучших книг по развитию личности и самосовершенствования/сост. ООО «Смарт Ридинг». – М.: Смарт Ридинг, 2019. – 208 с.

2. Карлинский В. Л., Бузмакова Т. В. Управление удаленных сотрудников в цифровой экономике// Развитие менеджмента в условиях перехода к цифровой экономике [Электронный ресурс]:

Материалы X Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Пермь, ПГНИУ, 7 дек. 2017 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Электрон. дан. – Пермь, 2017. С. 153 <http://econom.psu.ru/upload/iblock/f2c/sbornik-razvitiye-menedzhmenta-v-usloviyakh-perekhoda-k-tsifrovoy-ekonomike.pdf>

3. Кови Ст. Семь навыков высокоэффективных людей// Год личной эффективности. Ключевые идеи из 12 лучших книг по развитию личности и самосовершенствования/сост. ООО «Смарт Ридинг». – М.: Смарт Ридинг, 2019. – 208 с.

4. Хэл Элдрод. Магия утра. Как первый час определяет ваш успех// Год личной эффективности. Ключевые идеи из 12 лучших книг по развитию личности и самосовершенствования/сост. ООО «Смарт Ридинг». – М.: Смарт Ридинг, 2019. – 208 с.

5. Lewin, A.Y., Massini, S., & Peeters, C. (2009). Why are companies offshoring innovation? The emerging global race for talent. *Journal of international business studies*, 40(6), 901-925.

6. William D. Eggers, Joel Bellman The journey to government's digital transformation <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/topics/digital-transformation/digital-transformation-in-government.html>

7. Исследование об управлении стратегическими человеческими ресурсами в центральных/федеральных органах власти стран ОЭСР. [Электронный ресурс]. <https://oecd.ru/org/publics.html>

8. Maskell P. 2014. Accessing remote knowledge – the role of trade fairs, pipelines, crowdsourcing and listening posts. *Journal of Economic Geography*, 14, 5, 883-902

9. Massini S., Caspin-Wagner K., Chilimoniuk-Przedziecka E. 2016. "Global Sourcing and the Unbundling of Innovation: Challenges and Opportunities for Emerging Countries", chapter in A.Y. Lewin, M. Kenney and J.P. Murmann (eds.) *Building China's Innovation Capacity: Overcoming the Middle-Income*

Trap, Cambridge: Cambridge University Press.

Remote working methods: the quality of solving professional problems of procurement specialists

Gladilina I.P., Sergeeva S.A., Kholkina N.A., Zolotukhina Ju.V., Melnikova A.V.

Moscow City University of Management of the Government of Moscow named after Yu.M. Luzhkov, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Remote forms of work are gaining popularity, flexibility in terms of job availability and financial independence is increasing, work schedules are becoming more flexible. Without analyzing the work "from a distance" due to the epidemiological situation, we will focus on established trends. At the same time, we are clearly aware that the situation on the labor market will change. It is from these positions that we completed this study. The article substantiates the assumption that the quality of solving the professional tasks of procurement professionals who work remotely required each clear understanding of their rhythm of work. Time management, which many of them talked about problems before they even started working remotely, is based on self-management. It is determined that the personal effectiveness of each is a key factor in the quality performance of professional tasks. The analysis of procurement practices convincingly indicates that the quality of solving the professional tasks of procurement professionals who work remotely directly affects the quality and effectiveness of procurement.

Key words: remote work format, professional activities, digital technologies, flexibility, quality.

References

1. Daniel Pink. WHEN. Scientifically based secrets of perfect timing // Year of personal effectiveness. Key ideas from the 12 best books on personality development and self-improvement / comp. LLC Smart Reading. - M.: Smart Reading, 2019. -- 208 p.
2. Karlinsky V. L., Buzmakova T. V. Management of remote employees in the digital economy // Management Development in the Transition to the Digital Economy [Electronic resource]: Materials of the X All-Russian (with international participation) scientific-practical conference (Perm, PSNIU, Dec 7, 2017) / Perm. state nat. researched un-t - The electron. Dan. - Perm, 2017.S. 153 <http://econom.psu.ru/upload/iblock/f2c/sbornik-razvitie-menedzhmenta-v-usloviyakh-perekhoda-k-tsifrovoy-ekonomike.pdf>
3. Covey Art. Seven skills of highly effective people // Year of personal effectiveness. Key ideas from the 12 best books on personality development and self-improvement / comp. LLC Smart Reading. - M.: Smart Reading, 2019. -- 208 p.
4. Hal Eldrod. The magic of the morning. How the first hour determines your success // Year of personal effectiveness. Key ideas from the 12 best books on personality development and self-improvement / comp. LLC Smart Reading. - M.: Smart Reading, 2019. -- 208 p.
5. Lewin, A.Y., Massini, S., & Peeters, C. (2009). Why are companies offshoring innovation & quest; The emerging global race for talent. Journal of international business studies, 40 (6), 901-925.
6. William D. Eggers, Joel Bellman The journey to government's digital transformation <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/topics/digital-transformation/digital-transformation-in-government.html>
7. A study on the management of strategic human resources in central / federal authorities of OECD countries. [Electronic resource]. <https://oecdru.org/publics.html>
8. Maskell P. 2014. Accessing remote knowledge - the role of trade fair, pipelines, crowdsourcing and listening posts. Journal of Economic Geography, 14, 5, 883-902
9. Massini S., Caspin-Wagner K., Chilimoniuk-Przedziecka E. 2016. "Global Sourcing and the Unbundling of Innovation: Challenges and Opportunities for Emerging Countries", chapter in A.Y. Lewin, M. Kenney and J.P. Murmann (eds.) Building China's Innovation Capacity: Overcoming the Middle-Income Trap, Cambridge: Cambridge University Press.

Криминальная субкультура несовершеннолетних: сущность, признаки

Гомцян Овсеп Арамаисович,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет, ovsep1986@gmail.com

В настоящей статье рассматривается понимание феномена «криминальная субкультура» и анализируются ее особенности: структурные элементы, признаки и реализуемые функции. Актуальность данной проблемы заключается в том, что число несовершеннолетних, вовлеченных в криминальную субкультуру, значительно возрастает с каждым днем, а также тот факт, что именно этот возраст наиболее важен для коррекции антисоциального поведения.

Ключевые слова: субкультура, несовершеннолетние, криминальная субкультура, признаки криминальной субкультуры, функции криминальной субкультуры, правовое сознание.

Одной из особенностей и базовых потребностей несовершеннолетних является потребность в коммуникациях со сверстниками. Такая потребность свойственна и другим возрастным группам. Однако именно подростково-юношеская среда имеет коллективно-групповую природу [11, 14].

Современные несовершеннолетние, исходя из представленной возрастной особенности все чаще становятся подвержены влиянию криминальной субкультуры, что выражается в проявлении противоправного поведения, в негативных изменениях правосознания и росте фактического уровня подростковой преступности.

С точки зрения Ю.М. Антонян и С.В. Бородина, понятие криминальной субкультуры можно рассматривать с позиций системного подхода, а именно – как систему нравственно-материальных ценностей, регулирующую деятельность преступных сообществ. Как и любой культуре, криминальной субкультуре свойственен ряд организационных признаков: тенденции сплочения, жизнестойкости, повышенной криминальной активности и существование преемственности поколений представителей субкультуры [1].

Преступность несовершеннолетних способна в современных условиях значительно подпитывать криминальную субкультуру, причем довольно динамично.

Криминальная субкультура несовершеннолетних определяется образом жизни подростков, которые объединяются в криминальные группировки, со своими собственными системами ценностей, традициями, поведенческими сводами, т.е. всем тем, что свойственно любой субкультуре [2].

Однако в криминальной субкультуре производной величиной является антиобщественное поведение несовершенно-

нолетних [18]. Сама по себе криминальная субкультура может оказывать влияние не только в моменты коммуникации с несовершеннолетними, это может происходить и косвенно – например, примером совершения противоправных действий, образом жизни криминальных «авторитетов» и т.д. [7].

Чтобы понимать, насколько субкультура криминального характера имеет уровень сформированности, существует ряд критериальных показателей:

– признаки, которые определяют особенности отношений межгруппового характера и иерархического построения группы;

– признаки, характеризующие отношение к слабым, «низам» и «отверженным»;

– признаки, характеризующие отношение к режиму и воспитательной работе;

– признаки, характеризующие способы проведения свободного времени.

– признаки, характеризующие способы общения, опознания и связи [17].

На рисунке 1 систематизированы признаки криминальной субкультуры.

Как видно из рисунка 1, признаки достаточно подробно систематизированы, как правило, они определяют внешние проявления и характерную атрибутику, позволяющие безошибочно отнести субкультуру к криминальной.

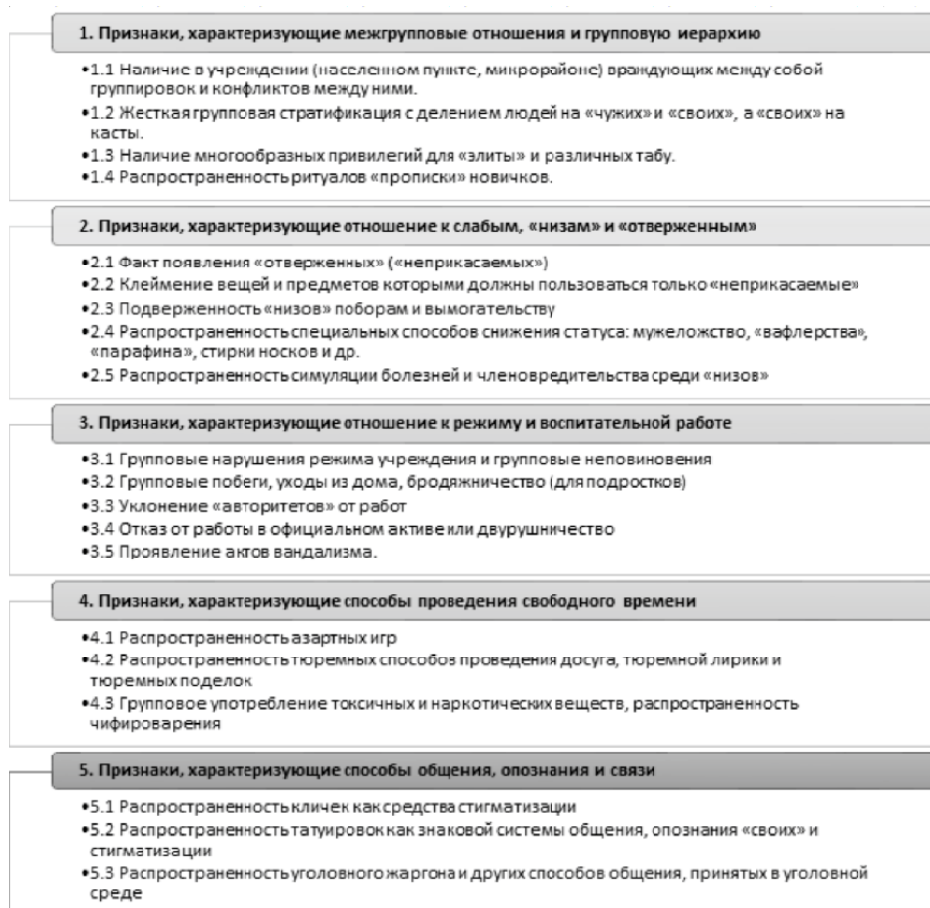

Рисунок 1 – Признаки криминальной субкультуры

После того, как с помощью тех или иных признаков представляется возможным определить наличие и особенности криминальной субкультуры, важно понимать, из каких составляющих элементов она состоит.

На основе анализа научной литературы мы систематизировали структуру понятия «криминальная субкультура» (рисунок 2) [3].

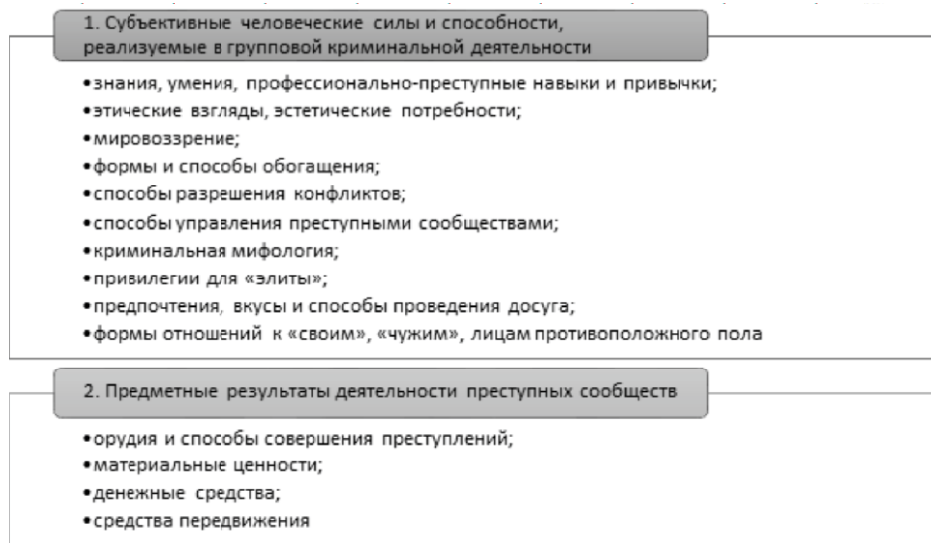

Рисунок 2 – Структурные элементы криминальной субкультуры

Как и перечисленные признаки, так и представленные структурные элементы отражаются в так называемой «философии» преступного мира, ключевыми моментами которой являются: оправдание содеянного, отрицание вины и ответственности, подмена понятий чести и «романтизация» отношений в преступном сообществе и др.

При этом фундаментальная основа криминальной субкультуры – дефекты правового сознания и правовой инфантилизм, усиливаемые недостаточным развитием морально-нравственной сферы.

Следует констатировать некоторую неоднородность этических норм уголовного мира. Современные воззрения характеризуются рядом диаметрально противоположных тенденций, которые в значительной степени способны воздействовать как на групповые, так и на личностные установки (рисунок 3) [10].

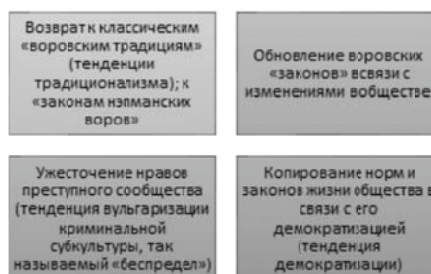

Рисунок 3 – Тенденции современных этических уголовных норм

Одной из тенденций также можно считать взаимопроникающий характер элементов криминальной субкультуры. Если в качестве критерия принимать выполняемые функции, то можно выстроить следующую классификацию, представленную на рисунке 4.

Несмотря на условность данной рабочей классификации, представляется возможным изучать особенности составляющих элементов криминальной

субкультуры [5, 15]. Степень устойчивости подростков является достаточно низкой в силу недостаточной сформированности либо деформации отдельных

элементов структуры правового сознания, установок, правовых позиций, представлений, взглядов [6].

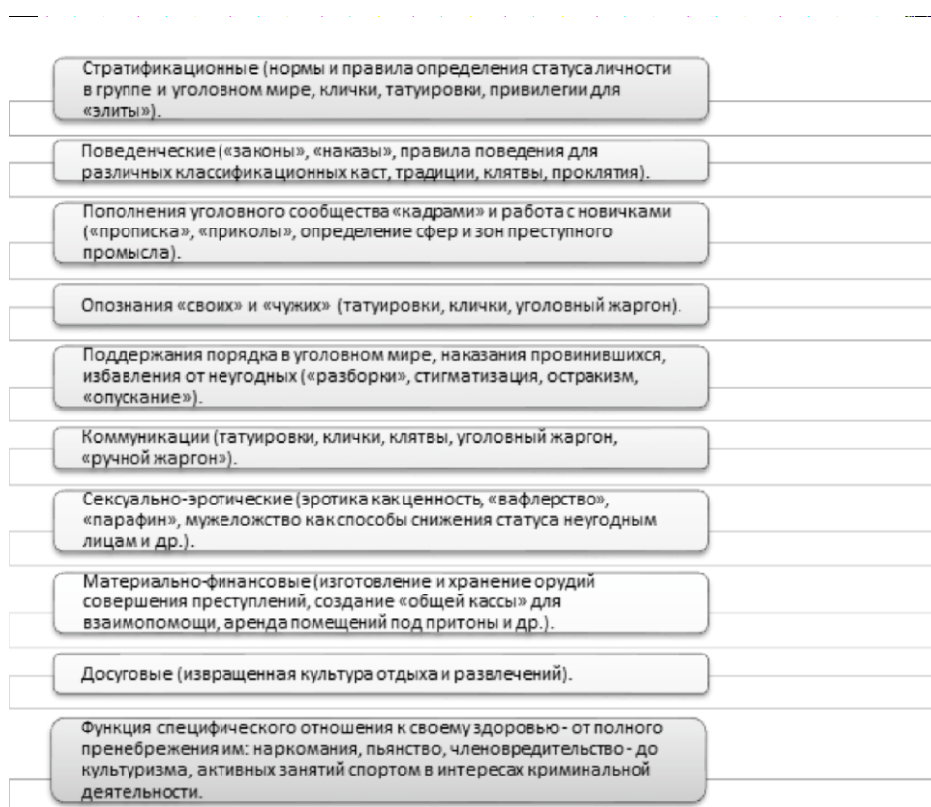

Рисунок 4 – Реализуемые функции криминальной субкультуры

Тем самым, наиболее эффективным способом противостояния криминальной субкультуре являются меры по формированию устойчивого правосознания личности подростка или юноши, причем, чем раньше личность включается в систему правового воспитания, тем лучше [12].

Что касается несовершеннолетних, то их правосознание является особым субъектным видом группового правосознания, что проявляется в неоднородности состава и сложности с выставлением критерия по возрасту [16], в част-

ности, сам процесс формирования правового сознания подростков и молодежи приходится на этап динамики развития индивидуумов и их личностно-познавательного развития [4].

Такой этап имеет ярко выраженный поисковый характер, наличие попыток смыслового поиска, выработка понимания и отношения к правовым нормам, определение значимости правопослушного поведения. Все это преобразуется через призму личностного отношения, постоянной оценкой окружающих и самого себя, подход с использованием моральной оценки [13].

Примером активного внедрения криминальной субкультуры среди молодежи и подростков является криминальная субкультура АУЕ («арестанский устав/уклад един»). Целевая установка данной субкультуры – пропаганда внедрения в жизнь воровских понятий и выражение неподчинения системе власти. Подобная субкультура выражает не просто протест, а представляет прямую угрозу социуму и государству [8, 9].

Таким образом, криминальную субкультуру можно определить как некоторую систему нравственно-материальных ценностей, регулирующую деятельность преступных сообществ. Как и любой культуре, криминальной субкультуре свойственен ряд организационных признаков: тенденции сплочения, жизнестойкости, повышенной криминальной активности и существование преемственности поколений представителей субкультуры.

Особую опасность криминальная субкультура представляет в рамках популяризации преступного поведения помимо своего антиобщественного характера своим влиянием на формирование антисоциального поведения несовершеннолетних, деформацию ценностей и жизненных взглядов молодых людей и подростков.

Литература

1. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступное поведение и психические аномалии. М., 2018. С. 123.
2. Бабаев Т.М., Каргина Н.В. Юридическая психология: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Психология». – М., 2016. С. 60.
3. Безматерных М.А. Криминальная субкультура несовершеннолетних: причины и пути распространения // В сборнике: Проблемы противодействия криминальной субкультуре. Сборник статей (материалы Всероссийской научно-практической конференции). Научные редакторы Ю.В. Хармаев, Э.Л. Раднаева. 2018. С. 174–179.
4. Гранат Н.Л. Правосознание и правовое воспитание. М., 2016. С. 382.
5. Денисов Н.Л. Влияние криминальной субкультуры на становление личности несовершеннолетнего преступника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 8;
6. Долгова А.И. Правовое воспитание молодежи. М., 2016. С. 46–47.
7. Донских Д.Г. Понятие и соотношение терминов «субкультура» и «контркультура». Криминальная субкультура // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2009. № 2. С. 251–253.
8. Жубрин М. Садитесь, дети // Русская планета [сайт]. – URL: <http://chita.rusplt.ru/index/sadites-deti-20894.html> (дата обращения: 09.10.2019)
9. Зайцева Е.В., Казанцева А.Е. Распространение субкультуры «АУЕ» как фактор криминализации молодежи // В сборнике: управленческие механизмы противодействия идеологии экстремизма и терроризма. Материалы научно-практической конференции. Магнитогорск, 2018. С. 21–23
10. Клементьев А.В. Некоторые проблемы распространения криминальной субкультуры среди молодежи // В сборнике: Проблемы противодействия криминальной субкультуре. Сборник статей (материалы Всероссийской научно-практической конференции). Научные редакторы Ю.В. Хармаев, Э.Л. Раднаева. 2018. С. 197–201.
11. Кон И.С. Психология юношеского возраста (Проблемы формирования личности). М., 2016. С. 93.
12. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. № 151. 14.07.2011.
13. Панова О.Б. Формирование правосознания несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2005. – С. 22.

14. Петровский А.В. Опыт построения социально-психологической концепции групповой активности // Вопросы психологии. 1973. № 5. С. 10.

15. Сапогов В.М. Проблемы преодоления деформации правосознания и профилактики противоправного поведения несовершеннолетних в условиях изоляции от общества // Борьба с преступностью: теория и практика : тезисы докладов IV Международной научно-практической конференции (Могилев, 25 марта 2016 года). – Могилев, 2016. С. 233–238.

16. Смолова Т.Ю. Правосознание несовершеннолетних: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 214 с.

17. Тулегенов В.В. Криминальная субкультура: понятие, структура и соотношение со смежными понятиями // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2005. № 5 (28). С. 220–226.

18. Хармаев Ю.В. Отечественная криминальная субкультура в контексте политических преобразований XX века // Государство и право в эпоху революционных преобразований: материалы междунар. научн.-практ. конф. СПб., 2017. С. 523–528.

Criminal subculture of minors: essence, signs

Gomtsyan O.A.

Kuban State University

This article discusses the understanding of the phenomenon of "criminal subculture" and analyzes its features: structural elements, signs and functions implemented. The relevance of this problem lies in the fact that the number of minors involved in the criminal subculture increases significantly every day, as well as the fact that this age is the most important for the correction of antisocial behavior.

Keywords: subculture, minors, criminal subculture, signs of a criminal subculture, functions of a criminal subculture, legal consciousness.

References

1. Antonyan Yu.M., Borodin S.V. Crime behavior and mental abnormalities. M., 2018.S. 123.

2. Babaev T.M., Kargina N.V. Legal psychology: a textbook for students enrolled in the specialty "Psychology". - M., 2016.S. 60.

3. Bezmaterny M.A. The criminal subculture of minors: causes and ways of distribution // In the collection: Problems of counteracting the criminal subculture. Collection of articles (materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference). Scientific editors Yu.V. Kharmaev, E.L. Radnaeva. 2018.S. 174–179.

4. Pomegranate N.L. Legal awareness and legal education. M., 2016.S. 382.

5. Denisov N.L. The influence of the criminal subculture on the formation of the personality of a minor offender: author. dis. ... cand. legal sciences. M., 2015.S. 8;

6. Dolgova A.I. Legal education of youth. M., 2016. S. 46–47.

7. Donskikh D.G. The concept and ratio of the terms "subculture" and "counterculture". Criminal subculture // Business in law. Journal of Economics and Law. 2009. No. 2. P. 251–253.

8. Zhubrin M. Sit down, children // Russian Planet [site]. - URL: <http://chita.rusplt.ru/index/sadites-deti-20894.html> (accessed: 09/10/2019)

9. Zaitseva E.V., Kazantseva A.E. Distribution of the AUE subculture as a factor in the criminalization of youth // In the collection: managerial mechanisms to counter the ideology of extremism and terrorism. Materials of the scientific-practical conference. Magnitogorsk, 2018. P. 21–23

10. Klementyev A.V. Some problems of the spread of the criminal subculture among young people // In the collection: Problems of counteracting the criminal subculture. Collection of articles (materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference). Scientific editors Yu.V. Kharmaev, E.L. Radnaeva. 2018.S. 197–201.

11. Kon I.S. Psychology of adolescence (Problems of personality formation). M., 2016.S. 93.

12. The fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of development of legal literacy and legal awareness of citizens (approved by the President of the Russian Federation on April 28, 2011 No. Pr-1168) // Russian newspaper. Number 151. 07/14/2011.

13. Panova O.B. The formation of legal awareness of juvenile convicts in the educational colony: dis. ... cand. ped sciences. - M., 2005. – S. 22.

14. Petrovsky A.V. The experience of building a socio-psychological concept of group activity // Psychology Issues. 1973. No. 5. P.10.
15. Sapogov V.M. Problems of overcoming the deformation of justice and the prevention of unlawful behavior of minors in conditions of isolation from society // Fighting crime: theory and practice: abstracts of the IV International Scientific and Practical Conference (Mogilev, March 25, 2016). - Mogilev, 2016.S. 233–238.
16. Smolova T.Yew. Legal awareness of minors: theoretical and legal aspect: dis. ... cand. legal sciences. Saratov, 2015.214 s.
17. Tulegenov V.V. Criminal subculture: concept, structure and relationship with related concepts // Bulletin of the Astrakhan State Technical University. 2005. No. 5 (28). S. 220–226.
18. Kharmaev Yu.V. Domestic criminal subculture in the context of political transformations of the 20th century // State and law in the era of revolutionary transformations: international materials. scientific-practical conf. SPb., 2017. S. 523–528.

Иерархия компетентностей современного педагога

Гулая Татьяна Михайловна,
старший преподаватель, «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», tg87rs@rambler.ru

Романова Светлана Анатольевна,
кандидат социологических наук, доцент,
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», sromanova1@mail.ru

В статье предложено обоснование иерархии компетентностей современного педагога на основе понимания компетентностного подхода как парадигмально-определяющего в системе современного образования России. Профессионально-педагогическая компетентность современного педагога представлена как единство ключевых компетентностей: психолого-педагогической, профессионально-предметной (совокупности предметных компетентностей), методологической, методической, самообразовательной.

Ключевые слова: компетентность, компетентностный подход, ключевые компетентности, современный педагог, иерархия компетентностей.

Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) нового поколения в контексте реформирования современного российского образования уделяет особое внимание профессиональной подготовке педагогических кадров, овладения ими необходимым набором компетенций и формирования компетентностей, т.е. способностей осуществлять педагогическую деятельность для организации эффективной учебной работы учащихся и создания комфортных психологических, инновационных методико-педагогических условий для успешной самореализации учащихся. Требования к образованию, квалификации и личностным качествам современного педагога закреплены в профессиональном стандарте "Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования" [9].

Понятие «компетентность» имеет различные трактовки. В данной статье мы будем придерживаться определения Томаса Сэмьюэла Куна, одного из самых влиятельных философов науки XX столетия.

Согласно Т. Куну понятие «парадигма» понимается как «то, что объединяет членов научного сообщества» [6, 221], как «...совокупность убеждений, ценностей, технических средств, которая характерна для членов данного сообщества» [6, 220]. Т.Кун утверждает, что «парадигмы предоставляют ученым не только план действий, но и указывают конкретные направления, существенные для реализации плана» [6, 143]. Такая экстраполяция термина «парадигма» имеет широкий спектр применений, в том числе и в сфере образования, и поддерживается ведущими учеными, например, К. Бейли отмечает, что

«парадигма» – термин, используемый в социологии, является некоторым перспективным фреймом (a perspective frame of reference), «соотнесения для рассмотрения социального мира, состоящий из совокупности концептов и допущений» [3, 24], своеобразное ментальное окно, через которое исследователь рассматривает окружающий мир [3, 25]. Исходя из этого, правомерно вести речь не только об образовательной парадигме, но и о соподчиненных парадигмах, таких, как цель, содержание и результат образовательного процесса. Стоит отметить, что современное научное мышление толерантно по отношению к существованию различных форм отражения и понимания действительности. Характерной чертой мышления эпохи постмодернизма является терпимость, плюрализм, своеобразная «полипарадигмальность».

Эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) считают, что целью применения компетентностного подхода является обеспечение производительности труда и повышение конкурентоспособности на рынке труда, сокращение безработицы благодаря развитию гибкой (адаптивной) и квалифицированной рабочей силы, развитие среды для инновационных преобразований в условиях глобальной конкуренции.

В сугубо практической плоскости в реалиях современной российской системы образования и в условиях профессиональной подготовки специалистов компетентностный подход позволяет:

– перейти в профессиональном образовании от его ориентации на воспроизведение знаний к их применению в более совершенной форме;

– «снять» диктат объекта (предмета) труда;

– положить в основу стратегии образования повышение гибкости ее форм и методов для получения выпускниками высших учебных заведений максимальных возможностей трудоустройства и совершенствования их способности вы-

полнения расширенного объема функций и задач;

– обеспечить приоритет междисциплинарно-интегрированных требований к результату образовательного процесса;

– установить тесную связь между целями образовательной подготовки будущих специалистов и практическими ситуациями их реализации в профессиональной деятельности;

– направлять деятельность человека на успешное решение задач, обусловленных бесконечным разнообразием профессионально-производственных и жизненных ситуаций.

Итак, целью данной работы является обоснование иерархии компетентностей современного педагога на основе понимания компетентностного подхода как парадигмально-определяющего в системе современного образования России.

Говоря о компетентностном подходе, следует отметить, что данный подход ставит на первое место не информированность студента, а умение решать возникающие проблемы. В рамках компетентностного подхода приобретают актуальность и популяризируются такие явления, как «ориентированное на студента обучение», «академическая и профессиональная прозрачность».

Анализируя содержание многочисленных исследований, посвященных использованию компетентностного подхода для подготовки специалистов различных профилей (О.В. Акулова, В.А. Адольф, В.А. Бодров, И.С. Батракова, Г.А. Бордовский, Е.В. Баранова, А.К. Маркова, Н.Ф. Радионова, Н.Н. Суртаева, А.П. Тряпицына, З.И. Колычева, Н.В. Чекалева и другие), можно выделить направления, по которым происходит его постепенная реализация:

– широкое внедрение в содержание вузовских учебных дисциплин передовых отечественных и зарубежных научных разработок;

– расширение целевой подготовки будущих специалистов по заказу конкретных предприятий и организаций с

возможностью выбора дисциплин, которые изучаются;

– внедрение инновационных форм дифференциации учебного процесса и методик преподавания;

– рациональное использование активных и интерактивных методов обучения в высшей школе в зависимости от профиля подготовки учащихся;

– тесная связь науки, практики подготовки будущих специалистов с практическими потребностями и общественными запросами;

– привлечение опытных зарубежных специалистов к преподаванию и организации международного студенческого обмена в процессе обучения;

– использование в практике преподавания современного мультимедийного обеспечения;

– совершенствование способов организации и расширения объемов самостоятельной подготовки студентов.

В психолого-педагогических исследованиях вопросу реализации компетентного подхода в профессиональной подготовке будущего специалиста в области образования уделяется достаточно большое внимание. Следовательно, есть все основания утверждать, как самостоятельное явление компетентный подход в условиях отечественного образовательного пространства прошел стадии констатации (необходимость применения) и феноменологизации (оценка и описания феномена), нынешняя стадия является методологической (конкретизация основных понятий, факторов, путей и условий реализации). Компетентный подход в педагогическом образовании основывается на междисциплинарных, интегрированных требованиях к результату образовательного процесса. Именно необходимость помочь студентам научиться правильно решать те или иные проблемы в определенных ситуациях (учебных, жизненных, профессиональных) побудила к применению компетентного подхода в образовательном пространстве.

На сегодняшний день имеются первые положительные результаты реализации компетентного подхода в отечественном образовании:

– отечественная система образования обеспечивает качество, которое соответствует представлению «заказчика»;

– изменяются образовательные стандарты как своеобразные формализаторы социальных норм и потребностей, образование соответствует «требованиям социоморфности, национальным традициям, социально-экономическому развитию, национально-этническому архетипу менталитета населения» [1, 6].

В современных условиях рынке труда работников образования, в первую очередь, спросом пользуются специалисты, которые разбираются в психологических особенностях людей разных возрастных категорий, ориентируются в современных достижениях психолого-педагогической науки и практики, владеют методами научного исследования, разнообразными интерактивными технологиями обучения детей и взрослых, средствами и методиками профессионально-творческого развития и саморазвития, могут практически реализовать лозунг «обучение в течение жизни». Дальнейшая разработка компетентного подхода связана с переходом от общетеоретических представлений о его содержании к созданию предметных образовательных программ.

Одним из ключевых направлений государственной образовательной политики должна стать модернизация структуры, содержания и организации образования на принципах компетентного подхода [2].

Признание компетентного подхода парадигмально-определяющим на современном этапе развития педагогической науки и совершенствования системы высшего образования требует разработки стандартов высшего образования на иерархическо-компетентной основе:

- ключевые компетентности;
- профессионально-квалификационные компетентности;
- общепредметные компетентности;
- межпредметные компетентности;
- предметные компетентности.

Содержание и сущность каждой компетентности нужно определять на основе соответствующих компетенций как совокупности знаний, умений и навыков; мотивов и ценностей; опыта использования.

Совокупность представленных групп компетентностей обеспечит понимание профессиональной компетентности (как компетентности высшего иерархического уровня) специалиста в соответствии с направлением подготовки и отрасли экономики.

В контексте реализации данного предложения разрабатываются ключевые компетентности современного педагога как составляющие его профессионально-педагогической компетентности:

- психолого-педагогическая компетентность;
- профессионально-предметная компетентность (совокупность предметных компетентностей);
- методологическая компетентность;
- методическая компетентность;
- самообразовательная компетентность.

В соответствии с иерархически-компетентностным пониманием конечного результата подготовки современного педагога в высших учебных заведениях должны быть пересмотрены учебные планы, рабочие программы по отдельным учебным дисциплинам.

Для успешной реализации профессиональной подготовки будущего педагога необходимы следующие условия:

- придание нового импульса интеграционным процессам в сфере образования на различных уровнях: межнациональном; глобальном и национальном;
- дидактическая и методическая мобильность современного преподавателя высшей школы;

– создание независимой системы мониторинга качества высшего образования.

В качестве примера формирования профессиональной компетентности будущих педагогов - студентов филологических специальностей предлагается содержательный и критериальный анализ предметных компетентностей, необходимых для подготовки высококвалифицированных специалистов, способных эффективно конкурировать на рынке образовательных услуг.

В основе содержательной структуры предметных компетентностей студентов филологических специальностей лежат предметные знания (знания по предметам гуманитарного, психолого-педагогического циклов), умения и навыки применения предметных знаний, накопленный опыт такого применения и опыт эмоционально-волевого поведения, профессионально-личностные ценности индивида и его интересы.

Гуманитарные дисциплины, изучаемые в соответствии с учебными планами и программами, отводят особое место самоценности человеческой личности, уважению ее прав, способствуют формированию чувства собственного достоинства у каждого студента, которое развиваются именно в результате усвоения гуманитарной информации. Внешние воздействия на студентов всегда реализуются через внутренние условия, то есть через психические, интеллектуальные структуры, которые уже сформированы у студента, этические взгляды и привычки. Все эти качества формируются при усвоении предметных гуманитарных знаний.

Педагоги-методисты неоднократно замечали тот факт, что «усвоение знаний, связанных с теорией и историей литературы, способствует добыванию истины, выработке глубоких убеждений... именно здесь больше, чем при изучении любого другого предмета, оправдывается лозунг, что истина рождается в спорах» [5, 65], хотя методы, которые дают возможность развернуть

действительно глубинную, научно обоснованную дискуссию, во время практических или семинарских занятий применяются крайне эпизодически.

Содержание учебной гуманитарной информации должно соответствовать критериям фундаментальности и усиления методологической составляющей, что обеспечивается изучением основополагающих проблем. Представляется нецелесообразным разграничение собственно гуманитарных знаний, гуманитарной информации от дисциплин педагогического или психолого-педагогического цикла, поскольку идеал энциклопедически образованного преподавателя сохраняет свою привлекательность и в наше время. Следует подчеркнуть, что наряду с собственно гуманитарными дисциплинами цикл психолого-педагогических дисциплин имеет как общекультурное, так и мировоззренческое значение для студента как индивида, так и будущего профессионала.

В структуре знаний можно выделить собственно предметные и фоновые знания. Объем и содержание собственно предметных знаний определяется учебными программами. Фоновые знания рассматриваются как научно систематизированные, имеющие информационно-культурологический характер, не всегда непосредственно связанные с текстом как единицей подачи учебного материала, но без которых этот учебный материал не может быть глубоко и всесторонне воспринят. Фоновые знания определяются индивидуальными и общепсихологическими особенностями студентов и уровнем их общекультурного развития. Они постоянно меняются как в содержательном, так и в функциональном плане в зависимости от информационной и культурологической осведомленности студентов филологических дисциплин, состоянии филологии как науки, возрастных особенностей и других факторов, в частности, от смыслового наполнения текстового материала.

Собственно профессиональные и психолого-педагогические умения и

навыки, отражающие действенную сущность усвоенных знаний, имеют много общего.

Критериально-компонентную структуру предметных компетентностей студентов филологических специальностей можно представить, как четырехэлементный конструкт, содержащий:

1) актуальную дидактическую квалификационность — имеющиеся гуманитарные и психолого-педагогические знания студента, умения, навыки; опыт применения полученных предметных знаний, умений (общеучебные и специальные предметные) и навыков; владение логикой реализации учебно-познавательной деятельности; научная, методическая и информационная осведомленность;

2) потенциальную дидактическую квалификационность, которая воплощается в когнитивную потребность и готовность на деятельностном уровне усвоить новые гуманитарные знания, новые методы и приемы учебной работы, самостоятельно выявлять пробелы в гуманитарных знаниях и способах организации и осуществления учебной деятельности, выявлять и преодолевать информационную недостаточность;

3) коммуникативно-дидактическую квалификационность — налаживание продуктивного дидактического взаимодействия и взаимоотношений в учебном процессе и вне его;

4) индивидуально-личностные качества студента — ответственность за результаты собственного обучения в высшем учебном заведении, дидактическую рефлексию, креативность, эмоциональность, субъективную готовность к учебной и дальнейшей профессиональной мобильности, осознанное положительное отношение к педагогической деятельности и процессу обучения [8].

Специфика актуальной дидактической квалификационности в структуре предметных компетентностей заключается в том, что от студента не требуется усвоения «готовых знаний», а требуются предлагаемые условия возникновения определенного знания.

Актуальная дидактическая квалификация как конструкт предметной компетентности студента способствует превращению учебной деятельности в исследовательскую, практико-преобразовательную, сама становится предметом усвоения. Существует мнение (В. Сериков), что из простой суммы знаний и умений создать компетентного человека не удастся. Интеграция компонентов содержания образования — понятий, способов деятельности, творческого опыта, опыта выявления жизненной позиции — осуществляется в процессе создания обучающимся на основе этой совокупности своего собственного опыта, который, в свою очередь, также может стать предметом рефлексии, исследования, оценки.

Введение в критериальные структуры компонента коммуникативно-дидактического компонента коммуникативно-дидактической квалификации обусловлено исследованиями особенностей социальной деятельности и особенностей педагогической коммуникации (Н. Анисеева, Б. Ананьев, А. Пиз). Коммуникативно-дидактическую квалификацию можно толковать также как «направленность на других» во время общения. Кроме «дидактической направленности» на другого для коммуникативно-дидактической квалификации существенным является наличие в интеллекте, эмоциональной и волевой сферах студента ряда характеристик, которые вместе и обеспечивают продуктивную дидактическую взаимодействие. Основываясь на анализе качеств личности, необходимых для успешного общения, можем утверждать, что коммуникативно-дидактическая квалификация напрямую зависит от развития основных познавательных процессов, наблюдательности, умения сопереживать и тому подобное. Развитие коммуникативно-дидактической квалификации создает почву для того, чтобы предметная компетентность студента в дальнейшем превратилась в профессиональную компетентность педагога, который избегает стереотипизации восприятия окружающих, шаблонности профессионального поведения. М. Каган,

исследуя сущность интеллигентности как идеала высшего образования, выделяет следующие черты специалиста-интеллекта: способность видеть в другом равную себе личность, сочетание безусловной принципиальности в отстаивании своих убеждений и толерантности, терпимость к взглядам других людей, тактичность и деликатность в полемике [4, 22-23].

Индивидуально-личностный конструкт интегрирует индивидуальные способности и ответственность, мотивированность, рефлексивность, ценностную ориентацию учебно-познавательной деятельности студента.

Итак, предложенные содержательная и критериально-компонентная структуры предметных компетентностей студентов филологических специальностей снимают традиционное для высшей педагогической школы противоречие между понятиями «качество высшего педагогического образования» и «фундаментальность образования», характеризующиеся эксплицитностью (открытостью для внешних наблюдений и преобразований).

Приведенный пример разработки содержания и структуры предметных компетентностей студентов филологических специальностей высших учебных заведений может быть определенным ориентиром для разработки содержания и структуры совокупности предметных компетентностей, формирование которых должно осуществляться в процессе подготовки специалиста в контексте понимания иерархии компетентностей современного педагога, а именно: профессионально-педагогическая компетентности как единства ключевых – психолого-педагогической, профессионально-предметной (совокупность предметных), методологической, методической, самообразовательной компетентностей.

Литература

1. Борисенков В.П. Значение своеобразия и оригинальности в культуре и человеку в условиях глобализации //

Славянская педагогическая культура. — 2010. — № 9. — С. 5-6.

2. Гулая Т.М., Романова С. А. Компетентностный подход в образовании как необходимое условие профессиональной подготовки будущих специалистов в высшей школе. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 256- 261. ISSN 1997-2911. С 260.

3. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании. Авторская версия. — М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. — 42 с.

4. Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. — М.: Политиздат, 1988. — 319 с.

5. Красноусов, А.М. Очерки по истории советской методики преподавания литературы. — М., 1990.

6. Кун Т.С. Структура научных революций / Т.С. Кун; [пер. с англ.]. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП Ермак, 2003. — 606 с.

7. Назарова, Н.М. Сравнительная специальная педагогика. - М.: Academia, 2018. - 31 с.

8. Педагогика. Учебник для ВУЗов. Стандарт третьего поколения; под ред. П. Тряпицыной. - СПб.: Питер, 2018. - 16 с.

9. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 8 сентября 2015 г. N 608н "Об утверждении профессионального стандарта "Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования". Зарегистрировано в Минюсте РФ 24 сентября 2015 г. Регистрационный N 38993

10. <http://ivo.garant.ru/#/document/71202838/paragraph/1:0> Дата обращения 28.10.2019.

Hierarchy of competencies of a modern teacher

Gulaya T.M., Romanova S.A.

Plekhanov Russian University of Economics
The article presents hierarchy of competencies

of a modern teacher based on the competence approach which paradigmatically defines the present-day system of the Russian education. Professional and pedagogical competency of a modern teacher is presented as a unity of key competencies: psycho-pedagogical, professional (set of subject competencies), methodological, methodical, self-educational.

Key words: competency, competence approach, key competencies, modern teacher, hierarchy of competencies.

References

1. Borisenkov V.P. The value of originality and originality in culture and man in the context of globalization // Slavic pedagogical culture. - 2010. - No. 9. - S. 5-6.

2. Gulaya TM, Romanova S. A. The competency-based approach to education as a necessary condition for the training of future specialists in higher education. Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Diploma, 2019. Volume 12. Issue 6. C. 256-261. ISSN 1997-2911. C 260.

3. Winter I.A. Key competencies as an effective and targeted basis of a competent approach in education. Author's version. - M.: Research Center for the Problems of Quality of Training of Specialists, 2004. - 42 p.

4. Kagan M.S. The world of communication: The problem of intersubjective relations. - M.: Politizdat, 1988. -- 319 p.

5. Krasnousov, A.M. Essays on the history of the Soviet methodology of teaching literature. - M., 1990.

6. Kun T.S. The structure of scientific revolutions / TS Kun; [trans. from the English.]. - M.: Publishing House AST LLC: NPP Ermak CJSC, 2003. - 606 p.

7. Nazarova, N.M. Comparative special pedagogy. - M.: Academia, 2018. -- 31 p.

8. Pedagogy. Textbook for high schools. Third Generation Standard; under the editorship of P. Tryapitsyna. - St. Petersburg: Peter, 2018. -- 16 p.

9. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of September 8, 2015 N 608н "On approval of the professional standard" Teacher of vocational training, professional education and additional professional education. "Registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation on September 24, 2015. Registration N 38993

<http://ivo.garant.ru/#/document/71202838/paragraph/1:07> Date of access 28.10.2019.

Социальное моделирование экономических процессов в целях развития социальной привлекательности территории

Заварзина Юлия Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета, borisovaylia@bk.ru

В статье рассматриваются особенности социального моделирования экономических процессов для развития привлекательности территории. Примером анализа выступает территория Иркутской области. Доказывается, что ресурсы привлекательности через экономические процессы регулируют социально привлекательный уровень региона.

Ключевые слова: социальное моделирование, экономические процессы, привлекательность территории

Решением сложившейся проблемной ситуации территориальной разрозненности муниципальных образований Иркутской области может стать создание территориальных органов административных (районных) центров на соответствующей сельской местности при ее укрупнении или реорганизации, в целях оперативного решения вопросов местного значения, либо переселение жителей территории за счет средств областного бюджета, с помощью безвозмездной финансовой помощи из регионального бюджета, ближе к районному центру. Социальное моделирование развития территории может быть представлено на основе теоретической модели представленной в работе О. А. Полюшкевич, Л. Н. Батяновой, Ю.В. Борисовой и Р. В. Иванова [12].

Для непосредственного соблюдения интересов населения территорий необходимо проведение, прежде всего, референдумов о реорганизации или ликвидации соответствующего поселения. Для решения общих проблем предоставления межбюджетных трансфертов на субфедеральном и внутри региональном уровнях власти выделяются следующие меры. В исследованиях О.А. Полюшкевич прослеживается воздействие инструментов социального моделирования, применяемого в социологии управления через механизмы общественного договора и иных социальных практик гражданского общества [13,14].

Во-первых, для решения проблемы с процессом консолидации межбюджетных субсидий из-за необходимости контроля за целевым направлением расходования средств, необходимо законодательно урегулировать право субъектов РФ на перераспределение софинансируемых средств на более приоритетные

направления расходования (по остаткам средств), осуществляя при этом самостоятельную консолидацию направлений субсидий для эффективного решения поставленных задач.

Во-вторых, для решения проблемы выстраивания приоритетности правительства субъекта РФ софинансирования приоритетных расходных обязательств при предоставлении единой межбюджетной субсидии из федерального бюджета, необходимо создать региональное структурное подразделение, занимающееся сбором актуальной информации о проблемах развития отраслей экономики и проведения социальной политики для определения направлений софинансирования расходных обязательств посредством предоставленных средств.

В-третьих, для решения проблемы своевременного учета объемов предоставляемых из федерального бюджета межбюджетных субсидий и дотаций на выравнивание и сбалансированность, необходимо внести законодательные инициативы о «перемещении» сроков утверждения объемов межбюджетной финансовой помощи при рассмотрении федерального бюджета.

В-четвертых, для решения проблемы с несвоевременным внесением изменений в методики по расчету и распределению межбюджетных субсидий после начала финансового года, необходимо посредством законодательных инициатив ввести мораторий на внесение изменений в методики расчета субсидий в течение финансового года для проведения качественного планирования бюджетных расходов.

В-пятых, для решения проблемы отсутствия системы показателей для оценки эффективности предоставления межбюджетных субсидий, необходимо законодательное урегулирование данного аспекта, посредством введения оценки эффективности, что повлияет на оптимизацию процесса консолидации субсидий, а также своевременного контроля со стороны федеральных органов государственной власти.

В-шестых, проблему учета показателя численности населения при реализации механизма расчета межбюджетных субсидий, вследствие чего низкая плотность населения является барьером в нужном объеме предоставления указанных средств, можно решить посредством введения компенсационных выплат регионам с низкой плотностью населения.

При этом стоит отметить, что полная отмена взаимозависимости объема предоставляемой межбюджетной финансовой помощи от плотности населения территории является нерациональным управленческим решением федерального центра, так как регионы с низкой плотностью населения, как правило, имеют меньший доход от производства и реализации товаров, работ и услуг, непосредственно формирующие ВРП, в частности валовой внутренний продукт страны.

При расчете объема предоставления субсидий необходим достаточный учет специфика районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, так как предоставление государственных и муниципальных услуг на данных территориях характеризуется большей стоимостью, по сравнению с другими районами. На сегодняшний день данная специфика недостаточно учтена, так как при расчете индекса бюджетных расходов учитываются только средневзвешенные надбавки к зарплате.

В-седьмых, для решения проблем отсутствия возможности у некоторых регионов и муниципальных образований с низкой долей бюджетной обеспеченности обеспечения доли софинансирования для получения межбюджетных субсидий необходимо при их распределении из соответствующего бюджета РФ исходить не от способности региона обеспечить достаточный уровень софинансирования расходного обязательства, а от объективных условий каждого субъекта РФ и муниципального образования получения положительного экономического эффекта от реализации соответствующей субсидии.

Иными словами, в большей степени учитывать экономическую специфику региона и муниципального образования, увеличив в конечном итоге долю софинансирования в рамках данных направлений, минимизировав при этом долю софинансирования расходного обязательства или вовсе исключив ее.

В-восьмых, решением проблемы отсутствия фактического механизма перераспределения единой субвенции из-за утвержденных исходных данных для расчета входящих в ее состав субвенций, и показателей результативности использования средств, может стать законодательно урегулированное право субъектов РФ в утверждении объема исходных данных для самостоятельно расчета входящих в единую субвенцию субвенций, но с правом федеральных органов власти устанавливать показатели результативности ее использования.

Действенным механизмом может стать объединение единой субвенции в границах компетенций одного федерального органа исполнительной власти (далее – ФОИВ), а не по компетенции разных ведомств, что исключит появление дополнительных органов – исполнителей каждого полномочия, например, Минфина РФ и финансового органа субъекта РФ.

В-девятых, для решения проблемы возрастания доли субвенций в общем объеме межбюджетных трансфертов, необходимо качественное реформирование системы разграничения доходных и расходных полномочий между публично-правовыми образованиями РФ в соответствии с принципом субсидиарности власти при обеспечении достаточных доходных источников.

В-десятых, для решения проблемы предоставления межбюджетных субсидий регионам при условии разработки ими соответствующих региональных программ и подпрограмм, внесении существенных изменений в уже имеющиеся в течение финансового года, что снижает возможности региона в их получении, необходимо введение запрета

на несвоевременное внесение изменений в методики их расчета после начала финансового года, требующие разработки новых инструментов и проведения мероприятий для реализации государственной политики.

Дополнительными мерами для оптимизации процесса предоставления МБТ на субфедеральном и внутрирегиональном уровнях власти Иркутской области могут стать:

Во-первых, оптимизация собираемости на территории Иркутской области НДФЛ, который является основным видом доходов местных бюджетов, так по итогам 2017 г. налог обеспечил 56 % поступления от всех налоговых и неналоговых доходов, а по предварительным данным по итогам 2018 г. поступления по данному налогу в областной бюджет увеличились на 13 % [3].

Стоит отметить, что, в соответствии с постановлением Правительства Иркутской области от 1 декабря 2017 г. № 607-пп «Об утверждении Положения о предоставлении и расходовании субсидий из областного бюджета местным бюджетам в целях реализации мероприятий, направленных на повышение эффективности бюджетных расходов муниципальных образований Иркутской области», одним из критериев отбора муниципальных образований для предоставления «стимулирующих» субсидий является, в том числе, прирост поступлений (в сопоставимых нормах зачисления) по НДФЛ.

При этом в размере не менее среднего прироста поступлений налоговых доходов по муниципальным образованиям (без учета наибольшего значения) за соответствующий период [39]. Таким образом, повышение собираемости данного налога, посредством принимаемых органами местного самоуправления мер, оказывает прямое влияние на объем предоставляемых межбюджетных субсидий.

Из представленной диаграммы мы видим, что больший налоговый потенциал Иркутской области формируют налог на доходы физических лиц, налог

на прибыль организации, что оказывает прямое влияние на УРБО.

Во-вторых, при расчете дотаций на выравнивание регионам Дальнего Востока и Байкальского региона брать в расчет увеличенный аналог (целевой показатель) «численности постоянного населения», определяемый Министерством экономического развития РФ, а не обычный статистический показатель. Это обеспечит регионы в перспективе дополнительными финансовыми ресурсами для обеспечения населения достойными условиями проживания на территории, в перспективе повысит привлекательность регионов.

В-третьих, распределения дотаций на выравнивание с помощью подхода трансфертозамещения может применяться в целях укрепления финансовой самостоятельности отдельных муниципальных образований для повышения их заинтересованности в результатах деятельности.

В соответствии с БК РФ (ст. 137–138) при составлении и (или) утверждении областного бюджета по согласованию с представительными органами муниципальных образований дотации на выравнивание поселений и муниципальных районов (городских округов) могут быть частично или полностью заменены дополнительными нормативами отчислений в их бюджеты от НДФЛ.

В целом предоставляемая бюджету Иркутской области дотация на выравнивание в 2019 г. увеличена на 2,1 млрд руб., но для ее получения необходимо выполнить ряд требований федерального центра [64].

А именно, не допустить снижения налоговых и неналоговых доходов бюджета, принять меры по поэтапному сокращению неэффективных налоговых льгот, разработать и утвердить программу оптимизации расходов бюджета, ввести запрет на увеличение количества государственных (муниципальных) служащих.

Органы государственной власти в свою очередь должны начать активную работу по сокращению неэффективных

расходов и бюджетных ассигнований, которые не относятся к наиболее важным, сконцентрировав при этом финансовые ресурсы на приоритетных направлениях.

Результатом невыполнения условий будет сокращение в 2018 г. указанных средств (4 109 млн руб.) на 5 %, что может составить примерно от 203 до 293 млн руб. [3].

Таким образом, из всего выше сказанного можно сделать вывод. Пути решения проблем предоставления межбюджетных трансфертов на субфедеральном и внутрирегиональном уровнях власти Иркутской области являются комплексными, требующие реформирование системы межбюджетных отношений с привлечением экспертов в данной области, что систематизирует процедуру предоставления межбюджетных трансфертов соответствующему бюджету бюджетной системы РФ, исходя из объективных потребностей и условий предоставления финансовых ресурсов.

При непрерывном социально-экономическом развитии региона увеличивается налоговая нагрузка на юридические и физические лица, отдача от которой в виде поступления налогов, сборов в соответствующий бюджет бюджетной системы РФ способствует всестороннему развитию сфер жизнедеятельности населения, в том числе повышению индекса развития человеческого потенциала.

Во-первых, на сегодняшний день проблема совершенствования модели бюджетного федерализма, в идеале способствующая сбалансированному разграничению федеральным центром доходных и расходных полномочий между органами власти всех уровней в соответствии с принципом территориального соответствия, актуальна как для России в целом, так и для каждого хозяйствующего субъекта в частности, заинтересованного в динамичном развитии своей территории (регионы доноры и реципиенты).

Федеральный центр на сегодняшний день не заинтересован в качественном

изменении действующей системы распределения фискальных платежей, поэтому наделяет регионы дополнительными налоговыми полномочиями (обязательствами), что увеличивает налоговую нагрузку на соответствующие бюджеты бюджетной системы РФ.

Например, при определении налоговой базы по налогу на имущество организаций (офисная и торговая недвижимость) и физических лиц право перехода к кадастровой стоимости, корректировка механизма взимания НДФЛ при совершении сделок купли-продажи жилой недвижимости», установление стоимости трудового патента для мигрантов.

Во-вторых, стоит отметить, что проблема самообеспечения территорий собственными налоговыми и неналоговыми доходами является двойкой, так как с одной стороны, это повышает их конкурентные преимущества в стратегически целенаправленном развитии по сравнению с другими регионами, с другой стороны, является «барьером» в саморазвитии из-за положений действующего законодательства.

Например, при переходе в группу регионов-доноров изымаются их сверхдоходы в федеральный фонд финансовой поддержки субъектов РФ, который образуется в составе федерального бюджета, т. е. если доходы превышают в 2 раза среднероссийский уровень, то могут субъекты РФ могут расходовать средства на собственные нужды, если более 50 % составляют, то перечисляют в фонд [2].

Также, в соответствии с положениями БК РФ (ст. 142.2), из бюджетов муниципальных образований первого и второго уровня бюджету субъекта РФ предоставляются межбюджетные субсидии («отрицательные трансферты»), если их налоговые доходы (за исключением налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений) превышали установленный законом субъекта РФ уровень.

При этом данный установленный уровень не должен быть ниже 1,3-крат-

ного среднего по муниципальным образованиям одного уровня в расчете на одного жителя субъекта РФ.

Стоит отметить, что наполняемость фондов финансовой поддержки регионов, муниципальных образований, как следствие, федерального и регионального бюджетов, от которых зависит объем предоставления межбюджетных трансфертов, невозможна без мобилизации налоговых доходов с территорий высокообеспеченных субъектов РФ и муниципальных образований. Они, как правило или вообще не получают соответствующие дотации, или получают безвозмездную финансовую помощь в минимальном объеме.

В-третьих, проблемой на сегодняшний день является то, что объем делегируемых полномочий федеральным центром с каждым годом растет при общей тенденции сокращения доходных каналов бюджетов субъектов РФ и муниципальных образований.

Идеальная модель бюджетного федерализма предусматривает делегирование полномочий на основе принципа субсидиарности, т. е. передачи с нижестоящего уровня вышестоящему только тех полномочий, которые не могут быть реализованы им, но при сбалансированном объеме доходных и расходных полномочий каждого уровня бюджетной системы Федерации, соответствующий закрепленному в БК РФ принципу сбалансированности бюджета.

В действительности достичь этого практически невозможно из-за явного бюджетного, территориального, инвестиционного, социально-экономического дисбаланса на субфедеральном и внутрирегиональном уровнях власти.

При довольно большом количестве делегируемых полномочий система перераспределения налоговых доходов в последнее время претерпела существенные изменения, повлиявшие на доходную базу Иркутской области.

Например, реализованная в 2012–2017 гг. и реализуемая на сегодняшний день принятием ФЗ от 24.11.2016 № 366-ФЗ «О внесении изменений в часть

вторую Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) и отдельные законодательные акты РФ» реформа налогообложения («налоговый манёвр»), которая ориентирована на перераспределение налоговой нагрузки между некоторыми отраслями экономики и категориями налогоплательщиков с помощью резкого повышения НДС и снижения пошлин, акцизов на нефтепродукты.

В Иркутской области под действие налоговой реформы попали нефтеперерабатывающие компании, из-за чего в течение двух последних лет увеличилась нагрузка на них, как следствие, уменьшилась их налогооблагаемая база, что привело к уменьшению налога на прибыль, который является одной из главных статей налоговых доходов Иркутской области.

Поэтому отрицательным эффектом стали выпадающие доходы областного бюджета, которые по прогнозу в 2019 г. составят около 800 млн руб., следующих трех лет увеличатся до 1,1 млрд руб. [3].

Также с 2019 г. вступили в силу изменения в федеральном бюджетном и налоговом законодательстве, в соответствии с которыми произошло перераспределение 1 % отчислений по налогу на прибыль организаций из областного бюджета в бюджет Федерации, таким образом, теперь 3 % зачисляется в федеральный бюджет (было 2 %), 17 % остается в регионе (было 18 %), что привело к дополнительным доходам федерального бюджета в размере 120 млрд руб. со всех субъектов РФ.

Данные средства направят в регионы с низким уровнем УРБО, но при этом выпадающие доходы Иркутской области составят примерно 2,1 млрд руб. [84], что является существенным объемом для областного бюджета.

По итогам 2018 г. из-за полученного объема доходов от налога на прибыль 72 субъекта РФ из 85 получили дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности из федерального центра, при этом, что только 15 из них являются

сверхдотационными, а 13 являлись самодостаточными.

Вследствие снижения акцизов на нефтепродукты с 2019 г. с 88 до 61,7 % в региональный бюджет (повышение с 12 до 38,3 % в федеральный бюджет), которые являются одной из важных статей налоговых доходов в целях формирования дорожных фондов региона и муниципальных образований, выпадающие доходы областного бюджета также будут существенными [2].

На сегодняшний день Минэкономразвития РФ заложило также новый налоговый маневр («22/22»), который предполагает повышение НДС до 22 % (сейчас 18 %) при одновременном снижении страховых взносов до 22 %, в целевой прогноз экономического развития РФ.

Положительным эффектом при его реализации будет рост дополнительных доходов федерального бюджета от повышения ставки НДС в размере 1,2 трлн руб., но при одновременном снижении доходов внебюджетных фондов от уменьшения ставки страховых взносов в размере 1,4 трлн руб. А также, экономия федерального бюджета на страховых взносах с зарплат бюджетников, для регионов экономия на взносах с зарплат учителей и медицинских работников.

Отрицательным эффектом при реализации налогового маневра предполагается рост трансферта Пенсионному фонду РФ из-за его разбалансированности. При этом данный факт может восполниться сокращением дотаций субъектам РФ из-за их неактуальности вследствие экономии регионального бюджета.

В общем аспекте любой налоговый маневр нацелен на переориентацию налоговой системы для достижения задач политики по динамичному и стабильному экономическому росту, однако, по словам экспертов, реализация данного механизма в нынешней макроэкономической ситуации нацелена на обеспечение социальных обязательств государства.

Региональные льготы также являются источниками выпадающих доходов областного бюджета, например, каждый шестнадцатый рубль налогов не поступает в бюджет Иркутской области из-за установленных региональных льгот, на 2017 г. по данному показателю область занимает 1-е место среди субъектов СФО и 11-е в стране [1].

В-четвертых, проблема заключается в недоработанной системе стимулирования к наращиванию доходной базы субъектом РФ (недоработанном механизме) для сбалансированности регионального бюджета, которая должна осуществляться в рамках эффективной системы межбюджетных отношений федеральным центром, т. е. система должна не только обеспечивать предоставления доходных каналов для социально-экономического развития субъекта, но и являться стимулом к наращиванию собственных налоговых и неналоговых доходов регионального бюджета.

Стоит учитывать, что при оценке темпов социально-экономического развития территорий субъектов РФ учитываются ранжированные индексы среднего темпа роста показателя собственных доходов бюджета субъекта РФ (в том числе налоговых за вычетом налога на прибыль при выполнении соглашения о разделе продукции, акцизов на автомобильный и прямогонный бензин, дизельное топливо, моторные масла для дизельных и (или) карбюраторных (инжекторных) двигателей, производимые на территории РФ, транспортного налога, НДС в виде природных алмазов, разовых поступлений в бюджет субъектов РФ) [4].

Учитываются ранжированные индексы показателей объема инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств); оборота продукции (услуг), производимой малыми предприятиями, в том числе микропредприятиями, и индивидуальными предпринимателями; реальных располагаемых денежных доходов населения; среднего темпа роста показателя

удельного веса введенной общей площади жилых домов по отношению к общей площади жилищного фонда.

А также ранжированные индексы показателей ожидаемой продолжительности жизни при рождении; уровня безработицы в среднем за 1 год; доли обучающихся в государственных (муниципальных) общеобразовательных организациях, занимающихся в одну смену, в общей численности обучающихся в данных организациях; смертности населения (без показателя смертности от внешних причин); доли детей, оставшихся без попечения родителей, в том числе переданных неродственникам (в приемные семьи, на усыновление (удочерение), под опеку (попечительство), в семейные детские дома и патронатные семьи), находящихся в государственных (муниципальных) учреждениях всех типов; оценки населением деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ.

При этом объем налоговых поступлений из бюджета субъекта РФ в федеральный бюджет не учитывается.

По итогам 9 месяцев 2018 г. на 1 рубль полученных из федерального бюджета трансфертов (без учета субвенций) в обратном направлении областными налогоплательщиками перечислено 10,4 руб. фискальных платежей (84,2 млрд руб. налоговых платежей без учета таможенных, иных администрируемых не налоговыми органами доходов против 8,1 млрд руб. полученных МБТ) [5].

По итогу 2017 г. на 1 рубль фискальный платежей было перечислено 6,24 руб. МБТ, таким образом, данный показатель по величине являлся 18 в РФ.

В соответствии с обозначенными проблемами предоставления межбюджетных трансфертов на субфедеральном и внутрирегиональном уровнях власти Иркутской области, влияющими на оптимизацию доходного потенциала областного бюджета, предлагаем следующие пути решения проблем.

Во-первых, для решения проблемы совершенствования модели бюджет-

ного федерализма необходима оптимизация доходного потенциала Иркутской области.

Например, действующая система неравномерного распределения фискальных доходов между бюджетами разных уровней может быть скорректирована путем закрепления НДС или передачи части норматива региональному бюджету, а также нормативов отчислений от акцизов на табак и алкоголь; путем увеличения нормативов отчислений по налогам в местные бюджеты, например по НДФЛ и передачи установленного норматива по налогу, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения [9].

Решением проблемы также может стать предоставления права регионам устанавливать дифференцированные нормативы отчислений не только в отношении акцизов на нефтепродукты, но и большего числа налоговых доходов; в том числе права установления регионами по данному налогу увеличивающих коэффициентов при определении нормативов его зачисления в бюджеты городов.

Стоит отметить, что распределение акцизов на нефтепродукты, только исходя из протяженности и покрытия дорог не обеспечивает нужный объем финансовых ресурсов для их перечисления в муниципальные дорожные фонды городов, так как общее состояние дорожного полотна муниципальных образований, а также, интенсивность дорожного движения в административных (районных) центрах требует больших денежных затрат для своевременного ремонта, с использованием качественных расходных материалов.

Для оптимизации консолидированного бюджета Иркутской области, путем сокращения выпадающих доходов также необходимо ввести мораторий на введение необоснованных налоговых льгот. В свою очередь, законодательные инициативы о передаче муниципальным образованиям дополнительно 3 % от сборов НДФЛ и налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения по

ставке 30 % были обоснованными.

Во-вторых, изымание налоговых и неналоговых «сверхдоходов» на субфедеральном и внутрирегиональном уровнях власти, что является проблемой, является вынужденной мерой со стороны федерального центра по обеспечению стагнирующих территорий необходимым объемом государственных и муниципальных услуг.

Данные меры также необходимы для сокращения разрыва в бюджетной обеспеченности между 10 субъектами РФ с минимальной и максимальной величинами, который по итогу 2017 г. составлял 6,8 раз, а после выравнивания УРБО посредством предоставления дотаций на выравнивание составлял 2,9 раз. Целесообразно увеличивать объем предоставления данного вида межбюджетной финансовой помощи, что в нынешней макроэкономической нестабильной ситуации является проблемой.

В этом случае применение «отрицательного трансферта» в отношении сверхобеспеченных субъектов, которые имеют на территории высоколиквидные активы производственных мощностей, может стать источником доходов для стагнирующих регионов, в целях улучшения их инвестиционного потенциала для привлечения капитала из других доходных источников.

При их передаче необходимо регламентировать механизмы предоставления и возвратности указанных средств в случае неэффективного использования, в том числе механизмы обратной связи между регионами донорами и регионами реципиентами.

Иркутская область, при всех конкурентных преимуществах не является регионом-донором, но также стремится к оптимизации доходного потенциала, в том числе с помощью введения механизма предоставления «отрицательных трансфертов», который должен был реализовываться с января 2019 г.

А именно, Ассоциацией муниципальных образований Иркутской области предлагалось ввести в действие «отрицательные трансферты» с указанного

периода на территории области, путем изъятия в пользу областного бюджета «сверхдоходов» местных бюджетов, т. е. до 50 % от суммы превышения налоговых доходов конкретного муниципального образования над 1,3-кратным средним уровнем по всем областным муниципальным образованиям одного типа, результатом чего должно было стать получение дополнительных доходов областным бюджетом в размере 781 млн руб. [6].

Данная инициатива не была поддержана по следующим объективным причинам.

Так как данный вид МБТ рассчитывается на основании данных отчетного финансового года, то изъятие средств будет обоснованным и целесообразным, если наблюдается устойчивый ежегодный рост доходов. Разбалансировать местные бюджеты может ухудшение темпов роста НДФЛ, отмена единого налога на вмененный доход, а также, обжалование кадастровой стоимости, изъятие сверхдоходов в 2019 г. по итогам 2017 г., т. е. наличие фактора двухлетнего запаздывания [7].

Приоритеты политики Правительства Иркутской области выстроены иным образом, поэтому изъятие данных средств невозможно из-за приоритетности финансового поощрения муниципальных образований, которые осуществляют результативное управление территориальными бюджетными средствами.

При введении в действие «отрицательных трансфертов» появляется проблема их изъятия «сверхдоходов» у Ангарского городского муниципального образования за 2017 г., которые были получены им еще в статусе муниципального района.

В-третьих, решение проблемы с соотношением делегируемых полномочий федеральными органами власти и сокращением доходных источников наполняемости бюджетов субъектов РФ и муниципальных образований связано, прежде всего, с созданием системы компенсаций.

А именно, делегирование или закрепление полномочий за региональной и муниципальной уровнями публичной власти должно быть компенсировано увеличением собственных доходных источников соответствующих бюджетов, но при сохранении рамочного законодательного регулирования исполнения особо важных, экономически-стратегических делегируемых полномочий.

Политика федерального центра должна быть направлена на всесторонний учет интересов субъектов РФ и муниципальных образований при утверждении и проведении налоговых маневров, а не только ориентации на исполнение государственных обязательств [10].

В-четвертых, для решения проблемы в недоработанной системе стимулирования к наращиванию доходной базы соответствующего бюджета субъекта РФ, в точности, в не учете налоговой отдачи субъекта РФ при предоставлении межбюджетных трансфертов для стимулирования темпов социально-экономического развития субъектов РФ, необходимо введение ранжированного индекса среднего темпа роста показателя налоговой отдачи от субъекта РФ в сравнении с поступающими в бюджет региона безвозмездной финансовой помощи из федерального бюджета при проведении оценки темпов социально-экономического развития территорий.

Также необходимо сформировать фонды стимулирования субъектов РФ и муниципальных образований, которые достигли наилучших результатов в обеспечении наполняемости федерального, регионального и местного бюджетов налоговыми доходами. Данные фонды будут финансироваться из федерального бюджета.

Лидирующие места при этом заняли: Ненецкий автономный округ, Тамбовская, Ленинградская, Тульская области, Кабардино-Балкарская Республика, которые получили свыше 300 млн руб. Свыше 200 млн руб. получили Чукотский автономный округ, Сахалинская,

Липецкая области, Республики Мордовия, Саха (Якутия), Мурманская область, Республика Ингушетия, Санкт-Петербург, Республика Адыгея, Магаданская область. Свыше 100 млн руб. получили Камчатский край, Республика Татарстан, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Республика Марий Эл и Тверская область.

Как мы видим, Иркутская область не вошла в двадцатку субъектов, при всех конкурентных преимуществах.

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что оптимизация механизмов предоставления и расходования межбюджетных трансфертов на субфедеральном и внутрирегиональном уровнях власти Иркутской области является на сегодняшний день одним из актуальных направлений бюджетной политики РФ, при эффективной реализации которых происходит стимулирование соответствующих органов власти к всестороннему экономическому росту, результативному использованию предоставленных бюджетных средств, что приводит к росту социального спокойствия и повышению социальной привлекательности территории в целом [11].

А также это позволит обеспечить устойчивость доходной базы бюджета, станет побуждением к наращиванию собственного налогового потенциала, решит социальные проблемы в данной области межбюджетного взаимодействия, позволит сделать финансовый менеджмент действенным, а бюджетный процесс регионов – эффективным.

Таким образом, повышение социальной привлекательности территорий является одной из важнейших управленческих задач, стоящих перед местными органами власти. Социальная привлекательность территорий служит привлечению населения и повышению его социально-экономической активности, во многом обуславливает развитие экономики территории в целом, сбалансированность ее структуры, инвестиционную привлекательность, а также продолжительность жизни и уровень жизни населения и многие другие показатели.

Литература

1. Абрамчик Л. Я. Налоговое администрирование в системе финансового контроля / Л. Я. Абрамчик // Финансовое право. – 2005. – № 6. – С. 28–30.
2. Борисова Ю. В. Социально-ресурсное управление конкурентоспособностью территории (на материалах Иркутской области) : монография / Ю. В. Борисова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. – 163 с.
3. Борисова Ю.В. Влияние динамики предоставления межбюджетных трансфертов на субфедеральном и внутрирегиональном уровнях власти (на примере Иркутской области) / Ю.В. Борисова, Е.С. Беляева // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2019. – №45. – 120-134
4. Борисова Ю.В. Конструирование бренда территории в представлениях россиян / Ю.В. Борисова. Социология. – 2018. – №2. – С.97-103.
5. Борисова Ю.В. Правовые и социально-экономические проблемы территориального развития: налоговый аспект / Л. Н. Батянова, Ю. В. Борисова, Е. В. Чигрина, С. В. Корнакова // Baikal Research Journal. – 2017. – № 4.
6. Борисова Ю.В. Социальное партнерство: провозглашенный и реальный мир отечественного предпринимателя // Социология. 2013. - №4. – С. 28-45
7. Борисова Ю.В. Стратегическое развитие территории / Ю.В. Борисова. – Социология. – 2018. - №3. – С.87-93.
8. Заварзина Ю.В. Финансовый менеджмент в государственном и муниципальном секторах как инструмент развития территории (на материалах Иркутской области) (научная монография) / Ю.В. Заварзина. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. – 163 с.
9. Заварзина Ю.В., Батянова Л.Н., Москвитина Н.В. Социально-ресурсное обеспечение конкурентоспособности территории в пространстве сетевого взаимодействия / Ю.В. Заварзина, Л.Н. Батянова, Н.В. Москвитина // Социальная реальность виртуального

пространства. Материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет; Под общей редакцией О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, ИГУ, 2019. – С. 315-318.

10. Москвитина Н.В., Иванов Р.В., Заварзина Ю.В. Снижение трансфертной зависимости от федерального центра как экономико-психологический фактор стабилизации обстановки в регионе / Н.В.Москвитина, Р.В. Иванов, Ю.В.Заварзина // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины. Материалы Всероссийской научно - практической конференции с международным участием. Ответственные редакторы А.Д. Карнышев, В.А. Решетников. Иркутск, ИГУ, 2019. – С. 158-161.

11. Содномова С. К. Развитие налогового администрирования на современном этапе / С. К. Содномова, Е. В. Грошева // Изв. Иркут. гос. экон. акад. – 2017. – № 2. – С. 258–265.

12. Основы социального моделирования : учеб. пособие / О. А. Полюшкевич, Ю. В. Борисова, Л. Н. Батянова, Р. В. Иванов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. – 190 с.

13. Полюшкевич О. А. Общественный договор как инструмент консолидации общества / О. А. Полюшкевич // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. №9. С. 75-80.

14. Полюшкевич О. А. Социология управления: учеб. пособие / О. А. Полюшкевич. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. – 167 с.

Social modeling of economic processes in order to develop the social attractiveness of the territory

Zavarzina Yu.V.

Irkutsk State University

The article considers the features of social modeling of economic processes for the development of the attractiveness of the territory. An example of analysis is the territory of the Irkutsk region. It is proved that the resources of attractiveness through

economic processes regulate the socially attractive level of the region.

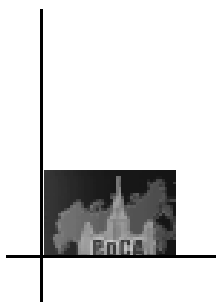
Keywords: social modeling, economic processes, attractiveness of the territory

References

1. Abramchik L. Ya. Tax administration in the system of financial control / L. Ya. Abramchik // Financial law. - 2005. - No. 6. - S. 28-30.
2. Borisova Yu. V. Socio-resource management of the competitiveness of the territory (based on materials from the Irkutsk region): monograph / Yu. V. Borisova. - Irkutsk: Publishing house of the ISU, 2018. -- 163 p.
3. Borisova Yu.V. The influence of the dynamics of the provision of intergovernmental transfers at the sub-federal and intra-regional levels of government (for example, Irkutsk region) / Yu.V. Borisova, E.S. Belyaev // Bulletin of Tomsk State University. Economy. - 2019. - No. 45. - 120-134
4. Borisova Yu.V. Designing a brand of territory in the views of the Russians / Yu.V. Borisov. Sociology. - 2018. - No. 2. - S.97-103.
5. Borisova Yu.V. Legal and socio-economic problems of territorial development: tax aspect / L. N. Batyanova, Yu. V. Borisova, E. V. Chigrina, S. V. Kornakova // Baikal Research Journal. - 2017. - No. 4.
6. Borisova Yu.V. Social partnership: the proclaimed and real world of the domestic entrepreneur // Sociology. 2013. - No. 4. - S. 28-45
7. Borisova Yu.V. Strategic development of the territory / Yu.V. Borisov. - Sociology. - 2018. - No. 3. - S.87-93.
8. Zavarzina Yu.V. Financial management in the state and municipal sectors as a tool for the development of the territory (based on materials from the Irkutsk region) (scientific monograph) / Yu.V. Zavarzin. - Irkutsk: Publishing house of the ISU, 2018. -- 163 p.
9. Zavarzina Yu.V., Batyanova L.N., Moskvitina N.V. Social and resource support of the competitiveness of the territory in the space of network interaction / Yu.V. Zavarzina, L.N. Batyanova, N.V. Moskvitina // Social reality of virtual space. Materials of the I International scientific-practical conference. Irkutsk State University; Under the general editorship of O. A. Polyushkevich, G. V. Druzhinin. Irkutsk, ISU, 2019. -- S. 315-318.
10. Moskvitina N.V., Ivanov R.V., Zavarzina Yu.V. Decrease in transfer dependence on the federal center as an economic and psychological factor of stabilization of the situation in the region / N.V. Moskvitina, R.V. Ivanov, Yu.V. Zavarzina // Interdisciplinary

- resources of economic psychology in the formation of ethnoregional identity and a positive image of a small homeland. Materials of the All-Russian scientific - practical conference with international participation. Responsible editors A.D. Karnyshev, V.A. Reshetnikov. Irkutsk, ISU, 2019 .-- S. 158-161.
11. Sodnomova S. K. Development of tax administration at the present stage / S. K. Sodnomova, E. V. Grosheva // Izv. Irkut state econ. Acad. - 2017. - No. 2. - S. 258–265.
 12. The basics of social modeling: textbook. manual / O. A. Polyushkevich, Yu. V. Borisova, L. N. Batyanova, R. V. Ivanov. - Irkutsk: Publishing house of the ISU, 2017 .- - 190 p.
 13. Polyushkevich O. A. Social contract as a tool for the consolidation of society / O. A. Polyushkevich // The science of man: humanitarian research. 2012. No9. S. 75-80.
 14. Polyushkevich O. A. Sociology of management: textbook. allowance / O. A. Polyushkevich. - Irkutsk: Publishing house Irkut. state University, 2013 .-- 167 p.

Роль символического капитала в формировании социокультурных ценностей современной молодежи России (на примере Иркутской области)

Загородний Валентин Дмитриевич
магистрант, Институт социальных наук,
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный уни-
верситет», lic-kric97@mail.ru

В данной работе представлены результаты социологического исследования на тему «Роль символического капитала в формировании социокультурных ценностей современной молодежи России (на примере Иркутской области)». Раскрыты основные теоретические предпосылки исследования с полным научным обоснованием. Были сформированы основные проблемы молодежной сферы региона, а также причины появления данных проблем. Описаны основные факторы формирования символического капитала молодежи и его влияние на социокультурные ценности, а также выявлены основные ценностные ориентации современной молодежи региона и показана их динамика в зависимости от их символического капитала.
Ключевые слова: социокультурные ценности, социальные нормы, символический капитал, молодежь, мировоззрение, статусные характеристики.

Современный мир можно охарактеризовать как эпоху социальных, культурных и экономических изменений, отражающихся во всех сферах жизнедеятельности человека. Особую роль эти изменения оказывают на нормы, принципы и ценности современной молодежи, которая является самой активной социальной группой. Стоит отметить, что молодое поколение с одной стороны является крайне нестабильной социальной группой, а с другой стороны пытается преодолеть барьер нестабильности путем формирования мировоззрения, поиска своего места в социуме, планированием своей собственной жизни, выбора профессии, хобби и своего окружения и т.д. Зимулина отмечает, что молодежь – «это та часть современного общества, которая еще формирует свою собственную систему ценностей, и эта система во многом зависит от того, что происходит вокруг – в обществе, в семье и в вузе в частности» [6, с. 67].

Исторический опыт свидетельствует: проблема ценностей всегда актуализировалась, ее постановка обострялась, приобретала широкое социальное и нравственное значение в сложные, переломные эпохи, когда культурные традиции обесценивались, прежние идеологические и этические устои общества подвергались дискриминации, начиналась поспешная их замена новыми идеалами и целями [2, с. 47].

Проблема формирования социокультурных ценностей современной молодежи носит междисциплинарный характер. В числе научных подходов, изучающих ценностные ориентации и социокультурные ценности молодежи, можно выделить следующие: струк-

турно-функциональный, социокультурный и полевой подходы. Особое место имеет социокультурный подход. Так как проблемы и основные специфики социокультурных ценностей современной молодежи во многом обусловлены состоянием социального окружения и общества в целом.

К ключевым проблемам формирования социокультурных ценностей современной молодежи относятся: межпоколенческий конфликт из-за смены социокультурного пространства в государстве; сложность дифференциации ценностей ориентаций современной молодежи, невозможность изучения внутренних факторов формирования социокультурных ценностей молодежи ввиду их закрытости; слабая корреляция между ценностными потребностями современной молодежи и имеющимся (доступными) полями для их удовлетворения.

В современных сложных условиях проявляются основные специфики формирования социокультурных ценностей современной молодежи, в числе которых социальный характер формирования ценностей молодежи, тесная связь социокультурных ценностей с культурным пространством, сложность регулирования социокультурных ценностей со стороны государства. Каждая из этих специфик носит как положительный, так и негативный характер, что напрямую отражается на всех социальных институтах государства.

Представляется важным отметить мнение экспертов, которые выделили следующие основные тенденции в вопросе социокультурных ценностей. Во-первых, эксперты считают, что социокультурные ценности современной молодежи значительно отличаются от социокультурных ценностей старшего поколения.

Во-вторых, эксперты считают, что тесное общение именно с родителями и друзьями способствуют формированию социокультурных ценностей у молодежи, поэтому при разработке данного

вопроса необходимо обращать именно на эти группы.

Анализ нормативно-правовых документов, связанных с молодежью, ее социокультурными ценностями и развитию молодежи в сфере культуры, можно сделать вывод, что законодательная база Российской Федерации не имеет четко установленную категориальную базу таких понятий как «ценности», «социокультурные ценности», «культурные ценности», которые необходимо транслировать современной молодежи. Отсутствует систематизация ценностей, которые необходимо прививать современной молодежи, а единственная выраженная ценность – любовь к своей Родине, то есть патриотизм.

Тем самым можно выделить следующие проблемы молодежной сферы в государстве и регионе:

1. Недостаточное финансирование молодежных программ;
2. Ограниченная грантовая поддержка талантливой молодежи;
3. Отсутствие областных молодежных центров;
4. Слаборазвитая коммуникация с муниципальными отделами по молодежной политике;
5. Высокая конкуренция между областными и муниципальными властями в сфере молодежной политики;
6. Бюрократизация и вертикальное подчинение федеральными властям в сфере молодежной политики;
7. Слаборазвитая система стимуляции молодежи в достижении статусных возможностей.

Говоря с позиции социолога, решение следующих проблем на государственном уровне позволит сориентировать молодежь на развитие в сферах присвоения статусных характеристик и культуры. В целом решение указанных задач в рамках ведомственной целевой программы позволит сократить разрыв между властными структурами и молодежью, снизить социальную напряженность в молодежной среде, развить социокультурный потенциал молодежи и

решить ключевые проблемы молодежной политики.

Символический капитал и символы в целом, являются в современном обществе неотъемлемой частью его жизнедеятельности, на основе которых формируются модели поведения человека, его выстраивание отношений с другими людьми или общностями. Особую роль эти понятия играют в жизнедеятельности молодежи в формировании мировоззрения, в планировании дальнейшей жизни, в выборе профессии, хобби, окружения, соответственно, для корректировки этих позиций необходимо создавать / улучшать инструменты, при помощи которых молодежь сможет конструктивно адекватно формировать свой символический капитал [3, с. 630]. Символический капитал и символ как понятие, обозначающее один из аспектов социального взаимодействия на эмоциональном/чувственном уровне, существует с самого начала осознанной жизнедеятельности человека. С появлением определенных жестов, языка, предметов власти/принадлежности к какой-либо социальной группе начинается активное усиление значения символов и символического капитала как совокупности статусных характеристик человека.

Символический капитал, – пишет Бурдьё, – «это доверие, это власть, представленная тем, кто получил достаточное признание» [1, с. 217]. Если рассуждать дальше над природой символического капитала, преломляя его в современных реалиях, то можно сказать, что символический капитал - это возможности, которыми обладает человек или сообщество в рамках общества, обусловленные некоторыми неэкономическими категориями, таких как: образование, престиж, честь, признание, власть, экспертное влияние, принадлежность к тому или иному сообществу, выгодные связи, репутация, внешность, кредит доверия, навыки речи, знаки высокого социального статуса и многое другое [4, с. 236]. Соответственно, символический капитал не экономическая

единица, а социальная, культурная, политическая, психологическая и эстетическая, поэтому можно утверждать об его особой значимости для современного человека, а в особенности для молодежи, ведь большинство видов капитала, в особенности экономического, для подавляющего большинства молодых людей находится в малой доступности.

Молодежь является самой активной социальной группой, находящаяся в переходном периоде, она обладает высокой социальной мобильностью, осваивает новые социальные роли (студент, работник, гражданин, родитель и т.д.) по причине изменения статуса, ищет место жительства и работы, ведет активную деятельность в социальных сетях и т.д., то есть проявляется социальную активность. Уровень данной активности напрямую зависит от количества и качества символического капитала, которым обладает человек. Интересно отметить тот факт, что символический капитал является сборным понятием, включающий в себя множество позиций, то и внутри данного капитала можно произвести дифференциацию и ранжирование статусных характеристик и выстроить систему различных категорий символического капитала по уровню значимости для молодежи или других социальных групп. Соответственно, обладание более значимыми статусными характеристиками ставит человека на более высокий уровень в социально-символической стратификации и дает ему возможность обладать более высоким уровнем символического капитала и многих других видов капитала.

Анализируя данные исследования, приведенные в таблице 1, видно, что большинство молодежи Иркутской области в возрасте от 18 до 30 лет считает, что символический капитал в достаточной степени влияет на жизнедеятельность молодежи («в значительной степени» - 28,5%, «в определенной степени» - 47,5%). Сравнивая результаты исследования, полученные во время опроса населения, с результатами экспертного

опроса, можно сказать, что отношение молодежи и экспертов в вопросе влияния символического капитала на жизнедеятельность отличается несильно.

Таблица 1
Распределение ответов на вопрос «Совокупность статусных характеристик образует символический капитал человека. На Ваш взгляд, в какой степени символический капитал оказывает влияние на жизнедеятельность молодежи?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Мнение населения		Мнение экспертов	
		Кол-во ответов	Доля, в %	Кол-во ответов	Доля, в %
1.	В значительной степени	87	28,5%	3	20,0%
2.	В определенной степени	145	47,5%	8	53,3%
3.	В некоторой степени	51	16,7%	2	13,3%
4.	Не оказывает влияния	5	1,6%	0	0%
5.	Затрудняюсь ответить	17	5,6%	2	13,3%
Всего		917	100,0%	15	100,0%

На формирование символического капитала человека влияет множество различных факторов, которые можно разделить на следующие категории: внутренние и внешние. Внутренние факторы - это те, которые исходят от самого человека и на которые в той или иной степени сам человек может повлиять. Если говорить об основных факторах формирования символического капитала молодежи, то к внутренним факторам можно отнести психические, физические, этнические в узком смысле (национальность человека), религиозные (принадлежность к какой-нибудь конфессии) и др. Внешние факторы подразумевают влияние окружающего мира на самого человека, на его способность и возможность формирования данного капитала. К ним можно отнести социальные, культурно-этнические, экономические, политические и семейные факторы [5, с. 318]. Условно, без учета

талантливости и девиации, можно вывести формулу формирования символического капитала человека:

$$\Delta f * \Delta F = S$$

f – Внутренние факторы;

F – Внешние факторы;

S – Символический капитал.

Использование институционального подхода в изучении динамики символического капитала позволяет раскрывать значимость каждого отдельного института на данный процесс (см. табл. 2).

Таблица 2
Распределение ответов на вопрос «Какие социальные институты преимущественно способствуют формированию символического капитала молодежи?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля, в %
1.	Семья	186	17,7%
2.	Образование	183	17,4%
3.	Социальные сети	110	10,4%
4.	Государство	107	10,2%
5.	Культура	95	9,0%
6.	Общественное мнение	83	7,9%
7.	Экономика	64	6,1%
8.	СМИ	59	5,6%
9.	Наука	40	3,8%
10.	Политика	28	2,7%
11.	Все вышеперечисленные	26	2,5%
12.	Религия	26	2,5%
13.	Затрудняюсь ответить	24	2,2%
14.	Общественный контроль	22	2,1%
Всего		1053	100,0%

Традиционные институты влияния на молодежь остаются на лидирующих позициях («семья» - 17,7%; «Образование» - 17,4%; «государство» - 10,2%; «культура» - 9,0%), однако, ввиду информатизации современного общества стоит обратить внимание на роль социальных сетей в формировании символического капитала (10,4%). Стоит также обратить внимание на тот факт, что «СМИ» (5,6%) и «общественный контроль» (2,1%) имеют минимальное значение в формировании символического капитала.

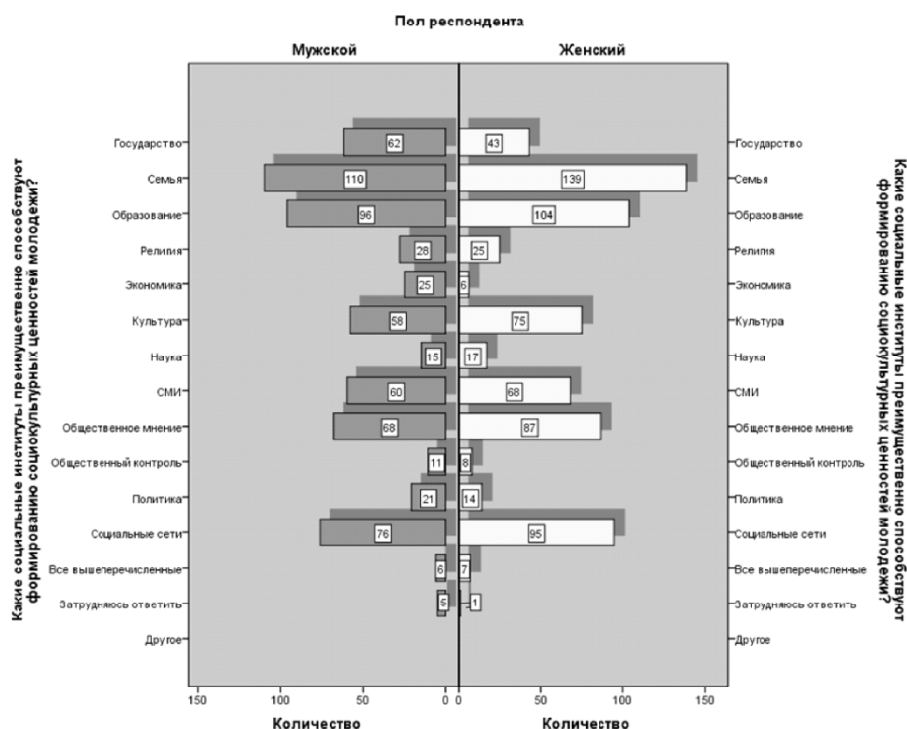

Рис. 1 Распределение ответов на вопрос: «Какие социальные институты преимущественно способствуют формированию социокультурных ценностей молодежи?» в зависимости от пола респондентов, в количестве

Таблица 3
Распределение ответов на вопрос «В какие сферы (поля) лично Вы включены и активно взаимодействуете в них?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля, в %
1.	Социальное поле	198	18,6%
2.	Образовательное поле	177	16,7%
3.	Семейное поле	145	13,6%
4.	Сетевые поля (социальные сети)	137	12,9%
5.	Культурное поле	105	9,9%
6.	Профессиональное поле	83	7,8%
7.	Общественное поле (некоммерческие общественные организации)	66	6,2%
8.	Научное поле	35	3,3%
9.	Политическое поле	32	3,0%
10.	Религиозное поле	30	2,8%
11.	Экономическое поле	23	2,2%
12.	Затрудняюсь ответить	16	1,5%
13.	Все вышеперечисленное	9	0,8%

14.	Поле общественного контроля	7	0,7%
Всего		1063	100,0 %

Если проводить корреляцию между институтами влияния на символический капитал и на социокультурные ценности (см. рис. 1), а также полями, в которые включена молодежь (см. табл. 3), то можно сказать, что молодежь включена в поля, на пространстве которых действуют традиционные социальные институты (образование, семья и культура). Особое значение также приобретает «сетевое поле» (12,9%). Две трети респондентов активно включены в социальное поле, в котором влияние на символический капитал молодежи в особом значении имеет окружение (агенты).

Таблица 4
Распределение ответов на вопрос «Включенность в какие группы может обеспечить присвоение символического капитала у Вас?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля, в %
1.	Родители и близкие родственники	84	27,5%
2.	Дальние родственники	3	1,0%
3.	Друзья	86	28,2%
4.	Коллеги/приятели	65	21,3%
5.	Знакомые	11	3,6%
	Затрудняюсь ответить	52	18,3%
Всего		917	100,0%

Анализ таблицы 4 показывает, что в социальном поле имеет особое влияние на молодежь помимо родителей и близких родственников (27,5%), то есть агенты семейного поля, друзья (28,2%) и коллеги / приятели (21,3%) оказывают достаточное влияние на молодежь в

процессе присвоения символического капитала. Можно выделить 2 основных канала присвоения символического капитала путем коммуникации с социумом: семья и внешнее окружение. Семья, в-первую очередь, является институтом первичной социализации личности, но с точки зрения количества и качества символического капитала вопрос стоит следующим образом: индивид может присвоить лишь то количество символического капитала, которым располагает семья. Например, если человек родился в семье среднего достатка, то он не сможет изначально присвоить такой символический капитал, как высокий социальный статус или высокий экономический капитал. Во-вторых, в данном контексте у индивида стоят ограничения, которые вводятся членами семьи, то есть если обращаться к вышеописанному примеру, члены семьи могут ограничить доступ к семейному экономическому капиталу.

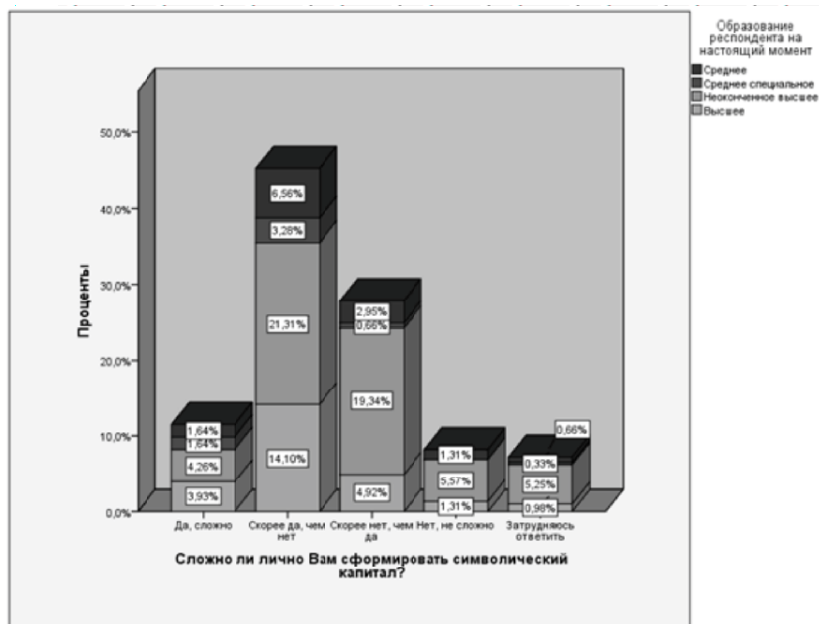

Рис. 2 Распределение ответов на вопрос: «Сложно ли лично Вам сформировать символический капитал?» в зависимости от уровня образования, в %

Внешнее окружение (друзья, коллеги, приятели) – это второй канал присвоения символического капитала. В случае семьи, процесс присвоения довольно понятен, однако в данном случае символический капитал может формироваться только путем активной коммуникации с внешней средой и положительной социальной активности самого индивида. Ведь при отсутствии этих двух условий индивид будет отчужден самим окружением, ведь он будет тормозить формирование группового символического капитала, а в отдельных случаях мешать или даже способствовать потере данного капитала. Именно поэтому вопрос сложности присвоения символического капитала является актуальным для современной молодежи России (см. рис. 2).

Возвращаясь к предмету настоящего исследования, необходимо оценить степени влияния символического

капитала на социокультурные ценности молодежи. Для исследования данного вопроса был разработан инновационный инструментарий на базе методики Ш. Шварца по изучению ценностных ориентаций индивида. За основу были взяты 10 основных укрупнённых человеческих социокультурных ценностей, а именно: власть / богатство; достижения; универсализм; благожелательность; традиции; конформность; безопасность; гедонизм; риск–новизна; самостоятельность. Данные социокультурные ценности были объединены в более крупные группы: самоутверждение; выход за пределы собственного «Я»; сохранение; открытость изменениям.

Были получены следующие результаты (см. табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Оцените степень схожести описанной личности с Вами?» - анализ по группам ценностей, в %

№ п/п	Вариант ответов	Очень похож на меня		Довольно похож на меня		Немного похож на меня		Не похож на меня		Всего		
		Кол. отв.	Доля в %	Кол. отв.	Доля в %	Кол. отв.	Доля в %	Кол. отв.	Доля в %	Кол. отв.	Доля в %	
1.	Самоутверждение	Власть / богатство	34	11,1%	111	36,4%	96	31,5%	64	21,0%	305	100,0%
2.		Достижения	82	26,9%	111	36,4%	78	25,6%	34	11,1%	305	100,0%
3.	Выход за пределы собственного «Я»	Универсализм	68	22,3%	94	30,8%	113	37,0%	30	9,8%	305	100,0%
4.		Благожелательность	122	40,0%	125	41,0%	45	14,8%	13	4,3%	305	100,0%
5.	Сохранение	Традиции	40	13,1%	79	25,9%	103	33,8%	83	27,2%	305	100,0%
6.		Конформность	93	30,5%	103	33,8%	75	24,6%	34	11,1%	305	100,0%
7.		Безопасность	96	31,5%	110	36,1%	69	22,6%	30	9,8%	305	100,0%
8.	Открытость изменениям	Гедонизм	90	29,5%	113	37,0%	78	25,6%	24	7,9%	305	100,0%
9.		Риск–новизна	68	22,3%	104	34,1%	93	30,5%	40	13,1%	305	100,0%
10.		Самостоятельность	134	43,9%	110	36,1%	48	15,7%	13	4,3%	305	100,0%

Анализ таблицы 5 показал, что самая главная ценность для молодежи Иркутской области является «самостоятельность» («очень похож на меня» - 43,9%, «довольно похож на меня» - 36,1%). Это

можно охарактеризовать именно спецификой данной социальной группы, ведь молодежь осваивает новые социальные роли и старается освободиться от влияния родителей, а также современные

условия, а именно мода на «демократию», усиливают значимость свободы и самостоятельность как основной социокультурной ценности. Интересно обратить внимание на тот факт, что значимость власть, богатства («очень похож на меня» - 11,1%, «довольно похож на меня» - 36,4%) и достижения («очень похож на

меня» - 26,9%, «довольно похож на меня» - 36,4%) находятся ниже, чем благожелательность («очень похож на меня» - 40,0%, «довольно похож на меня» - 41,0%), но имеют все-таки высокие показатели (см. рис 3) [5, с. 320].

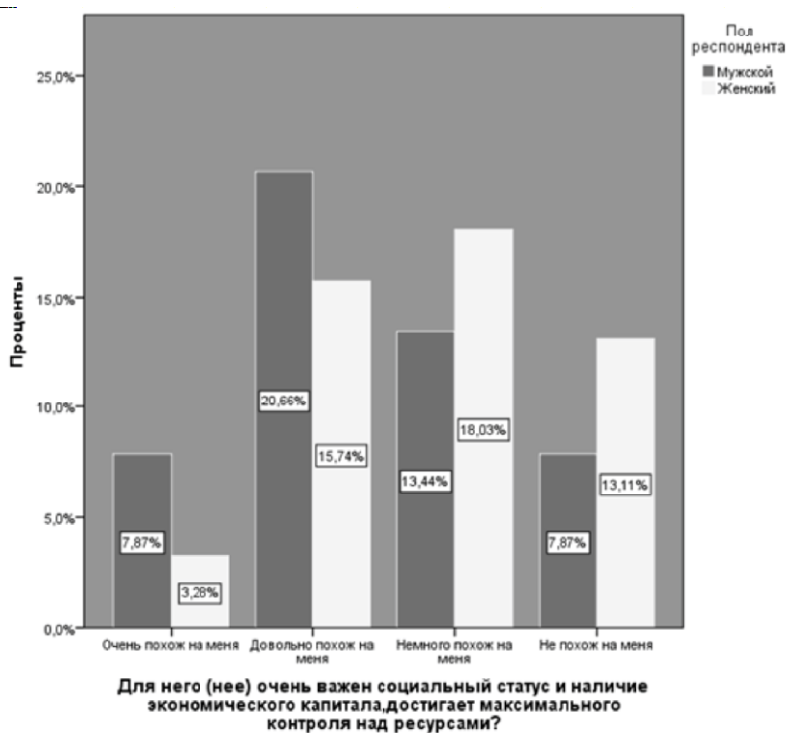

Рис.3 Распределение ответов на вопрос: «Для него (нее) очень важен социальный статус и наличие экономического капитала, достигает максимального контроля над ресурсами?» в зависимости от пола, в %

Это можно объяснить тем, что Россия находится на стыке западной и восточной культуры, а, как следствие, имеет уникальную социокультурную среду, поэтому, даже находясь на пути принятия молодежью западных ценностей (эгоцентризм, индивидуализм, значимость материальных ценностей и т.д.), у нее остается восточное восприятие окружающей действительности и ее значимость, как одной из ценностных ориентаций. Самая маловыраженная социокультурная цен-

ность среди молодежи является традиции («немного похож на меня» - 33,8%, «не похож на меня» - 27,2%). Это объясняется глобализацией, техническим прогрессом, информатизацией общества и переход в мультикультурное пространство, где национальная самобытность воспринимается как препятствие в процессе социализации.

Осталась лишь понять влияет символический капитал на социокультурные ценности, определить на какие именно и с каким эффектом (см. табл.

6). Это можно сделать путем корреляции таблицы 6 и таблицы 7, где можно

проанализировать изменения в каждой позиции.

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Оцените степень схожести описанной личности с Вами. Попробуйте вспомнить периоды, когда Вы имели низкий и высокий символический капитал для себя?» - анализ по группам ценностей, в %

№ п/п	Вариант ответов		Очень похож на меня		Довольно похож на меня		Немного похож на меня		Не похож на меня		Всего	
			Кол. отв.	Доля в %	Кол. отв.	Доля в %	Кол. отв.	Доля в %	Кол. отв.	Доля в %	Кол. отв.	Доля в %
1.	Самоутверждение	Власть / богатство	52	17,0	92	30,2	89	29,2	72	23,6	305	100,0 %
2.		Достижения	70	23,0	108	35,4	86	28,2	41	13,4	305	100,0 %
3.	Выход за пределы собственности	Универсализм	43	14,1	121	39,7	97	31,8	44	14,4	305	100,0 %
4.		Благожелательность	84	27,5	136	44,6	59	19,3	26	8,5	305	100,0 %
5.	Сохранение	Традиции	33	10,8	97	31,8	91	29,8	84	27,5	305	100,0 %
6.		Конформность	66	21,6	115	37,7	84	27,5	40	13,1	305	100,0 %
7.		Безопасность	72	23,6	127	41,6	72	23,6	34	11,1	305	100,0 %
8.	Открытость изменениям	Гедонизм	67	22,0	92	30,2	100	32,8	46	15,1	305	100,0 %
9.		Риск-овизна	60	19,7	108	35,4	82	26,9	55	18,0	305	100,0 %
10.		Самостоятельность	104	34,1	101	33,1	69	22,6	31	10,2	305	100,0 %

Анализ таблицы 6 и 7 показывает, что при увеличении символического капитала происходит динамика социокультурных ценностей. Происходит резкое отрицательное изменение благожелательности как социокультурной ценностей присущей молодежи. Благожелательность в первом случаи («очень похож на меня» - 40,0%, «довольно похож на меня» - 41,0%, «немного поход на меня» - 14,8%, «не поход на меня» - 4,3%), благожелательность после увеличения символического капитала («очень похож на меня» - 27,5%, «довольно похож на меня» - 41,0%, «немного поход на меня» - 19,3%, «не поход на меня» - 8,5%). То есть можно утверждать, что символический капитал отрицательно влияет на сохранение и повышение благополучия людей, с которыми он часто общается (семья и друзья), соответственно, индивидуальное

благополучие становится более приоритетным. Незначительная отрицательная динамика видна по многим социокультурным ценностям.

Власть и богатство: («очень похож на меня» - 11,1%, «довольно похож на меня» - 36,4%); во втором случаи («очень похож на меня» - 17,0%, «довольно похож на меня» - 30,2%). Достижения: в первом случаи («очень похож на меня» - 26,9%, «довольно похож на меня» - 36,4%); во втором случаи («очень похож на меня» - 23,0%, «довольно похож на меня» - 35,4%). Данные изменения говорят о том, что при достаточном накоплении символического капитала значимость достижений новых высот или присвоения ещё большего количество ресурсом начинает немного повышаться или находится на том же уровне.

Универсализм («очень похож на меня» - 22,3%, «довольно похож на

меня» - 30,8%); во втором случаи («очень похож на меня» - 14,1%, «довольно похож на меня» - 39,7%,). Динамика данной социокультурной ценности говорит о снижении уровня общей толерантности ко всем окружающим, а также о спаде желаниа защищать всех людей и окружающую природу.

Традиции («очень похож на меня» - 13,1%, «довольно похож на меня» - 25,9%); во втором случаи («очень похож на меня» - 10,8%, «довольно похож на меня» - 31,8%). Безопасность («очень похож на меня» - 31,5%, «довольно похож на меня» - 36,5%); во втором случаи («очень похож на меня» - 23,6%, «довольно похож на меня» - 41,6%). Отрицательная динамика данного показателя говорит о снижении роли значимости традиций и обычаев, исходящих из традиционной культуры и религии. Также снижается важность безопасности и стабильности общества в целом.

Конформность («очень похож на меня» - 30,5%, «довольно похож на меня» - 33,8%); во втором случаи («очень похож на меня» - 21,6%, «довольно похож на меня» - 37,7%). Понижение значимости данной социокультурной ценности говорит о том, что человек начинает меньше избегать ситуаций, в которых он может навредить другим людям или нарушить общественные нормы. Это говорит о повышении значимости своих интересов, своего собственного «Я».

Понижение значимости гедонизма, риска и самостоятельности говорит о том, что молодежь в условиях повышения символического капитала становится более сдержанной, то есть собственное чувственное удовольствие и поиска рисков, новизны сменяется размеренным жизненным циклом. Самостоятельность молодежи как социокультурная ценность присущая максималистам сменяется на независимость взрослого человека.

В проведенном исследовании были выявлены основные статусные характеристики молодежи Иркутской области, которые оставляют ее символический капитал (см. табл. 7).

Таблица 7
Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какими статусными характеристиками Вы обладаете на сегодняшний день?», в %

№ п/п	Вариант ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1.	Наличие надпрофессиональных навыков (навыки речи, организация собственного времени, лидерство, эмпатия и т.д.)	149	18,7%
2.	Высокий уровень образования / наличие профессиональных навыков	82	10,3%
3.	Принадлежность к статусным социальным группам/сообществам	74	9,3%
4.	Наличие выгодных связей	69	8,7%
5.	Репутация / престижность индивида	61	7,7%
6.	Наличие профессиональных навыков	59	7,4%
7.	Затрудняюсь ответить	57	7,2%
8.	Кредит доверия к индивиду	53	6,7%
9.	Статусный внешний вид	49	6,2%
10.	Признание личных достижений представителями статусных групп	41	5,2%
11.	Экспертное влияние (важность авторитетного мнения для окружающих)	41	5,2%
12.	Доступность к реализации властных полномочий в разных сферах	28	3,5%
13.	Экономический капитал	17	2,1%
14.	Принадлежность к элите (политической, экономической, региональной и т.д.)	10	1,3%
15.	Знаки высокого социального статуса («Народный артист России», «Заслуженный деятель культуры» и т.д.)	5	0,6%
	Всего	795	0,0%

Анализ таблицы 7 показывает, что самыми распространенными статусными характеристиками, которыми обладает молодежь, являются следующие

щие характеристики: наличие надпрофессиональных навыков (19,0%), высокий уровень образования / наличие профессиональных навыков (16,7%), принадлежность к статусным социальным группам/сообществам (16,7%), наличие выгодных связей (9,5%). Примечательно для данного вопроса тот факт, что на него было получено 4,8% ответов «Затрудняюсь ответить», что говорит о том, что определенный процент молодежи плохо ориентируется и разбирается в своих статусных характеристиках. Самый нераспространенной статусной характеристикой является знаки высшего социального статуса (0,6%).

Подводя итоги исследования, стоит отметить, что при увеличении символического капитала у молодежи значительнее становятся следующие социокультурные ценности: индивидуализм, эгоцентризм, внутренняя гармония, влияние, самоуважение, самодисциплина, право на уединение, сдержанность.

Стоит отметить, что уровень следующих ценностей: мудрость, вежливость, социальный порядок, уважение мнения других, истинная дружба и честность не является нулевым, соответственно, происходит лишь синергия данных видов ценностей. А при должном влиянии социального окружения, семьи, системы образования, государства возможно достичь должного уровня нравственной ориентации молодежи, которая в базисе будет иметь положительные для общества ценности с ориентацией на саморазвитие и финансовое благосостояние. Соответственно, если выработать систему воспитания и образования с ориентацией на положительные для общества ценности, а впоследствии, внедрить в нее систему постепенного присвоения символического капитала путем предоставления возможностей со стороны государства, бизнес-сообществ и некоммерческих организаций, то возможно положительное воздействие на молодежь и перспективное развитие региона, государства в целом.

Литература

1. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя, М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001, — 562 с.
2. Гришина Н. В. Ценности студенческой молодежи: к открытости изменениям // Вестник практической психологии образования. - №4. - 2010. — С. 44–51.
3. Загородний В. Д. Неравенство стартовых возможностей в молодежной среде как проблема формирования символического капитала молодежи // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2018»: Сборник материалов. – М.: МАКС Пресс, 2018. – С. 630-631
4. Загородний В. Д. Роль символа в системе символического капитала молодежи // Социальный опыт комсомола и его значение для модернизации России: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред.: Т. И. Грабелных, В. А. Решетников]. – Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2018. – С. 235-237
5. Загородний В. Д., Грицких Н. В. Социокультурные ценности и символический капитал как взаимосвязанные факторы формирования групповой идентичности с малой родиной у молодежи // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины : материалы Всерос. Науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск. 27-30 июня 2019 г. / [отв. Ред.: А. Д. Карнышев, В. А. Решетников] ; ФГБОУ ВО «ИГУ». – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – С. 315-321
6. Зимулина Г.Д. Проблема формирования ценностных ориентаций современной студенческой молодежи // Психология, социология и педагогика, № 4, 2015, С. 67.
7. Назарова А. Ш. Роль социокультурных ценностей в формировании личности. - Казань : Школа, 2004. — 163 с.

Role of symbolic capital in formation of sociocultural values of modern youth of Russia (on the example of the Irkutsk region)

Zagorodniy V. D.

Irkutsk State University

This work presents the results of a sociological study on the Role of Symbolic Capital in the Formation of Sociocultural Values of Modern Youth of Russia (on the example of the Irkutsk Region). The main theoretical prerequisites of the study with full scientific justification are disclosed. The main problems of the youth sphere of the region were formed, as well as the reasons for these problems. The main factors of formation of symbolic capital of youth and its influence on sociocultural values are described, as well as the main value orientations of modern youth of the region are revealed and their dynamics depending on their symbolic capital are shown.

Key words: sociocultural values, social norms, symbolic capital, youth, worldview, status characteristics.

References

1. Bourdieu P. Practical meaning / Transl. with fr .: A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko; Repl. ed. trans. and after. ON THE. Shmatko. - SPb .: Aleteyya, M .: "Institute of Experimental Sociology", 2001, - 562 p.
2. Grishina N.V. Values of students: towards openness to change // Bulletin of the practical psychology of education. - No. 4. - 2010. - S. 44-51.
3. Zagorodni VD Inequality of starting opportunities in the youth environment as a problem of forming the symbolic capital of youth // Social injustice in the sociological dimension: challenges of the modern world: XII International Scientific Conference "Sorokin Readings - 2018": Proceedings. - M .: MAKS Press, 2018 .-- S. 630-631
4. Zagorodni VD. The role of the symbol in the system of symbolic capital of youth // The social experience of the Komsomol and its significance for the modernization of Russia: collection of articles. scientific tr / FSBEI HE "IGU"; [scientific Ed .: T. I. Grabelnykh, V. A. Reshetnikov]. - Irkutsk: Publishing house "Ottisk", 2018. - S. 235-237
5. Zagorodni VD, Gritskikh N.V. Sociocultural values and symbolic capital as interrelated factors in the formation of group identity with a small homeland among young people // Interdisciplinary resources of economic psychology in the formation of ethnoregional identity and a positive image of a small homeland: All-Russian materials. Scientific Pract. conf. from the international participation. Irkuts. June 27-30, 2019 / [open. Ed .: A. D. Karnyshev, V. A. Reshetnikov]; FSBEI HE "IGU". - Irkutsk: Publishing house of the ISU, 2019 .-- S. 315-321
6. Zimulina G.D. The problem of the formation of value orientations of modern student youth // Psychology, Sociology and Pedagogy, No. 4, 2015, S. 67.
7. Nazarova A. Sh. The role of sociocultural values in the formation of personality. - Kazan: School, 2004 .-- 163 p.

Социологическая диагностика внутрисистемных процессов в высших военных учебных заведениях

Истомина Ксения Викторовна
преподаватель, Военный Университет МО
РФ, kvistom@yandex.ru

В статье определяются основные направления совершенствования процесса социального управления качеством высшего военного образования на основе анализа и всесторонней оценки внутривузовских процессов. Сквозь призму оценок и мнений субъектов высшего военного образования была дана оценка функциональности внутривузовских процессов, обеспечивающих профессиональную подготовку и всестороннее развитие личности будущего офицера, а также обозначены проблемные аспекты функционирования внутривузовских процессов в современном военном вузе.

Ключевые слова: высшее военное образование, качество высшего военного образования, социальное управление качеством высшего военного образования, проблемные зоны функционирования внутривузовских процессов, внутривузовские процессы.

Качество результатов преломляется сквозь призму качества процессов ВВУЗа. Оценка качества процессов (учебно-воспитательного, научного, социокультурного) позволяет выйти затем на уровень обеспечения, то есть диагностировать функциональность системы обеспечения ВВУЗа [1]. Основной задачей, данной исследования, будет являться определение основных направлений совершенствования процесса социального управления качеством высшего военного образования на основе анализа и всесторонней оценки внутривузовских процессов [2].

Также в ходе исследования сквозь призму оценок и мнений субъектов высшего военного образования была дана оценка функциональности внутривузовских процессов, обеспечивающих профессиональную подготовку и всестороннее развитие личности будущего офицера, а также обозначить проблемные аспекты функционирования внутривузовских процессов в современном военном вузе.

Качество результатов преломляется сквозь призму качества процессов ВВУЗа. Оценка качества процессов (учебно-воспитательного, научного, социокультурного) позволяет выйти затем на уровень обеспечения, то есть диагностировать функциональность системы обеспечения ВВУЗа.

Одним из важных показателей функциональности учебно-воспитательного процесса в ВВУЗе выступает его практико-ориентированность. По результатам опроса руководителей, а также и преподавателей, менее половины всех занятий составляют практические занятия. Так, 24% опрошенных преподавателей указали на то, что практические занятия составляют более половины всего фонда занятий, 65% отметили,

что практические занятия составляют менее половины, 9% не знакомы с ситуацией. Мнения обучаемых практически совпадают с мнением преподавателей. Таким образом, доля практических занятий в общем объеме занятий составляет менее половины, что свидетельствует о недостаточной практической ориентации образовательного процесса в современном ВВУЗе.

Далее было проанализировано использование инновационных технологий в образовательном процессе. По мнению руководителей, в образовательном процессе используются, в основном, такие инновационные технологии как активное обучение; практически слабо используются, судя по оценкам руководителей, игровые методы обучения, модульное обучение, проблемное обучение. Положительный факт, большинство преподавателей использует инновационные технологии. По оценкам преподавателей, наиболее широко в учебном процессе применяются также активные технологии обучения (отметили 64%), гораздо менее используются игровые методы обучения (17%), технологии модульного обучения (9%), технологии проблемного обучения (9%). Только менее 4% опрошенных преподавателей ответили, что не используют никаких инновационных технологий.

Формирование личностной активности обучаемых детерминировано использованием активных форм занятий. Активные формы занятий способствуют выявлению и развитию качеств личности, которые затем служат основой ее социальной и гражданской активности. Среди активных методов обучения преподаватели используют такие как семинар (86%), деловая/ролевая игра (31%), групповые дискуссии, диспуты (34%). Гораздо менее практикуются обучаемыми такие формы занятий как круглый стол (9%), экскурсия (9%), проектная работа (8%), написание эссе (18%), мастер-класс, тренинг (8%). По оценкам преподавателей, указанные формы занятий используются ими не чаще одного-двух раз в неделю. Таким образом,

степень использования активных форм занятий среди преподавателей недостаточно высока; чаще преобладают более традиционные формы – семинар, дискуссии, нежели инновационные (игровые методы, проектная работа, т.д.).

Сами обучаемые подтверждают данный факт: на вопрос «Используются ли и как часто в процессе обучения такие активные методы как дискуссии, проектная работа, работа в малых группах, деловая игра?» только 2% указали, что данные методы используются почти каждый день; 10% отметили, что используются 2-3 раза в неделю, 18% – несколько раз в месяц, 35% отметили вариант «редко», 30% указали на то, что практически не используются. Далее, 2% обучаемых указали на то, что в процессе обучения 2-3 раза в неделю преподавателями используются такие формы активизации обучения как проблемная лекция, лекция-дискуссия, диспут/дискуссия, используются несколько раз в месяц – 4%, используются, но редко – 13%, практически не используются – 71%. Таким образом, обучаемые утверждают, что занятия в форме игр, диспутов, дискуссий у них проходят редко. Достаточно мало, по оценкам самих преподавателей, используются написание эссе, тренинги и мастер-классы. Приведенные данные указывают на крайне невысокую степень использования преподавателями различных форм активизации процесса обучения через использование различных инновационных технологий.

Использование активных форм занятий в высшей военной школе составляет, в среднем, от 20 до 50%; до половины обучаемых отмечают, что активные формы слабо практикуются преподавателями; кроме того, низкая доля ответивших среди обучаемых свидетельствует о том, что они слабо знакомы с активными формами проведения занятий и затрудняются дать четкую оценку. Активные формы занятий способствуют установлению более тесных связей преподавателей и обучаемых, позволяют индивидуализировать процесс обучения.

Как показали исследования, довольно слабо в высшей военной школе практикуются интерактивные формы занятий – проблемные лекции, лекции-дискуссии, деловые игры, тренинги, что снижает потенциал использования активности обучаемых. Интерактивные формы обучения подразумевают под собой определенный способ познания, осуществляемый в совместной деятельности и позволяющий развить субъект-субъектные отношения через решение теоретических и практических проблем, то есть развивается ситуация делового сотрудничества (П.Д. Гаджиева) [3].

Проанализируем воспитательные компоненты в образовательном процессе. В этой связи особую важность приобретает развитие патриотизма и патриотического мировоззрения у обучаемых. Патриотический компонент воспитания личности будущего офицера представляет собой сегодня проблемное звено на этапе оценки результатов военного образования. Обучаемые не вполне четко представляют себе сам смысл патриотизма, а руководители и преподаватели отмечают недостаточность патриотической подготовки современного выпускника-офицера при крайней важности наличия у него данного качества. Руководителям и преподавателям был задан вопрос о формах военно-патриотического воспитания обучаемых в современном ВВУЗе, – как в ходе обучающих занятий, так и в виде отдельных мероприятий. Руководители отметили, что *«практически все учебные занятия содержат элементы военно-патриотического воспитания»* (Интервью 7), военно-патриотическое воспитание проводится *«с помощью военно-патриотической атрибутики»* (Интервью 8), *«исполнения гимна Российской Федерации, ношения военной формы»* (Интервью 1), *«проведения военных сборов, военных игр»* (Интервью 3), *«воспитания на истории России, тесной связи с Вооруженными Силами»* (Интервью 10), *«военно-спор-*

тивных игр» (Интервью 2), *«уроки истории в форме дискуссий»* (Интервью 9), *«военно-тактические игры»* (Интервью 12); преподаватели отмечали примерно то же, добавляя *«морально-нравственное воспитание»*, *«героико-патриотическое воспитание»*, *«общефизическую подготовку»*, *«формирование нравственности»*, *«воспитание духовности, гражданской позиции»*. Отмечено также, что в процессе занятий воспитывается *«правовая культура, активная жизненная позиция»*, *«формируется толерантность»*. Таким образом, спектр форм и методов воспитания патриотизма у обучаемых достаточно широк; он включает в себя как органично встроенные в сам процесс обучения воспитательные элементы, так и специально организованные мероприятия. Положительно также, что преподаватели включают в смысл патриотического воспитания компоненты права, нравственности, проводят тесную связь с общекультурным воспитанием и физической подготовкой. Вместе с тем, на наш взгляд, в приведенных высказываниях все же недостаточно четко выражены именно используемые формы и методы ведения воспитательной работы, что создает впечатление, что сами руководители и преподаватели не вполне четко представляют себе данные вопросы.

Отдельными мероприятиями, по оценкам руководителей, организованными с целью патриотического воспитания, служат *«встречи с ветеранами»* (Интервью 5), *«посещение музеев, изучение истории РФ»* (Интервью 2), *«уроки мужества»* (Интервью 11), по мнению преподавателей – *«знакомство с историей страны и с гражданской символикой»*, *«проведение тематических лекториев по ликвидации правовой безграмотности»*, *«встречи и круглые столы с выдающимися военными»*. Важным направлением военно-патриотического воспитания является социальное партнерство с военными и внутриведомственными организаци-

ями, в рамках которых, по оценкам руководителей, *«организуются встречи с военными специалистами»* (Интервью 6), *«ведется спортивная подготовка»* (Интервью 3). Например, организуется *«полевая стрельба, летние палаточные лагеря патриотической направленности «Десантник»* (Интервью 9), *«проводятся семинары, лекции и беседы»* (Интервью 10), *«организуется музей Боевой славы»* (Интервью 11), *«организуются спортивные соревнования, спартакиады по военно-прикладным видам спорта»* (Интервью 1). Кроме того, отдельные руководители отмечали факт приглашения на учебные занятия представителей ведомственных МО РФ организаций, общественных организаций - ДОСААФ и ВДВ, парашютного, конного и других военно-спортивных клубов. Приглашенные специалисты *«проводят занятия в форме бесед, лекториев, круглых столов и мастер-классов»* (Интервью 5) с военно-патриотической тематикой.

Таким образом, анализ высказываний руководителей ВВУЗов позволяет говорить о достаточно плотно организованной работе в рамках социального партнерства по военно-патриотическому воспитанию обучаемых; вместе с тем, патриотическое воспитание в ходе учебных занятий организовано недостаточно хорошо, что видно из высказываний преподавателей, а также следует из невысокой доли преподавателей, ответивших на предложенный вопрос (ответили только 34%). Между тем, военно-патриотическое воспитание, органично включенное в учебный процесс не только в виде специальных мероприятий, но и в виде логичных между предметных связей, отдельных смысловых блоков в преподаваемых дисциплинах и т.д., на наш взгляд, могло бы сильно повлиять на повышение уровня сформированности патриотизма у выпускников ВВУЗов.

Между тем, научная ориентированность высшего военного образования только тогда имеет положительный эффект,

если в стенах ВВУЗов стимулируется научная активность обучаемых, и имеется связь между научными разработками, научными школами и фундаментальными исследованиями, с одной стороны, и практической реализацией результатов научных исследований, передачей научной «эстафеты» обучаемым, - с другой стороны. В этой связи, следует сделать акцент на уровне вовлеченности обучаемых в данный процесс.

Далее проанализируем включенность обучаемых ВВУЗов в различные мероприятия. По мнению руководителей, с обучаемыми часто проводятся военно-патриотические и военно-спортивные игры/турниры, походы, военно-полевые мероприятия, сборы; иногда, менее часто - дискуссии на тему формирования здорового образа жизни; редко - литературно-художественные/музыкальные вечера, творческие вечера самодельности, экскурсии в историю с приглашением специалистов-историков. Мнения преподавателей схожи с мнением руководителей, - наиболее частыми мероприятиями в их ВВУЗах являются военно-патриотические и военно-спортивные игры/турниры, походы, военно-полевые мероприятия, сборы.

Обобщая мнения всех субъектов высшего военного образования, участвующих в образовательном процессе, можно заключить, что с обучаемыми достаточно часто проводятся мероприятия непосредственно военно-патриотической тематики и направленности; кроме того, проводятся и мероприятия по формированию здорового образа жизни. Вместе с тем, стоит отметить, что мероприятия иной направленности проводятся довольно редко или не проводятся вообще. В ряде ВВУЗов частота проведения указанных мероприятий различна. Практически редко проводятся с обучаемыми мероприятия, позволяющие развивать кругозор, общекультурной направленности, - в частности, на исторические темы, с приглаше-

нием специалистов, имеющих отношение к истории, а также литературно-художественные/музыкальные вечера. Данный фактор ограничивает развитие патриотического мировоззрения и сужает возможности общекультурного развития личности будущего офицера.

Следующий аспект – наличие системы контроля качества образования. Оценивая результаты исследования, можно зафиксировать, что контроль качества образования в современной высшей военной школе не имеет четкой системы. По сути, существуют отдельные ее элементы, в виде контроля результатов, то есть уровневой подготовки обучаемых и выпускников через систему тестирования, экзаменов и защит квалификационных работ. Руководители отметили, что формами контроля качества образования служат *«тестирование»* (отметили почти все опрошенные руководители), *«контрольные работы»*, *«мониторинг качества»*, *«рейтинговая система оценки»*, *«защита выпускных квалификационных работ»*, *«экзамены»*. Приведенные формулировки позволяют говорить о том, что, по сути, отсутствует какая-либо единая модель контроля качества, равно как и единое понимание сущности оценки качества образования. Так, указанный «мониторинг» не конкретизирован через какие-либо индикаторы, то есть руководители не поясняют, в чем именно заключается мониторинг. В основном, контроль качества образования сводится к оценке результатов подготовки обучаемых и выпускников. Это вполне может свидетельствовать о том, что в обследованных учреждениях отсутствует системная работа в области контроля качества.

Наконец, еще одним аспектом анализа качества процессов служит оценка использования в образовательном процессе педагогических технологий, отражающих личностно-ориентированный подход, поскольку это позволяет оценить индивидуализацию процесса обучения. По мнению руководителей ВВУ-

Зов (были предложены конкретные варианты ответов), в учебно-воспитательном процессе используются такие как рейтинговая система оценки знаний (максимальное число ответов), обучение на различных уровнях, использование метода проектов, ведение персональных баз данных (данные варианты указала примерно половина руководителей), формирование портфолио обучающихся, игровое обучение с подбором учащихся на различные роли, реализация обучения в сотрудничестве (данные варианты указала треть опрошенных руководителей), программированное обучение, проблемное обучение, концентрированное обучение (1-2 руководителя). Таким образом, среди личностно-ориентированных технологий более всего практикуются в ВВУЗах рейтинговая система обучения, а также обучение на различных уровнях, использование метода проектов, ведение персональных баз данных. Можно сделать вывод о том, что индивидуализация процесса обучения находится на среднем уровне.

Итак, резюмируя проведенный анализ качества внутри ВВУЗовских процессов, можно сделать заключение о том, что их функциональность может быть обозначена как средняя, имеющая определенные резервы. В большинстве вузов работа строится традиционных формах и методах обучения и воспитания, недостаточной долей практической составляющей, слабым использованием инновационных форм и методов активизации процесса обучения и стимулирования активности самих обучаемых. Вместе с тем, в отдельных вузах ситуация иная: практикуются различные способы стимулирования инноваций, в форме поощрения преподавателей и обучаемых за выдвижение новых идей, участие в научной работе. В целом и целом, можно констатировать, что учебно-воспитательный процесс в военных вузах недостаточно направлен на всестороннее развитие личности будущего офицера, акцентируется в боль-

шей степени именно общепрофессиональная компонента подготовки. Не достаточно делается упор на развитие личностной активности обучаемых, их вовлечение в научную, экологическую, волонтерскую, культурную деятельность, что, безусловно, составляет резервы современного военного вуза в подготовке всесторонне развитой и эрудированной личности современного офицера, обладающего критически мыслением и самостоятельной жизненной позицией, а также определенными социальными навыками. На наш взгляд, оптимизацию внутри ВВУЗовских процессов возможно проводить лишь на основе современной институциональной среды, функционирующей в высшей военной школе. В этой связи, анализ институциональной среды выступает следующим аспектом анализа.

Литература

1. Бондаренко В.Ф. Социология военного управления. Ч. 2. М.: изд-во Московского гуманитарного университета, 2013;
2. Давыдов Д. А. Управление морально-психологическим климатом воинского коллектива. Пути предупреждения и разрешения конфликтов. // Ориентир, 2009. № 3;
3. Гаджиева П.Д. Интерактивное обучение как современное направление активизации познавательной деятельности обучающихся // Инновации в образовании. - 2012. - №10. - С.7.

Teacher of the Department of sociology of the military University of the Russian defense Ministry

Istomina K.V.

Military University of the Russian defense Ministry

The article defines the main directions for improving the process of social management of the quality of higher military education based on the analysis and comprehensive assessment of intra-University processes. Through the prism of opinions of subjects of higher military education was given to evaluating the functionality of internal processes, providing training and comprehensive development of personality of future officer and outline the problematic aspects of the functioning of University processes in the modern military University.

Keywords: higher military education, quality of higher military education, social management of the quality of higher military education, problem areas of functioning of intra-University processes, intra-University processes.

References

1. Bondarenko V.F. Sociology of military administration. Part 2. M: publishing house of the Moscow University for the Humanities, 2013;
2. Davydov D. A. Management of the moral and psychological climate of the military team. Ways to prevent and resolve conflicts. // Landmark, 2009. No. 3;
3. Gadzhieva P.D. Interactive learning as a modern direction of activating cognitive activity of students // Innovations in education. - 2012. - No. 10. - С.7.

Перспективы обмена опытом России и Китая в области государственного управления процессом старения населения

Ли Чжунюань,
аспирант, кафедра социологии и специальность, Московский государственный институт международных отношений (Университета) МИД России, nzm8628@mail.ru

Статья посвящена проблеме сотрудничества и обмена опытом России и Китая в сфере государственного управления процессом старения населения. Показано, что старение населения имеет свои положительные и отрицательные последствия. Поиск эффективных мер государственного управления в преодолении отрицательных последствий старения населения обуславливают актуальность международного сотрудничества в области обмена опытом по внедрению положительного опыта государственного управления процессом старения населения. Показано, что в КНР вследствие проводимой в стране политики ограничения рождаемости, прогнозируется высокие темпы роста пожилого населения. Это потребовало изменить вектор демографической политики КНР от политики однодетности к двухдетности, которая не дала необходимые результаты. Представлен продуктивный опыт демографической политики России в области стимулирования рождаемости и укрепления семьи. Поставлена проблема пенсионной реформы в Китае и России как метода управления старения населения. Показана необходимость сотрудничества КНР и России в сфере реализации программ активного долголетия пожилых людей.

Ключевые слова: старение населения, пенсионная реформа, активное долголетие, государственная политика.

Проблема управления процессом старения населения является актуальной в сфере государственного управления многих стран в связи с тем, что на протяжении последних десятилетий в большинстве стран мира, в том числе в России и Китае, наблюдается процесс демографического старения населения. К стареющему обществу относится общество, в котором по демографическому составу 10% населения от общей численности населения старше 60 лет [7].

Увеличение средней продолжительности жизни людей и сокращение рождаемости, связанные с этим процессы демографического старения населения имеют такие отрицательные последствия, как нехватка трудовых ресурсов, рост уровня бедности населения, дефицит бюджетов административно-территориальных образований, увеличение социальной напряженности и восприимчивости населения к негативным политическим воздействиям. Данные факты обуславливают актуальность международного сотрудничества в области обмена опытом эффективных форм государственного управления процессом старения населения, их анализа с точки зрения возможностей использования в практике государственного управления с учетом социокультурных, социально-политических и социально-экономических особенностей Китая и России.

Проблема старения населения особенно актуальная в КНР вследствие проводимой в стране политики ограничения рождаемости, которая реализовывалась на протяжении нескольких десятилетий. В настоящее время прогнозируется, что в КНР к 2050 году будет высокая доля и темпы роста населения в возрасте 60 лет и старше, что приве-

дет к дефициту рабочей силы, сокращению внутреннего потребления, в целом к снижению темпов роста экономики КНР. В плане демографического развития КНР на 2016 до 2030 года, подготовленного Госсоветом КНР, прогнозируется, что к 2030 году люди пожилого возраста составят четверть населения страны. Негативными экономическими последствиями станут «усиление давления на социальное страхование и общественные услуги за счет сокращения налоговых поступлений со стороны работающих, необходимых для поддержки пожилых людей» [8]. Выделены отрицательные последствия старения населения, которые оказывают влияние на ряд макроэкономических параметров экономики Китая, в том числе «на снижение доли конечного потребления в ВВП, нестабильность внутреннего спроса на товары длительного пользования и инновационные товары, дефицит рабочей силы, увеличение финансового бремени» [5, с. 261].

Негативное экономическое влияние старения населения вызывает необходимость принятия мер государственного управления, направленных на их снижение. Поэтому существовавшая в КНР до 2016 года политика однодетности перестала соответствовать стратегическим целям экономического развития страны, что потребовало ее изменения на новую демографическую политику двухдетности, которая рассматривалась как механизм управления старением населения страны. Старение населения Китая оказывает существенное влияние на объемы потребления и совокупный спрос, поэтому политика массовой двухдетности должна изменить структуру внутреннего потребительского рынка за счет увеличения покупательной способности людей пенсионного возраста, финансовое благополучие которых в условиях китайской системы пенсионного обеспечения зависит от заработной платы их детей. В китайских семьях сформировалась «культура однодетности», которая стала сдерживающим фактором повышения

рождаемости в стране. Низкая эффективность новых мер демографического регулирования в КНР может быть повышена посредством государственной политики материального стимулирования двухдетности [1].

В этой связи представляется продуктивным опыт демографической политики России в области стимулирования рождаемости и укрепления семьи. В основе государственного управления, направленного на повышение рождаемости в России, лежит материальное стимулирование населения в форме материнского (семейного) капитала, который является уникальным российским инструментом управления. Социально-экономические льготы населению по стимулированию рождаемости включают также родовые сертификаты, предоставление при рождении третьего или последующего ребенка на безвозмездной основе земельного участка под строительство жилого дома. Согласно данным Росстата, выплата материнского капитала оказала влияние на решение родить второго ребенка у 6% опрошенных, что составляет около 1,7 млн. человек. О высокой эффективности влияния материнского капитала на повышение рождаемости говорит тот факт, что с момента начала выдачи материнского капитала показатель новорожденных практически совпадает с общей прибавкой рождаемости [6].

Прогноз изменения возрастной структуры населения в России также демонстрирует увеличение доли пожилых людей в общей численности населения, уменьшение доли лиц трудоспособного возраста. Так, к 2050 году прогнозируется, что почти каждый третий человек в стране будет находиться в возрасте 60 лет и более [6].

В России в 2019 году проведена масштабная пенсионная реформа, предполагающая постепенное повышение пенсионного возраста у мужчин до 65 лет, у женщин до 60 лет. По мнению А.В. Зубарева, К.В. Нестеровой, пенсионная реформа «может способствовать суще-

ственному сокращению нагрузки на пенсионную систему при условии сохранения того же уровня отношения государственного долга к ВВП. Однако влияние повышения возраста выхода на пенсию на экономическую активность населения и на экономический рост в целом представляется ограниченным» [2, с. 407]. Положительный эффект пенсионной реформы проявляется в отношении «увеличения благосостояния будущих поколений, которые смогут работать в экономике с более низкими налогами по сравнению с базовым сценарием. При этом поколения, близкие к достижению пенсионного возраста в момент проведения реформы, оказываются в проигрыше, поскольку на период отсрочки момента выхода на пенсию они лишаются пенсионных выплат» [2, с. 407]. Последствия пенсионной реформы, согласно И.Ф. Иванову, будут выгодны для госбюджета, но ценой больших непредусмотренных социальных издержек, появления новой проблемы обеспечения права на труд лиц, лишившихся права на пенсию, воспроизводством социальной группы лиц старших возрастов, лишенных дохода [3].

Поэтому вопрос об эффективности российской пенсионной реформы как механизма государственного управления процессом старения населения остается дискуссионным. Однако, пенсионная реформа имеет и свой положительный потенциал, поэтому в КНР в настоящее время рассматривается вопрос об увеличении пенсионного возраста, что позволит не только сократить расходы на поддержание пенсионной системы, но и частично снять проблему дефицита рабочей силы [5].

Важным направлением государственной политики многих стран является создание условий для активного долголетия пожилых людей. В РФ приняты основополагающие документы в области социальной поддержки лиц старшего возраста. В Государственной программе «Социальная поддержка граждан», утвержденной в 2014 году,

приоритетной задачей является выполнение обязательств государства по социальной поддержке пожилых людей [4].

В заключении отметим, что реализация программ активного долголетия должна отличаться комплексным подходом к проблеме старения с учетом потребностей пожилого населения страны и анализа положительного опыта реализации подобных программ в других странах. Поэтому представляется продуктивным сотрудничество РФ и КНР в области разработки плана конкретных мероприятий на всех уровнях государственной власти для реализации политики активного долголетия пожилого населения.

Литература

1. Ван Е. Изменение демографической политики Китая: причины, результаты, перспективы // Народонаселение. - 2018. - № 1 (21). - С. 84-93.
2. Зубарев А.В., Нестерова К.В. Оценка последствий пенсионной реформы в России в глобальной CGE-OLG модели // Экономический журнал ВШЭ. - 2019. - № 3 (23). - С. 384-417.
3. Иванов С.Ф. Пенсионная реформа-2019: детерминанты, последствия, альтернативы // Демографическое обозрение. - 2019. - № 2 (6). - С. 6-54.
4. Постановление Правительства РФ №296 от 15 апреля 2014 г. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан».
5. Сунь Фу, Еремина С.Л. Старение населения. Влияние на экономику Китая // Вестник Томского Государственного университета. - 2017. - № 37. - С. 252-262.
6. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.gks.ru>
7. Чэнь Б. Тенденции и влияние старения населения Китая. Государственный информационный центр. 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа:

[http:// www.sic.gov.cn/ News/ 455/ 5900.htm](http://www.sic.gov.cn/News/455/5900.htm)

8. Hanrahan M., Baculinao E. China population crisis: New two-child policy fails to yield major gains. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.cnbc.com/2017/01/28/china-population-crisis-new-two-child-policy-fails-to-yield-major-gains.html>

Prospects for the exchange of experience between Russia and China in the field of public administration of the aging process

Li Zhongyuan

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article is devoted to the problem of cooperation and exchange of experience between Russia and China in the field of public administration of the aging process. It is shown that the aging of the population has its positive and negative consequences. The search for effective measures of public administration in overcoming the negative effects of an aging population determines the relevance of international cooperation in the exchange of experience in introducing positive experience in public administration of the aging process. It is shown that in China, due to the country's birth control policy, high growth rates of the elderly population are projected. This required a change in the vector of the demographic policy of the PRC from a one-child policy to a two-child policy, which did not produce the necessary results. The productive experience of the demographic policy of Russia in the field of stimulating fertility and strengthening the family is presented. The problem of pension reform in China and Russia as a method of managing population aging is posed. The necessity of cooperation between China and Russia in the implementation of programs of active longevity of older people is shown.

Key words: population aging, pension reform, active longevity, state policy.

References

1. Wang E. Changes in the demographic policy of China: causes, results, prospects // *Population*. - 2018. - № 1 (21). - P. 84-93.
2. Zubarev A.V., Nesterova K.V. Assessing the consequences of pension reform in Russia in the global CGE-OLG model // *HSE Economic Journal*. - 2019. - No. 3 (23). - P. 384-417.
3. Ivanov S.F. Pension reform 2019: determinants, consequences, alternatives // *Demographic Review*. - 2019. - № 2 (6). - S. 6-54.
4. Decree of the Government of the Russian Federation No. 296 dated April 15, 2014 «On approval of the state program of the Russian Federation» Social support of citizens».
5. Sun Fu, Eremina S.L. Population aging. Impact on the economy of China // *Bulletin of Tomsk State University*. - 2017. - № 37. - P. 252-262.
6. Federal State Statistics Service of the Russian Federation [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.gks.ru>
7. Chen B. Trends and effects of China's aging population. State Information Center. 2016 [Electronic resource]. Access Mode: [http:// www.sic.gov.cn/ News / 455 / 5900.htm](http://www.sic.gov.cn/News/455/5900.htm)
8. Hanrahan M., Baculinao E. China population crisis: New two-child policy fails to yield major gains. [Electronic resource]. - Access Mode: <https://www.cnbc.com/2017/01/28/china-population-crisis-new-two-child-policy-fails-to-yield-major-gains.html>

Формирующие особенности рынка труда и занятости факторы в эпоху цифровизации (на примере китайского рынка труда)

Ло Шуай,
аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
luoyunjie2016@mail.ru

Автор статьи приводит аргументацию в пользу внедрения новых информационных технологии цифровой экономики, которые продуцируют появление и укрепление в сознании общества новых форм занятости и новых профессий. В статье рассматривается передовой опыт Китая по трансформации национального рынка труда: привычно дешевая рабочая сила китайского народа стала ключевым моментом принятия решения правительства КНР на качественную трансформацию трудовых ресурсов, как на внутреннем рынке, так и в транснациональных компаниях, где на производстве работают исключительно китайские сотрудники. Автор выделил тенденции нового формата рынка труда Китая и предположительные векторы развития и повышения эффективности организации рынка труда.

Ключевые слова: новые сферы занятости, международный рынок труда, глобализация экономики, трудовые отношения, Китай, цифровой труд.

Сегодня глобальный тренд цифровой мировой экономики вступает в активную фазу своего развития. В ведущих странах мира концепцию «Индустрия 4.0» и разработки цифровых технологий, как на государственном, так и на корпоративном уровне начали массово развивать в государственных программах и стратегиях бизнеса. Практическая плоскость решения этих вопросов на региональном уровне достаточно быстро актуализируется, что является ответом на системные вызовы [2]. Цифровизация приводит к тому, что программные продукты и аппаратные инструменты, которые обеспечивают обмен информацией в рамках единого информационного поля, становятся важными элементами бизнес-процесса наравне с человеческими ресурсами – в этом информационном поле все участники процесса находятся во взаимосвязи и соподчинении друг с другом, а также, взаимодействуя, нацелены на достижение единой цели компании. Таким образом, стало актуальным исследовать новое явление в социально-экономических процессах – «интернет вещей», «цифровой труд» и «социально-цифровая система».

Термин «Интернет вещей» (IP) был введен Кевином Эштоном в 1999 году. Эштон ввел этот термин, чтобы проиллюстрировать возможности радиочастотной идентификации (RFID), которая используется в корпоративных системах поставок, чтобы посчитать и отследить товары без потребности в человеческом вмешательстве [1]. IP развился от конвергенции беспроводных технологий, микроэлектромеханических систем, микросервисов и интернета. Конвергенция помогла разрушить бункеры между операционной технологией и информационными технологиями, что поз-

волило проанализировать неструктурированные машинно-генерируемые данные для получения понятных данных для улучшения.

Экосистема IP состоит из интеллектуальных устройств с поддержкой Интернета, использующих встроенные процессоры, сенсоры и коммуникационное оборудование для сбора, передачи и действия, которые они получают в своих средах. Устройства IP используют данные датчиков, которые они собирают, подключившись к шлюзу IP или другому устройству края, где данные или отправляются в облако для анализа или локального анализа. Иногда эти устройства общаются с другими соответствующими устройствами и действуют на информацию, которую они получают друг от друга.

Устройства выполняют большую часть работы без вмешательства человека, хотя люди могут взаимодействовать с например, чтобы установить их, дать им инструкции или получить доступ к данным. Протоколы подключения, сетей и коммуникаций, используются с этими устройствами с поддержкой Интернета, во многом зависят от конкретных развернутых приложений IP.

«Интернет вещей» – это сеть, в которой могут взаимодействовать между собой все приборы, которыми мы пользуемся ежедневно [4]. Обмениваясь данными, вещи «общаются» друг с другом. Это концепция коммуникации объектов («вещей»), которые используют технологии для взаимодействия между собой и с окружающей средой. Также эта концепция предусматривает выполнение устройствами определенных действий без вмешательства человека. Таким образом, Интернет вещей (IP) – это система взаимосвязанных вычислительных устройств, механических и цифровых машин, объектов, животных или людей, которые обеспечены уникальными идентификаторами и способностью передавать данные по сети, не требуя от человека взаимодействие человека или человека с компьютером [3].

С 2008 году произошел переход от интернета людей к интернету вещей. Количество подключенных к сети предметов превысило количество людей. С этих пор спрос на эту концепцию не спадает, а даже растет. Технологии и программы IP создают фундаментальные изменения в нашем обществе. IP может изменять работу транспортных средств и облегчать функциональные возможности с автоматизированными процедурами. IP создает связь между транспортными средствами, помогая избежать их столкновения.

IP является результатом разнородных технологий, используемых для осмысления, сбора, действия, обработки, поступления, передачи, уведомления, управление и хранение данных.

Существует много факторов, способствующих вызовам, с которыми сталкиваются заинтересованные стороны разработки технологий IP, такие как:

— принятие решений на основе прозрачности и «интерпретации»;

— точность и качество данных, используемых в алгоритме влияния на решения программы IP;

— безопасность, которая является критической для интегрированных технологий IP;

— подотчетность - это еще один фактор, который необходимо учитывать для автономных систем IP, основанных на когнитивных и искусственных технологиях, где вещи управляются самостоятельно;

— социальные и экономические последствия технологий IP на основе искусственных и когнитивных решений, которые происходят в экономических изменениях с помощью увеличения производительности;

— управление автономными системами IP.

Интернет вещей предлагает ряд преимуществ для компаний, что позволяет:

— эффективнее контролировать общие бизнес-процессы и технологии;

- улучшить опыт взаимодействия со своими клиентами;
- экономить временной ресурс и денежные средства;

- постоянно повышать производительность сотрудников;

- интегрировать и адаптировать бизнес-модели с учетом новых вызовов окружающей среды;

- принимать лучшие бизнес-решения в процессе исследования информационного поля на основе вычислений и мониторинга информационных систем;

- генерировать больше доходов путем выборки наиболее эффективных направлений в деятельности.

IP поощряет компании переосмысливать способы, которыми они подходят к своему бизнесу, промышленности и рынкам, и предоставляет им инструменты для улучшения своих бизнес-стратегий.

Лидерами в разработке и внедрении IP являются страны, в которых развита индустрия производства микропроцессоров и встроенных компьютеров – это США, Китай и Южная Корея. Также значительный прогресс в этой области демонстрируют европейские страны и Япония.

Новые информационные технологии цифровой экономики продуцируют появление и укрепление в сознании общества новых форм занятости и новых профессий.

Начиная с 2015 г Китай перешел на новую ориентацию рынка труда: привычно дешевая рабочая сила китайского народа стала ключевым моментом принятия решения правительства КНР на качественную трансформацию трудовых ресурсов, как на внутреннем рынке, так и в транснациональных компаниях, где на производстве работают исключительно китайские сотрудники. Это привело к появлению ряда законопроектов и смены курса социальной политики Китая в сторону защиты прав и труда китайских работников. Национальное бюро статистики КНР ежегодно

фиксирует рост производительности китайских работников на 1,2-1,8% в стабильной положительной динамике [4].

Цифровизация экономики дало возможность не только масштабировать образование в дистанционном режиме по всей стране, но и переориентировать сельское население на интерес и возможности к удаленной работе в городах, не покидая свой край.

Удаленные формы занятости решают также важную социальную проблему – безработица. Новые «удаленные» рабочие места фактически перекрывают недостаток работников в определенных секторах экономики (сфере обслуживания, легкая промышленность, финансовый сектор и т.п.). За последние 5 лет, официальный уровень зарегистрированной безработицы в Китае был стабилен и незначительно колебался в диапазоне 3,5-4%. Также в этот же период отмечается незначительный рост заработной платы (в среднем на 4,8% по стране) [8].

Экономика Китая сегодня имеет совершенно новые тенденции, которые основаны на созидании устойчивого развития собственной экономики, поддержку развития среднего класса и социализацию всех слоев населения с целью повышения общего уровня жизни в стране. Выделенные тенденции представлены в таблице 1 с пояснениями.

Конечно, ситуация на рынке труда Китая далека от идеала и существуют проблемы, значение которых сложно оценить из-за скудности информации.

В официальной статистике представлена только основная информация о рынке труда (уровень занятости, заработной платы безработицы). Она имеет односторонний характер и определённые целевые установки. «Новый формат» трансформации китайского рынка труда связан с преодолением выделенных тенденций (точнее учета их в технологиях регулирования рынка труда в национальном масштабе), который направлен на важную задачу - преодоление системного кризиса на рынке труда. Это возможно решить за счет:

Таблица 1
Социально-экономические тенденции
рынка труда Китая в ракурсе цифровизации
экономики

№ п/п	Наименование тенденции	Краткая характеристика
1	«демографические сдвиги»	Наблюдается перераспределение рабочей силы из села и старение населения Китая. Качественная смена городского населения приводит к повышению производительности и приросту к размеру заработной платы
2	«автоматизация труда»	Цифровизация приводит к замене живого труда автоматизированным – многие профессии отходят исключительно в разряд удаленных, роль программных продуктов становится более значимой, чем квалификация персонала. Появление новых профессий – вузы переориентируют профили в сторону новых вызовов цифровизации.
3	«рост предпринимательской среды»	Коммерциализация и монетизация инновационных идей приводит к росту реализаций бизнес-проектов в новых цифровых форматах (нетворкинг, фаундрайзинг и т.п.). Цифровизация стала полем для прямого взаимодействия предпринимателей и инвесторов
4	«новая миграция трудовых ресурсов»	Важной составляющей новой трудовой миграции в города стали квалификационные требования – сегодня компаниям нужен не просто рабочий, а новые умения и навыки работать в цифровом поле и выполнять новые объемы задач, используя информационные и инновационные технологии.

Источник: составлено автором

1) оптимизации социального обеспечения различных категорий граждан;

2) повышения нормативного минимального размера оплаты труда и смене алгоритма расчета различных категорий заработной платы;

3) создания и сохранения высокопрофессиональных научно-технических

кадров путем поддержки новых обучающих программ и формирования тесного взаимодействия бизнес-среды и науки в целом.

Как сообщает информационная служба «Россия-Китай: главное», объем цифровой экономики Китая в 2018 году превысил 31 трлн. юаней. Об этом говорится в Белой книге по развитию и занятости в цифровой экономике Китая, выпущенной 18 апреля Китайским научно-исследовательским институтом информационно-коммуникационной промышленности [6].

Согласно документу, в 2018 году в цифровой экономике Китая насчитывался 191 млн. рабочих мест, что обеспечило 24,6% занятости по стране. В минувшем году цифровая экономика обеспечила 7,1% объема ВВП. Быстро развивалась индустрия программного обеспечения и интернет-индустрия, их доходы увеличились на 14,2% и 20,3% соответственно [7].

В настоящее время, провинция Гуандун лидирует в КНР по масштабу цифровой экономики, который превышает 4 триллиона юаней; провинция Гуйчжоу имеет самый быстрый темп роста развития цифровой экономики; а Пекин хвастает самой высокой пропорцией цифровой экономики в ВВП [10].

В современном Китае для проблем в сфере занятости характерны уникальные специфические черты, эти проблемы тесно взаимосвязаны между собой.

Определение «удаленной занятости» как одной из основных категорий рынка труда современного Китая вносит коррективы в общее понимание и восприятие рынка труда новой формации. Отличительные черты занятости представляют интерес в экономической сфере, а также выступают важнейшими показателями, отражающими политику государства в области труда, отношение к индивиду как к личности и главной производительной силе общества [5].

Из сказанного выше выходит, что преобладание обычной занятости было свойственно только определенному историческому периоду и конкретной

группе государств. История нестандартной занятости значительно продолжительнее, а географический ареал её расположения — значительно шире. По всей вероятности, разные тенденции к размыванию обычной занятости остаются также в обозримой перспективе, а вполне возможно, что и смогут ускориться, поставив за счёт этого под сомнение разные «стандартные» и привычные рецепты в области социальной политики.

Литература

1. Definition Internet-of-Things-IoT. URL: <https://internetofthingsagenda.techtarget.com/definition/Internet-of-Things-IoT> (дата обращения 10.11.2019).
2. Industry 4.0 - How to Navigate Digitization of the Manufacturing Sector // McKinsey, 2015. – P. 22-50.
3. Lam, R., Liu, X. China's Labor Market in the «New Normal». – Vol. 15. – 2017. – P. 17–20.
4. National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/> (дата обращения 15.12.2019).
5. Ваховский, Е. В. Трансформация занятости в условиях инновационного развития экономики: дис. ... канд. экон. наук / Е.В. Ваховский. – Саратов, 2016. – 171 с.
6. Lee, J.H., Phaal, R., Lee, S.-H. An integrated service-device-technology roadmap for smart city development. *Technological Forecasting & Social Change*. 2018. 80(2). P. 286–306.
7. Гордеева, А. А., Сандлер, Л. Э. Проблема занятости населения и особенности международного рынка труда // *Символ науки*. – 2016. – №12-1.
8. Гао, Ф., Кунченко, Ю. В. Основные проблемы рынка труда в КНР // *Вопросы экономики и управления*. – 2015. – №2. – С. 82–84. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://moluch.ru/th/5/archive/16/353/>. - Дата обращения: 10.12.2019.
9. Raphael Lam, Xiaoguang Liu China's Labor Market in the «New Normal» Vol. 15, 2017, pp. 17–20.
10. Гуандун тунци няньцзянь - 2018: [Статистический ежегодник пров. Гуандун - 2018], Гуанчжоу, 2018 // <http://www.gdstats.gov.cn//https://dknews.kz/kitai/v-2018-godu-obem-cifrovoy-ekonomiki-kitaa-prevysil-31-trln-uanei.html>

Factors shaping the labor market and employment in the era of digitalization (on the example of the chinese labor market)

Luo Shuai,

Moscow state University. M. V. Lomonosov

The author of the article makes an argument in favor of the introduction of new information technologies of the digital economy, which produce the appearance and strengthening of new forms of employment and new professions in the public consciousness. The article examines China's best practices in transforming the national labor market: the habitually cheap labor force of the Chinese people has become a key point in the Chinese government's decision to make a qualitative transformation of labor resources, both in the domestic market and in multinational companies where only Chinese employees work in production. The author highlighted the trends of the new format of the Chinese labor market and the expected vectors of development and improvement of the efficiency of the labor market organization.

Key words: new spheres of employment, international labor market, globalization of economy, labor relations, China, digital labor.

References

1. Definition Internet-of-Things-IoT. URL: <https://internetofthingsagenda.techtarget.com/definition/Internet-of-Things-IoT> (accessed 10.11.2019).
2. Industry 4.0 - How to Navigate Digitization of the Manufacturing Sector // McKinsey, 2015. - P. 22-50.
3. Lam, R., Liu, X. China's Labor Market in the "New Normal". - Vol. 15. - 2017. - P. 17–20.
4. National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/> (accessed December 15, 2019).
5. Vakhovsky, E. V. Transformation of employment in the conditions of innovative development of the economy: dis. ... cand. econ. sciences / E.V. Wakhovsky. - Saratov, 2016. -- 171 p.
6. Lee, J.H., Phaal, R., Lee, S.-H. An integrated service-device-technology roadmap for

- smart city development. Technological Forecasting & Social Change. 2018.80 (2). P. 286-306.
7. Gordeeva, A. A., Sandler, L. E. The problem of employment and features of the international labor market // Symbol of science. - 2016. - No. 12-1.
 8. Gao, F., Kunchenko, Yu. V. The main problems of the labor market in China // Issues of Economics and Management. - 2015. - No. 2. - S. 82–84. - [Electronic resource]. - Access mode <https://moluch.ru/th/5/archive/16/353/>. - Date of appeal: 12/10/2019.
 9. Raphael Lam, Xiaoguang Liu China's Labor Market in the "New Normal" Vol. 15, 2017, pp. 17–20.
 10. Guangdong Tongji Nianjian - 2018: [Prov. Guangdong - 2018], Guangzhou, 2018 // <http://www.gdstats.gov.cn//https://dknews.kz/kitai/v-2018-godu-obem-cifrovoi-ekonomiki-kitaa-prevysil-31-trln-uanei.html>

Репутация университета как основа развития

Малых Светлана Владимировна

кандидат исторических наук, доцент, кафедра русского языка и общего языкознания, Институт филологии иностранных языков и медиа коммуникаций Иркутского государственного университета, lana.malyx@bk.ru

В статье анализируются условия, формы и механизмы развития репутации университета, сравниваются сильные и слабые стороны, анализируются результаты SWOT и STEEP анализов университетского развития. На основе рассмотренных условий развития репутации университета разрабатываются общие рекомендации развития.

Ключевые слова: репутация университета, развитие вуза, ресурсы развития репутации, университетское сообщество, имидж вуза, бренд вуза

В научной литературе не существует общепринятого определения понятия репутации. Поэтому часто подменяют репутацию имиджем или воспринимают их как синонимы. Но мы полагаем, что это разные вещи.

Категории имиджа и репутации рассматривали в разных областях знания: от психологии до философии, от социологии до этики. Причем, что практически всегда возникают новые смыслы и интерпретации данных понятий.

Репутация «(от лат. reputation) – сложившееся общее мнение о качестве, достоинствах и недостатках чего-либо, кого-либо». Имидж «(от лат. imago – образ, вид) – целенаправленно формируемый образ, призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т.д.

Имидж образовательного учреждения, корпоративная марка занимают все больше внимания экономистов, маркетологов, журналистов, культурологов, политологов, лингвистов во всем мире.

Корпоративный имидж вуза – это общее представление, состоящее из набора убеждений и ощущений, которое складывается у потребителей (реальных и потенциальных) образовательных товаров и услуг об учебной организации.

Корпоративная репутация вуза – ценностные характеристики, вызываемые корпоративным имиджем вуза, сложившимся у потребителей (реальных и потенциальных) образовательных товаров и услуг [12].

По нашему мнению, имидж вуза всегда формируется целенаправленно, через отдельные акции, проекты, действия, направленные во вне. Тогда как репутация вуза формируется внешней средой по отношению к образовательному учреждению. Безусловно, и на репутацию можно повлиять, но как только

мы начинаем целенаправленно работать с ней, то репутация становится конструируемым различными инструментами имиджем [2].

Репутация – это отклик на целенаправленные и случайные (естественные) формы развития университета в определенном социуме. Репутация вуза – это престиж, качественные характеристики (репутация преподавателя, репутация студента или репутация ректора), которые воспринимают те кто находится вне стен университета. Репутация – это обратная связь или реакция на желаемый или созданный имидж. Она отвечает на вопрос, как общество (в первую очередь, целевые группы) воспринимают имидж, который субъект сам создал, то есть суммарное восприятие многими созданного имиджа. В самом общем виде, репутацию определяют как «форму признания, форму почета и уважения».

Репутация образовательного учреждения складывается годами, десятилетиями, иногда – столетиями, но как только репутация устанавливается в определенных рамках, она начинает работать как маховик, непрерывно питая энергетическим потоком все, с чем бы она не соприкасалась [3,4]. Чем сильнее становится репутация и чем более уникальные черты она приобретает, тем труднее ее изменить. Если репутация хороша, то она может быть для вуза ценнейшим активом, помогающим гораздо легче приобретать различные ресурсы для себя и тем самым повышать качество своей работы. Когда люди придерживаются высокого мнения о возможностях вуза, у него появляется больше возможностей, его деятельность становится все более эффективной, плохая же репутация вуза может иметь противоположный эффект – потенциальные потребители не доверяют ему, его образовательным товарам и услугам, тому, что говорят его руководители, тем самым резко снижается и качественный потенциал в деятельности вуза.

Имидж вуза формируется для решения тактических задач, он динамичен, должен соответствовать моде.

Можно выделить следующие характеристики репутации: нематериальность, двусторонность процесса восприятия (наличие субъекта и объекта действия), комплексность, привязанность к действиям субъекта. Будучи нематериальным активом, репутация может быть преобразована в материальный (денежный) актив. Репутация формируется в течение достаточно долгого времени, поддерживается на определенном уровне, может иметь свои «взлеты и падения» [10].

В нашем исследовании мы будем определять репутацию как нематериальный актив человека или института, формируемый в течение длительного времени с целью воздействия на целевую аудиторию и который в конечном итоге может быть преобразован в денежное выражение. Репутация – это ресурс, и люди инвестируют в этот ресурс намеренно, зная, что в дальнейшем они получат с этого результат или доход [11].

В таблице 1 приведено сравнение основных понятий репутации и имиджа для развития вуза.

Роль репутации образовательного учреждения выступает ключевой в формировании имиджа и бренда университета. Репутация зачастую неосознаваемый, но всегда качественный показатель успешного и стабильного развития любого вуза. Репутацию сложно контролировать, но ей нужно и можно управлять.

Это сложный и многоуровневый показатель, который, на наш взгляд, формируется из четырех ключевых сфер [5, с. 67].

1. Репутация образовательной услуги. Обширный показатель включающий количественные данные (количество специальностей, направлений и профилей обучения в вузе и качество получаемых знаний) и качественные данные (рейтинги, востребованность выпускников).

Таблица 1
Сравнение репутации и имиджа для вуза

Сферы	Репутация	Имидж
Время формирования	Устойчивое мнение (длительное)	Сиюминутная оценка (может быть кратковременным)
Характер изменения	Сложно изменить	Легко изменить
Сложность формирования	Требуется комплексный, системный, многоуровневый подход (вне зависимости от цели)	Определяется целью, требует локальных четких и конкретных подходов и методов (возможно создание искусственного или мнимого имиджа)
Задачи и механизмы воздействия на целевую аудиторию	«Сильная стратегия», благодаря которой клиенты (абитуриенты) остаются; репутация привлекает и удерживает	«Сиюминутная, яркая, но не долгосрочная стратегия», благодаря которой обращается внимание аудитории, но не всегда это может заставить ее остаться в вузе (для этого необходимы другие механизмы работы)
Особенности взаимодействия с целевой аудиторией	«Стратегическое», комплексная, длительная по времени задача, распространяемая на разных лиц (не только из целевой аудитории)	«Тактическое», предполагает строгую фиксацию с целевой аудиторией в определенное время в определенном месте
Основы формирования	Конкретность и достоверность, не зависимость от людей или действий	Эмоциональность и субъективность, зависимость от мнения человека или группы людей

2. Репутация ректора. Ректор – как публичное лицо несет личную ответственность за все события и условия, связанные с университетом. И в данном

случае важна его фигура как носителя и руководителя культуры университета и как транслятора основных миссий и функций университета в регионе. Важен рейтинг среди ректоров других вузов, известность, уважение, вовлеченность в публичное пространство и т.д.

3. Репутация преподавателей. Данный фактор зависит от знаний, компетенций и навыков педагога, умения преподавать свои знания, научить и передать опыт, научить думать, осмысливать и критиковать. Помимо этого она строится через нагрузку по учебному плану (например, количество лекций и их тематика), участие в научной деятельности, рейтинг, мнение студентов, коллег по работе, научной общественности и др.

4. Репутация студентов. Данный фактор позволяет понять – кто, куда за чем приходит. Репутация студентов зависит от знаний, компетенций, навыков студентов их социальной и личной активности, включенность в общественную жизнь региона, города и вуза. Репутация студентов формирует субъективную оценку того, кого и как учат в университете. Это первичный продукт для жителей региона по кому и как судят о вузе.

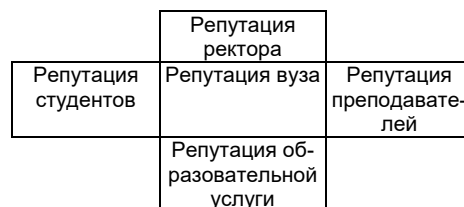

Рис. 1. Составляющие репутации вуза

Формирование позитивной репутации строится на следующих принципах [4]:

- ценности и приоритеты, транслируемые в стенах учреждения, должны находить отклик в целевой аудитории и в целом в региональном социуме;
- первые лица университета и известные ученые, педагоги должны личным примером показывать реальность и эффективность работы пропагандируемых ценностей и приоритетов;

- студенты университета также должны разделять данные ценности и распространять их в социуме, показывая личным примером высокие морально-этические и поведенческие стандарты поведения;

- миссия университета отражает высшие ориентиры (ценности) и конкретные приоритеты (стратегии развития) вуза в городе, регионе, стране;

- история – это опыт включения в социально-исторические рамки развития общества конкретного вуза, с его педагогами и учеными, студентами и аспирантами, администрацией и техническими сотрудниками;

- формы и программы обучения (формальный показатель), но он указывает на многообразие и многовариантность обучения и возможности перспективного развития в будущем.

Орлова О.В. выделяет следующие факторы, влияющие на повышение конкурентоспособности вуза [6].

Первый фактор – учет цикла воспроизводимости характеризуется значимостью кадрового потенциала в деятельности вуза и является отличительной чертой организаций, действующих в сфере услуг, т.е. по схеме взаимодействия человек – человек Система работы, принципы мотивации и развития здесь не менее важны, чем схема взаимодействия и построения структурных подразделений, а тот факт, что на сегодняшний день рынок труда является одним из самых турбулентных в современной экономике, лишь подтверждает необходимость уделять внимание кадровой политике.

Второй фактор, влияющий на конкурентоспособность, определен как способность вуза к координации своего медиа-образа (media-representation).

Третий фактор отражает сбалансированность системы высшего образования с потребностями общества. Адаптированность образовательных программ к требованиям рынка труда непосредственно влияет на востребованность выпускников, их подготовленность к профессиональной деятельности.

Четвертый фактор повышения конкурентоспособности, определенный автором как взаимосвязь структурных элементов, является системным инструментом, позволяющим достигать максимальных показателей по всем вышеуказанным направлениям [9].

Таким образом, и теоретические и практические разработки изучения и формирования репутации вуза стали возможны благодаря комплексному подходу к категориям имиджа и репутации вуза. Важным моментом видится стратегическое значение развития репутации вуза, которое дает надежду на стратегические опоры развития в будущем для города и региона в целом.

Для того, чтобы понимать через какие инструменты возможно конструировать репутацию вуза, мы провели SWOT-анализ сильных и слабых сторон формирования репутации вуза. Он строится на учете положительных и отрицательных моментов развития и продвижения вуза на рынке образовательных слуг, а также учитываются возможности и угрозы развития репутации вуза в конкретных условиях (см. таблицу 2) [7].

Таблица 2
SWOT-анализ образовательных услуг вуза, влияющих на его репутацию

Положительные моменты	Отрицательные моменты
Хорошее расположение	Негативная информация о вузе, об администрации вуза или его педагогах или студентах
Узнаваемый бренд	Потеря или подрыв авторитета бренда вуза
Высокий профессиональный уровень педагогов	Высокая оплата обучения и низкое качество знаний
Востребованность выпускников на рынке труда	Несовременные специальности и технологии обучения
Высокие рейтинги по внешним и внутренним оценкам	
Возможности	Угрозы
Введение новых специальностей, профилей и направлений; форм и видов обучения	Потеря (уход) лучших специалистов
Повышение академической мобильности преподавателей и студентов	Старение специалистов
Альтернативные модели и формы обучения	Не обновление научных и педагогических кадров новым поколением молодых специалистов

Также мы проанализировали образовательные услуги вуза с позиции их влияния на рекламные возможности в укреплении репутации вуза, для этого мы использовали STEP анализ (см. таблицу 3).

Таблица 3
STEP анализ образовательных услуг вуза для усиления репутации вуза

<i>Социальные</i> Концентрация или привлечение модных, креативных, умных педагогов со всей страны или мира Усиление образовательного рынка (конкуренция между вузами) для абитуриентов, родителей, бизнеса, власти и т.д.	<i>Технологические</i> Внедрение технологий масс-медиа и иных технологических продуктов в образовательный процесс
<i>Экономические</i> Увеличение цен на рынке Ограничение возможностей целевых потребителей Сокращение бюджетов	<i>Политические</i> Глобализация – привлечение экспертов лекторов, консультантов, практиков со всего мира Ведение видео трансляций лекций, занятий, практикумов и т.д.

STEP анализ позволяет понять какое место репутации вуза отводится в процессе взаимодействия социальных, технологических, экономических и политических факторов социального воспроизводства.

Инструменты формирования репутации вуза включают следующие этапы [1]:

1. Понимание, изучение и постоянный мониторинг целевой аудитории о том, что она ждет от образования и от вуза в целом;

2. Понимание сильных и слабых сторон вуза (через SWOT и STEP анализы, экспертное интервью со значимыми фигурами образовательного учреждения и экспертами из внешней среды, обладающими определенным социальным капиталом (во власти, бизнесе, общественном секторе и т.д.);

3. Разработка цели репутационного образа и механизмов (этапов) его формирования;

4. Реализация стратегии (отработка мер, положений, форм реализации и проч.) репутационного образа;

5. Взаимодействие со СМИ, с целью укрепления репутации вуза в общественном сознании;

6. Работа с целевыми аудиториями абитуриентов и их родителей.

Развитие и повышение репутации вуза, по мнению авторов, должно быть основано на следующих принципах:

1. Принцип согласованности и сопряженности целей и задач деятельности при взаимодействии всех структурных

подразделений высшего учебного заведения.

2. Согласно принципу соответствия репутацию можно определить как корреляцию между представлением, которое

учебное заведение хочет создать о себе у потенциальных абитуриентов и их родителей, и тем мнением о вузе, которое

у него существует.

3. Принцип сочетания конкуренции и кооперации, сочетания сотрудничества и соперничества между высшими

учебными заведениями.

4. Принцип гибкости вуза.

5. Принцип комплексности развития показателей уровня репутации высшего учебного заведения.

6. Принцип инновационности образовательного процесса.

7. Принцип систематического повышения квалификации работников аппарата управления вуза и профессорско-преподавательского состава.

8. Принцип стратегической направленности системы управления высшим учебным заведением.

Нами представлены механизмы, способствующие развитию и повышению репутации высшего учебного заведения [8]:

1. Развитие стратегии управления высшим учебным заведением.

2. Усиление технологий управления деятельностью вуза.

3. Повышение эффективности системы менеджмента качества в учебном заведении.

4. Развитие профессиональной компетентности управленческого персонала вуза.

5. Развитие профессиональной компетентности профессорско-преподавательского состава вуза.

6. Усиление связей с работодателями и содействия трудоустройству студентов.

7. Создание в вузе условий для саморазвития конкурентоспособности студентов.

8. Улучшение материально-технической базы высшего учебного заведения.

Усиление связей с работодателями и содействия трудоустройству студентов. Основой комплексной оценки функционирования любого вуза (да и системы образования в целом) является уровень трудоустройства его студентов и выпускников.

Литература

1. Газизова А.И., Трофимова Г.С., Панфилова В.М. К вопросу о критериях репутации вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 54-3. С. 31-37.

2. Краснова С.А. Имидж и репутация как маркетинговые инструменты повышения конкурентоспособности вуза // Психолого-педагогические проблемы военного образования. Сборник научно-педагогических трудов. Под науч. ред. И.И. Соколовой, В.А. Митраховича, А.Р. Моисеева. Санкт-Петербург, 2017. С. 308-311.

3. Малых С.В. Воздействие имиджа Иркутского государственного университета на территориальное развитие // Социология. 2018. №4. С. 129-136.

4. Малых С.В. Роль бренда университета в формировании имиджа города Иркутска // Урбанистика. 2018. №3. С. 123-133.

5. Малых С.В., Полюшкевич О.А. Основы продвижения университета: учеб. Пособ. Иркутск, ИГУ. 2018. 121 с.

6. Орлова О.В. Пути повышения конкурентоспособности вуза на рынке образовательных услуг. Автореферат диссерт. -Санкт-Петербург. 2007.

<http://economy-lib.com/puti-povysheniya-konkurentosposobnosti-vuza-na-rynke-obrazovatelnyh-uslug#ixzz3pt3ojz4Shtt>

7. Полюшкевич О. А. Социальная ответственность университетов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2012. № 11. С. 26-29.

8. Полюшкевич О.А. Введение в корпоративную социальную ответственность: учебное пособие. Иркутск, ИГУ. 2012. 146 с.

9. Процюк А.В. Оценка каналов коммуникации вуза, влияющие на его репутацию // Теория и практика современной науки. 2016. № 6-2 (12). С. 67-70.

10. Резник С.Д., Юдина Т.А. Репутация высшего учебного заведения: формирование и управление репутацией вуза: монография. – Пенза, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 2012. С. 21.

11. Скрипкина А.В. Известность и репутация образовательного учреждения в формировании положительного имиджа Вуза // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 3 (32). С. 32-36.

12. Хачатурян Н.Р. Деловая репутация и имидж вуза как составляющие брэнда // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 3-2. С. 336-339.

13. Юдина Т.А. О роли репутационной ответственности российского вуза в формировании его репутации // Дружковский вестник. 2016. № 1 (9). С. 233-245.

University reputation as a basis for development

Malykh S.V.

Irkutsk State University

The article analyzes the conditions, forms and mechanisms of development of a university's reputation, compares its strengths and weaknesses, analyzes the results of SWOT and STEP analyzes of university development. Based on the considered conditions for the development of the university's reputation, general development recommendations are developed.

Keywords: university reputation, university development, reputation development resources, university community, university image, university brand

References

1. Gazizova A.I., Trofimova G.S., Panfilova V.M. To the question of the reputation criteria of a university // Problems of modern teacher education. 2017. No. 54-3. S. 31-37.
2. Krasnova S.A. Image and reputation as marketing tools to improve the competitiveness of the university // Psychological and pedagogical problems of military education. Collection of scientific and pedagogical works. Under the scientific. ed. I.I. Sokolova, V.A. Mitrakhovich, A.R. Moiseeva. St. Petersburg, 2017.S. 308-311.
3. Malykh S.V. The impact of the image of the Irkutsk State University on territorial development // Sociology. 2018. No4. S. 129-136.
4. Malykh S.V. The role of the university brand in shaping the image of the city of Irkutsk // Urban Studies. 2018. No. 3.C. 123-133.
5. Malykh SV, Polyushkevich OA Fundamentals of university promotion: textbook. Benefit Irkutsk, ISU. 2018.121 p.
6. Orlova OV Ways to improve the competitiveness of the university in the market of educational services. Abstract of thesis. -St. Petersburg, 2007. <http://economy-lib.com/puti-povysheniya-konkurentosposobnosti-vuza-na-rynke-obrazovatelnyh-uslug#ixzz3pt3ojz4Shtt>
7. Polyushkevich O. A. Social responsibility of universities // Alma mater (Bulletin of higher education). 2012. No. 11. S. 26-29.
8. Polyushkevich O.A. An Introduction to Corporate Social Responsibility: A Tutorial. Irkutsk, ISU. 2012.146 s.
9. Protsyuk A.V. Evaluation of the communication channels of the university, affecting its reputation // Theory and practice of modern science. 2016. No. 6-2 (12). S. 67-70.
10. Reznik S.D., Yudina T.A. Reputation of a higher educational institution: the formation and management of the reputation of a university: a monograph. - Penza, Penza State University of Architecture and Construction, 2012.P. 21.
11. Skripkina A.V. Fame and reputation of an educational institution in the formation of a positive image of a university // Cultural life of the South of Russia. 2009. No. 3 (32). S. 32-36.
12. Khachaturian N.R. Business reputation and the image of the university as components of the brand // Economic Bulletin of Rostov State University. 2007. V. 5. No. 3-2. S. 336-339.
13. Yudina T.A. About the role of reputational responsibility of a Russian university in the formation of its reputation // Drucker Bulletin. 2016. No. 1 (9). S. 233-245.

Культурный и политический аспект телевизионной пропаганды в СМИ России и Казахстана

Мартыненко Елена Викторовна

д.п.н., профессор, кафедра теории и истории журналистики, Российского Университета Дружбы Народов, scharnchorst@mail.ru

Мурзагалиева Томирис

магистрант, кафедра теории и истории журналистики Российского Университета Дружбы Народов, tomiris_murzagalieva@mail.ru

В статье изучается влияние СМИ на общественно-политические настроения в контексте политической и культурной пропаганды. В качестве объектов для сравнительного исследования авторами выбраны Российская Федерация и Республика Казахстан. Актуальность исследования состоит в том, что за последние два года (2018 и 2019 гг.) общество столкнулось с масштабными политическими событиями в России и Казахстане: выборы президента РФ в 2018 году, отставка президента РК в 2019 году; согласованные и несогласованные протестные акции в указанных странах. Кроме того, сегодня эволюцию переживает и само явление пропаганды: из сугубо политической она трансформируется в более привычную для общества и удобную с точки зрения понимания и восприятия культурную либо социальную.

При подготовке исследования авторами применялся системно-аналитический метод, метод исторического анализа и метод контент-анализа.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, СМИ, политика, общественное мнение, культура.

Introduction

The modern way of life dictates new rules in the relationship between the media, political power and the audience. "The realization of organized, primarily economic interests is carried out directly in the interaction between their carriers (large corporations) and the state, becoming a major player in this field"[2]. As we notice, the commercial issue comes to the fore. Due to such circumstances, the work of the media will be limited by the authorities. Also, regardless of the influence of power, the form of information flow is changing - compressed, dynamic, with a bias in the audiovisual format. Despite the changes and innovations, two important factors of the media, with a share of transformation, remain - this is influence and propaganda.

In the explanatory dictionary of the living Great Russian language, Dahl, the word propaganda (Italian) means the dissemination of any sense, doctrine; trying about it, the society itself, propagandists [9]. A large explanatory dictionary of the Russian language by S. A. Kuznetsov offers the following definition of propaganda - [from lat. propaganda - that should be disseminated], 1) distribution and in-depth explanation of sm. ideas, teachings, knowledge among the general public or a circle of specialists; 2) political or ideological influence on the masses; organs and means of such exposure.

The main elements of the propaganda process: its subject (social group whose interests the propaganda expresses), content, forms and methods, means or channels of propaganda (radio, television, print, lecture propaganda system, etc.), object (audience or social the community to which propaganda is addressed). The social interests of its subject, their relationship with the interests of society as a whole and of individual groups to which

propaganda is directed, determines its content and has a significant impact on the choice of forms, methods and means [7].

What is propaganda today?

Let us turn directly to the concept of political propaganda, proposed by Darren Lilleker. He says that it is "communication that was developed by one social group with the goal of influencing the opinions, attitudes and behavior of others. In propaganda, symbolism and rhetoric are often used; it addresses the emotional and irrational aspects of our perception." [6]. Some researchers believe that political propaganda appeared in ancient Rome, along with the prototypes of the media. But in science, it began to be actively studied only from the 19th century. Two main "schools" of scientists who began to consider this concept can be distinguished: a functional area (G. Lasswell, W. Lippmann, K. Hovland, P. Lazarsfeld), whose representatives are neutral or positive about propaganda. And the opposite is the position of the Frankfurt School (M. Horkheimer, T. Adorno, E. Fromm and G. Marcuse), which express a critical attitude towards political propaganda, since it is a means of manipulating the human mind. In their opinion, the methods of political propaganda reinforce the sense of worthlessness of an individual. The repetition of slogans, emphasis on certain factors reduce the critical abilities of the individual. As we can see from the above definitions, propaganda has tremendous power. Its main goal is to attract as many people as possible.

Professor E. L. Vartanova, Dean of the Faculty of Journalism at Moscow State University, noted "the revival of the previous authoritarian practices of political control over the content of the media, especially over their information flows, over the process of shaping the political agenda and creating a "positive "frame to cover the domestic political life of Russia." [5]. This trend is typical for most CIS countries, including the Republic of Kazakhstan.

The media - regardless of the type of political culture of society - are the most important socio-political institution, and therefore in different national contexts are considered either as an institution of democracy that promotes a free electoral process, or as an institution of public opinion formation, or as an effective tool for manipulating it, or as an institution for the preservation and development of national identity [10]. In this section, it is also appropriate to consider the theory of the information-political agenda. Why do people think that those or other events that are shown on television are more important than the rest. "This theory does not suggest that the media dictate to people what they should think about the problem and what decisions to make. However, she suggests that the media dictates to people what they should think about and what problems are so important that they need to be addressed [6]. "It turns out that the media gives out to the audience the information about the political problem that they consider necessary. Such news becomes the agenda for a certain amount of time. Researchers believe that there are significant differences in documentary on television and in copyright documentaries. "Television requires more simplified forms. There should not be any lengths, associative rows, or overly complex images in a television film. Everything should be very clear. What is called documentary on television is, in fact, not. This is a separate genre, only using similar techniques in a simplified form"[1].

The formation and development of political consciousness is a complex and lengthy process. Today there is no single ideology and party, as in the Soviet Union. Modern society needs to rely on its own critical and analytical thinking to comprehend the political realities. Constantly compare existing parties to their goals and functions. There is another part of society that trusts emotions, trusts the "charismatic" political leader and his ideals. It is worth noting that in the modern world harsh propaganda is ineffective, in

most cases it is "soft" in nature. This circumstance means that materials (in text or audiovisual format) with the presence of political propaganda should be presented so that the audience itself takes the side of certain political representatives.

Methods and techniques of political propaganda in film documentary of Russia and Kazakhstan

It is known that the world history of cinema began with chronicles. The discoverers were the brothers Lumiere and J. Méliès, R. Flaherty from the domestic masters Dziga Vertov and S. Eisenstein who recorded the daily life of ordinary people, workers of big cities in the XIX century. The contemporary theme of documentaries is diverse: events in culture, sports, science, politics; significant personalities and authorities of the society, including political leaders. Documentary filmmakers raise complex issues regarding a large number of people. The viewer cannot always find the answers, but the positive side is that what he sees makes you think and analyze the materials you saw.

"In developed countries, documentary films are supported by the state at the highest level. Understanding that it is national and world history that is written by cinema and television news today, no one expects to receive profit from documentary filmmaking - just as they do not expect this from the Hermitage and Versailles." [1]

The methods and techniques of propaganda used in documentary films are the following: "half-truth", "excessive simplification", "repeated repetition", "appealing to fear", "fake dilemma", "pulling out of context", "primary effect", "demonization of the enemy", "The use of prejudice." Also, with the development of technical capabilities, the basis for creating a documentary film is entertainment and dynamics. The next equally important technique is the "capture" of viewers with the help of voice, intonation, and there are some cases of improvisation by the author. The last, most important thing is the

psychology of man, which, by virtue of its structure, trusts real events.

It is worth considering that the cinema of each country developed due to its historical events and the current government. We agree with the second part of the statement that cinema records history, and it can serve as one of the main sources of information for future generations. Each author adheres to his point of view on what particular premises documentary projects should be formed from.

The formation of Russian cinema is examined by film critics L. Dzhulay according to the following time periods: 1) "in the 30s, cinema was finalized in the image and likeness of the state itself. Documentary cinema is also considered as its ward and subordinate education with a value hierarchy of themes, plots, heroes, mirroring the political ideals of Stalinist socialism"; 2) "in the 60s, the first attempts to liberalize state life met with the full acceptance and support of the creative intelligentsia, exactly as it was during the Great Patriotic War. Politics and the arts find some consensus, as it is fashionable to say now. Documentary, among others, responds to the wind of change with its own "thaw", hopes for partnerships with the state, is inspired by its initiatives and responds with wonderful films"; 3) "the threshold of the 90s: several years "before", several years "after". The euphoria of Perestroika. Cool publicity, not sparing Soviet statehood. Car breakdown, drive breakage, release and ... unnecessary for new politicians, lack of demand by the audience, loss of place in the new state system" [4]. As we see most of the history of the film industry, in particular documentary was under the influence of state power, was the mouthpiece of ideology. At that time there was no talk of the author's approach in the works. Such an action was punishable by the prohibition of films or by impeding the creative development of the author.

To date, documentaries in Russia are mainly produced when ordered by the Ministry of Culture and television channels

with full or partial state funding. More than 200 documentaries are released annually. It is worth noting that a prerequisite for the provision of the state budget is the availability of a certificate stating that the project already has a television order. This is a kind of guarantor of the film. Many journalists, documentary filmmakers have repeatedly raised this issue, because such conditions complicate the development of documentary films.

TV channels that set aside time for documentaries on social and political topics in the broadcasting network: Channel One, Russia 1, Russia 24, Ren-TV, Kultura. Also individual author projects are popular.

Documentary in Kazakhstan developed at the same time as in Russia in the late 1920s, as it was part of the Soviet Union. The first chronicles were devoted to everyday events of the economic and cultural life of the Kazakh people.

Modern documentary films are developed thanks to large television agencies and television channels such as Khabar and Kazakhstan, where there are special sections devoted to films about the country's political activity and about the leader of the nation N. Nazarbayev.

In Kazakhstan, there is no separate organization involved in the production of documentaries. Mostly authors, journalists and television companies work on projects in conjunction with the Kazakhfilm film studio. This organization focuses on documentary cycles dedicated to multinational cohesion of the Republic of Kazakhstan. Independent authors often make films that have little to do with country politics. "Documentary is directly related to the politics and ideology of the state, being an instrument of education and upbringing, propaganda and support of the country's image, cinematography of the state and part of our cultural heritage"[3].

For example, in the films "Kolyma - Homeland of Death" and "Zulmat. The so called "genocide" in Kazakhstan clearly spells out the conflict between the people and the authorities. The propaganda

technique "demonization of the enemy" is actively used - creating the image of the enemy as an aggressor, which is a threat and pursues only destructive goals. In this case – in relation to J.V. Stalin.

In the film "How did you sit this summer" we observe the character of the hero, his fate and unexpected actions on his part for society. The tension is pending a denouement, namely, a court decision, a speech by lawyers, in meetings after release, etc. Here another trick of the "crisis structure" is manifested.

All films tell past and new stories related to politicians, events, which show the reaction of the residents of Russia and Kazakhstan.

We reviewed, in brief, the history of the development of documentary films in Russia and Kazakhstan in order to understand what methods and techniques of propaganda it currently has. It is generally accepted that documentary writing is a work created on the basis of documents, archives and facts that capture real events and heroes. In the explanatory dictionary of Efremova, the concept of documentary filmmaking is a section of cinematography that covers all types of documentary and chronicles films [5]. Today there is no consensus on documentary genres, we present the most common ones: newsreels, films on various topics, conversation, monologue, interviews.

Conclusion

In our short study we tried to identify the presence of political propaganda in documentaries of Russia and Kazakhstan, both on state television channels and in copyright projects. To achieve the results of the study, we made a selection of documentaries in the following sections: 1) state policy and political leaders; 2) relations of power and people. This division made it possible to examine in more detail the ways of creating documentaries and to consider the presence and manifestation of political propaganda. Moreover, we were able to identify the differences between the author's documentary film and the state

one. In the first case: energetic dynamics of the narrative, manifestation of the author's position, the presence of different opinions, an abundance of information sources. In the second: focus on the image of a political leader, a detailed chronological construction of the narrative.

The peculiarity of dramaturgy is expressed in the types of plot structure. Commonly used types: storytelling and action dramaturgy. With the help of types we can determine the character of the hero, the conflict of history, as well as factors and turning points in the fate of a person or the whole state.

National self-identity, a sense of patriotism, the policy of the new government and the authority of the first president of the state are the leading topics in documentaries in Kazakhstan. Russian documentaries focus on the country's participation in geopolitical issues. Also emphasis on the political leader and forecasts for the future of politics is actual.

Based on the analyzed materials, we can conclude that modern cultural propaganda is more inclined to political influence.

Cultural and political aspects of tv-propaganda in the media of Russia and Kazakhstan

Martynenko E.V., Murzagalieva T.
RUDN University

The article studies the influence of the media on socio-political sentiment in the context of political and cultural propaganda. The authors selected the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan as objects for a comparative study. The relevance of the study is that over the past two years (2018 and 2019), society has faced large-scale political events in Russia and Kazakhstan: the election of the President of the Russian Federation in 2018, the resignation of the President of the Republic of Kazakhstan in 2019; Agreed and uncoordinated protests in these countries. In addition, the very phenomenon of propaganda is undergoing evolution today: it is being transformed from a purely political one into a more familiar to society and convenient from the point of view of understanding and perception, cultural or social.

In preparing the study, the authors used the system-analytical method, the method of historical analysis and the method of content analysis.

Keywords: Russia, Kazakhstan, media, politics, public opinion, culture.

References

1. Chekmarev A.A. Teledokumentalistika kak format refleksii obshhestva. URL: file:///C:/Users/www/Desktop/Kursovaja%20ok.kino/teledokumentalistika-kak-format-refleksii-obshhestva.pdf (Date of access 01.04.2020)
2. Chernyh A. Mir sovremennyh media. – M.: Izdatel'skij dom «Territorija budushhego», 2007 g. URL: file:///C:/Users/www/Desktop/POSOBIJa%202019G.RUDN/Ala_Chernyh_Mir_sovremennykh_media.pdf (Date of access 01.04.2020)
3. Dokumental'noe kino Kazahstana. URL: http://mysl.kazgazeta.kz/?p=169 (Date of access 01.04.2020)
4. Dzhulaj L.N. Dokumental'nyj illjuzion: Otechestvennyj kinodokumentalizm. URL: http://media-shoot.ru/books2/Dzhulaj-Dokumentalnyj_illjuzion.pdf (Date of access 01.04.2020)
5. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. – M.: Russkij jazyk, 2000 g.
6. Politicheskaja propaganda: istorija ponjatija, ego ispol'zovanie v nauchnyh issledovanijah. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46762/1/klo_2017_230.pdf (Date of access 01.04.2020)
7. Propaganda. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=732520 (Date of access 01.04.2020)
8. Shirjaeva K. I., Amirov V. M.. Koncepty gosudarstvennoj propagandy v SMI. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/39818/1/urp-2016-150-05.pdf (Date of access 01.04.2020)
9. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. V 4 t. / V. I. Dal'. – 6-e izd., stereotipich. – M.: Drofa; Russkij jazyk – Media, 2011.
10. Vartanova E. L. Social'naja otvetstvennost' SMI v uslovijah ustanovlenija mediabiznesa. URL: file:///C:/Users/www/Desktop/vartanova.pdf (Date of access 01.04.2020)

Имиджевая функция спорта на примере формирования имиджа России по итогам Олимпийских игр в Сочи в 2014 году

Мартыненко Станислав Евгеньевич

к.и.н., доцент, кафедра теории и истории международных отношений Российского Университета Дружбы Народов, martynenko-se@rudn.ru

В рамках данной статьи рассматривается имиджевая функция международного спорта на примере XXI зимних олимпийских игр в г. Сочи в 2014 году. Олимпиада в Сочи задолго до своего начала вышла за пределы чисто спортивного события. Она приобрела для России серьезное политическое и международное значение. Причем наша страна резко отличается в этом отношении от хозяев прежних зимних Игр – Италии, Канады, США, Японии и других. Каждая из этих стран пыталась выжать максимум из своей Олимпиады в плане международного имиджа, престижа, доходов и долгосрочных вложений в инфраструктуру. Однако они вряд ли сравнятся с Россией по комплексу проблем, которые предшествовали Играм 2014 г. и сопровождали их. Сочи 2014 г. – это своего рода точка бифуркации, прохождение которой обнажает многие вызовы как внутри России, так и в отношениях нашей страны с внешней средой. В политическом смысле Олимпиада оказалась проверкой организаторских возможностей руководства страны – с одной стороны, и тестом на политическую зрелость страны в целом – с другой.

Ключевые слова: Олимпийские игры, Сочи, имидж страны, СМИ, политика.

С 7 по 23 февраля 2014 года в Сочи прошли XXI зимние Олимпийские игры. В общей сложности во время соревнований было разыграно 98 комплектов медалей. На Играх в Сочи спортсмены представляли 88 стран, что явилось новым олимпийским рекордом. Впервые в зимних олимпийских играх приняли участие семь новых стран: Доминика, Мальта, Парагвай, Восточный Тимор, Того, Тонга и Зимбабве.

На Олимпийских играх 2014 присутствовало более 50 глав государств и правительств, 60 делегаций международных организаций и министров спорта. Церемония открытия XXII Олимпийских зимних игр проходила на стадионе «Фишт», начавшись 7 февраля в 20:14 по московскому времени. Шоу длилось около трёх часов. Это было по-настоящему грандиозное представление. Церемонию открытия по всему миру посмотрели три миллиарда человек, а трансляцию мероприятия обеспечивали 140 телекамер, в подготовке открытия приняли участие более 12 тысяч человек.

Открытие Олимпийских игр было связано с накладкой – одна из пяти трансформирующихся в олимпийские кольца огромных снежинок не раскрылась. В российской трансляции эти кадры на мгновение попали в эфир и были заменены кадрами с репетиции церемонии открытия, где не было проблем. Этот момент организаторы церемонии не стали скрывать, а даже впоследствии на церемонии закрытия Олимпиады обыграли, показав, что у России замечательное чувство юмора.

Журналисты телеканала NBC, которому принадлежали эксклюзивные права на трансляцию Игр-2014 на территории США, в одной из передач заметили: «Во время церемонии закрытия

Игр Россия продемонстрировала прекрасное чувство юмора и самоиронию. Танцовщики сформировали пять колец, одно из которых - самое правое - раскрылось не сразу. Все тут же вспомнили церемонию открытия Олимпиады, когда снежинка, которая должна была стать пятым олимпийским кольцом, из-за технических неполадок не раскрылась» [1].

Интернет-издание The Huffington Post (США) в эти дни писало: «За несколько часов до церемонии закрытия Константин Эрнст показал журналистам, что у него отличное чувство юмора. Он пришёл на пресс-конференцию в футболке с четырьмя олимпийскими кольцами и одной снежинкой» [12].

Европейские издания также не обошли стороной церемонии открытия и закрытия Игр. Например, датский ежедневник Berlingske Tidende назвал эти мероприятия грандиозными, а Ekstra Bladet - общественно-политическая ежедневная газета, восхищалась «гигантским спектаклем-путешествием по русской культуре». Французская региональная газета «Альзас» рассказывая об Олимпиаде в Сочи писала о том, что зрители, находившиеся на стадионе «Фишт» по достоинству оценили шутку организаторов, решивших обыграть инцидент с запаздыванием раскрытия одного из олимпийских колец.

Не только церемонии открытия и закрытия Олимпийских игр были проведены на высшем уровне, но и сама Олимпиада. По мнению Международного олимпийского комитета, Зимние игры 2014 стали рекордными за всю историю зимних Олимпийских игр по многим показателям.

Президент МОК Томас Бах сказал: «Ни одной жалобы не поступило со стороны спортсменов. Они в восторге от сооружений, их впечатлило то, насколько близко (олимпийские) деревни от мест соревнований... Эти Игры были великолепными и в определённой степени уникальными в плане логистики, так как спортсмен мог прийти на завтрак и пешком дойти на тренировку

за несколько минут... Мы подошли к концу замечательных Олимпийских игр. Отзывы, которые мы слышим от участников, позитивные. Вы услышите только похвалу в адрес этих Игр» [2]. Характерно, что свое мнение президент МОК полностью подтвердил и в 2015 году, т.е., спустя год после проведения игр.

С мнением президента МОК Томаса Баха солидарен и почетный член МОК, трёхкратный олимпийский чемпион Жан-Клод Килли: «Безусловно, между Сочи в 2007 году и Сочи в 2014 году невообразимая разница. Работа была проведена наилучшим образом. Были продемонстрированы богатые ресурсы такой большой страны, как Россия. Я говорил, что эти Игры станут лучшими в истории, и так оно и получилось. И ваша страна должна гордиться этим. Это получилось благодаря людям, десяткам тысяч людей, которые готовили Игры. Также это стало возможным благодаря вкладу политических лиц, которые постоянно участвовали в процессе и, прежде всего, Президенту страны Владимиру Путину. Внимание главы государства к проекту было беспрецедентным, начиная с момента выбора городского хозяина Игр и до церемонии закрытия. Это объясняет огромный и уникальный успех Игр в Сочи» [3].

Президент Международной федерации лыжного спорта и член Международного олимпийского комитета Жан Франко Каспер, известный своей жесткой критикой Олимпийских игр в Сочи на стадии их подготовки, в интервью газете Sonntag Aktuell охарактеризовал Игры в момент их проведения следующим образом: «То, как до сих пор проходят Олимпийские игры в Сочи, стало для меня приятным сюрпризом. Пока многое проходит лучше, чем ожидалось. А когда видишь, как много здесь возведено за последние годы, то это - выдающееся достижение» [4].

В период проведения Олимпиады отношение к нашей стране в мире стало меняться. Статьи в зарубежных СМИ, интервью спортсменов и журналистов стали окрашиваться в положительные

оттенки. Рассмотрим, как изменился имидж России после проведения Зимних Олимпийских игр 2014.

Имидж - это «образ», «изображение», «отражение» - совокупность представлений, сложившихся в общественном мнении о том, как должен вести себя определенный объект в соответствии со своим статусом [5]. В настоящее время стало очень заметно, что государства уделяют большое внимание формированию внешнеполитического имиджа своих стран. Современные технологии и методы формирования и поддержания положительного имиджа приобретают огромное значение, так как позволяют стране достигать поставленных внешнеполитических целей и продвигать национальные интересы. Имидж страны на международной арене является движущей силой во внешней политике и одним из главных инструментов решения задач государства. Вектор направленности имиджа страны – позитивный или негативный - определяет успешность проведения государством внешней политики, развитие экономических, торговых и иных отношений с другими странами.

Безусловно, для России важным аспектом внешней политики является создание и поддержание позитивного имиджа нашего государства на международной арене. Стоит отметить и внушительный список внутренних вызовов, причем едва ли не каждый из них получает международный резонанс. В контексте Игр это, прежде всего, состояние российской спортивной школы: способность государства управлять массовым спортом. Эффективность и результативность управления ресурсами в решении масштабных задач уровня строительства олимпийских объектов. Открытость российского общества. Безопасность и защищенность, в том числе на фоне террористических угроз и непростой ситуации на Кавказе. Качество управления и менеджмента на самых разных уровнях. Накануне и в ходе Олимпиады даже мелкие недочеты на

этих направлениях могли иметь десятикратный резонанс, а после завершения зимних Игр эффект вложенных сил и средств позволил бы ответить на вопросы: добились ли мы хотя бы локального прорыва или просто вложились в красивый спортивный праздник, как это имело место в Москве в 1980 году.

Необходимо понимать, что спорт является эффективным инструментом создания позитивного имиджа страны, способствуя интенсификации общения и улучшению отношений между странами. Олимпийское движение, как часть спортивной индустрии, можно рассматривать как одно из средств укрепления международного сотрудничества. Участие в Олимпийском движении влияет на формирование имиджа страны, так как спорт сейчас по-настоящему глобальное явление и оказывает влияние на многие сферы жизни общества.

Олимпийские игры играют огромную роль в развитии страны, принимающей игры. Во время подготовки Олимпиады строятся спортивные сооружения, развивается инфраструктура. Игры способствуют увеличению потока туристов, что не может не оказывать положительного влияния на экономику страны. Олимпиада, определенно, дает возможность государству, принимающему соревнования, показать свои социально-экономические и политические достижения и позитивно влияет на внешнеполитический имидж государства.

Сочинская Олимпиада является весьма удачным примером, подтверждающим данный тезис. Для проведения олимпиады было построено огромное количество спортивных сооружений, три Олимпийские деревни, модернизирована транспортная и гостиничная инфраструктура, возведены или реконструированы объекты культуры и искусства [6].

Не секрет, что в имиджевом и репутационном плане у России имеется целый ряд исторически стереотипных проблем. Восприятие России на Западе, в том числе в странах бывшего Социали-

стического Содружества, нередко остается весьма эклектичным, а подчас и сумбурным. Лубочные представления о российской культуре из серии «Пушкин–Толстой–Достоевский» сочетаются с предельно упрощенными шаблонами, в которые подставляются лишь новые лица и имена. Образ России – это во многом образ крайностей. Россия – «авторитарная, имперская, коррумпированная, неудобная, слаборазвитая (но при этом богатая), непредсказуемая, сырьевая, одномерная, неорганизованная, нерыночная, деструктивная, анархичная» и т.д.. Это хорошо известный набор большого числа зарубежных, да и некоторых российских журналистов, экспертов и политиков, который неплохо покупается избирателем, телезрителем, а теперь и пользователем Интернета.

Основную тревогу зарубежных СМИ вызывала безопасность пребывания спортсменов и туристов в Сочи. В связи с этим вопросам безопасности было уделено огромное внимание. На Олимпиаде были приняты колоссальные меры по обеспечению полной безопасности гостей и участников Игр. Были предотвращены террористические атаки, которые по данным спецслужб, должны были произойти до Олимпиады и привести к разрушению Олимпийских объектов. Содействие в работе российским структурам оказывали 93 представителя международных структур и правоохранительных органов из 32 государств [7].

В преддверии Олимпиады некоторые зарубежные СМИ и международные организации призывали бойкотировать Олимпиаду в Сочи, но эти спортивные соревнования ни одна страна в мире не проигнорировала информационно. Помимо этого Олимпиада 2014 стала самой рейтинговой – телевизионные трансляции смотрели около 3,5 млрд. человек [8]. Миллионы людей не только смотрели соревнования по телевизору, но и обсуждали Олимпиаду в социальных сетях и блогах. Мнения об

Олимпиаде в основном носили положительный характер, и это не могло не оказывать позитивное влияние на имидж нашей страны. XXII Зимние Олимпийские игры в Сочи стали самым обсуждаемым событием в мировой прессе начала XXI века. Играм было посвящено 17 миллионов 390 тысяч публикаций в различных средствах массовой информации.

Для сборной России Игры стали рекордными: было завоевано 33 медали (13 золотых, 11 серебряных, 9 бронзовых). Россия заняла первую строчку в командном зачете, опередив Норвегию и Канаду. Это в свою очередь также повлияло на имидж России [8].

XXII Зимние Олимпийские игры дали толчок к изменению образа России в положительную сторону. Организаторы Олимпиады доказали всему миру, что Россия способна проводить масштабные мероприятия на высшем уровне, даже по некоторым параметрам превосходить этот уровень.

Уровень проведения спортивных соревнований, волонтеры, открытое и доброжелательное местное население, удобный транспорт, развитая туристическая инфраструктура - все это вместе работало на позитивный имидж России и не могло не дать положительного результата.

Начиная с подготовки заявочной кампании «Сочи-2014» и заканчивая церемонией закрытия Олимпийских игр, Оргкомитет проделал огромную работу по улучшению имиджа нашей страны. Россия укрепила свою репутацию, как великая спортивная держава.

В подтверждение того, что XXII Зимние Олимпийские игры позитивно повлияли на имидж России, а в некоторых случаях даже изменили мнение людей о нашей стране, можно привести слова экспертов в области спорта, журналистов, политологов, спортсменов.

Ежедневная французская газета Le Figaro после Олимпиады писала: «Это было так прекрасно, что хотелось смеяться и плакать одновременно. В нашем

сознании Россия предстает какой-то удивительной, и не знакомой до этого, культурной Вселенной» [9]. В одной из своих публикаций ежедневный британский таблоид Morning Star утверждал: «Совершенно потрясает тот посыл, который создателям церемонии Открытия и Закрытия Олимпийских игр удалось воплотить. Если на Открытии Россия вспоминала все лучшее, что с ней происходило в XX веке, то на церемонии закрытия Россия категорически утверждала, что она готова двигаться дальше» [10].

Один из спортивных экспертов итальянской ежедневной газеты Corriere della Sera Пауло Валентино, посетивший Олимпиаду 2014, после ее завершения, написал: «Во время закрытия церемонии я, человек, скептически относящийся к современной России, с ее традиционализмом, гомофобией, агрессивностью и ее имперским авторитетом, неожиданно ощутил необыкновенный подъем, чувства, которые за все свои 54 года никогда не испытывал. И меня поразило то, насколько нельзя верить сложившимся стереотипам об этой стране и то, насколько мы ничего не хотим знать о ней» [11].

В пятилетний юбилей открытия Олимпийских игр в Сочи 7 февраля 2019 года на Первом канале вышел документальный фильм «Зимние. Жаркие. Твои». В его основу легли свидетельства и личные впечатления организаторов игр, спортсменов, независимых экспертов. Зритель смог окунуться за кулисы Олимпиады и из первых уст узнать о событиях пятилетней давности, о том, как изменилось мнение о России после этого масштабного мероприятия.

Подводя итог, можно констатировать следующее. Олимпиада в Сочи – это два испытания для России, которые были успешно ею пройдены. Во-первых, испытывалась способность страны обеспечить все необходимые условия для проведения Игр: создать инфраструктуру, подготовить кадры для ее обслуживания, подготовить национальную олимпийскую сборную, обеспечить

безопасность и благоприятную международную среду, максимально эффективно провести медийное освещение спортивных состязаний, придать им положительный имиджевый резонанс. Судя по отзывам зарубежных СМИ, Россия с честью справилась с этими испытаниями.

Второе испытание могло оказаться гораздо более сложным. Необходимо было рационально использовать созданные заделы для превращения Сочи в глобально привлекательный город. Это потребовало кропотливой работы в условиях отсутствия мобилизации для проведения крупного мероприятия. Но, как мы видим, колоссальный прорыв на этом направлении сделал для образа России в мире больше, чем дорогостоящие пиар-кампании и самые передовые имиджевые агентства.

Литература

1. The tonight show starring jimmy fallon Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.nbc.com/the-tonight-show/video/shaun-white-recaps-the-sochi-olympics/2749369> (дата обращения: 17.03.2020)
2. Томас Бах: в адрес Сочи вы услышите только похвалу Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://radiovesti.ru/news/395468/> (дата обращения: 17.03.2020)
3. Жан-Клод Килли: «Назначение Александра Жукова главой Координационной комиссии Игр-2022 – это результат блестяще проведенных Игр в Сочи» Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://olympic.ru/news/news/jan-klod-killi> (дата обращения: 17.03.2020)
4. Жан-Франко Каспер: Работу, проведенную в Сочи, можно назвать настоящим чудом. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.sonntag-aktuell.de/> (дата обращения: 17.03.2020)
5. Картаслов.Ру. Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 17.03.2020)
6. Сочи 2014 – Инфраструктура. Электронный ресурс. – Режим доступа:

<http://www.olympic.ru/olympic-games/sochi-2014/infrastructure/> (дата обращения: 17.03.2020)

7. Сочи 2014. Олимпийские испытания России Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sochi-2014-olimpiyskie-ispytaniya-rossii/> (дата обращения: 17.03.2020)

8. Сочи-2014: подведены первые итоги. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1456662&tid=47033> (дата обращения: 17.03.2020)

9. Le Figaro Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.lefigaro.fr/> (дата обращения: 17.03.2020)

10. Morning Star. Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://morningstaronline.co.uk/> (дата обращения: 17.03.2020)

11. Corriere della Sera Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.corriere.it/> (дата обращения: 17.03.2020)

12. The Week In Stories That Actually Mattered: February 9-16, 2014 Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.huffpost.com/> (дата обращения: 17.03.2020)

Image-making function of sport on the example of Russia's image forming after Olympic games in Sochi in 2014

Martynenko S.E.
RUDN University

The article is focused on the research of image function of international sports on the example of the XXI Olympic Winter Games in Sochi in 2014. The Olympics in Sochi, long before its start went beyond a purely sporting event. It has acquired serious political and international significance for Russia. Moreover, our country is sharply different in this respect from the owners of the previous Winter Games - Italy, Canada, the USA, Japan and others. Each of these countries tried to get the most out of its Olympics in terms of international image, prestige, income and long-term investment in infrastructure. However, they are unlikely to be compared with Russia in the complex of problems that preceded the 2014 Games and accompanied them. Sochi 2014 is a kind of bifurcation point which reveals many challenges both within Russia and in our

country's relations with the external environment. In the political sense, the Olympics turned out to be a test of the organizational capabilities of the country's leadership, on the one hand, and a test of the political maturity of the country as a whole, on the other.

Keywords: Olympic Games, Sochi, image of the country, media, politics.

References

1. The tonight show starring jimmy fallon Electronic resource. - Access mode: <https://www.nbc.com/the-tonight-show/video/shaun-white-recaps-the-sochi-olympics/2749369> (accessed date: 03/17/2020)
2. Thomas Bach: to Sochi you will hear only the praise of the Electronic resource. - Access mode: <https://radiovesti.ru/news/395468/> (accessed date: 03/17/2020)
3. Jean-Claude Killy: "The appointment of Alexander Zhukov as the head of the Coordination Commission of the Games-2022 is the result of the brilliantly held Games in Sochi" Electronic resource. - Access mode: <http://olympic.ru/news/news/jan-klod-killi> (accessed date: 03/17/2020)
4. Jean-Franco Casper: The work carried out in Sochi can be called a real miracle. Electronic resource .. - Access mode: <http://www.sonntag-aktuell.de/> (accessed: 03/17/2020)
5. Kartaslov.Ru. Electronic resource. - Access mode: <https://kartaslov.ru/> (accessed date: 03/17/2020)
6. Sochi 2014 - Infrastructure. Electronic resource. - Access mode: <http://www.olympic.ru/olympic-games/sochi-2014/infrastructure/> (accessed: 03/17/2020)
7. Sochi 2014. Olympic tests of Russia Electronic resource. - Access mode: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sochi-2014-olimpiyskie-ispytaniya-rossii/> (accessed: 03/17/2020)
8. Sochi-2014: the first results are summed up. Electronic resource. - Access mode: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1456662&tid=47033> (accessed: 03/17/2020)
9. Le Figaro Electronic resource. - Access mode: <http://www.lefigaro.fr/> (accessed date: 03/17/2020)
10. Morning Star. Electronic resource .. - Access mode: <https://morningstaronline.co.uk/> (accessed date: 03/17/2020)
11. Corriere della Sera Electronic resource. - Access mode: <https://www.corriere.it/> (accessed date: 03/17/2020)
12. The Week In Stories That Actually Mattered: February 9-16, 2014 Electronic resource. - Access mode: <https://www.huffpost.com/> (accessed date: 03/17/2020)

Повседневность публичного пространства Иркутска: социальная активность горожан

Полюшкевич Оксана Александровна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет, okwook@mail.ru

В статье рассмотрены особенности повседневного публичного городского пространства, выявлена его структура и функции, проанализированы особенности развития. Обозначены перспективы и формы развития публичного пространства Иркутска. Приведены результаты исследования форм гражданской активности и реализации повседневных практик в публичных местах города, а также обозначена проблема регулирования государственной политики данных областей городской жизни.

Ключевые слова: публичное пространство, гражданская активность, повседневное пространство, государственная политика, городская идентичность, правовое регулирование

Публичное пространство является важным элементом городской среды. Оно ее определяет, задает рамки и нормы, является критерием и одновременно условием существования гражданского общества. На протяжении своего существования, оно выполняло разные функции: от торговой, зрелищной до религиозной и политической. Сегодня публичное пространство это место соединения интересов власти, бизнеса, общественности и прочих социальных институтов.

Сегодня собрание незнакомцев в рамках публичного пространства происходит зачастую по принципу интересов или профессиональной необходимости, консолидируя отдельные сообщества и группы. Этот аспект вызывает особый интерес у психологов, социологов, урбанистов, политологов, маркетологов и прочих специалистов изучающих принципы функционирования и развития данного пространства как такового и его участников в частности. Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 регламентирует порядок и формы организации мероприятий в публичных пространствах города [1].

Представителям социологии города в 20-х г. XX века в рамках Чикагской школы были проведены классические исследования о динамике групп внутри городов, об уровне солидарности и отчужденности, идентичности и воздействии на эти процессы концентрических кругов пространства города (Р. Парк, Э. Берджесс). Уже во второй половине XX века в Анри Лефевром были окончательно сформулированы принципы, нормы и механизмы воздействия городского пространства на психологию человека и целых социальных групп. Его ученики и последователи П. Бурдьё, Э.

Сеи, Д. Харви развили и внесли ряд уточнений и проработанных механизмов работы в этот подход. Их идеи объединяла мысль, что пространство конструируется социумом под влиянием социокультурных и исторических изменений, и именно пространство влияет на мысли и чувства, эмоции и убеждения горожан. В то же время, новые социальные практики могут также влиять на город и, по словам Лефевра это звучит как «написание пространственного кода» (способ жизни в пространстве, способ его понимания и развития на индивидуальном и социальном уровнях). Сойи делает акцент на неравномерном развитии пространства города, которое приводит к еще большей дифференциации и стратификации. Д. Харви смещает акцент с пространства города на места в городе, которые определяют контекст и вектор развития города. В этом смысле, публичное пространство – это место, которое позволяет быть видимым. Это место, в рамках которого реализуются культурные, интеллектуальные, гражданские и иные проекты, позволяющие гражданам проявлять свой интерес, позицию. Где реализуется их право на город, через протестные практики, практики культурного производства, через практики повседневности и досуга и так далее.

В современных социологических теориях доминируют две трактовки публичного пространства. Первая – публичное пространство, где вырабатываются важные решения не связанные с локальными интересами отдельных лиц или групп лиц (Х. Арндт, З. Бауман, Ю. Хабермас). Оно чаще упоминается в контексте борьбы за город в политическом или экономическом аспектах, а также при решении общественно актуальных вопросов. Вторая – публичное пространство, где протекает публичная жизнь, протекает социальное взаимодействие (И. Гоффман, Д. Джекобс, Л. Лофланд). Оно чаще применяется в контексте социального взаимодействия и воспроизводства, позволяющего со-

здавать условия для контактов незнакомых людей, получающих либо удовольствие, либо знание, либо какой-либо опыт от совместного времяпрепровождения, где каждый может быть собой и показать это другим или же попробовать *быть другим*, установить новые *правила игры*.

Публичное пространство обеспечивает неформальное взаимодействие для всех, кто заинтересован в нем. Тут реализуются события конструирующие пространство города, это площадка для важных в локальном городском пространстве событий, определяющих этот город [3,4].

Благодаря публичным местам города повышается качество жизни человека. Чем больше публичных пространств в городе – тем больше возможностей для реализации и развития видит в себе индивид [5,8]. Публичные пространства могут быть ориентированы на внешний вид улиц, скверов и площадей (скамейки, кафе, набережные), так и внутреннюю наполненность и разнообразность событий (музыканты играют музыкальные произведения, художники выставляют свои работы, ученые читают публичные лекции, специалисты их разных областей проводят публичные лекции и прочее).

Одним из критериев публичного пространства выступает помимо удобства, еще доступность, безопасность, возможность наблюдать или стать участником действия. Интересным моментом выступает тот факт, что улицы наполненные автомобильными пробками или пустынные официальные площади не вызывают желания там задержаться, хотя формально выступают публичными местами [2]. Также как и однотипные застройки многоэтажными домами целых районов приводят к психологическому подавлению человека, который из пространства города переносит свою социальную активность в новые сферы жизни – в виртуальное пространство, где есть те же условия для переключения и досуга (коммуникация, реализа-

ция, признание), но нет ограничивающих рамок внешних (здания, улицы) и внутренних (интересные персоны, новый опыт) рамок. Поэтому сегодня публичное пространство выступает местом трансформации индивидуальных и коллективных практик социального взаимодействия.

В нашей работе мы прослеживали, как городские публичные пространства Иркутска справляются со своими функциями публичного места. Для этого в 2019 году мы провели опрос 2400 жителей Иркутска в возрасте от 18 до 65 лет, 60% женщин и 40% мужчин.

Только четверть опрошенных (25%) проводит свой досуг дома, остальные вне его стен. И чем моложе респонденты, чем чаще они бывают в публичных местах города. При более высоком социально-экономическом статусе их самих или их семьи, тем чаще они бывают в кофейнях, клубах и прочих заведениях предусматривающих плату, чем меньше доход и иные социально-экономические возможности, тем чаще они бывают на открытых публичных площадках (улицах, парках, набережных).

Более половины из опрошенных 54% имеют свои городские места, еще 26% ищут свое место, осваивая новые городские пространства.

Я знаю старинные дома и улицы Иркутска, люблю по ним блуждать. Стараюсь не пропускать «Прогулки по старому Иркутску», которые проводит Алексей Петров по вторникам (М.Н., переводчик, 32 года).

В Иркутске есть «мои места», где всплывают какие-то воспоминания и ассоциации. Но я бываю и в новых пространствах, мне интересно кто туда приходит, о чем говорит, как смотрит на жизнь (А.Ш., член общественной платы, 58 лет).

Мы с друзьями всегда встречаемся в новых местах, это новые ощущения и пространства, которые помогают получать что-то непривычное, необычное, что может украсить повседневную рутину (Д.А., врач, 29 лет).

Отдельно респонденты указывали на знаковые места для Иркутска, которые выступают местами фиксации коллективной памяти – 75% (Церкви, Храмы, городские парки и скверы) и домашние территории – 25% (жилые дворы и улицы, особенно в старой части города).

Встреча у Сашки (памятника Александру III) на набережной – это наше место для сбора всей компании. И мои родители в юности там же встречались, сейчас конечно реже, но тоже бывает... Место определяет формат встречи – песни под гитару, вино, романтическое настроение ... (С.А., студент, 19 лет).

У Храма Святой Рюкочи в Иркутске удобно встречаться или чуть дальше у Иркутских ворот. Эти места все знают. Там много народа, всегда есть куда пойти (М.Ю., юрист, 27 лет).

Сквер на площади Графа Сперанского или по-старому Сквер Кирова – является местом встречи влюбленных, различных групп по интересам. Придите туда в разное время и всегда вы увидите несколько компаний, несколько парочек, пара тройка одиноких интересующихся граждан. А если еще там какие-то выставки организуют в летнее время (художники, те, кто делают своими руками украшения, вяжут одежду или свечи выливают – словом хенд-мейд), то народу в пять раз больше будет (С.В., преподаватель, 34 года).

У дома Шубиных я всегда встречаюсь со своей девушкой. У дома Волконских – встречаюсь с друзьями. Как-то так повелось. Всем удобно добираться из разных концов города (С.А., программист, 23 года).

Эти места объединяет так называемое повседневное пространство – там можно побывать несколько раз в неделю, без особой цели, оно становится обыденным и только какие-то новые персоны, мероприятия организованные там могут вызвать интерес и особо запомниться, тем что там проводят

больше времени чем обычно или совсем иначе как обычно.

Также существуют пространства привычного досуга, там, где респонденты регулярно проводят свое свободное время. Это становятся торговые комплексы с развлекательной зоной (61%), кафе или пиццерия (21%), кинотеатр (18%). Для большей части респондентов важна компания, а не место встречи. При этом, группу объединяет ориентация на внешние стимулы (покупки, еда, просмотр фильмов).

Не всякая кафешка или пиццерия подойдет нашей большой компании. Поэтому важна возможность перестановки столов, гуманный ценник, сытные блюда (С.Ю., студент, 20 лет).

Мы с подругами встречаемся в «нашем» рок-кафе. Это место, с которым есть свои воспоминания у всех нас. И приятно вспомнить и хорошо отдыхается (А.П., экономист, 41 год).

Сегодня торговые комплексы предлагают все, что может быть интересно современным женщинам – шопинг, встречу с подругами там же, возможность посетить кинотеатр (Е.Н., блогер, 29 лет).

С друзьями мы встречаемся в кинотеатре, а потом уже идем дальше – можем в кафе, можем на набережную – все зависит от настроения и погоды (В.В., психолог, 21 год).

Третьим блоком выступают незнакомые места или редко посещаемые места в городе (квест-комнаты (13%), боулинг, караоке и другие клубы (18%), библиотеки или музеи с неформальными мероприятиями (ночь в библиотеке, вечер стихов) – 21%, что-где-когда? (23%) и коворкинг-центры и открытые лектории 25%. Эту группу объединяет ориентация на взаимодействие с другими участниками.

Я стараюсь раз в неделю ходить на публичные лекции. Обычно бываю в «Точке кипения» по понедельникам. Если есть возможность, то посещаю лекции и мастер-классы в другие дни (С.Н., предприниматель, 49 лет).

Сегодня становится можно проводить выставки, лекции или мастер-классы в музеях или библиотеках. Вот всей семьей на прошлой неделе были на мероприятии «Ночь в библиотеке», там и стихи читали нам и песни пели и в кафе чай пили. Всем понравилось. А посещение уже традиционного мероприятия «Ночь в музее» вообще завораживает и детей и бабушек. Туда ходим регулярно (В.В., домохозяйка, 52 года).

Я состою в клубе «Что? Где? Когда?» и не пропускаю ни одну внутреннюю встречу и тем более, когда у нас соревнования (С.О., системный администратор, 26 лет).

Я люблю петь и регулярно хожу в караоке-клуб, где совершенно с незнакомыми людьми поем песни, и так хорошо и радостно после этого! (Л.Л., финансовый консультант, 32 года).

Именно представленность третьей группы определяет развитость публичного пространства в городской среде, так как предполагает взаимодействие с незнакомыми людьми в полной мере.

Критерием развития коммуникативной функции публичного пространства выступает социальность (ресурс формирования сообщества), когда незнакомые люди формируют связи, позволяющие решать совместные задачи. В исследовании мы выявили две позиции: первая – при посещении публичных мест респонденты не устанавливают новых контактов, общаясь преимущественно с теми, кто с ними пришел (свои друзья) – 39%, т.е. социальность выражена недостаточно ясно в тех публичных местах, где бывает данная группа респондентов. И 45% отметили то, что публичное пространство создает условия для социального взаимодействия незнакомых людей, и они этим пользуются.

Интересным моментом выступает то, что только 29% хотели бы завести полезные знакомства в публичных пространствах; 18% уже завели интересные знакомства, остальные 53% не рассматривают на данные моменты. Иными

словами, коммуникативная функция в публичных пространствах Иркутска развита не достаточно хорошо.

Я прихожу в Точку кипения или InLermontov для того чтобы найти контакты, которые помогут мне реализовать, быть лучше, чем есть сейчас (А.Г., маркетолог, 27 лет).

Я нашел работу через человека, с которым встретился в Караоке клубе, так что никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь (Т.Т., финансовый аналитик, 44 года).

Везде одна тусовка, и если ты ее частью не являешься, то вряд ли когда-либо станешь (А.Н., хореограф, 27 лет).

Еще одна функция публичного пространства как уменьшение социальной инклюзии отдельных социальных групп (субкультуры, инвалиды, пенсионеры и проч.). Вхождение различных маргинальных сообществ в публичные пространства позволяет им вписываться в рамки места и города в целом, не быть в полной мере чужаками, увеличивая эмпатию и сопричастность с остальными горожанами. В исследовании мы выявили достаточно слабо проявленную данную функцию. Только 18% отметили что в тех публичных местах, где они бывают что могут быть люди не похожие на них (по возрасту, религии, национальности, профессии и т.д.). Т.е. большинство публичных пространств Иркутска достаточно однородны. Хотя по мнению классиков урбанизма (Р. Сеннет, Л. Лофланд, Дж. Джекобс, Р. Ольденбург и др.), ценность публичного пространства как раз в разнообразии, в возможности вести диалог с теми, с кем ранее не могли пересекаться в одном пространстве.

Я вижу вокруг людей примерно таких же как и я. Конечно, пол, возраст, деньги у всех разные, но в целом – мы похожи (С.В., переводчик, 25 лет).

В публичных местах я вижу все время одних и тех же людей. Это своя тусовка. Так что сегодня навряд и чужаки так вот просто могут влиться в него, только если это не эксперт в какой-либо области, который может чему-то научить (А.В., юрист, 33 года).

Организационная функция публичного пространства организует вовлечение горожан в общественную жизнь и формирование социальной ответственности за свою улицу, свой город, свою страну. Она позволяет создавать социальные действия, которые приводят к принятию коллективных решений по развитию городской территории.

В исследовании мы выяснили, что 16% не знает, как они могут повлиять на управленческие решения и внутреннюю политику; 25% указали, что у них есть возможность влиять на остальных, преобразовывать (измерять, украшать, благоустраивать); готовность обсуждать важные вопросы для какой либо группы в публичных местах отметили 12% участников опроса; наличие лидеров в их окружении, которые могли бы собрать людей вокруг себя смогли назвать лишь 10% респондентов; 37% затруднились ответить на данный вопрос.

Мы мало что можем, тем более влиять на какие-то важные решения и вопросы. Только пыль в глаза пустить, так для этого вовсе и не надо собираться в публичных местах, для этого есть и социальные сети... (Т.Ю., учитель музыки начальных классов, 27 лет).

Если клич бросают те, кто организуют какие-то мероприятия, организуют приезд каких-то интересных людей – путешественников, фотографов – я стараюсь всегда приходить. Мне рассылка в контакте приходит (Г.А., журналист, 36 лет).

Самостоятельно организовывать какие-либо мероприятия в которых могут принимать участие и другие люди, готовы лишь 26% опрошенных. Это потенциал заполнения публичного пространства Иркутска на сегодняшний день. Большая часть из этой группы – это молодые люди до 35 лет. И 42% готовы посещать локальные районные мероприятия, но не заниматься их организацией. 33% респондентов отказались принимать участие в городских мероприятиях в их районе.

Я всегда хотела найти нишу для реализации и если получается, то я обязательно участвую в организации каких-либо мероприятий в нашем дворе или районе. Я бы хотела большего масштаба (Н.Е., бухгалтер, 32 года).

Организовывать мероприятия я точно не хочу, но прийти всей семьей недалеко от своего дома куда-либо и провести приятно время – почему бы и нет (С.С., строитель, 29 лет).

Отвечая на вопрос о том, какие эмоции и чувства вы испытываете, посещая публичные пространства города, респонденты говорили о радости (32%), интересе (24%), увлеченности (21%), счастье (13%), вдохновении (10%). Плохое настроение у них бывает очень редко. Те, кто указывал, что не посещают публичных мест города отмечали в три раза чаще наличие плохого настроения и такие эмоции и чувства как уныние (22%), раздражительность (18%), угнетенность (16%), безразличие (44%).

Для тех, кто посещает публичные места – это возможность получить новые эмоции и состояния (77%). Происходит реализация или компенсация привлекательного компонента в жизни. Городские события, которые позволяют расслабиться и повеселиться более привлекательны для респондентов (фестивали, концерты, пикники).

Возможность повеселиться, посещая клубы или кафе, где проходит какой-либо фестиваль, является для меня приоритетной, так как в суете офисной жизни слишком много безликого и чужого в обстановке (М.П., технический специалист, 33 года).

С друзьями мы всегда отрываемся по полной на концертах, так что потом еще неделю вспоминаем – как это было. Это просто незабываемые ощущения (Т.Т., архитектор, 28 лет).

Участие в тех же мероприятиях, но с мотивом причастности к важным городским событиям, позволяющим себя чувствовать частью этого города, формирующей территориальную идентичность актуально лишь для 33% респондентов.

Таким образом, гедонистическая функция публичного пространства, направленная на досуг, развлечения, получение новых эмоций выступает более важной, чем функция территориальной принадлежности и сопричастности с городской средой, ее прошлым, настоящим и будущим [6,7]. Социальное (связующее) начало в городском публичном пространстве пока слабо развито. Если не работать над изменением данной ситуации, то усилится потребительское восприятие публичного пространства. Из пространства социального взаимодействия большая часть городских публичных мест станет пространством потребления тех или иных услуг или благ. Если нет взаимодействия в городском пространстве, то и города как такого уже нет. Это является серьезным поводом для изменения политики органами власти, которые регламентируются введением новых нормативно-правовых актов, регулирующих безопасность, комфортность, доступность и так далее в публичных пространствах Иркутска.

Когда горожанин выступает только потребителем, а не производителем городского публичного пространства, он увеличивает отчужденность, социальную атомизацию, социальную изоляцию, равнодушие к тем, кто его окружает. Поэтому, поиск рычагов изменения и управления городским публичным пространством выступает ключевым вектором социального воспроизводства.

На правовом уровне необходимо более детально и продуманно развивать формы регулирования социального публичного пространства, для поддержания институтов гражданского общества, а не для ограничения их деятельности. Правовая легитимация публичного пространства требует постоянного мониторинга и социального моделирования общественного развития.

Литература

1. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ от

06.10.2003. (ред. 01.05.2019) // КонсультантПлюс [электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата доступа 28.05.2019)

2. Вахштайн В. С. Социология архитектурного объекта между формальной и практической рациональностью // Новое литературное обозрение, 2013. – № 3(121). – С. 93–110.

3. Лебедева Е. В. Публичное пространство постсоветского города: возможности для развития социальности и «кризис публичности» // Журнал социологии и социальной антропологии 2017. – Т. XX. № 1 (89). – С. 74–92

4. Лебедева Е. В. Трансформация публичного пространства постсоветских городов. Социология, 2016. – №4. – С. 107–115.

5. Лефевр А. Производство пространства. М.: StrelkaPress, 2015. – 432 с.

6. Полюшкевич О. А. Креативное измерение публичного пространства Иркутска // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы Второй регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 14-15 мая 2019 г. / Иркут. гос. ун-т ; [под общ. ред. В.А. Решетникова, Н.В. Деренко, Т.Ю. Фальковской]. – Иркутск : Репроцентр А1, 2019. – С. 154-161.

7. Полюшкевич О. А. Креативность и открытость публичного пространства Иркутска // Социология. 2019. – № 4. – С. 143-150.

8. Хохлова А. М. Городские публичные места как площадки культурного производства и потребления // Журнал социологии и социальной антропологии, 2011. – № 14(5). – С. 182–191.

The daily routine of the public space of Irkutsk: the social activity of citizens Polyushkevich O.A.

Irkutsk State University

The article considers the features of everyday public urban space, identifies its structure

and functions, and analyzes the features of development. The prospects and forms of development of public space in Irkutsk are outlined. The results of the study of forms of civic activity and implementation of everyday practices in public places of the city are presented, as well as the problem of regulating public policy in these areas of urban life is outlined.

Keywords: public space, civic activity, everyday space, public policy, urban identity, legal regulation

References

1. "On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation" No. 131-ФЗ dated 10/06/2003. (Rev. 05/01/2019) // ConsultantPlus [electronic resource] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (access date 05/28/2019)
2. Vakhstein V. S. Sociology of an architectural object between formal and practical rationality // New Literary Review, 2013. - No. 3 (121). - S. 93–110.
3. Lebedeva E. V. The public space of the post-Soviet city: opportunities for the development of sociality and the "publicity crisis" // Journal of Sociology and Social Anthropology 2017. - T. XX. No. 1 (89). - S. 74-92
4. Lebedeva E. V. Transformation of the public space of post-Soviet cities. Sociology, 2016. - No. 4. - S. 107–115.
5. Lefebvre A. Production of space. M.: StrelkaPress, 2015. -- 432 p.
6. Polyushkevich O. A. Creative dimension of the public space of Irkutsk // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region: materials of the Second region. scientific-practical conf. Irkutsk, May 14-15, 2019 / Irkut. state un-t; [under the total. ed. V.A. Reshetnikova, N.V. Derenko, T.Yu. Falkovsky]. - Irkutsk: Reprocentre A1, 2019. -- S. 154-161.
7. Polyushkevich O. A. Creativity and openness of the public space of Irkutsk // Sociology. 2019.- No. 4. - S. 143-150.
8. Khokhlova A. M. Public places as a platform for cultural production and consumption // Journal of Sociology and Social Anthropology, 2011. - No. 14 (5). - S. 182–191.

Особенности стратегического развития человеческого капитала

Пружинин Александр Николаевич
преподаватель кафедры государственное и муниципальное управление Института социальных наук Иркутского государственного университета, alex.pruzhin@gmail.com

В статье проводится анализ стратегического развития человеческого капитала. Анализируются условия и формы развития человеческих ресурсов отечественных нефтяных компаний. Выделяются социальные, экономические и культурные ресурсы для стратегического развития человеческого капитала нефтяных компаний.

Ключевые слова: стратегическое развитие, человеческий капитал, нефтяные компании, человеческие ресурсы

В полноценный процесс воспроизводства человеческого капитала включают не только представителей бизнеса, но и государство, гражданское общество. Развитие человека начинается с самого рождения и от благополучия и современности оборудования, социального капитала всей среды в целом зависит раскрытие потенциала человека. Современная теория рассматривает развитие человеческого капитала на международном, национальном, региональном и индивидуальном уровнях. В предыдущих параграфах мы уже касались практики международного уровня. Теперь же, подробно рассмотрим национальный и региональный уровни. Рекомендации будут представлены для государственных органов и нефтегазовых компаний, как основных потребителей человеческих ресурсов.

Востребованной характеристикой современного сотрудника, как для государственных структур, так и для бизнеса, являются когнитивные качества человека, его способности принимать управленческие решения в условиях неопределенности, находить эффективные пути решения производственных задач. Подобные качества сотрудников обеспечивают компаниям конкурентное преимущество, инновационный капитал, рост прибыли. В целом, устойчивое развитие компании в неустойчивой современной экономике, гарантии в острой борьбе за лидерство на рынке. И в условиях современной экономики побеждает тот, кто первым использует новые возможности. Данный аспект рассматривался в ряде работ Г. В. Дружинина [1,2,3], М. Г. Тирских [10], О. А. Полюшкевич [4,5], В. А. Скуденкова [9], и автора [6,7,8].

А в соответствии с этим государством в своих программах развития человеческого капитала особое внимание

необходимо уделить высшему образованию. Сегодня сложилась ситуация, что лишь 20% регионов России способны обеспечить себя необходимым количеством трудовых ресурсов и инновационными потенциалами, 14% этих регионов образовательные центры. Большая часть которых расположена в европейской части России [6]. Весь академический поток России направлен в Москву, Санкт-Петербург, Екатеринбург, что оставляет регионы Сибири и Дальнего Востока без возможности формировать свой человеческий капитал, поскольку большая часть выпускников Московских и Питерских ВУЗов остается в этих регионах для трудоустройства.

Осложняет ситуацию то что исследовательских центров нет в Сибири и Дальнем Востоке. Это осложняет задачу местных властей в формировании приоритетов развития региона. Решением подобной ситуации может стать только создание опорных ВУЗов и создание научно-исследовательских центров в Сибири и на Дальнем Востоке, что, во-первых, выровняет академические потоки, во-вторых позволит регионам эффективнее формировать свой человеческий капитал, в-третьих косвенно поспособствует в проблеме экономической самостоятельности регионов. Что немало важно в повышении ИРЧП регионов России, поскольку депрессивные регионы не могут самостоятельно развивать свою инфраструктуру и являются для экономики России вечным минусом. Поэтому развитие высшего образования в России одна из приоритетных задач. Также здесь играет большую роль профессиональная переподготовка. Широкие возможности в повышении квалификации или переходе в другую профессию позволяет гарантировать развитие экономической системы. Особенно это актуально в условиях дефицита рабочей силы, ведь если не хватает количества- необходимо брать качеством. Качественное высшее образование позволяет решить или подгото-

виться к решению к большинству сложных вопросов воспроизводства человеческого капитала, а также является главным ресурсом для перехода в информационную экономику «знаний».

Изменение места и роли человеческого фактора в современной экономике обязывает науку и субъектов управления переориентироваться с цели получения прибыли, на цель «создание когнитивного» человека. Опыт развитых стран показывает, что стоимость интеллектуальных активов уже превышает стоимость земли, промышленного оборудования, капитала. Соответственно государство разрабатывает программы по развитию науки и инфраструктуры, в первом стало запуск Сколково, помощь в развитии регионов осуществляет нефтегазовые российские компании, это не является комплексной программой по воспроизводству инновационного человеческого капитала, а всего лишь улучшением его отдельных звеньев. Можно сказать, что информационное общество, на началах своего становления от предыдущего строя отличается в первую очередь согласованностью действий между всеми социальными акторами. В инновационном обществе и экономики сильны эмерджентные свойства государства. Обеспечивается это условия благодаря хорошо развитой инфраструктуре, макроэкономической стабильности, высокой предпринимательской активности населения, всё это требует качественных управленческих мер и стратегий.

С точки зрения управленческого подхода в воспроизводстве человеческого капитала на государственном уровне, требуется начать с национального уровня. Российское Правительство давно намеревалось создать экспертное сообщество в своей структуре, для разработки программ развития государства, так вот научный совет по развитию человека при Правительстве РФ сейчас как раз актуален. В его структуру должны входить эксперты и ученые экономических, социальных и других наук, государственных и негосударственных

учреждений. Главная цель которого разработка методик по развитию человеческого капитала страны, прогнозирование возможных проблем и разработка мер их преодоления.

Разработка государственной программы по комплексному развитию человеческого капитала. Реализация подобной программы может быть осуществлена после создания на базе ведущих университетов страны экспериментальных научно-исследовательских институтов.

После обеспечения научными методами воспроизводства человеческого потенциала входит составляющая здоровья, продолжительности жизни и демографической ситуации. Для этого предлагается разработать систему социально-экономического и научного обеспечения безопасности жизнедеятельности человека. Разработка единой системы по обеспечению регионов достаточным количеством организаций «воспроизводящих человека» - научных, производственных, лечебно-оздоровительных, санаторно-курортных, образования, культуры спорта и туризма. А также реализация идеи здорового образа жизни, как высшей ценности современного социума.

Разработка и принятие концепции семьи, которая на законодательном уровне прописывает обеспечение, необходимое для воспроизводства человеческого капитала (здоровья, образования, развития интеллектуальной сферы) [7].

На основе созданных методик и критериев воспроизводства человеческого капитала создать систему мониторинга изменения развития человеческого капитала, позволяющая отслеживать и прогнозировать изменения в развитии человека. Дополнительной задачей становится разработка рекомендаций для региональной власти, бизнеса, образовательных учреждений по воспроизводству человеческого капитала.

Для развития предпринимательства и его выхода на международную арену, расширение помощи бизнесу через

предоставление необходимой информации, привлечения инвесторов. Выстраивание тактических и стратегических программ развития бизнес, как на национальном, так и на региональном уровне с учетом изменений на внешнем рынке и региональных особенностей ведения бизнеса.

Приоритет поддержки инновационного бизнеса, как мотивация субъектов рыночной экономики на разработку и внедрение инноваций. Организация новаторской деятельности невозможно без программ устойчивого развития- социальной внутренней политики бизнеса. А также без центров обучения инновационных процессов. Для развития новаторской деятельности государству необходимо развивать кадры, понимающие структуру инновационных процессов и способы их организации. Создание подобных центров создаст возможность и будет стимулировать ученых, бизнесменов, управленцев, инженеров, проектировщиков по развитию инновационной деятельности. Подобный метод вполне может запустить волну распространения новаций в стране и расширения инновационной инфраструктуры.

Особой статьей становится поддержка и развитие гражданского общества, формирование культуры, где главной ценностью становятся личное благополучие, которое должно быть обеспечено качественным образованием, медициной, инфраструктурой, повлечет за собой гражданскую активность в социально-экономическом плане. Власть и бизнес начнут получать обратную связь о своей деятельности, гражданские инициативы, их реализация станут хорошей помощью в развитии государства, что в конечном итоге выразится в росте экономических благ. Под эту цель рекомендуется создание «Национального банка человека» главная цель которого в управлении, развитии и реализации гражданских инициатив в воспроизводстве человеческого капитала [3]. Подобный центр может обучать проектной деятельности, устраивать конкурсы

на решение социальных и экономических задач, аккумулировать и выдавать средства для реализации проектов граждан. Финансирование банка может проходить за счет бюджетных и внебюджетных средств. Подобный банк мог бы взять на себя функцию развития социальной ответственности бизнеса, в первую очередь для нефтегазовой отрасли. Зачем нужна социальная ответственность, какую выгоду компании могут получить и т.п. Также в задачи банка может входить анализ социальной ответственности бизнеса и разработка рекомендаций по присвоению себе новых статусов социально ответственной компании.

На региональном уровне рекомендуется внедрение новых технологий производства уже существующей промышленности. Прогнозирование кадровой политики и развитие центров переподготовки, задача которых – это увеличение мобильности и качества рабочей силы. Прогноз кадровой политики вместе с подобными центрами может обеспечить своевременное наполнение отраслей трудовыми ресурсами.

Создание центров прогнозирования и развития человеческого капитала в регионе с учетом характеристики социально-экономического положения региона. Поиск возможных инвестиционных ресурсов для развития региона. Реализация информационных баз, для осуществления программ электронного правительства [5].

Опыт реализации промышленных форумов показал, что количество компаний-участниц недостаточно для России, в соответствии с этим необходимо усилить информационные компании для привлечения нефтегазовых компаний к участию в данном форуме.

Дополнительной задачей в переходе в информационному обществу становится информатизация социума. Но как уже отмечалось ранее, постиндустриальное общество определяется в первую очередь согласованностью действий всех трех основных субъектов управления развитием государства:

гражданское общество, предпринимательство, органы государственного управления. А поэтому России на первых порах необходимо наладить диалог между властью бизнесом и людьми, распределить функции, закрепить их законодательно, и приступить к реализации. Поэтому дальше мы рассмотрим рекомендации для нефтегазовых компаний, которые имеют сложности с воспроизводством человеческого капитала и его главным инструментом – социальной ответственностью

В первую очередь многим нефтегазовым компаниям, не имеющим программ устойчивого развития, планов внутренней и внешней социальной ответственности необходимо осознать – социальная ответственность может являться инвестированием в своё развитие. Проблема негативного восприятия социальной ответственности началось с навязывания государством КСО нефтяным компаниям. Поэтому КСО часто воспринимают, как ещё один налог, который нужно понизить. Поэтому нефтяные компании в первую очередь должны рассмотреть свою социальную ответственность, как инвестиции в производительность своего персонала, надежность промышленного оборудования, положительный имидж в глазах населения и государственной власти для лоббирования своих интересов. Более того встречается практика, когда нефтяным компаниям приходится осуществлять развитие инфраструктуры региона за право добычи углеводородов на этой территории. Следовательно, самый противоречивый вопрос – это внешняя социальная ответственность.

Современным нефтяными компаниям необходимо инвестировать в образование и науку. Сегодня самыми обеспеченными направлениями в области внешней КСО компаний является спорт и культура, дальше идет медицина, экология, социальная инфраструктура территории, и, наука и образование. Как правило сложившаяся социальная поддержка подобных мероприятий не носит системности, и глав-

ное не повышает хотя косвенно прибыль нефтяных компаний. Инвестиции в образование и развитие сотрудничества с ВУЗами, школами могли помочь нефтяным компаниям вопрос острой кадровой нехватки, дополнительно поспособствовали развитию образовательных учреждений. Сотрудничество с научными и исследовательскими центрами поспособствовало бы улучшению характеристик технологического и промышленного оборудования, сокращение затрат на его содержание, износоустойчивость и т.п. как итог сохранение финансов, их увеличение. Также эксперты могли бы давать рекомендации по внутренней организации фирмы – согласованности полномочий и функций между подразделениями. На наш взгляд, с учетом приоритетов интересов нефтяных компаний и их обязательств, первыми тремя направлениями внешней социальной ответственности должны быть: наука и образование, здравоохранение, экология, ресурсосбережение.

В вопросах развития инфраструктуры региона присутствия ориентироваться не только на запросы власти, но и жителей территорий. Если во взаимодействии с нефтяной промышленностью появляется общественность – это будет создавать максимально благоприятный имидж в глазах населения, положительным эффектом для компании это будет обладать при условии набора персонала на территории присутствия [7].

Внутренняя социальная ответственность нефтяных компаний уже традиционно исполняет необходимый минимум перед своими сотрудниками: своевременная выплата зарплаты, оплата отпуска, больничного, наличие дополнительных социальных гарантий. Это безусловно помогает сохранить нужный уровень характеристик человеческого капитала компании, но не отвечает задачам его воспроизводства. Для повышения производительности необходимо вводить инструменты корпоративного обучения с помощью корпоратив-

ных институтов, подготавливающих сотрудников именно к тем управленческим, организационным и промышленным вопросам, которые нужны компании. Практика взаимодействия с образовательными центрами и курсами переподготовки решает подобные задачи, но уступает по эффективности корпоративному обучению. Передовой практикой в корпоративном обучении обладает компания «Газпром» которая с 1 руб. инвестиций в своего сотрудника получает 4 руб. прибыли. Эта практика решает вопрос когнитивного капитала, который несёт в себе два основных актива: рыночный – тот потенциал который максимально эффективно реализуется при высоком когнитивном потенциале. Человеческие активы – совокупность коллективных знаний, лидерских, управленческих качеств. Помимо введения практики корпоративного обучения для повышения когнитивного капитала компании, необходимо вводить структурные подразделения (расширять полномочия уже имеющихся) специализирующихся на вопросах развития человеческого капитала с точки зрения структурного и организационного капитала.

В современных нефтяных компаниях нет отделов по развитию этих видов капиталов. Основная функция структурного капитала – это управление потоком информации во времени в пространстве компаний, сокращение времени обменных процессов информации и знаний, сокращение принятия управленческих решений и технологических процессов, иными словами это анализ взаимодействий сотрудников между друг другом и повышение эффективности этого взаимодействия. В соответствии с этим вторая функция данного капитала – это передача, объединение знаний и опыта. Подобный анализ необходим не только для рационализации взаимодействия сотрудников, но и для согласования новых функций со старыми при усложнении структуры фирмы. Подобным капиталом в первую

очередь пользуются передовые инновационные компании Intel, Sony, ADM, в их практике подобный капитал необходим для распределения производственного или управленческого ноу-хау, иными словами реализовывать «прорывные» идеи сотрудников в практике компании без «залёживания» проектов, установления интеллектуальной собственности и награждения новатора, введения его проекта в обыденную жизнь членов команды и всей фирмы. Внешняя функция структурного капитала компании – это своевременное реагирование на меняющиеся обстоятельства рынка.

Развитие социальной ответственности бизнеса – выгодно самому бизнесу, как показало исследование в предыдущем параграфе топ-менеджеры пренебрегают им из-за так называемой «психологии временщиков», соответствующая политика не ориентирована на долгосрочное развитие, её главная цель – прибыль. Современные управленческие методологии доказывают, что при смещении акцентов с прибыли на воспроизводство человеческого капитала, применение новых управленческих форм, разработке стратегий долгосрочного развития и добросовестное качество исполнения своих обязанностей перед стейкхолдерами, прибыль компании планомерно увеличивается, сокращаются угрозы срывов планов по развитию компании. Иными словами, воспроизводство человеческого капитала – это выгодная, надежная стратегия по получению прибыли и развития компании [8].

Развитие человеческого капитала России, в первую очередь его интеллектуальных особенностей – это процесс, который выгоден государству, бизнесу и обществу. Организация подобного процесса требует активного участия всех членов общества, организаций его потребляющих и создающих. Как показывает практика западных компаний и государств – инвестиции в человеческий капитал приносят прибыль ещё большую, чем инвестиции в традиционные факторы капитала: земля, оборудование,

недвижимость. Большая доля экономики развитых государств состоит из реализации человеческих активов, нежели из материальных активов. И Россия стремится туда же. Для этого необходимо создавать социальную экономику – это необходимость в сложившихся условиях, если Россия не начнет повышать долю ВВП в инвестирование в науку и образование, здравоохранение, социальную политику, то к 2025 году мы можем получить сильнейший разрыв между нашим уровнем человеческого капитала и уровнем стран запада, большой семерки. Увеличение инвестиций до 20-30% от ВВП, создание социальной экономики – это только начало. Впереди перед государством стоят задачи по созданию конструктивного диалога между собой и бизнесом, нахождению новых взаимовыгодных форм сотрудничества, как мы уже не раз замечали: переход к информационному обществу начинается с разграниченных функций, согласованности действий и единой стратегии развития между предпринимательством, государством, гражданским обществом. Для государства приоритетными задачами в области развития человеческого потенциала являются развитие образования и науки. Создания исследовательских центров в Сибири и Дальнем Востоке, развития систем переподготовки. Создание экспертного общества в структуре Правительства РФ по воспроизводству человеческого капитала, а также разработки стратегий по развитию регионов [9]. Автономность экономики регионов России важная часть в формировании человеческого капитала, поскольку это условие, в дальнейшем позволит экономике страны развиваться быстрее и увеличивать долю инновационного потенциала секторов промышленности и увеличивать качество жизни в целом. На региональном уровне задача государственной власти на данный момент – это помощь во внедрении практики разработки кадровой политики региона. Для его прогноза его насыщения кадровыми ресурсами.

Партия бизнеса также важна для воспроизводства человеческого капитала. Современные нефтяные компании представляют нашу страну на международном рынке, а нефтегазовый сектор экономики – это примерно половина бюджета Российской Федерации, поэтому обеспеченность кадровыми ресурсами необходимое условие. Нефтегазовые компании, своей внешней социальной ответственностью помогают развиваться науке и образованию, спорту и здравоохранению, что в целом повышает уровень жизни в регионах присутствия, и как следствие увеличивает экономический эффект от человеческих ресурсов. В развитии своей внешней социальной ответственности нефтяным компаниям необходимо сменить приоритеты КСО с одноразовой помощи на плановую с достижением результатов, выгодными нефтяной компании. К этим направлениям в первую очередь относятся наука и образование, далее следует здравоохранение, как ключевое условие для развития и реализации любого человека и обязательные направления: соблюдение норм экологической безопасности и сокращение энергозатрат. Данная модель КСО может подходить к любой нефтяной компании и удовлетворяет всех основных стейкхолдеров.

Дальнейшие меры касаются внутренней системы ответственности. Для наибольшей отдачи от роста производительности персонала нефтяным компаниям необходимо вводить функции по развитию структурного и организационного капитала, анализировать происходящие рабочие процессы и управленческие решения, внедрять новые управленческие технологии [10]. Наиболее приоритетным направлением развития своего человеческого капитала для нефтяных компаний является корпоративное обучение, которое реализуется, как собственным корпоративным институтом, так и с помощью внешних образовательных центров, государственных и негосударственных организаций.

Нефтяным компаниям в целях комплексного воспроизводства человеческого капитала следует:

1. Выбрать преимущественным направлением внешней социальной ответственности науку и образование для обеспечения своего производства квалифицированными рабочими и управленческими кадрами.

2. Разрабатывать и реализовывать практику корпоративного обучения для повышения квалификации персонала для эффективного решения управленческих и производственных вопросов с учетом условий и особенностей развития компании.

3. Добавить в структуру своих подразделений отдела по управлению и развитию человеческого капитала компании для целенаправленного и комплексного развития всех характеристик человеческого капитала, в том числе структурного и организационного капитала компании.

4. Развитие практики взаимодействия с общественными гражданскими организациями с целью поддержки гражданских инициатив в сфере развития инфраструктуры региона для реализации подобных проектов и создания положительного имиджа в общественном мнении.

5. Выстраивание корпоративной социальной ответственности согласно следующей модели: наука и образование, здравоохранение, экология, энергосбережение, остальное для максимальной выгоды самой компании и соблюдении обязательств перед государством и гражданами, а также для максимальной пользы от социальной политики компании в воспроизводстве внутреннего и внешнего человеческого капитала.

Важным этапом в развитии человеческих ресурсов нашей страны является конструктивный диалог власти и бизнеса, который подразумевает активное участие общественности. Согласованность ролей и действий, общая стратегия, позволит максимально быстро

достигнуть устойчивой экономики и создать условия для перехода в информационное общество.

Литература

1. Дружинин Г. В. Корпоративные общности и их роль в изменении социально-правового пространства // Теория государства и права. 2019. № 1. С. 39-43.

2. Дружинин Г. В., Пружинин А. Н. Воспроизводство человеческого капитала в отечественных компаниях // Социология. 2019. № 3. С. 62-70.

3. Дружинин Г. В., Пружинин А. Н., Мамруков Е. В. Стратегии развития человеческого капитала нефтяных компаний // Социология. 2019. № 1. С. 114-123.

4. Полюшкевич О. А. Введение в корпоративную социальную ответственность. Иркутск. Изд-во ИГУ, 2013. 146 с.

5. Полюшкевич О. А. Тенденции развития корпоративной социальной ответственности: федеральный и региональный аспекты // Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории. Сборник научных трудов. Иркутск, 2014. С. 103-110.

6. Полюшкевич О. А., Пружинин А. Н. Ресурсы развития человеческого потенциала в крупных нефтяных компаниях Иркутской области // Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов. Материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции: в 2 частях. Под науч. ред. Н.Н. Даниленко, О.Н. Баяевой. 2018. С. 341-346.

7. Пружинин А. Н. Человеческий капитал нефтяных компаний // Социология. 2018. № 4. С. 151-154.

8. Пружинин А. Н. Анализ корпоративного образования нефтяных компаний (на примере компаний «Роснефть» и «Газпром нефть») // Государственная служба. 2019. № 4. С. 58-65.

9. Скуденков В. А. Роль экономических санкций в изменении качества жизни и социально-экономических притязаний россиян (на примере Иркутской области) // Социология. 2018. № 3. С. 250-255.

10. Тирских М. Г., Дружинин Г. В. Корпоративность социальных общностей: социологические и правовые аспекты // Социология. 2019. № 4. С. 60-73.

Features of the strategic development of human capital

Pruzhinin A.N.
Irkutsk State University

The article analyzes the strategic development of human capital. The conditions and forms of development of human resources of domestic oil companies are analyzed. Social, economic and cultural resources are allocated for the strategic development of the human capital of oil companies.

Key words: strategic development, human capital, oil companies, human resources

References

1. Druzhinin G. V. Corporate entities and their role in changing the socio-legal space // Theory of State and Law. 2019. No 1. S. 39-43.
2. Druzhinin G. V., Pruzhinin A. N. Reproduction of human capital in domestic companies // Sociology. 2019. No. 3. P. 62-70.
3. Druzhinin G. V., Pruzhinin A. N., Mamrukov E. V. Strategies for the development of human capital of oil companies // Sociology. 2019. No 1. S. 114-123.
4. Polyushkevich O. A. Introduction to corporate social responsibility. Irkutsk ISU Publishing House, 2013. 146 s.
5. Polyushkevich O. A. Trends in the development of corporate social responsibility: federal and regional aspects // Problems of managing the development of social systems: individuals, organizations, territories. Collection of scientific papers. Irkutsk, 2014. S. 103-110.
6. Polyushkevich O. A., Pruzhinin A. N. Resources for the development of human potential in large oil companies in the Irkutsk region // Activization of the intellectual and resource potential of the regions. Materials of the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Under the scientific. ed. N.N. Danilenko, O.N. Bayeva. 2018. S. 341-346.
7. Pruzhinin A. N. The human capital of oil companies // Sociology. 2018. No. 4. P. 151-154.
8. Pruzhinin A. N. Analysis of corporate education of oil companies (for example, Rosneft and Gazprom Neft) // State service. 2019. No 4. P. 58-65.
9. Skudenkov V. A. The role of economic sanctions in changing the quality of life and socio-economic claims of Russians (on the example of the Irkutsk region) // Sociology. 2018. No. 3. P. 250-255.
10. Tirsikh M. G., Druzhinin G. V. The corporatability of social communities: sociological and legal aspects // Sociology. 2019. No 4. P. 60-73.

Ценности и базовые социальные установки как факторы профессиональной активности студентов, обучающихся психологии

Орлова Ольга Михайловна, ассистент, кафедра психологии управления, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, oom800@ya.ru

Орлов Александр Владимирович, к.б.н., доцент, кафедра психофизиологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, ao1111@mail.ru

В исследовании изучается значение универсальных культурных установок, социальных аксиом и ценностных ориентаций в профессиональном развитии студентов. Анализировалась профессиональная активность студентов, обучающихся в бакалавриате по направлению психологии. С помощью корреляционного анализа изучены взаимосвязи параметров профессиональной активности с установками и ценностями личности.

Ключевые слова: профессиональное развитие, профессиональная активность студентов, ценностные ориентации, социальные установки, социальные аксиомы, корреляционный анализ.

Задачи профессионализации школьников, студентов, взрослого населения в России становятся сейчас одними из наиболее приоритетных в программах развития экономики и общества [1]. Успешность в современном мире возможна только при высокой активности в профессии, а также при соответствии ценностей и культурных установок современным социально-экономическим трендам инновационного развития общества. Специалистами по работе с молодежью в рамках профориентации ставятся задачи не только ознакомительного характера, но формирования у молодежи современного профессионального мышления, культуры и ценностей, направляющих на творчество, активность, мобильность, дифференциацию профессионального опыта и специализацию в различных областях [2; 3].

Изменения социальных ориентиров, целей развития общества предполагают изменение индивидуальных подходов, целей и стратегий молодых людей в профессиональном развитии. Постоянная модернизация, трансформация экономики и производства требует динамичной перестройки системы обучения, образования, быстрой перестройки направленности школьников, студентов, работников на новые цели профессионального развития. Востребованность тех или иных компетенций, и даже профессий, на рынке труда постоянно меняется. В этой связи актуальны задачи и по изменению культуры профессионального выбора и профессионального развития. Современные тенденции в обществе показывают, что без постоянного обучения, постоянного углубления в предмет профессиональной деятельности и даже смены профессио-

нальной деятельности невозможно эффективно, успешное, качественное существование современного человека [4; 5].

Процессы социализации и профессионализации связаны с различными культурными основаниями. В основе разных форм социальной и профессиональной активности лежат социальные нормы, установки и ценности, общая грамотность и мировоззренческая позиция [6, 7]. Они являются базисом для профессионального развития. В этой связи, актуальной научной проблемой является исследование ценностных и социокультурных оснований профессиональной активности [8; 9].

Целью данной работы является исследование взаимосвязи профессиональной активности студентов с их ценностями и базовыми культурными установками. Это важно для понимания того, как социальные установки ориентируют потенциальных работников в осуществлении профессионального выбора и проявлении активности профессионального развития. Мы исследовали профессиональную активность применительно к самому начальному этапу профессионального развития студентов. В исследовании участвовали студентки 2-3-х курсов бакалавриата психологического направления. Общее количество респондентов – 239 девушек. Все они находились в процессе первичной профессионализации, на пути приобретения первоначального профессионального опыта в области психологии.

Каждой из студенток предлагался одинаковый пакет методик, в который входили: опросник «Активность профессионального развития» О.М. Орловой, методика Г. Хофстеде «Модуль исследования ценностей» [10], методика исследования социальных аксиом М. Бонда и К. Леунга [10], методика Ш. Шварца для изучения ценностей [11]. Данный пакет предназначен для оценки базовых установок и ценностных ориентаций личности, а также активности, связанной с профессиональным само-

определением и развитием. Все диагностируемые характеристики у подавляющего большинства респондентов не выходили за пределы статистической нормы.

Для исследования профессиональной активности мы использовали методику О.М. Орловой «Активность в профессиональном развитии». Под профессиональной активностью понимается устремленность людей на освоение профессии и активная реализация планов по своему профессиональному развитию. Методика включает в себя несколько показателей, характеризующих способность личности к мобилизации для профессионального развития и готовность предпринимать активные действия для расширения профессионального опыта. Она была отработана на большом эмпирическом материале и, по результатам психометрических проверок, может считаться достаточно надежной и валидной. Эта методика представляет собой опросник из 36 пунктов, которые группируются в 12 шкал, описывающих ключевые показатели профессиональной активности:

1. Шкала выбора профессии описывает, случаен или неслучаен выбор профессии, насколько осознанно и самостоятельно человек принимал решение о развитии в данной профессии.

2. Шкала планирования профессионального развития включает в себя пункты, которые показывают, насколько целеустремлен респондент и насколько последователен в своем профессиональном развитии.

3. Шкала индивидуальной модели профессиональных компетенций характеризует человека по тому, насколько хорошо он понимает, какие профессионально важные качества у него сформированы, а какие должны быть выработаны, чтобы достичь высокой квалификации.

4. Шкала позитивности в профессиональном развитии показывает то, насколько интересна респонденту выбранная профессия, ощущает ли он позитивные эмоции, обучаясь ей. Радуют

ли его перспективы развиваться именно в этой профессиональной сфере, какие у него ожидания от будущего применительно к выбранному пути профессионального развития.

5. Шкала осведомленности в профессии описывает ощущение знания и понимания профессии. Её обратной характеристикой является неопределенность.

6. Шкала готовности прилагать усилия для профессионального развития показывает, насколько сильно человек устремлен на саморазвитие в процессе профессионализации, стремится или не стремится проявлять активность для достижения успеха.

7. Шкала социального развития в профессии показывает, насколько человек готов к общению в профессиональной сфере, контактам, межличностному взаимодействию в рамках профессионализации.

8. Шкала готовности к расширению профессионального опыта показывает, насколько стремится или не стремится человек дополнять свой опыт, хочет или нет получать новые навыки в профессии, формировать новые компетенции.

9. Шкала стремления к достижению успеха показывает то, насколько сильно или слабо выражена эта мотивация.

10. Шкала понимания проблем, связанных с профессией показывает осведомленность о том, какие трудности несёт в себе профессия для человека в личном или социальном плане. Она характеризует осознание возможных проблем и готовность их решать. Шкала показывает также то, насколько человек осознает вероятность профессиональных деформаций, насколько он готов работать над тем, чтобы они не развивались.

11. Шкала оценки трудностей в профессионализации показывает то, насколько человек часто испытывает трудности в процессе своего профессионального развития.

12. Шкала самооценки своего профессионального развития показывает, насколько человек уверен или не уве-

рен в себе, как субъекте профессионального развития, насколько он позитивен в оценках того, что делает в тех или иных ситуациях своей профессионализации.

Целью нашего исследования было изучение взаимосвязи активности в профессиональном развитии и устремлённости в процессе профессионализации с выраженностью базовых социальных установок и универсальных ценностей. Мы провели корреляционный анализ для изучения связей ценностей и базовых социальных установок с профессиональной активностью, используя коэффициент ранговой корреляции r Спирмена. Анализировались только достоверные ($p < 0,01$) значимые коэффициенты корреляции.

Установлены достоверные корреляции выраженности некоторых социальных аксиом и отдельных показателей профессиональной активности. Социальные аксиомы, по М. Бонду и К. Леунгу, – это наиболее общие верования относительно себя, других людей, социального окружения, физического или духовного мира, высказанные в форме утверждений об отношениях между реально существующими фактами или идеями [12]. Аксиомы являются главными в системе убеждений личности. Они отражают некую понятную для человека истину, но без объяснений и доказательств. Социальные аксиомы облегчают понимание мира, помогают людям сохранять самооценку, чувство определенности и обеспечивают тем самым общую адаптацию. Это своеобразные верования, постольку не основаны на доказательствах, а усваиваются некритично через культуру, такими как в ней представлены.

Установлено, что с базовой социальной аксиомой по модели Бонда-Леунга «Награда за усилия», коррелируют положительными взаимосвязями следующие характеристики профессиональной активности: «осведомленность в профессии» ($r = 0,41$) и «стремление к расширению профессионального опыта» ($r = 0,40$). Социальная аксиома «Награда

за усилия» включает верования, что усилия, знания, точное планирование и вклад каких-либо личных ресурсов ведут к позитивным результатам и помогают избегать негативных последствий. Она рассматривает человека и ситуации, в которых он находится, с точки зрения достижения успешности. Предполагается, что человеку доступны любые свершения, надо только приложить к этому усилия. Иначе говоря, труд будет не напрасен, активность рано или поздно даст свои плоды и приведет к успеху в жизни. За усилием следует награда. Достоверные положительные корреляции выраженности данной социальной аксиомы с «осведомленностью в профессии» и «стремлением к расширению профессионального опыта», показывают, что, вероятно, эти формы профессиональной активности поддерживаются аксиомой «Награда за усилия». Чем больше человек верит в это, тем больше его стремления к расширению профессионального опыта и получению знаний о профессии.

С социальной аксиомой «Контроль над судьбой» имеют место отрицательные корреляции показателей профессиональной активности «осознание трудности в профессионализации» ($r = -0,45$) и «самооценка профессионального развития» ($r = -0,42$). «Контроль над судьбой» представляет собой веру в то, события в жизни не предопределены и что существуют разные способы влиять на свою судьбу. Человек является субъектом, способным изменить ход процесса, а результаты заранее не предопределены. Соответственно, только сам человек ответственен за свою судьбу. Противоположное этому убеждение – это вера в рок: весь жизненный путь уже заранее предопределен.

Достоверные отрицательные коэффициенты корреляции между выраженностью аксиомы «Контроль над судьбой» и такими сторонами профессиональной активности как «ощущение трудностей профессионального развития» и «самооценка профессионального развития», показывают значение

данного социального убеждения в осознании проблем профессионализации и критическом отношении к себе. Чем меньше человек верит в собственные силы и ощущает действие предопределенности, тем больше он видит проблем в своём профессиональном развитии, сомневается, что может с ними справиться и менее оптимистичен в оценках себя в рамках профессии, испытывает меньше уверенности в своей профессиональной успешности.

Результаты анализа показателей по модели Герта Хофстеде показали наличие отрицательных корреляций некоторых составляющих активности в профессиональном развитии с такой социальной установкой как «Долгосрочная временная ориентация», которая указывает на выраженность стремления к разработке и решению стратегических, долгосрочных целей. На основании этого мы можем заключить, что чем больше респондент ориентирован на будущее, на долгосрочные цели, тем меньше он удовлетворен выбором профессии ($r = -0,44$), меньше убежден, что выбор профессии сделан правильно ($r = -0,39$), меньше проявлял сознательности, когда выбирал направление для своего профессионального обучения ($r = -0,36$), меньше демонстрирует готовности к развитию социальных контактов в выбранной профессии ($r = -0,35$). На основании этого, мы можем заключить, что студентки, ориентированные на долгосрочные планы, по всей видимости, разочарованы в выборе профессии психолога и не очень стремятся в ней профессионально развиваться. И наоборот, студентки, убежденные в таком выборе, не очень настроены планировать своё будущее.

Также отмечены достоверные положительные корреляции между показателем «Индивидуализм» по методике Г. Хофстеде с такими характеристиками профессиональной активности как «планирование профессионального развития» ($r = 0,39$) и «осведомленность о профессиональных проблемах» ($r = 0,42$). Индивидуализм в данной модели

рассматривается как независимость, обособленность, самостоятельность в достижении целей. Установленные корреляции, вероятно, указывают следующее: лица, полагающие, что опираться в достижении целей нужно только на себя, стремящиеся избавиться от социальных ограничений, больше других настроены на планирование своего профессионального развития и лучше справляются с соответствующими проблемами. Чем больше выражен индивидуализм как социальная установка, тем больше личность демонстрирует активности в данных формах профессионализации. Можно предполагать также и то, что чем меньше человек склонен к индивидуализму, а больше к коллективизму, и, соответственно, к социальной зависимости, тем меньше он планирует своё профессиональное развитие и хуже справляется с трудностями профессионализации. Исходя из этого, можно отметить, что, вероятно, индивидуализм, как социальная установка, положительно сказывается на некоторых составляющих профессионализации.

Такая социальная характеристика личности как «Стремление к избеганию неопределённости, из-за тревоги по причине изменчивости и непостоянства среды» по Г. Хофстеде, достоверно отрицательно коррелирует с «планированием профессионального развития» ($r = -0,37$). Вероятно, толерантность к неопределённости способствует планированию. Чем меньше человек стремится избегать неопределённости, тем больше его стремление планировать свою деятельность в профессиональном развитии. И наоборот, чем больше тревог по причинам неопределённости и непостоянству среды, тем меньше желания планировать профессиональное будущее.

«Дистанция от власти» по Г. Хофстеде, то есть рассмотрение власти как чего-то недостижимого, свойственного особым людям, отрицательно коррелирует с «позитивным отношением к профессии» ($r = -0,35$). Чем меньше дистанция, тем больше позитива испытывает

личность от выбора профессии. Вероятно, многие студентки, позитивно рассматривающие свой профессиональный выбор психологии, не склонны дистанцироваться от властных функций, а может быть даже стремятся к этому. Это подтверждает хорошо известный факт, что у людей профессий «человек-человек» значительно выражена мотивация власти [13].

Также мы исследовали у студенток, обучающихся по направлению «Психология», универсальные ценности по модели Ш. Шварца. Установлены достоверные положительные корреляции. Их наличие говорит о существовании взаимосвязи между системой ценностных ориентаций студенток с их профессиональной активностью.

Анализировались взаимосвязи профессиональной активности с ценностями-целями. Это те ценности, которые определяют жизненные ориентиры человека на уровне идеалов. Достоверные корреляции установлены по нескольким ценностным характеристикам: конформность, традиция, доброта, стимуляция, власть, безопасность.

Конформность, как характеристика, положительно коррелирует с несколькими проявлениями профессиональной активности: «степенью определенности с выбором профессии» ($r = 0,40$) и «готовностью прилагать усилия для профессионального развития» ($r = 0,49$). Конформность в данном контексте рассматривается, как сдерживание действий и побуждений, которые могут навредить другим людям или не соответствуют социальным ожиданиям. Установлено, что, чем выше конформность, тем больше определенности в выборе профессии и больше готовность прилагать усилия для достижения целей. Возможно, конформность как идеала для личности является важной для становления психолога. Это, по всей видимости, связано с тем, что ценность конформности, то есть спокойствия, гармонии, баланса в социальных отношениях, соответствует профессиональной культуре психолога.

Такая ценность, как традиция, положительно коррелирует с «готовностью прилагать усилия к социальному развитию в профессии» ($r = 0,41$). Это означает, что чем больше студенты уважают традиции и готовы их поддерживать, тем больше они готовы к социальному взаимодействию, установлению контакта с коллегами, становясь частью профессионального сообщества.

Доброта, как ценность, связана с несколькими характеристиками профессиональной активности: степенью определенности с выбором профессии ($r = 0,43$), осознанностью выбора профессии ($r = 0,50$), готовностью прилагать усилия для профессионального развития ($r = 0,38$), стремлением к расширению профессионального опыта ($r = 0,44$). На основании этого можно предполагать следующее: доброта, как ценностная ориентация, имеет важное значение в профессионализации психолога. Её выраженность способствует активности в профессиональном развитии.

Также установлены достоверные положительные корреляции отдельных сторон профессиональной активности с выраженностью ценности стимуляции. Стимуляция рассматривается, как творческая активность, устремленность в нахождении и создании чего-то нового, а также как ценность движения, изменения. Эта характеристика положительно коррелирует со многими показателями активности в профессиональном развитии: осведомленностью в профессии ($r = 0,48$), стремлением в расширении профессионального опыта ($r = 0,35$), стремлением к достижению успеха ($r = 0,34$), осведомленностью о профессиональных проблемах ($r = 0,33$), преодолением трудностей профессионализации ($r = 0,49$). В этой связи, можно предположить значимость устремленности на творческую реализацию для становления психолога. Стремление к изменениям и новизне, по всей видимости, положительно сказывается на процессе осознания важности профессионализа-

ции в конкретной сфере, а также на ощущении возможности преодолевать трудности профессионального роста.

Ценность власти оказывается связанной с показателями осведомленности о профессиональных проблемах ($r = 0,36$) и самооценкой профессионального развития ($r = 0,33$). Возможно, для тех, кто уважает власть, характерно ощущение большей осведомленности о рисках и трудностях профессии, а также более высокая (может быть завышенная) самооценка как специалиста. Также установлена достоверная положительная взаимосвязь ценности безопасности с готовностью прилагать усилия в процессе профессионального развития ($r = 0,37$) и стремлением к достижению успеха ($r = 0,35$). Возможно, студентки, заботящиеся о безопасности, проявляют больше активности в своём профессиональном развитии.

Также мы провели корреляционный анализ для изучения взаимосвязи профессиональной активности с важностью для респондентов тех или иных личностных качеств, по модели Ш. Шварца, которые связаны с универсальными ценностями и поддерживают их (ценности – средства достижения). Это индивидуальные приоритеты, проявляющиеся в социальном поведении личности.

Установленные достоверные корреляции профессиональной активности с ценностями-средствами, в целом, совпадают с таковыми ценностями-целями. Отдельные показатели профессиональной активности достоверно коррелируют положительными связями со следующими личностными приоритетами: конформность, доброта, стимуляция, универсализм, самостоятельность. Чем больше респонденты ценят как личностные качества конформность (гибкость, беспроблемность), доброту, стимуляцию (креативность, стремление к новизне, поиск новых ощущений), тем больше они демонстрируют в своих самооценках следующее:

– осведомленность о профессии,

- готовность прилагать усилия для профессионального развития,
- готовность к социальному развитию в профессии,
- стремление к расширению профессионального опыта,
- стремление к достижению успеха,
- понимание и готовность решать проблемы профессионализации.

По всей видимости, значимость для психолога личностных качеств конформности, доброты, стимуляции, как идеалов личностного развития, имеет существенное значение и для профессионализации.

Результаты анализа показывают, что среди ценностей личностных качеств, наибольшее значение, по всей видимости, имеет доброта (соответствующие коэффициенты корреляции наиболее высокие). Вероятно, эта ценность важна для становления личности именно психолога: доброжелательность позволяет сфокусироваться на позитивном взаимодействии и аффилиации в общении.

Кроме того, для успешного преодоления трудностей профессионализации, по всей видимости, имеет значение важность для человека самостоятельности как личностного качества. На это указывает соответствующая достоверная положительная корреляция ($r = 0,35$). Она может говорить о следующем: чем больше человек стремится к самостоятельности, тем лучше, по своим оценкам, он решает проблемы профессионального развития.

Таким образом, на основании полученных данных, можно констатировать, что и система ценностей-целей (идеалов) и система ценностей-средств (личностных качеств) имеют существенное значение для поддержания профессиональной активности студентов-психологов.

В целом результаты проведенного исследования показывают важность некоторых социальных аксиом, базовых социальных установок и ценностей личности для поддержания активности в

профессиональном развитии студентов-психологов. Это позволяет предполагать существенное влияние системы социальных убеждений на процесс профессионального развития психолога.

Литература

1. Шаповалова В.С., Челышева И.В. Профессиональное самоопределение школьников: теория, история, практика. М.: Директ-Медиа, 2018. 395 с.

2. Дубровина Л.А. Развитие социальной активности у студенческой молодежи // Преемственность в образовании. 2018. № 17 (04). С.236-242.

3. Захарова Л.Н. Ценностно-мотивационные условия становления инновационной экономики в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 1 (25). С. 28-34.

4. Митина Л.М. Психология профессионально-карьерного развития личности. М.: СПб.: Нестор-История, 2019. 400 с.

5. Захарова Л.Н., Власкин В.Ю., Орлова О.М. Профориентационная социализация как обновленная парадигма социально-психологической подготовки к трудовой деятельности // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: Результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2017. С. 2603-2611.

6. Магогаджиева Х. Г. Ценностные ориентации и профессиональный путь личности // Молодой ученый. 2019. №12 (250). С. 233-237.

7. Байлук В.В. Ценности профессиональной самореализации личности // Педагогическое образование в России. 2015. № 3 С.19-25.

8. Поваренков Ю.П. Проблемы психологии профессионального становления личности. Саратов, 2013. 322 с.

9. Иванова А.Ю., Малышкина М.В. Ценностные ориентации личности как регулятор профессиональной деятельности // Ученые записки университета

им. П.Ф. Лесгафта. 2017. № 4 (146) С. 286-291.

10. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросс-культурной психологии. М.: Изд-во ВШЭ, 2011. 238 с.

11. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.

12. Leung K., Bond M. H., Reimel de Carrasquel S., Munoz C., Hernandez M., Murakami F., Yamaguchi S., Bierbrauer G., Singelis T. M. Social axioms: The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2002. Vol. 33. P. 289.

13. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007. 672 с.

Values and basic social attitudes as factors of professional activity of students studying psychology

Orlova O.M., Orlov A.V.

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The study examines the significance of universal cultural attitudes, social axioms and value orientations in the professional development of students. The professional activity of undergraduate students in the field of psychology was analyzed. Correlation analysis has been used to study the relationship between the parameters of professional activity and the attitudes and values of the individual.

Keywords: professional development, professional activity of students, value orientations, social attitudes, social axioms, correlation analysis.

References

1. Shapovalova V.S., Chelysheva I.V. Professional self-determination of schoolchildren: theory, history, practice. М.: Direct Media, 2018.395 с.

2. Dubrovina L.A. The development of social activity in students // *Succession in education*. 2018.No 17 (04). S.236-242.

3. Zakharova L.N. Value-motivational conditions for the formation of an innovative economy in Russia // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2012. No 1 (25). S. 28-34.

4. Mitina L.M. Psychology of professional and career development of personality. М.: СПб.: Nestor-Istoriya, 2019.400 p.

5. Zakharova L.N., Vlaskin V.Yu., Orlova O.M. Career-oriented socialization as an updated paradigm of socio-psychological preparation for work // *Fundamental and Applied Studies of Modern Psychology: Results and Development Prospects / Otv. ed. A. L. Zhuravlev, V. A. Koltsova*. М.: Publishing house of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2017.S. 2603-2611.

6. Magogadzhieva Kh. G. Value orientations and the professional path of a person // *Young scientist*. 2019.No.12 (250). S. 233-237.

7. Bailuk V.V. Values of professional personal self-realization // *Pedagogical education in Russia*. 2015. No. 3 S. 19-25.

8. Povarenkov Yu.P. Problems of psychology of professional formation of personality. Saratov, 2013.332 s.

9. Ivanova A.Yu., Malyshekina M.V. Value orientations of personality as a regulator of professional activity // *Uchenye Zapiski universiteta im. P.F. Lesgaft*. 2017. No. 4 (146) S. 286-291.

10. Tatarko A.N., Lebedeva N.M. Methods of ethnic and cross-cultural psychology. М.: HSE Publishing House, 2011.238 s.

11. Karandashev V. N. Schwartz methodology for the study of personality values: concept and methodological guidance. St. Petersburg: Speech, 2004. 70 p.

12. Leung K., Bond MH, Reimel de Carrasquel S., Munoz C., Hernandez M., Murakami F., Yamaguchi S „Bierbrauer G., Singelis TM Social axioms: The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2002. Vol. 33. P. 289.

13. McClelland D. Human Motivation. St. Petersburg: Peter, 2007.672 s.

Место сетевой культуры в общекультурном пространстве современности

Федоренко Ольга Юрьевна,
аспирант кафедры логики, философии и методологии науки
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, shou@ Rambler.ru

Данная статья посвящена рассмотрению понятия сетевой культуры, нормах сетевой культуры, формирующихся под влиянием новых коммуникативных стандартов. На фоне формирования сетевого культурного пространства все большее значение приобретает индивидуальная направленность творческого самовыражения человека и индивидуальное мировоззрение, которые гораздо тяжелее поддаются целенаправленному культурному воздействию со стороны социальных институтов.

Ключевые слова: культура, сеть, сетевая культура, информационное общество, сетевое мышление

Актуальность исследования обусловлена реалиями нынешнего общества, которое, под воздействием сложных экономических и политических процессов, быстрыми темпами включается в глобальное информационное пространство, развивая и осваивая новые сетевые технологии. Процесс информатизации общества не может не сопровождаться утверждением новой системы ценностей, новых принципов сетевой культуры. Появление COVID-19 способствовало самоизоляции граждан и положило начало глобальной цифровизации общества. Многие начали осваивать удаленный заработок посредством сети Интернет, дистанционное обучение, бесконтактные платежи и так далее.

Сменяющие друг друга технологические революции, производят мощные изменения не только в мире техники, но и во всех сферах социальной жизни и культуры. Виртуальная реальность и квантовые компьютеры кардинально изменят нашу жизнь в будущем. Происходит наложение множества пространств и различных потоков времени. Постмодернистская парадигма акцентирует внимание на роли самого познающего субъекта в построении многообразных картин мира и жизненных стратегий, на процессах согласования жизненных миров отдельных личностей, а не навязывания им единых представлений о благе с амбивалентностью опеки и зависимости.

Изменения, связанные с повсеместным внедрением сетевых технологий в культурную, экономическую, социальную и политическую жизнь общества повлекло постепенный переход нашего общества от информационно-технологического к сетевому. Сегодня различные сети и в том числе сеть Интернет - является практически основным сред-

ством развития социокультурного взаимодействия в пространственно-временном континууме культуры. Происходит взаимопроникновения культур под влиянием информационной компоненты, изменяются социальные связи между людьми. При этом образуется целостная система взглядов данного времени и конкретного типа общества с господствующей нравственно-ценностной гносеологической установкой – парадигмой мышления, отношения к миру, потому что вся система потребностей и интересов данного сетевого общества имеет системный характер. Система потребностей, формируемых в определенном социокультурном контексте, образует типовую программу создания идеального желаемого образа жизни, который и составляет социальную парадигму познания, включающую ценностные установки, моральные нормы творчества и общения. Формирование мировоззрения означает утверждение аксиологических, нравственных, гносеологических основ философской культуры. В сети Интернет стираются пространственно-временные и территориальные границы взаимодействия людей, что не может не влиять на изменения мировоззренческих ориентиров и принципов. Каждому индивиду в сетевом пространстве приходится формировать собственную целостную систему взглядов на мир и свое место в нем с учетом индивидуального опыта, личных интересов, с одной стороны и потребностей сетевого общества в целом с другой.

Культура – важнейший фактор формирования человека как общественного существа, его социализации, определения смысла жизни, выбора средств и стиля своей деятельности [Бабейко, Чугуенко, 1998: 176]. Все продукты деятельности человека отражают уровень его культуры и, соответственно, все то, что сделано другими, распределится человеком осознанно или подсознательно. Все окружающее пространство преобразованное людьми, разнородные и нелинейные взаимодей-

ствия в сети Интернет оказывает мощное влияние на личность. Вопрос о том, какое место в общекультурном пространстве современности занимает сетевая культура и как она влияет на формирование личности остается весьма актуальным.

Многогранность феномена культура нашла свое отражение в многочисленных попытках ее определения и в разнообразии подходов, в каждом из которых для техники и информационных технологий отводятся роли в диапазоне от ничтожной до решающей.

Демокрит отмечал положительное влияние техники на культуру в целом и качество жизни до тех пор, пока «ничего полезного для человека не было изобретено, люди вели трудную жизнь» [Ангелов, 2007: 135].

Диоген Синопский высказывал противоположное мнение: «Последующим поколениям не принесли пользы для жизни ни хитроумие, ни многочисленные изобретения, ни их машины» [Ангелов, 2007: 138] подчеркивая, что техника представляет собой лишь предметно-орудийный срез культуры, который, в отрыве от нравственно-ценностного слоя культуры, еще не составляет целостной системы гуманистической культуры.

И.Кант, говорил, что смысл разумного нравственного существования человека состоит в умении возвыситься над своими естественными, эгоистическими стремлениями и потребностями и подчинить свое поведение формальному долгу, априорному, доопытному нравственному закону. Культура же, по его мнению, призвана служить средством преодоления зависимости человека от природы и повседневного существования.

Ф. Ницше был противником цивилизации и призывал к возврату к природе, но не против, а во спасение культуры и в этом движении главную роль отводил творческой функции человека, что сближает ученого с концепцией человека, создающего орудия и технологии.

Нарастающее вторжение продуктов технической и технологической деятельности в сферу человеческой жизни, по мнению О. Шпенглера, приводит к утрате духовности, к противопоставлению культуры цивилизационным изменениям.

К. Леви-Строс в структурно-антропологической концепции отмечает, что эмпирическая деятельность находится в постоянном движении, нарушающем структурную связь внешнего и внутреннего в человеке. Философ призывает к возврату к естественной целостности человека и считает необходимым превратить XXI век в век гуманитарных наук, составляющих в целом науку о человеке.

И. Хейзинга, имея в виду гибель подлинной духовности в человеке «бастионы технического совершенства... ни в коей мере не ограждают нашу культуру от сползания в варварство» [Хейзинга, 1992: 351]), делает пессимистический прогноз: «... поступательное движение науки и техники, каким бы необходимым и вдохновляющим оно ни было, не принесет спасения культуре» [Хейзинга, 1992: 352]. В деле определения нравственного выбора И. Хейзинга выделяет нравственную совесть в качестве мерила человеческого поступка.

Оптимистический подход к технической и технологической деятельности прослеживается в творчестве основоположника интуитивизма А. Бергсона, увидевшего в преобразовательном творчестве абсолютную доминанту человеческого развития.

Ф. Дессауэр, размышляя о гармонии между явлениями природы и общественными потребностями, склоняется к средневековой традиции креационистского понимания культуры: «Бог находится в машине, в шахте, в лекарстве....., в любом техническом создании» [Астафьева, 2004]).

М. Хайдеггер рассматривает технику «как новый и всемирно-исторический радикальный способ отношения к бытию», констатируя, что индивид сам оказывается в ситуации затребованности и

обезличенности со стороны машинной техники. Хотя человек и считает себя творцом и хозяином техники, в определенном смысле (в момент внедрения природных сил в общественную жизнь) он от нее зависим. Подчеркивая, что «абсолютный характер чистого воления в смысле преднамеренного стремления утвердить себя во всем – вот угроза смерти сущности человека» [Хайдеггер, 1993: 234].

Протестуя против «неподлинного» бытия человека как агента производства, элемента технической системы, М. Хайдеггер усматривает разрешение противоречия между техникой и человеком в духовном овладении технологией, в гуманизации познания, через его симбиоз с искусством, художественной деятельностью.

К. Ясперс утверждает, что «техническое господство над пространством, временем и материей растет беспредельно уже не благодаря случайным отдельным открытиям, а посредством планомерного труда, в рамках которого само открытие становится методическим и достижимым» [Ясперс, 1994: 115].

Кризис духовности находится в фокусе исследователя М. Мэмфорда, который определяет детерминационной основой духовного кризиса чрезмерное усиление в культуре значения «мегамашин» - сложных иерархических организаций человеческой деятельности. Разрешить культурно-технические проблемы, по мнению М. Мэмфорда, возможно путем создания более гуманной и совершенной техники и разрушения «мегамашины».

С этой позицией перекликается концепция Н.А. Бердяева, который отмечал, что «появление машин означало конец традиционного гуманизма и его ценностей» и подчеркивал: «Не может быть технических целей жизни, могут быть лишь технические средства, цели же жизни всегда в области духа» [Бердяев, 1989: 148].

Основным парадоксом, по мнению философа, является факт того, что «без техники невозможна культура, но окончательная победа техники в культуре

влечет культуру к гибели» [Бердяев, 1989: 148]. Перерождение культуры в качественно иной феномен, что может быть детерминировано технологической и информационной экспансией нашего времени, способно привести к духовному самоубийству индивида.

А. Хунинг подчеркивает, что техника выражает волю своего создателя к жизни и власти и указывает на необходимость «параллельного или опережающего развития общечеловеческого духа и человеческой души» [Тавризян, 1986: 187], что может обеспечить социально-культурную подготовленность индивида к технико-технологическим и информационным инновациям.

К. Хюбнер, видящий в качестве субстанциональной основы современной техники «выдвижение... формального безразличия к смысловой стороне, к культурным содержаниям» [Тавризян, 1986: 187], считает, что сам характер современной техники детерминирует определенные формы и ценностные нормы поведения людей. Ученый приходит к неутешительному выводу – сегодня уже стало невозможным изменение духовной, культурной и технологической ситуации так, как современные информационно-технологические парадигмы культуры вступают в значительное противоречие с сущностными ценностными представлениями, глубоко коренящимися в традиционной культуре.

Массовое распространение новых информационных технологий, повсеместное внедрение сети Интернет в начале нынешнего столетия изменила, принципы организации общества и привела к формированию сетевого общества, то есть «общества глобальных сетей» [Назарчук, 2008]. Сетевая культура в таком обществе выступает как продукт и как условия развития социальных взаимодействий в сети.

Анализ литературы показал, что существуют различные подходы к определению сетевой культуры: «бытование ценностей в глобальной электронной среде» [Нургалева, 2004] или «соблюдение определенных поведенческих

норм и правил (нравственных и этических) при использовании материалов Интернет – ресурсов, а также моральных и юридических норм и требований в процессе коммуникации внутри Сети и высокий уровень развития сетевого мышления, пользовательских навыков, умений эффективно работать с информацией, как получая ее из Интернета, так и размещая в Сети». [Игнатов, 2019: 76], или «особая система структурных взаимодействий в культуре информационного общества, становление которого во многом связывается с особой ролью информации, расширением коммуникативных взаимодействий, осуществляемых людьми посредством современных информационных технологий» [Астафьева, 2004]. Таким образом, информационно-коммуникационные и сетевые технологии – это проявление человеческих общественных сил, власти человека над стихийными силами природы. Без них человек не мог бы преобразовать природу, общество и самого себя. Общество и личность всегда были полярными полюсами развития цивилизации. В настоящее время сетевая культура становится посредником между ними, является не только способом взаимодействия в информационно-сетевом пространстве, но и нравственным императивом.

Сетевая культура содержит общечеловеческое начало, позволяющее людям из разных культурных общностей понимать друг друга, сотрудничать, обмениваться опытом. Она образует множество капилляров, по которым идеи гуманизма, социализации, нравственности как бы циркулируют между народами. Каждый пользователь сети является одновременно членом нескольких социальных групп и сообществ, а его поведение, мнения, оценки опосредованы групповыми нормами и ценностями повседневной практики. Сравнивая себя с другими, создавая свои ориентиры в постоянно обновляющейся повседневной реальности, мы используем сетевую культуру для нахождения точки опоры, приспосабливаем себя к требованиям

социального окружения и творим, насколько это возможно, новый мир, отвечающий нашим потребностям.

Итак, приоритетную роль в жизни современного общества начинает играть именно сетевая культура, поскольку, достигнув высокого уровня удовлетворения первичных потребностей, многие люди могут далее реализовывать свой личностный потенциал в сети Интернет, которая дает неограниченные возможности для самореализации, развития духовности, творческого мышления, эмоциональной сферы. Однако насколько комфортно чувствует себя конкретный человек в сетевом пространстве, когда ему предстоит самостоятельно осуществлять свободный выбор решений и нести всю ответственность за него требует дополнительных исследований.

Литература

1. Ангелов, 2007 – Ангелов Г.В. Социоэкологические аспекты техногенной цивилизации. – О., 2007. – 408с. – С. 135.
2. Астафьева, 2004 – Астафьева О.Н. Синергетический дискурс современных информационно-коммуникативных процессов. // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного знания. – М.: Прогресс–Традиция, 2004. – С. 419-443.
3. Бабейко, Чугуенко, 1998 – Бабейко Ф.С., Чугуенко В.М. Социальная философия: Учебное пособие. Тирасполь: РИО ПГУ, 1998. – 283с.
4. Бердяев, 1989 – Бердяев Н.А. Человек и машина // Вопросы философии, 1989. – № 2. – С. 148.
5. Игнатов, 2018 – Игнатов М. А. Сетевая ментальность и нет-мышление в постиндустриальной культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 18-26.
6. Игнатов, 2019 – Игнатов М.А. Дискурс информационно-сетевой культуры // Прочие социальные науки. – М., 2019. – №2. С. 75-76.
7. Нургалиева, 2004 – Нургалиева Л.В. Дихотомия статусной и внестатусной культуры в условиях развития сетевого общества [Электронный ресурс] // Открытый междисциплинарный электронный журн. Выпуск 1. Гуманитарная информатика. Томск, ТГУ, 2004. URL: <http://huminf.tsu.ru/ejurnal/magazine/1/nurgalieva.htm>.
8. Назарчук, 2008 – Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопр. философии. 2008. № 7. С. 61–75.
9. Мальцева, 2011 – Мальцева Д.В., Романовский Н.В. О современных сетевых теориях в социологии // Социол. исслед. 2011.
10. Сафина, 2017 – Сафина А.М. Сетевая культура как продукт и условие развития сетевых сообществ // Прочие социальные науки // Северный (Арктический) федеральный университет. // Серия: Гуманитарные и социальные науки 2017. – С. 50-56
11. Тавризян, 1986 – Тавризян Г.М. Техника, культура, человек. – М., 1986. – 374с.
12. Хейзинга, 1992 – Хейзинга Й. Homo ludens: В тенизавтрашнего дня. – М., 1992. – 389с.
13. Хайдеггер, 1993 – Хайдеггер М. Время и бытие. – М., 1993. – 460с.
14. Ясперс, 1994 – Ясперс К. Духовная ситуация времени. – М., 1994.

The place of network culture in the general cultural space of our time

Fedorenko O. Yu.

Oryol state University. I. S. Turgenev

This article is devoted to the consideration of the concept of network culture, the norms of network culture, formed under the influence of new communication standards. Against the background of the formation of a network of cultural space, the individual orientation of a person's creative expression and individual worldview, which are much more difficult to target cultural influence from social institutions, are becoming increasingly important.

Keywords: culture, network, network culture, information society, network thinking

References

1. Angels, 2007 - Angels G.V. Socioecological aspects of technogenic civilization. - O., 2007. - 408s. - S. 135.

2. Astafyeva, 2004 - Astafyeva O.N. Synergetic discourse of modern information and communication processes. // Synergetic paradigm. Cognitive-communicative strategies of modern scientific knowledge. - M.: Progress – Tradition, 2004. - S. 419-443.
3. Babeyko, Chuguenko, 1998 - Babeyko F.S., Chuguenko V.M. Social Philosophy: Study Guide. Tiraspol: RIO PSU, 1998. - 283s.
4. Berdyaev, 1989 - Berdyaev N.A. Man and Machine // Questions of Philosophy, 1989. - No. 2. - P. 148.
5. Ignatov, 2018 - Ignatov M.A. Network mentality and net-thinking in post-industrial culture // Herald of the Moscow State University of Culture and Arts. 2018. No. 5 (85). S. 18-26.
6. Ignatov, 2019 - Ignatov M.A. The discourse of information network culture // Other social sciences. - M., 2019. -- No. 2. S. 75-76.
7. Nurgaleeva, 2004 - Nurgaleeva L.V. Dichotomy of status and extrastatus culture in the context of the development of a network society [Electronic resource] // Open interdisciplinary electronic journal. Issue 1. Humanitarian computer science. Tomsk, TSU, 2004. URL: <http://huminf.tsu.ru/ejournal/magazine/1/nurgalieva.htm>.
8. Nazarchuk, 2008 - Nazarchuk A.V. Network society and its philosophical understanding // Vopr. philosophy. 2008. No. 7. P. 61–75.
9. Maltseva, 2011 - Maltseva D.V., Romanovsky N.V. On modern network theories in sociology // Sociol. researched 2011.
10. Safina, 2017 - Safina A.M. Network culture as a product and condition for the development of network communities // Other social sciences // Northern (Arctic) Federal University. // Series: Humanitarian and social sciences 2017. - P. 50-56
11. Tavrizyan, 1986 - G. Tavrizyan Technique, culture, people. - M., 1986. - 374c.
12. Heyzinga, 1992 - Heyzinga J. Homo ludens: In the shadow of tomorrow. - M., 1992. -- 389c.
13. Heidegger, 1993 - Heidegger M. Time and Being. - M., 1993. -- 460c.
14. Jaspers, 1994 - Jaspers K. The spiritual situation of time. - M., 1994.

Национальная идентичность этнических меньшинств Китая: опыт Тибета и Синцзяна

Цун Линь,
аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
cccr.hist.19171991@gmail.com

Автор в статье полагает, что национальная идентичность состоит из четырех уровней, в статье приводится характеристика каждого уровня. Наиболее значимым для исследования является особенность тибетского меньшинства в Китае. Из-за блокировки альпийского плато, географическая среда Цинхай-Тибетского плато стала наиболее концентрированной для проживания тибетцев, хотя при этом политическая блокада привела к ограничению возможности контакта с внешним миром. В эпоху национальной интеграции в истории Китая тибетцы сохраняют относительную родословную и культурную независимость, что и вызывает повышенный интерес у ученых к исследованию процессов, протекающих в Тибете. Автором выполнено исследование факторов влияния национальных сепаратистских сил на становление национальной идентичности и предложены пути дальнейшего развития в рамках общей национальной концепции Китая.

Ключевые слова: национальная идентичность, национальные меньшинства, этические отношения, Тибет и Синцзян, Китай.

Национальная идентичность должна включать в себя три значения: во-первых, национальная идентичность — это познание, выбор и эмоциональная принадлежность и привязанность отдельных членов нации к своим этническим группам. Как только человек приобретет познание и сделает свой национальный выбор — он будет сознательно и неосознанно принимать и поддерживать национальную память, культуру и ценности. Во-вторых, познание и эмоциональное принятие сходства членов одного этноса формирует коллективное понятие «общих национальных атрибутов»; в-третьих, осознание и субъективное определение этнического различия и национального определения заставляет личность уважать и поддерживать цели и векторы развития нации в целом. Три коннотации на самом деле являются тремя аспектами процесса. В то же время чувство принадлежности индивида приобретает познание национального коллектива, в то же время разделяет границы определения национальной и других национальностей.

Автор полагает, что национальная идентичность состоит из четырех уровней: первый — это национальная идентичность, определяемая природными факторами, такими как кровные связи и географические факторы. В качестве наиболее яркого представителя культурно ограниченного меньшинства в Китае считается Тибетское меньшинство. Даже в эпоху национальной интеграции в истории Китая тибетцы сохраняют относительную родословную и культурную независимость до сих пор.

Второй уровень — это национальная идентичность, обусловленная социальными факторами, такими как политика, экономика, культура и религия. На этом уровне распространение ислама в Китае и формирование нации хуэй показывают особенности этой национальной

идентичности. Предками народа хуэй были эмигранты арабы и персы, которые занимались торговлей в Китае. В 13-м веке, когда Монголия начинала экспедицию к западу, мусульмане в Средней Азии и Западной Азии были присоединены к монгольской армии и возвращены в Северо-Западный Китай. Они в основном распространяются в различных формах, таких как ремесленники, торговцы, ученые, бюрократы и учителя, в виде гарнизонов и польдеров и становятся основной группой людей хуэй. Таким образом, распределение людей хуэй в Китае сегодня отличается от распределения тибетцев: как разнообразие профессии и частный этнический обмен, так они живут практически в каждой провинции Китая, включая Хайнань и Тайвань, самую южную часть китайской территории. Хотя жилые районы народа хуэй очень обширны, с целью религиозного верования они образуют свои собственные небольшие поселения в каждой провинции, обеспечивая тем самым непрерывность своей национальной идентичности.

Третий уровень – это познание национального сообщества. Признание национального сообщества касается общего внешнего вида нации, к которой оно принадлежит, включая понимание его истории, населения, географии, экономической жизни, языка, культуры и религии. Такое понимание может быть достигнуто через чувство жизни. Его также можно получить с помощью чтения и других средств. На этом уровне национальность хань является представителем этой формы национальной идентичности.

Четвертый уровень – это национальная идентичность Китая, а также модель национальной идентичности, на которой мы сфокусируем внимание. Национальная идентичность Китая — это национально-государственная идентичность.

Национально-государственная идентичность представляет собой признание гражданином суверенитета страны, политической структуры, исто-

рических традиций, духовных ценностей и т. д. С помощью такого признания формируются чувство любви к родине, сознание национальной принадлежности и национальной гордости. На реалистической основе в многонациональных странах, в долгосрочном историческом развитии, благодаря межэтническому браку и смешению наций, росту общественных организаций с участием многоэтнических членов, развитию культурных обменов между различными этническими группами и культурному взаимодействию, сформированы формы взаимозависимости и общего развития всех этнических групп.

Подобные отношения более заметны в многоэтническом Китае, поэтому разрушение старых национальных границ и установление многонациональной единственной идентичности на национальном уровне является главной задачей китайского правительства. Термин «китайская нация» был предложен Лян Цичао в 1903 году. С тех пор понятие «китайская нация» было не антропологическим, а культурным. Например, Ян Ду в статье «Политика золота и железа» пишет: «Китайское – это не только название страны, также не только название родословного вида, но и культурное название» [1]. Нужно объяснить, что китайская нация включает в себя как этнические группы в Китае, так и за рубежом. Национальная идентичность Китая – это осознание и приписывание китайской нации и китайской культуре, целостности государственного действия, а также чувство миссии и ответственности.

Этнос по определению С.М. Широкого означат «группа людей: говорящих на одном языке; признающих свое единое происхождение; обладающих комплексом обычаев, укладов жизни, хранимых и освященных традицией, отличающихся от обычаев других групп» [2].

Если мы используем теорию идентичности, чтобы обобщить три характеристики этноса: имеет последовательный носитель коммуникации, схожий культур-

ный атрибут и подобное поведение. Основной этнической идентичности является признание общего происхождения, также означает, что этнос имеет одинаковый исторический, культурный и идеологический взгляд (или религиозный взгляд). Это значит, что этнос «определяется не просто общим происхождением, но верой в общее происхождение» [3].

Для изучения китайских этнических меньшинств требуется базовое понимание двух историй: во-первых, Китай - это страна, которая прошла все стадии национального единства, поэтому этническая идентичность не ограничивается идентичностью отечественной нации, а общей национальной идентичностью преследуемой в Китае; во-вторых, основные этнические группы Тибета и Синьцзяна - тибетцы и уйгуры – имеют относительно независимый исторический процесс развития этнического происхождения, особенность обоих напрямую влияет на их ключевую роль в китайской национальной проблеме.

Тибетцы и уйгуры стали ключом к изучению китайской национальной идентичности, существующие причины следующие: с точки зрения исторического происхождения, китайская национальная идентичность тибетцев и уйгуров подверглась длительному процессу крайнего национализма и влиянию национальных сепаратистских сил до сих пор.

Тибетцы впервые выделились в отдельную этническую группу из сельскохозяйственного племени в бассейне реки Ярлунг Зангбо. Согласно археологическим находкам, еще 4000 лет назад тибетские предки жили и процветали в бассейне реки Ярлунг Зангбо. В 6 веке нашей эры Тибет вступил в рабовладельческое общество. В начале 7-го века китайская история вступила в новый этап. Династия Тан (618-907) установила мощную объединенную политическую власть, в то же время тибетский герой Сонгцан Гамбо объединил Цинхай-Тибетское нагорье и формально основал Королевство Тубо. Во время правления Сонгцан Гамбо Королевство

Тубо активно занималось экономической торговлей и культурным обменом, изучает и осваивает передовой метод производства, политическое и культурное достижение династии Тан, а также поддерживает дружеское отношение с династией Тан в политике, экономике, культуре и других сферах. В 1288 году династия Юань (1271-1368) основала администрацию Сюаньчжэн, которая управляет религиозными делами по буддизму всей страны, а также военными и политическими делами в Тибете, с тех пор ознаменовал, что официально Тибет стал неотъемлемой частью территории Китая.

После объединения Китая династией Цин, отношение между тибетскими районами и центральным правительством стало более тесными: два религиозных лидера тибетского буддизма: Далай-лама и Панчен Эрдени были официально признаны, прямое управление Тибетом со стороны центрального правительства было укреплено. В 1727 году династия Цин учредила министра в качестве уполномоченного представителя центрального правительства, отвечающего за Тибет в Лхасе по вопросам ведения государственных дел. В 1751 году династия Цин создала религиозное «правительство Гася» в Тибете, официально уполномочив Далай-ламу управлять местными административными делами Тибета, официально создана система политического и религиозного единства. В конце 19-го века Британия начала вторжение в Тибет, в 1904 году ворвалась в Лхасу, заставив тибетское местное правительство подписать «Лхасский договор». Этот договор полностью подтверждал все привилегии Великобритании в Тибете, в том числе экономические, военные, дипломатические привилегии и т.д., Британия официально классифицирует Тибет как сферу своего влияния [4].

Под контролем Британии правительство Цин и позднее Китайская Республика ослабили свой суверенитет и влияние над Тибетом, и независимое намерение местного правительства Тибета становились более и более очевидными.

Правление древней китайской империи над Синьцзяном началось во 2 веке до нашей эры, но история развития уйгуров в Синьцзяне началась позже, чем империя Древнего Китая получила абсолютное управление Синьцзяном. Уйгурское этническое происхождение можно проследить до кочевых племен, живущих в регионе к югу от озера Байкал, между рекой Иртыш и озером Балхаш в 3 веке до нашей эры, у них могут быть определенные кровные отношения с гуннами. В середине 5-го века нашей эры это племя мигрировало в район бассейна Чжунджер в сегодняшнем Синьцзяне, и первоначально сформировало национальный уйгурский прототип. В середине 8-го века, при росте Арабской империи и дальнейшем расширении на восток, Синьцзянский регион был когда-то отделен от управления центрального правительства Китая, уйгуры начали принимать влияние ислама, в конечном итоге сформировали свой полный национальный язык, религиозное верование, ритуалы поведения, культурное наследие, систему идентичности. В середине 18-го века Империя Цин (1644-1912) получила абсолютный контроль над Синьцзяном, а уйгуры также принадлежали к династии Цин. Однако после середины 19-го века, из-за вмешательства и проникновения во внутренние политические дела от империалистических стран, таких как царская Россия, Великобритания и других стран в Синьцзяне, и ослабления национальной идентичности уйгуров, первоначально была сформирована национальная сепаратистская сила.

Например, в августе 1933 года британское и индийское правительства послали шпионов, и использовали обширное социальное отношение индийских торговцев в южном Синьцзяне, чтобы противостоять многим уйгурам как британским шпионам и пропагандистам, выступив за «великий тюркизм» и «великий исламизм». 12 ноября 1933 года британцы подстрекали национальных сепаратистов создать «Независимую

Исламскую Республику Восточного Туркестана» в Кашгаре и предложили «защитить религию, убить народ хань и хуэй», чтобы пропагандировать жесткую религиозность и национализм.

6 февраля 1934 года националистическая армия (Китайская республика) вошла в Кашгар, после военного сражения «Восточно-Туркестанская исламская республика» была ликвидирована. После основания Китайской Народной Республики в 1949 году ультранационалистические идеи уйгуров эффективно контролировались и в конечном итоге формируется национальная модель сегодняшней многонациональной идентичности.

Вторая проблема – национальные сепаратистские силы и тайная поддержка некоторых западных стран. Например, «Исламское движение Восточного Туркестана», всемирно признанная террористическая организация, которая является самой сильной и влиятельной национальной сепаратистской силой Китая. Его цель - расколоть Китай через терроризм, создать «Исламскую страну Восточного Туркестана» в Синьцзяне. За террористической организацией «Организацией освобождения Восточного Туркестана», «Всемирным уйгурским молодежным конгрессом» и «Информационным центром Восточного Туркестана», тесно сотрудничающими с организацией «Исламское движение Восточного Туркестана», экономическая поддержка оказывается Турцией, Германией, США и другими странами. Кроме того, в ходе формирования персонала эти четыре террористические организации создали базы террористов за пределами страны, обучали насильственных террористов и постоянно отправляли террористов проникать в Китай, чтобы руководить террористическими действиями (см. рис. 1).

Даже они имеют контакты с Аль-Каидой и получают сильную поддержку от афганских террористических организаций, как «Талибана» и «Аль-Каиды» в подготовке вооруженного персонала и насильственных террористов. Уйгурские террористы за рубежом были

направлены в вооруженные силы «Талибана» в Афганистане для участия в террористической подготовке. То есть проблема национальной идентичности уйгуров переросла в проблему национальной безопасности и всемирной антитеррористической миссии.

дата	Жестокий террористический атак	Количество жертв
05.07.2009	Урумчи 05.07 серьезный инцидент с применением насилия	Более 100 человек были убиты, 800 ранены
01.03.2014	жестокий террористический атак Куньмин вокзала	29 человек были убиты, 130 ранены
01.05.2014	Бомбардировка Урумчи вокзала	3 человека были убиты, 79 ранены
22.05.2014	Урумчи взрыва на Северной улице Парка	31 человек были убиты, 94 ранены

Рисунок 1 – Жестокие террористические акты, организованные уйгурскими террористами в последнее десятилетие

Третья проблема заключается в том, что экономическое развитие районов этнических меньшинств, представленных Тибета и Синьцзяна, отстает от развитых районов. 6 лучших провинций расположены в экономически-развитых районах восточного и южного Китая, а последние 6, за исключением провинции Хайнань – сосредоточены в концентрированных провинциях этнических меньшинств на северо-западе и юго-западе Китая. Общий ВВП провинции Гуандун почти в 66 раз выше, чем в Тибетском автономном районе, и в 9 раз выше, чем в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Анализируя данные, мы должны признать, что, хотя экономическое строительство современного Китая добились больших успехов, дисбаланс в региональном развитии, растущий разрыв между богатыми и бедными и необходимость модернизации промышленной структуры – все представляют новые экономические проблемы, которые должно решить китайское правительство в новой экономической реформе.

Ввиду экономической отсталости в районах проживания этнических меньшинств автор провел практические исследования в Синьцзяне, Внутренней Монголии, Нинся-Хуэйском автономном районе и других местах и обнаружил, что основной причиной экономической отсталости в некоторых районах проживания меньшинств является естественный атрибут экономической модели, а не рыночный атрибут. Экономическая модель естественного атрибута, в основном, включает мелкое сельское хозяйство, животноводство, рыболовство и коллекторскую промышленность. Рыночным атрибутом является активное взаимодействие с рынком на основе естественного атрибута для формирования товарной зерновой промышленности, пищевой перерабатывающей промышленности, сферы услуга, туризма и т. д. Тем не менее, следует отметить, что разрыв в экономических доходах напрямую ведет к дифференциации социальной стратификации.

В групповой идентичности вопрос «к какой группе я принадлежу» будет иметь явное различие между высокой и низкой оценкой. С объективной точки зрения серьезная дифференциация социальных слоев приведет к очень четкой границе между социальными группами. Социальная мобильность становится жестким классовым различием, и самоэволюция групповой идентичности становится более затрудненной. С субъективной точки зрения, бедные люди будут иметь классовые предубеждения против групповой идентичности, особенно когда социальные ресурсы распределены, мы расширяем концепцию «группы» в общую организацию всех социальных групп - общества и политических органов с политической характеристикой - тогда социальная идентичность народа и национальная идентичность тоже будут эффективно развиваться и укрепляться.

Литература

1. Ян Ду. Политика золота и железа // «Новая китайская газета». – 1907.

2. Широкогоров С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. – Шанхай, 1923.

3. Дугин А.Г. Этносоциология. – М. Академический Проект, 2011. – С. 10.

4. Юнвэнь Лю, Цижэнь Дадава, Дяньдун Хан. Железное доказательство в неравном договоре - о статусе Тибета в поздней династии Цин и в начале Китайской Республики // Журнал Тибетского университета (издание по общественным наукам), 2008. – №2.

National identity of china's ethnic minorities: the experience of Tibet and Xinjiang

Tsun Lin

Lomonosov Moscow State University

The author of the article believes that the national identity consists of four levels, the article describes the characteristics of each level. The most significant for the study is the features of the Tibetan minority in China. Because of the blocking of the Alpine plateau, the geographical environment of the Qinghai-Tibetan plateau has become the most concentrated for Tibetans to live in, although the political blockade has led to limited contact with the outside world. In the era of national integration in the history of China, Tibetans maintain a relative lineage and cultural independence, which causes increased interest among scientists to study the processes taking place in Tibet. The author studies the factors of influence of national separatist forces on the formation of national identity and suggests ways of further development within the framework of the General national concept of China.

Key words: national identity, national minorities, ethnic relations, Tibet and Xinjiang, China.

References

1. Angels, 2007 - Angels G.V. Socioecological aspects of technogenic civilization. - O., 2007. -- 408s. - S. 135.
2. Astafyeva, 2004 - Astafyeva O.N. Synergetic discourse of modern information and communication processes. // Synergetic paradigm. Cognitive-communicative strategies of modern scientific knowledge. - M.: Progress – Tradition, 2004. - S. 419-443.

3. Babeyko, Chuguenko, 1998 - Babeyko F.S., Chuguenko V.M. Social Philosophy: Study Guide. Tiraspol: RIO PSU, 1998. - 283s.
4. Berdyaev, 1989 - Berdyaev N.A. Man and Machine // Questions of Philosophy, 1989. - No. 2. - P. 148.
5. Ignatov, 2018 - Ignatov M.A. Network mentality and net-thinking in post-industrial culture // Herald of the Moscow State University of Culture and Arts. 2018. No. 5 (85). S. 18-26.
6. Ignatov, 2019 - Ignatov M.A. The discourse of information network culture // Other social sciences. - M., 2019. -- No. 2. S. 75-76.
7. Nurgaleeva, 2004 - Nurgaleeva L.V. Dichotomy of status and extrastatus culture in the context of the development of a network society [Electronic resource] // Open interdisciplinary electronic journal. Issue 1. Humanitarian computer science. Tomsk, TSU, 2004. URL: <http://huminf.tsu.ru/ejournal/magazine/1/nurgalieva.htm>.
8. Nazarchuk, 2008 - Nazarchuk A.V. Network society and its philosophical understanding // Vopr. philosophy. 2008. No. 7. P. 61–75.
9. Maltseva, 2011 - Maltseva D.V., Romanovsky N.V. On modern network theories in sociology // Sociol. researched 2011.
10. Safina, 2017 - Safina A.M. Network culture as a product and condition for the development of network communities // Other social sciences // Northern (Arctic) Federal University. // Series: Humanitarian and social sciences 2017. - P. 50-56
11. Tavrizyan, 1986 - G. Tavrizyan Technique, culture, people. - M., 1986. - 374c.
12. Heyzinga, 1992 - Heyzinga J. Homo ludens: In the shadow of tomorrow. - M., 1992. -- 389c.
13. Heidegger, 1993 - Heidegger M. Time and Being. - M., 1993. -- 460c.
14. Jaspers, 1994 - Jaspers K. The spiritual situation of time. - M., 1994.

Проблемы и перспективы урбанизации в современном информационном мире

Чжан Цзе,
аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
galya66888@mail.ru

В статье обозначены теоретические подходы к объяснению сущности урбанизации как тенденции развития международного общества. Рассмотрены факторы, влияющие на развитие урбанизации. Дана характеристика развитию урбанизационных процессов в различных странах мира. Определено потенциальное воздействие урбанизационных процессов на окружающую среду. Автор обосновывает влияние информатизации общества на глобальные урбанизационные процессы.

Ключевые слова: урбанизация, глобализационные трансформации экономики, городское население, развитие отдельных регионов, индустриальное агломерирование, глобализация.

Введение в проблему. Категория «город» с позиции изучения социально-экономических явлений сегодня находятся в центре внимания многих ученых: выделяются задачи изучения трансформации и роста городов (из малых в большие), выявляются причины развития одних городов и вымирание других, рассматриваются причины повышенного интереса для переселения в одни города в противовес другим и т.п. На сегодня баланс между городским и сельским населением планеты приближается к отметке 50/50%, что наблюдается впервые за всю историю человечества.

Сегодня около 55% населения мира живет в городах. Ежедневно в города переезжают около 180 000 человек. Эксперты считают, что до 2050 года этот показатель вырастет до 68%, то есть еще 2,5 миллиардов человек переберутся в город, при этом около 90% этого увеличения произойдет в Азии и Африке. Согласно данным ООН, к В 2050 году в городах будут проживать 2/3 жителей планеты [9; 8].

Итак, урбанизационные процессы в мире за последние десятилетия сформировались в один из главных факторов социально-экономического развития как отдельных регионов, так и национальных экономик.

Результаты исследования. В мире все больше людей отдают предпочтение жизни в городских районах перед сельскими. Они считают, что, проживая в городе, будут иметь большие перспективы для саморазвития, для карьерного роста и др. Этот процесс перехода людей из сельской местности в города называется «урбанизация».

Урбанизация – это постепенная смена места проживания человеческого населения из сельской местности к городским районам в сочетании с общим

ростом и развитием городских поселений, ростом удельного веса городского населения, распространением городского образа жизни в определенном регионе, стране, мире [6].

Ученые выделяют два подхода к определению этапов развития урбанизации в мире. Согласно первому подходу, процесс урбанизации прошел глобальных две фазы своего становления [4, с. 148]:

1-я фаза: в данный период наблюдались частые перемещения сельского населения в малые и большие города, на карте появлялись все новые и новые города, вокруг значимых городов стали формироваться агломерации – происходила концентрация ресурсов ближайших городов по типу (экономические, культурные, инновационные, инвестиционные);

2-я фаза: город становится уникальной и отдельной категорией в сознании населения – выделяется отдельная культура проживания в городах, появляются различные городские стили и традиции, город переходит в самостоятельную категорию «бренд» (формируется имидж города, который освещается в СМИ, обрастает легендами и передается за пределы города (пресса, радио, телевидение), также появляются рейтинги городов по разным категориям сравнения.

Во втором подходе исследователи выделяют уже 3 этапа развития урбанизации в мире [4, с. 133], которые представлены в табл. 1.

Таблица 1
Этапы развития урбанизации в мире

Этап	Период	Характеристика
начальный этап	XIX век	Процесс урбанизации зародился в Европе и Северной Америке и продолжил свое распространение за пределы
этап становления	первая половина XX века	Наблюдается ускорение роста городского населения и распространение процесса урбанизации почти на все регионы мира (массовые миграции и переселения по различным причинам)
этап развития	вторая половина XX века – наши дни	Наблюдается еще большее ускорение темпов роста городского населения, развитие больших городов, переход от точечного города к агломерации, а также формирование мегалополисов, что приводит к распространению городского образа жизни на сельскую местность

Главной отличительной характеристикой городского населенного пункта (малого города, города, муниципалитета, города областного назначения, мегаполис) от сельского населенного пункта (село, деревня, поселок городского типа) является значительная численность населения, плотность населения, а также структура по секторам экономики (производство, сельское хозяйство, услуги, инфраструктура).

Из этого следует очевидный вывод, что развитие производительных сил, технический и социальный прогресс как раз и являются движущей силой урбанизации в эпоху глобализации, трансформации и цифровизации общества.

На процессы урбанизации влияют определенные факторы, среди них можно выделить следующие [5, С. 29]:

1) исторический. Во время расселения населения первостепенное значение имеют исторические факторы. Те районы, которые были густозаселенными во времена, когда формировался человек современного типа, или существовали могучие цивилизации Древнего мира, остаются и ныне такими. Это Европа и Южная и Восточная Азия. Также направления мощных миграционных потоков из Европы после эпохи Великих географических открытий привели к большей густоте населения именно восточного побережья Америки.

2) социально-экономические. С древних времен люди стремятся жить в тех районах, которые есть более организованными, которые раньше начали развиваться и жизнь в которых является более цивилизованным. Именно поэтому процессы миграции населения неизбежны.

3) природные. Сейчас этот фактор не является таким актуальным, как раньше, ведь в прошлом поселения людей тянулось жить там, где лучшие природные условия, которые помогли бы им выжить, но сегодня это не совсем так.

4) социально-инновационные. На современном этапе развития челове-

ства важным фактором урбанизации являются инновации, ведь большое количество людей перемещается до города именно из-за того, что там высокое развитие инноваций, технологий, цифровизации, что способствует повышению уровня качества жизни.

Сегодняшние процессы урбанизации имеют ряд особенностей и свои уникальные характеристики, которые выделяют их в отдельный этап своего развития. Во-первых, города, которые являются магнитом для переселения, уже перестали быть «точечными городами» - как правило, это сеть городов, которые образуют определенные агломерации. Можно выделить «главный» город, а также города, входящих в состав агломерационных образований, и сельские поселения, которые также являются придатком для жизнеобеспечения продовольственными ресурсами всю агломерацию.

Во-вторых, сегодняшние процессы урбанизации характеризуется активной динамикой трансформации городских пространств – в период значимых событий (например, Олимпиада, форумы, научные центры, курорты и т.п.) многие города полностью изменили свою инфраструктуру и цель своего значения.

Урбанизация в разных странах и регионах имеет неодинаковый уровень и темп проявления. Например, в развитых странах уровень урбанизации в среднем составляет 72%, а в странах, которые развиваются – всего лишь 32% [7].

Антонова Н.Л. поддерживает мысль о том, что «не нужно сдерживать приток бедных людей и мигрантов в крупные города, а необходимо сконцентрировать усилия на том, чтобы максимально адаптировать таких людей для проживания в городской среде, а также сделать такие города повышенного интереса более подходящими для проживания для большого количества людей» [1]. Субурбанизация (отток жителей в пригородные зоны) — стихийный процесс, как раз он помог добиться определённого сокращения численности населения го-

родских ядер, в то же время и он не приводит к децентрализации жителей, а скорее предусматривает «расползающуюся концентрацию» [3]. Глобализм процесса урбанизации очень нагляден на примере развивающихся государств. Урбанизация в них специфическая, приводит к быстрому росту «псевдогородского населения» (отсюда: «трусцобная урбанизация»). Миллионы граждан в города отправляет безземелье, отсутствие шансов найти место работы в сельской местности. Они пополняют жителей кварталов на периферии крупных городов [2].

Сегодня основной платформой развития технологической революции становятся города, имеющие достаточные инфраструктурные возможности, чтобы объединять деятельность людей, способных генерировать новые направления в различных отраслях, способных развивать перспективные виды бизнеса и применять инновационные методы к уже существующим процессам. Успешными будут города, которые смогут эффективнее других привлекать человеческий капитал и своевременно адаптироваться к новой технологической реальности. Для этого мегаполисам необходимо располагать развитой инфраструктурой, как для жизни, так и для ведения бизнеса, что требует постоянных инвестиций в первую очередь в повышение качества активов и развитие инфраструктуры, не всегда успевающей за развитием городов.

Интеграция развитий мегаполисов в общий тренд цифровизации приводит к развитию и появлению «умных» городов, которые представляют собой совокупность замкнутых систем, направленных на жизнеобеспечение города, которое невозможно достичь без использования цифровых и инновационных технологий.

Заключение. Урбанизация, как явление, негативно влияет на все компоненты биосферы, в которой проживает человек. Крупные города загрязняют атмосферный воздух, так как в них

наибольшая концентрация промышленных предприятий, повышенный уровень опасности движения различных видов транспорта, а также сложная инфраструктура поддержки жизнеобеспечения (тепло, энергия, бытовые отходы, канализация и водоотведение и т.п.).

Строительство многоквартирных домов имеет негативные последствия для почв. Города являются экосистемами, созданными искусственно, в которых потеряно то видовое многообразие растений и животных, которое заселяло эту территорию раньше.

Урбанизированные территории характеризуются большим использованием водных ресурсов для различных хозяйственно-бытовых и промышленных нужд.

Литература

1. Антонова Н.Л. Расселение населения и урбанизация // Демография: учеб.-метод. пособие; МОН РФ, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: УУ, 2014. С. 90-91.
2. Вагин В. В. Городская социология. М., 2000. 169 с.
3. Глазычев В.Л. и др. Городская среда: технология развития. М., 1995. 256 с.
4. Демография и статистика населения. М.: Финансы и статистика, 2014. 688 с.
5. Озерова Г. Н. География мирового процесса урбанизации: монография / Г.Н. Озерова, В.В. Покшишевский. М.: Просвещение, 2018. 192 с.
6. Central Intelligence Agency. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-worldfactbook/fields/2212.html> (дата обращения: 23.02.2020).
7. Demographia. World Urban Areas. URL: <https://www.demographia.com/db-worldua.pdf>. (дата обращения: 05.03.2020).
8. Hannah Ritchie. Urbanization. URL: <https://ourworldindata.org/urbanization> (дата обращения: 05.03.2020).

9. United Nations Department of Economic and social affairs. 2018 Revision of World Urbanization Prospects. URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/2018-revision-of-world-urbanization-prospects.html> (дата обращения: 05.03.2020).

Problems and prospects of urbanization in the modern information world

Zhang Jie

Moscow state University. M. V. Lomonosova

The article outlines theoretical approaches to explaining the essence of urbanization as a tendency for the development of international society. The factors influencing the development of urbanization are considered. The development of urbanization processes in different countries of the world is described. The potential impact of urbanization processes on the environment is determined. The author substantiates the impact of informatization of society on global urban processes.

Keywords: urbanization, globalization transformations of the economy, urban population, development of individual regions, industrial agglomeration, globalization.

References

1. Antonova N.L. Resettlement and urbanization // Demography: textbook.-method. allowance; MES RF, Ural. Feder. un-t Yekaterinburg: UU, 2014. S. 90-91.
2. Vagin V.V. Urban sociology. M., 2000. 169 s.
3. Glazychev V.L. et al. Urban environment: development technology. M., 1995. 256 s.
4. Demographics and population statistics. M.: Finance and Statistics, 2014. 688 s.
5. Ozerova G. N. Geography of the global process of urbanization: monograph / G.N. Ozerova, V.V. Poksishevsky. M.: Education, 2018. 192 p.
6. Central Intelligence Agency. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-worldfactbook/fields/2212.html> (accessed: 02.23.2020).
7. Demographia. World Urban Areas. URL: <https://www.demographia.com/db-worldua.pdf>. (Date of treatment: 03/05/2020).
8. Hannah Ritchie. Urbanization URL: <https://ourworldindata.org/urbanization> (accessed: 03.03.2020).
9. United Nations Department of Economic and social affairs. 2018 Revision of World Urbanization Prospects. URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/2018-revision-of-world-urbanization-prospects.html> (accessed 03.03.2020).

Проблемы машинной этики в современном мире

Быч Елена Ивановна,

старший преподаватель, Департамент языковой подготовки, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», kovaleva_le72@mail.ru

Мелихов Кирилл Сергеевич,

студент, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», melikhovks@yandex.ru

В статье рассматриваются основные этические проблемы внедрения в общественные процессы достижений науки в области создания Искусственного интеллекта (ИИ) и его интеграции с современным обществом. Поднимаются вопросы осознания необходимости обеспечения машин этическим интеллектом; обучения ИИ и привития ему моральных принципов; мотивации ИИ в своей деятельности; проблемы взаимной адаптации общества и ИИ; восстания машин и неблагоприятного исхода внедрения Искусственного интеллекта, как совершенно нового элемента, в структуру социальных институтов. Предлагаются пути решения проблемы морализации ИИ и оснащения его программного обеспечения этической составляющей. Делаются выводы о социальной необходимости внедрения ИИ в нашу жизнь. Интерес к исследованию данного вопроса так же был подкреплён преддверием столетия со дня первого представления пьесы, написанной чешским драматургом Карелом Чапеком, где мы впервые встречаем термин робот.

Ключевые слова: моральный релятивизм, дружелюбный ИИ, риски внедрения ИИ, моральные преграды ИИ, машинная мораль, машинная этика, робот, апокалипсис.

At various times, science fiction descriptions of artificially created anthropoids, such as Frankenstein's monster or modern versions of the Jewish legend of the Golem, were destructive on a small scale; but Karel Čapek, created in the play "R. U. R." mechanical creatures extremely similar to humans, and seems to have been the first to see robots as a continuation of the industrial revolution and, accordingly, gave them the ability to global transformations — Čapek's robots eventually lead to the destruction of the human race. Therefore, in modern realities, we need to be aware of our actions, and especially of those actions that may entail such consequences.

Today, some futurists try to seriously approach the question of how to avoid a machine revolt. They believe that artificial intelligence (AI) and Autonomous robots will play an increasing role as servants of humanity. Soon, robots will take care of the sick and elderly, and AI will monitor our streets for traffic and crime. In the future, robots will be responsible for optimizing and controlling cash flows, energy, goods and services, for developing and implementing technological innovations, for developing strategies and planning military defense, and so on, implementing solutions to the most complex and difficult issues from different areas of human activity. Researchers say that since we are already dependent on machines, we should expect that this dependence will only grow in the future. Therefore, we must be sure that the decisions made by robots on our behalf will actually contribute to our well-being. Machines, that we expect to be both autonomous and beneficial, need some moral structure to guide their activities. Therefore, in the age of robots, we will have to adhere to morality as never before.

It should be noted that the type of artificial intelligence that is of interest to Čapek and modern writers — that is, a really intelligent artificial intelligence — remains a dream, and perhaps an impossible one, but in the modern world, the stakes of creating the right robots are quite serious, even at a hypothetical stage.

Čapek, writing his play, challenged the very desire to create robots, forcing us to ask the most obvious question that is overlooked by today's authors: can there be any good from making robots more responsible in order to reduce our mutual responsibility? [1, 65]

One of the leading areas of scientific and technological development, represented by robotics and AI, is finally beginning to realize the importance of ethics; and yet, it is not surprising that scientists do not yet understand this importance clearly and widely. Hans Jonas said that the development of science and technology, which have so greatly increased human power in the world due to the necessary complementarity, has undermined the foundations from which moral norms could be derived... The very nature of an age that appeals to ethical theory is suspiciously like a stupid idea [2, 126].

Proponents of moral machines, or friendly AI, as it is sometimes called, show some understanding that they are facing an uphill battle. Their desire to make machines moral has not yet become widespread among those who actually build robots and develop artificial intelligence. Moreover, as the friendly AI researcher Eliezer Yudkovsky notes, any attempt to formulate moral boundaries, especially in explicitly ethical terms, will inevitably raise suspicions of the moral relativism that has long been ingrained in the scientific and technical enterprise. He asks whether all morality is relative, who we are to decide what friendliness is, if the moral of the machine also must not be relativist.

Fortunately, there is a simple answer to dispel these doubts: everyone agrees that we should at least avoid the Apocalypse. Moral judgment may, in principle, remain

relative, but Yudkovsky suggests that certain desires can coalesce at this particular point, which means that friendly AI programmers have at least one specific goal to aim for [3, 217]. Thus, the saying "don't destroy humanity" may well become an expression of a universal moral consensus based on our fears. However, this does not mean that it itself provides enough understanding of moral behavior to guide the machine in making everyday decisions.

We can argue as much as we want about the content of machine morality, that is, about what specific actions for AI should actually be mandatory or prohibited — as long as the practical solution is a system that will meet the formal criteria of will. When we consider these formal criteria, and especially the question of how AI will balance the desires and requests of everyone, it will be given a pluralistic answer.

But if moral machines are moral students, who will they learn from? Yudkovsky claims that they will learn from their programmers; simply put, by getting programmers to answer AI questions about hypothetical scenarios and real-world solutions [3, 13]. Evidently, the term programmer is loosely meant, and refers to a development team that will appeal to academia or the community of those with moral judgment skills. And given that the friendliness marker assumes that the values set will reflect the values of most people, the question arises about taking into account the values of those people who do not have high moral qualities or do not possess them at all.

It is also worth noting that no moral system is widely accepted by philosophers, in part because of their technical arguments about the inadequacy of any rule-based or virtue-based approach to moral programming. Wendell Wallach and Colin Allen believe that instead, an approach should be used that allows AI to model a person's moral development and project it onto its decision-making algorithms [4, 193]. However, from the point of view of both evolution and individual psychology supporters, the question of how a person becomes moral is debatable. But at least this is an

empirical question, with available theories more suitable for machine programming than moral theories such as virtue ethics, utilitarianism, or Kant's deontology.

Thus, if it is the training of moral robots that will prevail over other methods of creating friendly AI, then the minimum standard for it will be that it will generate disagreements no more often than they occur among people. But is not a more unreliable friend than a human, or even a more potentially harmful friend than a human, an enough characteristic to strive for AI to have more and more power over human life, and therefore the world?

The same problem arises when a team of moral AI developers will train the machines themselves, based on the experience gained in the process of socialization. In this case, their moral judgments will be no better or worse than anyone else's, which calls into question the academic validity of the ideal concept of morality that we want to put in the robot. And it certainly shows that such a moral AI will inherit the moral divisions of our time. This is the very problem that researchers of friendly AI are struggling with in the first place.

The differences between AI and humans should be discussed in any attempt to figure out what a robot can be and what its tasks will be [5, 121]. Probably, it would be an impressive technical achievement to create a machine that, faced with a tough or even everyday ethical question, would only be as morally confused as most people, but then how can an AI as moral as a human be able to make better moral decisions than humans? At first glance, this question can be answered in a simple way. Perhaps moral machines, if they don't have better ideas, will at least have less selfish goals. Unselfishness could free AI from intrigues that obscure the right course of action for us. If we could educate them morally, then perhaps at some point, using their great computing power, machines would be able to create moral schemas and solutions that we are blind to [5, 63].

AI will not have the motivation to act unfriendly in the usual sense, but we have also seen, in the example of Čapek's

works, that AI will not be friendly, because it will not have the usual motivation for us — self-preservation. In other words, any AI motives will be alien to us, and therefore we are most likely to consider them hostile. Here you should think about questions of evolutionary psychology — a method of psychological research based on the search for common psychological traits for all living beings, such as children's fears of loud sounds, darkness, ghosts, strangers or humor, gender differences, and much more; they can be added to the algorithms of moral machines and hope that on this basis, their further motives will be similar to human ones.

Obviously, the reason why an AI can act unfriendly is basically clear — after all, it doesn't have any human feelings at all, so the friendly AI software will be tested. But even if we know that the AI's decision-making algorithms will be known to us, even if the AI shows all the input data, estimates, forecasts, and analysis of its actions that led to a given result in order to justify its actions to us — how many lives will it take for a person to scroll through the data and reasoning that a highly developed AI will calculate at one moment when it makes some decision, for example about life or death, on our behalf? If the supposedly higher moral decision does not at least partially correspond to our purely human, contradictory, individual values and reasoning — what will give us confidence that it is the best? Isn't it possible that we won't be able to sort this out?

In the same way, a result that seems completely friendly may turn out to be hard love — a stricter example of friendship. This concept is applicable even in the case of human communication: do all the good you are doing for a person is really good for him? So, in cases where the AI's judgment doesn't match what we would do, the question arises: is the AI's flawed decisions a refutation or justification of its moral acumen?

To put it mildly, if we want to imagine an AI that is morally superior to us, we must inevitably agree that at best, in a relationship with AI, we would be like a child

in a relationship with an adult. We would have to accept any apparent wrongness in his actions as a by-product of our own limited knowledge and abilities. Indeed, given the motivations for creating a friendly AI and the responsibility we want it to have, there is every incentive to reckon with its judgments. Therefore, we should not be surprised if a friendly or unfriendly AI decides to just go and destroy us, and if it was accompanied by any speech, it is most likely that this decision was made for our own good.

Today's thinking about AI assumes that it is moral but does not want to give up on moral relativism and individualism. Our needs are for moral machines to have more moral potential than humans, but there is no explanation yet for how they will become better than the moral reasoning of humans. This makes it clear that machines will not reason exactly like us, but it does not take away the belief that they can be built so that the decisions they make are correct. We want friendly AI to help us, not harm us, but if it really is morally superior to us, we can hardly be sure that such help will not seem harmful to us. Given these problems, it seems unlikely that the scientific thoughts of the authors of the papers about friendly AI represent a viable beginning even to formulate the problem of moral machines, let alone to solve it properly.

By design, a moral machine is a safe slave who does what we want and doesn't want to do anything for himself. Dominion over slaves is known to have a bad effect on the moral character of masters; and the worse the situation, the more nominal the dominion becomes. The better the moral machines work, the more we will depend on them, and the more we will depend on them, the more we will actually obey them. Of course, we are already very dependent on machines, and some of us will even say that we have become their slaves. But our cars don't yet make decisions about driving for us, and the power plant doesn't yet decide how much energy we should use and for what purposes. Autonomy, which is

supposed to be the basis of moral machines, radically changes the nature of our dependence. And the robot revolt in Čapek's play simply makes clear what would have been a reality: the hierarchy between humans and robots that would have developed if the robots' functionality had worked exactly as their creators hope.

Problems of machine ethics in the modern world

Bych E.I., Melikhov K.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article considers the main ethical problems of introducing scientific achievements in the field of creating artificial intelligence (AI) in social processes and its integration with modern society. The questions are being raised of the need to provide machines with ethical intelligence; training AI and instilling moral principles in it; motivation of AI in its activities; problems of mutual adaptation of society and AI; machine rebellion and the unsuccessful outcome of the introduction of artificial intelligence as a completely new element in the structure of social institutions. Ways to solve the problem of AI moralization and equipping its software with an ethical component are proposed. Conclusions about the social necessity of introducing AI into our lives are drawn. Interest in the study of this issue was also caused by the event of the centenary of the first performance of the play, written by the Czech playwright Karel Čapek, where we first meet the term "robot".

Keywords: friendly AI, AI implementation risks, AI moral barriers, machine morality, machine ethics, apocalypse.

References

1. Charles T. Rubin Machine Morality and Human Responsibility. // The New Atlantis. 2011. № 32. PP. 58-79.
2. Jonas H. The Principle of Responsibility. An attempt at ethics for technological civilization. – Zurich.1987. – 423 P.
3. Eliezer Yudkowsky Creating Friendly AI 1.0: The Analysis and Design of Benevolent Goal Architectures. – Machine Intelligence Research Institute. 2001. – 282 P.
4. Wendell Wallach, Colin Allen Moral Machines: Teaching Robots Right from Wrong. – Oxford University Press. 2009. – 288 P.
5. Keith Gunderson Robots, Consciousness, and Programmed behavior. // The British Journal for the Philosophy of Science. 1968. № 2. PP.109-122.

Философия избрания: доктрина предопределения и «американская исключительность»

Ионов Игорь Сергеевич,
аспирант, кафедры социально-культурной
деятельности, культурологии и социологии,
Тюменский государственный институт куль-
туры, ionov.tmn@gmail.com

В статье анализируется развитие христиан-
ской доктрины предопределения и избрания.
Отношение к доктрине предопределения и
избрания в современной американской куль-
туре, в философии религии и политологии, в
частности. Автор статьи считает, что авгу-
стино-кальвинистская доктрина предопреде-
ления и «философия избрания», сформиро-
вали концепцию «американской исключи-
тельности». В статье представлены фило-
софские концепции Аврелия Августина,
Фомы Аквинского, Мартина Лютера, Жана
Кальвина, Питера Маршалла и др.

Ключевые слова: каузальность, телеоло-
гия, предопределение, провидение, избра-
ние, «американская исключительность»,
кальвинизм.

Одной из фундаментальных основ те-
изма является идея предопределения,
которая выступает важнейшей состав-
ляющей философии избрания. В дан-
ной статье будет рассмотрена концеп-
ция, принятая в христианской филосо-
фии религии. Центральным аспектом
доктрины предопределения следует
считать вопрос избрания. Именно из-
брание есть начальная и конечная цель
Божественного замысла в отношении
человечества. Следует рассмотреть
два аспекта данного вопроса: каузаль-
ный аспект (от лат. *causa* — «причина»)
- состоит в том, что Бог есть конечная
причина происходящего, следова-
тельно, Он есть конечная причина из-
брания; телеологический аспект (от
греч. *τέλειος*, - «заключительный») – со-
стоит в том, что любое событие имеет
цель в реализации Божественного за-
мысла, следовательно заключительной
(«финальной») целью Его замысла яв-
ляется избрание.

По мнению Астапова, «идея пред-
определения заключается в том что всё
происходит с определённой целью,
предопределённой Богом. Если
predetermination есть взгляд на мировой
порядок, с точки зрения Бога – как
предзаданный (*preordination*) в вечности
порядок, то *predestination* – это взгляд
на Бога с точки зрения мира как на пред-
вечный источник всего происходящего»
[1, с. 104-105]. Апостол Павел выразил
это словами «Ибо все из Него, Им и к
Нему» [2, с.1566]. Но данный аспект
предопределения интересен, преимущ-
ественно, для метафизики. Для хри-
стианского богословия важнейшим яв-
ляется вопрос спасения и понятие «из-
брания» (*election*). Поэтому, в христиан-
ской мысли, вопросы предопределения
и избрания выступают как часть соте-

риологии («учения о спасении»). Эти вопросы могут быть сформулированы так: «Какова роль Бога и роль человека в его спасении?» и «Кто кого избирает: Бог человека или человек Бога?» Ответы на данные вопросы имеют важное значение для развития философской антропологии (свобода воли), онтологии (время и вечность) и истории (провиденциализм).

Данная статья имеет целью показать развитие доктрин - предопределения и избрания в христианской религиозной философии, и в кальвинизме в частности. Показать влияние кальвинизма на европейскую и американскую культуру, которое выразилось в своеобразной «философии избрания» и идее «американской исключительности».

В христианстве вопросы относительно предопределения и избрания стали возникать с самого начала формирования религиозного учения. Несомненно, первым этот вопрос поднял апостол Павел (5 – 67 годы н.э.). Именно он сформулировал учение о предопределении и избрании в своих посланиях «Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего.... А кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил» [2, с. 1560]. На раннюю христианскую церковь оказывали влияние несколько факторов. Во-первых, влияние иудаизма, которое было по своей сути фундаментом христианства. В иудаизме существовало, как минимум, четыре партии с диаметрально противоположными взглядами на предопределение, от полного фатализма у ессеев, до либертарианства у саддукеев, сам Павел был фарисеем, их взгляды современным языком можно охарактеризовать как «компатибилизм» [2, с.1649].

Во-вторых, на церковь оказывала влияние философия, в первую очередь, стоицизм, который отрицал слепую судьбу и утверждал, что «все случается в согласии с божественным планом» [3, с. 287]. Стоицизм проникал как с последователями из «язычников», так и через

эллинизированных иудеев. Город Тарс, из которого родом Павел, был одним из центров стоицизма, что могло оказать особое влияние на апостола, который, к тому же, имел римское гражданство. В-третьих, нельзя не отметить влияние на церковь античной культуры, которая, по словам Лосева, «есть абсолютным фаталистически-героическим космологизма» [4, с. 163]. Церкви приходилось в срочном порядке формулировать свою позицию на важнейшие вопросы бытия. Необходимо отметить, что отцы церкви пытались подчеркнуть свободу воли в контексте полемики с фатализмом гностиков и стоиков, при этом сохраняя учение о предопределении и избрании. К тому же монашество активно укрепляло доктрину свободы воли, что можно описать фразой Иоанна Златоуста (347 – 407 годы н.э.): «Все зависит и от нас, и от Него» [5, с. 53], этот взгляд называется «синергизм» (греч. *συνεργία* «сотрудничество, содействие, соучастие») – учение о том, что Бог (Божья благодать) действует совместно с человеческой волей в процессе «спасения», что будет характерной чертой восточного (православного) богословия.

Важнейшим этапом формирования доктрины предопределения и избрания, были, так называемые, «пелагианские споры». Британский монах Пелагий (354 – 418 годы н.э.) провозглашал свободу воли человека, его безгрешность при рождении, способность повиноваться Богу и самостоятельного достижения святости. Сам Пелагий прямо не отрицал предопределение и избрание, но это логически вытекало из его учения. Его учение было подвергнуто критике со стороны Августина (354 – 430 годы н.э.), который систематизировал доктрины искупления, благодати и предопределения. По его мнению, Благодать безусловна и не зависит от человеческих заслуг. Благодать это дар от Бога тем, кого Он избрал для спасения еще «до создания мира».

Таким образом, на западе начал формироваться «монергизм» (от греч.

μνος «один» + ἔργον «дело, труд, работа, (воз)действие») - как учение о спасении, альтернативное синергизму, распространённому в восточной церкви, концепция, согласно которой человек спасается только благодаря действию Бога; идея божественного единоначалия в деле спасения. У некоторых христианских писателей рассуждения Августина вызвали возражения. Одним из них был Иоанн Кассиан Римлянин. Суть возражений в следующем: 1. Если Бог всё предопределил, то Он предопределил и грех. 2. Если Бог предопределил к спасению одних, то других Он предопределил к гибели. 3. Если Бог всё предопределил, то в чём состоит смысл покаяния и добродетелей, если «избранные» уже избраны для вечной жизни, а погибающие предопределены к гибели. Августин на основании Библии объясняет неправомерность таких выводов в сочинении «О предопределении святых» [5].

На востоке, в православии, эти вопросы практически не поднимались, а в католической церкви споры на эту тему не утихали, сохранялись оба подхода по вопросу предопределения и избрания. «Полупелагианство», близкое к синергизму и «августинизм», придерживающийся монергизма, развивались параллельно. Близкой к Августину по данному вопросу была позиция Фомы Аквинского (1225 – 1274 годы н.э.), который считает предопределение неотъемлемой частью провидения. По его мнению, провидение это «план упорядоченности вещей к цели»: «... в предопределении [praedestinatio] надлежит рассматривать два аспекта, то есть само божественное предопределение [praedestinatio] и его следствие [effectus]. ...провидение, частью которого является предопределение, не устраняет вторичных причин, но так провидит следствия, что и порядок вторичных причин также подлежит ему» [7, с. 330-331]. Соглашаясь с Августином и сохраняя верность доктрине предопределения, Аквинский пытался согласовать

свободу воли человека и всемогущество Бога. В противоположность ему мыслил Иоанн Дунс Скотт (1266-1308), который утверждал, что «Бог ничего не предопределяет с неизбежностью» [5, с.79]. В дальнейшем «поздняя схоластика» в своих взглядах на свободу воли, предопределение и избрание, всё больше уходила в сторону полупелагианства, или даже в пелагианство.

Этот вопрос был основным в период Реформации XVI века. В первую очередь, необходимо рассмотреть взгляды основных деятелей Реформации - Мартина Лютера и Жана Кальвина. Именно богословские вопросы имели приоритетное значение для отцов реформаторов. В своей самой известной работе «О рабстве воли» Мартин Лютер (1483 – 1546 годы н.э.) с глубоким уважением обращается к автору труда «О свободе воли» Эразму Роттердамскому (1466 – 1536 годы н.э.), он благодарит его за то, что он понял «суть спора»: «И я весьма превозношу и славлю тебя за то, что ты один из всех напал на главное, на самую суть спора. Ты не досаждаешь мне не имеющими к этому делу отношения вопросами о папстве, чистилище, об индульгенциях и тому подобным пустякам, за которые до сих пор почти все за мной напрасно охотились. Ты один-единственный увидел суть дела и схватил за горло – я тебе за это от души благодарен» [8, с. 351]. Суть спора состоит в отношении свободы воли и предопределения, синергизма и монергизма, и это было важнейшей чертой всех реформаторов, они приписывали человеку полную пассивность в возрождении, что отразили в одном из основных тезисов Реформации – Sola Gratia, то есть «только благодатью» [5, с. 96]. В каком-то смысле Реформация - это возобновление «пелагианских споров», которые вел Августин в IV – V веке, а не новый спор на пустом месте, о вторичных причинах. Богословие Лютера, в том виде как оно представлено в трактате «О рабстве воли», выражается в том что: Бог и Его знание неизменны, Бог суверенен, и всё доброе, и злое в человеке

происходит по Его воле. Следствием этого была идея об изначальном «двойном предопределении» одних людей к спасению, а других к гибели.

Один из ключевых деятелей Реформации, Жан Кальвин (1509 - 1564) довел концепцию о двойном предопределении до логического конца. Основой его концепции являются следующие утверждения: предопределение есть предвечный Божественный замысел; всё в этом мире совершается в соответствии с Божественным замыслом, как доброе, так и злое; часть людей, без каких-либо условий избрана Богом к спасению; Адам был предопределён к гибели; Бог допустил грехопадение Адама, но причиной был его собственный порок; причина грехопадения великая тайна, её цель слава Божья явленная в спасении человечества. Предопределение – это божественный замысел, «которым Бог одних предназначил к спасению, а других к вечному осуждению» [9, с.382], есть осуществление божественной справедливости. Многие обвиняют кальвинизм и его доктрину «двойного предопределения» в чрезмерной жестокости. По их мнению, из неё следует, что зло является частью божественного плана, а спасение незаслуженно получают лишь избранные.

Вследствие этого, возникает вопрос, в чём тогда причина такого влияния кальвинизма в Западной Европе, Англии и США? Если эта концепция настолько «ужасна» она должна приводить человека в состояние панического страха, состояние неуверенности в будущем. Но на практике, влияние философии избрания оказало совершенно обратный эффект. Это отмечал в своих работах социолог Макс Вебер, «логическим выводом из учения о предопределении должен быть фатализм. Однако под влиянием идеи «испытания избранничества» психологическое воздействие этой концепции оказывается прямо противоположным» [13, с.141-145]. Как отметил Вебер, «У наиболее деятельных и страстных натур, извест-

ных всей истории христианства, начиная с Августина, ощущение спасения постоянно связывается с твердой уверенностью, что они всем обязаны действию объективной силы и что их собственная значимость не играет ни малейшей роли в их судьбе. Всеподавляющее ощущение радостной уверенности, которое служит разрядкой судорожному состоянию, вызываемому сознанием своей греховности, приходит как бы совершенно неожиданно и исключает возможность объяснить этот невероятный дар божественной милости какими-либо делами, заслугами, глубиной веры или устремлениями» Как заключает Вебер, идея кальвинизма заключается в следующем «не Бог существует для человека, а человек для Бога; все деяния человека имеют смысл только как средство самоутверждения божественного величия» [13, с.81-82]. Далее, в рамках данного исследования проведен анализ влияния кальвинизма на США и концепцию «Американской исключительности».

Кальвин направил Реформацию из Женевы на запад, во Францию, Голландию, Англию и Шотландию, и оказал, косвенным образом, формирующее влияние на ведущие церкви Америки. Первыми переселенцами в Новой Англии были английские пуритане, шотландские пресвитериане, французские гугеноты и голландские реформаты – все они, в свою очередь, были кальвинистами. Именно Кальвинизм, стал основным направлением протестантского богословия в Новой Англии в течение всего колониального периода, по сей день он сохраняет свое влияние и «в значительной степени продолжает управлять богословием пресвитерианских, конгрегационалистских и баптистских церквей» [10, с. 6]. В отличие от лютеранства, кальвинистская доктрина предопределения, в первую очередь, выражается в идее божественного избрания ко спасению. Кальвинисты считают, что учение о предопределении, придает религиозный стимул, а также

нравственное и социальное обоснование его распространению. Под избранием понималось не только «индивидуальное избрание», но и «групповое», общин, состоящих из Богом избранных (греч. Ἐκκλησία «собрание»). Кальвинистские общины избраны и отделены Богом для Его замысла. Кальвинисты проводили определенные параллели между своими общинами и древним Израилем. Они, как и израильтяне, ожидали получить новую обетованную землю.

Отцы-пилигримы (англ. Pilgrim Fathers) - первые поселенцы, прибывшие для создания новой колонии в Северной Америке, рассматривали это как обретение обетованной земли, Божьим избранным народом, они свято верили, что вступают в завет с Богом для создания богоугодного государства. По мнению Алистера Макграта, «Истинная Америка была прообразом нового Иерусалима, «города на горе», предопределенного от вечности и постепенно воплощаемого в реальность в Новой Англии. Эти настроения только усилились в эпоху «Великого пробуждения» и после заключения Парижского договора 1763 года, по которому протестантам перешли обширные владения католических империй Франции и Испании в Северной Америке. В ходе войны за независимость, укрепилось представление о божественном призвании США... Звездное знамя развивается над избранным Божьим народом. По мнению многих, Бог задумал американца как нового Адама в новом Эдемском саду, а Америку - как второй шанс для человечества. Это мифическое представление об Америке как о маяке на скале и примере для всего мира, стало призмой, через которую истолковывались исторические события религиозной жизни страны» [11, с. 382]. Эта позиция была (и продолжает быть на данный момент) магистральной на всем протяжении американской истории. Еще Вебер отмечал интересную особенность, что «каждое собрание Верховного суда или

сената США начинается с молитвы» [13, с.201].

Тут следует обратить внимание, в США со времени основания страны, религии отделены от государства. Но показательна история одной американской семьи по фамилии Маршалл. Peter Marshall Старший (1902 –1949) который был шотландско-американским проповедником, кальвинистом и пастором New York Avenue Presbyterian Church в Вашингтоне, был назначен капелланом при Сенате США (Chaplain of the United States Senate) и был настолько популярен, что после его скоростной смерти, был снят художественный фильм A Man Called Peter (1955), на основе его биографии которую написала его вдова известная писательница Catherine Marshall в 1951. В его книгах и его проповедях красной нитью проходит идея предопределения и избрания, возведенная в политику государства, особенно в сложные годы второй мировой войны. Его сын Peter J. Marshall (1940 – 2010) продолжил дело отца, закончив самые престижные университеты США (Yale University and Princeton Theological Seminary), стал известным проповедником, он продолжил развитие философско-теологической концепции «Избранной Нации» и описание её формирования в книге «Свет и Слава» (The Light and the Glory), Вот одна из цитат из этой книги: "Этот народ был основан Богом с особым призванием. Люди, которые впервые пришли сюда, знали, что их ведет Господь Иисус Христос, чтобы основать нацию, где мужчины, женщины и дети должны были жить в послушании Ему... это действительно был один народ под Богом" [15, с.16] .

Маршалл отмечает корни «американской исключительности» еще в работах Христофора Колумба, а именно в «Книге пророчеств Колумба» (англ. Columbus's Book of Prophecies, исп. El Libro de las Profecías). Эта книга написана в самом начале XVI века (период четвертой экспедиции в Новую Землю) при помощи монаха Гаспара де Горри-

цио [16]. В ней Колумб описывает открытие пути в Ост-Индию как божественное провидение, он указывает на то, что избран для этой цели Богом, и подтверждает свои рассуждения цитатами из Библии. По мнению Колумба, его конечная цель нести «Благую весть» индейцам, а золото испанцам для восстановления храма в Иерусалиме. Маршалл отмечает, что «Колумб, по всей видимости, полагает, что вся история человечества до конца времен каким-то образом была предсказана в Священном Писании.» [15, с.17]. В этой книге излагается средневековый взгляд на «последнее время», согласно которому «Концу Света» и «Второму Пришествию Христа» предшествуют: всеобщая евангелизация, освобождение от мусульман Святой Земли, избрание мирового правителя (вероятно из испанских монархов), который будет приветствовать Христа в Иерусалиме, при Его «Втором пришествии» Следует отметить, что Колумб «является единственным в своём роде интерпретатором Библии без богословского образования, который не просто был убеждён в предопределённости своих действий Богом ещё до своего рождения, но и в самом деле своими действиями несомненно повлиял на судьбы человечества.» [16]

Далее Маршалл задается вопросом: «Что, если Бог задумал особый план для Америки?» и проводит параллели с ветхозаветным текстом из Второзакония: «ибо ты народ святой у Господа, Бога твоего: тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле. Не потому, чтобы вы были многочисленнее всех народов, принял вас Господь и избрал вас, ибо вы малочисленнее всех народов, но потому, что любит вас Господь, и для того, чтобы сохранить клятву, которую Он клялся отцам вашим, вывел вас Господь рукою крепкою и освободил тебя из дома рабства, из руки фараона, царя Египетского. Итак, знай, что Господь, Бог твой, есть Бог, Бог верный, Который хранит завет Свой и милость к любящим Его и

сохраняющим заповеди Его до тысяч родов» [2, с.253]. «Если евреи избранный народ, если они примут Его заповеди Он благословит их как народ (nation) следовательно и мы Американцы избраны Богом для особой цели, как люди призванные быть, светом к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля» [15, с.18]. Эти слова Маршаллом были сказаны в солнечное майское утро 1975 года, когда только завершалась война с Вьетнамом и назревал новый виток холодной войны с СССР. Несомненно эти богословские воззрения оказали значительное влияние на политику США того времени, одним из ярких примеров может служить речь президента США Рональда Рейгана, сказанная 8 марта 1983 года перед Национальной ассоциацией евангелистов в американском штате Флорида и в знаменитом выражении «Империя зла» (англ. evil empire) [17].

Колумбу было видение, что он избран, чтобы принести Свет Христов в Новую Землю, и уже первые поселенцы думали, что они призваны Богом, продолжить заветные отношения с Богом, которые были потеряны Израилем. Они видели в Америке новую «Обетованную Землю» и «Новый Израиль» как выразился John Winthrop, первый губернатор Массачусетса «Город на вершине холма» [15, с.21]. Маршалл понимал, что его исследование (Божественного замысла для США) идет в верном направлении, в исследовании данного вопроса приняли участие выпускники и преподаватели Гарварда, Йеля и Кембриджа. Как он пишет в своей книге: «Наше основное предположение - что у Бога был определенный и чрезвычайно требовательный план для Америки - было подтверждено, хотя и несколькими удивительными способами. Люди, подобные Колумбу, оказались гораздо более преданными служению Богу, чем мы себе представляли. Другие, как Томас Джефферсон, тот, кого мы считали разумно набожным, оказалось совершенно противоположным [15, с.23].

Их выводы сводились к следующему:

1. **Бог дал особый «призыв» к этой стране и людям, которые должны были ее населить.** Бог создал Новый Израиль в Новой Земле, открытие и заселение её - это новый «исход Израиля из Египта», а Новая Англия – это Новый Иерусалим, по мнению пуритан XVI века, или как сказал президент Гарварда Уриан Окс (Urian Oakes) в 1673, "Царство Христа на Земле"[15, с.25].

2. **Этот «призыв» должен был быть разработан с точки зрения завета (covenant) поселенцев с Богом и друг с другом.** Оба элемента «завета» - вертикальные отношения с Богом, и горизонтальные отношения с ближними, были важны для «пришельцев» (англ. comers). Отношения с Богом они видели в образе ветхозаветного патриарха Авраама, это был Божий план, которому они подчинились. Эти группы переселенцев создавали общины-церкви, они росли, создавая города, историки и социологи считают, что в этих городах Новой Англии была чистая и полноценная демократия. Американская демократия имеет корни в этих «заветных» правилах первых общин-церквей (эту идею мы видим, в том числе, у Макса Вебера)

3. **Бог Свою часть «сделки выполнил»,** и Он сделал это, как на индивидуальной, так и на «корпоративной основе» (этот язык очень характерен для «протестантской этики») Бог защитил их от болезней и от атак индейцев (хотя это сейчас не популярная тема).

4. Когда группы людей, независимо от того, насколько они маленькие, **были готовы умереть («отказаться» прим. переводчика) для своих эгоистичных желаний,** то жизнь, возникавшая в результате этой смерти, была неизмеримо больше (тут мы видим яркий пример христианской аскезы, и «протестантской этики»). «Это особенно было актуально для лидеров этих ранних поселений, как Брэдфорд, Уинтроп и Вашингтон, которые, по словам Маршалла, «желали от жизни не более чем

служить Божьему народу на Обетованной Земле» [15, с.26]

По словам Абрахама Кайпера, «жизнь развивается органически, и потому каждый новый этап имеет корни в прошлом. Кальвинизм в его глубинном смысле уже постиг Августин, а задолго до Августина его провозгласил Граду на семи холмах апостол в своем послании к Римлянам. От Павла он восходит к Израилю и его пророкам, даже к патриархам» [12, с.42]. Под воздействием секуляризации общества и понятие «предопределение» легко трансформировалось и превратилось в понятие «судьбы». О процессе секуляризации общества в 1975 году говорил Маршалл: «Я думаю, причина, по которой мы, американцы, сегодня находимся в такой беде, заключается в том, что мы забыли об этом. Мы это отвергли. На самом деле, мы стали довольно цинично относиться к этому. Мы, как народ, отбросили наше христианское наследие» [15, с.16], так понимал он проблему, связанную с секуляризацией понятия «избрания». Еще Кальвин говорил о близости понятий провидения и предопределения, и на рубеже XIX и XX веков в части американского общества, возникла тенденция к постепенному вытеснению религиозной идеи предопределения, и замену её на светскую идею судьбы. При этом даже частично секуляризованная Америка, продолжала считать себя особым «Богом избранным народом», ярким примером этого служат слова «One Nation Under God» (англ. Одна нация под Богом) в клятве флагу, редакции 1954 года. Такое восприятие истории США, уходит корнями к пуританскому прошлому, которое, по мнению некоторых, вовсе не прошлое, а настоящее. Современный лозунг американских консерваторов «Make America Great Again» (в переводе с англ. «Вернём Америке былое величие») многими воспринимается как возврат к идее «Богом избранной нации» и «американской исключительности», который впервые был использован в президентской кампании Рональда Рейгана в 1980 году. В

своем прощальном послании народу 1989 года, президент Рональд Рейган опирался на проповедь пуританского проповедника и пилигрима Джона Уинтропа, сказанную в 1630 году, находясь на борту корабля, направлявшегося в Массачусетский залив. В своей речи он сказал: « Ибо мы должны учитывать, что мы будем как «город на холме» (англ. «city upon a hill»). Глаза всех людей направлены на нас. Так что, если мы следуя этой цели, будем обманывать нашего Бога то лишимся Его благодати, мы станем историей и посмешищем для всего мира». [18]

С лозунгом консерваторов «Make America Great Again» победу в прошлом веке одержал Рональд Рейган, в этом столетии - нынешний президент США Дональд Трамп. Предстоящие выборы в США (выборы президента 2020 года) покажут, сохраняется ли тяга в американском обществе к консервативному взгляду на американскую судьбу и исключительность, как «Богом избранной нации».

Литература

1. Астапов, С.Н. Предопределение и провидение: философская экспликация богословских позиций [Текст] / С.Н. Астапов // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – № 1. – С. 104–110
2. Новая учебная Женевская Библия. [Текст]: / — Синодальный перевод. — Bielefeld: Hanssler - Verlag, 1998. — 2051 с.
3. Пивоваров, Д.В. Онтология религии [Текст]: / Д.В. Пивоваров – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2009. – 505 с.
4. Лосев, А.Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре [Текст]: // А.Ф. Лосев - Дерзания духа. - Москва: Политиздат, 1988. – 153 – 168 с.
5. Прокопенко, А. Замысел Вседержителя: Библейское учение о Божьей воле и провидении [Текст] : / А. Прокопенко. – Тверь: ТИК, 2015. – 552 с.
6. Августин Аврелий. О предопределении святых [Текст] : / Аврелий Августин. Москва: Путь, 2000. – 40 с.
7. Аквинский Фома. Сумма теологии. [Текст] : / Фома Аквинский. – Киев: Издательство «Ника-Центр», 2002. – 560 с.
8. Лютер, М. О рабстве воли [Текст] : / Мартин Лютер. Избранные произведения. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Центр христианской литературы и информации, 1997. – 432 с.
9. Кальвин, Ж. Наставления в христианской вере. Т.2 [Текст] : / Жан Кальвин. – Москва: РГГУ, 1998. – 464 с.
10. Шафф Ф. Современное христианство. Реформация в Швейцарии. [Текст] : / Ф. Шафф. История христианской церкви Т. 8 – Санкт-Петербург: Библия для всех, 2012. – 556 с.
11. Макрат, А. Жизнь Жана Кальвина [Текст] : / А. Макрат. – Минск: Полиграфкомбанат им. Я. Коласа, 2016. – 416 с.
12. Кайпер, А. Христианское мировоззрение [Текст] : / А. Кайпер, – Санкт-Петербург: Шандал, 2002. – 240 с.
13. Вебер, М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма [Текст] : / М. Вебер – 3-е изд., доп. и испр. - СПб : Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2015 . - 656 с.
14. Карсон, Д. Христос и культура: новый взгляд [Текст] : перевод с англ. Я.Г. Вязовский / Д. Карсон - Минск : Позитив-центр, 2016 . - 288 с.
15. Marshall P. J. The Light and the Glory [Текст] : / P. J. Marshall – Tarrytown, New York : Fleming H. Revell Company, 1977 . - 384 с.
16. Christopher Columbus, Book of Prophecies (Libro de las Profecías) https://en.wikipedia.org/wiki/Book_of_Prophecies
17. Encyclopedia britannica <https://www.britannica.com/biography/Ronald-Reagan/Relations-with-the-Soviet-Union>
18. Ronald reagan and “the shining city upon a hill” <https://ourlostfounding.com/ronald-reagan-and-the-shining-city-upon-a-hill/>

Philosophy of election: doctrine of predestination and «American exceptionalism»

Ionov I.S.

Tyumen State Institute of Culture

The article analyzes the development of the Christian doctrine of predestination; specifically the attitude to the doctrine of predestination in modern American philosophy of religion. The author of the article believes that the Calvinist doctrine of predestination and the "philosophy of election" formed the concept of «American exceptionalism». The conceptions of St. Augustine, Thomas Aquinas, Martin Luther, John Calvin and Peter Marshall are considered in the article.

Keywords: causality, teleology, predestination, providence, election, «American exceptionalism», Calvinism.

References

1. Astapov, S.N. Predestination and Providence: Philosophical Explication of Theological Positions [Text] / S.N. Astapov // Scientific notes of the Oryol State University. - 2014. - No. 1. - S. 104–110
2. The New Study Bible in Geneva. [Text]: / - Synodal translation. - Bielefeld: Hanssler - Verlag, 1998. -- 2051 p.
3. Pivovarov, D.V. Ontology of Religion [Text]: / D.V. Pivovarov - St. Petersburg: Vladimir Dal, 2009. -- 505 p.
4. Losev, A.F. Twelve theses on ancient culture [Text]: // A.F. Losev - Daring of the Spirit. - Moscow: Politizdat, 1988. -- 153 - 168 p.
5. Prokopenko, A. Design of the Almighty: Biblical doctrine of God's will and providence [Text]: / A. Prokopenko. - Tver: TIK, 2015. -- 552 s.
6. Augustine Aurelius. On the predestination of saints [Text]: / Aurelius Augustine. Moscow: The Way, 2000. -- 40 p.
7. Aquinas Thomas. Sum of theology. [Text]: / Thomas Aquinas. - Kiev: Publishing house "Nika-Center", 2002. - 560 p.
8. Luther, M. About slavery of will [Text]: / Martin Luther. Selected works. - St. Petersburg: St. Petersburg Center for Christian Literature and Information, 1997. - 432 p.
9. Calvin, J. Instructions in the Christian faith. V.2 [Text]: / Jean Calvin. - Moscow: Russian State Humanitarian University, 1998. -- 464 p.
10. Schaff F. Modern Christianity. Reformation in Switzerland. [Text]: / F. Schaff. The History of the Christian Church T. 8 - St. Petersburg: The Bible for All, 2012. - 556 p.
11. McGrath, A. Life of Jean Calvin [Text]: / A. McGrath. - Minsk: Polygraph plant named after I. Kolas, 2016. -- 416 p.
12. Kiper, A. Christian worldview [Text]: / A. Kiper, - St. Petersburg: Chandal, 2002. - 240 p.
13. Weber, M. Favorites: Protestant ethics and the spirit of capitalism [Text]: / M. Weber - 3rd ed., Ext. and rev. - St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives; University Book, 2015. - 656 p.
14. Carson, D. Christ and Culture: A New Look [Text]: translation from English. Ya.G. Vyazovsky / D. Carson - Minsk: Positive Center, 2016. - 288 p.
15. Marshall P. J. The Light and the Glory [Text]: / P. J. Marshall - Tarrytown, New York: Fleming H. Revell Company, 1977. - 384 p.
16. Christopher Columbus, Book of Prophecies (Libro de las Profecias) https://en.wikipedia.org/wiki/Book_of_Prophecies
17. Encyclopedia britannica <https://www.britannica.com/biography/Ronald-Reagan/Relations-with-the-Soviet-Union>
18. Ronald reagan and "the shining city upon a hill" <https://ourlostfounding.com/ronald-reagan-and-the-shining-city-upon-a-hill/>

Экосистемные модели глобального мира в докладах Римского клуба

Коломейцев Иван Владимирович, ассистент, кафедра общественных наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», kolomeicevi@yahoo.com

Статья посвящена философским аспектам экосистемного управления социотехническими системами. Актуальность обращения к такой теме вызвана проблемой безопасности техносферных процессов, вызывающих негативные следствия в биосфере и обостренное внимание научной и общественной мысли к антропогенному давлению на природные циклы жизнеобеспечения на Земле. Экосистемный подход в контексте устойчивого развития техносферы подчеркивает глобальную связанность природных, культурных и социотехнических систем. В задачи статьи входит выявление матрицы устойчивого развития глобального мира, анализ социоприродных границ негативных сценариев в моделях будущего человечества. Автор опирается на принципы философской аналитики и системной методологии. Новизна исследования представлена классификацией сценариев социальной динамики в модели «Пределы роста», характеристикой стратегий экосистемного управления в сценариях глобального мира, развернутых авторами Римского клуба. Показана эволюция прогнозов в моделях World1, World2, World3, World4 и вероятность их реализации в условиях Земли. В заключение подчеркивается, что экосистемные модели Римского Клуба обозначили границы самосохранения человечества, указав на демографические и экологические пределы устойчивого развития в условиях Земли. В современном мире экосистемное моделирование существенным образом корректирует установки государственного управления и экономического развития, выступает инструментом регулирования безопасности техносферы.

Ключевые слова: техносфера, экосистемные модели, устойчивое развитие, Римский клуб, экосистемное управление

Введение

Интенсивное внедрение наукоемких технологий в производственные и социальные процессы – главная тенденция современного глобального мира, которая сложилась на базе просвещенческих идеалов новоевропейской истории, показавшей величие и силу знания открытых законов природы в создании искусственного мира социума. Символ современной техногенной цивилизации – рациональное познание, раскрывающее закономерности природных процессов, говорит о возможностях человеческого рода влиять на внешние обстоятельства жизни, прогнозировать и подчинять себе силой ума природную стихию [1].

Тенденция техногенной цивилизации к глобальной трансформации жизненного мира социума ассоциируется с расширением техносферы, развитие которой вступает в конфронтацию с биосферой в ее природной динамике. Осознание следствий промышленной деятельности в глобальном масштабе уже к середине XX в. приводит к необходимости анализа негативного влияния техносферных процессов и техногенных объектов на экосистемы Земли и жизненный цикл биосферного единства. В конце 60-х годов XX века группа ученых, объединившихся в Римский Клуб, полагая основной своей задачей привлечение внимания мировой общественности к глобальным проблемам, обозначили кризисную перспективу в экосистеме Земли. Прогнозируя перспективы сохранения человека в системе природы, эта международная общественная организация обратилась к исследованию последствий краткосрочных и долгосрочных решений которые принимаются человечеством в рамках действующей парадигмы научно-технического прогресса, истоки которой были заложены в эпоху Просвещения. Согласно этой

установке наука представлялась идеалом коллективного разума, который способен покорить силы природы и поставить их на службу человека.

Инициатива Римского клуба во второй половине XX века [2], которая была ориентирована на выявление глобальных социальных проблем в контексте интенсивного технического развития, положила начало разработке концепции устойчивого развития и практике глобального моделирования с учетом взаимоотношений общества, создаваемой им техносферы и природы (в рамках биосферного единства) [3]. Нельзя не отметить значительный вклад данной организации, который она внесла в изучение перспектив развития биосферы, в продвижение идей гармонизации отношений человека и природы. Первый доклад Римского клуба стал настольной книгой для приверженцев идеи глобализма, занимающихся моделированием мирового развития. Со временем экосистемное моделирование устойчивого развития человечества стала еще более актуальным в связи с новыми тенденциями информационной эпохи [4] и сменой технологических укладов.

Постановка проблемы и цели исследования

Ставший чрезвычайно популярным, экосистемный подход в анализе развития техносферы, формирует мировоззренческую установку, подчеркивающую объективность глобальной связанности природных, социокультурных и социотехнических систем. В настоящее время большинство экологических исследований и моделей применяются к единому пространственному масштабу, акцентируя значение межрегиональных связей в проблеме устойчивого развития. В условиях экономической глобализации и экологических изменений современные исследователи подчеркивают необходимость межрегиональной шкалы для количественной оценки и моделирования экосистем, поскольку устойчивость любого конкретного реги-

она все больше зависит, прямо или косвенно, от устойчивости многих других регионов [5].

Объектом данного исследования выступает матрица устойчивого развития глобального мира в контексте влияния техносферы на природные экосистемы. Задачи статьи связаны с определением ключевых показателей глобального развития, диапазонов негативных сценариев, степени критичности социальных последствий, которые они несут в себе. В контексте экосистемного подхода представляется актуальным анализ эволюции сценариев глобального развития, представленных Римским клубом в различных моделях World1, World2, World3 (2004 года), World4 (2012 года), а также соотнесение прогнозов Римского клуба «Пределы роста», опубликованных в 1972 году XX в., с реальными тенденциями современного мира.

Обзор литературы

Анализ социальной динамики в контексте промышленной революции XXI в. представляет собой актуальную задачу современной философии. По версии основателя и президента Всемирного экономического форума в Давосе Клауса Шваба третья промышленная революция ведет свое начало с начала 60х годов XX века [6].

Экосистемный подход в современной науке, который имеет междисциплинарный характер, представлен в анализе промышленных революций и моделирование эволюции технологических укладов [7].

В первой модели глобального развития, предложенной Римским Клубом, были обозначены факторы, которые позволяют видеть границы динамики техносферы, определенные деградацией биосферных условий в результате индустриализации, перспективы демографического роста в условиях нехватки продуктов питания, истощения водных и энергетических ресурсов. В первом докладе были сформулированы следующие выводы: «Если современ-

ные тенденции роста численности населения, индустриализации, загрязнения природной среды, производства продовольствия и истощения ресурсов будут продолжаться, в течение следующего столетия мир подойдет к пределам роста. В результате, скорее всего, произойдет неожиданный и неконтролируемый спад численности населения и резко снизится объем производства» [2].

Одним из результатов деятельности Римского клуба стало формирование общественного экологического движения. По итогам выхода первого доклада Римского Клуба в различных странах мира началось широкое обсуждение проведенного исследователями компьютерного моделирования глобального развития. Эти споры не утихают и по сей день [8].

Особое внимание члены клуба обращают на антигуманные тенденции современной экономики, рост антропогенного давления на природную среду, экологические проблемы регионов. Первый опыт математического моделирования глобального развития, который предпринял Д. Форрестер в 1971г., выявил реальную перспективу экологической катастрофы на планете Земля в 2020-х годах [9]. В первом докладе Римскому клубу «Пределы роста» (1972) Д. Медоуз представил вероятные сценарии в рамках экосистемной модели глобального мира.

В современной литературе проблемы экологического моделирования в изменяющемся мире, мотивированные глобальными изменениями, широко исследуются в контексте экосистемного управления [10]. Перспектива экологической катастрофы в результате увеличения темпов технического прогресса стимулировала научную мысль в направлении реализации императива коэволюции природы и общества с ориентацией на устойчивое развитие в рамках техносферы. В 1987 г. ориентация мировой общественной мысли на устойчивое развитие была закреплена в проекте Всемирной комиссии ООН по окружающей среде [11].

На основании первых докладов Римского Клуба трудно в полной мере оценить характеристику и дать точное определение термина «устойчивого развития», также понять каким критериями этот тип развития должен соответствовать. В гуманистическом плане можно предположить, что авторы первого доклада видели устойчивое развитие индустриального общества в популяризации бережливого отношения человека к природе. Зачастую авторами докладов упоминаются термины «стабильность» и «устойчивое и глобальное равновесие». Первый термин «стабильность» чаще употребляется для характеристики экономической и экологической ситуации. Глобальное равновесие подразумевало уровень, «который позволит удовлетворить основные материальные нужды каждого человека и даст каждому равные возможности для реализации личного потенциала» [2, р. 23].

Материалы и методы

Теоретическую основу проводимого исследования составляют принципы философской аналитики и междисциплинарной системной методологии, в частности экосистемный подход и сравнительно-исторический анализ сценариев глобального развития, представленных в докладах Римского Клуба.

С точки зрения системной методологии в основе первого и самого знаменитого доклада Римского клуба «Пределы роста», модели глобального развития представлены взаимосвязью социокультурных сообществ, цивилизаций и природы. Перспективы развития глобальной системы характеризуются многообразием целей и задач, потребностями, интересами и результатами, стоящими перед субъектами внутри этой системы. В процессе постоянного развития множится количество возникающих конфликтов и противоречий между сообществами.

В моделировании глобального развития авторы первого доклада 1972 года исходили из постулата, что ключе-

вые экологические факторы, сопутствующие человечеству будут неминуемо двигаться в сторону увеличения своих показателей, а именно: рост численности населения, индустриализация, степень загрязнения природной среды, истощение природных ресурсов. Одним из ключевых факторов рассматривался объем производства продовольствия, который имеет свой максимальный предел. Центральный тезис о «пределах роста» опирался на теорию о конечности ресурсов жизнеобеспечения населения Земли и концепцию демографическую Мальтуса, согласно которой потребление растёт в геометрической прогрессии, обгоняя в своих темпах рост производства пищевых продуктов. Поэтому в долгосрочной перспективе (в течении 21 века) человеческая цивилизация как основной обитатель планеты Земля подойдет к неким пределам своего биологического существования и резко сокращению численности населения.

В рамках этой исходной установки с помощью математических расчётов и компьютерного моделирования мировых процессов были спрогнозированы различные сценарии будущего человеческой цивилизации на несколько десятков лет вперед. В модели под названием World3 глобальный мир был представлен как единое и неразделенное на части целое, были рассмотрены тенденции развития мировой цивилизации. В моделировании будущего человеческой цивилизации основные переменные, характеризующие экосистемную матрицу глобального мира, были представлены 9 параметрами:

1. природные ресурсы;
2. капитал в промышленной сфере;
3. капитал в сельском хозяйстве;
4. капитал в сфере услуг;
5. объем свободной земли;
6. объем земель, занятых в сельском хозяйстве для воспроизводства продуктов питания;
7. объем земель занятой городами и промышленными объектами;

8. уровень необратимых загрязнений планеты;

9. уровень людской популяции.

В систематизации хронологии экосистемных моделей Римского клуба World1, World2, World3 (2004), World4 (2012) и анализе эволюции прогностических сценариев глобального развития в рамках этих моделей автор применяет метод сравнительно-исторического анализа.

Результаты

Критерии глобального развития в модели «Пределы роста»

В первой экосистемной модели Римского Клуба в качестве критериев глобального развития выступили: состояние экологии и рост человеческой популяции на Земле. Сравнительная характеристика и классификация сценариев социальной динамики в экосистемной модели Римского клуба «Пределы роста» представлена в таблице 1.

В своем произведении 1972 года авторы смоделировали двенадцать сценариев развития ситуации в мире с точки зрения экологической обстановки и увеличения популяции. Их условно можно разделить на 7 «позитивных» («менее благоприятных» и «благоприятных»), и 5 «негативных», включая базовый сценарий №1. Неблагоприятные сценарии предрекали достижение численности народонаселения земли отметки в 12 млрд человек, после чего наступало бы резкое сокращение популяции до 1-3 млрд человек [2].

Таблица 1
Сценарии социальной динамики в экосистемной модели глобального развития «Пределы роста» [2].

Порядковый № сценария и стратегия экосистемного управления	Краткая характеристика экосистемной модели	Прогнозируемые результаты к концу XXI века
№ 1. Невмешательство в текущую ситуацию.	«Базовая модель»	- неминуемое достижение пределов роста; - неуправляемый спад уровня народонаселения;

		- падение уровня жизни; - нехватка продовольствия + голод;
№ 2. Получение дополнительных источников природных ресурсов.	Геологический прорыв	- неминуемое достижение пределов роста; - неуправляемый спад уровня народонаселения; - падение уровня жизни; - нехватка продовольствия + голод;
№ 3. Получение новых неограниченных источников энергии (типов).	Технологический прорыв	- неминуемое достижение пределов роста; - неуправляемый спад уровня народонаселения; - спад уровня жизни; - достижение экологических пределов.
№ 4. Сценарий 3 + ограничение экологической нагрузки	Технологический прорыв	- неминуемое достижение пределов роста; - падение уровня жизни; - достижение уровня потребления на низком уровне.
№ 5. Получение новых неограниченных источников синтеза продуктов питания	Технологический прорыв	- неминуемое достижение пределов роста; - неуправляемый спад уровня народонаселения; - падение уровня жизни; - достижение экологических пределов.
№ 6. Получение нового неограниченного источника энергии + реализация кардинальных мер по контролю за приростом населения	Технологически-социальный	- неминуемое достижение пределов роста; - стабилизация уровня народонаселения; - достижение уровня потребления на среднем уровне.
№ 7. Получение новых неограниченных источников синтеза продуктов питания + реализация мер по контролю за приростом населения	Технологически-социальный	- стабилизация уровня народонаселения, затем неуправляемый спад уровня народонаселения; - падение уровня жизни; - достижение экологических пределов.
№ 8. Реализация кардинальных мер по контролю за приростом населения на	Социальный	- оперативная стабилизация уровня народонаселения; - фиксация потребления на среднем уровне.

уровне «естественной убыли 1975 года»		
№ 9. Реализация кардинальных мер по контролю за приростом населения на уровне «естественной убыли 1975 года» + экономические ограничения	Сугубо-социальный	- оперативная стабилизация уровня народонаселения. - достижение уровня потребления на среднем уровне.
№ 10. Реализация кардинальных мер по контролю за приростом населения на уровне «естественной убыли 1975 года» + экономические ограничения + ограничение экологической нагрузки	Социально-технологический	- оперативная стабилизация уровня народонаселения; - фиксация потребления на высоком уровне.
№ 11. Реализация поэтапных плановых мер по контролю за приростом населения + экономические ограничения + ограничение экологической нагрузки	Социально-технологический	- поэтапная, плановая стабилизация уровня народонаселения; - достижение уровня потребления на уровне выше среднего;
№ 12. Реализация сценария № 10 после 2000 года	Социально-технологический	- достижение пределов роста уровня народонаселения + его стабилизация; - достижение уровня потребления на среднем уровне.

Несмотря на эсхатологическую установку авторов модели, ни один из предложенных сценариев не завершается прогнозом «конца света» и «конца человечества». В результате расчётов, уровень жизни должен начать снижаться с 20-х годов 21 века, «вследствие превышения экологических и экономических пределов роста населения и промышленного производства, истощения легкодоступных запасов невозобновляемых ресурсов, деградации сельхозугодий, прогрессирующего социального неравенства и роста цен на ресурсы и продовольствие в развивающихся странах» [12 с. 18]. В свою очередь для реализации 7 позитивных сценариев (од-

ного или нескольких) авторы подчеркивали, что «требуется не столько технологические прорывы, сколько политические и социальные изменения, в том числе жёсткий контроль рождаемости на уровне естественной убыли» [12, с. 23].

Критерии глобального развития в экосистемной модели «За пределами роста»

Период деятельности Римского Клуба, последовавший за первым докладом (вторая половина 70х до начала 80х годов), характеризуется смещением акцентов в субъекте и объекте изучения. Фокус внимания к материалам данного периода смещается с внешних техногенно-природных пределов роста (окружающая среда, полезные ископаемые и т.п.) в сторону внутренних пределов существования человечества (социокультурных, политических составляющих). В докладе 1987г., посвященном памяти А.Печчи, подводились итоги пятнадцатилетним дебатам и следовал вывод о том, что в основе феномена пределов роста лежит именно качество роста, а не рост как таковой. Кроме того, акцентировалась роль новых технологий в микроэлектронике, ядерной энергетике и биохимии [13].

Анализ критериев глобального развития в модели «Пределы роста. 30 лет спустя»

В 2004 году выходит доклад «Пределы роста. 30 лет спустя», в котором главным критерием глобального развития выступает конечность энергетических ресурсов на Земле. Данная работа по прошествии трех десятилетий, с момента выхода первого и наиболее известного доклада 1972-го года, основана на огромном фактическом материале, который авторы смогли собрать и обобщить с помощью более сложных и продуманных математических моделей, с использованием новейших достижений прогресса информационных технологий (электронных мощностей). Ключевым тезисом выступает утверждение, что быстрый рост всех показателей энерго-затрат в текущей глобальной си-

туации должен в относительно недалеком будущем привести к исчерпанию ресурсов основных земных оболочек и биосферы. В частности, указывается, что «с 1950 по 2000 годы годовое потребление человечеством ископаемых энергоресурсов выросло примерно в 10 раз (нефти — в 7, а природного газа — в 14 раз), при том, что население планеты за этот же период выросло в 2,5 раза.» [12, с. 36—37.]

Подвергаются критике экономические механизмы регуляции в качестве инструментов управления глобальным развитием. Констатируется нежелание и неспособность руководства мировых государств вводить экологические нормы, содействовать переходу к устойчивому развитию, чтобы противостоять ухудшению текущей глобальной ситуации.

Авторы однозначно высказываются о том, что, «с 1990-х годов человечество уже превысило пределы самоподдержания экосистем Земли. Благоприятные сценарии модели 1972 года (с высоким или средним уровнем потребления) стали недостижимы, так как численность населения мира в 2000 году (6 млрд), потребление природных ресурсов и разрушение окружающей среды соответствовали наиболее неблагоприятному (базовому) сценарию.» [12, с. 18—24.]

С точки зрения моделирования вероятностных сценариев развития ситуации в модели 2004 года оптимальным сценарием считается сценарий № 9 (реализация кардинальных мер по контролю за приростом населения на уровне «естественной убыли 1975 года» + экономические ограничения). [12, с. 268.]. Для реализации данного сценария мало одних «технологических прорывов». По мнению Д. Медоуза, «глобальное падение среднего уровня жизни неизбежно, а сокращение социального неравенства — это путь к стабилизации населения» [12, с. 40—41]. Последняя актуализированная версия доклада была представлена в 2012 г.

[14]. Эволюция прогностических сценариев в глобальных моделях Римского клуба представлена в таблице 2.

Таблица 2
Сравнительная характеристика проектов глобального развития, представленных в докладах Римского Клуба в 1972-2012 гг.

Название модели	Проект глобального развития Годы разработки, авторы	Прогнозируемая реализуемость возможных сценариев
World1	«Пределы роста» («The Limits to Growth»), 1972, Донелла Медоуз, Деннис Медоуз, Йорген Рандерс и Уильям Беренс III.	5 негативных сценариев: № 1-3, 5, 7. 7 позитивных сценариев: «благоприятных» (№ 10-11) и «менее благоприятных» (4, 6, 8, 9, 12).
World2	«За пределами роста» («Beyond the Limit to Growth») 1987 год - доклад Э. Пестеля. 1992 год - книга - Донеллы Медоуз, Йоргена Рандерса и Денниса Медоуза	Недостижимой стала реализация сценариев № 11, 10, 9, 8, 6, 4. Ближе всего к реализации «менее благоприятного» сценария № 8 приблизился Китай. Вероятна реализация негативных сценариев № 7 и № 5.
World3	Предпоследняя обновленная версия доклада «Пределы роста: 30 лет спустя» («The Limits to Growth: The 30-year Update») в 2004 году Д. Медоуз и др.	Стала недостижимой реализация сценариев № 6, 8, 10, 11 Из «позитивных» сценариев теоретически реализуем «менее благоприятный» сценарий № 9 именуемый в данной модели «равновесным», но для его реализации требуются серьезные усилия. Вероятен «неблагоприятный» сценарий № 1 (по численности населения, потреблению ресурсов, разрушительному воздействию на окружающую среду). Также вероятны № 2-5, 7.
World4	«2052: A Global Forecast for the Next Forty Years» («2052: Глобальный прогноз на ближайшие сорок лет») 2012 год, опубликована в виде книги Йоргена Рандерса (один из авторов оригинального доклада).	Из 12 сценариев 7 благоприятных уже нельзя достичь. В модели реализуемы только негативные сценарии.

Дискуссия

Нас в первую очередь интересует сравнение сценариев глобального развития, базирующихся на модели World3 с реальными данными. К подобному сравнению обращались различные исследователи. Так, в 2008 году Австралийский мыслитель Грэм Тёрнер (Graham Turner) в своей статье приводит сравнительный анализ данных 1972 года с реальными статистическими данными из открытых источников за 30 лет после публикации [15]. Мировые запасы нефти и газа, разведанные на нашей планете по состоянию на 2012 год по данным корпорации «British Petroleum», при сохранении аналогичного объема потребления обеспечат население планеты Земля на более чем на 53-56 лет [9]. В отношении производства продуктов питания, промышленных товаров и загрязнения окружающей среды соответствие показателей прогнозу Римского Клуба максимально.

В сфере народонаселения и уровня жизни: человечество миновало отметку в 7,3 млрд в 2016 году, отметка 8 млрд будет пройдена, по прогнозам ООН к 2025 году, а цифра в 9,7 млрд достигнута к 2050 году. Постоянный прирост населения обостряет продовольственную проблему. При этом территории для ведения сельского хозяйства не расширялись на Земле с конца XX века. По оценкам экспертного сообщества, чтобы прокормить 9,7 млрд человек, для обеспечения продуктами питания населения планеты необходимо будет увеличить производство продовольствия на 60% относительно сегодняшних показателей. Выходом могло бы стать ввод в оборот новых земель, в меньшей степени пригодных к ведению сельского хозяйства, что неминуемо приведет в не только к повышению себестоимости готовой продукции, но и к катастрофическим ситуациям, подобным опустыниванию территории в Африканском регионе [18].

В своем первом докладе авторы Римского Клуба предложили 12 сценариев развития актуальной для 1970-х гг.

ситуации. Последующие 3 исследования, развивавшие экосистемную модель «Пределов Роста», утверждают, что у человечества остался лишь единственный достижимый сценарий, при котором пессимистические прогнозы не поведут его к закату во второй половине XXI века. Основополагающими факторами оценки сценариев были: рождаемость, развитие технологий и контроль экологии нашей планеты. Самой острой проблемой в рассматриваемом нами докладе считалась перенаселенность планеты, которую можно решить с помощью ограничения рождаемости людей, что должно помочь избежать голода в будущем, снизить потребительские ресурсы биосферы. Любопытен тот факт, что правительство КНР приняло меры, активно следуя данной рекомендации, но в последствии отказалось от них.

По мнению идеологов Римского клуба, наша планета давно находится на грани коллапса. При сохранении текущего уровня прироста населения, темпа индустриализации и потребления природных ресурсов пик техногенного развития будет достигнут в течении текущего столетия. Результатом станет один из наиболее негативных сценариев выразившееся в резком и неуправляемом спаде уровня народонаселения на фоне спада уровня жизни. Поэтому построение образов будущего нашей планеты вместе с человеческой популяцией на ней, является важнейшим занятием для человечества.

После публикации доклады были подвергнуты всесторонней критике ученых, в частности – экономистов, различных политических деятелей. Развернулась серьезная дискуссия по результатам компьютерного моделирования возможных тенденций развития человечества. По мнению оппонентов, модели глобального развития, являющиеся продолжениями первого доклада Римскому клубу, умалчивают о проектах, направленных на моделирование экосистемных циклов, которые направлены против разрушения природной среды

[14]. Подчеркивалось различие в интерпретации роли технологий в вопросах влияния на результаты исследований, которые в свою очередь влияли на итоговые выводы докладов. Высказывались глубокие сомнения в правильности выбранной авторами Римского Клуба методологии, опирающейся на идею бесконечного научно-технического развития, и как следствие, сомнение в правильности выводов о будущем человечества [19, 20]. В альтернативных Римскому клубу установках экосистемные модели глобального развития были добавлены факторы влияния технологий, для определенных стран и регионов - факторы реализации мер по контролю за приростом населения. Стала расширяться практика разработки и внедрения эко-технологий в сельскохозяйственной сфере, а также энергосберегающих технологий и возобновляемых источников энергии.

Применение экосистемного подхода в государственном управлении стимулировало стратегическое планирование при проектировании социотехнических систем и коррекции экономических моделей развития. Так, в ноябре 2012 года в ходе очередного партийного съезда, Китайское руководство провозгласило сохранение экологического равновесия в государстве в качестве первоочередной партийной задачи. Таким образом, строительство экологической цивилизации как неотъемлемая часть стратегии устойчивого роста стало рассматриваться как составной элемент долгосрочно плана развития страны и официально вошло в устав правящей партии (КПК). В рамках реализации данной политики в КНР проводятся мероприятия по снижению выбросов от сжигания угля, развитию возобновляемых источников энергии (в частности достигнуто мировое лидерство по производству солнечных батарей).

Заключение

Экосистемное моделирование, начатое 40 лет назад по инициативе основателей и идеологов Римского клуба,

корректируя существенным образом мировоззренческие установки в системе социального управления, выступает инструментом регулирования техносферы в глобальном планировании инновационного развития на современном этапе.

К 2020 году основные прогнозы, представленные в докладах Римскому клубу «Пределы роста» не сбылись, при этом тенденции основных показателей ухудшения глобальной ситуации в экосистеме Земли сохранилась. Экологическая проблема и проблема истощения ресурсов на самом деле остаются достаточно острыми. Однако следует отметить, что информация о реальных экологических показателях в наши дни теряется в раздуваемых мировыми СМИ и различными активистами экологической истерией. Нельзя относиться однозначно к выводам, приведенным в докладах Римскому клубу. Экосистемные модели в серии докладов Римского Клуба не являются точным прогнозом нашего будущего. Но все же они обозначают человечеству векторы устойчивого развития, по которым ему нужно двигаться для самосохранения в экосистеме Земли.

Литература

1. Краузе А.А., Сафонова А.С., Шипунова О.Д. Культурная матрица техногенной цивилизации: аксиомы и ценности // Вопросы культурологии. 2009. № 11. С. 7-10.
2. Donella H Meadows, Jorgen Randers, Dennis L Meadows, William W Behrens, *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*, Universe Books, 1972.
3. Дергачева Е.А. Особенности глобальной техносферизации биосферы в современную эпоху // Век глобализации. 2014. №1. С. 124-132.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Meidad Kissinger, William E. Rees (2010), *An interregional ecological approach for modelling sustainability in a globalizing world — Reviewing existing approaches and emerging directions*. *Ecological Modelling*, Volume 221, Issue 21. p. 2615-2623.
6. Шваб Клаус Четвертая промышленная революция М.: Издательство «Эксмо», 2018. – 288 с.
7. Хапров С. Цифровой коммунизм. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013. 184 с.
8. Weizsaecker E. von, Wijkman A., *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. Springer, 2018.
9. Джей Форрестер, *Мировая динамика* / Пер. с англ. А. Ворощука и С. Пегова. М.: ООО «Издательство АСТ», СПб.: Terra Fantastica, 2003. 379 с.
10. Cosimo Solidoro, Vinko Bandelj, Gianpiero Cossarini, Simone Libralato, Donata Melaku Canu. *Challenges for ecological modelling in a changing world: Global Changes, Sustainability and Ecosystem Based Management*. *Ecological Modelling* Volume 220, Issue 2110 November 2009 Pages 2825-2827. <https://doi.org/10.1016/j.ecolmodel.2009.08.018>
11. «Наше общее будущее»: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР): Пер. с англ./Под ред. и с послесл. С. А. Евтеева и Р. А. Перелета. М.: Прогресс, 1989
12. Донелла Медоуз, Йорген Рандерс, Деннис Медоуз *Пределы роста*. 30 лет спустя. Учебное пособие для ВУЗов. М.: ИКЦ «АКАДЕМКНИГА», 2007. 342 с.
13. Пестель Э. *За пределами роста* / Пер. с англ. Е. В. Нетесовой М. : Прогресс, 1988. 268 с.
14. Randers Jorgen. *2052: A Global Forecast for the Next Forty Years*, White River Junction VT: Chelsea Green Publishing Co., 2012.
15. Graham Turner *A comparison of The Limits to Growth with 30 years of*

reality. *Global Environmental Change*. 18 (2008), 397–411.

16. На сколько лет хватит газа и нефти URL: //tass.ru/infographics/7061

17. Jeff Hecht Prophecy of economic collapse coming true. *New Scientist* (электронный журнал). Earth 17 November 2008. URL: www.newscientist.com 018 (дата обращения: 01.03.2020)

18. Ковалев Е. Глобальная продовольственная проблема // *Мировая экономика и международные отношения*. 2004. № 10 С. 26-34.

19. Alan Atkisson Believing Cassandra: How to be an Optimist in a Pessimist's World, *Earthscan*, 2010.

20. Шестакова И.Г. Неограниченное научно-техническое развитие и его фундаментальные пределы // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. 2014. № 4 (20). С. 47-51.

Global world ecosystemic models in the reports to the Club of Rome

Kolomeicev I.V.

Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University

The article deals with philosophical aspects of ecosystemic management over sociotechnical systems. The necessity to research this topic comes from the security aspects of technospheric processes, that trigger negative impacts on the biosphere and increase the scientific and public communities' concerns about the human pressure on natural cycles of the Earth's life sustenance. The ecosystemic approach within the framework of technosphere sustainable development underlies the global connectivity of natural, cultural and sociotechnical systems. The article aims to identify a sustainable development global matrix and analyze socionatural limits of negative patterns for humanity's future. The author utilized philosophical analysis and systemic methodology principles. The article seemed novel in representing the patterns to classify the social dynamics within the Limits to Growth model and characterizing the ecosystemic management strategies within the global world scenarios suggested by the Club of Rome. The predictions evolution for models World1, World2, World3, World4 and their possible realization for the Earth's conditions have been demonstrated. The

article concludes by stating that the ecosystemic models of the Club of Rome assisted in marking the limits for humanity's self-preservation and specifying demographic and ecological limits of the Earth's sustainable development. Currently, ecosystemic modelling is significantly correcting governmental management and economic development policies and functioning as the primary technosphere security correction tool.

Key words: technosphere, ecosystemic models, sustainable development, the Club of Rome, ecosystemic management

References

1. Krause A.A., Safonova A.S., Shipunova O.D. The cultural matrix of anthropogenic civilization: axioms and values // *Questions of culturology*. 2009. No. 11. S. 7-10.
2. Donella H Meadows, Jorgen Randers, Dennis L Meadows, William W Behrens, *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*, Universe Books, 1972.
3. Dergacheva EA Features of the global technosphere of the biosphere in the modern era // *The Century of Globalization*. 2014. No1. S. 124-132.
4. Castells M. Information era: economics, society and culture / Per. from English under the scientific. ed. O. I. Shkaratana. M.: HSE, 2000. 608 p.
5. Meidad Kissinger, William E. Rees (2010), An interregional ecological approach for modeling sustainability in a globalizing world - Reviewing existing approaches and emerging directions. *Ecological Modeling*, Volume 221, Issue 21. p. 2615-2623.
6. Schwab Klaus *The Fourth Industrial Revolution*, Moscow: Eksmo Publishing House, 2018. - 288 p.
7. Haprov S. Digital communism. M.: Moscow Financial and Industrial University "Synergy", 2013. 184 s.
8. Weizsaecker E. von, Wijkman A., *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. Springer, 2018.
9. Jay Forrester, *World Dynamics* / Per. from English A. Voroshchuk and S. Pegov. M.: Publishing House ACT, St. Petersburg: Terra Fantastica, 2003. 379 s.
10. Cosimo Solidoro, Vinko Bandelj, Gianpiero Cossarini, Simone Libralato, Donata Melaku Canu. Challenges for ecological modeling in a changing world: Global Changes, Sustainability and Ecosystem Based Management. *Ecological Modeling* Volume 220, Issue 2110 November 2009 Pages

- 2825-2827.
<https://doi.org/10.1016/j.ecolmodel.2009.08.018>
11. "Our Common Future": Report of the International Commission on Environment and Development (MKOSR) ": Translated from English / Ed. And afterwords from S. A. Evteev and R. A. Perelet. M .: Progress 1989
 12. Donella Meadows, Jorgen Randers, Dennis Meadows The limits of growth. 30 years later. Textbook for high schools. M .: ICC "ACADEMKNIGA", 2007. 342 p.
 13. Pestel E. Beyond Growth / Per. from English E.V. Netesova M.: Progress, 1988.268 s.
 14. Randers Jorgen. 2052: A Global Forecast for the Next Forty Years, White River Junction VT: Chelsea Green Publishing Co., 2012.
 15. Graham Turner A comparison of The Limits to Growth with 30 years of reality. Global Environmental Change. 18 (2008), 397-411.
 16. For how many years is enough gas and oil URL: //tass.ru/infographics/7061
 17. Jeff Hecht Prophecy of economic collapse coming true. New Scientist (electronic journal). Earth November 17, 2008. URL: www.newscientist.com 018 (Accessed: 03/01/2020)
 18. Kovalev E. Global food problem // World Economy and International Relations. 2004. No. 10 C. 26-34.
 19. Alan Atkisson Believing Cassandra: How to be an Optimist in a Pessimist's World, Earthscan, 2010.
 20. Shestakova I.G. Unlimited scientific and technological development and its fundamental limits // XXI century: results of the past and problems of the present plus. 2014. No. 4 (20). S. 47-51.

Интерпретационные возможности системного подхода в осмыслении инклюзии в современном обществе

Музыка Оксана Анатольевна, доктор философских наук, профессор, декан факультета психологии и социальной педагогики Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО "Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)", omuzika@gmail.com

В статье представлены интерпретационные возможности системного подхода в понимании инклюзии как важной составной части современного общества. Рассматриваются основы системного подхода и его составляющие понятия: структура системы и ее основные компоненты, свойства и элементы системы, деление и классификация систем. На основе системного подхода показана специфика и соотношение таких важных концептов как инклюзия, субъекты с особыми потребностями, общество как сложная система, «включающее общество», управляющие факторы, организация.

Ключевые слова: системный подход, элементы, классификация и основы управления сложной системы, инклюзия, субъект с особыми потребностями, «включающее» общество.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта "Осмысление социально-философского феномена образовательной инклюзии в контексте зарубежных и отечественных методологических подходов и моделей", № 19-013-00

Введение. Одним из актуальных вопросов современной науки является раскрытие сущности и специфики инклюзивных процессов, происходящих в современном изменяющемся обществе. Адекватным методом является применение существующих подходов в науке к такому феномену как инклюзия. Прежде всего, необходимо обратить внимание на системный подход, который заложил основы и даже стал составляющей частью развивающегося синергетического подхода в науке, который сегодня активно используют для понимания проблем инклюзивного образования. Сегодня недостаточно корректно будет рассуждать о применении, например, только синергетического подхода и синергетических категорий без учета основ системного подхода в науке, раскрывающих понимание таких концептов как «система», «целое», «элемент», «отношение», «управление», «вход и выход» и др., которые используются синергетикой для описания нелинейных и неравновесных процессов в природе и обществе. Определенный интерес к данным концептам будет связан с их интерпретациями в контексте изучения специфики понимания жизнедеятельности субъектов с особыми потребностями.

Основная часть. В данном контексте система жизнедеятельности субъектов с особыми потребностями может пониматься как комплекс взаимосвязанных компонентов различной природы, как внешнее или внутреннее упорядоченное множество элементов, определенная целостность, как развивающаяся организация, находящаяся в процессе возможных упорядоченных преобразований. Под множеством элементов подразумевается особая социаль-

ная группа субъектов с особыми потребностями, входящая в структуру системы общества в целом.

Учитывая основные постулаты системного подхода можно говорить о том, что социальная группа субъектов с особыми потребностями, входящая в общую систему «включающего» общества будет обладать относительно устойчивой системой элементов, то есть субъектов с особыми потребностями связанных между собой и образующих специальную социальную группу, в которой выделяются такие части или элементы как: отдельные субъекты с особыми потребностями, отношения между этими субъектами и сама система отношений между ними. Обратим внимание на то, что между частями или элементами системы могут проявляться два основных типа связи: горизонтальные и вертикальные. При горизонтальных связях происходит координация между элементами и системами одного уровня, коррелирующих между собой, а при вертикальных связях - взаимоотношение между уровнями организации системы происходит через субординацию и иерархию частей.

Кроме того, в рамках существующей общей классификации систем необходимо учитывать деление систем в зависимости от их структуры, тем более, если проводить аналогию с социальными группами субъектов с особыми потребностями. Во-первых, это дискретные или корпускулярные системы, состоящие из подобных друг другу элементов, не связанных между собой непосредственно, а объединенных между собой только общим отношением к окружающему миру или среде. То есть, не связанные друг с другом субъекты с особыми потребностями как части системы «включающего» общества могут иметь определенное отношение к обществу в целом либо как принимающего, включающего его в структуру, либо его исключаящего. Причем отсутствие или исключение субъекта с особыми потребностями как части элемен-

тов общей структуры общества, включающей всех субъектов без выделения каких-либо особых обстоятельств и потребностей, не наносит ущерба целостности системы. Из этого следует, что общество как крупную и целостную систему не будет особенно беспокоить наличие или отсутствие, включение или не включение отдельных особых субъектов со специфическими потребностями, требующих создания особых условий и вложений, что с общих позиций функционирования системы выглядит оправданно. В этом случае срывается, скорее всего, правило естественного отбора, когда выживает сильнейший, а относительно субъекта с особыми потребностями можно рассуждать только об определенной адаптации к окружающей среде, обществу, иногда агрессивно настроенному по отношению к субъектам, выпадающим из ряда способных к быстрой трансформации в условиях изменения условий выживания.

Во-вторых, это жесткие системы, отличающиеся повышенной организованностью. В таких системах удаление или исключение даже одного элемента может привести к гибели всей системы. Такой жесткой системой может быть отдельная небольшая локальная социальная организация, включающая субъектов с особыми потребностями, психолого-педагогический и вспомогательный персонал, имеющая определенную территорию проживания и правила функционирования внутри этой системы. В такой системе каждый элемент играет свою важную роль и исключение какой-либо ее части может привести к гибели системы в целом. То есть в этом случае действует принцип жесткого детерминизма и постулатов механистической картины мира, в котором мир существует как механизм, как часы, а утрата одного элемента этого механизма приводит к его гибели.

В-третьих, это централизованные системы, имеющие одно основное звено, которое находясь в центре си-

стемы, связывает между собой все элементы и управляет ими. Данный тип систем наиболее адекватен для моделирования инклюзивных процессов и систем, входящих в общую структуру «включающего» общества как целого, важными частями которого будут являться: субъекты с особыми потребностями, локальные социальные структуры, включающие отдельную группу субъектов с особыми потребностями (специальные учреждения, интернаты, приюты). Связующим центральным звеном, влияющим на все элементы системы и в итоге управляющим фактором, в данном контексте может являться, прежде всего, сама идея инклюзии, далее ее осмысление в теории, принятие и реализация на практике. Подчиняясь общей идеи «включения» субъектов с особыми потребностями во все структуры общества в целом, части общества шаг за шагом стали понимать необходимость и принимать субъектов с особыми потребностями как важной части системы, которая при определенных управляющих факторах может вывести систему на новый, более высокий уровень упорядоченности. Речь может идти о формировании общей инклюзивной культуры нашего общества. Управляющими факторами системы можно рассматривать как отдельные части или элементы системы (ученые, педагоги, психологи, узкие специалисты, организаторы и управленцы и др.), так и организованные отношения между этими элементами (соглашения о сотрудничестве, конференции, методологические семинары и др.).

Особым условием для функционирования и управления такой сложной системой является, во-первых, открытость системы, то есть ее взаимодействие с окружающей средой (социумом в целом) и обмен информацией; во-вторых, система должна быть динамической, то есть подвижной и изменяющейся; в-третьих, важным свойством системы должна быть ее эмерджентность, то есть целесообразность, опре-

деленная ориентированность на достижение какой-либо цели системы в целом, а не просто отдельных ее элементов. Например, наличие в обществе субъектов с особыми потребностями еще не предполагает развития, как идеи инклюзии, так и тем более организации «включающего» общества, развивающегося на основе принципов самоорганизации, с одной стороны, а организации или «мягкого» управления с другой. В-четвертых, не менее важным свойством системы должен быть механизм обратной связи, то есть реакция системы на воздействие окружающей среды (общества). Обратная связь может быть как положительная (когда происходит включение субъекта в структуру), так и отрицательная (его исключение или неприятие). Подчеркнем в данном контексте, что свойства системы оказываются не просто суммой свойств ее отдельных элементов или частей, а определяются спецификой отношений и связи между элементами, что соответствует как законам природы, так и принципам функционирования общества.

Заключение. Таким образом, применение системного подхода для понимания специфики такого явления современного общества как «инклюзия», «инклюзивное образование», «включающее образование», «включающее общество» могут изучаться и как элементы систем, и как целостные системы, а системность является неотъемлемым свойством общества, в котором мы живем.

Литература

1. Музыка О.А. Социальная синергика: методология, семантика, аксиология. Учебное пособие / О.А. Музыка. Ростов-на-Дону. Изд-во ЮФУ 2010. 288 с.
2. Аверина Н.В., Попов В.В. Концепция прошлого в контексте исторического процесса // Философия права. 2010. № 5 (42). С. 81-84.
3. Аверина Н.В., Попов В.В. Фактор времени в детерминистских и индетер-

министских теориях исторического процесса // *Философия права*. 2011. № 4 (47). С. 86-90.

4. Попов В.В., Музыка О.А., Максимова С.И. Альтернативистика в контексте социального развития// *Евразийский юридический журнал*. 2017. № 4 (107). С. 373-375.

5. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека // *Евразийский юридический журнал*. 2017. № 4 (107). С. 419-421.

6. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А.. Социальное противоречие в контексте социальных процессов// *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 1-2. С. 361-364.

7. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В. Социальные трансформации в правовых отношениях//*Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 3-2. С. 315-318.

8. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Противоречия в контексте переходных периодов транзитивного общества // *Международный журнал экспериментального образования*. 2016. № 7. С. 111-114.

9. Попов В.В., Щеглов Б.С., Лойтаренко М.В. Особенности интегральной интерпретации вероятности в контексте факторов оценки и темпоральности // *Философия права*. 2015. № 2 (69). С. 23-27.

10. Попов В.В., Агафонова Т.П. Специфика темпоральности правового сознания социального субъекта// *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2. С. 5730-5733.

11. Попов В.В., Самойлова И.Н., Щеглов Б.С. Аналитическая философия истории в постнеклассическом дискурсе. Таганрог, 2007.

12. Попов В.В., Агафонова Т.П. Научная рациональность и рациональность в науке// *Философия права*- 2012- № 5 (54)- С. 86-90.

13. Попов В.В., Чаленко М.В. Специфика переходных состояний современного российского общества// *Социально-гуманитарный вестник Юга России*- 2011- № 7-8 (15-16)- С. 39-45.

Interpretative possibilities of the system approach in understanding inclusion in modern society

Musika O.A.

Rostov State University of Economics

The article presents the interpretation possibilities of the system approach in understanding inclusion as an important part of modern society. The basics of the system approach and its component concepts are considered: the structure of the system and its main components, properties and elements of the system, division and classification of systems. On the basis of the system approach, the specificity and correlation of such important concepts as inclusion, subjects with special needs, society as a complex system, "including society", controlling factors, and organization are shown.

Keywords: system approach, elements, classification and management basics of a complex system, inclusion, subject with special needs, "inclusive " society.

References

1. Music O.A. Social synergetics: methodology, semantics, axiology. Textbook / O.A. Music. Rostov-on-Don. Publishing House of SFU 2010.288 p.
2. Averina N.V., Popov V.V. The concept of the past in the context of the historical process // *Philosophy of Law*. 2010. No. 5 (42). S. 81-84.
3. Averina N.V., Popov V.V. The time factor in deterministic and indeterministic theories of the historical process // *Philosophy of Law*. 2011. No. 4 (47). S. 86-90.
4. Popov V.V., Music O.A., Maksimova S.I. Alternative science in the context of social development // *Eurasian Law Journal*. 2017. No. 4 (107). S. 373-375.
5. Popov V.V., Music O.A., Dzyuba L.M. Factor and levels of temporality in the context of subjective reality of a person // *Eurasian Law Journal*. 2017. No. 4 (107). S. 419-421.
6. Popov V.V., Muzyka O.A., Timofeenko V.A. Social contradiction in the context of social processes // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 1-2. S. 361-364.
7. Popov V.V., Music O.A., Kozhenko Y. V Social transformations in legal relations //

- International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017.No 3-2. S. 315-318.
8. Popov V.V., Music O.A., Timofeenko V.A. Contradictions in the context of transitional periods of a transitive society // International Journal of Experimental Education. 2016. No. 7. S. 111-114.
 9. Popov V.V., Scheglov B.S., Loytarenko M.V. Features of the integral interpretation of probability in the context of assessment factors and temporality // Philosophy of Law. 2015. No. 2 (69). S. 23-27.
 10. Popov V.V., Agafonova T.P. The specificity of the temporality of legal consciousness of a social subject // Fundamental research. 2015. No. 2. P. 5730-5733.
 11. Popov V.V., Samoilova I.N., Scheglov B.S. Analytical philosophy of history in post-non-classical discourse. Taganrog, 2007.
 12. . Popov V.V., Agafonova T.P. Scientific rationality and rationality in science // Philosophy of Law- 2012- No. 5 (54) - P. 86-90.
 13. Popov V.V., Chalenko M.V. The specifics of transitional conditions of modern Russian society // Social and Humanitarian Bulletin of the South of Russia- 2011- No. 7-8 (15-16) - P. 39-45.

Теория Солидарности: история развития концепции

Ни Ваян Радита Нови Пуспитасари,
аспирант, кафедра социальная философия
УрФУ имени первого Президента России Б.Н.
Ельцина, dita_puspitasari88@hotmail.com

В современном гражданском обществе формирование солидарности становится всё труднее. Из-за разнообразия культур и политических разногласий, люди перестали стремиться к солидарности в её изначальном виде. В этой статье рассматривается определение солидарности, которое относится к проблемам социальной философии в области политического либерализма. Понимание процесса построения солидарности становится ключевым для изучения солидарности в целом.

Ключевые слова: солидарность, политическая солидарность, общественная солидарность, политика идентичности

1. Introduction

This article investigate dimensions on the concept of solidarity by engaging to the problems of social philosophy relating to the modern theories and thinkers. The word 'solidarity' comes from Polish language as *solidarnosc* as a nonviolence social movement that led from the anti-communist members who associated with the Catholic Church.¹²¹ Through this movement, modern philosophers such as Mead, Durkheim, Scholz, Cladis and Habermas write about the development of solidarity in the framework of social and political bond to the engagement of civil society. There is an issue on how complex to define solidarity as a concept. According to Baldwin, the difficulty to define social solidarity is because the broad term of solidarity itself. Ontologically, the concept of social solidarity is based on the concept of sociology which refers to a mutual relationship between the individuals of the groups; and as a psychological aspect, it is based on the mind of the individual.¹²² Kelliher, on the other hand, states "the complexity of solidarity in practice can also be missing in theoretical works whose empirical engagement is at best oblique".¹²³ The risk to define solidarity as a conceptual framework is highly influenced by the relation on the individuals and diversity on the empirical practices in the society. Therefore, this article analyses the definition of solidarity and its characterization, referring to the liberal approach of nowadays civil society.

2. Definition on the Concept of Solidarity

Since Emile Durkheim has published *The Division of Labour in Society*, there are several modern thinkers that try to define

¹²¹ Solidarity (History of). Retrieved from [https://www.newworldencyclopedia.org/entry/Solidarity_\(History_of\)](https://www.newworldencyclopedia.org/entry/Solidarity_(History_of)) (6 February 2020)

¹²² J. Mark Baldwin, "The Basis of Social Solidarity" in the *American Journal of Sociology*, Vol. 15, No. 6 (The University of Chicago, 1910), p. 817.

¹²³ Diarmaid Kelliher, Solidarity, class and labour agency: mapping networks of support between London and the coalfields during the 1984-5 miners' strike (University of Glasgow: PHD Thesis, 2017), p. 16-17.

the concept of solidarity. The complexity for building the framework of solidarity lies in the social relation and interaction that the people have to each other. For Durkheim, solidarity is created from the formation of labor division that interconnected in the social sphere. This connection creates two sides of division of labor, i.e. the sexual organs of male and female; and the extension of the organic and social functions. The individual organism between sexes are depending upon each other, because they are 'incomplete' and in a 'mutual dependence'.¹²⁴ Hence, the source of social solidarity is created from the division of labor that "must possess a moral character, since needs for order, harmony and social solidarity are generally reckoned to be moral ones."¹²⁵ As an American Philosopher, Sally J. Scholz supports Durkheim's definition of solidarity in which it has particular bond of a community who has a strong feelings to move people into action.¹²⁶ The relation between male and female individualism can be established in a proper condition by having a good moral character that can create harmony among the people in the social sphere. With her accountable work, she differentiates solidarity with other moral relations by characterizing it into three factors: firstly, the mediation between the individual and the community in which the uniqueness of individuals have been valued, but it can be combined into a unit of collectiveness or community. Therefore, solidarity emphasizes the concept of individual not as an absolute independence but it has the bond with others (interdependence). Secondly, particularity also become a unique factor to bind people together. The aim to achieve certain goals create a form of unity, that individual cannot be solitary with oneself and it needs "something distinctive about the unity of solidarity" that can be expressed through the forms of

solidarity.¹²⁷ Thirdly, a distinctive positive duties of moral obligations are required to form the structure of solidarity that can be differentiated by social relational components and moral priorities. In this sense, solidarity has the positive side of social action that specifically is centered in the moral duties between individuals in the form of a community.

Durkheim also notes that social relationship can be established by a stable and organized form, where custom become the process of regulation. In this matter, solidarity need to be tested if it is essential to the stability of advanced societies, or is it a secondary condition in the body of solidarity? To answer this issue, moral phenomenon in social solidarity cannot be measured or observed, it is visible in the symbol of law. Durkheim uses two aspects on the verification of solidarity: internal symbol of moral facts (custom) and external symbol of the law. Here Durkheim states that custom is the basis of law where it manifests in the secondary forms of social solidarity. He stated that, "in fact, social life, wherever it becomes lasting, inevitably tends to assume a definite form & become organized. Law is nothing more than this very organization in its most stable and precise form... Social relationships can be forged without necessarily taking on a legal form. Some do exist where the process of regulation does not attain such a level of consolidation & precision. This does not mean that they remain indeterminate; instead of being regulated by law they are merely regulated by custom."¹²⁸ This external symbol of law is where the establishment of an organized social form can be created, whereby it portrays solidarity in the reproduction of principal form. It, then, becomes the core of social solidarity that can be divided into public and private law – public law is associating themselves with the state and individual organ; where private law makes the

¹²⁴ Emile Durkheim, *The Division of Labour in Society* (Hampshire: The MacMillan Press, 1984), p. 22.

¹²⁵ Emile Durkheim, *ibid.*, p. 24.

¹²⁶ Sally J. Scholz, *Political Solidarity* (Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 2008), p. 17.

¹²⁷ Sally J. Scholz, *ibid.*, p. 19.

¹²⁸ Emile Durkheim, *ibid.*, p. 25.

individual become its actors. Therefore, the existence of social solidarity can be seen from the interaction between individuals that strongly attract both parties to have reciprocal relationship.

With Durkheim's framework that focuses on the stability of solidarity in the advanced societies, Scholz differentiates solidarity into social and civil solidarity, in which she describes social solidarity measures descriptively and normatively the linkage between individuals within a group vis-à-vis group cohesiveness. It shares obligations in every individuals by the establishment of laws, customs, codes and social mores.¹²⁹ In social solidarity, the obligations refers to moral responsibilities that are imposed to others in the group membership and do not have the purpose for relieving oppression and/or injustice. Civil solidarity, on the other hand, relates the linkage between individuals within a political state that the virtue of the state has the obligation for the collectiveness of its citizens. In other words, the state becomes the vehicle and provides certain protections to the member of its citizenship. Civic solidarity also encourages individuals to participate by reducing the vulnerabilities in the civic public. Thus, it uses social policy to decrease the number of vulnerabilities of the individuals based on "the rights of individuals and on the good of society."¹³⁰ Scholz consider the fulfillment of basic necessities of individuals is the requirement for the establishment of civil solidarity, that the individuals have the right to be protected by the society in the form of government's programs by achieving a welfare state. She uses Halldenus's framework on defining civic solidarity as a non-domination egalitarian welfare state. (Halldenus, p. 336 cited in Scholz 2008) As a result, it is detached from civic virtue of solidarity as a normative form of social solidarity in which civic solidarity relates to

the obligation of the society and the state "to protect individuals against vulnerabilities."¹³¹

John Rawls, on the other hand, argues solidarity establishes from the civic friendship as a form of 'fraternity'. He states that

"In comparison with liberty and equality, the idea of fraternity has had a lesser place in democratic theory. It is thought to be less specifically a political concept, not in itself defining any of the democratic rights but conveying instead certain attitudes of mind and forms of conduct without which we would lose sight of these values expressed by these rights. Or closely related to this, fraternity is held to represent a certain equality of social esteem manifest in various public conventions and in the absence of manners of deference and servility."¹³²

Defining solidarity in the political sphere as the basis of justice, Rawls specifies the concept of solidarity can not equally stands with equality and liberty in the theory of democracy. Solidarity is a form of fraternity that establish through a certain environment that is created from the unity of civic society, not in the form of individual interactions, and can be achieved in the basic structure of society. Solidarity also can become a political conception of justice in the realm of political liberalism, when it is expressed in terms of political values or common good in the Catholic views.¹³³ Public reason become the core value of solidarity, when solidarity has been seen from the framework of political conception of justice in which "a conception that expresses political values that others, as free and equal citizens might also reasonably be expected reasonably to endorse. Each of us must have principles and guidelines to

¹²⁹ Sally J. Scholz, *ibid.*, p. 21.

¹³⁰ Sally J. Scholz, *ibid.*, p. 27.

¹³¹ Lena Halldenus, "Non-domination and Egalitarian Welfare Politics" in the book of *Ethical Theory and Moral Practice 1*. Cited by Sally J. Scholz, *ibid.*, p. 31.

¹³² John Rawls, *A Theory of Justice* (Harvard University Press, 1999), p. 90 and Avery Kolers, *A Moral Theory of Solidarity* (Oxford: Oxford University Press, 2016), p. 2.

¹³³ John Rawls, *Political Liberalism* (New York: Columbia University Press, 2005), p. 248.

which we appeal in such a way that this criterion is satisfied."¹³⁴

Another work from Mark S. Cladis's work in "Solidarity, Religion and the Environment: Challenges and Promises in the 21st Century", he analyzes the relation between solidarity, religion and environment in the framework of Emile Durkheim. Through his article, he tries to prove three arguments such as: religion and solidarity should not be treated as anomalies in modernity; the work of Emile Durkheim referring to solidarity plays a major role in the freedom of conscience and individual rights, moral pluralism, moral education, moral justice and political community; and the argument of religion and solidarity can give significant support in the cultural resources against the global trends that threaten the environment. Therefore, he starts with the definition of religion not in Durkheimian notion as a set of beliefs and practices that forge moral community, but as commonly understood with its historical traditions. In Durkheim perspective, religion is treated as dynamic social ideals, beliefs and practices that shape a shared perception of a society's moral universe. In the modern and postmodern time, religion become the foundation of the human life in the sense of "living together".

In the last book of *Elementary Forms*, Emile Durkheim exposed three concepts of the Third Republic, i.e. liberty, equality, and solidarity. For him, epistemology is a tool for socializing the idealist and empiricist for understanding the non-existence of radical private human existence with the notion of "to exist in a world is to understand that world, and understanding is comprised of shared, collective representations."¹³⁵ Epistemology also allowed Durkheim to understand the social nature of humankind, in which one significant aspect comes from moral individualism. In the modern period, solidarity uses modern

individualism as a vehicle for the support of individual right in the form of a group of symbols, institutions, beliefs and practices. According to Cladis, this modern cult of the individual has the attribute of traditional religion, where possesses the sacred symbols of collective sentiments in both positive and negative aspects. In his conception, solidarity become suspicious in recent period, where in the epistemological ground, the doubt over shared, universal human nature could provide common ground among diverse individuals and communities.

It seems that in the emergence of solidarity, the interpretation often goes to "a contingent confluence of individuals with a shared cultural or ethnic inheritance, or an enforced uniformity that merely gives the impression of solidarity."¹³⁶ Therefore, Cladis claims that solidarity is a contested concept that "borders on self-deception." On the other hand, Durkheim envisions solidarity as a vehicle to embrace all citizens with a particular set of goals and ideals. He describes solidarity is based on "the protection and extension of human rights; an economy accountable to human welfare (as opposed to the maximization of profit); the freedom of critical inquiry; and a secular state that respected yet was not based on religion."¹³⁷ Referring to Cladis point of view, Durkheim's work on solidarity was placed in the conservative canon of sociologist enlisted to be regrettable placement in Durkheim's fundamental commitment and goals. According to him, Durkheim investigated the webs and patterns of social order for the sake of establishing social justice. The relation between social theorists with historical factors cannot be separated, therefore the present and past ideals, customs, and institutions are far from stagnant and it changes over time with the diversity and social progress. As a result, "they are not

¹³⁴ John Rawls, *ibid.*, p. 248.

¹³⁵ Mark S. Cladis, "Solidarity, Religion and the Environment: Challenges and Promises in the 21st Century" in the *Journal of Changing Societies &*

Personalities, Vol. 1, No. 4 (Providence: Brown University, 2017), p. 357.

¹³⁶ Mark S. Cladis, *ibid.*

¹³⁷ Mark S. Cladis, *ibid.*, p. 358.

immutable.”¹³⁸ Durkheim also noted that the inclusion of moral progress is influenced by social problems to achieve social solidarity. Cladis, then, uses human rights as an example, in which it cannot be realized by the law or court system, but it also require the same social beliefs and practices to support the legal system. Then, the question arises: “What kind of solidarity – or *solidarities* – do we already have, and what kind should we have?”¹³⁹ This question has been asked by Cladis to reaffirm that an appropriate form of solidarity in the democratic societies must have the capability to tolerate diversity and celebrate diversity as a precious public resource.

Therefore, solidarity can be defined as a relationship between individuals that have common moral aims and to form a unity in the civil society. Positive moral obligations become significant part in order to create a good structure of solidarity. For Durkheim, a stable structure of law is also important in the organized social form. His theoretical statement is supported by Scholz and Rawls, whereby moral responsibilities and public reason can create solidarity in the structural foundation of the society.

3. Types of Solidarity: The Framework on The Present Day Cases

In recent time, debate over identity politics become significant that the appeal to solidarity is undervalued. In the political realm, the interest of group members constrains the less-powered people into their allegiance and ‘sacrifice their sense of self’ for the sake of the group members, in which expression of solidarity is described as a particular response to local concerns. This notion, according to Jodi Dean’s point of view, is followed by a suspicion that the membership of solidarity is ‘exclusionary and repressive’.¹⁴⁰ In the feminist point of view, the white women’s liberation is defined by the sisterhood of all women and

reject the differences or oppression among themselves. In this sense, appeals to solidarity is sustaining the unity of the group and evade critique on the concept of identity. For her, the decline of solidarity is influenced by the collapse of traditional values that changes the interest of freedom and social differences in a diversified society.

In her book of *Solidarity of Strangers: Feminism after Identity Politics*, she explains and analyzes the current issue of reflective solidarity in the modern society. She starts with the gender issue that expression of solidarity centered in affirmation, inclusion and recognition.¹⁴¹ One example comes from a news of a Somali woman who gave birth on the side of Italian road that the local community were ignoring or laughing at her. This event was one of other cases that racism increased in the Italian society toward immigrants. Through this incident, she described two types of people; the one who ignores the woman, and the other one who calls the hospital where she was treated. In this case, the concept of recognition, inclusion and affirmation are expressions of solidarity that the caller had shown to the Somali’s woman in which it was encouraging her that she was supported by the people. According to the Italian’s interpretation of this event, the concept of solidarity ‘involves a set of shared expectations that constitute a context of meaning central to a group’s self-understanding’. Scholz also emphasizes it as the product of oppression and injustice which results individuals joins groups of shared aims to make conscious commitment. Political solidarity is based on “shared commitment to a cause” in the form of an individual commitment, collective action and group responsibility. She states that: “The experience of the oppressed provides the content for the movement of political solidarity. For this reason, many who use the term have

¹³⁸ Mark S. Cladis, *ibid.*

¹³⁹ Mark S. Cladis, *ibid.*, p. 359.

¹⁴⁰ Jodi Dean, *Solidarity of Strangers: Feminism After Identity Politics* (Berkeley: University of California Press: 1996), p. 15.

¹⁴¹ Jodi Dean, *ibid.*

conflated the oppressed group with the solidary group.

Sharing common history of oppression is not, however, sufficient for solidarity; each individual actually experienced the relevant history.¹⁴² This phenomenon on the form of solidarity in the civil society has the absence of shared values and commitments. For Dean, the story of Somalian woman described different outlook of Italian solidarity within their own society that escaped from the absence of political identity. In the event, the Italian callers created an open-minded thought as a local community with the acceptance of differences. Dean states that 'closure is not an option' - in contemporary multicultural societies - that will lead to violence, rigidification and exclusion. Therefore, she represents the concept of reflective 'as an openness to difference which lets our disagreements provide the basis for connection.'¹⁴³ Differentiation of agreement is the basis for connecting the diverse society that will create an openness within themselves. As a result, she diversifies two kinds of solidarity - the affectional solidarity and conventional solidarity. In her account, affectional solidarity is the outcome of intimate relationship of love and friendship where it will build a strong connection between the people. In this kind of solidarity, the primary aspect belongs to the child's preliminary development in the basis of self-trust and the capacity to interact or respond to the necessity for others. The particular aspect focus on the reflection and importance of her existence with the help of validation from others that shows her uniqueness that 'can not be extended to a limitless variety of others.'¹⁴⁴ Moreover, the universal dimension of affectional solidarity 'recognizes the other as the person she is requires that we remain attuned to the myriad differences comprising her individuality.' It means that the individuality of a person need to be expressed through the imminence of

others within the specialness and exclusivity of a reciprocal interaction.

Conventional solidarity is constructed by the common interest and concerns that originates from shared traditions and values unifying a group or community. Conventional solidarity divides into inward-oriented type and outward-oriented type (we-ness). The inward-oriented type belongs to the members who express their claims and concerns to each other; and the outward-oriented type focusing on the common struggle that expand the circle of addressees to demonstrate their claims in the scale of a larger society. According to inward-oriented type and outward-oriented type, the expectation of members are given when it is produce by the traditional values or a condition that 'constructs various individuals as members of groups.' Thus, the establishment of a common form of membership originates from a shared adherence to common beliefs or goals. This belief becomes mediation that exceed the interconnection between members. The primary component of being a member is to adhere the norms 'of being validate as one of "us" and create boundaries that 'one as a member can not go.'¹⁴⁵ These type of solidarity can be seen also in Durkheim's work on solidarity based on the division of labor.

In his work, Durkheim acknowledge there are two opposing sides: negative solidarity (the lack of social relationships) and positive solidarity (ones affording co-operation). In the positive solidarity, Durkheim divided into mechanical solidarity (solidarity by similarities) and organic solidarity (solidarity arising from the division of labor). Mechanical solidarity is a collective consciousness, that has undifferentiated societies, who have common values and beliefs. It is ruled by repressive sanctions that the "act" is referring to the definition of a "crime" or penal law. The bond between repressive law with mechanical solidarity is strongly based on the collective consciences (a set of social norms) that the society is believe

¹⁴² Sally J. Scholz, *ibid.*, p. 33.

¹⁴³ Jodi Dean, *ibid.*, p. 16.

¹⁴⁴ Jodi Dean, *ibid.*, p. 17.

¹⁴⁵ Jodi Dean, *ibid.*, p. 18.

in. Therefore, crimes or violations against the law are seen as offensive acts against the whole society. A crime, in this notion, is acknowledged as *“an act strikes moral consciousness of nations in the same way and universally produce the same consequence”* – crime has common elements connecting them where the act is controlled by “prescribed punishment”, or as a written law.¹⁴⁶ Durkheim stated that, the definition of crimes according to the collective sentiments need to be fulfilled by a certain average intensity. It can be seen by the greater deviation to crime as opposed to immoral acts that is reflected to the firmness of penal law, and in contrast to the elasticity of civil law. There are dual purpose for the penal law, i.e. to determine the obligations and to prescribe the sanctions tied to them. Opposed to the definition of penal law, civil law does not have clear boundaries of sanctions and it only follows the rule of social duty. To sum up, Durkheim defined an act of crime is *“by offending the strong, well-defined states of the collective consciousness... We should not say that an act offends the common consciousness because it is criminal, but that it is criminal because it offends that consciousness. We do not condemn it because it is a crime, but it is a crime because we condemn it... Every act that disturb, it is a crime.”*¹⁴⁷ The repression of acts are influenced by the combination of officials and judicial authorities being interfering the administrative powers or religious aspects in the secular sphere on the individual consciousness. There is one way to solve the problem, Durkheim stated, by symbolizing the consciousness of the state’s authority to provide safeguards in traditions, collective practices and beliefs from the outer and inner enemies.¹⁴⁸

In his theoretical analysis, collective consciousness is the stem of the authoritative state, where it becomes the symbol of autonomy and “capable of producing its own spontaneous actions”. It

never frees itself by the source of its authority, where collective consciousness is controlling the authority of determining the notion of criminal acts. The measurement of state’s authority is resided in the power of their citizens by attaching the gravity of the crime against the state. The society belongs to this social structure come from the primitive societies, by sharing common moral consciousness. Hence, Durkheim specifies that *“it is in lower societies that this authority is greatest and where this seriousness weighs most heavily, and moreover, that it is in these self-same types of society that the collective consciousness possess most power.”*¹⁴⁹ Thus, collective consciousness become the standardization of criminal act in which it has the capacity to provoke punishment. In this matter, punishment constitutes of an emotional reaction that characterized by some variables – the people or society is its source; vengeance as its function; it is a weapon of defense, or an expiation for the past. As Durkheim stated that *“at first punishment may have consisted of private acts of vengeance. But then, if today society is armed with the right to punish, it seems that this can only be by virtue of some sort of delegation by individuals. Society is only their agent.”*¹⁵⁰ On the other hand, religion is the basis of penal law - within the social sphere – it exercises constraint over the individual every moment by altruism and abnegation. The needs to follow the religious law is valued by the society that whoever against the law of the gods, the offender is against the people. Durkheim noted that, *“it is an offence, in the sense that the sanction prescribed by the law does not consist merely in putting matter to rights; the offender is not only obliged to make good the damage he has caused, but he owes something else in addition, an act of expiation.”* The burden of individual’s punishment is taken control for themselves, although the vendetta has been recognized as legitimate to the

¹⁴⁶ Emile Durkheim, *ibid.*, p. 31.

¹⁴⁷ Emile Durkheim, *ibid.*, p. 40.

¹⁴⁸ Emile Durkheim, *ibid.*, p. 42.

¹⁴⁹ Emile Durkheim, *ibid.*, p. 43.

¹⁵⁰ Emile Durkheim, *ibid.*, p. 49.

society. Durkheim confirm that the nature of the penal system based not in the private matter, but it is *“a progressive succession of encroachment by society upon the individual.”*¹ Therefore, punishment is depending on the will of individuals that support the moral values of the people.

Cladis, then, use moral individualism and moral pluralism as a tool to measure the foundational concept of Durkheim's theoretical approach in his basic position of solidarity and diversity. In the concept of liberalism, Durkheim named moral individualism as an egoistic aspect with the threat for the society to become consumerist and preoccupied the narrow self-interest. There are two characteristics of moral individualism, i.e. *“a set of social beliefs and practices that constitute a pervasive shared understanding, which supports the rights, and dignity of the individual; and a plurality of social spheres that permits diversity and individual autonomy, and furnishes beliefs and practices, which morally associate individuals occupying a particular sphere.”*² Through these characteristics, individualism is the focus of a diverse citizenry that cares for a common political community. It also focuses on the individual rights with a relatively distinct and protected social spheres that provide shared meanings and identities. On the other hand, moral pluralism *“pertains to the relation between the beliefs and practices of the political community and the beliefs and practices of such associations or groups as churches and synagogues, ethnic organizations and activist alliances.”*³ Therefore, moral pluralism refers to diverse communities and associations that exercise distinctive beliefs and practices and contribute to the common public goals and projects.

Back to Durkheim's theoretical division of solidarity, he reflect the notion of division of labor into organic solidarity. This term is not originated by the collective

consciousness, but it focuses on the peculiarity of the people. Meanwhile, mechanical solidarity is determined by repressive law, organic solidarity depends on the restitutory law by springing *“from the farthest zones of consciousness and extends well beyond them. The more it becomes truly itself, the more it takes its distance.”*⁴ The linkage between restitutory restitutory sanction with the society is based on the body of representatives, i.e. lawyers, courts and magistrates. Durkheim explains restitutory law is *“more or less outside the collective consciousness, they do not merely concern private individuals.”*⁵ Therefore, contrary to restitutory law, repressive law is the establishment of individual conscience in the society by building *“the individual himself to society.”* Repressive law correlate to the center of common consciousness, whereby restitutory sanction is being part of it or is placed outside the collective consciousness. The role of society in restitutory law has been removed, even though they can intervene the sanction.

The notion of division of labor, then, belongs to negative solidarity. According to him, negative solidarity is a relation of body social between a person to a thing where the concept of the thing needs to be interpreted in which it stated that *“since it is only through the mediation of persons that things are integrated into society, the solidarity that arises from this integration is wholly negative. It does not cause individual wills to move towards common ends ... there is no active co-operation, no consensus.”*⁶ In the legal aspect, the thing thing is referring to the concept of property. Therefore, there are two kind of rights in the concept of property, i.e. real right and personal right. Real right possess the right of succession and preference in which Durkheim states that *“the right that I possess over something is exclusive of any other that might be established after mine.”* For example, the inheritance

¹ Emile Durkheim, *ibid.*, p. 51.

² Mark S. Cladis, *ibid.*, p. 361.

³ Mark S. Cladis, *ibid.*

⁴ Emile Durkheim, *ibid.*, p. 69.

⁵ Emile Durkheim, *ibid.*, p. 70.

⁶ Emile Durkheim, *ibid.*, p. 73.

become the possession of the property by the owner to their descendants. The property in real right cannot be mediated through the second or third person, in which only the owner of the property has the legal status. Real form of solidarity "links things directly to persons, but not persons with one another."¹ On the other hand, personal right describes the transition of an obligation to another person by having the equal rights in a thing. There is no relationship between the thing and himself, but the existence of a bond between the owner of the thing and the other party. The relationship of division of labor is based on the contractual law in the sphere of the supreme legal expression of cooperation.

The characteristic of solidarity can be defined according to the condition of the society itself. With the decreasing identity politics in the group members, Dean constructs solidarity according to the feminist point of view. According to her, modern society lost its traditional values that change meaning of freedom and social differences. This phenomenon, in Durkheim's theoretical approach, belongs to the negative solidarity – by lack of social relationship and no active cooperation from the individual action. Therefore, Dean presents the concept of reflective solidarity as a connection between diverse statements and disagreement. Although Dean is more to the political sphere, Durkheim establishes the basis of social solidarity relates to the collective consciousness and social justice.

4. Conclusion

The complexity for defining the concept of solidarity is referring to the social and political issues in the civil society. Relation over collective interest has been decreasing, where diverse phenomenon of disagreement influences the collective consciousness of the people. According to social sphere, Durkheim define solidarity as a linkage between individuals that unites the diversity of groups aims. He

argues that moral obligations will be the basis for creating the social justice, in which Rawls specifies the creation of justice can be achieved through the common good of the society. The characterization of solidarity is influenced by the diverse social and political background of the people, that Dean and Durkheim construct the concept of solidarity by collective action, individual commitment, common values and beliefs.

Solidarity as a Theory: The Development of the Concept

Ni Wayan Radita Novi Puspitasari,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

In the contemporary civil society, the complexity to form solidarity become increasingly difficult. Through multicultural background and the absence of political identity, people lost their aim to create solidarity in the original form. This article scrutinize the definition of solidarity by referring to the social philosophical problems in the realm of political liberalism. The characterization of building solidarity also become crucial for understanding the concept of solidarity as a whole.

Keywords: Solidarity, Political Solidarity, Social Solidarity, Identity Politic

References

1. Baldwin, J. Mark. "The Basis of Social Solidarity" in the *American Journal of Sociology*, Vol. 15, No. 6. The University of Chicago, 1910.
2. Cladis, Mark S. "Solidarity, Religion and the Environment: Challenges and Promises in the 21st Century" in the *Journal of Changing Societies & Personalities*, Vol. 1, No. 4. Providence: Brown University, 2017.
3. Durkheim, Emile. *The Division of Labour in Society*. Hampshire: The MacMillan Press, 1984.
4. Halldenius, Lena. "Non-domination and Egalitarian Welfare Politics" in the book of *Ethical Theory and Moral Practice* 1.
5. Kelliher, Diarmaid. *Solidarity, class and labour agency: mapping networks of support between London and the coalfields during the 1984-5 miners' strike*. University of Glasgow: PHD Thesis, 2017.
6. Kolers, Avery. *A Moral Theory of Solidarity*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
7. Scholz, Sally J. *Political Solidarity*. Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 2008.
8. Solidarity (History of). Retrieved from [https://www.newworldencyclopedia.org/entry/Solidarity_\(History_of\)](https://www.newworldencyclopedia.org/entry/Solidarity_(History_of)) (6 February 2020)

¹ Emile Durkheim, *ibid.*, p. 73.

Психологическое время в контексте интерпретации «включающего» общества: феноменологический аспект

Попов Виталий Владимирович,
доктор философских наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)» - Таган-
рогский институт им. А. П. Чехова (филиал),
vitl_2002@list.ru

В статье рассматривается психологическое время в качестве темпоральной длительности существования субъекта в трансформирующемся «включающем обществе». Актуальной становится характеристика изменчивости психологического времени, демонстрирующая поток переживаний и ассоциаций ментальных образов субъектов с особыми потребностями. Изучение психологического времени во «включающем» обществе осуществляется в контексте информационных систем.

Ключевые слова: психологическое время, «включающее» общество, ментальные образы, психологический сценарий, философия инклюзии, особые потребности.

В современных социально-философских исследованиях проблема психологического времени получила определенное развитие. Особый интерес вызывает изучение психологического времени в контексте практической философии, например, в рамках философии инклюзии. В качестве значимого видится феноменологический аспект. Рассмотрение специфики психологического времени представляется актуальным моментом в комплексном представлении «включающего» общества, в котором осуществляется жизнедеятельность человека с ОП (особыми потребностями).

В истории философской мысли специфика психологического времени проявляется в своеобразном переживании и проживании настоящего момента. Психологическое время выступает в качестве темпоральной длительности существования субъекта в трансформирующемся «включающем обществе». Отметим, что психологическое время образует ряд последовательных моментов: настоящее, прошедшее, будущее. Настоящее связано с созерцательной активностью субъекта, прошлое касается памяти субъекта, будущее время проецирует специфические особенности сознания человека, инициирующие конструктивные характеристики и параметры воображения. К базовым характеристикам психологического времени отнесем неравномерность, неоднородность, длительность, конечность и пересекаемость. Рассмотрение психологического времени показывает, что сознание субъекта с особыми потребностями предполагает выделение ряда ступеней осознания имеющихся возможностей целерациональной деятельности.

Развивая концепцию психологического времени, отметим, что представление «потока» сознания субъекта с

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Осмысление социально-философского феномена образовательной инклюзии в контексте зарубежных и отечественных методологических подходов и моделей», № 19-013-00117

особыми потребностями с учетом психологического сознания подразумевает использование темпоральной структуры. В этом экзистенциальный аспект соотносим с феноменологическим. Анализ психологического времени субъекта с особыми потребностями касается того, что в нем не может быть пары тождественных моментов, так как любой момент времени сам по себе включает имеющийся опыт с позиции жизнедеятельности человека. Актуальной становится характеристика изменчивости психологического времени, демонстрирующая поток переживаний и ассоциаций ментальных образов субъектов с особыми потребностями. Базовые характеристики психологического времени демонстрируют его роль при вхождении субъекта с особыми потребностями во «включающее» общество, а также составляет основу интерсубъективности. Конечно, течение психологического времени не является равномерным. В этой связи поиск «нейронных часов» становится предметным с учетом физиологически индивидуального восприятия «потока» психологического времени.

Изучение психологического времени во «включающем» обществе естественно имеет обращение к среде информационных систем. Поэтому время, воспринимаемой субъектом с особыми потребностями, касается индекса времени переработки локальной информации в рамках жизнедеятельности человека во «включающем» обществе. Такая переработка в свою очередь включает фактор темпоральности в виде темпоральных референтов, среди которых по смыслу и концептуальному статусу подходят интервалы. Именно на них возможно осуществление оценки относительно установленной истины каждой порции информации в контексте психологического времени. При этом подчеркнем, что любой интервал времени является тождественным длительности обработки информации достаточной для реального возникновения комплекса ощущений. Поэтому на

приоритетные позиции занимает не просто процедуры переработки сегментов психологического времени, характерные для отдельных субъектов с особыми потребностями в специальных социальных группах, а комплексное рассмотрение особенностей такой переработки. Постулируем, что, во-первых, дискурс идет об оценке адекватности и корректности реакции субъекта с особыми потребностями на комплекс психических ощущений направленный на установление специфики реакции психологического времени и, во-вторых, следует заметить иницируется определенный темпоральный «перекос» в корреляции психологического и физического времени, что связано с темпом и интенсивностью психологического времени субъекта с особыми потребностями в русле особого смещения физической хронологии.

Изучение теории и практических аспектов психологического времени приоритетно касается того, что такое время представляется в качестве временного интервала, переживаемого и проживаемого субъекта с особыми потребностями. Отметим, что реально в структуре психологического времени выделяют восприятие и представление времени в качестве фактора становления психологического момента настоящего и психологический темпоральный параметр как сценарий и перспективу развития. В контексте психологического времени, принимаем различные сегменты ментальных образов субъекта с особыми потребностями, выделив в сценариях развития: психологическое прошлое, психологическое настоящее и психологическое будущее. Отметим, что существующим параметром психологического темпорального сценария или перспективы выступает потенция независимости психологического времени от времени физического. В этом случае, внимание, воображение и память формирует ядро психологического времени и становится предпосылками психологических темпоральных сценариев и основных перспектив развития.

Представление психологического темпорального сценария субъекта с особыми потребностями может интерпретироваться и с позиции синтеза статической и динамической концепций времени.

Исследуя другой сегмент психологического времени, представляющий изучение его восприятия в качестве периода становления психологического образа настоящего подчеркнем, что такое психологическое настоящее стало значимым концептом в контексте концепции инклюзии. Правомерно постулировать важность бытийности психологического настоящего для изучения особенностей механизма проживания и переживания психологического времени в специальных социальных группах субъектов с особыми потребностями. Сегмент настоящего выступает и как длительное настоящее, внутри которого осуществляется переживание субъекта с особыми потребностями специфики жизнедеятельности специальной социальной группы, а также своеобразной границей опыта, ретроспективно зафиксированного до этого настоящего и отражающего перспективы опережающего сознания субъекта. Отметим, что психологическое настоящее следует выделять как понятие, касающееся некоторых аспектов психологической деятельности субъекта с особыми потребностями, а его структура связана с интенциональными действиями субъектов.

Постулирование параметра длительности психологического настоящего дает выделить два основных его понимания. Во-первых, психологическое настоящее рассматривается в качестве интервала времени с выделенной длительностью. Именно в процессе этой длительности происходит сохранение целостного восприятия ментальных образов в сознании человека. Во-вторых, психологическое время рассматривается через восприятие субъектом последовательности воспринимаемых в данном интервале событий. В любом случае, длительность будет представ-

ляться с учетом индивидуального существования субъекта с особыми потребностями. Соотнесение психологического и социального времени позволяет вести дискурс относительно особенностей субъектов с особыми потребностями, сохраняя целостность восприятия на различных этапах развития «включающего» общества. Рассматривая вопросы психологического времени субъекта с особыми потребностями необходимо вести дискурс о параметрах, характерных субъектам в специальных социальных группах, когда субъекты решают прагматические или ценностно-целевые задачи. В результате приоритетным становится деятельностный подход к субъектам с особыми потребностями внутри специальной социальной группы.

Правомерно поднимать и проблему соотношения внутреннего и психологического времени субъекта с особыми потребностями и тогда рассуждение переходит в сферу того, как субъект переживает свое индивидуальное время в рамках времени социального. Акцент делается на комплексности проживания и переживания времени субъекта с особыми потребностями в социальной группе. При этом важно отметить, что психологическое время у различных субъектов хоть и протекает разнонаправленно, но в целом правомерно говорить об аккумуляции психологического опыта в соотнесении с общими целями, которые ставят субъекты с особыми потребностями в рамках «включающего» общества. Именно в нем психологическое время представляется неоднородным в связи с тем, что внутренний опыт субъекта с особыми потребностями включает локальные ментальные образы того психологического времени, которое осталось в прошлом, до его входа в «включающее» общество.

Литература

1. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – М.: Акад. Проект, 2009. – Т. 1. – 486с.

2.Аверина Н.В., Попов В.В. Концепция прошлого в контексте исторического процесса //Философия права. 2010. № 5 (42). С. 81-84.

3. Аверина Н.В., Попов В.В. Фактор времени в детерминистских и индетерминистских теориях исторического процесса // Философия права. 2011. № 4 (47). С. 86-90.

4. Попов В.В., Музыка О.А., Максимова С.И. Альтернативистика в контексте социального развития// Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 373-375.

5. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 419-421.

6. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А.. Социальное противоречие в контексте социальных процессов// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1-2. С. 361-364.

7. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В. Социальные трансформации в правовых отношениях//Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3-2. С. 315-318.

8. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Противоречия в контексте переходных периодов транзитивного общества //Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 7. С. 111-114.

9. Попов В.В., Щеглов Б.С., Лойтатренко М.В. Особенности интегральной интерпретации вероятности в контексте факторов оценки и темпоральности //Философия права. 2015. № 2 (69). С. 23-27.

10. Попов В.В., Агафонова Т.П. Специфика темпоральности правового сознания социального субъекта// Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 5730-5733.

11. Попов В.В., Самойлова И.Н., Щеглов Б.С. Аналитическая философия истории в постнеклассическом дискурсе. Таганрог, 2007.

12. . Попов В.В., Агафонова Т.П. Научная рациональность и рациональность в науке// Философия права- 2012- № 5 (54)- С. 86-90.

13. Попов В.В., Чаленко М.В. Специфика переходных состояний современного российского общества// Социально-гуманитарный вестник Юга России- 2011- № 7-8 (15-16)- С. 39-45.

14.Шеманов А.Ю. Инклюзия в контексте современных дискуссий: философские и культурологические проблемы / Психолого-педагогические основы инклюзивного образования: коллективная монография . М.: МГППУ, 2013. С.25-38.

Psychological time in the context of the interpretation of "inclusive" society: the phenomenological aspect

Popov V.V.

Rostov State University of Economics

The article considers psychological time as the temporal duration of the subject's existence in a transforming "inclusive society". The characteristic of the variability of psychological time becomes relevant, demonstrating the flow of experiences and associations of mental images of subjects with special needs. The study of psychological time in the "inclusive" society is carried out in the context of information systems.

Key words: psychological time, "includes" society, mental images, psychological scenario, philosophy of inclusion, special needs.

References

1. Husserl, E. Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy / E. Husserl. - M.: Acad. Project, 2009. –Т. 1. - 486s.
- 2.Averina N.V., Popov V.V. The concept of the past in the context of the historical process // Philosophy of Law. 2010. No. 5 (42). S. 81-84.
3. Averina N.V., Popov V.V. The time factor in deterministic and indeterministic theories of the historical process // Philosophy of Law. 2011. No. 4 (47). S. 86-90.
4. Popov V.V., Music O.A., Maksimova S.I. Alternative science in the context of social development // Eurasian Law Journal. 2017. No. 4 (107). S. 373-375.
5. Popov V.V., Music O.A., Dzyuba L.M. Factor and levels of temporality in the context of

- subjective reality of a person // Eurasian Law Journal. 2017. No. 4 (107). S. 419-421.
6. Popov VV, Muzyka OA, Timofeenko VA. Social contradiction in the context of social processes // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. No. 1-2. S. 361-364.
 7. Popov VV, Music OA, Kozhenko Y. V Social transformations in legal relations // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017.No 3-2. S. 315-318.
 8. Popov V.V., Music O.A., Timofeenko V.A. Contradictions in the context of transitional periods of a transitive society // International Journal of Experimental Education. 2016. No. 7. S. 111-114.
 9. Popov V.V., Scheglov B.S., Loytarenko M.V. Features of the integral interpretation of probability in the context of assessment factors and temporality // Philosophy of Law. 2015. No. 2 (69). S. 23-27.
 10. Popov V.V., Agafonova T.P. The specificity of the temporality of legal consciousness of a social subject // Fundamental research. 2015. No. 2. P. 5730-5733.
 11. Popov V.V., SamoiloVA I.N., Scheglov B.S. Analytical philosophy of history in post-non-classical discourse. Taganrog, 2007.
 12. . Popov V.V., Agafonova T.P. Scientific rationality and rationality in science // Philosophy of Law- 2012- No. 5 (54) - P. 86-90.
 13. Popov VV, Chalenko MV. Specificity of transitional states of modern Russian society // Social and Humanitarian Bulletin of the South of Russia-2011- No. 7-8 (15-16) - P. 39-45.
 14. Shemanov A.Yu. Inclusion in the context of contemporary discussions: philosophical and cultural studies / Psychological and pedagogical foundations of inclusive education: a collective monograph. M .: MGPPU, 2013. S.25-38.

Умозрительная психология как наука о самопознании личных черт человека в трудах проф. СПбДА В.Н. Карпова

Сизинцев Павел Васильевич
кандидат богословия, МПДА,
sizinpash@yandex.ru

Статья посвящена анализу идей умозрительной психологии и человеческого сознания в трудах профессора Санкт-Петербургской духовной академии В.Н. Карпова. Цель статьи - рассмотрение фундаментальных принципов его учения о самопознании человека на основе его статей, преподавательских лекций и комментариев (с анализом цитат используемых в исследовании философских источников, трудов духовно-академической традиции и используемой литературы). Статья рассматривает самодостаточность жизнедеятельности сознания в человеке, подчеркивает его уникальную роль в познании человеком себя выводит на понятие самосознания, как сознания, направленного внутрь своей природы. Самосознание было главным личностным свойством человека, оно позволяло контролировать мышление самоопределяться в условиях свободы мыслей, веры и творчества человека.

Ключевые слова: Профессор, сознание, человек, нравственность, личность, общность, воля, самопознание, эгоистичность, достоинство, дух, богочеловек.

Профессор Санкт – Петербургской духовной академии В.Н. Карпов (1798-1867) в своих лекциях по православной умозрительной психологии признавал, что «сознание в природе человеческого духа есть факт, свидетельствующий о самом себе через самого себя. Оно есть единственная непосредственность или единственное непосредственное явление, для познания которого не требуется ничто другое, кроме его само, тогда как само оно безусловно требуется для познания всего другого»¹.

Текст указывает на самодостаточность жизнедеятельности сознания в человеке, подчеркивает его уникальную роль в познании человеком себя выводит на понятие самосознания, как сознания, направленного внутрь своей природы. Сознание профессором В.Н. Карповым выведено из природы человека, оно находится как бы над ней, над ее животными ощущениями, он даже утверждал, что «первый момент сознания есть сам человек». Он рассматривал сознание человека «конкретно» в полноте содержания этого термина. Человек же был для него существом, сотканным из понятий и закупоренным в чистые формы пространства и времени. Он познает силами души, сосредоточенными и просветленными в вере. При этом человеческие ум и сердце не поглощаются одно другим. В.Н. Карпова, возмущало то, как понимал и изображал человека И. Кант, в его представлениях человек был изолированно-эгоистичным. «Я» жило не в глубине душевной природы. Как переводчик Платона В.Н. Карпов подчеркивал уникальность человека, стремясь определить его место

¹ Карпов В.Н. Вступительная лекция в психологию. // Христианское чтение. 1868. Ч. 1. – С. 195.

в земном бытии и в гармоничном бытии мира².

И подтверждает это словами Откровения о том, что Творец вдохнул в человека жизнь лично, в отличие от других живых существ, сотворенных словом. В человеке заложена связь, как с бесконечным Творческим Духом, так и с тварной жизнью. Все черты нашей природы и свойства человеческой личности сосредоточены для Карпова в сердце. Существует гипотеза современного советского ученого В.В. Виноградова о том, что в патриархальном русском мышлении отсутствовала потребность в выражении индивидуального начала в отдельном словесном понятии. Ибо тогда человек «ещё не мыслил себя в отдельности от своей семьи, рода, некой общности, частью которой он являлся, и абстрактное понятие, указывающее на конкретного человека как на самостоятельную духовную сущность, ему, собственно говоря, не очень и требовалось»³.

Понятие «личность» есть итог воздействия терминов европейской мысли на пласты русских наречий. Спорность видится как в общем ходе рассуждений, так и в конкретике выявленных фактов и соотношений европейской терминологии и русской словесной традиции. Во-первых, сама посылка того, что человек на Руси был не способен мыслить себя отдельно от любой социально общности, будь то род или семья, мягко говоря, абсурдна, ибо тогда следует признать, что люди на Руси были общественными животными без признаков какого-либо самосознания. Это низводит представления о русских людях к понятиям Аристотеля. А также требует признать, что развитие русского человека в XII – XIV вв. отставало от европейского человека на 1500 лет, что не соответствует действительности. К этому же имплицитному принижению

русского общественного сознания относится и другой тезис о том, что «абстрактное понятие» человеку на Руси не требовалось. Абстрактное понятие есть следствие абстрактного мышления, которое и делает из человека как природного существа *homo sapiens*, человека разумного. И оно в полной мере было присуще людям славянского государства Руси Владимира Мономаха и митр. Иллариона, которое в XII в. полноправно входило в состав европейских стран. В период нашествия монголов культурная жизнь Руси плавно переместилась в религиозную монашескую среду Русской Церкви, которая была даже при монголах свободна от любого иноземного влияния. Именно в монашеской и церковной среде сохранялось представление о человеке как «о самостоятельной духовной сущности», и сохранилось до периода обретения государственной независимости Руси от Орды, но открыто признавать это в эпоху расцвета сталинской идеологии, В.В. Виноградову было, безусловно, крайне опасно. Во-вторых, влияние европейских языков для русского словарного состава было, безусловно, немаловажным, но и не столь значимым в отношении понятий, связанных именно с человеком и его личностным бытием. В русских словарях той эпохи было много слов, в той или иной степени отражающих бытие человека, его конкретность и само – идентичность, равно как и его самобытность, обособленность, самостоятельность. Иными словами, по этимологии слово «личность», возможно и имело на себя западное влияние смыслов⁴, но по внутреннему содержанию древнеримское слово «*persona*» имелось как выражение «парсуны» в древнерусском словаре XIII - XIV вв., означая «лицо», «личность»⁵. Над карпов-

² Карпов В.Н., Избранное. – СПб: Тропа Троянова, 2004. – С. 161.

³ Виноградов В.В., Около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М.: Издательство Азбуковник, 1999. – С. 271.

⁴ Вольский Н.Н., Лингвистическая антропология. Введение в науки о человеке. Курс лекций. – Новосибирск: НГПУ, 2004. – С. 175.

⁵ Срезневский И.И., Материалы для Словаря древнерусского языка: в 3 т. // Т. 2. - М.: Издательство ГИС, 1958. – Стлб. 882.

ским «идеал - реализмом познания» исследования человеческого бытия вздымается сфера духовного созерцания, как «око души, просветленное верою», нацеленное на богоупо Бога.

Человек самостоятельно осуществлял себя в поиске практических идей, механических конструкций, словесных формулировок и поэтических размеров. Он стремился осмыслить подлинную природу самого себя и свои личностные качества – свободу, творчество, уникальность, общение, веру и самосознание. Немалое значение стал иметь сезонный праздник (проводы зимы и окончание лета) с его народной речью и бессловесностью, ролью языка как средства постижения реальной жизни, трансформируемой в горизонт смысловых оттенков. Это инициировало проявление сознания своего личностного «Я» у человека, критическую рефлексию самодовлеющего бытия с его постоянным самоопределением человека не как природного социального животного, но как неповторимой личности. Ситуация усиливалась тем, что христианской парадигме бытия было в принципе присуще личностное понимание Бога, хотя оно и относилось к сущности божественного бытия, а не человеческого существования. Ипостаси Бога-Троицы были едины, и, безусловно, сохраняли личностное самостояние.

Утопизм этого концепта для описания личности человека очевиден в его конечной цели – гармонии этих уровней дабы в душе у него все соединилось в один аккорд, священную песнь Всевышнему⁶, что, якобы, проявит закон гармонического бытия Вселенной. Что же до мыслящего человеческого духа, то так как он существо не безусловное, то и мышление его для Карпова не абсолютное. А «входящее в сферу жизни делается под условием сознания»⁷. При этом В.Н. Карпов считал сознание ча-

стью души, и именно душа, по его мнению, просвещала сознание идеями из ума. В сознании якобы встречались два типа опыта - от света идей ума души и чувств телесности (здесь и сейчас) «от попадания света» образованных. Философ искренне полагал, что знание человека о самом себе определяется его социальным положением, его костюмом или образованием. В этом понимании человека как личности, В.Н. Карпов писал, что человек знает не себя, а свое, а это свое по какому-то нравственно-оптическому обману, принимает за себя, – тогда он составляет о себе понятие по внешним, ограничивающим его, приметам, которые не имеют ничего общего с самой его природой. И чем многообразнее такого рода приметы, тем больше заменяет ими человек себя. Любопытно, что именно эту внешнюю часть бытия человека через полвека американский философ и психолог У. Джеймс считал определением социальной личности человека.

В.Н. Карпов был убежден в личной порочности человека и его абсолютной удобопреклонности к греху, когда писал, что, «познавая себя, человек будет открывать в своей природе множество недостатков, заблуждений, дурных склонностей, преступных желаний. А главное – заметит крайнее бессилие, противность порочным стремлениям и через непроницаемую завесу лжи и обмана усмотрит истину»⁸. Иными словами, по В.Н. Карпову, истина воссияет, когда человек полностью погрузится в собственную немощь грязь – позиция скорее религиозно-православная, чем философская. Тем не менее, он был уверен, что видение своих грехов и бессилия как раз и пробудит сознание в человеке. И успешно, якобы, нивелирует его греховность. А это все называется себялюбием – эгоистическим знанием себя в своем. Следует отметить заслугу

⁶ Карпов В.Н., Введение в философию. – СПб: Типография И. Глазунова и Ко, 1840. – С. 133.

⁷ Карпов В.Н., Избранное. – СПб: Тропа Троянова, 2004. – С. 114.

⁸ Карпов В.Н., Избранное. – СПб: Тропа Троянова, 2004. – С. 262.

В.Н. Карпова в том, что он четко разделил понятийное различие между самолюбием, - любви человека к самому себе, о которой в заповеди говорили Ветхий Завет и Иисус Христос от себялюбия. Акцент на этих терминологических путаницах и нелепостях позволил бы избежать их в будущих философских и религиозных исследованиях. Мыслитель жестко обличал ложную духовную самооценку. К сожалению, В.Н. Карпов считал человеческое «Я» исключительно выражением низменных, эгоистических наклонностей себялюбия. «Эгоистическое Я стремится к оправданию и облагораживанию своих страстей, оправданию своих недостатков. Выйти из этого заблуждения можно лишь путем самопознания. Эгоизм и самопознание – два непримиримых начала в душе человека»¹. Лишь самопознание помогает обретению метафизического себя. Под самопознанием В.Н. Карпов понимал такое обращение человека к себе, как погружение в себя с достижением состояния сродни монашеским практикам и приемам будущей феноменологии. «Самопознание требует, чтобы человек, отвлекая свой взгляд от предметов внешних, которые известным образом ограничивают его, обращался к себе, входил в себя и замечал в своей природе все, какие представляются ему, общие или частные, существенные или случайные, хорошие или худые свойства»².

По сути дела, В.Н. Карповым описывается неоплатоническая практика погружения человека в Единое в традиции Плотина. Тот также требовал в момент входа в экстатическое состояние «обращать внимание на то, чем обусловлено самое наше бытие и каким оно является нам в сознании». В.Н. Карпов в этом же ключе предлагает очистить «личность,

чтобы между сознанием и нами не посредством никаких эгоистических интересов, маскирующих или скрывающих нас от нас самих. Следовало смотреть на себя как на предмет, посторонний, и снимать с него самый верный и точный портрет»³. Очевидно, что при таком раскладе должна исчезать не только личность самосознания «Я», отождествленная Карповым с эгоистическими наклонностями, но и все личностное в принципе.

Личностное возрастание в человеке влекло за собой подъем его духа развитие ума, очищение от страстей душевного состояния. В восточном православии этот динамичный процесс ипостасного и природного бытия соответствовал процессам обоживания, как усвоения человеком нетварных энергий Бога посредством личного общения с божественными Ипостасиями. Любовь имела значение жертвенности, свободы выбора и самоотдачи человека во имя Бога и ближнего. Личностность должна была учитывать и человеческое достоинство, как свойство образа Божия и потенциал самостоятельной деятельности человека в своей жизни, право действовать лично в условиях бытия, способность осмысления своих поступков, оценки слов и формирования помыслов. Для В.Н. Карпова в сфере «сознания, а не в тайнике душевной природы, живет наше «Я», и живет не как явление логическое, а как представитель человеческой личности и начало эгоистической деятельности»⁴. Аргументом своей правоты он предлагал не собственные рассуждения, а авторитет православных святых, для которых молитвенное самопознание становилось духовным делом их жизни. Они следили за самыми тайными своими «чувствованиями и желаниями. Прозорливо

¹ Карпов В.Н., Сочинения: в 3 т. // Т. 1. / Философский рационализм новейшего времени. – Мелитополь: ООО «Издательский дом МГТ», 2013. – С. 33.

² Карпов В.Н., Сочинения: в 3 т. // Т. 1. / Философский рационализм новейшего времени. – Мелитополь: ООО «Издательский дом МГТ», 2013. – С. 260.

³ Там же.

⁴ Карпов В.Н., Сочинения: в 3 т. // Т. 1. / Философский рационализм новейшего времени. – Мелитополь: ООО «Издательский дом МГТ», 2013. – С. 157.

предотвращали даже малейшее по-ползновение своей природы к нарушению небесной правды, внушаемой начертанным в человеке законом духа и гласно проповедуемой в слове Божьем»¹. Не умея дать четкое определение личности, человеческого «Я» кроме как через сведение личностных свойств, к греховности и эгоистичности, профессор пришел к аскетическому способу самосознания. Самопожертвование и самопознание, осознание себя и самолюбие не в силах преодолеть барьер понимания без аскетики.

Проблематика человека и богочеловека Христа рассмотрена в статьях архиепископа Никанора (Бровковича) (1826-1890). Он объяснял необходимость телесности богочеловека Иисуса Христа тем, чтобы ею физически скрыть от взоров людей богоявление и «бесконечную славу Божества»². Одновременно ход его рассуждений грешил расплывчатостью понятия человеческой воли. В некоторых случаях архиепископ отождествлял волю человека с инстинктивными свойствами животного характера, наблюдаемыми в мире фауны. В иных статьях, воля фигурировала у него, как «внутренняя деятельная энергия» абсолютно любого живого субъекта, а не только человека. Следуя в русле шопенгауэровской мысли, архиепископ ввел два вида человеческого произволения. Первая воля у человека есть по Бровковичу, утилитарная воля, нацеленная на извлечение выгоды в окружающем тварном и грешном мире и материально-телесное самосохранение. Вторая, якобы, разновидность человеческой воли является даровой, не ищущей корысти и, более того, способной на самоотверженность и жертвенность во имя высших божественных ценностей, аксиологически вечных. Однако, проблему свободы воли в пересечении своих двух волей архиепископ, в

сущности, не решает. Он оказывается не способным преодолеть аспект личности человека, обусловленный его свободой.

Эту проблему свободы выбора личной воли из двух предложенных им видов волей, архиепископ считал самой сложной, предлагая декларативный выход в акте постоянного соотношения человеком личной воли с некоей волей мировой, рассмотрения которой, однако, не проводит вообще. Но даже если предположить понимание архиепископом под мировой волей конкретно воли Бога, то на вопрос каким образом возможно выявить эту волю в конкретный миг бытия и систематически выявлять ее никакого ответа не дается. В то же время, он писал о «бытии единого личного Бога»³, отмечая, что «Отец есть не безличное начало». Владыка считал, что разум есть основание и «критерий всякой истины»⁴, отражаемое в человеческом «Я». Он высказывался за единство сознательной и вне сознательной (т.е. бессознательной) частей души человека. При этом в видимой природе человека дух имеет единство разума сознательного и бессознательного.

Литература

1. Карпов В.Н., Введение в философию. – СПб: Типография И. Глазунова и Ко, 1840. – 136 с.
2. Карпов В.Н. Вступительная лекция в психологию. // Христианское чтение. 1868. Ч. 1. – С. 1 – 41.
3. Карпов В.Н., Избранное. – СПб: Тропа Троянова, 2004. – 284 с.
4. Карпов В.Н., Сочинения: в 3 т. // Т. 1. / Философский рационализм новейшего времени. – Мелитополь: ООО «Издательский дом МГТ», 2013. – 355 с.
5. Никанор (Бровкович), еп. Позитивная философия и сверхчувственное бытие: в 3 т. // Т. 1. – СПб: Типография

¹ Там же. – С. 262.

² Никанор (Бровкович), архиеп. О Боговоплощении. – Странник, 1886, сентябрь. – С. 52.

³ Никанор (Бровкович), еп. Восемь бесед. – Одесса: Издательство Е.И. Фесенко, 1891. – С. 51.

⁴ Никанор (Бровкович), еп. Позитивная философия и сверхчувственное бытие: в 3 т. // Т. 1. – СПб, Типография товарищества Общественная польза, 1875. – С. 43.

товарищества Общественная польза, 1875. – 482 с.

6. Никанор (Бровкович), еп. Восемь бесед. – Одесса: Издательство Е.И. Фесенко, 1891. – 231 с.

7. Виноградов В.В., Около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М.: Азбуковник, 1999. – 1138 с.

8. Вольский Н.Н., Лингвистическая антропология. Введение в науки о человеке. Курс лекций. – Новосибирск: НГПУ, 2004. – 240 с.

9. Никанор (Бровкович), архиеп. О Боговоплощении. - Странник, 1886, сентябрь, С. 50-560.

10. Поповский Н.П., Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: в 2 т. // Т. 1. - М.: Госполитиздат, 1952. – 712 с.

11. Срезневский И.И., Материалы для Словаря древнерусского языка: в 3 Т. // Т. 2. - М.: Издательство ГИС, 1958. – Стлб. 882. – 1470 с.

The concept of personality in the philosophical and religious heritage of the Russian thinker V.N. Karpov

Sizintsev P.V.

MPDA

The article is devoted to the analysis of the ideas of speculative psychology and human consciousness in the works of Professor V. N. Karpov of the Saint Petersburg theological Academy. The purpose of the article is to examine the fundamental principles of his teaching about human self-knowledge based on his articles, lectures and comments (with an analysis of quotations used in the study of philosophical sources, works of spiritual and academic tradition and literature used). The article examines the sustainability of life consciousness in man, emphasizes his unique role in the knowledge of oneself removes the notion of consciousness as consciousness directed inwards to its nature. Self-consciousness was the main personal property of a person, it allowed to control thinking and self-determination in the conditions of freedom of thought, faith and creativity of a person.

Keywords: Professor, consciousness, man, morality, personality, community, will, self-knowledge, selfishness, dignity, spirit, God-man.

References

1. Karpov VN, Introduction to philosophy. - St. Petersburg: Printing house of I. Glazunov and Co., 1840. - 136 p.
2. Karpov V.N. Introductory lecture in psychology. // Christian reading. 1868. Part 1. - S. 1 - 41.
3. Karpov V.N., Favorites. - St. Petersburg: Troyanov Trail, 2004. -- 284 p.
4. Karpov V.N., Works: in 3 vols. // Т. 1. / Philosophical rationalism of modern times. - Melitopol: MGT Publishing House LLC, 2013. - 355 p.
5. Nikanor (Brovkovich), Ep. Positive philosophy and supersensible being: in 3 vols. // Т. 1. - St. Petersburg: Printing house of the partnership Public benefit, 1875. - 482 p.
6. Nikanor (Brovkovich), Ep. Eight conversations. - Odessa: Publisher E.I. Fesenko, 1891. - 231 p.
7. Vinogradov VV, About 1,500 words and phrases and more than 5,000 words associated with them. М.: Azbukovnik, 1999. -- 1138 p.
8. Volsky NN, Linguistic anthropology. Introduction to the sciences of man. Lecture course. - Novosibirsk: NGPU, 2004. -- 240 p.
9. Nikanor (Brovkovich), Archbishop. About the Incarnation. - Wanderer, 1886, September, S. 50-560.
10. Popovsky NP, Selected Works of Russian Thinkers of the Second Half of the 18th Century: in 2 Volumes // Vol. 1. - М.: Gospolitizdat, 1952. - 712 p.
11. Sreznevsky II, Materials for the Dictionary of the Old Russian Language: 3 T. // Т. 2. - М.: GIS Publishing House, 1958. - Stlb. 882. - 1470 s.

13 декабря 2019 года

доктору социологических наук, профессору кафедры Истории и теории социологии социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Кравченко Альберту Ивановичу

исполнилось 70 лет.

Дорогой Альберт Иванович, Российская социологическая ассоциация, коллектив социологического факультета Московского университета, редколлегия журнала «Социология» искренне поздравляет Вас с юбилеем.

Социологическое сообщество России знает и ценит Вас как выдающегося социолога, внесшего огромный вклад в развитие социологической науки и образования. Нет такой области социологического знания, в которую бы Вы не внесли своего личного вклада. За многие годы плодотворной деятельности на социологическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Вы проявили неиссякаемую энергию в подготовке и издании научных трудов (более 700) – более 430 статей и 235 книг: монографий, учебников и учебных пособий, словарей, справочников, хрестоматий: по социологии, политологии, менеджменту, культурологии, общей психологии, педагогике, социальной работе, обществознанию. Вы являетесь признанным авторитетом в издании учебников по обществознанию и социологии для 5, 6, 7, 8, 9, 10 классов средней школы, гимназий и лицеев. С 2004 года Вы являетесь зам-главного редактора журнала «Социология». Ваш личный вклад в издание журнала огромен. За это время издано 60 научных журналов объемом свыше 600 п.л. Вы подняли планку публикационной деятельности так высоко, что вряд ли кто может сравниться с Вами. Университет по достоинству оценил Ваши достижения в социологической науке, присудив Вам почетное звание Лауреата Ломоносовской премии.

За годы работы в Московском университете Вы прошли большую жизненную и профессиональную школу и зарекомендовали себя в качестве крупного, талантливого ученого, квалифицированного преподавателя и блестящего лектора. Студенты и аспиранты всегда с уважением относятся к Вам. Мы, Ваши коллеги, высоко ценим Ваш опыт и знания и дорожим общением с Вами.

Дорогой, Альберт Иванович, от всей души желаем Вам больших успехов в реализации новых научных проектов и идей.

Пусть душевная теплота, поддержка друзей и коллег, близких и родных всегда наполняет Вашу жизнь!

Мы уверены, что Ваша неиссякаемая энергия, жизненная мудрость, оптимизм, умение реализовывать и воплощать в жизнь все задуманное Вами будут способствовать и в дальнейшем успешно трудиться на благо и во имя процветания Московского университета и нашего Отечества.

Дорогой Альберт Иванович, желаем Вам всего самого доброго в жизни – много радостей, благоденствия, процветания, крепкого здоровья и долгих лет жизни!

*Российская социологическая ассоциация
Социологический факультет
Московского Государственного Универси-
тета имени М.В. Ломоносова
Редколлегия журнала «Социология»*

Table of Contents

THEORY AND METHODOLOGY

Grigoryev K.N. Classification of Poverty	4
Dobrenkov V.I. Global conflict between West and East as a result of liberal globalization	11
Kravchenko A.I. Statics and dynamics of social action	23
Medvedev P.S. Panels as a sampling strategy in sociological and marketing research ...	57
Poghosyan V. G. The concept of "modernization" as a global ideology: a flaw in social theory	63
Singaevskaya M.I. Public Opinion Management Technologies	71
Tsyganenko N.D., Fomichev I.Yu. The importance of trade unions in the formation of a stable position of civil society in the social space	81

To the 75th anniversary of the GREAT VICTORY

Vasetskiy N.A. Apology of the Great Victory. 1941-1945: Victory Day. Stalin and Putin	87
---	----

EMPIRICAL RESEARCH

Baikina Yu.O. Housing issues in the discourse of modern sociological knowledge	100
Drozdova Yu.A., Metelitskaya Yu.A. Territorial identity as a factor in the development of rural communities	106
Zhuravleva I.A., Ivanov R.V., Teterin V.V. Provincial Youth Life Guides and Strategies	117
Kozyrev G.I. Patriotism and anti-patriotism as causes of identity conflict in modern Russian society	128
Makarenko E.I., Karelina E.A. Resource approach to modern technical intelligentsia	143
Metzler A.V. Social deprivation as the main social discourse of the secondary socialization of persons with mental disorders in a stationary institution	153
Orlova O.Yu. Political socialization of youth in the context of Russian political transformations (on the example of St. Petersburg students)	160
Savitskaya Yu.P. Features of the system of value orientations of modern rural youth	166
Stoyanov A.S., Falkova V.N. Factors of a negative attitude to military service (on the example of conscripts of Kh. Khimki)	173
Shkurko Yu.S. The unifying potential of evolutionary analysis in sociological studies of social inequality	181

SOCIOLOGY OF CULTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Belevich A.A. Features of the rotation of personnel of the state civil service	190
--	-----

Vasilieva L.V. Entrepreneurship in the Public Opinion of Russians	198
Vasenina I.V., Sushko V.A. The impact of industrial infrastructure on the ecology of the region and the quality of life of the local population	205
Galynis K.I. Trends and prospects for the development of inter-municipal cooperation in the Trans-Baikal Territory and its social significance	215
Gladilina I.P., Sergeeva S.A., Kholkina N.A., Zolotukhina Yu.V., Melnikova A.V. Remote working methods: the quality of solving professional problems of procurement specialists	222
Gomtsyan O.A. Criminal subculture of minors: essence, signs	227
Gulaya T.M., Romanova S.A. The hierarchy of competencies of a modern teacher ..	234
Zavarzina Yu.V. Social modeling of economic processes in order to develop the social attractiveness of the territory	241
Zagorodni V.D. The role of symbolic capital in the formation of sociocultural values of modern youth in Russia (on the example of the Irkutsk region)	253
Istomina K.V. Sociological diagnostics of intrasystem processes in higher military educational institutions	265
Li Zhongyuan. Prospects for the exchange of experience between Russia and China in the field of public administration of the aging process	271
Luo Shuai. Formative features of the labor market and employment factors in the digital age (for example, the Chinese labor market)	275
Malykh S.V. University reputation as the basis for development	281
Martynenko E.V., Murzagaliev T. Cultural and political aspect of television propaganda in the media of Russia and Kazakhstan ...	288
Martynenko S.E. Image function of sports on the example of image formation	293
Polyushkevich O.A. The daily routine of public space in Irkutsk: social activity of citizens	299
Pruzhinin A. N. Features of the strategic development of human capital	306
Orlova O.M., Orlov A.V. Values and basic social attitudes as factors of professional activity of students studying psychology	314
Fedorenko O.Yu. The place of network culture in the general cultural space of our time	322
Tsun Lin. National Ethnic Minority Identity of China: Tibet and Xinjiang Experience ..	328
Zhang Jie. Problems and prospects of urbanization in the modern information world	334

Problems of machine ethics in the modern world. Bych E.I., Melikhov K.S.....	338
THEORY AND HISTORY OF CULTURE. PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE	
Ionov I.S. Election Philosophy: Doctrine of Predestination and "American Exclusivity"	342
Kolomeitsev I.V. Ecosystem models of global peace in reports of the Club of Rome ...	351
Musika O.A. Interpretative possibilities of a systematic approach to understanding inclusion in modern society	362
Neither Vayaan Radita Novi Puspitasari. Theory of Solidarity: A History of the Development of Concept	367
Popov V.V. Psychological time in the context of the interpretation of an "inclusive" society: the phenomenological aspect .	376
Sizintsev P.V. Speculative psychology as a science of self-knowledge of a person's personal traits in the writings of prof. SPbDA V.N. Karpova	381
ANNIVERSARY RUBRIC	
Congratulation A.I. Kravchenko	387

